

ВАЗОРАТИ КОРҲОИ ДОХИЛИИ
ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН
АКАДЕМИЯ

МАҶМУАИ МАВОДДИ КОНФЕРЕНСИЯИ
ИЛМӢ-АМАЛИИ БАЙНАЛМИЛАӢ

«15-солагии кодекси мурофиавии қиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон:
ВАЗЪИЯТ ВА ДУРНАМО»

ш. Душанбе, 03 декабри с. 2024

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«15-летие уголовного-процессуального кодекса Республики Таджикистан:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

г. Душанбе, 03 декабря 2024 г.

ВАЗОРАТИ КОРҶОИ ДОХИЛИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН
МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

А К А Д Е М И Я

Ба 15-солагии қабули Кодекси муҳофизатии ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва эълон гардидани соли 2024 «Соли маърифати ҳуқуқӣ» бахшида шудааст

**МАҶМУАИ МАВОҶДИ КОНФЕРЕНСИЯИ ИЛМӢ-АМАЛИИ
БАЙНАЛМИЛАЛӢ**

**«15-СОЛАГИИ КОДЕКСИ МУҲОФИАВИИ ҶИНОЯТИИ
ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН: ВАЗӢЯТ ВА ДУРНАМО»**

ш. Душанбе, 03 декабри с. 2024

*15-летие принятия Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан
и объявлению 2024 года «Года правового просвещения» посвящается*

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

**«15-ЛЕТИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ»**

г. Душанбе, 03 декабря 2024 г.

ДУШАНБЕ - 2025

ҲАЙАТИ ТАҲРИРИЯ / РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Раҳмадҷонзода Р.Р.	- муовини сардори Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба илм, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент, полковники милитсия (заместитель начальника Академии МВД Республики Таджикистан по науке, доктор юридических наук, доцент, полковник милиции);
Нарзуллозода С.С.	- сардори кафедраи мурофиаи ҷиноятӣ факултети № 2 Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, подполковники милитсия (начальник кафедры уголовного процесса факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, подполковник милиции);
Каримова Л.М.	- сармуҳаррири шуъбаи ташкилӣ-илмӣ ва таъбу нашри Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, полковники милитсия (главный редактор организационно-научного и редакционно-издательского Академии МВД Республики Таджикистан, полковник милиции).

15-солагии Кодекси мурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон: вазъият ва дурнамо: маҷмуаи маводди конференсияи илмӣ-амалии байналмилалӣ, ш. Душанбе, 03 декабри с. 2024 / Зери таҳр. н.и.х., генерал-майори милитсия П.А. Насуриён, д.и.х., дотсент Р.Р. Раҳмадҷонзода. – Душанбе: Нашриёти Вазорати корҳои дохилии Ҷумҳурии Тоҷикистон, 2025. – 326 с.

15-летие Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан: состояние и перспективы: сборник материалов международной научно-практической конференции, г. Душанбе, 03 декабря 2024 г. // Под ред. к.ю.н., генерал-майора милиции П.А. Насуриён, д.ю.н., доцента Р.Р. Раҳмадҷонзода. – Душанбе: Типография Министерства внутренних дел Республики Таджикистан, 2025. – 326 с.

Дар маҷмуа мақолаҳо ва маърузаҳои шишироқчиёни конференсияи илмӣ-амалии байналмилалӣ бахшида ба муайян намудани масоил ва дурнамои тақмили қонунгузори мурофиавии ҷиноятӣ, ҷиноятӣ-ҳуқуқӣ ва оперативӣ-ҷустуҷӯӣ гирд оварда шудаанд. Масъалаҳои татбиқи ҳуқуқи озодиҳои конституционии инсон ва шахрванд ҳангоми татбиқи фаъолияти мурофиавӣ-ҷиноятӣ ва оперативӣ-ҷустуҷӯӣ, нақши стандартҳои байналмилалӣ дар соҳаи ҳуқуқ ва озодиҳои инсон ва шахрванд дар заминаи татбиқи онҳо дар қонунгузори конституционӣ, ҷиноятӣ, мурофиавӣ-ҷиноятӣ ва оперативӣ-ҷустуҷӯӣ, инчунин дигар масъалаҳо марбут ба қунии қонунгузори мурофиавии ҷиноятӣ ҳам дар Тоҷикистон ва ҳам дар дигар кишварҳо ошкор ва баррасӣ карда мешаванд.

Маҷмуа барои қормандони амалия ва олимони академиявӣ, омӯзгорон, аспирантон ва донишҷӯён, инчунин доираи васеи хонандагоне, ки ба масоили тақмили қонунгузори мурофиавии ҷиноятӣ, ҷиноятӣ ва оперативӣ-ҷустуҷӯӣ тавачҷуҳ доранд, муфид мебошад.

Маърузаҳо ва мавод дар таҳрири муаллифон чоп карда шуданд. Барои саҳеҳӣ, нуррағӣ ва аслии мавод худи муаллифон масъуланд.

В сборнике собраны статьи и доклады участников международной научно-практической конференции, посвященной вопросам выявления проблем и перспектив совершенствования уголовно-процессуального, уголовного и оперативно-розыскного законодательства. Рассматриваются вопросы реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина при осуществлении уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, раскрывается роль международных стандартов в области прав и свобод человека и гражданина в контексте их имплементации в конституционное, уголовное, уголовно-процессуальное и оперативно-розыскное законодательство а также другие вопросы, связанные с актуальными проблемами уголовно-процессуального законодательства как Таджикистана, так и других стран.

Сборник может быть полезен для практических сотрудников и академической науки, преподавателей, аспирантов и студентов, а также широкого круга читателей, интересующихся проблемами развития уголовно-процессуального, уголовного и оперативно-розыскного законодательства.

Доклады и материалы опубликованы в авторской редакции. Ответственность за достоверность, полноту и оригинальность материалов несут сами авторы.

АЛАМШОЗОДА, А.А. Сухани ифтитоҳӣ	8-11
КАРИМЗОДА, У.Р. Сухани ифтитоҳӣ	12-13
АБДУРАСУЛЗОДА, А.А. Сухани ифтитоҳӣ	14-15
МУЗАФФАРЗОДА, Ш.Ш. Сухани ифтитоҳӣ	16-18
ИСКАНДАРОВ, З.Х. Сухани ифтитоҳӣ	19-21

**ТАҲҚИҚОТҲОИ ИЛМИИ ДОКТОРОН ВА НОМЗАДОНИ ИЛМҲО
НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКТОРОВ И КАНДИДАТОВ НАУК**

АБДУХАМИТОВ, В.А. Криминологические и уголовно-правовые средства предупреждения доведения до самоубийства в зарубежном и уголовном законодательстве Республики Таджикистан	22-24
АБДУХАМИТОВ, В.А. Криминологические средства предупреждения доведения до самоубийства в Республике Таджикистан	24-26
ГАВРИЛОВ, Б.Я. О современном состоянии уголовно-процессуального законодательства в вопросах обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина: сравнительно-правовой анализ УПК Российской Федерации и УПК Республики Таджикистан	27-32
ЗОИР, Қ.М., ҚОСИМОВ, Ф.М. Далелҳо дар муҳофизати ҷиноятӣ: мушкилоти масоили назариявӣ	33-37
ИСКАНДАРОВ, З.Х., АВЕЗОВА, З.Б. Ҳимояи судии ҳуқуқҳои инсон ва шаҳрванд ва аҳамияти он дар пешбурди парвандаҳои ҷиноятӣ	37-42
КОБЗАРЕВ, Ф.М. О полномочиях прокуроров в России и Республике Таджикистан по обеспечению национальной безопасности	42-46
РАХМАДЖОНЗОДА, Р.Р. 15-летие действия УПК Республики Таджикистан: подведение итогов и перспективы развития	46-54
САФАРЗОДА, А.И., КАМОЛОВ, Х.С. Баъзе масъалаҳо вобаста ба татбиқи меъёрҳои ҳуқуқи байналмилалӣ дар меъёрҳои қисми умумии ҳуқуқи ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон	54-60
ТУТЫНИН, И.Б. К вопросу о производстве по уголовному делу о преступлении, совершённом сотрудником органов внутренних дел по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан	60-64

АБДУЛЛОЕВА, М.К. Озод кардани шахсе, ки бо гумони содир намудани ҷиноят дастгир шудааст	65-69
АБДУЛХАКЗОДА, С.А. Проблемы защиты права на неприкосновенность жилища в условиях чрезвычайных ситуаций и военного положения	69-77
АБРАМОВА, Л.Л., ХУДОИЕВ, Д.А. Регламентация отдельных полномочий прокурора в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Таджикистан: сравнительно-правовой анализ	77-80

АЗИМЗОДА, Ш.Дж. Значимость исследования института прекращения уголовного дела и уголовного преследования на стадии предварительного расследования в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Таджикистан	80-85
АЛЕСКЕРОВ, В.И., КОЛОКОЛЬЧИКОВА, О.Н., ЗАЙЧЕНКО, Л.Н. Современные аспекты раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием возможностей IT- технологий	85-90
АЛЫМОВА, Е.В. Выявление признаков искажения сообщаемой информации при допросах иностранных граждан с участием переводчика: возможности психолого-лингвистической экспертизы	91-96
ANYANOVA, E.S. The issue of detention of eco-activists in international law of the sea	96-103
БОРМОТОВА, Л.В. Отдельные средства оперативно-розыскного противодействия коррупции и дальнейшее использование результатов	103-106
ГАПОНОВА, В.Н., СИЛИНА, Ю.Д. К вопросу об обеспечении психологической безопасности участников уголовного судопроизводства	107-109
ГАРИГА, О.А. Актуальные вопросы легализации результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании коррупционных преступлений	109-112
ГАФУРОВ, М.Ҳ. Бадалсозии объект бо истифода аз элементҳои забон дар пешгирии киберҷиноятҳо	112-120
ГОЛОВАЧУК, О.С. Проблемы и перспективы производства по уголовным делам частного обвинения в уголовно-процессуальном законодательстве России и Республики Таджикистан	120-123
ГРИШИН, А.В. Некоторые юридические и процессуальные аспекты содержания и порядка производства выемки	123-129
ЗОКИРЗОДА, З.Х. Проблемаҳои ташкилии ҳуқуқии иҷрои қорҳои ислоҳӣ	129-136
КАРПОВ, А.А., ХОХЛОВА, О.И. Актуальные аспекты взаимосвязи уголовного материального и процессуального права: теоретические представления и особенности применения	136-139
КАРПОВА, О.В. Исчисление срока задержания по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации и уголовно-процессуальных кодексов отдельных зарубежных стран	139-144
КУЛЬЧАРОВА, А.В. Актуальные проблемы производства опознания в случаях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего	144-146
КУФЛЕВА, В.Н. «Совершение преступления» как уголовно-правовое понятие.....	146-153
ЛИФАНОВА, Л.Г. Неоднозначность правовой регламентации норм о тайне предварительного расследования	153-156
МЕДИЙЕВ, R.A., МАМУРБАЕВ, A.ZH. Uniform standards for video recording of interrogations: legal and practical approaches based on the experience of the US	157-160
НАЗАРКУЛОВА, Ч.Н., ТАБАЛДИЕВА, К.К. Полномочия следственного судьи в уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики	161-166
НУЖДИН, А.А. Предупредительное значение уголовно-процессуального законодательства – краткий сравнительный анализ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан	166-169
НУРКАЕВА, М.К. Особенности допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации и законодательству некоторых стран ближнего зарубежья	169-174

ОБИДОВ, Д.С. Становление института уголовного судопроизводства в исламе (историко-правовое исследование)	174-176
ОВСЯННИКОВ, Ю.В. Сравнительно-правовой анализ основания к возбуждению уголовного дела по УПК Российской Федерации и УПК Республики Таджикистан	176-181
ПЕРЕВЕРЗЕВ, М.М. Попытка как недопустимый и неэффективный способ получения информации при расследовании преступлений	181-183
ПЕТРОВА, О.В. Сравнительно-правовой анализ правового регулирования производства по делам о преступлениях несовершеннолетних в уголовном процессе Таджикистана и Беларуси	183-187
ПОПОВА, И.П., КАРСАКОВ, А.В. Некоторые вопросы противодействия злоупотреблению правом на защиту	188-192
РАХМАТУЛОВ, А.Э., ҚАЛАНДАРОВА, М.Д. Таъмини кафолатҳои ҳуқуқи манфиатҳои иштирокчиёни муҳофизати судии ҷиноятӣ ва шахсонӣ дар ҳангоми интиҳоб ва татбиқи қарорҳои пешгирӣ	192-196
САХАНОВА, Н.Т., ДЛИМОВ, А.А. Роль допроса в структуре досудебного производства	196-199
СИДОРОВА, Е.З. О значимости и реализации принципа законности в уголовно-процессуальном праве	199-202
ТОҲИРЗОДА, О.Т. Муаммоҳои истифодабарии имкониятҳои зехни сунъӣ дар вақти муҳофизати ҷиноятӣ	202-205
УСМАНОВА, Ш.Ф., НУРАЛИЕВ, Д.А., РОХИМОВА, Ш.О. Семейное насилие в современном обществе	206-208
ШАРИФЗОДА, Р.Ф. Таҳлили муқоисавӣ-ҳуқуқии ҷиноятӣ дар ҳаҷат мондан мутобиқи қонунгузориҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон ва кишварҳои аъзои ИДМ	208-210
ШАУТАЕВА, Г.Х. Принцип неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве России и Республики Таджикистан (сравнительно-правовой анализ)	210-214
ШУКҶОРИ, Ш.Т.О., ШУКҶОРИ, М.Ш.О. Взаимодействие судебной власти с другими правоохранительными органами	214-217
ЯНИН, С.А. Процессуальная проверка фактов противоправных посягательств на культурное наследие: проблемы и перспективы	217-220

ТАҲҚИҚОТҲОИ ИЛМИИ ПРОФЕССОРОНУ ОМЎЗГОРОН
НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА

БОНДАРЬ, М.М. Подозрение как этап уголовного преследования	221-223
БУРҶОНОВ, С.С. Мафҳум ва намуди ҷиноятҳо дар соҳаи иқтисодиёт	223-225
ДАВЛАТЗОДА, Х.М., СУНАТУЛЛОЗОДА, У.С. Вопросы применения гражданского иска в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан	226-233
ДАВЛАТЗОДА, Х.М., НЕКРУЗИ Х. Марҳилаҳои таърихӣ ва рушди кодекси муҳофизати ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон (таҳлили мухтасар)	233-236
КАБИРЗОДА, Г.Қ. Хусусиятҳои баррасии парвандаҳои айбдоркунии хусусӣ дар суд	236-239
КАТРИЧ, А.А. Сравнительный анализ процессуального порядка производства обыска по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан	139-141
КУРИЧКОВ, Д.О. Субъективная сторона фактического и юридического состава преступления против собственности как основание уголовной ответственности	242-245

МИРЗОХОЧАЕВ, И.Х. Мафҳум ва аҳаммияти институти преюдитсия дар низоми ҳуқуқ	245-249
НАҶМИДДИНОВ, Ҳ.Қ. Табиати ҳуқуқии ҷиноятӣ қаллобӣ ва фарқияти он аз дигар ҷиноятҳои ба он монанд	249-253
СУЛАЙМОНЗОДА, Р.Н. Тартиби муурофиявии пурсиши шохид дар пешбурди парвандаи ҷиноятӣ	253-256
ХАМРОЗОДА, М.З. Понятие потерпевшего в уголовно-процессуальных кодексах государств-участников Содружества Независимых Государств (сравнительно-правовой аспект)	257-258
ХОЧАЕВА, Н.Б. Танзими ҳуқуқии сарчашмаҳои электронии иттилоот дар Кодекси муурофиявии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон	259-263
ХУСАИНОВА, Ш.М. Аҳаммияти кафолати конститутсионии таъмини дахлнопазирӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон	263-266
ЧЕРЕМНЫХ, В.Ю. Международная практика применения искусственного интеллекта при мотивировании судебных решений в уголовном процессе	266-269
ШАРИФЗОДА, Б.Р., ШАРИФЗОДА, П.Р. Понятие «следователь» в уголовно-процессуальном законодательстве государств-участников Содружества Независимых Государств (сравнительно-правовой анализ)	269-271

**ТАҲҚИҚОТҲОИ ИЛМИИ АДЪЮНКТОН, АСПИРАНТОН
ВА МАГИСТРАНТОН
НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АДЪЮНКТОВ, АСПИРАНТОВ И МАГИСТРАНТОВ**

АБДУЛЛОБЕКЗОДА, Т.А. Использование электронной информации в уголовном процессе в качестве доказательства по делу, в том числе ее правовое регулирование	272-276
АЛИЗОДА, А.А. Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству США	276-280
АНВАРЗОДА, С.А. Аҳаммияти натиҷаҳои ҷорабиниҳои оперативӣ-ҷустуҷӯӣ дар муурофияи ҷиноятӣ	280-284
ДЕНИСОВ, Е.А. Регламентация следственных документов по законодательству Республики Таджикистан	284-286
ДЖАЛИЛОВ, Ф.М. Проблемы, связанные с признанием доказательств, недопустимых в уголовном судопроизводстве	286-288
ДЖУРАЕВА, М.С. Институт иных участников уголовного судопроизводства в Республике Таджикистан и Российской Федерации	289-292
ЖУРАВЛЕВ, А.А. Возмещение причиненного преступлением ущерба должно начинаться на этапе доследственной проверки	293-295
ЗВЕРЕВА, А.В. Значение результатов оперативно-розыскной деятельности на этапе проверки сообщения о преступлении	296-298
ИНОЯТЗОДА, А.И. Таҳлили назариявии шартҳои бе иштироки судшаванда баррасӣ шудани парвандаи ҷиноятӣ	298-301
МЫРЗАГУЛОВ, Н.М. Вопросы совершенствования следственно-оперативной практики по противодействию незаконному обороту оружия	301-307
НАИМОВ, С.С. О подходах к совершенствованию института возбуждения уголовного дела в УПК Республики Таджикистан	307-312
СЛЮСАРЕНКО, Е.С. Теоретические аспекты применения норм уголовно-процессуального закона о приостановлении предварительного следствия	312-316

Урфонзода, Д.С. Нақши принсипи эҳтимолияти бегуноҳӣ дар вақти баровардани ҳукм	316-318
Шарифзода, Х.Ш. Современное состояние обеспечения безопасности участников досудебного уголовного процесса Республики Таджикистан	319-322
Шатов, Н.А. Сравнительно-правовой анализ порядка избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу в России и Республике Таджикистан	322-324

СУҲАНИ ИФТИТОҲӢ

АЛАМШОЗОДА А.А.

Муовини якуми Вазири корҳои дохилии Ҷумҳурии Тоҷикистон,
генерал-лейтенанти милитсия

Мухтарам ҳозирин, иштирокчиёни конференсия, иҷозат фармояд ташрифи меҳмонони гиромикадрро чиҳати иштирок ва бо маъруза баромад намудан дар чорабинии мазкур хайрамақдам гуфта, изҳори миннатдорӣ баён намоям.

Дустон ва ҳамкасбони азиз, Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон мухтарам Эмомалӣ Раҳмон санаи 28 декабри соли 2023 дар Паёми навбатии худ ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи самтҳои асосии сиёсати дохилию хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон» пешниҳод намуданд, ки соли 2024 ҳамчун «Соли маърифати ҳуқуқӣ» эълон гардад. Албатта, иқдоми Пешвои муаззами миллат оид ба эълон намудани соли 2024 «Соли маърифати ҳуқуқӣ» саривақтӣ буда, на танҳо дар баланд бардоштани донишҳои ҳуқуқии сокинони мамлакат, балки баҳри тақомули тафаккури ҳуқуқии кормандони мақомоти ҳифзи ҳуқуқ нақши басо муассир дорад.

Имрӯз мо дар шароите зиндагӣ мекунем, ки баъди талошу кӯшишҳои зиёд, таҳти сиёсати хирадмандона ва бунёдкоронаи Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ, Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, мухтарам Эмомалӣ Раҳмон, ба як давлати мустақил ва бонуфуз дар арсаи ҷаҳонӣ соҳиб гардидем.

Сол аз сол боло рафтани иқтисодии давлату Ҳукумат, беҳтар гардидани шароити зиндагии мардум ва авҷи тараққиёти иқтисодии саноат, ба беҳдошти шароити моддӣ-маишӣ ва хизматрасонии кормандони мақомоти ҳифзи ҳуқуқ мусоидат намуда, тамоми имкониятҳо барои хизмат фароҳам оварда шудаанд.

Муқовимат ба ҷинояткорӣ яке аз самтҳои афзалиятноки давлат ба ҳисоб рафта, ба таъмини амну суботи кишвар рушди соҳаҳои муҳими давлат ғайримон аст.

Мо шоҳиди он ҳастем, ки дар замони муосир роҳи усулҳои содиршавии ҷиноят куллан тағйир ёфта, он бо дарназардошти ҷараёнҳои ғирифтани равандҳои ҷаҳонишавӣ, таҳдидҳои навро ба осудагии ҷамъияту давлат эҷод мекунад.

Дар ин ҷода пурзӯр намудани механизми давлатӣ оид ба муқовимат ба ҷинояткорӣ зарур мебошад. Ҳамзамон воситаҳои барои ин фаъолият бояд, ки ба принципҳои фаъолияти давлати ҳуқуқбунёд мувофиқ ва аз нуқтаи назари эҳтироми шаъну шарафи шахс, ба роҳ монда шаванд.

Мақсаднок ва бобарор будани ин ҳадаф бе шубҳа аз пурра, ҳаматарафа ва ҳолисона тафтиш кардани ҳолатҳои ҳар як ҷинояти содиршуда вобастагӣ дорад, зеро дар акси ҳол боварии ҷомеа ба сохторҳои ҳифзи ҳуқуқ коста мегардад.

Амали намудани ин вазифаи пурмасъул ба зиммаи дастгоҳҳои тафтишотии мақомоти ҳифзи ҳуқуқ, аз ҷумла муфаттишон ва таҳқиқбарандагон вогузор карда шудааст.

Бояд тазакур дод, ки нақши фаъолияти тафтиши ҷиноятҳои муҳим буда, аз пешбурди ҳамҷониба, пурра ва ҳолисонаи парвандаи ҷиноятӣ вобастагии зич дорад.

Барои мукамал намудани ин фаъолияти мураккаб ва пурмасъул зарурияти муҳокимаи натиҷаҳои тадқиқоти илмӣ ва таҳлилҳои таҷрибаи амалишавии қонунгузори муҳофизагии ҷиноятӣ ба миён омадааст.

Дар ин ҷода мехостам дастури супоришҳои Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ, Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, мухтарам Эмомалӣ Раҳмонро,

ки санаи 13 марти соли 2018 дар мулоқот бо кормандони мақомоти прокуратура, дода шуда буданд хотиррасон намоям.

«Вазъи тафтиши парвандаҳои қиноятӣ ва назорат аз болои таҳқиқи тафтиш ба талабот пурра ҷавобгӯӣ набуда, ҳолатҳои кашолкорӣ дар тафтиши парвандаҳо, тафтиши нопурра ва яктарафаи парвандаҳои қиноятӣ, бандубасти нодурусти кирдори айбдоршавандагон, набурдани назорати прокурорӣ барои барқарор кардани зарар ва аз тарафи судҳо ба тафтиши иловагӣ баргардонидани парвандаҳои қиноятӣ кам нестанд».

Муҳтарам ҳозирин.

Ҳолати воқеии мавҷудбуда аз он гувоҳӣ медиҳад, ки сифати тафтишоти пешакӣ қаноатбахш намебошад. Масалан, то ҳол ҳолатҳои зерин мавҷуд мондаанд:

- бармаҳал оғоз намудани парвандаҳои қиноятӣ;
- беасос оғоз намудани парвандаҳои қиноятӣ;
- беасос ба ҷавобгарии қиноятӣ кашидани шаҳрвандон;
- беасос тӯл кашидани тафтиши парвандаҳои қиноятӣ;
- пурраву ҳаматарафа тафтиш нагардидани ҳолатҳои қиноят, ки боиси ба тафтиши иловагӣ баргардонидани парвандаҳо мегарданд;
- такрор ба такрор ба мақомот даъват гардидани шаҳрвандон;
- суст ба роҳ мондани ҳамкориҳои муфаттиш бо мақомоти таҳқиқ;
- қабули қарорҳои ғайриқонунӣ аз ҷониби муфаттишон ва ғайра.

Дигар камбудие, ки дар раванди тафтишот ҷой дорад, ин аз ҷониби муфаттишон зоҳир намудани беҳаракатӣ ва сахлангорӣ ҳангоми тафтиши парвандаҳои қиноятӣ мебошанд, ки аз рӯи ҳодисаи рӯйдода оғоз карда шудаанд (по факту). Дар ин маврид муфаттишон дар ҷараёни тафтишот, ва асосан баъди боздоштани парвандаи қиноятӣ, ҷиҳати дарёфти қинояткорон қариб, ки ҳаракатҳои заруриро анҷом намедиханд, ё ин ки ба назди кормандони оперативӣ вазифаҳои мушаххасро ҷиҳати дарёфт намудани шахси гунаҳгор намегузоранд ва бо ин раванд роҳбарӣ намекунанд.

Ё ин ки, агар қинояткор маълум бошад ҳам ва ӯ аз мақомоти таҳқиқ, тафтиш ва суд пинҳон шуда бошад, муфаттишон қарорро ҷиҳати ба ҷустуҷӯи расмӣ эълон кардани қинояткор дер мебароранд. Ин бошад, боиси дер оғоз кардани парвандаи ҷустуҷӯӣ мегардад.

Чунин кашолкорӣҳо албатта шароити мусоидаткунандаро барои ба хориҷи кишвар фирор кардани қинояткор фароҳам меоварад, ё ин ки боиси содир намудани дигар қиноятҳо аз ҷониби ӯ мегардад.

Бо дарназардошти хусусияти ҷаҳонӣ гирифтани қинояткорӣ ва хатару таҳдидҳои муосир, ки аз экстремизм ва терроризми байналмилалӣ бармеоянд, ин гуна муносибат албатта боиси коҳиш ёфтани натиҷаҳои муқовимат ба қинояткорӣ мегардад. Проблемаҳои тафтишот албатта бо ин маҳдуд намегарданд.

Муҳтарам ҳозирин.

Барои бартараф намудани камбудии соҳаи тафтишот, ки он низ, ман боварӣ дорам, инчунин аз камбудии самти фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ вобастагӣ дорад, тамоми мақомоти ҳифзи ҳуқуқи кишвар бояд саъю талош намоянд.

Бартараф намудани чунин камбудии танҳо бо роҳи яққоя намудани донишҳои назариявӣ (соҳавӣ) ва амалии мақомоти тафтишотӣ имконпазир аст.

Ҳамин тариқ, ҳадаф аз баргузориҳои конференсияи мазкур пеш аз ҳама ин рушд додани илм ва амалияи тафтишотӣ дар Тоҷикистон ва ба даст овардани ҳуҷум ва пешниҳодоти илман асоснок оид ба мукамалгардонии қонунгузорӣ ва амалияи ҳуқуқатбиқкунии мақомоти тафтишоти пешакӣ мебошад.

Конференсияи илмӣ-амалии байналмилалӣ имрузаи мо низ дар заминаи иқдоми болозикр бо мақсади ҳаматарафа таҳлил намудани масоили мубрами илм ва амалияи мувофиқи судии қиноятӣ ва коркарди тақлифҳои судманд равона шудааст.

Масоили пешбинишудаи мавзӯҳои барномаи кори конференсия фарогири он ҳадафҳое мебошанд, ки дар дурнамои наздик бояд ҳалли худро ёбанд.

Меҳмонони мухтарам, ҳамкасбон ва ҳозирин!

Боиси хушнудист, ки дар Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, гузаронидани конференсияҳои байналмилалӣ илмӣ-амалӣ ва ҳамоишҳои дахлдор бахшида ба мавзӯҳои баҳснок ва ҳалталаби амалияи мақомоти судӣ ва ҳифзи ҳуқуқ, ҳамчун анъана пешбарӣ карда мешавад.

Боварии комил дорам, ки ҳамоиши илмӣ имрӯза, ба мо имконият фароҳам меоварад, ки бо дарки масъулият мавқеи инкишофи амалия ва назарияи муурофиаи судии ҷиноятиро дар даврони соҳибистиклолии кишвари азизамон Тоҷикистон муайян намуда, камбудӣҳо ва масоили ҳалталаби қонунгузорию муурофиавии ҷиноятиро муҳокима ва баҳогузори намоем. Самтҳо ва мавзӯҳои, ки дар конференсияи имрӯза муҳокима карда мешаванд, бешубҳа ба таъмин намудани ҳуқуқу озодиҳои шаҳрвандон, алоқаманд мебошад. Аз ҷумла, масъалаҳои фаъолияти кормандони мақомоти ҳифзи ҳуқуқ дар татбиқ намудани меъёрҳои кодекси муурофиавии ҷиноятӣ, мушкилиҳои дар амалия ҷойдошта ва пешниҳодҳо оид ба бартараф намудани онҳо, дида баромада мешаванд.

Ислоҳоти қонунгузорию муурофиавии ҷиноятӣ, дар навбати худ, яке аз муҳимтарин шартҳои таъмини қонуният дар муурофиаи судии ҷиноятӣ мебошад. Зеро Кодекси муурофиавии ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон санади асосии ҳуқуқӣ мебошад, ки раванди муурофиаи ҷиноятиро дар кишвар танзим мекунад. Таърихи он ба таҳаввулоти ҳуқуқии пас аз Истиқлоли Ҷумҳурии Тоҷикистон вобастагӣ дорад. То соли 1991, низоми ҳуқуқии Тоҷикистон як қисми ҳуқуқи Иттиҳоди Шуравӣ буд. Кодекси муурофиавии ҷиноятии Ҷумҳурии Шуравии Сотсиалистии Тоҷикистон, ки соли 1961 қабул шуда буд, ҳамчун ҳуҷҷати асосии танзимкунандаи муурофиаи судии ҷиноятӣ амал мекард. Кодекси муурофиавии ҷиноятии соли 1961, ки то соли 2010, амал мекард, ба талаботи замона ҷавобгу набуд, баъзан муқаррароти он бо меъёрҳои дигар соҳаҳои ҳуқуқ, муҳолифат мекарданд ва дар амалия мушкилиҳоро ба миён меовард. Пас аз ба даст овардани истиқлолият, Тоҷикистон ниёз ба ислоҳоти куллии низоми ҳуқуқии худ дошт ва қадами навбатии устувор гузошт.

Соли 2009, пас аз як давраи омодагии тӯлонӣ, лоиҳаи нави Кодекси муурофиавии ҷиноятӣ таҳия ва қабул гардид. Он моҳи апрели соли 2010 расман мавриди амал қарор гирифт. Ин Кодекс аз назари шакл ва мазмун як санади ҳуқуқии комилан нав буд, ки ба талаботи замони муосир ва меъёрҳои байналмилалӣ мутобиқ гардид. Эътирофи принсипи баробарии тарафҳо дар муурофиаҳои ҷиноятӣ, шаффофияти муурофиа ва имкони иштироки ҷомеаи шаҳрвандӣ, таъмини кафолати ҳуқуқҳои инсон, аз ҷумла ҳуқуқ ба ҳимоя ва муурофиаи одилона, ҷорӣ намудани қоидаҳои истифодаи далелҳои рақамӣ ва дигар технологияҳои нав ҷанбаҳои асосии ин Кодекс маҳсуб меёбанд. Қонуни муурофиавии ҷиноятии амалкунанда, дастовардҳои замона ва илмиро дар бар гирифтааст ва як қатор мушкилиҳои ҷой дошта дар он бартараф карда шудаанд. Азбаски коркард ва такмил додани муқаррароти алоҳидаи он, метавонанд, ба фаъолияти мақомоти ҳифзи ҳуқуқ сари вақт кушодан ва объективона тафтиш намудани ҷиноятҳо сахм мегузорад, пас аз қабул, Кодекси муурофиавии ҷиноятӣ борҳо тағйирот ва иловаҳоро дар бар гирифт, ки ба ҳадафи беҳтар намудани татбиқи он равона шуда буданд.

Мухтарам иштирокчиёни конференсия, ҳарчанд Кодекси муурофиавии ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон ба талаботи замони муосир мутобиқ гардида бошад ҳам, барои боз ҳам мукамал ва ҷавобгӯ гардонидани он ба стандартҳои ҷаҳони муосир, инчунин баҳри самаранок амалӣ гардонидани фаъолияти муурофиавии ҷиноятӣ андешидани ҷунин тадбирҳо аз манфиат холӣ нест:

1. Ҷорӣ намудани технологияҳои муосир:

- Ҷоннок намудани низоми электронии сабти парвандаҳо ва назорати онҳо;
- Ташкили платформаҳои маҷозӣ барои муурофиаҳои фосилавӣ, ки дастрасиро барои аҳолии минтақаҳои дурдаст осон менамояд.

2. Такмили моддаҳои Кодекс ва мутобиқсозӣ ба стандартҳои ҷаҳонӣ:

- Мукамалгардонии меъёрҳои қонунгузории муурофиавии ҷиноятӣ бо дарназардошти таҷрибаи ҷаҳонӣ;
- Ташаккули механизми таҷрибаи фаъолияти амалии муурофиавии ҷиноятӣ барои риояи ҳуқуқҳои инсон дар раванди муурофиаҳо.

3. Баланс бардоштани сатҳи касбияти мутахассисони соҳа ва такмили ихтисоси онҳо:

- Коркард ва нашри барномаҳои омӯзишӣ бо дастгирии мақомоти дахлдори давлатӣ ва шарикони рушд;
- Ташкил намудани курсҳои махсус барои судяҳо, прокурорҳо, муфаттишон ва таҳқиқбарандагон дар самти истифодаи технологияҳои муосир ва баррасии парвандаҳои мураккаб.

Иштирокчиёни муҳтарам!

Такмил додани қонунгузории муурофиавии ҷиноятӣ ва дигар қонунҳои марбута ба татбиқи яхелаи онҳо, бартараф намудани монеаҳои зиёдатӣ, аз ҷумла такмили марҳилаҳои судӣ, роҳ надодан ба кашолкорӣ ва умуман самаранокии фаъолияти мақомоти ҳифзи ҳуқуқ ва суд барои таъмини риояи ҳуқуқи озодиҳои конститутсионии инсон ва шаҳрванд, ҳимояи манфиати давлат, корхонаҳо, муассисаҳо ва дигар ташкилот, амалӣ гардидани қонунҳо ва таъмини адолати иҷтимоӣ мусоидат менамояд.

Дар интиҳо ба иштирокчиёни конференсияи илмӣ-амалии байналмилалӣ изҳори сипос ва ба кори он муваффақиятҳои беназир орзу менамоям. Итминони комил дорам, ки конференсияи имрӯза дар сатҳи баланди касбӣ баргузор гардида, фикру ақида ва тавсияҳои, ки дар баромадҳои иштирокчиён, ироа карда мешаванд, ба такмил додани қонунгузории муурофиавии ҷиноятӣ, истифодаи он дар ҷараёни таълим ва фаъолияти амалии мақомоти судӣ ва ҳифзи ҳуқуқи кишвари азизамон мусоидат хоҳад кард.

СУҲАНИ ИФТИТОҲӢ

КАРИМЗОДА У.Р.

муовини якуми Прокурори генералии Ҷумҳурии Тоҷикистон,
мушовири давлатии адлияи дараҷаи 3

Муҳтарам иштирокчиёни Конференсия!

Муҳтарам ҳозирин!

Пеш аз ҳама миннатдории роҳбарияти Агентии назорати маводи нашъаовари назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистонро ба созмондиҳандагони конференсияи имрӯза илмӣ-амалии байналмилалӣ, ки бахшида ба 15-солагии қабули Кодекси муурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон ва эълон гардидани “Соли маърифати ҳуқуқӣ” гузаронида мешавад, барои даъват ҷиҳати иштирок дар чунин чорабинии муҳим изҳор намуда, ба ширкаткунандагони он барору комёбӣ таманно менамоем.

Шурӯъ аз соли 2001 то инҷониб, яъне дар 24 Паёми Пешвои миллат, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон ба масъалаҳои қонуният, тартиботи ҳуқуқӣ, пешгирии ҷинояту ҷинояткорӣ, бартараф кардани омилҳои коррупсионӣ, муқовимат бо экстремизму терроризм, пешгирии гардиши ғайриқонунии маводи муҳаддир таваҷҷуҳи махсус зоҳир гардида, ин падидаҳои манфии ҷамъиятӣ аз нигоҳи интиқоди баҳогузорӣ мегарданд. Хушбахтона бо ҳидояту роҳнамоиҳои Пешвои муаззами миллатамон ва фаъолияти пурмаҳсули мақомоти ҳифзи ҳуқуқ ва қудратии кишвар мо марҳила ба марҳила ба ин рӯзҳои нақб расидем. Маҳз Соли маърифати ҳуқуқӣ эълон гардидани соли 2024 баҳри боз ҳам амиқтар дарк намудани моҳияти қонунгузории кишвар аз ҷониби мақомоти давлатӣ заминаи мусоиде ба ҳисоб мерафт, ки он барои ҷомеаи демократӣ ва таъмини волоияти ҳуқуқу тартибот нақши аввалиндараҷаро мебозад.

Ба ҳамагон маълум аст, ки Кодекси муурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки санаи 3 декабри соли 2009 қабул карда шудааст, ҳуҷҷати муҳими ҳуқуқиест, ки тавассути он равандҳои муурофия ва тадбирҳои ҳуқуқии марбут ба парвандаи ҷиноятӣ танзим мегардад. Мақсади Кодекси мазкур таъмин намудани адолат дар раванди муурофияи ҷиноятӣ, ҳимояи ҳуқуқи инсон ва пешгирии ихтилофхотҳо дар раванди муурофия маҳсуб меёбад. Тартиби муқаррарнамудани қонунгузории муурофиавии ҷиноятӣ барои суд, мақомоти прокуратура, тафтиши пешакӣ ва таҳқиқ, инчунин барои иштирокчиёни муурофияи ҷиноятӣ ҳатмӣ мебошад. Кодекси мазкур санаи 1 апрели соли 2010 мавриди амал қарор дода шуд ва се қисмати асосиро фароғир аст: қисми умумӣ, қисми махсус (пешбурди тосудӣ) ва қисми пешбурди судӣ. Кодекс иборат аз 12 фасл, 50 боб ва 486 модда мебошад.

Ҳамин тариқ, метавон гуфт, ки санади асосии танзимкунандаи пешбурди истеҳсолот оид ба парвандаи ҷиноятӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ин Кодекси муурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон мебошад. Маҳз бо амалӣ намудани вазифаҳои худ, ки иборат аз муқаррар кардани тартиби пешбурди парвандаҳои ҷиноятӣ, ҳимояи ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шахрванд, ҳимояи манфиатҳои ҷамъият, давлат ва ташкилотҳо, ки аз ҷиноят зарар дидаанд, сари вақт ва пурра ошкор намудани ҷиноят, ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашидани шахси ҷиноят содирнамуда, ҳалли одилонаи масъалаҳои баррасишаванда дар суд, риоя намудани меъёрҳои муурофиавӣ ҳангоми татбиқи қонуни ҷиноятӣ, кафолати ҳимояи манфиати қонунии иштирокчиёни муурофияи судии ҷиноятӣ ва шахсони дигар, қонунгузории

муурофиавии ҷиноятӣ нақши мустаҳкамаи худро дар низоми қонунгузории кишвар нишон додааст.

Маҳз дар раванди Истиқлоли давлатӣ, ки раванди кодификатсияи қонунгузории амалкунанда ба вуқӯъ пайваст, қонунгузории муурофиавии ҷиноятӣи Ҷумҳурии Тоҷикистон низ ба тағйиротҳо дучор гардид. Маҳз дар аксарияти меъёрҳои он тағйиротҳо ворид гардид, ки ин ҳам гувоҳ аз ташаккули муносибатҳои ҷамъиятӣ дар ин самтро дар назар дорад. Танзимнамоии фаъолияти муурофиавии ҷиноятӣ тавассути меъёрҳои ҳуқуқи муурофиавии ҷиноятӣ сурат мегирад. Ин меъёрҳо қоидаҳои умумихатмии рафтори иштирокчиёни муурофиавии ҷиноятӣ мебошад, ки дар қонуни муурофиавӣ муқаррар гардида иҷроиши онҳоро давлат таъмин менамояд. Маҳз бо сипари гардидани 15 сол аз қабули Кодекси мазкур баҳри таъмини ҳуқуқи иштирокчиёни муурофиавии ҷиноятӣ ва тартиби дурусти пешбурди парвандаи ҷиноятӣ аз ҷониби қонунгузории муурофиавии ҷиноятӣ тадбирҳои мушаххас роҳандозӣ гардидааст.

Дар маҷмӯъ қабули КМҶ-и Ҷумҳурии Тоҷикистон, рӯйдоди муҳим дар ҳаёти кишвар буда, раванди инкишофи онро дар роҳи ташкили давлати ҳуқуқбунёд ва демократӣ вусъат медиҳад.

СУҲАНИ ИФТИТОҲӢ

АБДУРАСУЛЗОДА А.А.

Сардори Раёсати тафтишоти Вазорати корҳои дохилии Ҷумҳурии Тоҷикистон,
генерал-майори милитсия

Муҳтарам хозирин, ҳамкасбони азиз, иштирокчиёни конференсия!

Иқозат фармояд ташрифи Шумо меҳмонони гиромикадрро ба конференсияи илмӣ-амалии байналмилалӣ дар мавзӯи «15-солагии Кодекси муурофиавии ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон: вазъият ва дурнамо», ки ба 15-солагии қабули Кодекси муурофиавии ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон бахшида шудааст, хайрамақдам гуфта, ба шумоён изҳори миннатдорӣ баён намоям, ки имконият ёфта, тавонистед дар кори конференсияи имрӯзаи мо иштирок намоед.

Ҳаёти зеҳнии конференсияи илмӣ-амалии байналмилалии имрӯзаро шумораи васеи олимон ва мутахассисони ҳам ватанӣ ва ҳам хориҷӣ ташкил медиҳанд. Умедворам, ки чорабинии имрӯза ҷолиб, хотирмон ва яке аз рӯйдодҳои муҳим хоҳад монд, ки мо онро муддати тӯлонӣ ба ёд меорем ва на танҳо аз он сабаб, ки конфронс аз ҷиҳати гирифтани донишҳои нав ва табодули таҷриба ҷолиб аст, балки баргузори он барои наздик кардани ҳам нуқтаи назари касбӣ ва ҳам робитаҳои дустана як имконияти хуб мебошад.

Конференсияи илмӣ-амалии байналмилалии имрӯза дар заминаи эълон гардидани соли 2024 ҳамчун «Соли маърифати ҳуқуқӣ» ташкил ва баргузор гардида, ба мақсади ҳаматарафа ва дуруст таҳлил намудани проблемаҳои мушаххаси қонунгузори муурофиавии ҷиноятӣ равона гардида, масоили пешбинишудаи мавзӯҳо фарогири он ҳадафҳои мебошанд, ки дар дурнамои наздик бояд ҳалли худро ёбанд.

Итминони комил дорем, ки ҳамоиши илмии имрӯза ба мо имконият фароҳам меоварад, ки бо дарки масъулият мавқеи инкишофи ҳам амалия ва ҳам назарияи муурофиаи ҷиноятиро дар фазои пасошӯравӣ муайян намуда, камбудихо ва масоилҳои ҳалталаби қонунгузори муурофиавии ҷиноятиро муҳокима ва баҳогузорӣ намоем.

Гузaronидани ингуна конференсияҳо дар сатҳи байналмилалӣ барои ҳамоҳанг ва якҷоя намудани қонунгузори муурофиавии ҷиноятии давлатҳои иштирокчиёни Иттиҳоди давлатҳои муштаракулманофеъ боз як такони ҷиддие мебахшад. Ман сидқан ба ҳамаи иштирокчиёни ҳамоиши байналмилалӣ дар кори конференсия бурдборӣ орзу менамоям.

Боиси сарфарозист, ки Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон якҷо бо Раёсати тафтишотӣ дар ташкил ва баргузор намудани чунин конференсияҳои сатҳи байналмилалӣ пешқадам буда, бо ин восита дар такмил додани низоми қонунгузорӣ саҳми хешро пайваста мегузorem. Гузаронидани ин чорабинӣ далели амалӣ шудани ташаббусҳои созандаи қормандони ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон мебошад.

Итминон дорем, ки натиҷаи ҳамоиши имрӯза низ ба масъалаҳои фаъолияти қормандони мақомоти хифзи ҳуқуқ дар татбиқ намудани меъёрҳои Кодекси муурофиавии ҷиноятӣ ва ҳамзамон ҳалли мушкилиҳои дар амалия ҷойдошта бетаъсир намонад.

Ҳозирини гиромӣ!

Ташкили конференсияи илмӣ-амалии байналмилалӣ дар мавзуи «15-солагии Кодекси муурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон: вазъият ва дурнамо», ки ба 15-солагии қабули Кодекси муурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон бахшида шудааст, бори дигар аз он шаҳодат медиҳад, ки Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон, Вазорати корҳои дохилии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон дар меҳвари фаъолияти худ мақсади бозҳам мустаҳкамтар намудани мавқеи қонунгузории муурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон, рушд ва такмили онро пеша намудааст.

Ман ба кори конференсия ва иштирокчиёни он дар роҳи расидан ба ҳадафи олӣ, яъне таъмини волоияти қонун, барқарории доимии адолати судӣ ва хифзу эҳтиром ба ҳуқуқи озодиҳои инсон ва шаҳрванд муваффақият орзу менамоям.

СУҲАНИ ИФТИТОҲӢ

МУЗАФФАРЗОДА Ш.Ш.

сардори Раёсати назорати иҷрои қонунҳо дар мақомоти корҳои дохилӣ ва назорати маводди нашъаовари Прокуратураи генералии Ҷумҳурии Тоҷикистон,
мушовири давлатии адлияи дараҷаи 3

Мухтарам ҳозирин,

Қабули Кодекси нави муурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон 3 декабри соли 2009 яке аз муҳимтарин рӯйдодҳо дар ҳаёти ҳуқуқии кишвар маҳсуб меёбад.

Аз қабули ин санади муҳим инак 15 сол пур мешавад.

Воқеан ҳам вақти он расидааст, ки мо дастовардҳои ин санад ва амалияи татбиқи онро муҳокима намуда, пешомадҳои рушди онро муайян намоем.

Дар сатҳи байналмилалӣ гузаронидани конференсияи мазкур, имкони шунидани фикру ақидаҳои олимон ва коршиносони кишварҳои атроф ва созмонҳои байналмилалиро фароҳам оварда, қиммати чорабинии мазкурро дучанд меафзояд.

Аз ин лиҳоз, бо истифода аз фурсат, ба роҳбарияти Вазорати корҳои дохилӣ ва Академияи ВКД ҷиҳати баргузор намудани ин чорабинии басо арзишманд миннатдорӣ баён менамоем.

Боиси қайд аст, ки Кодекси муурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон (КМЧ ҚТ) санади асосии қонунгузорию мебошад, ки амали мақомоти ҳифзи ҳуқуқ, судҳо, прокурорҳо, адвокатҳо ва шаҳрвандонро дар муурофияи ҷиноятӣ дар қаламрави Ҷумҳурии Тоҷикистон танзим мекунад.

Қонунгузорию муурофиавии ҷиноятӣ барои муқаррар намудани меъёру қоидаҳои ягонаи муурофиавии пешбурди муурофияи ҷиноятӣ, таъмини ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои шаҳрвандон, дахлнопазирии шахсияти онҳо зарур аст.

Ҳадафҳои асосии Кодекси муурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон асосан аз таъмини адолат дар соҳаи муурофияи ҷиноятӣ, пешгирии худсарӣ нисбати шахсони воқеӣ, таъмини тафтишот ва баррасии дурусти парвандаҳои ҷиноятӣ иборат мебошад.

Бо вучуди ин, дар давоми 15 сол омилҳои асосии муайянкунандаи рушди қонунгузорию муурофиавии ҷиноятӣ муосир, инчунин тамоюлҳои асосии танзими ҳуқуқии муносибатҳои муурофиавии ҷиноятӣ хеле устувор буданд.

Дар байни омилҳои муҳталифе, ки рушди қонунгузорию муосири муурофиавии ҷиноятиро муайян мекунанд, якчанд омилҳои асосиро метавон ҷудо кард:

Пас аз ба тасвиб расидани Конвенсияи Аврупо оид ба ҳифзи ҳуқуқ ва озодиҳои шаҳрвандон, Тоҷикистон дар соли 1998 ихтиёран уҳдадорихоро дар соҳаи таъмини ҳуқуқ ва озодиҳои шаҳрвандон, инчунин фароҳам овардани шароити зарурӣ барои татбиқи онҳо ба дӯш гирифт.

Дар байни муҳимтарин меъёрҳо ва институтҳои муурофиавии ҷиноятӣ, ки дар системаи танзими муурофиавии ҷиноятӣ таҳти таъсири мавқеъҳои Суди Аврупо оид ба ҳуқуқи инсон пайдо шудаанд, бояд муҳлати оқилонаи муурофияи ҷиноятӣ, ҳуқуқҳои иштирокчиёни санҷиши хабар дар бораи ҷиноят, хондани нишондоди шохиди дар маҷлиси суд иштирок намекарда, чораҳои пешгирии алтернативии дар ҳабс нигоҳ доштан, номбар кард.

Оид ба таҳияи лоиҳаи Кодекси мазкур мехостам баъзе фикру андешаҳои худро оид ба ҳадафҳои қабул ва дастовардҳои он иброз намоям.

Чуноне, ки ба Шумо маълум аст, Кодекси қаблии муурофиавии ҷиноятӣи Ҷумҳурии Тоҷикистон, ҳанӯз соли 1961 қабул шуда, бо вучуди ворид намудани тағйироту иловаҳо ба талаботи замони муосир ҷавоб дода наметавонист.

Мақсадҳои таҳия ва қабули Кодекси нав инҳо буданд:

- таҳкими ҳуқуқ ва озодиҳои инсон ва шаҳрванд дар ҷараёни пешбурди таъқиби ҷиноятӣ ва ба амал баровардани адолати судӣ;
- демократизатсияи бештар ва ба талаботи стандартҳои байналмилалӣ мутобиқ намудани истехсолоти судии ҷиноятӣ;
- амалӣ намудани ислоҳоти судӣ-ҳуқуқӣ;
- баланд бардоштани мақом ва нақши ҳокимияти судӣ;
- соддагардонии истехсолоти судии ҷиноятӣ;
- таъмин намудани баробарҳуқуқии тарафҳо дар ҳама марҳилаҳои муурофиаи ҷиноятӣ.

Кодекси амал намудаи муурофиавии ҷиноятӣ тақсимои ваколатҳоро байни мақомоти судӣ ва прокуратура ҷиддан бознигарӣ намуда, ҳудуди иштироки судро дар муурофиаи ҷиноятӣ хеле васеъ намуд.

Яке аз дастовардҳои муҳимтарини Кодекс ин таъмини шароит барои дар шакли мубоҳиса ва баробарҳуқуқии тарафҳо сурат гирифтани муурофиа мебошад.

Бо ин мақсад Кодекс мақоми таъқиби ҷиноятӣ будани судро аз байн бурда, онро аз уҳдадорӣ исбот намудани айб озод намуд.

Бо мақсади таъмини бетарафӣ ва ҳолисияти мақомоти судӣ раисони судҳои болоӣ ба ғайр аз Раиси Суди Олӣ аз ҳуқуқи овардани эътирозҳои назоратӣ маҳрум ва Пленуми Суди Олӣ аз баррасии парвандаҳои мушаххас барканор карда шуд.

Ҷиҳати таъмини баробарҳуқуқии иштирокчиёни муурофиа кодекси нав нисбати онҳо истилоҳи «тарафҳо»-ро истифода намуд, ки ин аҳамияти мансубияти онҳоро ба ҳокимият аз байн бурда, онҳоро дар як зина қарор медиҳад.

Кодекси нав ҳамчунин назорати судиро ба қонунияти қарорҳои мақомоти таъқиби ҷиноятӣ муқаррар намуда, ба шахсони воқеӣ ва ҳуқуқӣ имконият медиҳад, ки аз болои қарорҳои онҳо дар бораи рад кардани қабули ариза дар бораи ҷиноят ё вайрон кардани қонун дар мавриди оғоз намудан ё қатъ намудани парвандаҳои ҷиноятӣ ба суд шикоят намоянд.

Кодекси нав додани иҷозат ба 11 намуд амалҳои муурофиавиро, ки ба маҳдудкунии ҳуқуқ ва озодиҳои шаҳрванд алоқаманд мебошанд, ба мақомоти судӣ додааст.

Албатта мақомоти прокуратура низ аз ин ваколатҳои назоратӣ маҳрум нашуда, барои пешниҳоди дархост ба суд ризоияти прокурор ҳатмӣ мебошад.

Кодекс инчунин ваколатҳои мақоми таҳқиқ ва тафтишро хеле дақиқ намуда, такрори вазифаҳо ва дигар ноқисӣҳоро дар ин самт аз байн бурдааст.

Ҷиҳати баланд бардоштани самаранокии муурофиаи ҷиноятӣ бошад, аз ибтидои амали Кодекси муурофиавии ҷиноятӣи Ҷумҳурии Тоҷикистон тартиби махсуси муурофиаи судӣ муқаррар карда шуд, ки шакли соддакардашудаи баррасии парвандаҳои ҷиноятӣ буда, дар боби 34 Кодекси муурофиавии ҷиноятӣи пешбинӣ шудааст.

Дар соли 2010 дар Кодекси муурофиавии ҷиноятӣи Ҷумҳурии Тоҷикистон муқаррароти пешбурди суръатнок пайдо шуд (боби 46 Кодекси муурофиавии ҷиноятӣи Ҷумҳурии Тоҷикистон).

Албатта Кодекси нави муурофиавии ҷиноятӣ аз баъзе ноқисӣҳо низ ҳолӣ нест. Ин камбудӣҳо сари вақт бартараф карда шуда, ба он тағйироту иловаҳо ворид карда мешаванд.

Таҷрибаи 30 соли дороии Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон собит намуд, ки ин ҳуҷҷати муҳими сиёсӣ ва тақдирсози миллат муносибатҳои ҷамъиятиро ба танзим дароварда, мақоми манзалати давлати тоҷиконро дар арсаи байналмилалӣ, ҳамчун

давлати воқеъан ҳам соҳибхитиёр, демократӣ, ҳуқуқбунёд, дунявӣ ва ягона муаррифӣ намуд. Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон дар Паём ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 28 декабри соли 2023 кайд намуданд, ки: «Амалӣ намудани меъёрҳои Конститутсия ба мо имкон дод, ки пояҳои устувори ҷомеа ва давлатро созмон диҳем, сулҳу оромӣ, суботи сиёсӣ ва ваҳдати миллиро таҳким бахшем, рушди устувори иқтисодии кишварамонро таъмин намоем, барои ҳар як шаҳрванди мамлакат шароити зиндагии арзанда ва инкишофи озодонаро муҳайё созем. Бо дастгирии ҳамаҷонибаи аҳли ҷомеаи тоҷикон санаи 28-уми декабри соли 2023 ҳангоми ироаи Паём аз ҷониби Пешвои муаззами миллат соли 2024 ҳамчун - Соли маърифати ҳуқуқӣ эълон карда шуд.

Бо ин мақсад фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи «Соли маърифати ҳуқуқӣ» эълон намудани соли 2024» аз 30 декабри соли 2023, № 668 қабул гардид.

Мақсаду маром ва ба даст овардани натиҷаҳои самарабахш аз қабули фармони мазкур ин баланд бардоштани сатҳи маърифати ҳуқуқии шаҳрвандон, тарғиби арзишҳои демократӣ, мустаҳкам намудани институти ҳуқуқи инсон, муносибати эҳтиромона бо он, баланд бардоштани мақоми қонун, тарбияи шаҳрвандон дар руҳияи эҳтиром нисбат ба он ва таъмин намудани волоияти қонун, ташаққул додани низоми устувори рафтори ҳуқуқӣ, оштинопазирӣ нисбат ба ҳама гуна ҳуқуқвайронкунӣ ва ногузир будани масъулияти ҳуқуқӣ, ҳамоҳангсозии фаъолияти тамоми субъектҳои тарғиб ва ташвиқи ҳуқуқӣ, ташкил намудани механизми самараноки ҳамкориҳои давлат ва ниҳодҳои ҷомеаи шаҳрвандӣ дар самти маърифати ҳуқуқии шаҳрвандон мебошад.

Анҷом додани тадбирҳои зикргардида арзиши олӣ будани инсон, ҳуқуқ ва озодиҳои ӯро таъмин намуда, ба эҳтиром ва риояи Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон, қонунҳо ва санадҳои меъёрии ҳуқуқии дигар, баланд бардоштани ҳисси ватандӯстӣ, тақвияти рағбати шаҳрвандон ба донишҳои соҳаи ҳуқуқ, васеъ намудани дастрасии шаҳрвандон ба иттилооти ҳуқуқӣ, иштироки фаъолонаи шаҳрвандон дар фаъолияти ҳуқуқэҷодкунӣ ва паст гардидани сатҳи ҳуқуқвайронкунӣ мусоидат менамояд.

Тавре Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, Пешвои миллат муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон таъкид намудааст: «Рушди давлати демократӣ, ҳуқуқбунёд ва дунявӣ ба сатҳи дониш ва маърифати ҳуқуқии аҳоли вобастагии зиёд дорад». Аз тарафи дигар қабули ин ибтикороти начиб сари вақтӣ ва муҳимму ҳаётӣ ба ҳисоб меравад. Дар шароити нави волоияти қонун ва эҳтироми ҳуқуқи шаҳрванд, дар системаи ҳуқуқӣ, ҷойи асосиро ишғол намуд.

Дар суҳанронӣ дар маҷлиси тантанавӣ ба ифтихори 30-солагии Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 6 ноябри соли 2024 Президенти кишвар таъкид намуданд, ки «Мо соли 2024-ро ба муносибати 30-солагии қабули Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон «Соли маърифати ҳуқуқӣ» эълон намудем, зеро ҷавҳари маърифати ҳуқуқиро риояи меъёрҳои Конститутсия ҳамчун қонуни асосӣ ташкил медиҳад.

Маърифати ҳуқуқии шаҳрвандон, дар навбати худ, барои бунёди ҷомеаи пешрафта ва адолатпарвар нақши калидӣ дорад. Ҳадаф аз иқдоми мазкур баланд бардоштани сатҳи маърифати ҳуқуқии шаҳрвандон, тарғиби арзишҳои демократӣ ва таҳкими ҳуқуқу озодиҳои инсон мебошад.

Ҳамин тариқ, таъмини волоияти Конститутсия ва қонунгузори кишвар пеш аз ҳама аз сатҳи маърифати ҳуқуқии аҳоли вобаста аст. Ҳар қадаре, ки сатҳи шуур ва фарҳанги ҳуқуқии аҳоли боло бошад, ҳамон қадар волоияти қонун дар сатҳ ва сифати дахлдор таъмин мегардад.

СУХАНИ ИФТИТОҲӢ

ИСКАНДАРОВ З.Ҳ.

профессори кафедраи ҳукуки судӣ ва назорати прокурорӣ факултети ҳуқуқшиносии
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор

Устодони гиромӣ, иштирокчиёни муҳтарам

Баргузории конференсияи илмиву амалӣ бахшида ба 15-солагии қабули Кодекси муурофиявии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон ва эълон гардидани Соли маърифати ҳуқуқӣ дар ин толори бошуқӯх бо иштироки профессорону омӯзгорони Академияи ВҚД, ки ҳайати шахсии он аз олимони варзидаву шоиста ва босалоҳият таркиб ёфта, шунавандагонаш умед аст - ояндаи дурахшон ва сулҳу оромии Тоҷикистонро таъмин хоҳанд намуд, дар партави иҷроиши Нақшаи илмӣ-тадқиқотӣ барои солҳои 2023-2024 аз он шаҳодат медиҳад, ки раҳбарияти ВҚД ҚТ ва Академияи он дар пиёда намудани сиёсати ҳуқуқии Ҳукумати мамлакат пешсаф буда, ба амалияе, ки бар пояи илми муосир таъҷирдор, диққати ҷиддӣ медиҳанд. Баргузор намудани конфронсиҳои илмиву амалӣ дар Соли маърифати ҳуқуқӣ, ки ҳадафи асосӣ ва ниҳоияш - рӯ овардан ба масоили риояи қатъӣ ва иҷроиши яхелаи Конститутсия ва қонунҳои мамлакат мебошад, пайомадҳои нек дорад. Ман боварӣ дорам, ки имрӯз маърузачиёни фанӣ аз дастоварду камбудии фаҳмиш ва амалияи татбиқи КМЧ ҚТ ҳарфи мушкilotу муаммо ва роҳҳои ҳал намудани онро баён хоҳанд намуд.

Аз ин рӯ, ман ба раҳбарияти Академияи ВҚД барои ташкил намудани чунин як конференсияи судманд арзи миннатдорӣ намуда, ба ҳайати профессору омӯзгорони он зеро роҳбарии олимони шинохтаи ҷумҳурӣ - генерал-майори милитсия Насуриён Пӯлод Асадулло дар пайи баланд бардоштани маърифати ҳуқуқӣ ва касбӣ, таҳкими тартиботи ҳуқуқӣ бурдборихо таманно намуда, мехоҳам аз фурсат истифода намуда, чанд нуқтаҳои ба назарам муҳими муурофиявиро манзури шумо намоям.

Маълум аст, ки КМЧ ҚТ соли 2009 баъди қабули КМЧ дигар давлатҳои Иттиҳоди давлатҳои мустақил бо дар назардошти омӯзиш ва таҳлили таҷрибаи татбиқи онҳо, падидаҳои пешқадам ва аз лиҳози имконияти иқтисодиву иҷтимоӣ ва фарҳанги ҳуқуқии кишварамон қобили қабулро эътироф ва мавриди қабулу иҷроиш қарор дод.

Чи гунае, ки маърузачиёни пешин қайд намуданд, навгониву дастовардаҳо ҳам дар муқаррароти умумӣ ва ҳам дар қисми махсус қарор карда шуд, ки ба табиат ва типии таърихӣ муурофияи ҷиноятӣ Ҷумҳурӣ беътасъир намонд. Табиати ҳуқуқии муурофияи ҷиноятӣ аз муурофияи айбдоркунӣ ба муурофияи ҷимоявӣ ва типии таърихӣ он ба мувоҳисавӣ табдил дода шуд, ки муурофияи мо низ аз нуқтаи назари танзими меъёрӣ ҳамқадами замон гашт.

Ман танҳо якчанд меъёру қоидаҳои номбар менамоям, ки дар як вақт дастоварди Кодекси муурофияи ҷиноятӣ буда, дарку риояи дақиқ ва яхелаи он муҳиму судманд, вале имрӯз бе ишқол ҳам нест.

Мақсаду вазифа, тартиби муурофиявии пешбурд, принципҳои ин тарзи маъруф, ҳолати ҳуқуқии иштирокчиёни муурофияи ҷиноятӣ, асосҳои таъкиб ва ҷимоя, қонунҳои муурофиявӣ, асос, шарт ва расмиёти пешбурди парвандаҳои ҷиноятӣ, намунаҳои айбдоркунӣ, чораҳои маҷбури муурофиявии ҷиноятӣ, ҳарҷоти муурофиявӣ, шаклҳои пешбурди тосудӣ, судӣ, шартҳои умумии тафтишоти пешакӣ ва муҳокимаи судӣ, то суҳани охири судшавандаву иҷрои ҳукм ва се марҳилаи санҷишӣ, ҳамкорӣҳои байналмилалӣ хеле хуб ба танзим дароварда шудааст.

Вале ҳаёт, ҷамъияту давлат рӯ ба инкишоф буда, имрӯз дар муурофияи ҷиноятӣ масъалаҳои зиёде мавҷуданд, ки омӯзишу таклифҳои илман асоснокро тақозо менамоянд, ки онҳоро ба се самти асосӣ ҷудо намудан мумкин аст:

1. Асосҳои назариявӣ-ҳуқуқии муурофияи ҷиноятӣ, ки ҳамаи мавзӯҳоро метавонад дарбар гирад.

Масалан дар самти асосҳои назариявӣ-ҳуқуқӣ: ҳамин масъалаи оддӣ - мақсади муурофияи ҷиноятиро таҳлил намоем. Дар назари аввал, гӯё ин масъалаи сирф назариявист, вале чунин муносибат иштибоҳи дағал аст. Чунки дар ҳама тасмимоту фаъолият расидан ба мақсад масъалаи асосӣ буда, бо роҳи иҷроиши вазифаҳои мушаххас тибқи тартиботи дахлдор дастрас карда мешавад. Ҳалли ин масъалаи назариявӣ барои дарк намудани таъиноти иҷтимоии муурофияи ҷиноятӣ ва татбиқи дурусти Кодекси муурофияи ҷиноятӣ аҳамияти амалӣ дорад. Яъне, ин тартиботи дахлдори ҳуқуқӣ оид ба пешбурди парвандаҳои ҷиноятӣ чунон амалӣ карда шавад, ки мақсади ниҳоии ин пешбурд, ки КМЧ пешбинӣ намудааст - ҳимояи ҳуқуқи инсон, манфиати ҷомеаву давлат аз таҷовузҳои ҷинояткорона, ҳимояи инсон аз таъкиботи беасос ва ғайриқонунӣ, бояд иҷро карда шавад. Ва вазифаҳо аз ҷониби масъулони пешбурд ва иштирокчиён ба ҳеҷ вачҳ муҳолифи мақсади муурофияи ҷиноятӣ амалӣ карда нашавад.

Вале мутаассифона дар фаъолияти баъзе аз кормандони мақомоти ҳифзи ҳуқуқ дуруст дарк накардани ин мақсади неку одилонаи муурофияи ҷиноятӣ ба назар мерасад, ки чунин муносибат метавонад дар миёни кормандон фазои носолими шуури ҳуқуқӣ, нигилизми ҳуқуқиро ба миён оварда, ин намуди фаъолияти давлатиро ҷиддӣ бесамар гардонанд. Ҳолатҳои сохтакорӣ ва қалбакикорӣ зимни пешбурди парвандаҳо, то ҳатто дидаю доништа беасос ва ғайриқонунӣ дастгир намудани шахс ва ба ҷавобгавии ҷиноятӣ кашидани онҳо ҳоло ҳам ба назар мерасад.

2. Танзими меъёрӣ-ҳуқуқии муурофияи ҷиноятӣ ва ҳамгироии он бо ҳуқуқи ҷиноятӣ, ҳуқуқи оперативӣ-ҷустуҷӯӣ ва дигар соҳаҳои ҳуқуқ муҳим аст.

Бо амри зарурият меъёрҳои зиёди КМЧ такмил дода шуд ва имруз ҳам чунин ниёз аз байн нарафтааст. Гузашта аз он, ниҳоят муҳим аст, ки ҳамгироии ҳуқуқи муурофияи ҷиноятӣ бо ҳуқуқи ҷиноятӣ, ҳуқуқи оперативӣ-ҷустуҷӯӣ ва дигар соҳаҳои ҳуқуқ таъмин карда шавад. Масалан, лоиҳаи нави КЧ ҚТ таҳия шуда, муқарраротҳои пешбинӣ намудааст, ки ҳуқуқи муурофияи ҷиноятӣ бо он бояд ҳамрадифу ҳамгиро бошад. Мисол, Лоиҳаи КЧ ба сифати вазифа пеш аз ҳама ҳифзи ҳуқуқи озодаҳои инсон ва шахрвандро аз таҷовузҳои ҷинояткорона муқаррар намудааст, ки дар муурофияи ҷиноятӣ онҳо ба сифати ҳам ҷабрдида ва ҳам гумонбару айбдоршаванда баромад мекунанд, ки ин меъёр омехтагии ду назарияи маъмули илми муурофияи ҷиноятӣ, яке «контроли ҷинояткорӣ», дигар «проседураи дахлдори ҳуқуқӣ»-ро тақозо менамояд. Ё дар м. 6 Лоиҳаи КЧ - принсипи ногузирии ҷавобгавии ҷиноятӣ ҳамчунин озод намудан аз ҷавобгавии ҷиноятӣ, ҷазо ё адои ҷазоро фаро мегирад, ё ҳолатҳои сабуқкунанда ба мисли фаъолони мусоидат намудан дар ошкор намудани ҷиноят, фош кардани шарикон - дар муурофияи ҷиноятӣ зарур аст, ки созиши муурофияви коркард намуда, бо бобҳои алоҳида ба танзим доравардан лозим мебошад.

Ҳамчунин зарур аст, ки ҳамгироии муурофияи ҷиноятӣ ва ҳуқуқи оперативӣ-ҷустуҷӯиро таъмин намуд. Вагарна фоҷ ба муурофияи ҷиноятӣ хизмати шоиста намуда наметавонад. Олими шинохтаи Ҷумҳурии Р.Ҷ. Раҳимзода барҳақ дар бораи аҳамияти фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ дар ҷараёни муурофияи ҷиноятӣ қайд намудааст, ки «... нақши фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ дар ошкор намудан, огоҳонидан, пешгирии кардан ва кушодани ҷиноятҳо, ҳамчунин муайян намудани шахсони ин ҷиноятҳоро тайёркунанда, содиркунанда ё содиркарда, дар ҷустуҷӯи шахсони аз мақомоти таҳқиқ, тафтиш ва суд пинҳоншуда... ниҳоят муҳим буда, аҳамияти аввалиндараҷа дорад. Дар ин радиф олими рус В.Т. Томин низ навиштаҷоте дорад, ки

чун шиор миёни олимон-муурофиячиён маъруф гаштааст: «уголовный процесс без ОРД в большинстве случаев производства по серьёзным делам бессилён, оперативно-розыскная деятельность без выхода через уголовный процесс - бесплодна».

3. Мушикилоту муаммои ба ҳаёт татбиқ намудани КМЧ кам нестанд, ки сабабу омилҳо зиёд буда, якчанд қарат мӯъҷиби таъкиду дастуроти Пешвои миллат, Президенти муҳтарами кишвар низ гардидаем, ки ҳамаи мо сайъи онро дорем камбудихоро баргараф намоем. Баҳри баратараф намудани камбудихо ва дурнамои инкишофи муносибатҳои муурофиявии ҷиноятӣ, ба назари мо чунин чорабиниҳо муҳим аст:

1. Тақвият бахшидани низоми таълими фанҳои баҳши ҳуқуқӣ-ҷиноятӣ дар Донишгоҳу донишкадаҳо, барқарор намудани фанни этикаи касбии ҳуқуқшиносӣ;

2. Баланд бардоштани маърифати касбиву ҳуқуқии амаликунандагони пешбурди парвандаҳои ҷиноятӣ, ташаккули мафкураи қонуниятӣ қатъӣ;

3. Риоя ва иҷроиши якхелаи КМЧ;

4. Эътироф ва риояи қатъии мақоми муурофиявии субъектони муурофияи ҷиноятӣ, дар мисоли суд, прокурор, муфаттиш, таҳқиқкунанда, сардорони онҳо, ҳимоятгар ва дигарон;

5. Ҷоннок намудани масъулияти қормандон.

6. Дар радифи таҳияи КЧ – таҳияи тағироту иловаҳо ба КМЧ низ зарур аст.

Ба ҳамаи шумо, сиҳатмандӣ ва барори қор меҳодам.

ТАҲҚИҚОТҶОИ ИЛМИИ ДОКТОРОН ВА НОМЗАДОНИ ИЛМҶО НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКТОРОВ И КАНДИДАТОВ НАУК

АБДУХАМИТОВ ВАЛИДЖОН АБДУХАЛИМОВИЧ
профессор кафедри уюловнои права Россияско-Таджикского (Славянского)
университета, доктор юридический наук, профессор
valijon.abduhamitov@mail.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА В ЗАРУБЕЖНОМ И УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

В Разделе VII (Преступления против личности), в Главе 16 «Преступления против жизни и здоровья» Уголовного кодекса Республики Таджикистан (далее – УК РТ) установлена ответственность за доведение до самоубийства (ст. 109). Санкция по ч. 1 данной статьи (доведение лица до самоубийства или покушения на него путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего) предусматривает наказание виде лишения свободы от трех до пяти лет, а по ч. 2) названной статьи (совершенное в отношении лица, находившегося в материальной или иной зависимости от виновного, либо совершено по отношению к несовершеннолетнему), наказывается лишением свободы на срок от пяти до восьми лет¹.

Исходя из вышеизложенного, непосредственным объектом по ст. 109 УК РТ выступает жизнь человека. Однако, есть дополнительный объект – человеческое достоинство. Это преступление форме угроз, жестокого обращения или систематическом унижении человеческого достоинства, приводит до самоубийства, либо покушение на самоубийство.

Что же касается вопроса о субъективной стороне состава данного преступления, то оно до сих пор является предметом дискуссии среди многих исследователей. Так, М.К. Аниязц считает, что данный состав преступления совершается любой формой вины. Вместе с тем, есть авторы по данному вопросу, которые считают, что этот вид преступления совершается не только с прямым, но и с косвенным умыслом. С.В. Бородин, дискутируя по данной проблеме считает, что данное деяние не может быть совершено не только с косвенным умыслом, но и по неосторожности. Другие авторы, такие как Д.И. Эльмурзаев полагают, что с субъективной стороны этот вид преступления совершается с косвенным умыслом, и редко – с прямым. Однако, Ю.А. Уколовой, данный вид преступления совершается форме неосторожности, но в виде небрежности². Е.Н. Сорокина и А.В. Валяева, исходя из анализа судебной практики, полагают, что субъективная сторона данного противоправного деяния совершается с прямым и с косвенным умыслом³.

Следует отметить, что способы, которые были отмечены нами выше, проявляется в последствиях данного преступления, а также при покушении на самоубийство.

¹ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года. - Душанбе: Конуният, 2004.

² Аюпов, В.Ш. Содержание субъективной стороны доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ) / В.Ш. Аюпов // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2012. – № 2 (4). – С. 12-16.

³ Сорокина, Е.Н., Валяева, А.В. Доведение до самоубийства: уголовно-правовой и виктимологический аспекты // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2017. – Т. 5. – № 1 (17) // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://esj.pnzgu.ru>.

Мы солидарны с мнением авторов, которые считают, что в отдельных случаях данный состав преступления должно квалифицироваться как убийство. Так, С.В. Бородин, Р.Д. Шарапов, М.Д. Шаргородский, придерживаются позиции, согласно которому, случае подстрекательства к самоубийству невменяемых, малолетних, то такие деяния должно квалифицироваться как убийство¹.

Результаты исследования показало, что распространение ненависти и вражды в социальных сетях представляет в современном мире опасность и угрозу для общественности в целом.

По проблеме данного состава преступления в теории, практике и законодательстве есть определенные сложности, т.к. раскрытие и привлечение к ответственности за преступления, связанные с пособничеством самоубийству, остается сложной задачей для правоохранительных органов и судебных систем². Содействие самоубийству имеет цель склонить другое лицо к совершению самоубийства. Преступление совершается, если жертва совершает или пытается совершить самоубийство.

Что же касается зарубежного уголовного законодательства об ответственности за доведения до самоубийства, то законодатель по-разному имеет подходы к данному вопросу. Так, в Великобритании ответственность за данный состав преступления упразднена Законом о самоубийстве (Suicide Act) 1961 г.³ В статье 309 УК Индии 1860 г. предусмотрена уголовная ответственность за попытку лишить себя жизни⁴. Однако в Сингапуре Законом от 6 мая 2019 г. из Уголовного кодекса исключена ст. 309, предусматривавшая ответственность за попытку самоубийства⁵. Вместе с тем, в уголовных законодательствах отдельных зарубежных стран до сих пор установлено наказание за покушение на самоубийство. В качестве примера, можно отметить УК Бангладеш 1860 г. (ст. 309), Пакистана 1860 г. (ст. 325), Южного Судана 2008 г. (ст. 215), где в УК за покушение на самоубийство предусмотрена наказание в виде тюремного заключения сроком до одного года или штрафом или в совокупности этими наказаниями. Уголовное законодательство США не предусматривает наказуемость покушения на собственную жизнь⁶. Иной подход к противодействию доведению до самоубийства имеют уголовные законодательства постсоветских республик. Так, УК Азербайджана (ст. 125), УК Литвы (ст. 133) и УК Эстонии (ст. 106) установили, как первоначально и УК РФ, простой вид доведения до самоубийства или покушения на него. В УК Армении (ч. 1, 2 ст. 110), Беларуси (ч. 1, 2 ст. 145), Казахстана (ч. 1-3 ст. 105; ранее действовавший УК - ч. 1, 2 ст. 102), Кыргызстана (ч. 1-3 ст. 136; ранее действовавший УК - ч. 1, 2 ст. 102), Уголовном законе Латвии (ч. 1, 2 ст. 124), уголовных кодексах Молдовы (ч. 1-3 ст. 150; в первоначальной редакции Туркменистана (ч. 2, 3 ст. 106) и Узбекистана (п. а, б ст. 103) установлены данный состав преступления двумя (тремя) составами: простым (основным) и квалифицированным (и особо квалифицированным). Грузинский законодатель поступает сообразно российскому: сначала он крими-

¹ Старжинская, А.Н. К самоубийству несовершеннолетнего лица по уголовному праву Российской Федерации: актуальные проблемы законодательства: автореф...дис. канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.Н. Сатржинская. – М., 2022. – С.25.

² Апкаев, Д.М., Зыков, Д.А. Доведения до самоубийства: анализ состава преступления // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 10. – С.110-114.

³ Criminal Code for England and Wales Volume 1: Report and Draft Criminal Code Bill / Law Com No 177. 1989. - 174 p.

⁴ Крашенинникова, Н.А., Трикоз, Е.Н. Уголовный кодекс Индии 1860 года: история создания и характерные черты // Правоведение. – 2017. – № 4. – С. 183-206.

⁵ Кучина, Я.О. Правовая система противодействия наркопреступности в Республике Сингапур / Я.О. Кучина // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2015. – № 4. – С. 104-115.

⁶ Крылова, Н.Е. Уголовное право зарубежных стран в 3 т. Том 1. Общая часть. Англия. США: учебник для вузов / Н. Е. Крылова, Н. А. Голованова, И. Д. Козочкин; ответственный редактор Н. Е. Крылова. - 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 240 с.

нализировал только простой состав этого преступления (ст. 115 УК Грузии), а Законом от 30 ноября 2018 г. № 3772 ввел и квалифицированный состав (ч. 1 и 2 ст. 115 УК Грузии). В уголовных законодательствах Азербайджана, Армении, Грузии, Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана к этим способам отнесены: 1) угрозы (угроза); 2) жестокое обращение с потерпевшим; 3) систематическое унижение его человеческого достоинства¹.

Резюмируя настоящее исследование, предлагаем изложить ст. 109 УК РТ в следующей, новой редакции:

«Статья 109. Доведение до самоубийства.

1) Угрозы применения насилия, уничтожения или повреждения чужого имущества, разглашения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, создание психотравмирующей обстановки, обусловленной использованием материальной или иной зависимости потерпевшего, применение физического насилия к близким потерпевшему лицам в его присутствии, совершение в присутствии потерпевшего приготовительных действий к расправе с ним или их имитации, многократные акты оскорбления, глумления, опорочивания потерпевшего, а равно информационное воздействие, осуществляемое виновным на психику лица посредством жестов, слов, видео-, аудиозаписи (гипноз), повлекшие самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего, - наказываются лишением свободы от пяти до восьми лет.

2) То же деяние, совершенное в отношении лица, находившегося в материальной или иной зависимости от виновного - наказываются лишением свободы на срок от восьми до двенадцати лет.

3) Совершено по отношению к несовершеннолетнему и лиц с ограниченными возможностями здоровья, - наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до пятнадцати лет.

4) Деяния, предусмотренные частями первой, второй и третьей настоящей статьи совершенные путем склонение к самоубийству и содействие его совершению - наказываются лишением свободы на срок от двух до пяти лет».

Таким образом, предлагаемые нами уголовно-правовые и криминологические рекомендации, исходя из зарубежного опыта по противодействию и предупреждению доведения до самоубийства, на наш взгляд, позволит эффективно противодействовать данному виду преступления.

АБДУХАМИТОВ ВАЛИДЖОН АБДУХАЛИМОВИЧ
профессор кафедры уголовного права Российско-Таджикского (Славянского)
университета, доктор юридических наук, профессор
valijon.abduhamitov@mail.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

В научной среде проблемы предупреждения доведения до самоубийств как в прикладном, так и общетеоретическом плане становятся предметом обсуждения таких современных зарубежных специалистов в области уголовного права и криминологии, уго-

¹ Крылова, Н.Е. Уголовное право зарубежных стран в 3 т. Том 3. Особенная часть: учебник для вузов / Н. Е. Крылова [и др.]; ответственный редактор Н. Е. Крылова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 397 с.

ловно-исполнительного права, как В.Ш. Аюпов¹, Е.К. Волконская², Е.Н. Сорокина, А.В. Валяева³, А.Н. Старжинская⁴, Д.М. Апкаев, Д.А. Зыков⁵ и др. Вместе с тем, необходимо отметить, что результаты изучения и анализа проведенных вышеназванными авторами исследования показало, что в условиях Таджикистана необходимо предпринять иные меры законодательного и практического характера.

Рассмотрим и проанализируем их. Так, в Разделе VII (Преступления против личности), в Главе 16 «Преступления против жизни и здоровья» Уголовного кодекса Республики Таджикистан (далее – УК РТ) установлена ответственность за доведение до самоубийства (ст. 109). Санкция по ч.1) данной статьи (доведение лица до самоубийства или покушения на него путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего) предусматривает наказание виде лишения свободы от трех до пяти лет, а по ч. 2) названной статьи (совершенное в отношении лица, находившегося в материальной или иной зависимости от виновного, либо совершено по отношению к несовершеннолетнему), наказывается лишением свободы на срок от пяти до восьми лет⁶.

Расширение и укрепление превентивного значения действующего уголовного законодательства возможно будет достигнуто, используя зарубежного опыта законодательства и путем внесения дополнения в УК РТ специальными нормами, устанавливающие ответственность за более широкий диапазон преступной причастности к самоубийству - склонение, способствование (пособничество/содействие) самоубийству и его пропаганде.

Следует отметить, что специально-криминологические меры предупреждения должны содержать наряду с иными мерами предупреждения насильственных преступлений такие меры профилактики суицидов как уголовно-правовой, так и не уголовно-правовой значимости доведения до самоубийства.

Профилактика самоубийств, совершаемых вследствие доведения, должна быть конкретизирована применительно к определенным социальным группам населения. В Таджикистане особое внимание и усиленные меры криминологических профилактических мероприятий должно проводиться в джамоатах и районах отдаленной местности, включая в предгорных районах.

Невольно возникает вопрос. Какие обстоятельства и причины самоубийств? Детерминанты доведения до самоубийства?

Здесь необходимо отметить, что есть различные обстоятельства или условия, при которых совершаются самоубийства: «медицинские», «психологические», «экономические», «социальные», «личные», «бытовые», «криминологические», «генетические». Помимо вышеназванных причин, к сожалению, детерминантами доведения до самоубийств в настоящее время являются и результаты бытовых конфликтов. Так, на практике есть случаи применения насилия в семье – в отношении женщин, несовершеннолетних, по отношению к новобрачной невестке, что может привести к самоубийству.

¹ Аюпов, В.Ш. Содержание субъективной стороны доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ) / В.Ш. Аюпов // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2012. – № 2 (4). – С. 12-16.

² Волконская, Е.К. Предупреждение доведения до самоубийства: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дисс. ... к.ю.н: 12.00.08 / Е.К. Волконская. – Рязань, 2011. – 24 с.

³ Сорокина, Е.Н., Валяева, А.В. Доведение до самоубийства: уголовно-правовой и виктимологический аспекты // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» – 2017. – Т. 5. – № 1 (17) // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://esj.pnzgu.ru>.

⁴ Старжинская, А.Н. К самоубийству несовершеннолетнего лица по уголовному праву Российской Федерации: актуальные проблемы законодательства: автореф...дисс.к.ю.н: 12.00.08 / А.Н. Старжинская. – М., 2022. – С. 25.

⁵ Апкаев, Д.М., Зыков, Д.А. Доведения до самоубийства: анализ состава преступления // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 10. – С.110-114.

⁶ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года. - Душанбе: Конуният, 2004.

Такие обстоятельства диктуют принятия неотлагательных мер по предупреждению доведения до самоубийства. Такие меры могут быть как практического, так и законодательного характера.

На основе теоретического, практического и законодательного анализа можно предложит следующие меры.

Во-первых, исходя из всех вышеизложенных обстоятельств, можно было бы предложить повысить брачный возраст, предусмотренное в семейном законодательстве Таджикистана. В статье 13 действующего Семейного кодекса Таджикистана **брачный возраст** (выделено нами) устанавливается в восемнадцать лет¹. В исключительных случаях суд вправе снизить брачный возраст по просьбе лиц, желающих вступить в брак, установленный настоящей статьёй для мужчин и женщин, не более чем на один год, т.е. 17 лет. Следовало бы брачный возраст повысить с 18 на 21 лет. Такое предложение обосновывается тем, что в данном возрасте лицо более сформировано, взгляды на жизнь могут быть иными, чувство ответственности и т.п. Вместе с тем, такое предложение с учетом традиций и обрядов в условиях Таджикистана не без спорно. Тем не менее, в случае необходимости можно будет тщательно проанализировать данное предложение и внести коррективы в законодательство.

Во-вторых, усилить профилактические меры по республике, особенно в предгорных районах Таджикистана. Вести постоянно действующие рабочие группы из числа правоохранительных органов и гражданского общества по разъяснению действующего законодательства об ответственности за данный вид преступления. Отметим, что такие меры должны носить постоянный, а не разовый характер.

В-третьих, вести в законодательство норму, согласно которому в брак могут не могут вступить лица мужского пола, которые не имеют определенные материальные возможности (движимое и недвижимое имущество), и лица, которые достигли брачного возраста, но не имеющие работу. Здесь необходимо внести норму предусматривающее обязательство у лица вступающего в брак иметь в собственности жилое помещение.

В-четвертых, внести в законодательство норму, согласно которому в брак вступают лица только после окончания высшего профессионального образования.

В-пятых, расширить квоты Правительства и на основе этого внести дополнение в законодательстве об обязательном получении высшего профессионального образования.

В-шестых, в целях готовности и укрепления брака среди новобрачных в Таджикистане создать по всей республике Центры семьи, где среди лиц, вступивших брак будут проводиться тренинги и семинары по вопросам равенства и не дискриминации, реализации прав, а также иных актуальных вопросов семейных правоотношений.

Кроме того, следует обратить внимание на еще одну, немаловажную проблему, это на недостаточную подготовленность юристов по вопросам предупреждения самоубийств уголовно-правовой значимости, и это должна быть компенсирована включением в учебный процесс юридических вузов страны учебной дисциплины «Криминологические проблемы предупреждения самоубийств уголовно-правовой значимости», в рамках 20-40 часов. Данная дисциплина, как представляется, должна быть нацелена на изучение самоубийств, ставших следствием доведения, и мер по их предупреждению.

Таким образом, комплекс вышеназванных мер будет способствовать не только эффективной криминологической профилактике, но и мерам законодательного характера.

¹ Семейный Кодекс Республики Таджикистан от 13 ноября 1998 года // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 1998 г., № 22, ст. 303.

ГАВРИЛОВ БОРИС ЯКОВЛЕВИЧ

профессор кафедры управления органами расследования преступлений
Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор,
Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8,
e-mail: profgavrilov@mail.ru

О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ВОПРОСАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УПК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УПК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

В статье автором приводится сравнительно-правовой анализ отдельных институтов уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан, анализируются внесенные в УПК изменения, исследуются: стадия возбуждения уголовного дела, участие в уголовном деле защитника, процессуальные сроки расследования и содержания обвиняемого под стражей, институт предъявление обвинения, упрощенные формы расследования. При этом с позиции ученого и практика дается оценка внесенных в российский уголовно-процессуальный закон изменений и состояние отдельных положений современного уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан, а также сформулировано авторское видение направлений реформирования предварительного расследования и предлагаются конкретные меры по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

В качестве первоочередной задачи при реформировании современной модели Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (далее – УПК РТ) следует обозначить преодоление сложившихся еще в рамках действия УПК РСФСР и воиспроизведенных как в УПК РФ, так и УПК РТ такой категории как заформализованность уголовно-процессуального закона, следствием чего является низкая эффективность досудебного производства, поскольку количество направленных, например, следователями органов внутренних дел Российской Федерации в суд уголовных дел из числа возбужденных значительно сократилось (с 36 % в 1991 г. до 20 % в 2024 г.)¹.

Свидетельством этого служит приговор в отношении гражданина, который 23 августа 2015 г. в 15 час. 30 мин., будучи в состоянии алкогольного опьянения, путем разбития камнем стекла в присутствии проходившего мимо гр. К. похитил с витрины магазина три упаковки туалетной бумаги стоимостью 197 руб., за что был осужден по ч. 2 ст. 161 УК РФ к 2 годам 5 месяцам лишения свободы. Расследование и судебное разбирательство по уголовному делу, несмотря на очевидность совершенного преступления, выразившееся в его задержании «с поличным» на месте совершения преступления, осуществлялось почти 5 месяцев, в течение которых К. содержался под стражей. По уголовному делу проведены судебно-товароведческая по оценке похищенного, наркологическая и судебно-психиатрическая экспертизы, хотя ст. 196 УПК РФ не включает их в перечень обязательных экспертиз. Текст приговора² изложен на 14 стр. По самой минимальной оценке, на расследование данного уголовного дела и судебный процесс затрачено более 1 млн. руб.,

¹ Гаврилов Б.Я. Отвечает ли современное досудебное производство реалиям борьбы с преступностью? // Академическая мысль. – 2019. – № 3 (8). – С. 98-102.

² Приговор Богородицкого районного суда Тульской области № 1-1/2016 1-124/2015 от 18 января 2016 г. по делу № 1-1/2016 // [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.12.2024).

включая содержание З. под стражей, затраты на экспертизу, оплату труда адвоката, следователя, прокурора и судьи.

Одна из основных причин низкой эффективности судопроизводства по уголовным делам обусловлена несовершенством уголовно-процессуального законодательства, несмотря на многочисленность внесенных в УПК изменений. При этом говоря о несовершенстве законодательства, автор обращается к мнению профессора В.Т. Томина, который отмечал, что мир долгие эпохи мечтает о том, чтобы появилось «юридическое чудо – первый в мировой истории уголовный процесс, который бы не только декларировал, но и реально обеспечивал неотвратимость ответственности»¹.

Вместе с тем необходимость совершенствования как российского, так и таджикского уголовно-процессуального законодательства обусловлена в числе других факторов и приведенными ниже статистическими данными о состоянии законности и качестве расследования в российском досудебном уголовном производстве, что позволяет ставить вопрос о необходимости реформирования его отдельных институтов и соответственно ряда правовых норм в УПК РТ в силу аналогичности их содержания. При этом определяющим фактором совершенствования законодательства является обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Среди иных причин снижения эффективности уголовного судопроизводства следует отнести и внесение почти за 23 года действия УПК РФ многочисленных (порядка 320-ми федеральными законами) изменений. Хотя большинство из них обуславливалось потребностями правоприменительной практики, однако часть этих изменений носила несистемный характер, а отдельные из них противоречили идеологическим основам принятого Федеральным Собранием Российской Федерации в 2001 г. УПК².

Вместе с тем, как указано выше, внесенные в УПК РФ многочисленные изменения обуславливались потребностями правоприменительной практики и учитывали мнения представителей российской науки, которые высказывались в период подготовки УПК РФ ко второму чтению³, и в частности:

– Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ⁴ следователи были из состава органов прокуратуры с последующим образованием Следственного комитета Российской Федерации. Одновременно была осуществлена дифференциация полномочий по процессуальному руководству следователями путем передачи их от прокурора руководителю следственного органа с одновременным сохранением за прокурором надзорной функции. У прокурора изъято право на возбуждение уголовного дела;

– Федеральным законом от 06.06.2007 № 90-ФЗ⁵ в число участников уголовного процесса со стороны обвинения введен начальник подразделения дознания (ст. 40¹), а затем Федеральным законом от 30.12.2015 № 440-ФЗ⁶ и начальник органа дознания (ст. 40²).

¹ Уголовное судопроизводство: революция продолжается / Томин В.Т. – Горький, 1989. – 112 с.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. // [Электронный ресурс] – режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 20.12.2024).

³ Гаврилов Б.Я. 20 лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 6. – С. 7-14.

⁴ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05.06.2007 г. № 87 – ФЗ // Собрание законодательства РФ. № 24. Ст. 28-30.

⁵ Федеральный закон от 06.06.2007 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». // [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/25629> (дата обращения: 20.12.2024).

⁶ Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя» от 30.12.2015 № 440-ФЗ. // [Элек-

По УПК РТ начальник органа дознания в число участников уголовного судопроизводства не введен, а лишь наличествует начальник дознавательного подразделения (ст. 41)¹;

– Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ² был существенно расширен перечень следственных и иных процессуальных действий, осуществляемых в ходе проверки сообщения о преступлении; а также предусмотрено участие защитника, что призвано обеспечить права и законные интересы, в первую очередь, лица, заподозренного в совершении преступления и потерпевшего, а по УПК РТ защитник допускается к участию в уголовном деле лишь с момента его возбуждения в отношении конкретного лица или с момента фактического задержания подозреваемого (ч. 2 ст. 49); в досудебное производство введены сокращенная форма дознания;

– Федеральным законом от 30.04.2010 № 69-ФЗ в УПК РФ включена норма-принцип – ст. 6¹ УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства», в которую в последующие годы были внесены изменения еще пятью Федеральными законами с целью уточнения момента исчисления разумных сроков и ряд других нововведений³, что направлено на защиту прав и свобод человека и гражданина. В УПК РТ подобное положение отсутствует.

Вместе с тем, отдельные нормы УПК РФ содержат положения УПК РСФСР 1922 и 1960 гг., не отвечающие современным потребностям действующего уголовного процесса. Аналогичная ситуация и в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Таджикистан.

С учетом изложенного выше позиция автора заключается в необходимости продолжения научной дискуссии с привлечением практиков с последующим доведением до законодателя предложений по пересмотру отдельных процессуальных институтов. Эти изменения, по нашему мнению, должны предусматривать:

– пересмотр положений ч. 1 ст. 162 УПК РФ о двухмесячном сроке предварительного следствия в силу их противоречия норме – принципу (ст. 6¹ УПК РФ) о разумном сроке уголовного судопроизводства, который, исходя из содержания постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 11-П, не должен превышать по уголовным делам 4 лет. Тем более, что сама эта норма «пришла» из УПК РСФСР, 1922 г. Аналогичное положение сложилось и по УПК РТ (ст. 164, регламентирующая двухмесячный (первоначальный) срок предварительного следствия);

– увеличение первоначального (2 месяца) срока содержания обвиняемого под стражей, в который, исходя из содержания ч.1 и ч.1¹ ст.221 УПК РФ, входят от 10 до 30 суток для утверждения прокурором обвинительного заключения или принятия иного решения по поступившему к нему уголовному делу (вместо 5 суток по УПК РФ в редакции 2001 г.) и ещё 14 суток для принятия судом решения в порядке ч. 1 ст. 227 УПК РФ. По аналогии двухмесячный срок содержания под стражей установлен и в УПК РТ (ч. 1 ст. 112). Представляется необходимым в этой связи имплементировать в российское и таджикское уголовно-процессуальное законодательство норму о первичном сроке содержа-

тронный ресурс] – режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191497/ (дата обращения: 20.12.2024).

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03.12.2009. // [Электронный ресурс] – режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304&pos=6;-106#pos=6;-106 (дата обращения: 20.12.2024).

² О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // Собрание законодательств РФ. 2013. № 9.

³ О компенсации за нарушение права на разумный срок судопроизводства или права на исполнение судебного акта в разумный срок»: Федеральный закон от 30.04.2010 г. № 69-ФЗ // Собрание законодательств РФ. 2010. № 18. Ст. 2145.

ния под стражей, установив этот срок от 4 до 6 месяцев (по УПК Итальянской Республики – 6 месяцев);

– распространение института уведомлений о подозрении на расследование в форме предварительного следствия, поскольку институт предъявления обвинения сегодня утратил свое значение, заключающиеся в том, что его нормы на протяжении десятилетий обеспечивали реализацию права обвиняемого на защиту путем допуска защитника к участию в уголовном деле именно с момента предъявления обвинения, а в последующем – и с момента задержания лица в качестве подозреваемого и с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица. Сегодня с принятием Федеральным собранием Российской Федерации Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ участие адвоката-защитника предусмотрено уже с момента проверки в отношении лица сообщения о преступлении, то есть, когда уголовное дело еще не возбуждено.

К числу аргументов за отмену института обвинения следует отнести и то, что фактически нивелированы различия в правовом статусе подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ), кроме этапа окончания расследования уголовного дела; в суд за период действия УПК РФ направлено более 5 млн. уголовных дел, расследованных в форме дознания без «классического» предъявления обвинения; не предусматривали данного института и нормы Устава уголовного судопроизводства 1864 г.¹ В большинстве государств Европы, а сегодня и ряде государств бывшего постсоветского пространства данный институт отсутствует, поскольку с позиции Европейского Суда по правам человека обвинение это есть обоснованное подозрение².

Суть еще одной проблемы заключается в необходимости введения в Российской Федерации взамен сокращенного дознания, которое сегодня превратилось в дознание в общей форме, протокольной формы предварительного расследования в течение 48 часов в отношении конкретного лица при его задержании с «поличным» и признании им факта совершения преступного деяния. Данная форма расследования не должна предусматривать процедуру возбуждения уголовного дела, предлагается также законодательным путем ограничить перечень обязательных следственных действий при производстве расследования допросом заподозренного в совершении преступления лица, а также потерпевшего. Закон должен предусматривать обязательное задержание такого лица по основаниям, предусмотренным ст. ст. 91-92 УПК РФ, на срок до 48 часов, в течение которых расследование должно быть завершено. При поступлении уголовного дела в суд с учетом положений п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ суд продлевает срок задержания до 72 часов, в течение которых осуществляется судебное разбирательство. Например, в Германии срок расследования и судебного разбирательства такого уголовного дела составляет сутки, а в Италии – двое суток с возможным назначением наказания до 5 лет лишения свободы.

В числе наиболее актуальных проблем, связанных с совершенствованием досудебного производства, автору видятся следующие:

– с одной стороны, не вызывает сомнений обоснованность реформирования Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ досудебного производства, о чем свидетельствуют приведенные ниже статистические данные о результатах следственной работы, позволяющие сделать вывод о более высоком:

а) уровне процессуального контроля со стороны руководителя следственного органа:

¹ Гаврилов Б.Я. Современное досудебное производство: видение ученого и практика // Актуальные вопросы производства предварительного следствия: теория и практика: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции 11 апреля 2019 г. – М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. – С. 65-73.

² Решение от 15.08.1982 по делу «Экле (Eckle) против Федеративной Республики Германии» (жалоба № 8130/78) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. М.: Норма, 2000.

Период	Число оправданных судом лиц, в т.ч. на 1000 обвиняемых по направленным в суд делам, из них незаконно, необоснованно содержащихся под стражей			
	След. МВД	Из них содержались под стражей	Следователи прокуратуры и СК РФ	Из них содержались под стражей
2006	1 372 – 2,0	524	1 885 – 18,0	954
2013	509 – 1,3	250	654 – 5,8	411
2017	402 – 1,1	164	539 – 4,8	219
2018	405 – 1,2	158	591 – 5,5	271
2019	412 – 1,3	142	629 (+5,6)	303
2020	376 – 1,3	151	513 – 5,3	220
2021	376 – 1,3	101	630 – 6,5	241
2022	372 – 1,3	71	655 – 6,6	290
2023	308 – 1,1	46	550 – 5,6	240
2024	326 – 1,3	58	577 – 5,6	222

б) одновременно, об усилении надзорной деятельности прокурора к качеству расследования, что обеспечило многократное сокращение количества дел, возвращенных судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ:

Период	Возвращено прокурором уголовных дел для дополнительного расследования				Возвращено дел судом для до- следования и судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ	
	Следователям МВД	Удельный вес (в %)	След. прокур. и СК РФ	Удельный вес (в %)	Всем органам расследования	В т.ч. след- м/уд.вес (в %)
1999	21 249	2,7	1 102	1,4	41 340	34 209 - 4,0%
2006	18 373	3,3	1 286	0,8	35 930	–
2018	17 791	5,6	3 569	3,6	6 468	4 668 – 1,1%
2019	18 543	6,3	3 374	3,6	6 466	4 417 – 1,0%
2020	17 663	6,3	1 902	2,1	6 021	4 166 – 1,1 %
2021	17 507	6,0	1 847	2,1	6 315	4 518 – 1,2 %
2022	15 709	6,9	1 769	2,1	5 846	4 216 – 1,2 %
2023	13 887	5,1	1 959	2,1	5 007	3 678 – 1 %
2024	11 806	5,3	1 952	3,4	4 708	3 547 – 1,0

С другой стороны, необходимость исключения из УПК РФ стадии возбуждения уголовного дела, наличие которой повлекло за собой более, чем двукратное (на 1,8 млн.) на протяжении последних 19-ти лет снижение количества возбужденных уголовных дел и увеличение за этот период на 1,9 млн. количества «отказных» материалов при фактической неизменности числа зарегистрированных сообщений о преступлениях¹.

¹ Божьев В.П., Гаврилов Б.Я. Соответствует ли отказ в возбуждении уголовного дела идеологии современной уголовно-правовой политики России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 2 (78). – С. 74-78.

	2006	2015	2017	2019	2020	2021	2023	2024
Всего зарегистрировано сообщений о преступлениях (млн.)	10,7	12,2	10,3	9,9	9,3	9,3	11,8	12,1
Возбуждено уголовных дел (млн.)	3,3	1,89	1,78	1,7	1,7	1,68	1,6	1,5
В т.ч. удельный вес к числу сообщений о преступлениях (в %)	30,8	15,5	16,8	17,1	18,4	18,1	13,6	12,4
Количество (без повторных) «отказных» материалов (млн.)	4,5	6,8	6,3	6,0	5,5	5,7	6,2	6,4

Предложение об исключении ст.ст. 146 и 148 УПК РФ обусловлено и складывающейся с учетом решений Конституционного Суда Российской Федерации¹ и позиции Верховного Суда Российской Федерации судебной практики возбуждения уголовных дел, которая противоречит многолетней практике расследования и правовому содержанию остающейся неизменной на протяжении более 60 лет норме о возбуждении уголовного дела. Относительно возвращения прокурору полномочий по возбуждению уголовного дела автор считает возможным изменить редакцию пункта 4 части 1 статьи 140 УПК РФ, установив, что «По постановлению прокурора о направлении материалов в орган расследования для решения вопроса об уголовном преследовании следователь, дознаватель незамедлительно (в течение 24 часов) возбуждает уголовное дело за исключением случаев, препятствующих началу его производства». Такие случаи предусмотрены ч. 1 ст. 24 УПК РФ (п. 3, 5, 6) и ч. 1 ст. 27 УПК РФ (п. 3–6).

Предложения автора по совершенствованию современного досудебного производства поддерживаются в российском научном сообществе и среди практикующих юристов. Задача сегодня состоит в разработке такой доктрины досудебного производства, которая будет реально отражать произошедшие в социально-политической, экономической и правовой жизни российского государства изменения, чему сегодня в значительной мере препятствует устоявшийся в нашем сознании стереотип незыблемости названных выше процессуальных институтов. Представляются целесообразными предложенные в настоящей публикации изменения уголовно-процессуального законодательства рассмотреть представителям науки и правоприменителям с целью возможной их имплементации в УПК Республики Таджикистан.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца Андрея Эммануиловича на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 57, 80, частью первой статьи 108, статьями 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 г. № 343-О // [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://sudbiblioteka.ru/ks> (дата обращения: 20.12.2024).

ЗОИР ҶУРАХОН МАҶИДЗОДА

мудирӣ шуъбаи ҳуқуқи давлатии Институти фалсафа, сиёсатшиносӣ ва ҳуқуқӣ ба
номи А.М. Баҳоваддинови Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, доктори илмҳои
ҳуқуқшиносӣ, профессор, корманди шоистаи Ҷумҳурии Тоҷикистон,
генерал-майори милитсия
zoirov2009@mail.ru

ҚОСИМОВ ФАЙЗАЛИ МАҶМАДОВИЧ

сардори кафедраи ташкили идоракунии фаъолияти ҳифзи ҳуқуқи факултети № 1
Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ,
полковники милитсия
fayzali-67@mail.ru

**ДАЛЕЛҲО ДАР МУРОФИАИ ҶИНОЯТӢ:
МУШКИЛОТИ МАСОИЛИ НАЗАРИЯВӢ**

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Омӯзиши масъалаи далелҳо дар муурофияи ҷиноятӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон аҳаммияти махсусро касб намуда, яке аз мавзӯҳои марказии илми ҳуқуқ ба шумор рафта, таваҷҷуҳи бештари олимон, мутахассисон ва қонунгузори кишварҳои мухталифро ба худ ҷалб намудааст.

Вазифаи муурофияи ҷиноятӣ пеш аз ҳама ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд ба ҳисоб рафта, барои ҳифз ва кафолати таъмини онҳо чораҳои зарурӣ меандешад, аз ҷумла барои саривақт ва пурра ошкор кардани ҷиноят ва ба ҷавобгарӣ кашидани шахсоне, ки ҷиноят содир кардаанд, амалҳои муурофияви истифода мебарад. Албатта, ҷиноят ҳодисаи замони гузашта аст, он дар олами объективӣ содир мешавад ва ошкор намудани он аз рӯйи нақши он сурат мегирад¹.

Далел дар муурофияи ҷиноятӣ ҳама гуна маълумотҳои воқеие, ки барои дуруст ҳал кардани қори ҷиноятӣ аҳамият дорад. Дар муурофияи ҷиноятӣ дар асоси далел аз рӯйи тартиби муқарраркардаи қонун мақомоти тадқиқоти ибтидоӣ, муфаттиш ва суд мавҷуд будан ё набудани қирдори ба ҷамъият хавфнок, гуноҳи шахсоро, ки ҷиноят содир кардааст ва ҳолати дигари барои қор муҳимро муқаррар мекунад. Далел оид ба қори ҷиноятӣ бо баёноти шохид, баёноти шахси ҷабрдида, фикру ҳулосаи эксперт, маълумотҳои шайъӣ, протоколҳои ҳаракати тафтишию судӣ бо ҳуҷҷатҳои дигар муайян карда мешавад. Шахси гумонбаршуда, айбдоршаванда, ҷимоячӣ, айбдорқунанда, шахси ҷабрдида, даъвогару ҷавобгари граждани намояндагони онҳо, ҳар кадоме аҳ гражданинҳо, идораю муассисаҳо, қорхонаю ташкилотҳо метавонанд барои тафтиши қори ҷиноятӣ далел пешниҳод намоянд. Далел оид ба қор бояд аз тарафи шахси таҳқиққунандаи ибтидоӣ, муфаттиш, прокурору суд бо диққат, ҳама тарафа ва объективона санҷида шавад.

Унсӯри умумихатмии раванди исботқунӣ ин ҷамъ овардани далелҳо маҳсуб ёфта, моҳияти он дар адабиётҳои криминалистӣ ва муурофиявӣ ба таври гуногун мавриди омӯзиш ва таҳқиқ қарор гирифтааст.

Ривочи ҷиноятҳои муташаккилона, маҳфияти мустаҳқами қирдорҳои гуруҳҳои ҷиноятӣ, дараҷаи баланди таҷҳизоти техникаи онҳо, ноустувории манбаи далелҳо ва нишондоди шохидон, мақомоти ҳифзи ҳуқуқ ва қонунгузорро водор месозад, ки роҳҳои нави ҳуқуқии мубориза бар зидди ҷиноятқориро пайдо намуда, воситаю усулҳои ҷамъоварии далелҳоро пурзӯр намоянд.

¹ Абдуллоев, П.С. Далелҳо ва исбот дар муурофияи ҷиноятӣ. – Душанбе, 2019. – С. 7.

Таҷрибаи баамалбарории қонуният дар самти фаъолияти оперативӣ-чустучӯӣ, тарзу усули ҷамъоварии маълумот ва далел ҳангоми гузаронидани ҷорабиниҳои оперативӣ-чустучӯӣ ва дар рафти он тартиб додани ҳуҷҷатҳои лозимӣ, пешкашнамоеи онҳо барои муурофияи ҷиноятӣ ва шакли истифодабарии онҳо барои исботкунӣ бо парвандаи ҷиноятӣ аз муҳимтарин масъалаҳои баррасигардида дар назарияи илми ҳуқуқшиносии замони муосир ба ҳисоб меравад.

Масъалаи ҷамъоварии далелҳо дар муурофияи судии ҷиноятӣ аз ҷониби олимону муҳаққиқони ватанӣ Чунончи, Н.А. Абдуллоев, Р.Ҷ. Раҳимзода, Ҷ.М. Зоир, А.Ғ. Холиқзода, И.Д. Сафарзода, Э.С. Насрудинзода, Ф.С. Хайруллоев, Э.Б. Буризода, Р.С. Одиназода, Т.Ш. Шарипов, А.И. Сафарзода, З.Х. Искандаров, И.Т. Маҳмудов, П.С. Абдуллоев, Н.Б. Хочаева, К.Ҷ. Солиев ва дигарон борҳо мавриди баррасӣ қарор гирифтааст.

Аз ҷумла, Р.Ҷ. Раҳимзода дар натиҷаи тадқиқоти масъалаи мазкур ба хулосаи асоснок омадааст, ки барои сари вақт ва бомуваффақият ошкор кардани ҷиноятҳои вазнин ва махсусан вазнин, дастрас намудани далелҳои боэътимод бо парвандаҳои ҷиноятӣ, таҳияи механизми боз ҳам пурзӯри роҳҳои мубориза бо ин гуна зухуроти номатлуб манбаи боэътимоди меъёрии ҳуқуқӣ зарур аст.

Ба андешаи номбурда, амалигардонии фаъолияти оперативӣ-чустучӯӣ бе истифодаи натиҷаи он, танҳо сарфи беҳудаи меҳнати мушкилу пурмашаққат ва маблағи давлатӣ буда, риоя нагардидани тартиби муайяншуда далелҳои бо ин фаъолият ҷамъовардашударо барбод медиҳад. Аз ин лиҳоз, муаллиф шахсеро, ки ба фаъолияти оперативӣ-чустучӯӣ ваколатдор аст, дуруст огоҳ менамояд, ки ҳангоми тайёр намудан ва барасмиятдарории натиҷаи фаъолияти оперативӣ - чустучӯӣ, ки ба мақомоти таҳқиқ, муфаттиш, прокурор, суд ва ё судья пешниҳод карда мешавад, ҳатман ҷораҳои зарурӣ оид ба муҳофизат ва мукаммалии маводи пешниҳодшаванда андешад¹.

Асоси муурофияи ҷиноятиро исботнамояи оид ба парвандаи ҷиноятӣ ташкил медиҳад, ки мазмуни онро ҷамъоварӣ, тафтиш ва баҳодиҳии далелҳо ташкил медиҳад. Роҳҳои аз ҳама манфиатовар ва дурусти ҷамъоварии далелҳоро қонунгузории муурофияи ҷиноятӣ дар гузаронидани амалҳои тафтишӣ пешниҳод намудааст. Дар натиҷаи гузаронидани амалҳои тафтишӣ ҳолатҳои ба парвандаи ҷиноятӣ аҳамиятдошта маълум ва шахсони ҷинояткор ошкор карда мешаванд. Ҳамчунин далелҳо оид ба парвандаи ҷиноятӣ ҷамъоварӣ ва мустаҳкам мешаванд, ки онҳо барои минбаъд истифодабарӣ барои исботи гуноҳии шахси ҷиноятсодиркарда хизмат мекунанд.

Ба ҳар ҳолат, яқин аст, ки сархати 3 қисми 2 моддаи 86 Кодекси муурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд - КМҶ ҚТ) (ҷамъовардани далел) ба таҳқиқбаранда, муфаттиш, прокурор, инчунин суд, судья ҳуқуқ додааст, ки аз мақомоти анҷомдиҳандаи фаъолияти оперативӣ-чустучӯӣ, пешниҳод кардани ҳуҷҷатҳо ва ашёи барои парванда аҳамиятдоштаро талаб намоянд².

Лозим ба ёдоварист, ки ягона роҳҳои муурофиавии ҷамъоварии далелҳо ин ба роҳ мондани амалҳои тафтишӣ аз ҷониби субъектони таъкиботи ҷиноятӣ мебошад, ки ин ҳам бошад, мақомоти таҳқиқ, таҳқиқбаранда, муфаттиш, сардори шуъбаи тафтишот, прокурор ва суд. Дигар роҳҳои ҷамъоварии далелҳо ғайримуурофиавӣ доништа мешаванд.

Дар қонунгузории муурофиавии ҷиноятӣ ва адабиётҳои ҳуқуқи роҷеъ ба ҷамъоварии далелҳо, инчунин ибораи пешниҳоди далелҳоро низ мавриди истифода

¹ Имомов, А.Х. Тақриз ба китоби дарсии «Фаъолияти оперативӣ-чустучӯӣ». - Душанбе: «ЭР-граф», 2012, - 596 с.

² Кодекси муурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 03-уми декабри с. 2009, № 564 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон с. 2009, №12, мод. 815, мод. 816; Қ ҚТ аз 24.12.2022 № 1926, № 1927, аз 03.01.2024 № 2017.

қарор дода мешавад. Нисбати як қатор иштирокчиёни муурофияи судии ҷиноятӣ КМЧ ҚТ ҳуқуқ дода шудааст, ки вобаста ба парвандаи ҷиноятии баррасишаванда далелҳо пешниҳод намоянд. Ин ҳуқуқ ба иштирокчиёни зерин дода шудааст: Ҷабрдида; айбдоркунандаи хусусӣ; даъвогари граждани ва намондагони онҳо; гумонбаршуда; айбдоршаванда; судшаванда; ҳимоятгар; давобгари граждани ва намондагони онҳо¹.

Натиҷаи чорабиниҳои оперативӣ-ҷустуҷӯӣ фаъолияти ҳаррӯзаи мақомоти амаликунандаи оперативӣ-ҷустуҷӯӣ мебошад, ки анҷоми он баамалбарории ҳуқуқи ҷиноӣ, адолати судӣ, ки дорои характери ягонагии муурофиявӣ ва ғайримуурофиявӣ дошта дар маҷмӯъ як мақсаду як вазифаро дар мубориза бар зидди ҳама гуна ҷинояткорӣ иҷро менамоянд. Ягонагии онҳо аз он иборат аст, ки фаъолияти онҳо на танҳо дар амалигардонии ҳаракатҳои таҳқику тафтишот ва чорабиниҳои оперативӣ-ҷустуҷӯӣ дида мешавад, яъне на танҳо дар масъалаҳои ба танзимдарорӣ, инчунин дар масъалаи пайдо намудани ахборот (маълумот) ва тартиби истифода бурдани натиҷаҳои он маълумотҳои воридгаштае, ки характери муурофиявӣ ва оперативӣ-ҷустуҷӯӣ доранд низ гузаронида мешавад².

Ҷамъовариҳои далелҳо дар муурофияи судии ҷиноятӣ аз ҷониби таҳқиқбаранда, муфаттиш, прокурор ва суд тариқи амалҳои тафтишӣ ва дигар ҳаракатҳои муурофиявӣ ба роҳ монда мешавад³.

Барои оғоз намудани парвандаи ҷиноии мууроҷиатнашуда (латентность) категорияҳои ҷиноятҳои аз тарафи корманди оперативӣ дар натиҷаи чорабиниҳои оперативӣ-ҷустуҷӯӣ ошкоркардашуда корманди оперативӣ бояд маълумотҳои зеринро ба мақомоти таҳқику тафтишот пешниҳод намоянд:

1. Аризаи ҷабрдида оиди ҷинояти нисбати ӯ содиршуда;
2. Гузориши муфассали корманди оперативӣ оид ба ҳолатҳои ҷинояти ошкоршуда;
3. Далелҳои шайъии аз ҷойи ҳодиса ва аз бадани ҳуди ҷинояткор гирифта шуда (санадҳои тартиби гирифтани онҳо);
4. Маълумоти муфассал дар бораи шахси ҷинояткор;
5. Дар ҳолати зарурӣ агар муфаттиш иштирок карда натавонад, тартиб додани протоколи азназаргузаронии ҷои ҳодиса (дар асоси КМЧ);
6. Дигар маводҳои оперативӣ-ҷустуҷӯие, ки дорои маълумоти сирри давлатӣ нестанд.

Мақомоти тафтишоти маводҳои пешниҳодшудаи дар натиҷаи чорабиниҳои оперативӣ-ҷустуҷӯӣ ҷамъ овардашударо омӯхта қарор дар бораи оғоз намудани парвандаи ҷиноӣ ё ин ки рад намудан аз оғози парвандаи ҷиноятӣ қабул менамояд.

Маълумот ба тариқи шифохӣ, хаттӣ, сабти аудиою видео, инчунин ашё ва ҳуҷжатҳоеро, ки далел шуда метавонанд, гумонбаршуда, айбдоршаванда, ҳимоятгар, айбдоркунанда, судшаванда, ҷабрдида, даъвогари граждани, ҷавобгари граждани ва намондагони онҳо, шахрвандон, шахсони мансабдори корхона, ташкилоту муассиса ҳуқуқ доранд пешниҳод кунанд.

Бояд тазаққур дод, ки яке аз роҳҳои дигари ҷамъовариҳои далелҳо ин истифодаи натиҷаҳои фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ махсуб меёбад. Фаъолияти оперативӣ-

¹ Исоев, К.М. Баъзе масъалаҳои назариявии ҷамъ овардани далелҳо дар муурофияи ҷиноятӣ // Рушди падидаҳои адолати судӣ ва назорати прокурорӣ дар солҳои Истиқлолияти давлатӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон (Маводи конференсияи илмӣ-амалӣ бахшида ба 80-умин солгарди н.и.х., дотсент Абдуллоев Н.А.). - Душанбе: 2019. - С. 222.

² Зоир, Ҷ.М. Тафсири Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ” - Душанбе: Эр-граф, 2015. - С. 54.

³ Кодекси муурофиявии ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 03-уми декабри с. 2009, № 564 // Аҳбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон с. 2009, №12, мод. 815, мод. 816; Қ ҚТ аз 24.12.2022 № 1926, № 1927, аз 03.01.2024 № 2017

чустучӯӣ (минбаъд – ФОҶ) яке аз воситаҳои таъсирбахши мубориза ба ҷинояткорӣ ба ҳисоб меравад. Дар пайрави ба ин масъала Р.Ҳ. Раҳимзода масъалаҳои марбут ба ин фаъолиятро баррасӣ намуда, қайд менамояд, ки фаъолияти оперативӣ-чустучӯӣ дар самти мубориза бо ҷинояткорӣ нақши муҳимро мебозад (чунки зиёда аз 90% ҷиноятҳо маҳз тавассути фаъолияти оперативӣ-чустучӯӣ кушода мешаванд)¹. Дар воқеъ яке аз воситаҳои муҳим, нишонрас ва самарабахши пешгирӣ, огоҳонидан, ошкор ва тафтиши ҷиноятҳои вазнин ва махсусан вазнин ин мақсаднок ба роҳ мондани чорабиниҳои оперативӣ-чустучӯист, ки агар онҳо дар натиҷаи омода намудани маҷмӯи тарзҳои ташкилӣ, ки ба таҳлили вазъияти воқеии оперативӣ-чустучӯӣ асос ёфтаанд, гузаронида шуда бошанд².

Дар КМҶ ҚТ оид ба имконияти истифодабарии натиҷаҳои ФОҶ дар тайёр намудан ва гузаронидани ҳаракатҳои тафтишӣ муқаррароти махсус пешбинӣ шудааст. Алалхусус, м. 84 КМҶ (Истифодаи натиҷаҳои фаъолияти оперативӣ-чустучӯӣ) муқаррар кардааст, ки маводди дар ҷараёни ФОҶ ба даст овардашуда ба сифати далел эътироф карда мешаванд, агар онҳо бо риояи муқаррароти КМҶ ҷамъоварӣ шуда бошанд. Яъне, истифодаи натиҷаҳои ФОҶ воситаи ғайримуурофиавии ҷамъоварии далелҳо доништа мешавад.

Ҳамин тариқ, ҳангоми ҷамъ овардани далелҳои шайъӣ ба талаботҳои ҳатмии м. 88 КМҶ ҚТ бояд аз нигоҳи мансубият, имконпазирӣ, саҳеҳ, пурра ва кифоя будан ҷавобгӯ бошад ва шартҳои зеринро ба назари эътибор гирад:

- ҷамъоварии далелҳо бояд бо тартиби муқаррарнамудаи қонунгузории муурофиавии ҷиноятӣ ба роҳ монда шавад;
- истифода намудани роҳҳои қонунии ба даст овардани далелҳо дар доираи қонун ба роҳ монда шавад;
- ба даст овардани далелҳо бояд танҳо аз ҷониби субъектони пешбининамудаи қонун ба амал бароварда шавад;
- объективият ва бегаразӣ дар раванди ҷамъоварии далелҳо бояд аз ҷониби субъектони анҷомдиҳандаи ҷамъоварии далелҳо нигоҳ дошта шавад³.

Дар асоси омӯзиши масъалаи мазкур, ба чунин хулоса омадан мумкин аст, ки вазъи мавҷудаи ҷиноӣ дар Тоҷикистонро бешубҳа муқовимати бомуваффақият бо ҷинояткорӣ, алахусус шаклҳои муташаккилонаи онро, танҳо тавассути муттаҳидсозии ҳадди аксари саъю кӯшиш ва нерӯи қормандони оперативӣ ва мақомоти тафтишоти пешакӣ имконпазир менамояд. Аз ин рӯ, татбиқи самарабахши қонунгузории оперативӣ-чустучӯӣ ҳарчи бештар таъхирнопазир мегардад, ки ин маҷбур аст ба равандҳои ҷорӣ ҷараёни иқтисодӣ, сиёсӣ ва ҳуқуқӣ пайваста мутобиқ карда шавад.

Дар ин шароит омодагии касбӣ ва психологии қормандони мақомоти ҳифзи ҳуқуқ, ки барои гузаронидани чорабиниҳои оперативӣ-чустучӯӣ вақолатдоранд, нақши муҳим мебозад. Ба он аз ҷумла, тавассути “муҷаҳҳазгардонии” қормандони ин мақомот бо тавзеҳоти дақиқ ва тасдиқшудаи моҳият, ҳадаф, ҷузъиёти дастурҳои меъёрӣ, ки асоси ФОҶ мебошанд, ноил шудан мумкин аст. Дар амал, надонистани асосҳои ибтидоии қонунгузории оперативӣ-чустучӯӣ метавонад ба бесалоҳиятии шахсони вақолатдори судя, прокурорҳо, муфаттишон ва адвокатҳо табдил ёбад. Аксар вақт, надоштани фаҳмиши ҳамаҷониба оид ба қорҳои оперативӣ боиси он

¹ Раҳимзода, Р.Ҳ. Фаъолияти оперативӣ-чустучӯӣ. Қисми умумӣ: китоби дарсӣ. Нашри 5-ум. – Душанбе: «ЭР-граф», 2019. - С. 24.

² Раҳимзода, Р.Ҳ. Фаъолияти оперативӣ-чустучӯӣ. Қисми умумӣ: китоби дарсӣ. Нашри 5-ум. – Душанбе: «ЭР-граф», 2019. - С. 220.

³ Исоев, К.М. Баъзе масъалаҳои назариявии ҷамъ овардани далелҳо дар муурофиаи ҷиноятӣ / К.М. Исоев // Рушди падидаҳои адолати судӣ ва назорати прокурорӣ дар солҳои Истиклолияти давлатӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон (Маводи конференсияи илмӣ-амалӣ бахшида ба 80-умин солгарди н.и.х., дотсент Абдуллоев Н.А.). - Душанбе: 2019. - С. 222.

мегардад, ки натиҷаҳои ФОҶ ва ташкили дурусти он ба мақсаднок истифода бурда намешаванд¹.

Ҳамин тарик, ба андешаи мо, фаъолияти ҷамъоварии далелҳо аз сарчашмаҳо ва бо роҳҳои дар қонуни муурофиавӣ пешбинишуда бояд ҷамъоварӣ карда шавад, вагарна онҳо ғайри қобили қабул маҳсуб меёбанд. Риоя намудани қонуният дар муурофияи ҷиноятӣ қори ҳама иштирокчиён буда, дар таъмин намудани он нақши адвокат хеле муҳим аст. Дар ҳама маврид маҷмӯи далелҳое ба парванда кифоя ҳисоб карда мешавад, ки агар онҳо ба парванда мансубият дошта, қобили қабул, саҳеҳу боэътимод буда, мавҷудияти ҳамаи унсурҳои таркиби ҷиноятро дар маҷмӯъ (объект, тарафи объективӣ, субъект, тарафи субъективӣ) ва дар алоҳидагӣ бебаҳс исбот намоянд.

ИСКАНДАРОВ Зайниддин ҲОМИДОВИЧ

профессори кафедраи ҳуқуқи судӣ ва назорати прокуратурии факултети ҳуқуқшиносии
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор
ziskan@mail.ru

АВЕЗОВА З.Б.

омӯзгори калони кафедраи ҳуқуқи судӣ ва назорати прокуратурии Донишгоҳи
давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон
avezova-9@mail.ru

ҲИМОЯИ СУДИИ ҲУҚУҚҲОИ ИНСОН ВА ШАҲРВАНД ВА АҲАММИЯТИ ОН ДАР ПЕШБУРДИ ПАРВАНДАҲОИ ҶИНОЯТӢ

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА
И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Ҳимояи ҳуқуқҳои инсон ва шаҳрванд ҷараёни мураккаб ва серҷабҳаи иҷтимоӣ аст. Сарфи назар аз тағйироти куллие, ки дар давоми солҳои истиқлолияти давлатӣ дар соҳаи адолати судӣ ба амал омадаанд, ҳоло ҳам мушкилоти таъмини ҳимояи судии ҳуқуқу озодиҳои шахс дар Тоҷикистон яке аз масъалаҳои мубрам боқӣ мемонад. Заифтарин ҳалқаи ин занҷир соҳаи риоя ва татбиқи воситаҳои ҳимояи ҳуқуқ ва озодиҳои шахс дар қонунгузори муурофиавии ҷиноятӣ пешбинишуда, мебошанд. Барои муайян кардани дурнамои рушд ва татбиқи самараноки ҳимояи судии ҳуқуқу озодиҳои шахс дар пешбурди парвандаҳои ҷиноятӣ омузиш ва таҳлили асосҳои ҳуқуқии он ва амалияи судӣ дар давраҳои тосудӣ мубрам гаштааст.

Тибқи моддаи 1 Кодекси муурофиавии ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КМҶ ҚТ) асоси ҳимояи ҳуқуқҳои инсон ва шаҳрвандро дар муурофияи ҷиноятӣ муқаррароти Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон ташкил медиҳанд².

Дар назарияи ҳуқуқ оид ба таърифи “ҳимояи ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд” дар пайвастагӣ бо “кафолати конститутсионии ҳифзи судӣ” нуқтаи назари гуногун баён шудааст.

Ба андешаи мо, кафолати ҳифзи судиро дар радифи ҳимояи ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд ба сифати принципҳои муурофияи ҷиноятӣ таҳлил кардан мувофиқ

¹ Мачидзода, Ҷ.З. Суханони ифтиҳӣ дар Конференсияи илмӣ-амалӣ байналмилалӣ “Ҳолати муносири илм ва қонунгузори фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ”. – Душанбе, 2016. – С. 28.

² Кодекси муурофиавии ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 3-юми декабри с. 2009, № 564, (бо тағйири иловаҳо то 19.07.2022 № 1900).

ба мақсади тадқиқоти мазкур аст. Ба назари мо, принсипи ҳимояи ҳуқуқи инсон ва шаҳрванд дар муурофиаи ҷиноятӣ, ки аз кафолати конституционии ҳифзи судӣ сарчашма мегирад, моҳияти ҳифзи судиро дар заминаи таъмини ҳимояи ҳуқуқи инсон ва шаҳрванд, ҳуқуқ ба адолати судӣ ва ошкоро баррасӣ шудани парванда дар муҳокимаи судӣ, аз ҷумла таҳти ҳимояи давлат қарор гирифтани инсон, ҳуқуқ ва озодиҳои ӯ дақиқ мегардад.

Зимнан, дар эҷодиёти муаллифони ватанӣ қайд мешавад, ки мазмун ва моҳияти ҳуқуқи инсон ҳамчун нишондиҳанда ва ифодакунандаи ҷузъи ҳаёти иҷтимоӣ, бо табиати инсон, вазъи шахс дар ҳаёти ҷомеа алоқамандӣ дорад¹. Мавриди зикр аст, ки кафолати ҳифзи судӣ маҳз ба барпо карда шудани шароити мусоид ва дастрас, воқеан амалӣ шудани ҳимояи ҳуқуқи инсон нигаронида шудааст.

Таҳлилҳо нишон доданд, ки ҳуқуқи инсон ҳамчун имконият барои қонеъ гардонидани талаботи табиӣ, моддӣ ва маънавий ҳар шахс зарур аст. Дар адабиёти ҳуқуқӣ роҷеъ ба ин масоил ақидаҳои дигарро вохурдан мумкин аст, ки тибқи онҳо ҳадду ҳудуди ин имкониятҳои табиӣ ва иҷтимоӣ ҳар фард бо меъёр аз ҷониби давлат муқаррар мешавад ё шакли расмӣ хатмӣ мегирад².

Мо низ тарафдори он мебошем, ки ҳуқуқи инсон ифодакунандаи ҳадди имкониятҳои фитрӣ ва иҷтимоӣ инсон аст, ки давлат онҳоро эътироф мекунад, меъёририоя, иҷро ва умуман амалӣ ва ҳимояи онро кафолат додааст, ки дар меъёрҳои ҳуқуқӣ дар шакли кафолати ҳифзи судӣ (расмӣ, давлатӣ) муқаррар шудааст.

Инсон, фарди озод, шахс дорандаи ҳуқуқ аст, яъне сарчашмаи табиӣи ҳуқуқро ташкил медиҳад. Инсон тамоми анъанаҳои нек, арзишҳои иҷтимоӣю динӣ, маънавию ахлоқиро дар шакли ҷамъ - ҳуқуқ медонад. Бо мурури замон, ҳуқуқи инсон ченаки арзишҳои иҷтимоӣ, худшиносӣ ва шакли даркнамӣ, инъикоси воқеа, ҳодиса ва зухуроти иҷтимоӣю табиӣ гаштааст. Аз ҳамин нуқтаи назар, назарияи “давлати ҳуқуқбунёд”, яъне давлате, ки пеш аз ҳама барои амалишавии ҳуқуқи инсон хизмат мекунад, пешбарӣ ва асоснок шудааст³.

Ҳамин тариқ, ҳуқуқи инсон арзишҳои беҳтарини умумибашарию фаро гирифта, моҳияти иҷтимоӣ ва башардӯстона дорад, ба таъмини адолати иҷтимоӣ мусоидат мекунад, баҳри баланд бардоштани сатҳи зиндагӣ ва инкишофи озоди шахсият фазои мусоиди сиёсӣю ҳуқуқӣ, иқтисодиву иҷтимоӣ, маънавӣ ва фарҳангиро фароҳам меорад.

Кафолат, дар адабиёти ҳуқуқӣ ҳамчун низоми восита ва имконияти ҳуқуқии тавассути қонунҳо ва дигар санадҳои меъёрию ҳуқуқӣ муқаррар гардида, ба таври дахлдор иҷро намудани вазифа (ҳуқуқу уҳдадорӣ)-ро муайян менамоянд, аз рӯйи соҳаҳои ҳуқуқӣ (кафолати конституционӣ, маъмурӣ, маданӣ ва ғ.) ва ба кафолатҳои ҳуқуқи моддӣ ва муурофиавӣ ҷудо шудааст⁴.

¹ Имомов, А.И. Вазъи ҳуқуқии инсон ва шаҳрванд, ҳуқуқ, озодӣ ва вазифаҳои асосӣ: монография / А.И. Имомов. – Душанбе: Офсет Империя, 2013. – С. 25; Миралиев, И.К. Права человека в условиях формирования правового государства в Республике Таджикистан: дисс... канд. юрид. наук: 12.00.02 / И.К. Миралиев. – Душанбе, 2014. – С. 19.

² Диноршоев, А.М., Сафаров, Б.А. Формирование прав человека в Таджикистане: история и современность: монография / А.М. Диноршоев, Б.А. Сафаров. – Волгоград, 2014. – С. 34.

³ Диноршоев, А.М. Права человека в истории общественной мысли. – Душанбе, 2013. – С. 9.; Он же. Классификация прав, свобод и обязанностей человека и гражданина в Республики Таджикистан. – Душанбе, 2013. – 140 с; Рахматулоев, А.Э., Мухторов, К.Т., Қаҳоров, Н.М. Амалишавии меъёрҳои ҳуқуқӣ ва танзими муносибатҳои муурофиавии ҷиноятӣ: дастури таълимӣ-методӣ. – Хучанд: Хуросон, - 2019. – С. 160.

⁴ Фарҳанги истилоҳоти ҳуқуқ. Нашри 2-юм / Зери таҳрири М.А. Маҳмудов. - Душанбе: «ЭР-граф», 2009. – С. 220.

Як қатор муаллифон онро институти қонуни конститусионӣ, як намуди ҳифзи давлат, воситаи таъмини ҳуқуқу озодиҳо¹ меноманд, дигарон онро бо адолат ё даст-расӣ ба он муаррифӣ мекунанд², сеюм, нисбат ба муурофияи ҷиноятӣ, онро ҳамчун маҷмуи қоидаҳои ташкилӣ ва муурофиявӣ ифода мекунад, ки ба гумонбаршуда, айбдоршаванда ва ҷабрдида барои ҳифзи ҳуқуқ ва манфиатҳои қонунии онҳо дода мешавад³, чорум онро ҳамчун ҳуқуқ ба ҳифзи судӣ ва ҳалли одилонаи масъалаҳои баррасишаванда дар суд, мешуморанд⁴.

Ақидаи дигаре, ки ҷолиби диққат аст, ақидаи Н.А. Қудратов мебошад, ки қафолатҳои муурофиавии ҷиноятиро чун восита ва тарзҳои махсус донистааст, ки баҳри таъмини ҳуқуқ ва манфиатҳои қонунии иштирокчиёни муурофияи ҷиноятӣ ва иҷрои вазифаҳои муурофияи ҷиноятӣ, ки дар қонунгузорӣ пешбинӣ шудаанд, равона карда мешаванд⁵. Дар навбати худ, баъзе аз муҳаққиқони хориҷӣ қафолатҳои муурофиавии ҷиноятӣ гуфта, ҳуқуқу озодиҳои мушаххаси иштирокчиёни муурофиаро номбар меку-нанд⁶. Ба андешаи муҳаққиқони дигар, ба доираи қафолатҳо, инчунин меъёрҳои ҳуқуқӣ⁷, принципҳои муурофияи ҷиноятӣ⁸ ва шакли муурофиявӣ⁹ дохил мешаванд. Яқин аст, ки ин масоили ҳалталаб аз ҷониби муҳаққиқону олимони ба таври мухталиф ҳаллу фасл карда мешавад. Лекин, мутаассифона мазмуни “қафолатҳои муурофиявӣ” омехта ва ё вобаста кардани имконияти иштирокчиёни муурофия, меъёрҳои ҳуқуқӣ, принципҳои муурофиявӣ ё шакли муурофиявӣ арзёбӣ мешавад, ки фаҳмиши саҳеҳи онро коҳиш медиҳад ва сарди роҳи дар амал таъмин гаштани он мегардад.

Самаранокии амалишавии “ҳуқуқ ба ҳимоя” ё таъмини “қафолати ҳифзи судӣ” на танҳо аз ҳуди шахс, балки аз суд, судья, аз ҷумла прокурор, муфаттиш, таҳқиқба-ранда вобаста аст, ки онҳо вазифадоранд ҳуқуқу озодиҳои шахсро, ки дар муурофияи судии ҷиноятӣ иштирок мекунанд, ҳимоя намуда, ҷиҳати татбиқи онҳо шароит фа-роҳам оваранд, барои қонеъ намудани талаботи қонунии иштирокчиёни муурофияи судӣ сари вақт чораҳо андешанд.

Аз ин рӯ, бо мақсади муқоиса ва равшани андохтан ба моҳияти ҳуқуқии ҳифзи судӣ, ба санадҳои асосии ҳуқуқии байналмилалӣ, ки онро муқаррар кардаанд, му-роҷиат мекунем.

Дар низоми санадҳои ҳуқуқии байналҳалқӣ Эълومияи умумии ҳуқуқи башар ҷойи марказиро ишғол мекунад, ки дар он гуфта шудааст: “Ҳар кас ҳақ дорад бо ба-робарии қонун ба муҳокимаи одилона ва ошкоро аз ҷониби суди мустақил ва бегараз барои муайян кардани ҳуқуқ ва уҳдадорӣҳои худ ва ҷавобгарии ҷиноятӣ нис-бати у бархурдор бошад”. Эълумияи ҳифзи судиро ҳамчун ҳуқуқи инсон ба муурофияи одилона ва ошкорои судӣ муайян кардааст¹⁰.

Санади дигари ҳуқуқии байналмилалӣ, ки ҳуқуқҳои инсонро бо қафолатҳои ҷадиди муурофиавии риояи он мучаҳҳаз мекунад, ин Паймони байналмилалӣ оид ба

¹ Раҳматулоев, А.Э., Мухторов, К.Т., Қаҳоров, Н.М. Амалишавии меъёрҳои ҳуқуқӣ ва танзими муносибатҳои муурофиавии ҷиноятӣ: дастури таълимӣ-методӣ. – Хучанд: Хуросон, - 2019. – С. 9.

² Гафуров, Х.М. Актуальные проблемы реформирования судебной системы. - М., 2005. – С. 4.

³ Ҳуқуқи муурофиавии ҷиноятӣ: китоби дарсӣ / Зери таҳрири Н.А. Қудратов. - Душанбе, 2016. – С. 65.

⁴ Куцова, Э.Ф. Гарантии прав личности в уголовном процессе. - М.: Норма, 1993. – С. 26.

⁵ Ҳуқуқи муурофиавии ҷиноятӣ: китоби дарсӣ / Зери таҳрири Н.А. Қудратов. - Душанбе, 2016. – С. 16.

⁶ Куцова, Э.Ф. Асари зикршуда. – С. 98.

⁷ Шварц, О.Л. Организационные и процессуальные гарантии прав человека и гражданина на судебную защиту (сравнительно-правовой анализ): автореф. дисс... канд. юрид. наук: 12.00.09 / О.Л. Шварц. - М., 1999. – С. 21-22.

⁸ Полянский, Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. - М.: Гос.издат., 1956. – С. 130.

⁹ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник // Отв. ред. П.А. Лупинская. – М., 2004. – С. 3-10.

¹⁰ Эълумияи умумии ҳуқуқи башар (бо қатъномаи Ассамблеяи Генералии Созмони Милали Муттаҳид аз 10-уми декабри соли 1948 қабул шудааст) // Сборник международных актов по правам человека. – Душанбе, 2002. – С. 21.

хуқуқҳои шахрвандӣ ва сиёсӣ мебошад, ки тибқи он «ҳар кас, ки ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашида шудааст ва ё нисбати ӯ айб эълон шудааст ё барои муайян кардани ҳуқуқ ва уҳдадорихо дар ҳама гуна муурофия ҳуқуқ дорад, ки парвандаи у аз ҷониби суди босалоҳият, мустақил ва бегараз, ки тибқи қонун таъсис дода шудааст, одилона ва ошқоро муҳокима карда шавад» (м. 14.1)¹.

Дар матни моддаи 10-и Эъломияи умумии ҳуқуқи башар ибори «ҳимояи судӣ» вучуд надорад. Аниқтараш, ин ҳуқуқ ба муҳокимаи одилона ва ошқорои суди салоҳиятдор, мустақил ва бегараз, ки тибқи қонун таъсис дода шудааст, дахл дорад. Онро аксар вақт «ҳуқуқ ба муҳокимаи судӣ» ё ҷузъи ҷудонашавандаи ҳуқуқ ба муурофияи одилона меноманд². Истифодаи анъанавии ибори «ҳимояи судӣ» бо он асоснок карда мешавад, ки моҳияти мууроҷиати шахс ба суд ин талаби ҳимоя аз суд мебошад ва бинобар бартариятҳои муайяни муурофиавӣ, вобаста ба мақом ва салоҳияти суд онро «ҳимояи судӣ» меноманд. Маҳз, дар соҳаи муурофияи ҷиноятӣ иштирокчиёни он бештар ба ҳифзи судӣ ниёз доранд³.

Эъломияи умумичаҳонии ҳуқуқ ва озодиҳои инсон ва Паймони байналмилалӣ оид ба ҳуқуқҳои шахрвандӣ ва сиёсӣ (м. 14) ҳимояи судиро ҳамчун «ҳуқуқи ҳар як шахсро ба муҳокимаи одилона ва оммавии парванда аз ҷониби суд пешбинӣ кардааст»⁴. Саволе ба миён меояд, ки дар амалия татбиқи он то кадом андоза таъмин шуда истодааст?

Аммо тадқиқот нишон дод, ки бар хилофи м.10 Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон м.1 КМҶ ҚТ, ки тибқи онҳо «санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ, ки Тоҷикистон онҳоро эътироф кардааст, қисми таркибии меъёрҳои ҳуқуқие мебошанд, ки пешбурди муурофияи ҷиноятиро танзим менамоянд ва агар тибқи ин санадҳо нисбат ба муқаррароти Кодекси мазкур тартиби дигаре пешбинӣ гардида бошад, он гоҳ муқаррароти санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ амал мекунанд», дар амалия тафтишотию судӣ татбиқи бевоситаи меъёрҳои конститусионӣ ва санадҳои байналмилалӣ оид ба ҳуқуқи инсон дар пешбурди парвандаҳои ҷиноятӣ то ҳол хеле маҳдуд ва солҳои охир умуман мавҷуд нест. Омузиши амалия нишон дод, ки дар таҷрибаи судҳои ноҳия ва шаҳрҳои вилояти Суғд дар давоми солҳои 2020-2024 ҳангоми баррасии парвандаҳои ҷиноятӣ ягон маротиба татбиқи бевоситаи меъёрҳои конститусионӣ ҷой надоранд⁵.

Дар амалия тафтишотӣ низ чунин камбудихо ҷой доранд, масалан, шахсе, ки бо гумони содир кардани ҷиноят, тибқи м. 92 КМҶ ҚТ дар асоси гумони содир кардани ҷиноят дастгир шудааст, маҷбуран ва дарҳол ба мақомоти судӣ - не, балки ба мақомоти қорҳои дохилӣ ҳозир карда шуда, ба қабули қарори муурофиавӣ ё иҷозати суд дар тавқиғоҳи нигоҳдории муваққатӣ ҷойгир карда мешавад, ки дар натиҷа озодии у бо асосҳои нокифоя маҳдуд карда мешавад. Ин тартиб бар хилофи на танҳо талаботи м. 11 КМҶ ҚТ, балки муҳолифи санадҳои байналхалқӣ (қ. 3 м. 9 Паймони байналмилалӣ доир ба ҳуқуқҳои фитрӣ ва сиёсӣ. 1966.) ва қафолати конститусионии дахлнопазирии озодӣ аст. Таҳлили меъёрҳои муурофиавии ҷиноятӣ нишон дод, ки муқаррароти зерини муурофиавӣ мукамал ва пурра мутобиқ ба меъёрҳои конститусионӣ ва санадҳои байналхалқӣ нестанд, чунки:

а) асоси пешбурди парвандаи ҷиноятӣ (қарори мақомоти ваколатдори давлатӣ дар бораи оғози парвандаи ҷиноятӣ) мавҷуд нест, лекин бо татбиқи дастгир карда

¹ Паймони байналмилалӣ дар бораи ҳуқуқҳои шахрвандӣ ва сиёсӣ (бо қатъномаи 2200 А (XXI) Ассамблеяи Генералии Созмони Милали Муттаҳид 16-уми декабри соли 1966 қабул шудааст) // Маҷмуаи санадҳои байналмилалӣ ва миллӣ оид ба ҳуқуқи инсон. – Душанбе, 2023.

² Международная амнистия: Руководство по справедливому судопроизводству. - М., 2003. – С. 80.

³ Искандаров, З.Х. Защита прав человека в уголовном процессе Республики Таджикистан: история и современность. – Душанбе: «ЭР-граф», 2022. – С.96.

⁴ Полянский, Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. - М.: Гос.издат., 1956. – С. 24.

⁵ Маводди бойгонии суди вилояти Суғд. Солҳои 2020-2024.

шудани шахс танҳо бо асоси гумонбарӣ таъқиби ҷиноятӣ оғоз карда мешавад (м. 26 КМҶ ҚТ);

б) протокли дастгир карда шудани шахс бо гумони содир кардани ҷиноят, чараён ва натиҷаи татбиқи чораи маҷбурии муурофиавиро инъикос мекунад, на ин ки қарори мақомоти босалоҳиятро дар бораи шурӯи пешбурди парвандаи ҷиноятӣ (м.94 КМҶ ҚТ);

в) қарори дахлдори мақомоти таъқиби ҷиноятӣ, ки хулосаи мақомоти таъқиби ҷиноятиро оид ба ҳалли асоснок ва қонунии масъалаи дастгир кардан бо гумони содир кардани ҷиноят нишон медиҳад, қабул карда нашуда, ҳатто зарурати қабул шудани ҷунин қарорро қонунгузор муқаррар накардааст (м. 9 КМҶ ҚТ);

г) масъалаи дар тавқиғоҳи нигоҳдории муваққатӣ нигоҳ доштани шахс на аз ҷониби суд, балки аз ҷониби мақомоти таҳқиқ, муфаттиш ё прокурор ва дар натиҷаи амали ҷабрдида ҳал мешавад (м.м. 25, 91, 92 КМҶ ҚТ), ки ба доираи салоҳияти онҳо ба амалбарории ҳокимияти судӣ мансуб нест. Онҳо дар ба амалбарории адолати судӣ оид ба парвандаҳои ҷиноятӣ иштирок ва мусоидат мекунанд;

ғ) дархости мақомоти пешбурди таъқиби ҷиноятӣ ба суд танҳо дар сурати зарурати татбиқи чораи пешгирии ба ҳабс гирифтани гумонбаршавандае, ки дар тавқиғоҳи нигоҳдории муваққатӣ ҷойгир шудааст, на фавран, балки на дертар аз 8 соат то ба охир расидани мӯҳлати дастгиркунӣ (72 соат) ирсол мешавад. Дар мавридҳои дигар, суд дар бораи дар тавқиғоҳ нигоҳ доштани гумонбашуда ҳатто хабардор намешавад ва бе иҷозати суд озолии шахс маҳдуд карда мешавад (м.м. 92, 94 КМҶ ҚТ), ки муҳолифи санадҳои ҳуқуқии байналхалқие, ки Тоҷикистон оҳоро эътироф кардааст, мебошад.

д) ҳангоми баррасии дархости мақомоти таъқиби ҷиноятӣ, суд бо таҳқиқи мавод вобаста ба қонунӣ будани дастгиркунӣ ва мувофиқи мақсад будан ё набудани татбиқи чораи пешгирӣ, бо назардошти талаботи дар қ. 4 м. 102 КМҶ ҚТ нишондодашуда маҳдуд мегардад. Лекин, дар м. 102 КМҶ ҚТ асосҳои воқеӣ ва ҳуқуқии дастгир карда шудани гумонбаршаванда пешбинӣ нашудааст, яъне ки суд ҳангоми таҳқиқи мавод вобаста ба қонунӣ будани дастгиркунӣ вазифадор нашудааст, ки мувофиқи мақсад, ноғузир будани татбиқи ин чораи маҷбурий ва ниҳоят асосҳои дастгир шудани гумонбаршавандаро мавриди санҷиш ва баррасии судӣ қарор диҳад, ки ба санадҳои ҳуқуқии байналхалқӣ мувофиқ намебошанд.

Бинобар ин, бо мақсади таъмин карда шудани мутобиқати меъёрҳои муурофиавии ҷиноятӣ ба меъёрҳои Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон, амалишавии бевоситаи ҳуқуқи инсон дар амалияи тафтишотию судӣ, ва ниҳоят таъмини воқеии ҳимояи судии ҳуқуқу озолиҳои инсон ва шахрванд дар амалия ва тақвияти салоҳияти назоратии суд дар марҳилаҳои тосудӣ пешниҳод мекунем, ки:

1) Ба андешаи мо, дар амалияи муурофиавии ҷиноятӣ, дар мавридҳои ғайриқонунӣ маҳдуд карда шудани ҳуқуқу озолии инсон, хусусан ҳангоми дастгир карда шудани шахс ва дар тавқиғоҳи муваққатӣ нигоҳ доштани у, суд бояд меъёри конститутсионии (м. 10) “агар қонунҳои ҷумҳурӣ ба санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ эътирофшуда мутобиқат накунанд, меъёрҳои санадҳои байналмилалӣ амал мекунанд” ва қ. 3 м. 1 КМҶ ҚТ-ро ба роҳбарӣ гирифта, аз мақомоти таъқиби ҷиноятӣ риояи онро, новобаста аз арзу шикоят, лекин дар доираи пешбурди парвандаи ҷиноятӣ ва баррасии дархости мақомоти таъқиби ҷиноятӣ талаб намояд. Бинобар ин, дар м. 111 КМҶ ҚТ) пешбинӣ гадад, ки суд қонунӣ будани дастгиркунӣ ва мувофиқи мақсад будан ё набудани татбиқи онро, дар мӯҳлати кутоҳтарин (қобили қабул аст фавран, лекин на дертар аз 3 соат аз лаҳзаи боздошти воқеӣ) бо назардошти талаботи дар м.м. 92, 94 КМҶ ҚТ баррасӣ намояд.

2) Санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ, ки Тоҷикистон онҳоро эътироф кардааст, қисми таркибии низоми ҳуқуқии ҷумҳуриро ташкил медиҳанд. Бинобар ин, амалишавии (на танҳо татбиқ, аз ҷумла риоя, иҷро ва ҳимояи онҳо) бевоситаи

меъёрҳои конститусионӣ ва санадҳои ҳукуки байналмилалӣ оид ба ҳукуки инсон воқеан дар пешбурди парвандаҳои ҷиноятӣ тавассути қарорҳои Пленуми Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва санадҳои Прокурори генералии Ҷумҳурии Тоҷикистон таъмин карда шавад.

3) Дар сарҳати 3, қисми 5 м. 111 КМҚ ҚТ пешбинӣ шудааст, ки баъди баррасии дархости мақомоти таъқиби ҷиноятӣ оид ба татбиқи чораи пешгирӣ дар намуди ба ҳабс гирифтани судя “қарор дар бораи ба таъхир гузоштани қабули қарори дархост ба муҳлати на зиёда аз 72 соат барои пешниҳоди далелҳои асосноки дастгиркуниро қабул мекунад. Дар ин маврид судя дар қарор муқаррар менамояд, ки муҳлати дастгиркуниро то чанд рӯзу соат дароз мекунад.” Ин муқаррароти муурофиавӣ ба меъёри конститусионии дахлнопазирии озодии шахс (м. 19) ва м. 92 КМҚ ҚТ мутобиқ нест. Чунки ин муқаррарот пас аз гузаштани 72 соати маҳдуд карда шудани озодии шахси дастгиршуда, боз ба муҳлати 72 соати дигар ё рӯзҳои ноаниқ, дароз карда шудани муҳлати нигоҳдории шахсро дар тавқифгоҳи муваққатӣ раво донистааст, ҳол он ки тибқи қонун (қ. 3 м. 92 КМҚ ҚТ) аз лаҳзаи боздошт зиёда аз 72 соат, шахси но болиғро бошад, зиёда аз 48 соат дар тавқифгоҳи нигоҳдории муваққатӣ нигоҳ доштан мумкин нест.

Бо назардошти арзиши олий эътироф шудани озодии шахс, дар сурати ба суд пешниҳод нашудани далелҳои асосноки дастгиркунӣ, суд бояд тибқи м. 99 КМҚ ҚТ амал намуда, бо қарори худ шахси дастгиршударо аз тавқифгоҳи нигоҳдории муваққатӣ озод намояд.

Ҳамин тариқ, тибқи Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон «Ҳифзи судӣ ба ҳар кас кафолат дода мешавад» ва бо ҳамин мақом онро давлат ҳамчун ҳукуки инсон ва шахрванд Ҳимоя менамояд (м. 19). Дар ҳама маврид ҳифзи судӣ барои Ҳимояи ҳуқуқ ва озодиҳои инсон равона мешавад. Аз ин хулосаи баровардан мумкин аст, ки ҳар як шахс дар ҳудуди Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳукуки ҳифзи судиро дорад ва ин ҳукуки бунёдии ҳар як шахс, ки тақвияти татбиқи онро дар амалия боиси нигаронӣ аст.

КОБЗАРЕВ ФЁДОР МИХАЙЛОВИЧ

профессор кафедры уголовного процесса факультета подготовки следователей
Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, профессор кафедры
уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной Российского государственного
университета правосудия, доктор юридических наук, профессор
kobzarfm@mail.ru

О ПОЛНОМОЧИЯХ ПРОКУРОРОВ В РОССИИ И РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В действующем законодательстве, как Российской Федерации, так и Республики Таджикистана в современных условиях повышенное внимание уделяется вопросам обеспечения национальной безопасности, сохранению суверенитета и укреплению обороны этих государств. При этом, исходя из многофункционального назначения прокуратур данных стран, преимущественно надзорного содержания полномочий их прокуроров, эти ведомства занимают важное место и выполняют особую роль в системах обеспечения безопасности своих государств.

Это выражается, в первую очередь, в определении и схожести задач указанных прокуратур, состоящих в обеспечении верховенства закона, укреплении законности и правопорядка в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых зако-

ном интересов общества и государства, в том числе, национальных интересов, суверенитета, государственной независимости, территориальной целостности и неприкосновенности территории¹.

Для решения этих задач данными прокуратурами осуществляется реализация таких сходных по значимости функций, как надзор за исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование (обвинение), участие в рассмотрении уголовных, гражданских, арбитражных и других дел судами, осуществляемых преимущественно на правовой основе, в строго регламентированном порядке².

Вместе с тем, прокуратуры России и Таджикистана наделены и другими функциями, которые носят преимущественно организационный характер и не отличаются четкой правовой регламентацией. К их числу в первую очередь, относится функция координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью³, а также функции, связанные с осуществлением взаимодействия органов прокуратур (внутрисистемное, межведомственное, международное).

В свою очередь реализация перечисленных функций обусловлена наделением прокуроров соответствующими полномочиями, которые также, исходя, к примеру, из функции надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и органов дознания (за законностью в досудебном производстве), можно условно именовать процессуальными полномочиями, а полномочия по осуществлению взаимодействия и координационной деятельностью – организационными.

Остановимся на рассмотрении полномочий российских и таджикских прокуроров по участию в выявлении и нейтрализации таких особо значимых угроз безопасности граждан и государства, как терроризм, экстремизм, коррупция и связанных с ними иных преступных проявлениях.

Среди этих полномочий следует выделить фактически одинаковые полномочия прокуроров по надзору за процессуальной и иной деятельностью органов предварительного расследования⁴. Их существо состоит в непосредственном и независимом контроле прокуроров за законностью приема и рассмотрения сообщений о преступных деяниях, содержащих признаки терроризма, экстремизма, коррупции, возбуждения уголовных дел, производства предварительного расследования, а также в принятии решения о судьбе того или иного уголовного дела, в том числе, о направлении его в суд для рассмотрения по существу⁵.

Существенным отличием содержания процессуальных полномочий прокуроров Республики Таджикистана от полномочий российских прокуроров является более детальная

¹ См.: Ст. 1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992, № 2202-1 и ст.4 Конституционного Закона Республики Таджикистана «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан» от 25 июня 2005 г., № 107.

² См. подробнее: Каландаршохи Рахмон. Сравнительный анализ форм осуществления прокурорского надзора за исполнением законов в Российской Федерации и Республике Таджикистан / К. Рахмон // Юридическая наука. – 2022. - № 9. - С. 91-96; Меркурьев, В.В., Агапов, П.В., Закомолдин, Р.В. Охрана государственного суверенитета Российской Федерации уголовно-правовыми средствами / В.В. Меркурьев, П.В. Агапов, Р.В. Закомолдин // Вестник Владимирского юридического института. – 2024. - № 2 (71). - С. 50-56.

³ См.: Статья 8 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992, № 2202-1 и ст. 10 Конституционного закона Республики Таджикистан «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан» от 25 июня 2005 г., № 107.

⁴ Макаренко, М.А. Процессуальный контроль и прокурорский надзор в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: результаты сравнительного анализа законодательства России и Республики Таджикистан / М.А. Макаренко // Российский следователь. - 2023. - № 3. - С. 46-50.

⁵ См.: Статьи 38, 145, 150, 222, 226 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ; Часть 2 ст.36, ст. 145, 146, 168, 247, 250 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан от 03 декабря 2009 г., № 564.

их регламентация в уголовно-процессуальном законе, а главное – в наличии у этих прокуроров ряда дополнительных прав: по возбуждению уголовного дела, процессуальному руководству не только дознанием, но и предварительным следствием, по продлению сроков производства расследования и др. Соответственно это позволяет, на наш взгляд, таджикским прокурорам вносить более весомый вклад в противодействие преступным угрозам национальной безопасности по сравнению с российскими прокурорами.

Следует отметить, что надзорные полномочия прокуроров дополняются и полномочиями по осуществлению уголовного преследования (обвинения). И, если, прокурорам по российскому законодательству, в досудебном производстве фактически не предоставлено право на непосредственное осуществление уголовного преследования, то таджикский уголовно-процессуальный закон определяет право прокурорам наряду с возбуждением уголовного дела в отношении террористов, экстремистов, взяточников, проводить в отношении их предварительное следствие в полном объеме, давать указания о производстве оперативно-розыскных мероприятий и другие права, предусмотренные ст.168 УПК РТ.

Несомненно, важными для борьбы с угрозами безопасности являются и процессуальные полномочия по участию прокуроров обоих государств в рассмотрении уголовных дел судами в качестве государственных обвинителей с предоставлением им прав по распоряжению обвинением, в том числе, по отказу от поддержания обвинения.

Как указывалось, существенное значение для обеспечения эффективности противодействия посягательствам на национальную безопасность имеет реализация прокурорами рассматриваемых государств полномочий, носящих преимущественно, организационный характер. В России и в Таджикистане по вопросам безопасности в различных сферах жизнедеятельности территориальные и специализированные, в том числе, военные прокуратуры активно взаимодействуют друг с другом, как в рамках систем органов прокуратуры, так и между национальными системами прокуратур, а также и с другими субъектами систем обеспечения безопасности, иными органами, организациями, учреждениями.

Примером внутрисистемного взаимодействия прокуратур в России является согласованная деятельность территориальных и военных прокуроров при осуществлении надзорной деятельности за исполнением законов в сфере оборонно-промышленного комплекса. По сложившейся практике прокуроры субъектов РФ направляют материалы для организации проверки в случае установления признаков правонарушений со стороны организаций - соисполнителей работ по государственным контрактам или поставщиков продукции военного назначения, поднадзорным военным прокуратурам, которые осуществляют необходимые проверочные действия и о результатах сообщают территориальным прокурорам по каждому материалу. Также территориальные прокуроры при выявлении нарушений в деятельности военных представительств, органов военного управления незамедлительно информируют соответствующих военных прокуроров для принятия мер прокурорского реагирования.

Другим примером тесного взаимодействия российских органов прокуратуры в рассматриваемой сфере осуществляют и с различными контролирующими органами, в том числе с ФАС России, Роспатентом, Казначейством России, Росфинмониторингом, ФНС России. При этом используются не только такие распространенные формы взаимодействия, как обмен информацией, формирование совместных межведомственных рабочих групп, но и практикуются совместные выезды на места, проведение совместных проверок, совместных коллегий и др.

Основываясь на данных подходах, в Генеральной прокуратуре Российской Федерации сформирован механизм внесудебного блокирования интернет-ресурсов с деструктивной информацией. Благодаря электронному взаимодействию с Роскомнадзором и использованию специального программного обеспечения удается остановить распространение противоправного контента в считанные часы. Исходя из этого, по требованию прокуроров

пресекаются публикации, которые на основе ложных сведений призывают граждан к организации незаконных публичных акций, массовых беспорядков, экстремистских действий и террористических актов. Только за прошедшие полтора года прокуроры добились блокировки либо удаления противоправной информации со 140 тыс. интернет-ресурсов.

Традиционно в качестве самостоятельной функции и элемента межведомственного взаимодействия прокуратур бывших советских республик на постсоветском пространстве стала выступать координация деятельности правоохранительных и других органов по противодействию преступности и иным правонарушениям. При этом устанавливались на законодательном уровне различия в определении субъектов, предмета, пределов, форм координационной деятельности, но оставалось неизменным одно: руководство этой деятельностью осуществлялось и осуществляется прокуратурой, ее первым руководителем и подчиненными ему прокурорами. В этом отношении основные подходы к правовому закреплению и раскрытию существа данной функции в России и Республике Таджикистан примерно одинаковые.

В развитие общих законодательных норм в обеих странах приняты, утвержденные президентами государств положения, имеющие идентичные названия «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью». В них определены цели, задачи, порядок организации, формы координации и другие положения.

Вместе с тем, следует отметить важную деталь правовой регламентации координации в Республике Таджикистан. В ст. 10 Конституционного закона «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан» указано, что решения Координационного совета (в России - Координационного совещания) являются обязательными для исполнения правоохранительными органами, что, к сожалению, отсутствует в российском законодательстве о координации и влечет за собой в отдельных случаях к проявлению формализма по выполнению участниками координации согласованных решений¹.

Тем не менее, в обоих государствах выстроена отлаженная уровневая система координации, начиная с районного, городского и гарнизонного (для военных прокуратур) уровня и заканчивая уровнем генеральных прокуратур. Предметом заседаний координационных органов (совещаний, советов) прокуратур выступают самые различные вопросы, как связанные в целом с борьбой с преступностью (предупреждение, пресечение, раскрытие, расследование преступлений, исполнение уголовных наказаний)², так и с конкретными угрозами безопасности граждан и государства³. Подобные заседания на регулярной основе проводятся и под председательством генеральных прокуроров России и Таджикистана⁴.

¹ Конституционный закон Республики Таджикистан «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан» от 25 июня 2005 г., № 107 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2005 год, №7, ст. 398; 3 РТ 2021 год, №1- 2, ст. 2.

² 18 июня 2024 под председательством прокурора города Краснодара состоялось координационное совещание руководителей правоохранительных органов, на котором были обсуждены причины и условия, способствующие совершению тяжких и особо тяжких преступлений против личности, результаты работы правоохранительных органов по их профилактике, раскрытию и расследованию преступлений // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://prokgkr.ru/contact> (дата обращения: 02.12.2024).

³ Под председательством прокурора города. Худжанда состоялось заседание Координационного совета правоохранительных органов, на котором обсуждались вопросы продовольственной безопасности // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://tj.sputniknews.ru/20241031/prokuror-khujand-deyatelnost-chinovniki-1064928925.html> (дата обращения 02.12.2024)

⁴ Под председательством Генерального прокурора РФ состоялось заседание Координационного совещания руководителей правоохранительных органов России. В ходе заседания рассмотрены результаты работы по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, цифровой валюты и компьютерной информации // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://council.gov.ru/events/news/160912/> (дата обращения 02.12.2024)

Важной формой организационной деятельности прокуратур государств-участников СНГ по обеспечению безопасности населения и государств является взаимодействие прокуроров в рамках функционирования Координационного совета генеральных прокуроров¹, а также иные формы международного сотрудничества российской прокуратуры с другими правоохранительными структурами Таджикистана².

Изложенное о полномочиях российских и таджикских прокуроров, их сравнительно-правовой анализ свидетельствует, с одной стороны, об их схожести и обоюдной направленности на обеспечение надежной безопасности во всех сферах жизнедеятельности своих стран, предотвращение и нейтрализации вызовов и угроз мерами прокурорского реагирования. С другой стороны, это позволяет выявить отдельные правовые и организационные положения, которые было бы целесообразно заимствовать друг у друга для повышения эффективности прокурорской деятельности.

РАХМАДЖОНЗОДА РИФАТ РАХМАДЖОН
заместитель начальника Академии МВД Республики Таджикистан по науке,
доктор юридических наук, доцент, полковник милиции
reefat@yandex.ru

15-ЛЕТИЕ ДЕЙСТВИЯ УПК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН: ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Организация и проведение научных форумов, касающихся круглых дат принятия ключевых нормативных правовых актов (в нашем случае 15-летие действия УПК Республики Таджикистан), а также славные юбилеи выдающихся деятелей науки и практики имеет всегда свои особенности. Именно эти особенности придают научно-представительским мероприятиям некую дань преемственности и закладывают основы для дальнейшего пересмотра движущей силы, предлагаемых инициатив и перспектив для развития той или иной отрасли.

Участвую уже в нескольких по масштабам международного значения научных форумах³, посвященных подведению итогов действия УПК Республики Таджикистан, а также анализируя многие научные и законодательные инициативы, хотелось бы в рамках данной статьи в максимально сжатой форме акцентировать внимание коллег и соратников на нескольких основных направлениях, которые, как нам кажется, являются перспективными для исследования. Здесь же, сразу необходимо сделать оговорку, что предлагаемые

¹ См. подробнее: Мамыкин, А.С. К вопросу о роли Координационного совета генеральных прокуроров государств-участников СНГ в укреплении законности и правопорядка в странах содружества / А.С. Мамыкин // Закон и право.- 2018. - № 12. - С. 120-124.

² Генеральная прокуратура России и Агентства по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией Таджикистана заключили соглашение о сотрудничестве, направленное на развитие двустороннего взаимодействия // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=98005471> (дата обращения:- 02.12.2024).

³ Достижения, проблемы и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан : материалы международной научно-практической конференции. – Душанбе, 2014. – 283 с.; Предварительное расследование и перспективы его развития: материалы международной научно-практической конференции // под общей редакцией к.ю.н., доцента Ф. Р. Шарифзода. – Душанбе, 2018. – 250 с.; Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан: 10-лет действия, трудностей и перспектив (материалы научно-практического республиканского круглого стола, г. Душанбе, 16 ноября 2020 г.) / Под ред. к.ю.н., доцента Махмудова И.Т. – Душанбе : Изд-во ТНУ, 2022. – 216 с.

нами направления не являются бесспорными, а указывают на наше видение науки и практики уголовно-процессуального законодательства.

1. Произошедшие за последние годы независимости изменения в различных сферах жизни Таджикистана потребовали реформирования уголовно-процессуального законодательства, переориентации его на обеспечение и соблюдение защиты правового положения лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. Как следствие, стало очевидным, что в республике необходимо осуществление судебно-правовой реформы, которая оптимизирует национальную систему судостроительства и судопроизводства. Значительный шаг в развитии демократических начал судопроизводства внесла Конституция Республики Таджикистан, принятая 6 ноября 1994 г., которая признала права и свободы человека наивысшей ценностью (ст. 5).

В связи с этим государству как одному из гарантов этих ценностей необходимо было разработать реальные механизмы обеспечения и воплощения в жизнь вышеперечисленных взятых на себя обязательств. В своем ежегодном Послании парламенту страны 20 апреля 2006 г. Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон поручил Высшим судебным органам, Совету юстиции и другим государственным органам подготовить Программу судебно-правовой реформы. Соответствующая Программа была подготовлена и утверждена Указом Президента Республики Таджикистан 23.06.2007 г. № 271. В соответствии с ней важнейшим направлением судебной реформы должны были стать разработка и принятие в новой редакции УПК Республики Таджикистан.

Необходимо отметить, что вопросы разработки и принятия действующего УПК Республики Таджикистан не были предметом детального изучения. К примеру, по утверждению С. Романова, за последние 15 лет было создано несколько рабочих групп по разработке проекта УПК Республики Таджикистан, и были подготовлены 3 версии законопроекта¹. Частично с этим мнением можно согласиться, но необходимо отметить, что начиная с 1995 г. до 2008 г. в соответствии с распоряжениями Президента Республики Таджикистан были организованы четыре рабочие группы², куда входили представители профильных министерств, комитетов, других госструктур, адвокатуры, и академических кругов. Первая рабочая группа должна была с 20 июня по 20 августа 1995 г., вторая рабочая группа сроками не была ограничена, третья рабочая группа должна была завершить разработку и дополнение кодекса до 1 сентября 1998 г., а четвертая рабочая группа была уполномочена до 1 сентября 2008 г. разработать и представить проект УПК Республики Таджикистан.

В декабре 2009 г. один из проектов УПК Республики Таджикистан³ с доработками и изменениями был принят и вступил в силу с 1 апреля 2010 г. Столь позднее принятие кодекса со стороны таджикских властей, по мнению О. Е. Политыко, является проведение тщательного анализа структуры и содержания норм уголовно-процессуального законода-

¹ Романов, С. Исследование уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан // Алимбаев И., Лоуренс Ф., Осмоналиев К., Романов С. Уголовно-процессуальная реформа в странах Центральной Азии. – Европейский Союз, 2013. – С. 85.

² Об утверждении составов рабочих групп по разработке кодексов : распоряжение Президента Республики Таджикистан от 9 июня 1995 г. № РП-56; Об утверждении составов рабочих групп по разработке и дополнительной доработке кодексов : распоряжение Президента Республики Таджикистан от 17 марта 1998 г. № РП-589; Об утверждении составов рабочих групп по разработке Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан и Кодекса исполнения уголовных наказаний Республики Таджикистан : распоряжение Президента Республики Таджикистан от 19 мая 2000 г. № РП-130; Об утверждении состава рабочей группы по разработке и представлению Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан : распоряжение Президента Республики Таджикистан от 5 февраля 2008 г. № РП-499 // Доступ из ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0».

³ О принятии и введении в действие УПК Республики Таджикистан : закон Республики Таджикистан от 3.12.2009 г. № 564 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2009. – № 12 (1409). – Ст. 816.

тельства России, благодаря чему смогли оценить эффективность действия того или иного положения¹. Аналогичного мнения придерживаются отечественные ученые². С данными позициями трудно согласится, так как для этого необходимо привести ряд аргументов, указывающих на реальную оценку и проведенный анализ со стороны соответствующих лиц.

2. В настоящее время, как показывает опыт разработки и публикации соответствующих видов научных работ, не всегда вопросы преемственности и исторических особенностей действия уголовно-процессуального законодательства становятся предметами комплексного изучения. Мы постарались аккумулировать те исторические временные рамки, в которых функционировало наше уголовно-процессуальное законодательство.

Так, в результате проведенного исследования³ мы приходим к выводу о целесообразности и своевременности использования принципа преемственности в теоретико-правовых и уголовно-процессуальных исследованиях, изучающих исторические особенности и предпосылки функционирования отдельных институтов уголовно-процессуального законодательства Таджикистана, которое, прежде всего, связано с использованием обширного исторического опыта в контексте их дальнейшего совершенствования и реализации. Поэтапное развитие и дальнейшие перспективы совершенствования уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистана зависят от комплексной проработки теоретических вопросов реализации соответствующих институтов уголовного судопроизводства и разработки научно обоснованных рекомендаций по ее совершенствованию.

В контексте уточнения своих позиций, нами предлагается авторская классификация периодизации уголовно-процессуального законодательства, которая заметно отличается своей объективностью и обоснованностью. Наше обоснование основывается на ретроспективным анализом, сравнением научных источников, изучением архивных данных и публикаций, позволившая на этой основе разработать хронологию авторской периодизации, заключающаяся в возникновении первых уголовно-процессуальных норм со времени образования государственности таджиков (до 1864 г.); эволюции уголовно-процессуального законодательства в условиях имперско-советской государственности (1864-1923 / 1924 гг.); функционировании уголовно-процессуального законодательства в условиях вхождения Таджикской АССР в состав Узбекской ССР (1926 / 1929 гг.); принятии первых самостоятельных уголовно-процессуальных кодексов советского Таджикистана (1935-1961 гг.); функционировании советского уголовно-процессуального кодекса Таджикистана (1961-1991 гг.); действие постсоветского периода уголовно-процессуального законодательства (1991-2009 гг.) и современный период развития уголовно-процессуального законодательства Таджикистана (с 2009 г. – по настоящее время).

Предлагаемую авторскую периодизацию уголовно-процессуального законодательства Таджикистана в контексте ее дальнейшего развития можно классифицировать / сгруппировать в следующей редакции:

- эволюция уголовно-процессуального законодательства (до 1864 г.);

¹ Политыко, О. Е. Процессуальное положение защитника в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Таджикистан и Российской Федерации // Стратегия противодействия преступлениям как элемент международной и национальной безопасности : сборник научных трудов / под ред. Н. С. Расуловой. – Екатеринбург, 2021. – С. 143.

² Искандаров, З. Х., Махмудов, И. Т., Абдуллоев, П. С. Развитие уголовно-процессуального законодательства в период развития государственной независимости // 30 лет государственной независимости и развитие правовой системы Таджикистана (на тадж. яз.). – Душанбе, 2021. – С. 125-126.

³ Рахмаджонзода, Р. Р. Учение об уголовном преследовании в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан : дис. ... д-ра юрид. наук. – Душанбе, 2023. – Т. 1-730 с.

- имперско-советский период развития уголовно-процессуального законодательства (1864-1923 / 1924 гг.);
- период функционирования уголовно-процессуального законодательства Узбекской ССР (1926-1929 гг.);
- самостоятельный период развития уголовно-процессуального законодательства (1935-1961 гг.);
- советский период развития уголовно-процессуального законодательства (1961-1991 гг.);
- постсоветский период развития уголовно-процессуального законодательства (1991-2009 гг.);
- современный период развития уголовно-процессуального законодательства (с 2009 г. – по настоящее время).

3. В настоящее время уголовно-процессуальное законодательство Таджикистана переживает период качественного обновления. Интенсивность изменений и дополнений действующего уголовно-процессуального законодательства и варианты оптимизации, которые осуществляют законодательный корпус и инициаторы некоторых законопроектов, дополнительно подтверждают о необходимости совершенствования отдельных норм и положений закона.

Необходимо отметить, что за годы действия уголовно-процессуального закона правоприменительная практика в достаточной мере освоила новые нормы закона, хотя в повседневной уголовно-процессуальной деятельности встречаются затруднения в уяснении и применении некоторых уголовно-процессуальных норм, которые диктуют необходимость формирования единых подходов в их толковании с целью последующего их применения.

Как нам представляется, прежде всего, необходимо проанализировать изменения и дополнения УПК Таджикистана с момента его вступления в действие и до 31 декабря 2024 г. включительно. Анализ указанных изменений и дополнений включает в себя как количественные, так и содержательные аспекты внесенных поправок.

За анализируемый период в УПК Республики Таджикистан были внесены изменения и дополнения 31 законами Республики Таджикистан, которые существенно обновили порядка 232 уголовно-процессуальных норм. Из них:

новые части – *часть IV. Международное сотрудничество в области уголовного производства;*

новые разделы – *раздел XII. Взаимодействие судов, прокуроров, следователей и органов дознания с уполномоченными органами и должностными лицами иностранных государств;*

новые главы – *глава 48. Взаимодействие судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими органами и должностными лицами иностранных государств в порядке оказания правовой помощи по уголовным делам; глава 49. Оказание правовой помощи; глава 50. Продолжение уголовного преследования; глава 51. Выдача лица; глава 52. Признание и исполнение приговоров, постановлений судов иностранных государств;*

новые статьи – *ст. 35¹ Порядок рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий; ст. 88¹ Недопустимые доказательства; ст. 167¹ Восстановление уголовного дела; ст. 50¹ Оплата услуг защитника за счет государства; ст. 35² Порядок получения разрешения суда на проведение следственного действия; ст. 77¹ Заключение и показания специалиста; ст. 119¹ Порядок направления жалобы лица, задержанного или содержащегося под стражей;*

статьи в новой редакции – *ст. 88 Оценка доказательств; ст. 94 Порядок задержания подозреваемого; ст. 203 Особенности допроса несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего;*

редакционные и технические уточнения статей – пункты 21, 22, 25, 26, 28, 36, 41, 42, 45-51, 53, 54, 56-59, 61-65, 84, 86, 88, 89, 91, 92, 94-97, 99, 100, 107, также название двух глав (главы 14 и 22) были существенно доработаны и уточнены¹.

В основном приведенные изменения и дополнения носят редакционно-содержательный и орфографический характер. Также среди них встречаются и существенные нововведения.

Следует также отметить, что количество изменений, вносимых каждым из принятых законов в УПК Республики Таджикистан, различно по содержанию и не имеет однозначной связи с численностью последних, что выделяется в приведенных таблицах. Масштабные правки были в 2011 г. – 2 законами 44 правки (0,88 %), а в 2016 г. – 4 законами 33 правки (1,32 %). Исключением не стал и 2021 г. – 4 законами внесено 49 правок (1,96 %). Единственный год, в котором в УПК Республики Таджикистан не было правок, стал – 2023 г.

В общем, если посчитать, то 31 законов Республики Таджикистан в текст УПК Республики Таджикистан было внесено порядка 232 изменений и дополнений. В процентном соотношении вышеуказанные правки составляют порядка 6,33 %. Конкретные данные приведены в таблицах изменений и дополнений в УПК Республики Таджикистан.

Таблица № 1

Внесение изменений и дополнений в УПК Республики Таджикистан с 2010 по 2017 гг.

Количество законов, которыми вносились изменения и дополнения в УПК Республики Таджикистан (по годам, в количественном и процентном соотношении)								
Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Количество законов	1	2	5	2	2	1	4	1
Количество изм. и доп.	2	44	12	5	18	5	33	5
В % соотношении	0,02	0,88	0,6	0,1	0,36	0,05	1,32	0,05
Всего	18 (3,38 %)							

Таблица № 2

Внесение изменений и дополнений в УПК Республики Таджикистан с 2018 по 2024 гг.

Количество законов, которыми вносились изменения и дополнения в УПК Республики Таджикистан (по годам, в количественном и процентном соотношении)							
Год	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Количество законов	1	1	2	4	4	0	1
Количество изм. и доп.	5	1	10	49	19	-	16
В % соотношении	0,05	0,01	0,2	1,96	0,57	-	0,16
Всего	13 (2,95 %)						

¹ См.: Сравнительная таблица изменений и дополнений в УПК Республики Таджикистан // Анализ исполнения государственных программ Республики Таджикистан в области судебно-правовой реформы. – Душанбе, 2018. – С. 67-122.

Изменения и дополнения текста УПК Республики Таджикистан, которые касаются как содержания, так и отдельных недостатков, не всегда имеют цель систематизации и конкретизации его основных норм.

Концептуальные основы в реформировании того или иного законодательства порой, а то и часто законодателем не учитываются и разрабатываются проекты законов без их учета и общего согласования однородных норм. К этой категории законодательных актов можно отнести Закон Республики Таджикистан от 23.07.2016 г. № 1332¹ который, как нам представляется, в некоторой степени стер границы между делами частного и частно-публичного обвинения². Единственным отличием стала норма, которая также указывает на тот шаблонный подход, где в случае примирения пострадавшего лица с обвиняемым и в последующем возмещения нанесенного вреда пострадавшему, производство по уголовному делу прекращается. Также здесь остается открытым вопрос о временном пределе примирения и процессуальном порядке примирения. Подобные требования также были включены в полномочия следователя.

В контексте данного исследования, посчитали необходимым перечислить законы Республики Таджикистан, которыми вносились изменения и дополнения в отдельные нормы УПК Республики Таджикистан³. Здесь необходимо отметить, что законодатель в соответствии с Законом Республики Таджикистан от 23 ноября 2015 г. № 1229 впервые установил специальное уточнение по факту вступления внесенных поправок в законную силу. Так, ч. 1 и 2 указанного Закона вступят в силу с 27 марта 2016 г., тогда как ч. 3 и 5 Закона, вступают в действие уже с момента официального их издания.

Частично проанализированные новшества и соответствующие правки в УПК Республики Таджикистан подтверждают отсутствие системного подхода в процессе разработки отдельных норм закона. Редакционная правка УПК Республики Таджикистан еще раз доказывает, что в спешке принимаемые законы в скором времени нуждаются в совершенствовании. Явным примером может быть дополнение относительно дистанционного допроса свидетеля и потерпевшего. В ст. 197 УПК Республики Таджикистан добавили вторую часть в следующей редакции: «В случае нахождения свидетеля или потерпевшего за пределы республики допрос может быть осуществлен дистанционно с использованием телекоммуникационных систем и электронной почты с составлением протокола, подтвержденного цифровой подписью. Следователь может производить дистанционный допрос в присутствии понятых. Допрос производится с соблюдением требований статьей 199-203 настоящего Кодекса без составления протокола»⁴. Видится явным недоработанность в виде составления протокола или его не составление.

¹ О внесении изменений и дополнений в УПК Республики Таджикистан : закон Республики Таджикистан от 23.07.2016 г. № 1332 // Джумхурият. – 2016. – № 146-149. – 28 июля.

² На этот момент также обращают внимание отечественные авторы. См.: Искандаров, З. Х., Салимзода, Т. Н. Некоторые процессуальные правила участия прокурора в судебном рассмотрении уголовных дел // Правовая жизнь. – 2018. – № 4 (24). – С. 109.

³ Законы Республики Таджикистан от 21 июля 2010 г. № 618; от 25 марта 2011 г. № 692; от 02 августа 2011 г. № 755; от 16 апреля 2012 г. № 809; от 03 июля 2012 г. № 864; от 01 августа 2012 г. № 878; от 28 декабря 2012 г. № 927; от 28 декабря 2012 г. № 932; от 22 июля 2013 г. № 982; от 22 июля 2013 г. № 983; от 14 марта 2014 г. № 1067; от 27 ноября 2014 г. № 1134; от 23 ноября 2015 г. № 1229; от 15 марта 2016 г. № 1275; от 14 мая 2016 г. № 1306; от 23 июля 2016 г. № 1332; от 23 июля 2016 г. № 1333; от 24 февраля 2017 г. № 1381; от 17 мая 2018 г. № 1516; от 2 января 2019 г. № 1556; от 4 июля 2020 г. № 1696; от 4 июля 2020 г. № 1702; от 29 января 2021 г. № 1755; от 20 апреля 2021 г. № 1777; от 23 декабря 2021 г. № 1810; от 23 декабря 2021 г. № 1811; от 18 марта 2022 г. № 1853; от 19 июля 2022 г. № 1900; от 24 декабря 2022 г. № 1926; от 24 декабря 2022 г. № 1927; от 03 января 2024 г. № 2017.

⁴ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан : закон Республики Таджикистан от 19 июля 2022 г. № 1900 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2022. – № 7. – Ст. 442.

4. В контексте современных трендов науки и практики отечественного уголовного судопроизводства, не последнюю роль играет научная разработанность и должный научный потенциал. В нашем случае, мы постарались собрать общее количество трудов по научной специальности 12.00.09, опубликованных в Таджикистане¹, которые в дальнейшем могут быть полезны для начинающих молодых ученых в этой области научных знаний.

Собранные нами труды по научной специальности 12.00.09 приведены в сравнении периода становления и развития юридической науки и практики с периодом Государственной независимости Таджикистана. Годы для сравнения выбраны не случайно, а вытекают из авторской классификации периодизации юридической науки и практики уголовно-правового профиля. Авторская классификация периодизации юридической науки и практики не исключает другие возможные формы периодизации, а дополняет уже имеющиеся научные разработки. Следует отметить, что заметно обновлены количественные данные, приведенные в нижеследующей таблице.

№ п/п	Наименование ²	Периоды для сравнения		Всего
		1949-1990 гг.	С 1991 г. по н/в	
1.	Докторские диссертационные исследования	3	3	6
2.	Кандидатские диссертационные исследования	13	25	38
3.	Учебники	1	10	11
4.	Монографические исследования	12	35	47
5.	Учебно-научные и иные издания	9	89	98
6.	Сборники научных трудов и материалов конференций	50	49	99
В общем: 298		88	211	299

В свою очередь, мы не можем полностью и с уверенностью утверждать о том, что подавляющее большинство собранных нами трудов, как точно утверждают специалисты-библиографы – составлена / просмотрена «де визу» (de visu) (т.е. с личным просмотром / ознакомлением). Труды, которые не имеют полного описания выходных данных, в начале помечены символом «*».

Количество и соответствующие вышеприведенные цифры указывают об актуальности и своевременности проводимых конкретных научных исследований, а также свидетельствуют о современных достижениях и дальнейшем развитии уголовно-процессуальной науки и практики в Таджикистане.

Необходимо здесь же отметить, что многие труды, которые опубликованы даже за пределами Таджикистана, но в которых затрагиваются и исследованы проблемы отечественной науки и практики включены в данную таблицу. Это относится как авторам-ученым, так и непосредственно тематике исследований. Здесь же необходимо отметить,

¹ Труды приводятся в доработанном варианте из нашей работы, специально посвященной рассмотрению смежных направлений подготовки кадров. См.: Рахмаджонзода Р. Р. (Юлдошев Р. Р.). Библиография по уголовно-правовому профилю подготовки кадров: научное издание. – Душанбе: «ЭР-граф», 2019. – С. 192-216; 268-285.

² Труды приведены по состоянию на 31 декабря 2024 г.

что до сих пор достижения и недостатки подвергаются критическому анализу со стороны отечественных ученых и практиков¹.

5. Перспективами для развития уголовно-процессуального законодательства, как в научном, так и в практическом планах, как нам представляется возможным и целесообразным, являются:

1. Обсуждение и принятие разработанных авторских проектов Постановления Правительства Республики Таджикистан «О Стратегии реформировании деятельности органов расследования Республики Таджикистан на период до 2030 года» и проект Указа Президента Республики Таджикистан «О Концепции совершенствования уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан до 2030 года».

2. Организация и проведение комплексной научно-практической экспертизы Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан на предмет выявления расхождений терминологии на таджикском и русском языках.

3. Обобщение судебной практики в контексте разработки и опубликования актуальных Постановлений Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан, связанных с уголовно-процессуальной деятельностью судебных и правоохранительных органов республики.

4. Систематизация и унификация всех статистических данных о совершенных правонарушениях на территории Республики Таджикистан с указанием точных показателей в дезагрегированном варианте с последующим возможным доступом для использования.

5. Обобщение республиканской судебно-следственной практики судебных и правоохранительных органов с обязательным опубликованием специального бюллетеня расследования и рассмотрения уголовных дел за определенный отчетный период.

6. Организация, проведение и издание ежегодного мониторинга уголовного судопроизводства со стороны компетентной рабочей группы из числа ученых-процессуалистов, сотрудников судебных и правоохранительных органов, представителей адвокатуры, неправительственных организаций и др.

7. Поэтапный переход к цифровизации уголовно-процессуальной деятельности судебных и правоохранительных органов в контексте оказания высококвалифицированных и качественных государственных услуг населению.

¹ Практика применения Уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан и рекомендации по его совершенствованию // под ред. Маджитова А.М., Камоловой Е.Д. – Душанбе, 2012. – 228 с.; Достижения, проблемы и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан: материалы международной научно-практической конференции. – Душанбе, 2014. – 283 с.; Актуальные вопросы реформирования процессуального законодательства и правоохранительной деятельности (материалы международной научно-теоретической конференции, г. Душанбе, 25 ноября 2016 г.) / Под редакцией заведующего кафедрой судебного права и прокурорского надзора, кандидата юридических наук, доцента Махмудова И. Т. – Душанбе, 2016. – 372 с.; Роль судебной экспертизы в расследовании преступлений: материалы республиканской научно-практической конференции (г. Душанбе, 25 апреля 2018 г.) // под редакцией к.ю.н., доцента Назарова А. К. – Душанбе, 2018. – 180 с.; Предварительное расследование и перспективы его развития: материалы международной научно-практической конференции // под общей редакцией к.ю.н., доцента Ф. Р. Шарифзода. – Душанбе, 2018. – 250 с.; Уголовная политика в контексте современных мировых тенденций: материалы международной научно-практической конференции // под общей редакцией к.ю.н., доцента Ф. Р. Шарифзода. – Душанбе, 2018. – 334 с.; Роль юридической науки в современных условиях: теория и практика : материалы VI международной научно-практической конференции (Душанбе, 31 октября 2018 г.). – Душанбе, 2018. – 544 с.; Рекомендации по совершенствованию положений Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (на тадж. яз.). – Душанбе, 2019. – 82 с.; Нуриддинов, С. Х., Окилов, Ф. О., Саидов, Б. А. Мониторинг действия Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан, Закона Республики Таджикистан «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» и их соответствие международным стандартам (на тадж. яз.). – Душанбе, 2020. – 148 с.; Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан: 10-лет действия, трудностей и перспектив (материалы научно-практического республиканского круглого стола, г. Душанбе, 16 ноября 2020 г.) / Под ред. к.ю.н., доцента Махмудова И.Т. – Душанбе : Изд-во ТНУ, 2022. – 216 с.

8. Подготовка и издание научно-практического комментария Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан на таджикском и русском языках, соответственно других законов, регламентирующих уголовно-процессуальную деятельность.

9. В контексте сближения науки и практики уголовного судопроизводства необходимо поэтапно издавать соответствующую учебную и научную литературу, практические материалы на таджикском и русском языках.

10. В рамках подготовки, переподготовки и повышения квалификации будущих и действующих сотрудников судебных и правоохранительных органов необходимо разработать учебный план-проспект с максимальным охватом современных тенденций науки и практики уголовного судопроизводства.

САФАРЗОДА АНВАР ИСЛОМ

профессори кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ ва муқовимат бо коррупсияи факултети
ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, доктори илмҳои ҳуқуқшиносии
Anvar_safarov85@mail.ru

КАМОЛОВ ХУРШЕДУЛЛО СУБҲОНҚУЛОВИЧ

омӯзгори калони кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ ва муқовимат бо коррупсияи факултети
ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносии
khurshedullo.97@mail.tu

БАЪЗЕ МАСЪАЛАҲО ВОБАСТА БА ТАТБИҚИ МЕЪЁРҲОИ ҲУҚУҚИ БАЙНАЛМИЛАЛӢ ДАР МЕЪЁРҲОИ ҚИСМИ УМУМИИ ҲУҚУҚИ ҶИНОЯТИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В
НОРМАХ ОБЩЕЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Меъёрҳои ҳуқуқӣ-байналмилалӣ оид ба ҷиноят, аломатҳои субъект, гуноҳ, ҷинояти хотиманаёфта ва шарикӣ дар ҷиноят худичрошаванда намебошанд, чунки аломатҳои умумии ба ҳамаи таркибҳои ҷиноят дахлдоштаро, ки дар Қисми махсуси Кодекси ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд - КҶ ҚТ) пешбинӣ шудаанд, муқаррар менамоянд. Ба ибораи дигар, онҳо ҷиноят будани кирдорро муайян мекунад. Бинобар ин, татбиқи онҳо танҳо бавосита буда метавонад. Дар фарқият аз ин, меъёрҳои ҳуқуқи байналмилалӣ, ки ҳолатҳои истиснокунандаи ҷиноят будани кирдорро пешбинӣ менамоянд, худичрошаванда мебошанд ва бевосита татбиқ карда мешаванд.

Фасли II КҶ ҚТ нисбат ба дигар қисмҳои Қисми умумии КҶ ҚТ меъёрҳои ками татбиқшавандаро фаро мегирад. Ин ба он вобастагӣ дорад, ки дар ҳуқуқи байналмилалӣ мафҳуми умумии ҷиноят коркард нашудааст. Масъалаи мазкур пурра дар салоҳияти қонунгузори миллии қарор дорад. Аммо, таҳлили санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ имкон медиҳад қайд намоем, ки дар онҳо аломатҳои алоҳидаи умумии субъекти ҷиноят мавҷуд мебошанд.

Дар навбати аввал, ҷиноят - кирдори шахс ва оқибатҳои ҳаракатҳои ӯро ифода менамояд, ки дорои тавсифи фазоӣ ва замонӣ мебошад. Чунин кирдор бояд бошуурона содир карда шуда, шахси содиркардаи он, бо иродаи худ амал намояд. Дар м. 1 Эъломияи умумии ҳуқуқи башар муқаррар шудааст, ки тамоми одамон аз лаҳзаи таваллуд «дорои ақл ва вичдон мебошанд». Озодии фаъолияти фикрӣ ва

иродавӣ ба ҳар як шахс хос буда, мазмуни субъектҳуқуқи ӯро ташкил медиҳад (м. 16 Паймони байналхалқӣ оид ба ҳуқуқҳои шахрвандӣ ва сиёсӣ). Ба маънои ҳуқуқ-ҷиноятӣ чунин субъектҳуқуқӣ мукаллафии шахси ҷиноят содиркардари ифода менамояд.

Дар м.м. 24 ва 25 ҚЧ ҚТ номукаллафӣ ҳамчун ҳолате муайян гардидааст, ки дар натиҷаи бемории рӯҳӣ ё парешонҳолии дардмандонаи рӯҳӣ ба миён омада, барои дарки хавфи кирдори худ ё идора кардани он имконият намедиҳад. Мафҳуми мукаллафӣ аз мафҳуми номукаллафӣ ҳосил шуда, ҳамчун яке аз аломатҳои субъекти ҷиноят, дар назарияи ҳуқуқи ҷиноятӣ ҳамчун қобилияти аз тарафи шахс дарк гардидани хусусияти воқеъ ва ба ҷамъият хавфнокии ҳаракатҳои худ ва идора кардани онҳо ифода карда мешавад¹.

Санади ҳуқуқи байналмилалии болозикр аз эҳтимолияти (презумпсияи) мукаллафии ҳама гуна инсон бармеояд. Мукаллафии шахс исботкунии махсусро талаб намекунад. Дар иртибот ба ҳуқуқи ҷиноятӣ ин гуфтаҳо маънои онро дорад, ки ҳама гуна шахси ба синни ҷавобгарии ҷиноятӣ расида, мукаллаф доништа мешавад, то замоне, ки ҳолати баръакс исбот карда нашавад.

Ба андешаи баъзе муаллифон, эҳтимолияти (презумпсияи) мукаллафӣ бояд дар сатҳи қонунгузорӣ мустаҳкам карда шавад². Ба назари мо, нуқтаи назари муқобили ин асоснок мебошад³. Яқум, ин ки таҷрибаи судӣ алақай дер боз эҳтимолияти мукаллафиро ба асос мегирад. Дуюм, эҳтимолияти мукаллафӣ бинобар сабаби дар ҳуқуқи байналмилалӣ ба сифати меъёр-принсип мустаҳкам гардиданаш алақай ба низоми ҳуқуқи миллӣ шомил буда, бояд бидуни дар қонуни ҷиноятӣ мустаҳкам шудан аз тарафи ҳуқуқтатбиқкунанда бевосита ба инobat гирифта шавад.

Ҳуқуқи байналмилалӣ шарҳи мафҳуми гуноҳро фаро намегирад. Гарчанде, санадҳои ҳуқуқи байналмилалие, ки ба мубориза бо ҷиноятҳои байналмилалӣ ва ҷиноятҳои хусусияти байналмилалӣ дошта равона гардидаанд, баъзан ба шакли мушаххаси муносибати рӯҳии шахси кирдорро содирнамуда нисбат ба ҳаракати (беҳаракати)-и худ ва оқибатҳои он ишора менамоянд. Барои тавсифи фаъолияти рӯҳии чунин шахс истилоҳҳои гуногун истифода бурда мешаванд. Масалан, «қасд» (м. 2 Конвенсия оид ба пешгирии ҷинояти генотсид ва ҷазо барои он аз с. 1949), «дидаю доништа» (м. 2 Конвенсия оид ба мубориза бо савдои одамон ва истифодабарии ғошишагӣ аз тарафи шахсони сеюм аз с. 1950), «қасдан» (м. 1 Конвенсия оид ба мубориза бо амалҳои ғайриқонунӣ, ки бар зиддии авиатсияи граждани равона шудаанд аз с. 1930) ва м.и. Ҳуқуқи байналмилалӣ шарҳи мафҳумҳои бо чунин истилоҳҳо ифодашавандари фаро намегирад. Аз ин лиҳоз, чунин мешуморем, ки муқаррароти қонуни ҷиноятии амалкунанда оид ба гуноҳ, шаклҳои он ва бегуноҳ расонидани зарар меъёрҳои ҳуқуқӣ-байналмилалиро татбиқ намекунанд.

Гуфтаҳои боло барои меъёрҳо оид ба фаъолияти пешакии ҷиноятӣ ва шарикӣ низ дахлдоранд. Санадҳои ҳуқуқи байналмилалӣ ҷиноят эътироф кардани ин ё он кирдорҳоро барои давлатҳо муқаррар намуда, маъмулан ҷиноят донистан ва тахти ҷазо қарор додани «суиқасд ба чунин ҳуқуқвайронкуниҳо ва ҳаракатҳо доир ба шарикӣ қасдона»-ро муқаррар менамоянд⁴. Дар ин ҷо, ифодаҳо ва истилоҳоти зиёди ба таври гуногун истифодашаванда мушоҳида мегардад. Масалан, «суиқасд ба содир

¹ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под. ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – М.: Инфра-М, 2008. – С. 198.

² Кибальник, А.Г. Современное международное уголовное право: понятие, задачи и принципы / А.Г. Кибальник; Под науч. ред. А.В. Наумова. - СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – С. 198; Ситковская, О.Д. Психология уголовной ответственности. – М., 1998. – С. 129.

³ Бородин, С.В., Полубинская, С.Б. Уголовное право и психиатрия: некоторые области и проблем взаимодействия / Уголовное право: новые идеи. – М, 1994. – С. 84.

⁴ Международное право в документах / Сост. Н.Т. Блатова, Г.М. Мелков. – М., 2010. – С. 335.

намудани ҳама гуна ҳуқуқвайронкуниҳои номбаршуда, инчунин ҳаракатҳои тайёри ба содири онҳо низ таҳти ҷазо қарор доранд» (м. 3 Конвенсия оид ба мубориза бо савдои одамон ва истифодабарии фоҳишагӣ аз тарафи шахсони сеюм) ё «ҳама гуна шахсе, ки кӯшиш мекунад ҳама гуна чунин ҳаракатро содир намояд, ҷиноят содир мекунад» (м. 1 Конвенсия оид ба мубориза бо ғасби ғайриқонунии киштиҳои ҳавоӣ). Санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ дар ин ҳолат низ мазмуни истилоҳоти дар онҳо истифодашавандаро намекушоянд. Бинобар ин, меъёрҳои ҳуқуқи ҷиноятии милли оид ба тайёри ба ҷиноят, шаклҳо ва намудҳои шарикӣ низ меъёрҳои татбиқшудаи ҳуқуқӣ-байналмилалиро фаро намегиранд.

Меъёрҳои ҳуқуқӣ-байналмилалӣ расонидани ин ё он шакли зарар (аз ҷумла маҳрум сохтан аз ҳаёт)-ро иҷозат медиҳанд, ки набояд ҳамчун ҷиноят баҳогузори қарда шавад. Ин ба ҳолатҳои бартараф кардани «таҷовузи зиддиҳуқуқӣ» дахл дорад (масалан, қ. 2 м. 2 Конвенсияи Аврупо оид ба химояи ҳуқуқи инсон аз с. 1950). Ба маънои ҳуқуқӣ-ҷиноятӣ ин муқаррарот дар ҷои будани расонидани зарар дар ҳолати мудофияи зарурӣ ифода меёбад.

Зимнан, мафҳуми мудофияи зарурӣ ва ҳудудҳои он дар ҳуқуқи байналмилалӣ танзим нашудаанд. Бинобар ин, дар м. 40 КҶ ҚТ меъёрҳои ҳуқуқӣ-байналмилалӣ татбиқ нашудаанд.

Ба ҳуқуқи байналмилалӣ дигар намуди ҳолатҳое, ки ҷиноят будани кирдорро истисно менамоянд, маълум мебошад. Чунончи, принсипи чоруми ҳуқуқи байналмилалӣ, ки дар Оинномаи Трибунали Нюрнберг эътироф шудааст, муқарраротро доир ба ғайриимкон будани озод кардани шахс аз ҷавобгарӣ барои расонидани зарар, агар «шахс бо мақсади иҷрои фармони ҳукумат ё сардори худ амал карда бошад», дар ҳоле, ки ӯ имконияти «бо иродаи худ интиҳоб намудани» рафторро дорад, пешбинӣ менамояд¹.

Баъдтар танзими ҷавобгарӣ барои иҷро кардани фармон дар Кодекси шахсони мансабдор оид ба нигоҳдории тартиботи ҳуқуқӣ аз с. 1979 инкишоф ёфт². Дар он ишора мегардад, ки ҳеч гуна сафедкунии иҷроқунанда, аз ҷумла тавассути истинод ба ҳатмӣ будани фармони шахси мансабдори болоӣ барои ӯ, ҷиҳати истисно намудани ҷавобгарӣ барои истифодаи шиканча ва дигар намудҳои муносибат ё ҷазои бераҳмона, ғайриинсонӣ ва пастзанандаи эътибори шахс ҷои доништа намешавад. Муқаррароти ба ин монанд дар б. 3 қ. 2 Конвенсияи зидди шиканча ва дигар намудҳои муносибат ё ҷазои бераҳмона, ғайриинсонӣ ва пастзанандаи эътибори шахс аз с. 1980 пешбинӣ шудааст. Билохира, қоидаҳои ҷавобгарӣ барои иҷро намудани фармони ғайриқонунӣ ҳанӯз дар Оинномаҳои трибуналҳои байналмилалии Югославия ва Руанда муқаррар гардида буд³.

Меъёрҳои ҳуқуқӣ-байналмилалии мазкур дар моддаи 45 КҶ ҚТ бавосита татбиқ гардидаанд.

Бо назардошти гуфтаҳои боло чунин хулосабарорӣ намудан мумкин аст:

Якум, меъёрҳои ҳуқуқӣ-байналмилалӣ оид ба ҷиноятҳо, аломатҳои субъект, гуноҳ, ҷинояти хотиманаёфта, шарикӣ дар ҷиноят, ҷазо ва дигар оқибатҳои ҳуқуқӣ-ҷиноятии содири ҷиноят худичрошаванда намебошанд. Онҳо аломатҳои умумиеро муқаррар мекунанд, ки ба ҳамаи таркибҳои ҷиноят ва санксиҳо барои содир кардани онҳо, ки Қисми махсуси КҶ ҚТ пешбинӣ намудааст, хос мебошанд ва ба ин васила, ҷиноят ва таҳти ҷазо қарор доштани кирдорро муайян менамоянд.

¹ Ҳамон ҷо. – С. 801.

² Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов. – М., 1990. – С. 319.

³ Международное право в документах / Сост. Н.Т. Блатова, Г.М. Мелков. – М., 2010. – С. 24; Костенко, Н.И. Международная уголовная юстиция: проблемы развития. – М., 2002. – С. 24.

Дуюм, муқаррароти Қисми умумии қонуни ҷиноятии амалкунанда оид ба ҷиноят, оид ба гуноҳ, шаклҳои он ва бегуноҳ расонидани зарар, тайёри ба ҷиноят ва шарикӣ дар он, меъёрҳои ҳуқуқӣ-байналмилалиро татбиқ намекунанд.

Ҳамчунин бояд зикр намуд, ки дар як қатор санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ дар муқаррароти Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба қувваи бозгашти қонуни ҷиноятӣ бавосита татбиқ гардидаанд. Эъломияи умумии ҳуқуқи башар с. 1948 қоидаеро дар бар мегирад, ки мутобиқи он, таъин намудани ҷазои вазнинтар аз ҷазое, ки дар вақти содир кардани ҷиноят таъин шуда метавонист, мумкин нест (қ. 2 м. 11). Дар қ. 1 м. 15 Паймони байналхалқӣ оид ба ҳуқуқҳои шахрвандӣ ва сиёсӣ ин меъёр таҷдид ва такмил ёфта, тибқи он, «амали қонуне, ки пас аз содири ҷиноят қабул шудааст, нисбати шахси гунаҳгор паҳн мегардад, агар ин қонун ҷазои сабуктарро муқаррар намояд».

Амали шартномаи байналмилалӣ дар доираи вақт ба таври умумӣ дар Конвенсияи Вена оид ба ҳуқуқи шартномаҳои байналмилалӣ аз 23 майи соли 1969 танзим шудааст. Дар муқаддимаи Конвенсияи мазкур қайд мегардад, ки «аҳамияти батадрич афзоишбанди шартномаҳо ҳамчун сарчашмаи ҳуқуқи байналмилалӣ ва ҳамчун воситаи рушди ҳамкориҳо байни миллатҳо, ба фарқият дар сохти давлатӣ ва ҷамъиятии онҳо вобаста намебошад».

Дар Конвенсияи мазкур:

– яқум, мамнунияти ба шартномаи байналмилалӣ қувваи бозгашт бахшидан пешбинӣ шудааст (м. 4);

– дуюм, тартиби ҳисоб намудани вақти ба қувваи амал даромадани шартномаи байналмилалӣ муқаррар шудааст (м. 24);

– сеюм, шартҳои татбиқи муваққатии шартномаҳо то ба қувваи амал даромадани онҳо муайян гардидаанд (м. 25).

Қонуни ҷиноятии миллӣ ин санадҳои ҳуқуқии байналмилалиро мушаххас менамояд. Дар м. 13 Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон қоидае муқаррар шудааст, ки тибқи он, «қонуни ҷиноятӣ, ки ҷиноят будани кирдорро бартараф мекунад, ҷазоро сабук ё ба тариқи дигар вазъи шахси ҷиноят содиркардари бехтар мекунад, қувваи бозгашт дорад, яъне нисбати шахсоне татбиқ мегардад, ки то эътибор пайдо кардани ҷунин қонун кирдор содир кардаанд, аз ҷумла ба шахсоне, ки муҳлати ҷазоро адо мекунанд ё кардаанд, вале доғи судӣ доранд». Дар ин модда, инчунин, дар хусуси ихтисор кардани муҳлати ҷазо сухан меравад, агар қонуни нави ҷиноятӣ ҷазои кирдореро, ки шахс барои содир кардани он муҳлати ҷазоро адо мекунад, сабук созад.

Шартҳои татбиқи муваққатии шартномаҳо то ба қувваи амал даромадани онҳо дар Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи шартномаҳои байналмилалӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон» пешбинӣ гардидааст. Тибқи моддаи 16 Қонуни мазкур, «Шартномаҳои байналмилалӣ ё муқаррароти алоҳидаи онҳо дар қисме, ки ба қонунгузори Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳолифат намекунанд, то эътибор пайдо намудани онҳо муваққатан татбиқ мегарданд, агар ҷунин тартиб дар шартномаҳои байналмилалӣ пешбинӣ шуда бошад. Агар дар шартномаҳои байналмилалӣ тартиби дигар пешбинӣ нашуда бошад ва ё оид ба ин тартиб бо давлатҳои хориҷӣ ё созмонҳои байналмилалӣ шартномаҳои байналмилалиро баимзорасонида созиш ба даст оварда нашуда бошад, Ҷумҳурии Тоҷикистон татбиқи муваққатии шартномаҳои байналмилалӣ ё муқаррароти алоҳидаро аз рӯзи ирсоли огоҳинома ба давлатҳои хориҷӣ ё созмонҳои байналмилалӣ, ки нисбат ба онҳо шартномаҳои байналмилалӣ муваққатан татбиқ мешаванд, оид ба нияти Ҷумҳурии Тоҷикистон дар хусуси иштирокчии шартномаҳои байналмилалӣ нагаштан, ки дар асоси қарорҳои дар қисми 3 моддаи мазкур пешбинӣ шудааст, қатъ менамояд. Қарор дар бораи иштирокчии шартномаҳои байналмилалӣ муваққатан татбиқшаванда нагардидани

Ҷумҳурии Тоҷикистон ё муқаррароти алоҳидаи он аз ҷониби Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ё Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон қабул карда мешавад. Татбиқи муваққатии шартномаҳои байналмилалӣ эътиборпайдонакарда аз ҷониби Ҷумҳурии Тоҷикистон набояд аз як сол зиёд бошад»¹.

Қисми зиёди меъёрҳои ҳуқуқи байналмилалӣ дар муқаррароти Кодекси ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки принсипи амали қонуни ҷиноятиро дар фазо муқаррар менамоянд, татбиқ шудаанд. Дар Кодекси ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон принсипи ҳудудӣ, воқеӣ, умумӣ ва принсипи шаҳрвандӣ мустаҳкам гардидаанд. Принсипҳои амали қонун дар фазо – ин асоси ибтидоии ҳама гуна низоми ҳуқуқӣ, аз ҷумла низоми ҳуқуқӣ-ҷиноятӣ ба ҳисоб меравад. Онҳо дар якҷоягӣ, бо мазмуни худ ҳаҷми юрисдиксияи (салоҳияти) ҳуқуқӣ-ҷиноятӣ давлати моро, ки дар ҳудуди Тоҷикистон ва берун аз он амалӣ карда мешавад, муайян мекунанд. Ба ибораи дигар, принсипҳои амали қонуни ҷиноятӣ дар фазо ҳудудҳои салоҳияти ҳуқуқӣ-ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистонро муқаррар менамоянд.

Мафҳуми юрисдиксия – яке аз масъалаҳои баҳсноки илми ҳуқуқ мебошад. Дар адабиёти ҳуқуқӣ доир ба ин масъалаи андешаи ягона мушоҳида намешавад. Мутахассисон мафҳуми юрисдиксияро ҳар хел муайян карда, онро ба маънои васеъ ва маҳдуд истифода мекунанд.

Калимаи «юрисдиксия» аз калимаи латинии «jurisdictio»² – суд, истехсолоти судӣ маншаъ мегирад. Ба маънои маҳдуд дар бештари ҳолатҳо юрисдиксия маҳз дар ҷунин мазмуни ҳуқуқӣ-муурофиавӣ истифода бурда мешавад. Дар баробари ин, мафҳуми ишорашуда бо салоҳияти мақомоти судӣ ва маъмурии давлат монанд карда шуда, ҳаҷми падидаҳои бо ин мафҳум фарогирифташаванда бо фаъолияти ҳуқуқтатбиқкунии давлат маҳдуд карда мешавад.

Чунончи М.Ю. Тихомиров меҳисобад, ки юрисдиксия – ин маҷмуи салоҳияти бо қонун муқарраршудаи мақомоти дахлдори давлатӣ доир ба ҳалли баҳсҳои ҳуқуқӣ ва ҳалли парвандаҳо оид ба ҳуқуқвайронкуниҳо, яъне баҳо додани амали шахс ё дигар субъект аз лиҳози ҳуқуқӣ будани он ва татбиқи санксияҳои ҳуқуқӣ нисбати ҳуқуқвайронкунандагон мебошад³. Ин нуқтаи назарро О.Г. Румянцев ва В.Н. Додонов низ ҷонибдорӣ мекунанд. Онҳо қайд менамоянд, ки: «Юрисдиксияи давлат – ин ҳуқуқи мақомоти судӣ ва маъмурии давлат доир ба баррасӣ ва ҳалли парвандаҳо мутобиқи салоҳдиди онҳо мебошад»⁴.

В.И. Степаненко муқобили тафсири васеи мафҳуми мазкур мебошад. Ба андешаи ӯ, истилоҳи юрисдиксия барои ифода намудани салоҳдиди мақомоти судӣ, инчунин дигар мақомоти ҳуқуқтатбиқкунанда истифода бурда мешавад⁵.

Баъзе муаллифон низ тафсири маҳдуди истилоҳи баррасишавандаро ҷонибдорӣ мекунанд, аммо, дар фарқият аз тавзеҳоти овардашуда, ҳамчун асоси мафҳуми «юрисдиксия» на ҷанбаҳои муурофиавӣ, балки ҳуқуқӣ-моддиро мегиранд. Масалан, И.Б. Колчевский проблемаҳои амали қонуни ҷиноятӣ берун аз ҳудуди давлатро

¹ Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи шартномаҳои байналмилалӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон» аз 23-юми июли с. 2016, №1326 // Маҳзани мутамаркази иттилоотӣ-ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон «Адлия». Шакли 7.0. [CD-ROM].

² Словарь иностранных слов и выражений [более 17 000 иностранных слов и выражений / сост. Е. С. Зенович]. – М.: АСТ Астрель, 2006. – С. 761.

³ Юридическая энциклопедия / [Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю.]. - 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юриформцентр, 2001. – С. 540.

⁴ Румянцев, О.Г., Додонов, В.Н. Юридический энциклопедический словарь. – М., 1996. – С. 357.

⁵ Степаненко, В.И. Влияние международных договоров на содержание и сферу действия советского уголовного права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.И. Степаненко. – Свердловск, 1982. – С. 74; Степаненко, В.И. Основные направления воздействия международных договоров на советское право / В.И. Степаненко // Международное и внутригосударственное право: проблемы сравнительного правоведения. – Свердловск, 1984. – С. 88.

баррасӣ намуда, ба хулоса меояд, ки юрисдиксия – ин соҳаи амали ҳуқуқи моддӣ мебошад¹.

Олимони дигар бошанд, ин истилоҳро ба маънои васеъ ҳамчун аз тарафи давлат амалӣ намудани ваколатҳои ҳокимияти худ истифода бурда, дар ин ҳол, ҳам соҳаи ҷабҳияти ҳуқуқтатбиқкунанда ҳангоми амалисозии меъёрҳои ҳуқуқи муурофиавӣ ва ҳам соҳаи амали ҳуқуқи моддиро фаро мегирад. Чунончӣ, С.В. Черниченко таҳти юрисдиксия имконияти давлатро оид ба талаб намудани амалисозии дастурҳои ҳуқуқии худ (фармоишҳо ва мамнуниятҳо) ва таъмин намудани амалишавии онҳо мефаҳмад². Ин нуқтаи назарро А.Р. Каюмов ҷонибдорӣ менамояд. Ӯ чунин мешуморад, ки юрисдиксияи давлат дар имконияти мақомоти давлатӣ вобаста ба амалисозии танзими ҳуқуқии муносибатҳои ҷамъиятӣ ва таъмин намудани риояи он тавассути истифодаи механизми маҷбурсозии давлатӣ ифода меёбад³.

Мавқеи олимоне, ки мафҳуми баррасишавандаро васеъ тафсир менамоянд, нисбатан дурусттар ба назар мерасад. Истилоҳи «юрисдиксия» ҷанбаҳои мушаххаси салоҳдиди умумии ҳуқуқии давлат, яъне соҳибхитиёриро инъикос менамояд. Юрисдиксияи давлат аз соҳибхитиёрии давлат маншаъ гирифта, ҳокимияти давлатӣ, ҳаҷм ва соҳаи амали онро ифода мекунад⁴. Дар робита ба ин, Н.А. Ушаков қомилан дуруст қайд менамояд, ки ҳокимияти давлатӣ ҳамчун низоми ягона дар шакли ҳокимияти қонунгузор, иҷроия (маъмурӣ) ва судӣ зоҳир мегардад ва бо «мафҳуми умумии юрисдиксия фаро гирифта мешавад»⁵.

Аз ҳокимияти қабули қарорҳо ва қоидаҳо (юрисдиксияи қонунгузорӣ) бояд ҳокимияти андешидани ҳаракатҳои иҷроиявӣ бо мақсади амалисозии қарорҳо ва қоидаҳои қабулшуда (юрисдиксияи иҷроия) фарқ карда шавад⁶.

Соҳибхитиёрии давлат ҳамчун асоси юрисдиксияи давлат аз бисёр ҷиҳат андозаи мушаххаси онро муайян мекунад. Соҳибхитиёрӣ волеияти ҳокимияти ин давлатро дар доираи ҳудуди он дар назар дорад. Аз ин бармеояд, ки дар доираи ҳудуде, ки қонунӣ дар ихтиёри давлати соҳибхитиёр қарор дорад, ҳамчун қоида, давлат юрисдиксияи пурраи худро амалӣ менамояд. Дар ин маврид, танҳо дар робита ба иҷрои уҳдадориҳо аз рӯи ҳуқуқи байналмилалӣ истисно ҷой дошта метавонад. Чунин намуди истисноҳо кам вохӯрда мешаванд. Онҳо асосан бо меъёрҳои ҳуқуқи байналмилалӣ алоқаманд мебошанд, ки вобаста ба татбиқи ҷораҳои маҷбурсозии муурофиавӣ нисбати гурӯҳи муайяни шаҳрвандони хориҷӣ, ки дар ҳудуди ин давлат қарор доранд, мамнуният муқаррар менамоянд. Масалан, мутобиқи конвенсияҳо оид ба савдои баҳрӣ, ки байни Иттиҳоди Ҷумҳуриҳои Шуравии Сотсиалистӣ ва зиёда аз сӣ кишвари ҷаҳон баста шуда буданд, ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашидани шахсоне, ки дар дохили киштии хориҷӣ дар давраи қарор доштан дар бандари Иттиҳоди Ҷумҳуриҳои Шуравии Сотсиалистӣ ҷиноят содир мекарданд, танҳо дар ҳолатҳои қатъиян муайян имконпазир мебошад⁷. Ҳамзамон бо ин, санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ зикршуда юрисдиксияи ҳуқуқӣ-ҷиноятии муқарраршудаи давлатро вобаста ба чунин кирдорҳо ягон хел маҳдуд намесозанд.

¹ Котчевский, И.Б. Действие уголовного закона по кругу лиц: дис...канд. юрид. наук: 12.00.08 / И.Б. Котчевский. – М., 2001. – С. 36.

² Черниченко, С.В. Теория международного права. – М., 1999. – С. 11-139.

³ Каюмова, А.Р. Юрисдикция государств в международном праве: проблемы определения / А.Р. Каюмова // Два века юридической науки и образования в Казанском университете. – Казань, 2004. – С. 140.

⁴ Лукашук, И.И. Уголовная юрисдикция / И.И. Лукашук, А.В. Наумов. – М.: Спарк, 1999. – С. 112.

⁵ Ушаков, Н.А. Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности. – М. 1993. – С. 10.

⁶ Браунли, Я. Международное право. Ч. 1. – М., 1977. – С. 425-426.

⁷ Бастрыкин, А.И. Взаимодействие советского уголовно-процессуального и международного права. – Л., 1986. – С. 86-88.

Дар фарқият аз ин, юрисдиксияи фаромарзии давлат аз ибтидо хусусияти маҳдуд дошта, дар бештари мавридҳо танҳо фармоишӣ мебошад. Амалисозии ҳуқуқи махсуси юрисдиксионии давлат берун аз ҳудуди он танҳо дар асоси меъёрҳои ҳуқуқи байналмилалӣ иҷозат дода мешавад.

Ҳангоми амалисозии юрисдиксияи ҳам ҳудудӣ ва ҳам фаромарзӣ ҳолатҳои соф дошта метавонад, ки ҷудонамоии салоҳияти ҳуқуқи давлатҳоро талаб менамоянд. Он дар асоси меъёрҳои ҳуқуқи байналмилалӣ гузаронида мешавад. Масалан, тавассути меъёрҳои ҳуқуқи байналмилалӣ, масъалаҳои рақобати юрисдиксияи ду ғиёда давлатҳо ҳал карда мешаванд, вақте ки муносибатҳои муҳофизатӣ, ки бо содир намудани ҷиноят алоқаманд мебошанд, аз тарафи ҳуқуқи ҷиноятии дохилии онҳо ба мавзӯи танзими худ мансуб дониста мешаванд. «Доғҳои сафед»-и речаи ҳуқуқи фазоӣ, ки ба он соҳибхитӣ ҳеч як давлат, аз ҷумла дар соҳаи муқаррар кардани юрисдиксияи ҷиноятӣ, паҳн намегардад, инчунин тавассути танзимномаи ҳуқуқӣ-байналмилалӣ бар тараф карда мешаванд.

Меъёрҳои баррасишавандаи ҳуқуқи байналмилалӣ аломатҳои таркиби ҷиноятро фаро намегиранд ва татбиқи ин ё он ҳазоро барои содир кардани онҳо пешбинӣ наменамоянд ва бинобар ин, худичрошаванда мебошанд. Онҳо бевосита татбиқ мегарданд. Агар муқаррароти қонуни ҷиноятии дохилии Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба ҳудудҳои фазоӣ ва ҳуқуқӣ-ҷиноятии юрисдиксияи давлат ба меъёрҳои байналмилалӣ дахлдор муҳолифат намояд, меъёрҳои ҳуқуқи байналмилалӣ татбиқ карда мешаванд.

Тутынин Игорь Борисович

профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент
tutig@rambler.ru

К ВОПРОСУ О ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ О ПРЕСТУПЛЕНИИ, СОВЕРШЁННОМ СОТРУДНИКОМ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Совершение преступлений – это неизбежное явление, которое существовало и будет существовать на протяжении жизни любого общества и государства. Преступность представляет собой социальное явление, присутствующее во всех слоях населения. Не являются исключением и сотрудники органов внутренних дел. Среди них тоже есть те, кто оступись, намеренно пренебрёг своими должностными обязанностями и совершил действие, запрещённое уголовным законом. Их также предстоит привлекать к уголовной ответственности.

Невозможно представить правовое государство без эффективно функционирующих органов внутренних дел (далее – ОВД). Эти органы обеспечивают безопасность на государственном и общественном уровне, а также следят за соблюдением порядка управления, законности и правопорядком в целом.

Главная задача ОВД заключается в защите конституционных прав и свобод граждан. Успешная работа этих органов напрямую зависит от профессионализма, порядочности, неподкупности и других важных качеств их сотрудников. Грубость, бестактность, низкий

уровень профессионализма и нарушения прав и свобод граждан наносят серьёзный вред правопорядку и законности¹.

К сожалению, в деятельности органов предварительного следствия, включая систему ОВД, выявляются не единичные случаи нарушения закона. Это вызывает серьёзную обеспокоенность, так как негативно сказывается на общем уровне соблюдения законности в стране². Несмотря на проводимые реформы в системе МВД, уровень преступности среди сотрудников ОВД остаётся высоким³.

Теоретико-правоприменительные аспекты особенностей осуществления производства по уголовным делам в отношении сотрудников ОВД, интересуют, как правило, с точки зрения уголовного права и криминалистики⁴. Уголовно-процессуальные моменты зачастую остаются вне поля зрения.

Например, доказывание по уголовным делам о должностных преступлениях, совершённых сотрудниками ОВД имеет свои специфические черты и сложности⁵.

Большинство исследователей, изучающих вопросы преступности в сфере правоохранительной деятельности, обычно делят преступления, совершаемые сотрудниками правоохранительных органов, на две категории: «профессиональные преступления», которые связаны с выполнением служебных обязанностей и «общеуголовные преступления», не имеющие отношения к работе правоохранительных органов⁶.

В наших странах (Российской Федерации и Республике Таджикистан) общие исторические корни как уголовно-процессуального законодательства, так и уголовного судопроизводства. Общие теоретические основы – есть положительный момент, так как это предоставляет возможности для сверки правильности развития, учитывания эффективности, совместного развития и совершенствования. Но есть и отличия, рассмотрение которых также позитивно, так как это предоставляет перспективы имплементации.

Предлагаем обратиться к некоторым процессуальным аспектам производства по уголовным делам, осуществляемым в отношении сотрудников ОВД в Российской Федерации и Республики Таджикистан. Надеемся, что в какой-то мере это позволит правоохра-

¹ Магомедов, К.Р. Злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий среди работников органов внутренних дел и проблемы их профилактики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / К.Р. Магомедов. – Краснодар, 2016. – С. 3.

² Чиковани, М.А. Реализация принципа законности следователем органов внутренних дел на отдельных этапах досудебного производства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / М.А. Чиковани. – М., 2023. – С. 3.

³ Байрамкулов, А.М. Уголовная ответственность сотрудников органов внутренних дел за преступления, совершаемые при исполнении служебных обязанностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.М. Байрамкулов. – Саратов, 2014. – С. 3.

⁴ Химичева, О.В. Вопросы незаконности и необоснованности в качестве оснований для отмены процессуальных решений следователя / Е.Д. Казмирова, О.В. Химичева // В сборнике: Современные проблемы уголовного процесса: пути решения. Сборник материалов 3-й Международной конференции. Под общ. ред. А.Ю. Терехова. – Уфа, – 2022. – С. 131 - 136; Толстобров, А.В. Проблемы обеспечения безопасной деятельности сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих предварительное расследование, в период проведения доследственной проверки / А.В. Толстобров // Российский следователь. – 2014. – № 21. – С. 52-54; Халиков, А.Н. Обстоятельства, подлежащие доказыванию при расследовании преступлений, совершённых сотрудниками ОВД в связи со служебной деятельностью (на примере конкретных статей УК РФ) / А.Н. Халиков, В.И. Елинский // Российский следователь. – 2014. – № 3. – С. 5-10; Флегентова, О.С. Надзор за передачей органами внутренних дел сообщений о преступлениях по территориальной подследственности / О.С. Флегентова, Р.И. Гайфулин // Законность. – 2024. – № 4. – С. 31-32.

⁵ Азаров, В.А. Особенности использования следователем результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании должностных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел / В.А. Азаров, В.В. Константинов // Российский следователь. – 2013. – № 11. – С. 20-24.

⁶ Ануфриева, Е.А. Криминалистическая характеристика преступлений, совершённых сотрудниками органов внутренних дел в связи со служебной деятельностью / Е.А. Ануфриева, В.И. Елинский, Е.Ю. Фролова // Российский следователь. – 2013. – № 20. – С. 2-5.

нительным органам Республики Таджикистан и Российской Федерации наладить взаимовыгодное сотрудничество и взаимодействие в области противодействия преступности¹.

В случае выявления деяния, содержащего признаки преступления, совершённого сотрудником ОВД, в отношении него осуществляется уголовное преследование в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ). Производство по уголовному делу в отношении сотрудника ОВД осуществляется в общем порядке, за исключением отдельных процессуальных особенностей, обусловленных правовым статусом этого лица и спецификой выполняемых им служебных задач.

1) Подследственность* уголовных дел о преступлениях, совершённых сотрудниками ОВД определяется п. 1 ч. 2 и п. 7 ч. 3 ст. 151 УПК РФ. Согласно данным нормам – следователями Следственного комитета Российской Федерации производятся предварительное следствие и дознание по уголовным делам о преступлениях, совершённых должностными лицами ряда правоохранительных органов, в том числе органов внутренних дел Российской Федерации.

За отдельные преступления против государственной власти, против общественной безопасности и общественного порядка (п. «б» ч. 2 ст. 215.4, ст. 275, 275.1, 276, 283, 283.1, 283.2 и 284 Уголовного кодекса Российской Федерации) предварительное следствие в отношении сотрудников ОВД производится следователями органов Федеральной службы безопасности (ч. 4 ст. 151 УПК РФ).

В определенной степени аналогичным образом установлены правила подследственности уголовных дел о преступлениях, совершённых сотрудниками ОВД в Республике Таджикистан. В соответствии с ч. 3, 7, 12 ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.01.2024 г.) (далее – УПК РТ) такие преступления расследуются следователями органов прокуратуры, за исключением преступлений, которые по Уголовному кодексу Республики Таджикистан (далее – УК РТ) имеют коррупционный характер. В этом случае предварительное расследование проводится следователями специализированного органа по борьбе с коррупцией.

Налицо в указанных случаях существование предметно-персонального признака подследственности, усиленного стремлением специализации противодействия с указанным злом современной действительности. Такой вариант проверен временем, оправдан и эффективен.

2) В Российской Федерации законом предусмотрен особый порядок возбуждения уголовного дела в отношении руководителя следственного органа и следователя. Так как в системе ОВД имеются следственные подразделения, то положения п. 6.2 и 7 ч. 1 ст. 447 и п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ применимы для руководителей следственных органов и следователей органов внутренних дел.

Следует отметить, что Европейский Суд по правам человека указывает, что возбуждение уголовного дела в отношении сотрудников ОВД, предположительно нарушивших Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, является надлежащим средством правовой защиты по смыслу п. 1 ст. 35 Конвенции².

¹ Абдуллозода, Н.Р. Правовая основа взаимодействия органов внутренних дел Республики Таджикистан и органов внутренних дел Российской Федерации в сфере оперативно-розыскной деятельности по борьбе с незаконным оборотом наркотиков: автореф. дис... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Н.Р. Абдуллозода. М., 2022. С. 3.

* Подследственность представляет собой совокупность признаков уголовного дела, в соответствии с которыми производство предварительного расследования относится к ведению определенного органа предварительного расследования.

² Решение Европейского суда по правам человека от 20.05.2008 «По вопросу приемлемости жалобы № 28861/03 дело «Хусейн Азиев (Khusein Aziev) против Российской Федерации» // Российская хроника Европейского суда. Приложение к «Бюллетеню Европейского суда по правам человека». Специальный выпуск. – 2009. – № 1. – С. 138 - 144.

Решение о возбуждении уголовного дела в отношении руководителя и следователя следственного органа по району или городу, а также о привлечении их в качестве обвиняемых, если уголовное дело было возбуждено в отношении других лиц или по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления, принимает руководитель следственного органа Следственного комитета Российской Федерации по субъекту Российской Федерации. В отношении руководителей и следователей вышестоящих следственных органов такое решение принимает Председатель Следственного комитета Российской Федерации или его заместитель (п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ).

3) Существует в Российской Федерации особенность процессуального порядка задержания подозреваемого (ч. 2 ст. 96 УПК РФ), которая состоит в том, что при задержании подозреваемого, являющегося сотрудником ОВД – об этом уведомляется начальник органа, в котором проходит службу указанный сотрудник.

Отметим, что в соответствии с п. 19 приказа МВД России от 22.11.2005 № 950 (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.09.2024) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел»¹, администрация изолятора временного содержания (ИВС) старается по мере возможности обеспечить раздельное содержание лиц, которые в прошлом были сотрудниками правоохранительных органов, от остальных подозреваемых и обвиняемых.

4) Согласно ч. 12 ст. 108 УПК РФ, если в отношении сотрудника ОВД избирается мера пресечения в виде заключения под стражу, лицо, в производстве которого находится уголовное дело, обязано незамедлительно уведомить начальника органа, в котором служит этот сотрудник, о месте содержания под стражей или его изменении.

5) Несмотря на то, что в УПК РФ не указаны особенности применения иных мер уголовно-процессуального принуждения в отношении подозреваемых и обвиняемых – сотрудников ОВД, федеральное законодательство предусматривает специальные требования.

В Российской Федерации общий порядок временного отстранения от должности подозреваемого или обвиняемого установлен ст. 114 УПК РФ. Для сотрудников ОВД существует особое основание для временного отстранения от выполнения служебных обязанностей, предусмотренное ст. 73 Федерального закона от 30 ноября 2011 года, № 342-ФЗ (в редакции от 26 февраля 2024 года) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Это основание связано с избранием в отношении сотрудника меры пресечения в виде домашнего ареста или заключения под стражу, и действует до отмены выбранной меры.

В случае, если сотрудник ОВД подвергается уголовному преследованию, он может быть временно отстранён от выполнения своих обязанностей. Отстранение осуществляется без применения каких-либо других мер и продолжается до тех пор, пока уголовное преследование не будет прекращено по основаниям, дающим право на реабилитацию, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Решение о временном отстранении сотрудника ОВД от исполнения служебных обязанностей, в отличие от ст. 114 УПК РФ, где указан судебный порядок принятия такого решения, принимается руководителем федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или иным уполномоченным руководителем.

¹ Решением Верховного Суда РФ от 13.07.2012 № АКПИ12-699 «Об удовлетворении заявления о признании частично недействующим абзаца второго пункта 19 Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, утв. Приказом МВД России от 22.11.2005 № 950» абзац второй п. 19 признан недействующим в части, допускающей соблюдение требования о раздельном размещении в изоляторах временного содержания указанных в данном пункте подозреваемых и обвиняемых, исходя из имеющихся возможностей // СПС «КонсультантПлюс».

Порядок временного отстранения сотрудника ОВД от выполнения служебных обязанностей устанавливается федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел¹.

В перечисленных выше регламентированных законодательством Российской Федерации и Республики Таджикистан особенностях производства по уголовным делам о преступлениях, совершённых сотрудниками ОВД, наблюдается специальный подход. На них возлагаются значительные надежды по противодействию преступности, они наделяются серьёзными полномочиями по применению мер государственного принуждения, в то же время, должны нести соответствующую ответственность за совершённые правонарушения.

По сравнению с УПК Республики Таджикистан, УПК РФ имеет больше частных установлений, но не затрагивает более общих вопросов. Например, гл. 47 УПК Республики Таджикистан определяет особенности производства по возмещению вреда, причинённого незаконными действиями суда и органов, осуществляющих досудебное производство по уголовному делу. В российских условиях подобные правила лишь частично присутствуют в гл. 18 УПК РФ «Реабилитация».

УПК Республики Таджикистан в ч. 1 ст. 254 устанавливает то, что военным судам Республики Таджикистан подсудны уголовные дела обо всех преступлениях, совершённых военнослужащими подразделений и частей милиции, сформированных по призыву Министерства внутренних дел Республики Таджикистан. В Российской Федерации таких исключений для сотрудников ОВД не существует.

В то же время, УПК Республики Таджикистан содержит меньше процессуальных особенностей производства по уголовным делам в отношении сотрудников ОВД. Возможно, что это позиция законодателя, означающая устремление добиться общепризнанного общеправового принципа равенства всех перед законом и судом (ст. 16 УПК Республики Таджикистан) – все равны перед законом и судом, государство гарантирует права и свободы каждого, независимо от его национальности, расы, пола, языка, вероисповедания, политических убеждений, образования, социального и имущественного положения.

Во всяком случае, Республике Таджикистан ещё предстоит оценить необходимость использования указанного выше российского опыта по правовому регулированию, а Российской Федерации с интересом отнесётся к достижениям наших таджикских коллег.

Однако, на наш взгляд, ни в законе, ни в практике его применения не должно быть противопоставления обеспечения равенства граждан перед законом и судом и особого отношения к сотрудникам правоохранительных органов. В противном случае это может подорвать доверие к государственным институтам, разрушить устоявшуюся систему общественного устройства и привести к расколу и нигилизму в обществе.

¹ См.: Приказ МВД России от 01.02.2018 № 50 (ред. от 30.01.2023) «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

АБДУЛЛОЕВА МАДИНА КАМОЛОВНА
омӯзгори калони кафедраи ҳуқуқи судӣ ва назорати прокуратурии факултети
ҳуқуқшиносии Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон,
номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ
abdullaeva.m.k@mail.ru

ОЗОД КАРДАНИ ШАХСЕ, КИ БО ГУМОНИ СОДИР НАМУДАНИ ҶИНОЯТ ДАСТГИР ШУДААСТ

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЛИЦА, ЗАДЕРЖАННОГО ПО ПОДОЗРЕНИЮ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Пешрафти босуботи давлат ва ҷомеа, аз он ҷумла, бо риояи ҳуқуқи озодиҳои инсон ва шаҳрванд, ҳифзи амният, волоияти қонун, таҳкими тартиботи ҷамъиятӣ таъмин мегардад. Ҳуқуқи озодиҳои инсон ва шаҳрвандони Ҷумҳурии Тоҷикистон дар ҳамаи соҳаҳои ҳаёти ҷамъиятӣ нуфузу арзиши олӣ доранд. Ҳифзи ҳуқуқи озодиҳои инсон ва шаҳрванд, таҳкими қонуният ва тартиботи ҳуқуқӣ, пешгирии ҷиноятҳо, вобаста ба он андешида шудани чораҳои муқовимат зидди падидаҳои авҷгирифтаи хавфнок дар роҳи таъмини бозътимоди амнияти мардуми кишвар, бе таъмини волоияти қонун ва такмил додани танзими ҳуқуқии муносибатҳои ҷамъиятӣ, аз ҷумла дар самти адолати судӣ ғайриимкон аст.

Прокурор, муфаттиш, таҳқиқбаранда, судя бо тартиби муқарраркардаи Кодекси муҳофизаии ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд - КМҶ ҚТ) уҳдадоранд, ки ҳар як шахси ғайриқонунӣ ва беасос дастгиршударо фавран озод намоянд. Инро кафолати манфиатҳои ҳифзи ҳуқуқи шахс, вазифаҳои мақомоти давлатӣ, ки бояд адолатро барқарор намоянд, тақозо менамояд (м. 2 КМҶ ҚТ).

Дастгиршуда озод карда мешавад, агар дар муҳлати аз тарафи қонун муқарраркардашудаи дастгиркунӣ, муайян шавад, ки ӯ дар содир кардани ҷиноят иштирок надорад (м. 99 КМҶ ҚТ). Ин асос, ҳамон вақт ба инобат гирифта мешавад, ки ҳангоми тафтишот муайян шавад, ки шахс ба ҳодисаи ҷиноят алоқамандие надорад ва дар амали ӯ аломатҳои ҷиноят ошкор нашудааст, ё ҳолатҳои ошкор мешаванд, ки ҷиноят будани кирдори ӯро истисно мекунад. Дар чунин ҳолатҳо оғози парвандаи ҷиноятӣ рад карда шуда, ё пешбурди он қатъ карда шуда, дар асоси он дастгиршуда сафед (м. 234 КМҶ ҚТ) ва бо назардошти аз байн рафтани гумонбарӣ озод карда мешавад. Дар қарор дар бораи қатъ кардани парвандаи ҷиноятӣ (м. 27, 235 КМҶ ҚТ) гумонбаршуда ботаври хаттӣ дар бораи қатъ кардани парвандаи ҷиноятӣ ва таъкиби ҷиноятӣ бояд огоҳ карда шавад. Агар гумонбарӣ дар содир кардани ҷиноят тасдиқи худро наёбад, таҳқиқбаранда, муфаттиш, дастури прокурорро интизор нашуда, бо ташаббуси худ дастгиршударо озод карда метавонанд.

Дуюм ҳолати озодкунӣ (м. 99 КМҶ ҚТ) ҳамон вақт ба мушоҳида мерасад, ки гумонбарӣ тасдиқи худро ёфтааст, лекин дар рафти тафтишот асос барои татбиқи чораи пешгирӣ дар намуди ба ҳабс гирифтани ва ё агар суд қабули қарори охириро, дар асоси муқаррароти (қ. 5 м. 111 КМҶ ҚТ) ба таъхир мондааст, амалӣ мешавад.

Шахсе, ки таҳқиқро мебаррад, муфаттиш аз рӯи қоидаҳои умумӣ бояд гарчанде, ки муҳлати 72 соати дастгиркунӣ ба анҷом нарасида бошад ҳам, лекин иштироки шахс дар содир кардани ҷиноят муайян нашуда бошад, дастгиршударо озод намоянд. Албатта онҳо уҳдадоранд, дар муҳлати муайяншуда иштироки шахсро дар содир кардани ҷиноят муайян намоянд, лекин агар гумонбарӣ тасдиқ нагардад, пас дастгиршуда бояд ҳатман озод карда шавад.

Ҳолати сеюми озодкунӣ – агар дастгир кардан бо вайрон кардани талаботи м. 94 КМҚ ҚТ амалӣ шуда бошад. Ин чунин маъно дорад, ки барои дастгир кардан асоси воқеӣ мавҷуд набуда, он ғайриқонунӣ иҷро шудааст.

Асоси аз ҳабс озод кардани гумонбаршуда қарори муфаттиш, мақомоти таҳқиқ ва ё прокурор (м. 104 КМҚ ҚТ) ба ҳисоб меравад. Дар ҳолати яқум, агар парвандаи ҷиноятӣ нисбати шахси муайян, тафтиш карда шавад, асоси ба сифати айбдоршаванда дониستاني шахси дастгиршуда мавҷуд набошад, пас қарор дар бораи қатъ кардани таъқиби ҷиноятӣ нисбати гумонбари дастгиршуда ва умуман парвандаи ҷиноятӣ қабул карда мешавад (м. 234 КМҚ ҚТ). Агар дастгиршудагон аз 2 нафар ва зиёда аз он бошанд, онҳо аз тавқиғоҳ озод кардашуда, таъқиби ҷиноятии онҳо, парвандаи ҷиноятӣ нисбати онҳо қатъ карда мешавад. Ин ҳолат барои тақвияти кафолати манфиатҳои ҳуқуқӣ, маънавӣ ва ахлоқии гумонбаршуда ва минбаъд сафедкунии он мусоидат менамояд. Дар ҳолати дуҷум, нисбати гумонбаршуда қарори муфаттиш, мақомоти таҳқиқ ва ё прокурор дар бораи нисбати ӯ татбиқ намудани чораи пешгирӣ (ғайр аз ҳабс) (м. 103 КМҚ ҚТ) ё ки чораи дигари маҷбуркунии муҳофизатӣ (м. 113 КМҚ ҚТ) қабул карда мешавад. Дар ҳолати сеюм, боиси озодкунии гумонбаршуда таъиноти суд ва ё қарори прокурор, судя дар бораи қонунгардонидани шикоятҳои ӯ дар бораи беасос ва ё ғайриқонунӣ будани дастгиршавӣ, шуда метавонад.

Таҳқиқбаранда, муфаттиш ҳангоми муқаррар кардани ғайриқонунӣ будани дастгиркунии, ки бо вайронкунии талаботи м. 94 КМҚ ҚТ иҷро шудааст, вазирадори, ки дастгиршударо ҳатман озод намоянд. Бо назардошти ин ҳолат, асос барои қатъ кардани парвандаи ҷиноятӣ, ки аз муқаррароти қ. 1 м. 27 қ. 1 м. 234 КМҚ ҚТ бармеояд, ба миён меояд (масалан, дастгир кардани ғайриқонунӣ, ки оқибати ҷавобгарии ҷиноятиро истисно мекунад). Таклиф менамоем, ки ба КМҚ ҚТ меъёре дохил карда шавад, ки дар ҳолати вайрон кардани талаботи моддаи 94 КМҚ ҚТ ва мавҷуд будани асос барои он, мутобиқи талаботи қ. 1 м. 234 КМҚ ҚТ қарор дар бораи қатъ намудани парвандаи ҷиноятӣ ва таъқиби ҷиноятӣ қабул карда шавад.

Сардори ҷойе нигоҳдории гумонбаршуда уҳдадор аст, ки то гузаштани муҳлати дар ҳабс нигоҳ доштани гумонбаршуда бояд мақомот ва шахсеро, ки масъули ба баррасии парвандаи ҷиноятӣ мебошад ё прокурорро дар бораи қабули чунин қарор хабардор намояд. Ба фикри мо, бо мақсади барқарор кардани тартиби ягонаи муҳофизатии озодкунии гумонбаршуда мутобиқи талаботи м. 99 КМҚ ҚТ, ба м. 103 КМҚ ҚТ илова ворид карда шавад, ки баробари ба охир расонидани муҳлати дастгир кардан, пешниҳод накардани қарор аз тарафи таҳқиқбаранда, муфаттиш, прокурор дар бораи озод кардани гумонбаршуда, қарори суд дар бораи нисбати гумонбаршуда рад нашудани чораи пешгирӣ – дар намуди ба ҳабс гирифтани ва ё дароз кардани муҳлати дастгиркунии сардори ҷойи нигоҳдории гумонбаршуда бо қарори асоснок карда шуда метавонад дастгиршударо озод намояд.

Чи тавре, ки қаблан қайд намуда будем, дар адабиёти ҳуқуқӣ қайд мешавад, ки аз тавқиғоҳ озод кардани гумонбаршуда на ҳама вақт маънои аз байн рафтани асоси гумон ва дастгир карданро дар назар дорад¹.

Дар рафти тафтишоти минбаъда мумкин аст, ки далелҳои ҷамъ оварда шаванд, ки иштироки гумонбаршударо дар содир кардани ҷиноят муайян мекунад, гарчанде, ки нисбати ӯ қаблан парвандаи ҷиноятӣ қатъ карда шудааст. Дастгир кардани такрорӣ бо ҳамон ҳолатҳои, ки аз рӯи асосҳои нав ба сифати гумонбаршуда дониستاني шахс ба миён омадааст ва ғайриқонунӣ будани ҷинояткоронаи ӯро собит месозанд, ҳамон вақт амалӣ мешавад, агар қарори қаблан дар бораи қатъ кардани парвандаи ҷиноятӣ ва ё таъқиботи ҷиноятӣ бекор карда шавад. Баъди озод шудан аз гумонбарӣ

¹ Чувелев, А. Анализ статистических данных о законности задержания подозреваемых / А. Чувелев // Социалистическая законность. – 1973. – №10. – С. 65-66.

шахс дар ҳама ҳолатҳо аллақай гумонбар дониста намешавад. Ӯ мумкин аст, дар пешбурди парвандаи ҷиноятӣ ҳамчун шоҳид пурсида шавад ва ӯ умуман аз доираи қоидаҳо ва муносибатҳои муурофиавӣ берун карда шавад. Дар ҳолати яқум гумонбаршуда дар муносибатҳои муурофиавии ҷиноятӣ мазкур чун шоҳид баромад мекунад. Агар нишондоди гумонбаршудаи қаблан ҷалб шуда дақиқ ва эътимодбахш набошад, пас баъди озодшавӣ аз гумонбарӣ, шахс умуман аз муурофиавии ҷиноятӣ дур карда шуда, иштирокчии он ба ҳисоб намеравад.

Дар амалияи тафтишотӣ ҳолатҳои дучор мешаванд, ки муфаттиш гумонбаршударо то ба охири расии муҳлати 72 соат дар бораи он, ки ӯ ҷиноят содир кардааст, донанд ҳам, ӯро ба сифати шоҳид мепурсад ва баъд далелҳои қофино ҷамъ намуда, ӯро чун айбдоршаванда ба ҷавобгарӣ мекашад. Дар асл, чунин амал ба қонуни амалкунанда муҳолифат накунад ҳам, лекин он талаботи эътимодияти бегуноҳиро сарфи назар менамояд.

Бинобар ин зарурати ворид шудани иловаҳо ба м. 56 КМҶ ҚТ, ки мутобиқи он шоҳид уҳдадор нест дар бораи ҳолатҳои, ки кирдори содиркардаашро фош менамояд ӯ нишондоди худайбдоркунӣ диҳад, зеро муфаттиш наметавонад саволҳои ба миён гузорад, ки шоҳидро ба худайбдоркунӣ водор менамояд. Ин ба талаботи қонун, ки имконияти гузоштани уҳдадорӣ исботи бегуноҳиро ба шахсе, ки минбаъд ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашида мешавад, муҳолиф аст.

Бинобар ин пешниҳод менамоем, ки ба м. 56 КМҶ ҚТ иловае дохил карда шавад, ки мутобиқи он шоҳид уҳдадор нест дар бораи ҳолатҳои, ки кирдори содиркардаашро фош менамояд ӯ нишондоди худайбдоркунӣ диҳад. Муфаттиш наметавонад саволҳои ба миён гузорад, ки шоҳидро ба худайбдоркунӣ водор менамояд. Ин ба талаботи қонун, ки имконияти гузоштани уҳдадорӣ исботи бегуноҳиро ба шахсе, ки минбаъд ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашида мешавад, муҳолиф аст.

Дар мавриди ошкор шудани ҳолатҳои нав ҳангоми тафтиши парвандаи ҷиноятӣ ва пайдо шудани асосҳо барои гумонбар шудани шахс дар содир кардани ҷиноят, зарур аст, ки шахрванд ба мақоми гумонбаршуда баргардонида шавад (м. 46 КМҶ ҚТ) ва ӯ на ҳамчун шоҳид, балки чун гумонбаршуда пурсида шавад.

Озодкунии шахсе, ки барои содир кардани ҷиноятҳои на чандон хавфнок ӯ қамаҳаммият дастгир шудааст, ба идомаи иҷрои амалҳои тағйирнопазири тафтишӣ монеа намешавад. Чунки қонун дастгир карданро нисбати шахсоне пешбинӣ кардааст, ки дар содир намудани ҷинояте, ки дар қонуни ҷиноятӣ барои он ҷазо дар намуди маҳрум сохтан аз озодӣ ӯ нигоҳ доштан дар қисмҳои ҳарбии интизомӣ пешбинӣ шудааст, гумонбар шуда бошанд. Яъне ҳама гуна дастгиркунии гумонбаршуда барои ҷиноятҳои на чандон хавфнок ӯ дар содир намудани ҷинояте, ки дар қонуни ҷиноятӣ барои он ҷазо дар намуди маҳрум сохтан аз озодӣ ӯ нигоҳ доштан дар қисмҳои ҳарбии интизомӣ пешбинӣ нашудааст, бояд ғайриқонунӣ дониста шавад.

Асоси озодкуниро дар ин ҳолатҳо, бо назардошти талаботи қонун (қ. 1 м. 99 КМҶ ҚТ) муайян кардан зарур аст. Ба фикри мо, дар чунин мавридҳо барои озодкунии шахсони дастгиршуда дастури хаттии муфаттиш, прокурор ӯ қарори судя зарур нест.

Бо ин асос дар ҳолати аз ҷониби прокурор рад карда шудани додани розигӣ ба дарҳости татбиқи ҷораи пешгирӣ дар намуди ба ҳабс гирифтани, шахси дастгиршуда наметавонад озод карда шавад. Агар аз тарафи прокурор додани розигӣ ба ҷораи мазкури пешгирӣ рад карда шавад, бояд он дар шакли қарори асоснок таҳия шуда, дарҳости муфаттиш бояд ба суд фиристода шавад. Агар прокурор дар бораи додани розигӣ барои татбиқи ҷораи пешгирӣ дар намуди ба ҳабс гирифтани то эълони айб муқобил бошад, пас ин ҳолат метавонад сабаби озодкунии гумонбаршуда аз тавқиғоҳ гардад.

А.К. Аверченко қайд намудааст, ки шахс баъди қатъ карда шудани чораҳои маҷбуркунии муурофиавӣ ҳам, ҳангоми иҷрои амалҳои тафтишӣ, ки барои ошкор кардани иштироки шахс дар содир кардани ҷиноят иҷро мешаванд, мақоми гумонбаршударо дошта метавонад¹.

Ба андешаи мо, фикри Э. Боровский дар бораи он ки дар як қатор ҳолатҳо гумонбаршуда дар муҳлати номуайян дар ҷойҳои махсус нигоҳ дошта мешавад, хато мебошад².

Ин ҷо боз як масъалаи баҳснок ҷой дорад. Бояд зикр намуд, ки фаҳмиши қонуни муурофиавии ҷиноятӣ ё меъёрҳои алоҳидаи он барои кормандони амалия душворӣ эҷод мекунад. Тибқи м.м. 92 қ. 3 ва 99 қ. 1 КМҶ ҚТ баъди гузаштани муҳлати боздошт дастгиршуда, бояд аз ҳабс озод карда шавад. Дар ин қоида истилоҳи «ҳабс» нофаҳмиро ба вучуд меорад, чунки дар ҳабс нигоҳ доштан ҷораи пешгириро ифода мекунад. Ба андешаи мо дар қ. 3 м. 92 КМҶ ҚТ истилоҳи «аз ҳабс озод кардан» аз тавқифҳои нигоҳдории муваққатӣ озод карданро ифода мекунад³.

В.С. Шадрин қайд мекунад, ки аз лаҳзаи қатъ кардани таъқиби ҷиноятӣ ба шахрванд бояд ҳуқуқи рӯёнидани тамоми намудҳои ҷуброни зарари моддӣ ва маънавӣ, дар ҳолати ғайриқонунӣ будани дастгир кардан, фаҳмонида шавад⁴.

Ба андешаи мо, ҳангоми озодкунии гумонбаршуда, дар ҳолатҳое, ки дар муқаррароти қ. 1 м. 99 КМҶ ҚТ дар бораи қатъи таъқиби ҷиноятӣ ва асосҳои дар қ. 1 м. 27 КМҶ ҚТ зикр шудааст, масъалаи сафедкунии он ва ҷуброни зарар, новобаста аз ҳолатҳое, ки шахс баъди содир кардани ҷинояти дигар чун гумонбар дониста мешавад, ҳалли худро ёбад.

Қаблан чунин хулосаҳо ҷой доштанд, ки ҳар як гумонбарӣ ҳатман ба айбдоркунӣ бурда мерасонад. Дар КМҶ ҚТ амалкунанда тартиби озодкунии шахс аз гумонбарӣ пешбинӣ шудааст. Муаллифони алоҳида пешниҳод менамоянд, ки санадҳои муурофиавӣ дар бораи озод кардан ё қатъи гумонбарӣ, ки шахсан онро бо имзо ба шахси гумонбаршудаи сафедшуда ва прокурор месупоранд, бояд асоси аз ҷавобгарӣ озод кардани шахс бошад⁵. Ин андешаҳо роҷонибдорӣ намуда, илова менамоем, ки номи дақиқи ин қарор бояд «қарор дар бораи озодкунӣ аз гумонбарӣ» бошад.

Агар ҳангоми тафтишот гумонбарии пешниҳодшуда тасдиқи худро наёбад, пас мақомоти таъқиби ҷиноятӣ уҳдадор аст, ки бо қарори махсуси худ шахсро аз гумонбарӣ озод наояд ва онро бо қабули қарор дар бораи қатъи парвандаи ҷиноятӣ ва ё таъқиби ҷиноятӣ алоқаманд нагардонад. Ин қарор набояд бо қарори дар бораи қатъи парвандаи ҷиноятӣ ва таъқиби ҷиноятӣ пайваستا ва умумӣ бошад.

Бо назардошти ҳолатҳои таҳлилшуда тақлиф менамоем:

Ба КМҶ ҚТ моддаи «қарор дар бораи озодкунӣ аз гумонбарӣ» илова карда шавад, ки дар қисми 1 ҳамин модда пешбинӣ карда шавад, ки «Дар ҳолате, ки агар гумонбарӣ тасдиқи худро наёбад, барои айбдоркунӣ асоси воқеӣ мавҷуд набошад, таҳқиқбаранда, муфаттиш ва ё прокурор уҳдадоранд бо қарори махсус шахсро аз гумонбарӣ озод наоянд».

¹ Аверченко, А.К. Подозреваемый и реализация его прав в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.К. Аверченко. – Томск, 2001. – С. 239.

² Боровский, Э. Понятие подозреваемого в советском уголовном процессе / Э. Боровский // Вестник Московского Университета. Серия Право. – 1963. – №1. – С. 34.

³ Раҳматулоев, А.Э., Абдуллоева, М.К. Таҳлили назариявии қоидаҳои дастгир кардани шахс бо гумони содир кардани ҷиноят / А.Э. Раҳматулоев, М.К. Абдуллоева // Маҷалаи академияи ҳуқуқ. – 2021. – № 2 (38). – С. 155-160.

⁴ Шадрин, В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. – М.: Юрлитинформ., 2000. – С. 122.

⁵ Денежкин, Б.А. Подозреваемый в советском уголовном процессе. – Саратов: Саратовский ун-т, 1982. – С. 33.

Дар қисми 2 ҳамин модда пешбинӣ карда шавад, ки «Дар қарор бояд нишон до-
да шавад:

1. Моҳияти гумонбарии пешниҳодшуда;
2. Мавҷуд набудани асос барои пешниҳоди айбдоркунӣ;
3. Қарори мақомоти таъқиби ҷиноятӣ дар бораи аз шахси мазкур бардоштани гумонбарӣ».

Нусхаи қарор дар бораи озодкунӣ аз гумонбарӣ бо имзои шахсе, ки гумонбаршуда доништа шуда буд, супорида ва ба прокурор равона карда мешавад.

Ҳамин тариқ, гумонбаршуда дар содир кардани ҷиноят ва дастгир кардани минбаъдаи он ҳамон вақт ба анҷом расида ҳисобида мешавад, ки агар он аввал бо протоколи дастгиркунӣ, сониян қарор дар бораи ба сифати гумонбар донистани шахс ва дар охир бо қарор дар бораи озодкунӣ аз гумонбарӣ амалӣ карда шавад. Дар ҷамъбаст, муҳофизати ҷиноятӣ бояд ба як низоми ягонаи бо ҳамдигар алоқаманд табдил ёбад ва аз унсурҳои зерин иборат бошад:

- 1) ҳалли масъала дар бораи тартиби муҳофизати ҷиноятии дастгир кардани гумонбаршуда;
- 2) ба сифати гумонбаршуда эътироф кардани шахс;
- 3) пурсиши гумонбаршуда;
- 4) ҳалли масъала дар бораи татбиқи чораи пешгирӣ нисбати гумонбаршуда;
- 5) анҷоми гумонбарӣ.

АБДУЛҲАКЗОДА СПИТАМЕН АБДУЛҲАК

начальник отдела расследования не раскрытых преступлений прошлых лет
Следственного Управления МВД Республики Таджикистан,
подполковник милиции, к.ю.н.
Spitamen_f@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЖИЛИЩА В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ И ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Конституция государства закрепляет особый правовой статус жилища, признавая его не просто объектом собственности, а важнейшим элементом частной жизни, который формирует основу личной автономии и достоинства гражданина. Жилище, в контексте закона, выступает как пространство, где реализуется право на приватность, безопасность и свободу самореализации. Понятие «жилище» в данном случае выходит за рамки физической конструкции – оно символизирует глубокую эмоциональную и правовую связь человека с местом, которое служит центром его повседневного существования.

Важно подчеркнуть, что жилище становится «территорией приватности», где человек свободен от публичного наблюдения. Здесь он проводит значительную часть жизни, воспитывает детей, хранит интимные моменты и принимает решения, которые формируют его индивидуальность. Разрушение или вторжение в это пространство не только нарушает право на собственность, но и наносит ущерб психологической стабильности личности, что подтверждается исследованиями в области юридической психологии.

Таким образом, право на неприкосновенность жилища является фундаментальным элементом прав человека, закрепленным в международных и национальных правовых системах. Оно гарантирует защиту частной жизни, безопасности и достоинства личности. Однако в условиях чрезвычайных ситуаций (далее – ЧС) и военного положения это право

сталкивается с серьезными вызовами. Государства вынуждены балансировать между необходимостью обеспечения общественной безопасности и соблюдением индивидуальных свобод. В данной статье анализируются правовые коллизии, возникающие при ограничении неприкосновенности жилища в экстремальных условиях, а также предлагаются пути решения этих проблем.

Важнейшей задачей является детальный анализ международных стандартов, регулирующих право на неприкосновенность жилища, особенно в контексте чрезвычайных ситуаций и военного положения. В современных условиях эти нормы оказывают значительное влияние на формирование национального законодательства, обеспечивая баланс между правами человека и мерами государственной безопасности.

Одним из ключевых международных документов, закрепляющих данное право, является Всеобщая декларация прав человека (далее – ВДПЧ), принятая в 1948 году. Согласно статье 12 ВДПЧ: «Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища...». Данное положение стало основой для развития международных и региональных правовых актов, регулирующих защиту частной жизни и жилища, таких как Международный пакт о гражданских и политических правах (1966), Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950) и другие¹.

Особое внимание следует уделить тому, как эти международные нормы адаптируются в национальных правовых системах различных стран, учитывая специфику их правоприменительной практики в условиях кризисов и вооружённых конфликтов. Важно рассмотреть механизмы ограничения этого права, их правомерность и соответствие принципам международного гуманитарного права, а также выявить возможные противоречия между мерами государственной безопасности и защитой прав человека.

В условиях вооружённых конфликтов защита жилища гражданского населения является важным аспектом международного гуманитарного права. Женевские конвенции 1949 года и Дополнительные протоколы к ним устанавливают строгие ограничения на разрушение жилья и принудительное перемещение гражданских лиц, за исключением случаев, вызванных военной необходимостью.

Так, согласно статье 53 IV Женевской конвенции, уничтожение имущества на оккупированной территории запрещено, если только оно не вызвано «настоятельными военными потребностями». Это положение направлено на предотвращение произвольных разрушений, которые могут привести к массовым страданиям мирного населения. Под военной необходимостью понимаются ситуации, когда сохранение объектов может представлять прямую угрозу для ведущих боевые действия войск, например, если здание используется для военных целей.

Кроме того, Дополнительный протокол I 1977 года усиливает защиту гражданских объектов, включая жильё. В частности, статья 52 устанавливает, что нападения должны быть направлены исключительно на военные цели, а объекты гражданской инфраструктуры, включая жилые дома, не могут становиться мишенью, если они не используются в военных целях.

Принудительное переселение гражданских лиц также строго ограничено. Согласно статье 49 IV Женевской конвенции, депортация или перемещение гражданского населения запрещены, за исключением случаев, когда это необходимо для обеспечения их безопасности или продиктовано военной необходимостью. Однако даже в таких ситуациях государства-участники обязаны гарантировать надлежащие условия для перемещённых лиц и их возвращение в места постоянного проживания после устранения угроз.

¹ Сайфутдинова А.Д. Механизм реализации права на неприкосновенность жилища в правоохранительной деятельности органов внутренних дел: монография. – Казань: КЮИ МВД России, 2016. – С. 62.

Таким образом, международное гуманитарное право устанавливает баланс между военными нуждами и защитой гражданского населения, запрещая произвольные разрушения жилья и вынужденные переселения, если они не являются абсолютно необходимыми. Нарушения этих норм могут квалифицироваться как военные преступления, за которые предусмотрена международная ответственность.

Статья 17 Международного пакта о гражданских и политических правах закрепляет защиту от произвольного или незаконного вмешательства в частную жизнь, семейную сферу, жилище и переписку. По сути, эта норма повторяет положения ВДПЧ, но с важным уточнением: любое вмешательство в эти сферы возможно только на основании закона и должно быть оправдано защитой общественной безопасности, порядка, здоровья или морали, а также правами и свободами других лиц. Таким образом, вводится принцип законности и необходимость балансирования интересов общества и личности.

Также статья 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод гарантирует каждому человеку право на уважение его частной и семейной жизни, жилища и корреспонденции. Однако данное право не является абсолютным: государство может вводить определенные ограничения, но только при соблюдении ряда условий. Во-первых, любые вмешательства должны быть предусмотрены законом, а во-вторых, они допустимы лишь тогда, когда являются необходимыми в демократическом обществе. Основания для таких ограничений включают защиту национальной безопасности, общественного порядка, предотвращение преступлений, а также охрану здоровья, морали и прав других лиц.

Таким образом, оба международных документа подчеркивают, что право на частную жизнь не является безусловным: оно может быть ограничено, но только в строго определенных законом случаях и при наличии объективных оснований. Такой подход позволяет государствам находить баланс между правами личности и интересами общества, предотвращая злоупотребления со стороны власти. Тем самым, как отмечает В.А. Новиков¹, международное право, признавая право на неприкосновенность жилища фундаментальной свободой, устанавливает строгие критерии для его ограничения. Эти критерии направлены на предотвращение злоупотреблений со стороны государства, особенно в условиях чрезвычайных ситуаций (ЧС) или военного положения. Три ключевых принципа – законность, необходимость и соразмерность – образуют «золотой стандарт», который должен соблюдаться даже в экстремальных обстоятельствах.

Необходимо рассмотреть каждый из принципов детально. По мнению Н. Лопаткиной, принцип законности требует, чтобы любые ограничения права на неприкосновенность жилища были прямо предусмотрены национальным законодательством, а их применение – соответствовать установленным процедурам. Как она, также, отмечает, закон должен быть доступным и понятным, чтобы каждый гражданин мог четко понимать, в каких случаях государственные органы имеют право на проникновение в его жилище. Это не только повышает правовую осведомленность населения, но и способствует защите от злоупотреблений со стороны власти².

Одним из ключевых аспектов доступности закона является его четкость и недвусмысленность. Например, в Германии закон о полицейской деятельности детально регламентирует условия экстренного проникновения в жилище. В нем предусмотрены конкретные основания для такого вмешательства, включая спасение жизни, предотвращение серьезного преступления или устранение непосредственной угрозы безопасности. Это исклю-

¹ Новиков В.А. Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности жилища: дис канд. юрид. наук. – М., 2001. – С. 53.

² Лопаткина Н. Реализация принципа неприкосновенности жилища в уголовном судопроизводстве / Н. Лопаткина // Рос. юстиция. – 2002. – №1 1. – С. 51-52.

чает произвольное толкование норм и обеспечивает гражданам возможность предсказать правовые последствия действий правоохранительных органов.

Кроме того, важную роль играет правоприменительная практика и судебный контроль. В большинстве государств суды следят за тем, чтобы любые случаи проникновения в жилище соответствовали принципам необходимости и соразмерности. Например, в ряде стран перед обыском требуется судебный ордер, за исключением ситуаций неотложной угрозы.

Также, согласно В.Ю. Малахову, процедуры ограничения права на неприкосновенность жилища должны быть строго формализованы и регламентированы законодательством. Вход в жилище без предварительного судебного разрешения допускается лишь в исключительных случаях, когда существует непосредственная угроза жизни, здоровью граждан или общественной безопасности.

К таким случаям можно отнести:

- предотвращение или пресечение террористического акта, когда промедление может привести к жертвам или значительному ущербу;
- спасение людей при пожарах, утечке газа, затоплениях и иных чрезвычайных ситуациях;
- оперативное реагирование на угрозу совершения тяжкого преступления (например, захват заложников, насилие в отношении лиц, находящихся в жилище)¹.

При этом сотрудники правоохранительных органов или экстренных служб обязаны документировать факт вторжения, обосновывать необходимость своих действий и в последующем представлять отчетность перед компетентными органами. Важно, чтобы механизм проверки правомерности таких действий был четко прописан в законе, а пострадавшие имели возможность обжаловать незаконное вторжение и требовать возмещения ущерба.

Как отмечает А.С. Курманов, проблема законного ограничения права на неприкосновенность жилища особенно актуальна в условиях чрезвычайных ситуаций. Различные непредвиденные обстоятельства, такие как природные катастрофы, техногенные аварии, эпидемии и другие угрозы, вынуждают государственные, муниципальные и иные компетентные органы вводить временные ограничения прав и свобод граждан. Такие меры направлены на защиту жизни и здоровья людей, обеспечение общественной безопасности и предотвращение более серьезных последствий².

Важно подчеркнуть, что любые ограничения конституционных прав и свобод, включая право на неприкосновенность жилища, могут осуществляться исключительно на основании закона. Принцип законности является ключевым в этом вопросе, исключая произвольное вмешательство государственных органов в частную жизнь граждан. Все действия, связанные с временным ограничением прав, должны быть обоснованными, соразмерными и необходимыми для достижения легитимных целей.

Одним из примеров таких ситуаций является пожар. Возгорание в жилом помещении или в его непосредственной близости представляет собой чрезвычайное происшествие, которое требует немедленного реагирования со стороны соответствующих служб. В таких случаях возможно принудительное проникновение в жилище спасательных служб для предотвращения распространения огня и спасения людей. Однако подобные действия осуществляются строго в рамках действующего законодательства, регулирующего вопросы пожарной безопасности.

¹ Малахова В.Ю. Уголовно-правовая охрана неприкосновенности жилища в Российской Федерации: дис.канд. юрид. наук. – М., 2001. – С. 98.

² Курманов А. С. Преступление против конституционных прав и свобод человека и гражданина: сравнительно-правовое исследование / А. С. Курманов; Челяб. ин-т развития проф. образования. – Челябинск, 2007. – С.130.

Пожарная безопасность, в свою очередь, представляет собой комплекс мер, направленных на защиту личности, имущества, общества и государства от угроз, связанных с пожарами. Соблюдение требований пожарной безопасности является не только обязанностью граждан и должностных лиц, но и важным фактором, влияющим на допустимые ограничения прав и свобод. Нарушение этих требований влечёт за собой юридическую ответственность, включая возможность ограничения права на неприкосновенность жилища в экстренных ситуациях.

В случае пожара ответственность за соблюдение противопожарных мер могут нести как собственники жилья, так и наниматели, если они не предприняли всех необходимых действий по предотвращению распространения огня. Например, препятствование работе пожарных, отказ в предоставлении доступа в помещение для оперативного тушения возгорания могут рассматриваться как нарушение установленных норм. Закон предусматривает возможность временного ограничения права на неприкосновенность жилища без предварительного судебного решения, если это необходимо для защиты жизни и здоровья граждан, предотвращения значительного материального ущерба.

Однако подобные ограничения должны быть тщательно обоснованы и применяться с соблюдением баланса между общественными интересами и индивидуальными правами. Грань между необходимыми мерами пожарной безопасности и соблюдением конституционного права на неприкосновенность жилища является гибкой и требует внимательного подхода. В этой связи важно предусмотреть механизмы правовой защиты для граждан, пострадавших в результате пожара или действий служб экстренного реагирования. Такие лица должны иметь доступ к юридической помощи и возможность привлечь внимание правозащитных организаций и общественности, особенно в случаях причинения значительного ущерба их имуществу.

Дополнительное внимание следует уделять повышению профессионального уровня сотрудников пожарных и спасательных служб, поскольку ошибки и непрофессионализм при проведении аварийно-спасательных работ могут усугубить последствия чрезвычайных ситуаций. Таким образом, необходимость ограничения права на неприкосновенность жилища в целях пожарной безопасности должна сочетаться с гарантиями прав граждан и контролем за действиями экстренных служб.

Как отмечает В.А. Новиков, одним из ключевых признаков реального существования прав и свобод является их непрерывность и недопустимость постоянных ограничений. Конституционные права могут подвергаться ограничениям лишь в строго определённых случаях и на временной основе, так как любое бессрочное ограничение фактически подменяло бы сами конституционные нормы, тем самым ставя под угрозу фундаментальные демократические принципы¹.

Временный характер таких ограничений обусловлен необходимостью баланса между разными правами и свободами. Ограничения вводятся не с целью ущемления прав человека, а для обеспечения их защиты в исключительных обстоятельствах. Например, если в условиях пожара или чрезвычайной ситуации право на неприкосновенность жилища останется абсолютным и не будет ограничено для спасения жизни и здоровья людей, это может привести к нарушению более фундаментального права – права на жизнь. В таких ситуациях отказ от временного ограничения одного права может стать причиной гораздо более серьёзных последствий, в том числе массовых жертв.

Конституция Республики Таджикистан гарантирует неприкосновенность жилища, что закреплено в статье 22, где прямо указано, что проникновение в жилище и лишение его возможно только в случаях, предусмотренных законом. В то же время статья 47 Кон-

¹ Новиков В.А. Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности жилища: дис...канд. юрид. наук. – М., 2001. – С. 88.

ституции прямо устанавливает, что даже в условиях чрезвычайного положения не могут быть ограничены определённые права и свободы, включая право на неприкосновенность жилища, гарантированное статьёй 22.

Однако при анализе законодательства можно выявить определённые противоречия. Так, согласно части 2 статьи 4 Конституционного закона Республики Таджикистан «О правовом статусе чрезвычайного положения» от 3 ноября 1995 год, № 94, государственные органы при введении чрезвычайного положения могут временно переселять граждан из «районов, опасных для проживания», предоставляя им альтернативные жилые помещения¹.

Это положение фактически допускает ограничение права на неприкосновенность жилища, что прямо противоречит статье 47 Конституции.

Возникает несколько юридических коллизий. Во-первых, законодатель не даёт чёткого определения понятию «районы, опасные для проживания», оставляя его на усмотрение государственных органов. Отсутствие критериев создаёт риск произвольного толкования, что может привести к злоупотреблениям. Во-вторых, наличие противоречия между Конституцией и специальным законом порождает вопрос о приоритете норм: с одной стороны, Конституция имеет высшую юридическую силу, с другой – специальный закон допускает исключения, которые не предусмотрены в основном законе страны. Как отмечает З.А. Камолов, отсутствие чётких процедур и оснований для переселения может привести к массовым нарушениям прав граждан, особенно в условиях недостаточной прозрачности действий государственных органов. В международной практике подобные ситуации нередко становятся предметом рассмотрения в контексте соблюдения ст. 8 Европейской конвенции по правам человека (право на уважение жилища), что актуализирует вопрос соответствия таджикского законодательства международным стандартам².

Таким образом, данное несоответствие требует правового уточнения и внесения возможных изменений в законодательство. Либо необходимо конкретизировать условия и основания переселения граждан, чтобы избежать произвольного вмешательства в их жилищные права, либо пересмотреть конституционные нормы, обеспечив их согласованность с нормативными актами, регулируемыми чрезвычайные ситуации. Стоит отметить, что устранение выявленных противоречий – не только вопрос юридической техники, но и необходимое условие укрепления доверия граждан к государству. Соблюдение принципа верховенства права, особенно в условиях кризисов, является маркером зрелости правовой системы и гарантией стабильности общества.

По мнению Р.И. Расулова, ограничение права на неприкосновенность жилища тесно связано с необходимостью проведения проверок личности граждан, личного досмотра, а также досмотра их имущества, жилища и транспортных средств. Однако любые подобные меры должны осуществляться исключительно в соответствии с законными процедурами, с соблюдением прав и достоинства человека. Даже в условиях чрезвычайного положения недопустимо умаление человеческого достоинства, так как оно является неотъемлемой ценностью, защищённой нормами международного и национального права³.

Гарантии защиты достоинства личности при ограничении прав и свобод играют ключевую роль в обеспечении законности действий государственных органов. Соблюдение этих принципов позволяет утверждать, что любые ограничения, вводимые в условиях

¹ Конституционный закон Республики Таджикистан «О правовом статусе чрезвычайного положения» от 3 ноября 1995 год, № 94 // Электронный ресурс: Адлия: Централизованный банк правовой информации Республики Таджикистан. Версия 7.0. (Дата обращения: 12.11.2024).

² Камолов З.А. Система наказаний по уголовному кодексу Республики Таджикистан: дис канд. юрид. наук. – Иркутск, 2009. – С. 43.

³ Расулов, Р. И. Уголовная ответственность за преступления, связанные с проникновением в жилище: дис. ...канд. юрид. наук. – М., 1991. – С. 23.

чрезвычайного положения или иных исключительных обстоятельств, должны оставаться в чётких правовых рамках. Эти рамки предполагают строгую регламентацию полномочий государственных органов, исключая произвольное вмешательство в частную жизнь граждан. Кроме того, важным элементом является наличие эффективных механизмов контроля за правомерностью таких ограничений. Это включает судебный и общественный контроль, а также ответственность должностных лиц за злоупотребления.

Относительно ограничения прав на неприкосновенность жилища во время военного положения стоит отметить, что статья 6 Закона Республики Таджикистан «О военном положении» от 20 мая 2019 года, №1608 предусматривает, что в период действия военного режима государство вправе ограничивать права и свободы граждан, иностранных лиц, лиц без гражданства, а также деятельность организаций (включая их должностных лиц) в той степени, в которой это объективно необходимо для защиты национальной безопасности и обороноспособности страны¹. В перечень таких ограничений входит, в частности, право на неприкосновенность жилища, гарантированное статьей 22 Конституции Таджикистана. Однако подобные меры, несмотря на их легитимность в условиях чрезвычайной ситуации, на практике могут породить системные проблемы, связанные с нарушением баланса между интересами государства и правами личности.

С правовой точки зрения, данная норма соответствует положениям статьи 4 Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП), допускающей временные отступления от отдельных прав в условиях угрозы жизни нации. Однако, как отмечает эксперт по международному праву Манфред Новак, любые ограничения должны быть:

- строго пропорциональными угрозе;
- недискриминационными;
- официально объявленными (с уведомлением международных органов)².

В контексте Таджикистана отсутствие четких законодательных критериев определения «необходимой меры» создает риски произвольного применения нормы. Например, проникновение в жилище без судебного ордера под предлогом «борьбы с терроризмом» может стать инструментом давления на граждан, особенно в условиях слабого судебного контроля. По данным правозащитной организации «Амнести Интернешнл», в период действия военного положения могут возникать случаи незаконных обысков с конфискацией имущества, что прямо противоречит принципу уважения частной жизни.

Ключевая проблема, как отмечает Н.Ю. Акинина, заключается в неопределенности формулировок закона. Термины «обеспечение обороны» и «безопасность государства» могут трактоваться расширительно, что позволяет властям оправдывать любые действия, включая внесудебные меры³. Как подчеркивает также отечественный исследователь Н.Б. Азимов, отсутствие в статье 6: перечня конкретных прав, подлежащих ограничению; механизмов обжалования решений властей; временных рамок действия ограничений; создает «правовой вакуум», способствующий злоупотреблениям⁴.

Сравнительный анализ показывает, что аналогичные нормы в законодательстве Казахстана (ст. 12 Закона «О чрезвычайном положении») и Узбекистана (ст. 19 Закона «О национальной безопасности») содержат более детальные процедуры, включая обязательный судебный контроль постфактум. В Таджикистане же, как отмечает исследователь З.А.

¹ Закон Республики Таджикистан «О военном положении» от 20 мая 2019 года, №1608 // Электронный ресурс: Адлия: Централизованный банк правовой информации Республики Таджикистан. Версия 7.0. (Дата обращения: 12.11.2024).

² Nowak, M. (2005). UN Covenant on Civil and Political Rights: CCPR Commentary.

³ Акинина Н.Ю. Уголовно-правовая характеристика неприкосновенности жилища: дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2008. – С. 76.

⁴ Азимов Н.Б. Теоритические основы имплементации норм международного права в уголовном законодательстве Республики Таджикистан: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2013. – С. 128.

Камолов, «право на неприкосновенность жилища становится условным даже при отсутствии прямой военной угрозы», кроме того, введение ограничений должно сопровождаться эффективными механизмами контроля и правовой защиты. Важно, чтобы даже в условиях военного положения граждане сохраняли возможность обжалования незаконных действий должностных лиц, а также имели доступ к независимой судебной системе. Необходимо также четкая регламентация случаев, при которых допускается ограничение права на жилище, с указанием предельных сроков и процедурных гарантий¹.

Также, исследователь Г.Д. Мепаришвили предлагает следующие рекомендации для минимизации нарушений:

1. Введение судебной санкции на проникновение в жилище, за исключением экстренных случаев (например, предотвращение теракта), с последующим уведомлением суда в течение 24 часов;

2. Публикация отчетов о применении ограничений для обеспечения прозрачности;

3. Создание независимой комиссии по рассмотрению жалоб граждан, как это практикуется, например, в Грузии (по аналогии с Законом «О государственной безопасности» 2017 года). Ограничение права на неприкосновенность жилища в условиях военного положения, как он также отмечает, требует не только законодательной основы, но и системы сдержек, предотвращающих превращение «исключительных мер» в инструмент политических репрессий. Реализация принципов верховенства права и международных стандартов (например, Сиракузских принципов ООН) остается ключевым условием защиты прав граждан даже в период кризиса².

В заключении стоит отметить, что в условиях чрезвычайных ситуаций и военного положения защита права на неприкосновенность жилища приобретает особую значимость, так как баланс между обеспечением безопасности государства и соблюдением конституционных прав граждан становится крайне хрупким. Анализ правового регулирования данного вопроса показывает, что, несмотря на наличие в национальном и международном законодательстве правовых норм, направленных на охрану жилищных прав, на практике их реализация сталкивается с рядом сложностей.

Во-первых, применение ограничительных мер в условиях чрезвычайного положения зачастую сопровождается рисками злоупотребления полномочиями со стороны государственных органов. Это требует создания четких правовых механизмов, обеспечивающих контроль за соблюдением прав граждан и недопущение произвольных ограничений.

Во-вторых, эффективность защиты жилищных прав в кризисных ситуациях зависит от наличия действенных механизмов правовой компенсации и судебной защиты. Однако в условиях вооруженных конфликтов и чрезвычайных ситуаций судебные институты могут быть частично или полностью парализованы, что усложняет защиту прав граждан.

В-третьих, важную роль играет международно-правовое регулирование, которое должно обеспечивать соблюдение основополагающих прав и свобод человека даже в периоды кризиса. Развитие международных стандартов, направленных на защиту права на жилище в условиях чрезвычайных ситуаций, а также усиление контроля за их исполнением, являются ключевыми направлениями совершенствования данной сферы.

Таким образом, для обеспечения эффективной защиты права на неприкосновенность жилища в условиях чрезвычайных ситуаций и военного положения необходима комплексная правовая стратегия. Она должна включать совершенствование национального законодательства, разработку механизмов судебного и административного контроля, а также усиление международного сотрудничества в данной области. Только так можно гарантировать

¹ Камолов З.А. Система наказаний по уголовному кодексу Республики Таджикистан: дис канд. юрид. наук. – Иркутск, 2009. – С. 110.

² Мепаришвили Г.Д. Неприкосновенность жилища: уголовно- процессуальные аспекты // Государство и право. 2005. №5. – С. 148.

баланс между интересами государственной безопасности и соблюдением фундаментальных прав граждан.

АБРАМОВА ЛЮБОВЬ ЛЕОНИДОВНА

начальник кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД
России, кандидат юридических наук, полковник полиции
ug_proc@mail.ru

ХУДОИЕВ ДИЛОВАР АЗИМОВИЧ
слушатель 4 курса подготовки иностранных специалистов Сибирского юридического
института МВД России
hudoievdilovar03@gmail.com

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В Республике Таджикистан прокуратура, наряду с законодательными, исполнительными и судебными органами государственной власти, выполняет независимую роль и является ключевым элементом правовой системы. После обретения независимости страна заявила о своем намерении строить демократическое, правовое и светское государство, способствующее свободному гражданскому обществу и обеспечению мирной и достойной жизни. Для эффективного достижения этих целей крайне важно обеспечить единообразное исполнение законов и соблюдение прав и свобод человека и гражданина, что является одной из основных задач прокуратуры и других государственных институтов. После обретения независимости в Республике Таджикистан были разработаны и внедрены новые уголовно-процессуальные кодексы, адаптированные к современным требованиям и полномочиям прокурора.

Президент Республики Таджикистан, уважаемый Эмомали Рахмон подчеркнул важность роли прокуратуры в укреплении правопорядка и борьбе с преступностью, отмечая, что участие прокурора в уголовном процессе стало неотъемлемым. Практика свидетельствует, что прокурор активно участвует на всех стадиях уголовного судопроизводства и играет ключевую роль в обеспечении законности, а также защите прав и свобод всех участников процесса.

Таким образом, правовое положение прокурора в Республике Таджикистан определяется нормами Конституции Республики Таджикистан, Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (далее – УПК РТ), главой 5 Конституционного закона Республики Таджикистан и другими нормативными актами. Прокурор, в соответствии со статьей 36 УПК РТ, является государственным должностным лицом, которое осуществляет обвинение от имени государства и обеспечивает уголовное преследование на всех стадиях уголовного процесса.

В случае участия прокурора в судебном разбирательстве уголовного дела, он называется государственным обвинителем. Прокурор, представляя государственное обвинение, формирует свою позицию относительно применения уголовного законодательства и назначения наказания для обвиняемого, опираясь на требования закона и свои внутренние убеждения, которые основываются на тщательном анализе всех обстоятельств дела. В пределах своих полномочий прокурор имеет право подать протест в вышестоящий суд для отмены ранее принятого судебного акта. Кроме того, в случаях, предусмотренных Кодек-

сом, прокурор может отказаться от уголовного преследования и обвинений до момента начала совещания суда для вынесения решения¹.

УПК Республики Таджикистан также, как и российский процессуальный закон предписывает начинать процесс расследования с вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Однако есть и существенные отличия в регулировании начального этапа. Так, согласно первой части статьи 26, первой части статьи 146 УПК РТ, прокурор имеет право самостоятельно возбуждать уголовное дело в пределах своей компетенции и принимать решения на стадии предварительного расследования преступления.

Также прокурор может принимать меры, ограничивающие конституционные права и свободы участников уголовного судопроизводства. Это свидетельствует о широких уголовно-процессуальных полномочиях прокурора, которые могут существенно влиять на ход расследования преступлений. В отличие от уголовно-процессуального законодательства РФ, где прокурор не вправе возбудить уголовное дело и проводить по нему расследование.

Данное изменение связано с реформой, проводимой с 2007 года, образованием Следственного комитета в качестве отдельного ведомства, которому передано право на возбуждение уголовного дела и изменения в целом концепции законодателя касательно функций прокурора в уголовном процессе. При этом, с точки зрения ученых, данный вопрос не является однозначным.

Многие полагают, что прокурор, обладающий правом действовать как надзорный орган государственной власти, а также осуществлять контроль за законностью деятельности следственных органов, не может одновременно быть правомочным возбуждать и самостоятельно расследовать уголовные дела. Другие же считают, что с утратой полномочий по возбуждению уголовных дел прокурор перестал иметь возможность реагирования на нарушения со стороны следователей и органов дознания.

При изучении уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан можно отметить, что прокурор вправе самостоятельно принимать к своему производству любые уголовные дела, а также передавать уголовное дело от одного следственного органа к другому, за исключением дел коррупционной направленности, указанных в части 12 статьи 163 УПК РТ.

Указанное можно объяснить тем, что функция уголовного расследования здесь по-прежнему возложена на следователей прокуратуры, которые являются независимыми от прокуроров. Также следует отметить, что в отличие от следователей других органов, следователи прокуратуры могут самостоятельно принимать к своему производству любые уголовные дела, что значительно отличается от практики следователей других органов государственной власти.

Что касается полномочий прокурора в рамках досудебного производства, они закреплены в статье 168 УПК РТ. Часть первая данной статьи определяет отдельные полномочия прокурора в этой сфере. Системный анализ положений статьи 168 УПК РТ позволяет сделать вывод, что:

- во-первых, прокурор проверяет исполнение требований закона при производстве предварительного следствия или регистрации сообщения о преступлении.
- Во-вторых, прокурор даёт согласие на возбуждение уголовного дела или на избрание меры пресечения.
- В-третьих, прокурор может отменять незаконные или необоснованные постановления нижестоящего прокурора, а также необоснованные решения органов дознания и

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.01.2024 г.) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30594304 (дата обращения 06.11.2024).

так далее. Как мы видим, в отличие от уголовно-процессуального законодательства России, предмет надзора прокурора в досудебном производстве по УПК РТ не делится в зависимости от формы предварительного расследования: он является одинаковым как для органов следствия, так и для органов дознания.

Есть и другие отдельные полномочия прокурора согласно уголовно-процессуальному законодательству РТ, которые отличаются от уголовно-процессуального законодательства России. Существенная разница состоит в том, что согласно части первой статьи 168 УПК РТ, прокурор может участвовать в производстве следственных действий и при необходимости может сам проводить следственные действия в полном объеме по любому делу. Также он может возбуждать уголовное дело или отказаться от его возбуждения. Более того, прокурор прекращает или приостанавливает производство по уголовному делу, утверждает обвинительное заключение и направляет дело в суд, осуществляя иные полномочия, предусмотренные Кодексом.

Таким образом, подобное расширение полномочий прокурора делает его более самостоятельным и эффективным участником в расследовании уголовных дел, что влияет на процесс расследования уголовного дела.

К отдельным полномочиям прокурора можно отнести принятие решения об избрании меры пресечения, согласно Главе 12. Согласно ст. 248 УПК РТ по поступившему с обвинительным заключением уголовному делу, прокурор или его заместитель в пределах своих полномочий вправе отменять либо изменять ранее избранные меры пресечения по отношению к обвиняемому, а также может избрать другую меру пресечения за исключением ареста и домашнего ареста. Это подтверждает, что регулирование полномочий прокурора по принятию решения о применении меры пресечения способствует более гибкого подходу в процессе досудебного производства по уголовному делу.

Законодательство Республики Таджикистан наделяет прокурора принятием решений прокурора по делу, поступившему с обвинительным заключением. Схожесть с российским законом заключается в том, что при направлении уголовного дела в суд, согласно статье 250 УПК РТ, прокурор обязан предоставить обвиняемому его копию вместе с приложениями. Утвердив заключение, прокурор немедленно направляет дело в соответствующий суд и информирует всех заинтересованных сторон, включая обвиняемого, его защитника, потерпевшего и гражданских истцов или ответчиков.

Но есть и ряд особых полномочий по таджикскому законодательству. Так прокурор может исключить своим постановлением отдельные пункты обвинения; переквалифицировать действия обвиняемого, применив закон о менее тяжком преступлении; прекратить уголовное дело в полном объеме или в отношении отдельных обвиняемых; в исключительных случаях по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, когда обвиняемый находится за пределами Республики Таджикистан и уклоняется от явки к следствию, в отсутствие подсудимого утвердить обвинительное заключение и направить дело в суд с ходатайством о проведении судебного разбирательства; самостоятельно составить обвинительное заключение. Указанное подчеркивает важность активной роли прокурора в обеспечении прозрачности и последовательности уголовного процесса.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что в результате сравнительно-правового анализа выявляются ключевые моменты, касающиеся роли прокурора в уголовном процессе Таджикистана и России. В обеих странах прокурор выполняет центральную функцию, обеспечивая защиту закона и интересов государства. В Таджикистане прокурор обладает широкими полномочиями, включая возбуждение уголовных дел, самостоятельное расследование и принятие мер пресечения к обвиняемым, более объемным является «инструментарий» при поступлении дел с обвинительным заключением.

Проведенный сравнительный анализ показывает, что, несмотря на общие черты в регулировании функций прокурора существуют значительные различия. Дополнительные

полномочия выявлены в части регулирования первоначального этапа расследования, института мер принуждения, при направлении дела в суд. Полагаем, что регулирование полномочий прокурора по УПК РТ оказывает значительное влияние на его способность эффективно выполнять свои задачи.

АЗИМЗОДА ШУХРАТ ДЖУРАМУРОД

начальник кафедры уголовного права и процесса факультета № 4 Академии МВД
Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, майор милиции
sazimzoda@mail.ru

ЗНАЧИМОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Республика Таджикистан с обретением Государственной независимости вступила в новый этап исторического развития – построение суверенного, демократического, правового, светского, унитарного и социального государства. Устойчивое политическое, экономическое и социально-культурное развитие общества зависит от эффективности правовой политики республики.

Заккрытие уголовного производства является достаточно распространенным правовым явлением в правоприменительной практике, что обуславливает необходимость не только его детального нормативного урегулирования в уголовном процессуальном законе, разработку теоретической основы для успешного функционирования и развития, но и исследования истоков его зарождения и эволюционирования. Ведь, как известно, при исследовании любого правового явления института представляет научный интерес выяснения его становления и развития, что позволяет проследить эволюцию норм права, общественную и государственную необходимость в их существовании. Еще в первой половине 19 в. общеизвестный историк-правовед И.Д. Беляев, указывая на неразрывную связь закона и жизни, отмечал, что правильное и полное изучение законодательства возможно только при изучении истории законодательства, а история законодательства должна идти параллельно с историей внутренней жизни общества, они должны одна одну поддерживать и объяснять. Современная жизнь нашего общества и современное законодательство не могут быть вполне понятными и ясными для нас, если мы не знакомы с предшествующими нам судьбами и законодательством, поскольку всегда и во всем есть связь между прошлым и современным, в современном еще многое остается от предыдущего, а в законодательстве эта связь еще более четкая. Каждый последующий законодательный памятник (кроме немногих) есть не что иное, как развитие предыдущих памятников, для которых он является либо дополнением, либо объяснением, либо ограничением, либо отрицанием¹.

История становления и развития оснований и процессуального порядка прекращения уголовного дела, имеет три исторических периода: 1) от принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. до 16 февраля 1926 г. (когда впервые было предусмотрено право закрывать уголовное дело органами досудебного расследования); 2) с 16 февраля 1991 г. по 1 сентября 1998 г. (принятие УК РТ); 3) с 1 сентября 1998 г. по 2010 г. (принятие действующего УПК РТ).

¹ Беляев И. Д. История русского законодательства / И. Д. Беляев. - СПб: Лань, 1999. - 640 с.

Предвидение такого решения в уголовном судопроизводстве обусловили такие случаи, когда судопроизводство по наличию определенных обстоятельств по делу не могло продолжаться в обычном порядке.

М.С. Газиев прекращение уголовного дела понимает как юридический акт, в результате которого заканчивается досудебное следствие и процессуальное производство по уголовному делу, решается судьба собранных по уголовному делу вещественных доказательств и имущества, на которое был наложен арест, отменяются избранные меры, а правоотношения участников процесса после вступления в силу принятого решения переводятся в русло гражданских правоотношений¹.

Прекращение уголовного дела на досудебном следствии – заключительный этап расследования, в ходе которого следователь, прокурор в пределах своих полномочий анализирует и оценивает собранные доказательства и на их основе констатирует окончание производства по уголовному делу по существу в связи с наличием предусмотренных законом оснований².

Г.П. Химичева и другие считают, что закрытие уголовного дела представляет собой заключительный этап расследования, на котором орган дознания, следователь и прокурор подводят итоги проделанной по делу работы и на основе оценки совокупности доказательств принимают решение о невозможности дальнейшего расследования в связи с установлением предусмотренных законом обстоятельств, исключающие производство по уголовному делу или позволяющие освободить лицо от уголовной ответственности, а также решающие вопросы, связанные с принятием решения по существу дела³.

Г.В. Рось закрытия уголовного дела определяет как закрытие производства по уголовному делу. Автор отмечает, что закрытие производства по уголовному делу как форма окончания досудебного расследования реализуется на заключительном этапе расследования, когда уполномоченный государством орган (орган дознания, следователь, прокурор) подводит итог проделанной по делу работе, анализирует и оценивает совокупность собранных доказательств и на их основе формулирует в постановлении вывод о невозможности дальнейшего производства в связи с наличием предусмотренных законом обстоятельств и решает вопросы, вытекающие из принятого решения о закрытии производства по делу⁴.

В Большом толковом словаре современного таджикского языка «закрыть» означает «прекратить деятельность кого-либо, чего-либо, запрещать что-либо»⁵.

Определяющую роль и основную смысловую нагрузку в праве несут понятия и термины. Они практически выступают высшей степенью логического обобщения предметов и явлений. Понятия по ряду признаков определенного явления выбирают наиболее существенные, по которым можно судить обо всем явлении, при этом наличие этих признаков признается достаточным для правильного понимания явления. Именно поэтому понятия и термины являются наиболее важными составляющими нормативно правового акта⁶. Для их формирования необходимо использовать прежде всего адекватные слова. При этом следует учитывать системные связи как внутри самого понятия, так и между несколькими понятиями, терминами, а также принимать во внимание общепринятые лексико-семантические нормы функционирования различных значений понятия, термина. Уголовное процессу-

¹ Газиев М.С. Муурофияи ҷиноятӣ. Душанбе, 2007. С. 59.

² Уголовно-процессуальное право. д ред. Н.А. Кудратова. Душанбе, 2013. С. 152.

³ Химичева Г. П. Окончание предварительного расследования прекращением уголовного дела: монография / Г. П. Химичева, О. В. Мичурина, О. В. Химичева. - Рязань: Узоречье, 2001. - 210 с.

⁴ Рось Г. В. Закрытие уголовного дела в уголовном процессе Украины: дис. ... канд. юрид. наук. - Луганск, 2009. – С.26.

⁵ Фарҳанги истилохоти ҳуқуқ. Зери назари Маҳмудов М.А. Душанбе, 2010.

⁶ Уголовно-процессуальное право. Под ред. Н.А. Кудратова. Душанбе, 2016. С. 170.

альное право наряду с общеупотребительными словами использует слова точно значения – термины, принципиальное отличие которых от слов общего значения состоит в том, что они обозначают сознательно созданный элемент социального знания¹. Отражение в термине специального знания требует особо тщательного подхода к его определению. Такая задача, как правило, усложняется в условиях реформирования законодательства, изменения отдельных основополагающих идей правового регулирования. Эти обстоятельства обуславливают необходимость уточнения лексического состава соответствующего законодательства. В действующем УПК РФ законодатель использовал различные приемы определения правовых понятий и терминов.

Термин "закрытие" охватывает термин "прекращение". Анализируя понятия «прекращения» и «закрытия», можно сделать вывод, что для принятия решения о закрытии уголовного производства органы досудебного расследования, прокурор, суд должны установить фактические данные, указывающие на необходимость прекращения их деятельности, что, за исключением частных случаев, влечет за собой принятие решения о закрытии уголовного производства.

Следует согласиться с мнением Н.А. Табаров о том, что разногласия в понятиях «закрытие уголовного дела» и «прекращение уголовного преследования» заключаются в том, что закрытием дела завершается деятельность по делу в целом, а в случае прекращения уголовного преследования прекращается только деятельность по расследованию фактов, характеризующих деяние определенной лица. При прекращении уголовного преследования производство по делу продолжается, а в некоторых случаях, предусмотренных законом, останавливается. Однако в тех случаях, когда по делу расследовалось только деяние определенного лица и уголовное преследование по нему прекращается, это означает и закрытие производства по делу в целом². Такого же мнения и З. Холхужаева³.

В.В. Навроцкая также отмечает, что процессуальные значения понятий «закрытие дела» и «прекращение преследования» разные. Уголовное преследование – это процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения с целью разоблачения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Уголовное преследование должно урегулировать случаи, когда обвинение по уголовному делу «сложное», то есть по делу как обвиняемые привлекаются несколько человек или один человек обвиняется в совершении нескольких преступлений. В уголовном деле может осуществляться целый ряд уголовных преследований, и прекращение одного из них не влечет прекращения уголовного дела в целом. Единственным исключением, когда прекращение уголовного преследования автоматически влечет закрытие уголовного дела, есть ситуация, при которой в уголовном деле фигурирует только один эпизод, в отношении которого преследование прекращено. Таким образом, закрытие уголовного дела всегда влечет за собой прекращение уголовного преследования, однако допускается прекращение уголовного преследования без закрытия уголовного дела⁴.

Как отмечает Е.А. Белоусова, причинами прекращения уголовного преследования на досудебных стадиях всегда является установление обстоятельств, которые в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона исключают возможность обвинения в дальнейшем осуществлять процессуальную деятельность с целью разоблачения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступлений⁵. Соглашаясь с авторами, заметим

¹ Никитина С. Е. Семантический анализ языка науки: На материале лингвистики / С. Е. Никитина // Отв. ред. Н. А. Слюсарева. - М.: Наука, 1987. – С.28.

² Уголовно-процессуальное право. Под ред. Н.А. Кудратова. Душанбе, 2016. С. 156.

³ Уголовно-процессуальное право. Коллектив авторов. Душанбе, 2018. С. 225.

⁴ Навроцкая В. В. Основа диспозитивности и ее реализация в уголовном процессе Украины : дис. ... канд. юрид. наук. - Львов, 2007. – С. 175-176.

⁵ Белоусова Е. А. Прекращение уголовного преследования в стадии досудебного расследования: дис. ... канд.

только, что прекращение уголовного преследования без закрытия уголовного производства не всегда означает разрешение уголовно-правового конфликта. Разрешение уголовно-правового конфликта путем прекращения уголовного преследования возможно только в случае расследования в многоэпизодных уголовных производствах, где принимается решение о прекращении уголовного преследования по одному из эпизодов преступной деятельности лица, например, на основании п. 2 ч. 1 ст. 284 УПК РФ.

Учитывая вышесказанное, закрытие уголовного производства предлагаем понимать как итоговое решение, решающее задачу уголовного производства и достигающее его цели. Это решение является конечным для многих стадий уголовного производства. Но в науке возникают дискуссии о том, решается ли этим решением именно уголовное производство (уголовное дело).

Значение принятия решения о закрытии уголовного производства состоит в том, что: во-первых, уполномоченные государственные органы и должностные лица разрешают уголовно-правовой конфликт в пределах своих полномочий или в предусмотренных случаях учитывают его разрешение самими сторонами; во-вторых, принятие этого решения является самым быстрым средством обеспечения возмещения вреда потерпевшему (при применении нереабилитационных оснований); в-третьих, закрытие уголовного производства будет способствовать причинению меньших неудобств лицу, в отношении которого закрывается уголовное производство (особенно по реабилитационным основаниям), через снятие необходимости участвовать еще и в последующих стадиях процесса; в-четвертых, при закрытии уголовного производства в стадии досудебного расследования, будет уменьшаться нагрузка судей; в-пятых, будет способствовать сокращению расходов государства на осуществление уголовного производства.

В современных условиях глобализации, финансового и экономического кризиса, эскалации региональных и цивилизационных противоречий, наиболее важным средством защиты государственного суверенитета, построения гражданского общества, устойчивости правового государства и защиты интересов народа Таджикистана является правильное, системное и соответствующее общечеловеческим ценностям и национальным интересам проведение правовой политики государства.

Проводимая с 2007 года по сей день, судебно-правовая реформа в Таджикистане призвана обеспечить защиту прав и свобод личности, интересы государства, организаций, учреждений, законность и справедливость, провозглашенные Конституцией Республики Таджикистан и другими законами Республики Таджикистан, а также международно-правовыми актами, признанными Таджикистаном.

С целью всемерного укрепления законности и утверждения социальной справедливости и с вступлением в действие нового УПК РТ 2009 г. совершенствование национального уголовно-процессуального законодательства в рамках общей судебно-правовой реформы в республике продолжается. За период действия УПК РТ уже приняты ряд законов, вносящих изменения и дополнения в отдельные положения УПК РТ, и имеются все основания полагать, что в ближайшей и отдаленной перспективе эти тенденции сохранятся и получат дальнейшее развитие. До сих пор остаются пробелы и противоречия в нормативном регулировании ряда положений УПК РТ, немало трудностей по применению норм уголовно-процессуального Кодекса Республики Таджикистан возникают в правоприменительной практике органов предварительного расследования, прокуратуры, в том числе, при прекращении уголовных дел и уголовного преследования.

Несмотря на существующие проблемы реализации уголовно-процессуальных норм, теперь, согласно уголовно-процессуального кодекса РТ (2009 г.) появились новые институты, такие как институт преюдиции (ст. 89 УПК РТ), уголовного преследования (ст. 26 УПК

РТ); состязательность и равноправия сторон (ст. 20 УПК РТ); судебный контроль и прокурорский надзор за законностью и обоснованностью процессуальных актов органов предварительного расследования в досудебных стадиях уголовного процесса (ст. ст. 35-36, 168 УПК РТ); международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства, в том числе по уголовному преследованию лиц, совершивших преступления или осужденных на территории иностранного государства (главы 49-50 УПК РТ) и др.

Перечисленные и другие изменения в области уголовного судопроизводства в Республике Таджикистан не обошли стороной и институт прекращения уголовного дела и уголовного преследования на стадии предварительного расследования.

В целом, можно констатировать, что в результате произошедших изменений институт прекращения уголовного дела уголовного преследования на стадии предварительного расследования по УПК РТ получил более четкое оформление. Но ещё остались проблемы практического применения уголовно-процессуальных норм, нормативной регламентации вопросов обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса при прекращении уголовного дела и уголовного преследования на стадии предварительного расследования.

Проблемы, связанные с нормативной регламентацией прекращения уголовного дела и уголовного преследования на стадии предварительного расследования, не были особо обделены вниманием уголовно-процессуальной науки: к ним, в той или иной степени, обращались все известные процессуалисты и специалисты в области уголовного судопроизводства Таджикистана (С. Р. Раджабов¹, Р. Х. Рахимов², А. Н. Мубораккадамова³, Х. Д. Хошимова⁴, З. Х. Искандаров⁵, А. А. Мухиддинов⁶, А. Л. Арипов⁷, П. С. Абдуллоев⁸, Р. Р. Юлдошев⁹ и многие другие).

Однако в отечественной литературе в большинстве опубликованные научные и методические работы являются исследованиями проблем общей части уголовного процесса и процессуального положения участников уголовного судопроизводства. Поэтому теоретические проблемы и практика прекращения уголовного дела и уголовного преследования на стадии предварительного расследования по законодательству Республики Таджикистан остается до сих пор одной из актуальных, но пока ещё не исследованных частей отечественной уголовно-процессуальной науки.

Поэтому в настоящее время проявляется интерес не только к нормативной регламентации прекращения уголовного дела и преследования на стадии предварительного расследования, но и к обеспечению самостоятельности следователя в реализации установленных законом норм, процессуальному контролю и прокурорскому надзору за прекращением уголовного дела и уголовного преследования на стадии предварительного расследования.

¹ Раджабов С. Р. Развитие уголовно-процессуального законодательства Таджикской ССР : дис. ... канд. юрид. наук. – Душанбе, 1967. – 408 с.

² Рахимов, Р. Х. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел Республики Таджикистан по борьбе с экономическими преступлениями в кредитно-финансовой системе : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 287 с.

³ Мубораккадамов А. Н. Организация международного розыска органами внутренних дел Республики Таджикистан : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – 227 с.

⁴ Хошимов Х. Д. Взаимодействие следователя органов внутренних дел и милиции при расследовании уголовных дел : по материалам Республики Таджикистан : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 180 с.

⁵ Искандаров, З. Х. Правовые основы защиты прав человека в уголовном процессе Республики Таджикистан : дис. ... д-ра юрид. наук. – Ташкент, 2010. – 450 с.

⁶ Мухиддинов А. А. Процессуальное положение следователя в уголовном процессе (на материалах Республики Таджикистан) : дис. ... канд. юрид. наук. – Ташкент, 2009. – 171 с.

⁷ Арипов А. Л. Деятельность следователя по собиранию и проверке доказательств на предварительном следствии (по законодательству Республики Таджикистан) : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – 226 с.

⁸ Абдуллоев П. С. Международно-правовая помощь при собирании и проверке доказательств по уголовным делам (УПК Республики Таджикистан) : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – 280 с.

⁹ Юлдошев Р. Р. Уголовное преследование в досудебном производстве по уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. – 212 с.

В этой связи возникает необходимость в комплексном исследовании проблем прекращения уголовного дела и уголовного преследования на стадии предварительного расследования: как с точки зрения теории уголовного процесса, так и практики деятельности следственных органов Республики Таджикистан с учетом зарубежной практики опыта регулирования прекращения уголовного дела и уголовного преследования в ходе предварительного расследования.

На основе исследования проблем, как теории, так и практики прекращения уголовного дела и уголовного преследования на стадии предварительного расследования по законодательству Республики Таджикистан целесообразно проанализировать, сформулировать и обосновать положения, которые в своей основе сформировали бы теоретическую основу института прекращения уголовного дела и уголовного преследования на стадии предварительного расследования. Это позволило бы разработать рекомендации по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан; наметить пути оптимизации деятельности следственных органов при реализации норм института прекращения уголовного дела и уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного судопроизводства Республики Таджикистан в условиях продолжающегося реформирования уголовного судопроизводства.

С целью устранения имеющихся пробелов и противоречий нормативного регулирования указанного института в уголовно-процессуальном законодательстве РТ возникает необходимость в научном исследовании теоретических проблем прекращения уголовного дела и уголовного преследования на стадии предварительного расследования по законодательству Республики Таджикистан, как института отечественного уголовно-процессуального права, так и составной части уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования Республики Таджикистан.

АЛЕСКЕРОВ ВАГИФ ИСМАИЛОВИЧ

профессор кафедры оперативно-технических мероприятий органов внутренних дел
Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных
подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А.Н. Сергеева ВИПК МВД России,
кандидат юридических наук
vagif-aleskerov@mail.ru

КОЛОКОЛЬЧИКОВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА

заместитель начальника кафедры оперативно-технических мероприятий органов
внутренних дел Международного межведомственного центра подготовки сотрудников
оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А.Н. Сергеева ВИПК
МВД России, полковник полиции
okni.vpo@mail.ru

ЗАЙЧЕНКО ЛЮБОВЬ НИКОЛАЕВНА

старший преподаватель кафедры оперативно-технических мероприятий органов
внутренних дел Международного межведомственного центра подготовки сотрудников
оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А.Н. Сергеева ВИПК
МВД России, полковник полиции
okni.vpo@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИТ-ТЕХНОЛОГИЙ

Проанализировав статистические сведения из официальных отчетов ФКУ «Главный информационный аналитический центр» МВД России, можно сделать вывод о том,

что проблема противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, остается крайне актуальной, требующей особо пристального внимания со стороны правоохранительных органов и государства. В настоящее время мы сталкиваемся с таким явлением, когда развитие информационно-коммуникационных и компьютерных технологий сопровождается активной деятельностью преступников.

Информационно-коммуникационная сфера ежедневно внедряется во многие области постоянного жизненного процесса нашего современного общества, но вместе с этим возможности IT-технологий используются и лицами, склонными совершать преступления рассматриваемых видов, и, к нашему сожалению, данные преступления имеют тенденцию роста. Считаем необходимым привести статистические сведения, приведенные ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России за 2018-2024 гг.¹

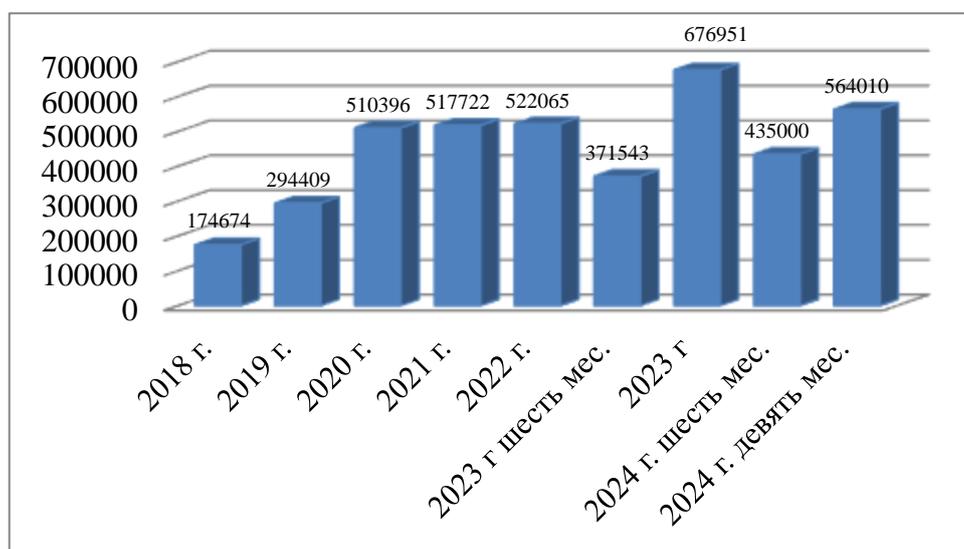

Диаграмма 1. Сведения, представленные ГИАЦ МВД России по преступлениям, совершаемым в информационно-коммуникационной сфере

Однако проблема заключается не только в увеличении числа преступлений в рассматриваемой сфере, но и в том, что лица, совершающие такие преступления, наносят колоссальный ущерб, относящийся как к материальному, так и к очевидному моральному вреду гражданам, попавшимся на различные виды и изощренные способы совершения преступлений.

Исходя из сказанного, считаем необходимым привести некоторые примеры международного характера по раскрытию преступлений, совершаемых с использованием возможностей IT- технологий.

9 июня 2021 года закончилась самая масштабная международная полицейская операция, в ней приняли участие агенты ФБР, сотрудники федеральной полиции Австралии, Европола, силовики десятка стран. Задержаны, как минимум, 800 членов организованных преступных группировок. За сутки изъято 8 тонн кокаина, 250 единиц огнестрельного оружия, более 48 млн. дол. в обычной и криптовалюте. Глобальная слежка за фигурантами велась четыре года и стала возможной благодаря мессенджеру «AnOm», который, как выяснилось позже, был разработан спецслужбами. Его продвигали как абсолютно защищенный, он стал популярным среди преступников. «AnOm» устанавливали даже на специальные телефоны, которые международный преступный синдикат считал абсолютно секретными. Контролировалось более 12 тыс. телефонов, с которых было отправлено свыше 27

¹ МВД РФ, ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». Состояние преступности в России.

млн. сообщений в более чем 100 стран и более чем на 45 языках. Все эти телефоны использовались преступниками. Продавцы и пользователи «AnOm» были так уверены в секретности этих телефонов, что рекламировали их как устройства, разработанные преступниками для преступников.¹

В качестве примера совершения противоправных действий, носящих международный характер, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, можно привести факт о задержании граждан Белоруссии и России за совершение преступлений, предусмотренных ст. 207 УК РФ.

В процессе комплексной работы и при международном взаимодействии сотрудниками ФСБ России, МВД России, СК России и КГБ Белоруссии были выявлены 8 участников Интернет-сообщества, которые распространяли ложные сообщения о минировании общественных мест. Участниками сообщества являлись граждане в возрасте от 13 лет до 21 года. Так злоумышленники массово направляли анонимные сообщения с ложными угрозами о минировании детских садов, школ, торговых центров и других мест массового скопления людей. Преступники публиковали отчеты о своих действиях в социальных сетях. По произошедшим преступным деяниям были возбуждены уголовные дела в различных регионах по факту заведомо ложных сообщений об акте терроризма. Установлено, что в специально созданном телеграмм-канале злоумышленники за денежное вознаграждение принимали заказы на отправку заведомо ложных сообщений о минировании объектов на территории России, Белоруссии и других государств. Всю свою преступную деятельность злоумышленники осуществляли путем отправления сообщений о готовящемся факте терроризма.

Все мировое сообщество сегодня не может представить свою жизнь без использования возможностей ИТ-технологий и одной из таких возможностей является дистанционное обслуживание населения, и наши граждане Российского государства не являются исключением. На сегодняшний день практически каждый человек, не взирая на возраст, имеет мобильный телефон и подавляющее большинство пользуется услугами дистанционного банковского обслуживания (далее ДБО).²

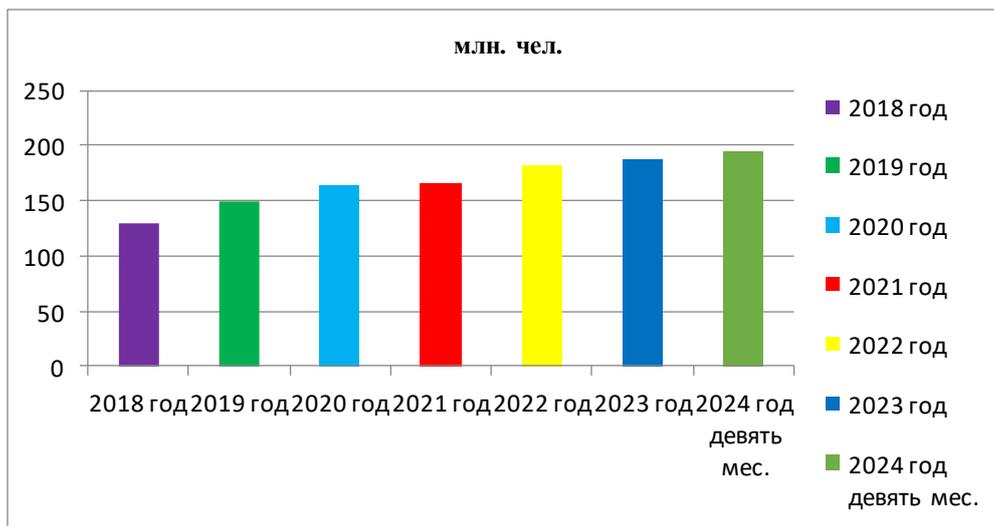

Диаграмма 2. Число частных пользователей систем дистанционного банковского обслуживания в России

¹ Сфера телекоммуникаций и компьютерной информации как платформа для совершения современных видов преступлений: учебно-практическое пособие / В.И. Алескеров, О.Н. Колокольчикова, Л.В. Василенко под общей редакцией М.Ю. Литвинова. – Домодедово; ВИПК МВД России, 2024.- 377 с.

² Раскрытие дистанционных хищений, совершаемых с использованием ИТ-технологий: учебно-практическое пособие / В.И. Алескеров, О.Н. Колокольчикова, Е.В. Маркелова [и др.]. – Домодедово: ВИПК МВД России, 2023.

Диаграмма 3. Количество пользователей, имеющих мобильные устройства

Таким образом, можно сделать вывод о том, что преступления, совершаемые с использованием возможностей IT-технологий, создают реальную угрозу общественному строю современного общества и наносят достаточно крупный ущерб государственным ведомствам и организациям, а также иным структурам. В этих целях для пресечения преступной деятельности необходимо сосредоточить и акцентировать силы и средства органов внутренних дел Российской Федерации на реализацию, поставленных задач перед сотрудниками, функциональные обязанности которых определяют своевременное выявление, пресечение, раскрытие и успешное расследование подготавливаемых или уже совершенных преступлений. Данные преступления в подавляющем большинстве совершаются изощренно, носят многогранный и латентный характер. Так по сведениям лаборатории «Касперского», большинство совершаемых преступлений в этой области, а именно 99% остаются не зарегистрированными, а значит - и не раскрытыми, что в дальнейшем, естественно, отрицательно сказывается на криминогенной обстановке, и, таким образом, создаются условия злоумышленникам для продолжения их преступной деятельности. Совершение таких преступлений причиняет огромный вред гражданам нашего государства и современному обществу, в результате которого создаются порой непоправимые проблемы правообладателям информации разного рода во многих жизненных сферах.

В настоящее время, так как участились случаи совершения преступлений, совершаемых в информационно-коммуникационной среде, возникает потребность урегулирования некоторых пробелов действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства и усиления ответственности в отношении вопроса неправомерного использования информации, хранящейся на различных электронных носителях.

Анализируя уголовные дела, возбужденные по преступлениям в сегменте информационно-коммуникационных технологий, нам позволяют сделать следующий вывод:

- накапливаемые сведения защищены не на достаточном уровне;
- становятся весьма уязвимыми;
- такая обстановка создает благоприятные условия для лиц, склонных к совершению рассматриваемых видов преступлений.

Во избежание такого положения, необходимо руководству предприятий, организаций, других ведомств и структур своевременно уделять должное внимание информационной безопасности. Не экономить денежные средства для приобретения необходимых технико-информационных продуктов в целях осуществления высокого уровня информационной безопасности и обеспечить определенное финансирование для полного и качественного выполнения соответствующих работ по обеспечению максимальной безопасности накапливаемой информации, что, естественно, скажется положительно на информационной безопасности функционирования того или иного предприятия, учреждения, ведомства или министерства.

Оперативные сотрудники в тесном взаимодействии со следственными органами, по своим функциональным обязанностям наделенными правами своевременно выявлять, раскрывать преступления и расследовать уголовные дела, должны обладать определенными профессиональными навыками и специальными знаниями. В этих целях для повышения своей квалификации сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации должны постоянно совершенствовать свой профессиональный уровень.

В настоящее время весьма изобретательно стали проявляться способы дистанционных хищений, и изо дня в день они, набирая обороты, имеют тенденцию роста. Ежедневно с гражданами нашего современного общества через средства массовой информации проводится профилактическая работа, доводится до их сведения факты совершения злоумышленниками преступных действий. Однако, несмотря на это, наши граждане охотно вступают в навязываемые преступниками беседы, в ходе которых происходит психологическое воздействие, и путем внушения будущие жертвы сами передают преступникам свои персональные данные или собственноручно денежные сбережения.

Авторы данной статьи считают необходимым для более полного представления вышесказанного рассмотреть один из мониторингов оперативной обстановки по линии совершения дистанционных хищений за 2023 год, приведенный управлением уголовного розыска ГУ МВД России по г. Москве.

Так по итогам 2023 года зафиксирован рост количества дистанционных хищений на 18,7 %, ущерб увеличился на 10 миллиардов рублей. Одним из условий, способствующих росту количества таких преступлений, являются уязвимости в программных комплексах по предотвращению мошеннических транзакций (антифрод-системах) кредитно-финансовых организаций.

С целью завладения денежными средствами, добытыми преступным путем, злоумышленники убеждают потерпевших установить приложение «Мир Рау», привязать в нем виртуальную банковскую карту и пополнить баланс указанной карты на максимально возможную сумму. Затем преступники, используют систему быстрых платежей (далее СБП), осуществляют переводы денежных средств на счета сторонних банков, с использованием которых в дальнейшем проводят вывод денежных средств в наличный оборот либо переводят денежные средства на подконтрольные счета, открытые ранее на третьих лиц. Таким образом, при переводе денежных средств через СБП между счетами одного человека, открытыми в разных банках, сделанные транзакции антифрод-системами не признаются подозрительными и не блокируются.

Учитывая изложенное, с целью предотвращения использования указанной уязвимости необходимо рассмотреть вопрос о внедрении в кредитно-финансовые организации Российской Федерации технологии периода «охлаждения». Данный вопрос ранее был поднят и в последствие введен в Банке «ВТБ» (ПАО), который заключался в отсутствии возможности пополнения наличными денежными средствами счета банковской карты после ее подключения в приложение «МИР РАУ» в течение 48 часов.

С целью профилактических мероприятий по предотвращению совершения дистанционных хищений необходимо проработать вопрос о направлении в кредитно-финансовые организации Российской Федерации следующие рекомендации, такие как:

- при выдаче банковских карт крупным шрифтом указывать в договоре о запрете передачи банковских карт третьим лицам;
- проверять переводы денежных средств на сторонние карты, совершаемые с IP-адресов, не соответствующих ранее фиксируемому;
- предложить АО «НСПК»¹ фиксировать абонентский номер клиента при регистрации на новом устройстве.

Считаем необходимым уделить должное внимание и такому актуальному вопросу, как тесное взаимодействие оперативных сотрудников, следственных органов и сотрудников подразделений специальных технических мероприятий в вопросах своевременного выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием возможностей IT- технологий.

Практика раскрытия вышеуказанных преступлений говорит о том, что не всегда на отдельных этапах расследования находится полное взаимопонимание между сотрудниками, призванными по своим функциональным обязанностям раскрывать преступления, в связи некачественным составлением необходимых первоначальных документов, дающих правовое основание для исполнения тех или иных соответствующих мероприятий и следственных действий. В этих целях для более качественного установления взаимодействия между данными службами необходимо регулярно на совместных оперативных совещаниях акцентировать должное внимание оформлению необходимых документов в соответствии с действующими нормативными правовыми актами, что, естественно, устранил некоторое недопонимание на первоначальном этапе взаимодействия и ускорит процесс необходимой работы.

В связи с тем, что данный вопрос включает в себя специальные знания и содержат определенные сведения, подлежащие раскрытию в строго определенных изданиях, авторы статьи планируют осветить в журналах такого вида.

Авторский коллектив и кафедра оперативно-технических мероприятий органов внутренних дел России поздравляет вас с 15-летием Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан. С учетом сложившихся уже давних дружеских и тесных отношений по взаимодействию и оказанию помощи знаем, что УПК Республики Таджикистан является системным нормативным актом, позволяющим наиболее эффективно принимать соответствующие решения с учетом его норм-предписаний высшей юридической силы.

Мы выражаем свою уверенность в том, что использование механизма уголовно-процессуального кодекса республики Таджикистан обеспечит защиту прав и законных интересов человека и гражданина, а с учетом возникновения некоторых ситуаций будут соблюдены предписания международных договоров, в том числе содержащие международные стандарты обеспечения прав и свобод человека при производстве по уголовным делам.

Желаем всему коллективу Академии МВД Республики Таджикистан и сотрудникам органов внутренних дел Республики Таджикистан крепкого здоровья, личного и семейного счастья, удачи, достижения высоких результатов в научной и практической деятельности во благо народов Российской Федерации и Республики Таджикистана.

¹ Национальная система платежных карт – операционный и платежный клиринговый центр для обработки операций по банковским картам внутри России.

АЛЫМОВА ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА
доцент Астраханского филиала Саратовской государственной юридической академии
Российской Федерации, судебный эксперт, кандидат филологических наук
lingexpert@mail.ru

ВЫЯВЛЕНИЕ ПРИЗНАКОВ ИСКАЖЕНИЯ СООБЩАЕМОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ДОПРОСАХ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН С УЧАСТИЕМ ПЕРЕВОДЧИКА: ВОЗМОЖНОСТИ ПСИХОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Открытость границ, трудовая и туристическая миграция способствуют тому, что сотрудникам правоохранительных органов приходится работать с лицами, не владеющими языком судопроизводства. В этом случае при проведении различных следственных действий привлекается переводчик, а содержание речевых сообщений допрашиваемого интерпретируется по поступающему последовательному (в редких случаях – синхронному) переводу. При этом нередко у органа следствия или дознания возникает необходимость получения заключения экспертов по вопросам установления признаков наличия или отсутствия искажения сообщаемой информации допрашиваемым.

В российской экспертологии с 2018 года используется методика исследования коммуникативного поведения с целью выявления признаков искажения сообщаемой информации (по видеозаписям процессуальных и иных действий)¹. Ее содержание и эффективность применения до сих пор вызывает определенные споры в сообществе экспертов, которые вызваны, в частности, тем, что методика предполагает исследование речевого поведения, то есть собственно речи, без участия эксперта-лингвиста. А ведь именно особенности продуцирования речевых конструкций, содержание речевых сообщений, в первую очередь, определяют признаки волнения, неуверенности, фантазирования, конструирования не соответствующих действительности сообщений.

Непосредственно Методика содержит более 100 различных параметров, по которым эксперт-психолог и эксперт-лингвист приходят к однозначному выводу. Основные лингвистические и психологические критерии искажения сообщаемой информации по вышеуказанной Методике²:

- нелогичная структура ответов;
- отсутствие контекстуальных вставок;
- отсутствие содержательных элементов, отражающих особенности мотивации;
- колебания частоты тона и интенсивности речи; резкие перепады речи;
- возрастание темпа артикулирования;
- ответы носят уклончивый характер;
- использование речевых уверток (отсутствие ответа на прямой вопрос, амнезия – демонстрация забывчивости, игнорирование вопроса, давление на совесть, жалость, жало-

¹ Методика исследования коммуникативного поведения с целью выявления психологических признаков искажения сообщаемой информации (по видеозаписям процессуальных и иных действий): Научно-практическое пособие / А.М. Багмет, А.Н. Гусев, В.Ф. Енгальчев [и др.]; Московская академия Следственного комитета Российской Федерации. – М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2018. – 192 с.

² Алымова, Е.В. Судебная психолого-лингвистическая экспертиза: выявление признаков искажения информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства, по видеозаписям следственных действий / Е. В. Алымова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – № 3(146). – С. 147-154.

ба на контекст (жарко, холодно, плохо), комплименты допрашивающему, непонимание сути вопроса);

– наличие «опасных зон» для допрашиваемого, т.е. обстоятельств, тревожащих допрашиваемого;

– возникновение ассоциаций у допрашиваемого при употреблении допрашивающим каких-либо слов, связанных с событием. Проявляется в возражении против «неправильных», «несправедливых» утверждений допрашивающего;

– блокада собственной информации допрашиваемым. Блокада информации у допрашиваемого часто сопровождается многочисленными противоречиями в показаниях, неестественностью;

– возникновение «смыслового барьера», который проявляется в том, что по отношению к некоторым словам, выражениям, вопросам, фразам не наблюдается элементарной и типичной реакции, типичной включенности в ситуацию. Например, допрашиваемый может говорить о том, что вопрос им не понят, давать неадекватные ответы;

– исключение (умолчание) отдельных элементов события и фактов;

– показания повторяются в одних и тех же словах и выражениях, события излагаются в одной и той же последовательности (скрупулезное повторение деталей);

– проговорки, которые выявляют большую информированность говорящего, чем та, которую он демонстрирует, знание тех обстоятельств, о которых он, по его утверждению, ничего не знает;

– несвойственные обычной речи говорящего слова, выражения, термины, резко выделяющиеся в остальном его описании обстоятельств дела, что часто обусловлено дословным повторением им предложенной кем-то ложной версии;

– многословность, излишне точное описание второстепенных деталей, при неточности и бедности описания существенных деталей;

– существенные детали, эмоции и личностное отношение описываются бедно, в основном рассказывается лишь то, что необходимо в рамках излагаемой легенды. Схематичность описания ситуации;

– чрезмерная, нарочитая точность;

– явный конфликт между сведениями, исходящими от данного лица, и остальным доказательственным материалом;

– отсутствие незначительных несоответствий, согласованность и «приглаженность» всех фактов;

– изменения говорящим своих показаний или попытки внесения изменений, особенно относящихся к первоначальным показаниям. Многократные изменения показаний, которые могут объясняться говорящим различными причинами. Появление новых деталей;

– сведения о том, что предпринимаются попытки оказать давление на свидетеля или потерпевшего, сведения о его заинтересованности в определенном исходе дела и о его контактах с заинтересованными лицами;

– попытки уклониться от ответа на поставленные вопросы (особенно неожиданные для говорящего, при изменении последовательности вопросов), долгое их обдумывание, в отличие от остального сообщения, которое говорится быстро и четко;

– внутренние противоречия, логические разрывы и иные дефекты сообщения;

– настойчивое, неоднократное (навязчивое) инициативное повторение каких-либо утверждений (не обусловленное нейтральными причинами);

– неуместные, неоднократные ссылки на свою добропорядочность и незаинтересованность;

- заявление о запомывании событий, имеющих относительно высокую личностную значимость для допрашиваемого (не объяснимое психологической защитой);
- особенности взаимодействия подэкспертного с лицом, ведущим допрос;
- стиль передачи информации (формальный, неформальный).

Но всё усложняется, если речь идет о трехсторонней коммуникации в триаде «следователь – допрашиваемый – переводчик». При таком допросе информация, прежде чем лечь в протокол, преобразуется пять раз:

1. Следователь порождает сообщение и его воспринимает переводчик.
2. Переводчик порождает сообщение и его воспринимает допрашиваемый.
3. Допрашиваемый порождает информационное сообщение и его воспринимает переводчик.
4. Переводчик порождает сообщение и его воспринимает следователь.
5. Следователь через свою систему языковых знаний декодирует информацию, полученную от переводчика, преобразуя ее в текст протокола допроса.

Пятая стадия минуется при исследовании экспертами видеофонограммы, на которой представлен допрос, а значит, эксперты могут дать оценку всей коммуникативной цепочке.

При исследовании коммуникативного поведения допрашиваемого, не владеющего языком судопроизводства, или владеющего им на уровне, требующем участия переводчика, возможно применение вышеобозначенной методики в части, касающейся содержательной составляющей речи, быстроты реакции на переведенный вопрос, попытки личного участия допрашиваемого в диалоге со следователем на языке допроса.

Важно обратить внимание на коммуникативное и речевое поведение переводчика. При невозможности дать оценку содержательной части перевода, необходимо оценить невербальные проявления. Для ответа на вопрос о наличии или отсутствии признаков искажения сообщаемой информации допрашиваемым важно исключить наличие признаков давления, принуждения и диктовки не только со стороны следователя, но и со стороны переводчика, что крайне сложно сделать следователю, не владеющему языком перевода. В данном случае невербальный канал общения является параллельным каналом информационного взаимодействия. По невербальным проявлениям можно контролировать поведение переводчика во время допроса.

Сам следователь, не владеющий языком допрашиваемого, тем не менее, имеет возможность при допросе с участием переводчика работать с большим пластом информации, поступающей через невербальные каналы коммуникации, которую он может непосредственно получить от допрашиваемого, оценить и сопоставить со словесной информацией, поступающей от переводчика. Уже с более профессиональной точки зрения это могут оценить эксперты в рамках производства судебной психолого-лингвистической экспертизы.

В качестве примера рассмотрим исследование речевого материала в рамках комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы, представленного на видеофонограмме допроса гражданина КНР, задержанного за оборот внесенных в Красную книгу растений.

Исследуемый речевой материал представляет собой трехсторонний диалог, в ходе которого следователь задает вопросы допрашиваемому, как через переводчика, так и напрямую, ориентируясь на демонстрируемые допрашиваемым знания русского языка.

Переводчик осуществляет последовательный перевод, который, исходя из сути задаваемых вопросов и уточнений, достаточности для передачи всей информации, имеющейся в исходных репликах, рассматривается как эквивалентный (адекватный). Допрашиваемый демонстрирует понимание содержания перевода, выполняемого с китайского языка на русский, при необходимости корректирует перевод, внося уточнения – в этой связи следует говорить о содержательной достаточности перевода для максимальной передачи содер-

жания оригинала на языке судопроизводства при соблюдении литературной нормы и стиля языка перевода.

Установить содержательную часть речевых сообщений переводчика на китайском языке при обращении к допрашиваемому не представляется возможным, однако по речевым реакциям допрашиваемого, по его комментариям на русском языке, устанавливается, что коммуникация не имела дефектов в передаче сути поставленных перед ним следователем вопросов, что допрашиваемый в целом понимал, что именно переводчик в результате перевода с китайского транслирует на русский язык.

Общее речевое поведение допрашиваемого, с точки зрения научных подходов теории языка, свидетельствует о том, что он адекватно понимает неосложненную русскую речь, способен интерпретировать без помощи переводчика простые речевые обороты и конструкции, но имеет определенные сложности в изложении своих мыслей на русском языке, при этом по собственной инициативе вступает в контакт со следователем на русском языке, результативно донося свою мысль до адресата.

Анализ речевого материала, представленного на видеофонограмме, показал, что следователь максимально упрощает структуру своих вопросов, при необходимости переформулирует их, что, в свою очередь, исключает возможность неверной интерпретации их переводчиком для последующего преобразования в кодифицированную систему иного языка.

При рассмотрении данного вопроса объектом исследования также является речевое и невербальное поведение допрашиваемого при коммуникации со следователем и переводчиком, эмоциональное состояние допрашиваемого в процессе коммуникации и дифференциация признаков психологического давления, принуждения, внушения, диктовки, которые могли бы свидетельствовать о недобровольности и несамостоятельности его показаний на видео.

При допросе взаимодействие допрашиваемого и следователя представляет собой диалог, в ходе которого допрашиваемому задаются вопросы. При этом в коммуникации со следователем допрашиваемый участвует как через переводчика, так и самостоятельно интерпретируя (понимая) вопросы и отвечая на них на русском языке, конструируя реплики в пределах своих языковых возможностей.

В речи следователя не выявлено использования способов воздействия на эмоциональную и рациональную сферы допрашиваемого (внушения, принуждения, побуждения, давления, диктовки), а также вопросов, носящих признаки психологического воздействия, подавляющих волю допрашиваемого, призывающих вспомнить что-либо определенное, что позволяет в дальнейшем сделать объективный вывод относительно содержательной части показаний.

При подобных видах исследований важно также обращать внимание на речевое и коммуникативное поведение переводчика, как главного ретранслятора информации.

В приводимом экспертном кейсе давления со стороны переводчика, побуждения, допрашиваемого к даче показаний также не выявлено. Переводчик демонстрирует максимальную открытость к контакту. Допрашиваемый расположен к коммуникации с переводчиком, демонстрирует понимание содержания ее перевода на русский язык, при необходимости вносит уточнения.

Ввиду определенных национальных особенностей речепорождения допрашиваемого, свойственных носителям китайского языка и китайской культуры коммуникации, исследованию подлежит только содержательная сторона ответов, а также когнитивная способность допрашиваемого понимать суть задаваемых вопросов на русском языке, интерпретировать их и выдавать ответ на русском языке в пределах своего объема языковых знаний.

В данной коммуникативной ситуации следователь успешно реализует две дополнительные задачи:

– основываясь на том, что допрашиваемый инициативно переходит на общение на русском языке (в пределах своих языковых возможностей), следователь устанавливает непосредственное информационное взаимодействие с допрашиваемым;

– осуществляет контроль за информационным взаимодействием переводчика и допрашиваемого – переспрашивает переводчика, просит уточнить.

Принимая во внимание особенности трехсторонней коммуникации, исследованию подлежит содержательная сторона ответов допрашиваемого, которая порождается в любом языке по единым законам речемыслительной деятельности.

Поскольку, в абсолютном большинстве случаев, эксперты в области психолого-лингвистической экспертизы не владеют знаниями в области национально-культурных языковых особенностей других стран, вне поля исследования остаются околовербальные характеристики, такие как темп речи, тембр голоса, паузы хезитации, физиологические реакции (мимика, пантомимика) и прочее, то есть те аспекты продуцирования речевого сообщения, которые зависят от национальных особенностей допрашиваемого,

Допрашиваемый контактен, демонстрирует активный стиль общения, демонстрирует склонность к самостоятельному продолжению повествования – дополняет свой ответ после завершения изложения, по существу, речевая активность – высокая. Отвечает, не используя пауз, содержательно полно формулируя свой ответ, который впоследствии озвучивает переводчик. Демонстрирует понимание основных слов и примитивных по структуре и содержанию вопросов, обращаемых к нему.

Самостоятельно, без участия переводчика, отвечает на определенные вопросы, т.е. демонстрирует уровень владения русским языком, достаточный для интерпретации и адекватного восприятия простых вопросов, формулирует многочленные предложения, допуская ошибки в согласовании и падежных окончаниях, но при этом соблюдая логичную последовательность умозаключения на русском языке.

Критериальный анализ показал, что ответы, данные на русском языке, равно как и содержательная сторона ответов, данных через переводчика, не содержат признаков искажения сообщаемой информации:

– ответные реакции следуют сразу после перевода;

– допрашиваемый дает дополнительные пояснения переводчику, поправляет переводчика при необходимости;

– ответы на русском языке, данные непосредственно допрашиваемым и озвученные переводчиком, отличаются связанностью, логичностью, различные сегменты высказываний не противоречат один другому и не расходятся между собой;

– ответы содержат достаточное количество подробностей – присутствуют упоминания о месте, времени, людях, объектах и событии.

Особые содержательные элементы также указывают на отсутствие искомых признаков искажения:

– высокая речевая активность;

– в ответах присутствуют контекстуальные вставки;

– событие четко определено во времени и месте действия, происшедшие события вплетаются в канву повседневных забот и привычек;

– присутствуют элементы взаимодействия – содержится информация о взаимодействии, в которое были вовлечены иные фигуранты;

– неподготовленность ответов;

– использует самоосуждение;

– по собственной инициативе вносит коррективы в свой рассказ или вносит новые детали.

Таким образом, следует отметить, что анализ речевого материала и коммуникативного поведения допрашиваемого, не владеющего (в достаточной мере или полностью) языком судопроизводства, хотя и представляет сложность, ввиду невозможности интерпретировать в полной мере невербальные и речевые характеристики коммуниканта, но тем не менее, основываясь на ряде параметров Методики, эксперты, работая в совокупности, могут дать однозначный ответ о наличии или отсутствии признаков искажения сообщаемой информации допрашиваемым. Для этого важно оценить с точки зрения психолого-лингвистических знаний речевое и невербальное поведение следователя (в контексте определения признаков давления, принуждения), переводчика (в контексте определения адекватности выстроенной коммуникации с допрашиваемым) и непосредственно речевого и коммуникативного поведения самого допрашиваемого.

ANYANOVA EKATERINA SERGEEVNA

Candidate of Legal Sciences, (University of Hamburg, Germany), legal adviser of the Limited Liability Company «BALTTORG»

anyanova@mail.ru

Анянова Екатерина Сергеевна

кандидат юридических наук, (Университет г. Гамбург, ФРГ),

юрисконсульт Общества с ограниченной ответственностью «Балтторг»

THE ISSUE OF DETENTION OF ECO-ACTIVISTS IN INTERNATIONAL LAW OF THE SEA

ПРОБЛЕМАТИКА ЗАДЕРЖАНИЙ ЭКО-АКТИВИСТОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ МОРСКОМ ПРАВЕ

1. Introduction

Threats to maritime shipping include criminal acts by environmental extremists. After the formation by the members of the Greenpeace of the Sea Shepherd Conservation Society in 1977, the members of this organization started to attack commercial fishing operations by cutting drift nets. Since then acts of "eco-terrorism at sea" started to be regularly perpetrated¹.

Terrorists are motivated usually politically or ideologically². The term 'ecoterrorism' has been commonly applied to terrorist acts in the name of saving the environment from human encroachment and destruction. Motivation of ecoterrorists is to slow or stop exploitation of natural resources and to bring public attention to environmental issues, ecology concerns. The actions of radical environmentalists are often labeled as terrorism (eco-terrorism) by the mass media and the public, but not every time such an offence is recognised by the judiciary as an offence of ecological terrorism.

This article is devoted to the issue of ecological activists at sea (ecoterrorism at sea)³.

2. Concept of ecoterrorism at sea

¹ The Threat of Eco-Terrorism. Testimony of James F. Jarboe, Domestic Terrorism Section Chief, Counterterrorism Division, FBI Before the House Resources Committee, Subcommittee on Forests and Forest Health. 12.02.2002 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20080311231725/http://www.fbi.gov/congress/congress02/jarboe021202.htm> (дата обращения: 27.12.2024 г.).

² Caprari, A.M. Lovable Pirates - The Legal Implications of the Battle between Environmentalists and Whalers in the Southern Ocean Note // Connecticut Law Review. – 2010. – № 81. – Pp. 1515.

³ Elliott, L. Ecoterrorism. // Encyclopedia Britannica, 6.10.2023 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.britannica.com/topic/ecoterrorism>. Accessed 9 August 2024 (дата обращения: 27.12.2024 г.).

There is no common definition for the term "terrorism" in the international law, correspondingly there is no definition for the term "eco-terrorism"¹, in particular maritime ecological or environmental terrorism.

The term "eco-terrorism" first appeared in February 1983 in article written by Ron Arnold² titled "Eco-Terrorism"³ in the monthly publication of the libertarian Reason Foundation - Reason Magazine. In his article Ron Arnold emphasized that the problem of eco-terrorism is real and of multi-million-dollar proportions. It has serious implications for the future⁴.

Since then the term eco-terrorism is widely applied also as a label. This term is used interchangeably in media with civil disobedience. It should be said that the labeling of radical environmentalists as 'ecoterrorists' is often criticized.

In 2002, the United States Federal Bureau of Investigation⁵ (FBI) defined eco-terrorism as "the use or threatened use of violence of a criminal nature against innocent victims or property by an environmentally oriented, subnational group for environmental-political reasons, or aimed at an audience beyond the target, often of a symbolic nature"⁶.

The question arises whether acts of eco-terrorism may be justified by the freedom of speech⁷.

Eco-terrorist acts may occur in various forms⁸. The most likely scenarios of maritime ecological terrorist acts are the cutting of the fishing nets, the sinking of ships involved in whaling and drift net fishing. The pipeline system, deep-water facilities, mineral and petroleum infrastructures could become target of both ecoterrorists and environmental terrorists⁹. The maritime ecological terrorist attacks which already took place had the scenario of a blockade of ships, preventing the waste from being dumped at sea (as for example in 1983 Greenpeace members stormed the Gem with grappling hooks and chaining themselves to dumping platforms, in 1980 Greenpeace blockade of ships carrying Bayer AG waste). Activists chain themselves to the anchor of the tanker (in 1985 during Greenpeace protests against the dumping of chemical waste (titanium dioxide) at the North Sea from Bayer in Antwerp and NL Chemicals in Gent in the

¹ Roeschke, J.E. Eco-Terrorism and Piracy on the High Seas: Japanese Whaling and the Rights of Private Groups to Enforce International Conservation Law in Neutral Waters // Villanova Environmental Law Journal. – 2009. - № 20. - Pp. 99-137, at p. 126.

² Gallagher, Z. Will the Real Eco-Terrorists Please Stand Up? // Hastings Environmental Law Journal. – 2023. - № 27. - Pp. 30.

³ Sumner, D. T. and Weidman, L.M. Eco-terrorism or Eco-tage: An Argument for the Proper Frame. // Faculty Publications. – 2013. - Accepted Version. Submission 3. - Pp. 4-16.

⁴ Arnold, R. Eco-Terrorism // Reason. – February 1983 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://reason.com/1983/02/01/eco-terrorism/> (дата обращения: 27.12.2024 г.).

⁵ The Threat of Eco-Terrorism. Testimony of James F. Jarboe, Domestic Terrorism Section Chief, Counterterrorism Division, FBI Before the House Resources Committee, Subcommittee on Forests and Forest Health. 12.02.2002 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20080311231725/http://www.fbi.gov/congress/congress02/jarboe021202.htm> (дата обращения: 27.12.2024 г.).

⁶ Sumner, D. T. and Weidman, L.M. Eco-terrorism or Eco-tage: An Argument for the Proper Frame. // Faculty Publications. – 2013. - Accepted Version. Submission 3. - Pp. 6.

⁷ Nichols, N. Statement: Eco-terrorism and lawfulness on the national forests. Oversight hearing before the Subcommittee on forests and forest health of the Committee on Resources U.S. House of representatives // 107th Congress, 2nd session. - 12.02. 2002 - Serial No. 107-83. - U. S. Government printing office, Washington, 2002 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-107hhr77615/html/CHRG-107hhr77615.htm> (дата обращения: 27.12.2024 г.).

⁸ Roeschke, J.E. Eco-Terrorism and Piracy on the High Seas: Japanese Whaling and the Rights of Private Groups to Enforce International Conservation Law in Neutral Waters // Villanova Environmental Law Journal. – 2009. - № 20. - Pp. 99-137, at p. 100.

⁹ Chalecki, E.L. Environmental Terrorism Twenty Years On. // *Global Environmental Politics*. – 2024. - № 24 (1). - Pp. 1–9.

Antwerp harbor); boarded the vessel and smashed expensive radio and navigation equipment (in 1985 activists board the vessel carrying waste and destroy navigation equipment)¹.

During the protests of Greenpeace in 2024 activists protested against a bunker vessel Zircon operating as a floating gas station and fuelling the shadow fleet in open seas off the Swedish island. Gotland activists approached the vessel in two ribs and painted Oil is war – People want peace on the side². This action raised intensive discussion among politics and publicity, but the activists were not detained.

The response of justice system to eco-activists at sea is different: their actions have been characterized either as piracy or justified by the right to peaceful protest and expression of opinions. In some cases, it was prescribed in the judgement for ecoterrorists to maintain safe distance. In some cases, the court recognizes the right of the eco-activists to the freedom of speech.

As it was demonstrated by the mentioned examples the protests of environmental activists are often stopped by the arrest of the participants. The question arises as to whether there is a danger to public order from such actions and how to prosecute criminal incidents arisen during the activity of environmentalists.

In early 1980, for example, Greenpeace defied a British high court order forbidding the Rainbow Warrior from interfering with the unloading of nuclear fuel to be reprocessed from the Pacific Fisher³.

In the following example (*Nauru Ocean Resources Inc (NORI) v. Stichting Greenpeace Council and Stichting Phoenix*⁴), the protests were justified by Art. 10 and 11 of the European Convention on Human Rights (ECHR) and Greenpeace's right to take action and make its opinion known to the public. However, the presence of the activists does not have to be tolerated in the private property, only in a public space such protests are admissible. The court ruled that protests could continue around the ship, although Greenpeace's climbers had to come down or the organization would face fines of €50,000 a day⁵.

Action by Greenpeace in August of 1982 resulted in members storming the Gem with grappling hooks and chaining themselves to dumping platforms. When the UKAEA went to court in the Netherlands, an attorney in court referred to the protest as "an act of modern piracy"⁶. The court recognized Greenpeace's right to carry out protests at the dump site but not its right to make the dumping impossible or to board the dumping vessel. A fine of £2,000 would be levied for each day the organization failed to comply. After the court's judgement Greenpeace activists continued their protests, volunteers were arrested.

The famous example of eco-activists is Sea Shepherd. The activity of this activists was often referred to as pirates. Sea Shepherd set the mines which damaged Spanish whalers in 1979 in Corcobian Bay, Spain and Portugal. During the 2007 two Sea Shepherd volunteers boarded a Japanese whaling vessel and were detained for three days. Japan and other pro-whaling countries have strongly denounced the actions of Sea Shepherd, labeling its coercive techniques as "acts of

¹ Menefee, S.P. The Case of the Castle John, or Greenbeard the Pirate? Environmentalism, piracy and the development of international law // California Western International Law Journal. – 1993. - Vol. 24, No. 1. - P. 1-16, at p. 9.

² Chambers, S. Greenpeace targets vessel accused of fuelling Russia's shadow fleet // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://splash247.com/greenpeace-targets-vessel-accused-of-fuelling-russias-shadow-fleet/> (дата обращения: 27.12.2024 г.).

³ Menefee, S.P. The Case of the Castle John, or Greenbeard the Pirate? Environmentalism, piracy and the development of international law // California Western International Law Journal. – 1993. - Vol. 24, No. 1. - P. 1-16, at p. 9.

⁴ *Nauru Ocean Resources Inc (NORI) v. Stichting Greenpeace Council and Stichting Phoenix* // Rechtbank Amsterdam, 30.11.2023.

⁵ Gayle, D. Deep sea miners turn water hoses on Greenpeace activists in the Pacific, 02.12.2023 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/environment/2023/dec/02/deep-sea-miners-turn-water-hoses-on-greenpeace-activists-in-the-pacific> (дата обращения: 27.12.2024 г.).

⁶ Menefee, S.P. The Case of the Castle John, or Greenbeard the Pirate? Environmentalism, piracy and the development of international law // California Western International Law Journal. – 1993. - Vol. 24, No.1. - Pp. 1-16, p. 10.

piracy" and "eco-terrorism" under the United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS) and the regulations of the International Whaling Commission (IWC). Japan has threatened to bring suit for Sea Shepherd's alleged acts of eco-terrorism and piracy¹.

3. Eco-terrorism at sea under international law

The question arose how should the coastal state intervene into the activity of ecological terrorism at sea on different maritime zones.

In internal waters, a coastal state has full jurisdiction to intercept suspected vessels, stop a vessel suspected of terrorism, board, inspect the vessel, and even detain such a vessel and its cargo in accordance with its national law (Art. 8 of the UNCLOS).

Piracy within the meaning of the UNCLOS in internal waters does not exist. In international law piracy is a crime that can be committed only on or over international waters (including the high seas, exclusive economic zone, and the contiguous zone), in international airspace, and in other places beyond the territorial jurisdiction of any nation. The same acts committed in the internal waters, territorial sea, archipelagic waters, or national airspace of a nation do not constitute piracy in international law but are, instead, crimes within the jurisdiction and sovereignty of the littoral nation.

All acts of terrorism in the territorial sea constitute violations of international law generally².

The measures to counter terrorism within the territorial sea and internal waters of coastal states are based on the universally recognized sovereignty of states over these waters³.

Consequently, in case of the acts of marine eco-terrorism occur against offshore installations in the exclusive economic zone and continental shelf, a coastal state would be duly authorized under the UNCLOS to take appropriate steps⁴.

The activity of environmental activists is often acknowledged as piracy.

UNCLOS and international customary law do not authorize control measures against a foreign-flagged vessel on the high seas to stop the terrorist acts. However, such permissions could be found in other international documents.

Specific regulations for eco-terrorism are absent⁵.

The eco-terrorists' activity could be justified by sections 21 (c), (e) UN General Assembly Resolution 37/7 World Charter for Nature, the Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora (CITES)⁶ (Japan is violating the CITES ban on international trade of sei whales by catching the whales beyond of territorial waters).

¹ Roeschke, J.E. Eco-Terrorism and Piracy on the High Seas: Japanese Whaling and the Rights of Private Groups to Enforce International Conservation Law in Neutral Waters // Villanova Environmental Law Journal. – 2009. - № 20. - Pp. 99-137, at pp. 100-109.

² Joyner, C.C. Offshore Maritime Terrorism: International Implications and the Legal Response. // Naval War College Review. – 1983. - Vol. 36, no. 4. – Pp. 16–31, at p. 21.

³ Romashev, Y. Бор'ба с преступленями международного характера, совершаемыми на море (терроризм, пиратство, незаконный оборот наркотиков) [Combating crimes of international concern committed at sea (terrorism, piracy, drug trafficking)]. -2001. - Moscow: RosConsult. - 300 P. (In Russian), at pp. 80.

⁴ Joyner, C.C. Offshore Maritime Terrorism: International Implications and the Legal Response. // Naval War College Review. – 1983. - Vol. 36, no. 4. - Pp. 16–31, at pp. 22-23.

⁵ Prananda, R.R.; Hananto, P.W.H., Ramadhan, M.D., Simanjuntak, G.T.; Ahamat, H. Legal consideration towards eco-terrorism as a new form of the environmental law crime and torts // Diponegoro Law Review. – 2023. - Volume 08, Number 02. - Pp. 287-300, at pp. 299.

⁶ Roeschke, J.E. Eco-Terrorism and Piracy on the High Seas: Japanese Whaling and the Rights of Private Groups to Enforce International Conservation Law in Neutral Waters // Villanova Environmental Law Journal. – 2009. - № 20. - Pp. 99-137, at pp. 101.

The Rome Convention on the Suppression of Unlawful Acts Against the Safety of Maritime Navigation of 1988 (Rome Convention, SUA Convention) covers “unlawful acts” directed against ships and other acts of violence at sea¹ (Art. 3(1) SUA)².

In the case *Institute of Cetacean Research, a Japanese research foundation v. Sea Shepherd Conservation Society*, an Oregon nonprofit corporation Cetacean argued that Sea Shepherd's acts amounted to piracy and violate international agreements regulating conduct on the high seas including: the SUA Convention (Art. 3), the UNCLOS and the Convention on the International Regulations for Preventing Collisions at Sea (“COLREGS”), Oct. 20, 1972, since acts of such NGO put life at sea at risk, it caused damage to property and physical to people³.

Since Cetacean's vessel sank over⁴ as a result of the activity of Sea Shepherd, this organization was labeled by Japan and other nations not only as “pirates”, but even as “terrorists”, even eco-terrorists.

4. Legal cases

4.1. The Case of the Castle John

In the decision of 19 December 1986, the Belgian Court of Cassation in *Castle John and Nederlandse Stichting Sirius v. NV Mabeco and NV Parfin*⁵ considered Greenpeace activists as pirates under Art. 101 of UNCLOS, Art. 15 of the 1958 Geneva Convention on the high seas⁶. Such activity of Greenpeace was considered as acts of piracy for “private ends” because their motivation was the achievement of Greenpeace goals and were therefore subject to the UNCLOS piracy laws.

This case demonstrated that maritime environmental activists' behavior may qualify as piracy under international law⁷.

4.2. Sea Shepherd organization

Regarding Sea Shepherd organization this organization was labeled as a terrorist organization, pirate, environmental activist.

Sea Shepherd operated under Sections 21–24 of the United Nations World Charter for Nature, which provides authority to individuals to act on behalf of and enforce international conservation laws⁸.

In January 2008 two Sea Shepherd crewmembers boarded one of the Japanese whaling vessels at sea to deliver a letter asking the vessel to end the whale hunt. For boarding the deck of the whaling ship, crewmembers claimed that the activists were pirates under UNCLOS who

¹ Wolfrum, R. Fighting Terrorism at Sea: Options and Limitations under International Law // ITLOS. Statements of president // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/statements_of_president/wolfrum/doherty_lecture_130406_eng.pdf (дата обращения: 27.12.2024 г.), at p. 6.

² Guggisberg, S. The roles of nongovernmental actors in improving compliance with fisheries regulations // *Review of European, Comparative & International Environmental Law*. – 2019. – Vol. 28. Issue 3. - Pp. 314-327, at pp. 324.

³ Roeschke, J.E. Eco-Terrorism and Piracy on the High Seas: Japanese Whaling and the Rights of Private Groups to Enforce International Conservation Law in Neutral Waters // *Villanova Environmental Law Journal*. – 2009. - № 20. – Pp. 99-137, at pp. 100.

⁴ *Institute of Cetacean Research v. Sea Shepherd Conservation Society*. - United States Court of Appeals, Ninth Circuit. – order and amended opinion. - 25.02.2013.

⁵ Scovazzi, T. & Treves, T. Piracy, present problems // *Institute of International Law, report of the Eleventh Commission*. – 2023. - Editions A. Pedone. - Pp. 156–238, at pp. 194.

⁶ Menefee, S.P. The Case of the Castle John, or Greenbeard the Pirate?: Environmentalism, piracy and the development of international law // *California Western International Law Journal*. – 1993. - Vol. 24, No. 1. – Pp. 1-16, p. 12.

⁷ Caprari, A.M. Lovable Pirates - The Legal Implications of the Battle between Environmentalists and Whalers in the Southern Ocean Note. *Connecticut Law Review*. – 2010. – Vol 81. – Pp. 1514.

⁸ Berube, C. Sea Shepherd: The Evolution of an Eco-Vigilante to Legitimized Maritime Capacity Builder // *Maritime Irregular Warfare Studies*. Newport, RI: Center on Irregular Warfare and Armed Groups, U.S. Naval War College. – 2021, at Pp. 21-22.

boarded the vessel illegally, detained the two crewmembers for three days. After that they were transferred to Australian authorities, but charges were not filed.

The activity of the marine environmental organization Sea Shepherd was considered as a piracy by the court in terms of the Art. 101 of UNCLOS. The Court held the term “private” ends includes those pursued on personal, moral or philosophical grounds, such as environmental goals, even though there was no motive for financial gain, by the decision of 25 February 2013 by the United States Court of Appeal for the Ninth Circuit in the Sea Shepherd Conservation Society et al. v. The Institute of Cetacean Research et al. Reversing the decision of 19 March 2012 by the District Court for the Western District of Washington¹ Sea Shepherd was convicted of piracy for perpetrating acts of violence against Japanese whalers. The Court also found that the Sea Shepherd’s actions were in contravention of the Convention on the COLREGS and the SUA Convention. The court ordered members of an environmental organisation to stop attacking Japanese whaling ships.

This case demonstrated that the activity of environmental group could be considered as an act of piracy and contravened the 1988 SUA Convention². Sea Shepherd’s activities were labeled by Japan and other nations not only as “pirates”, but even as “terrorists”, even eco-terrorists³.

In July 2024 Paul Watson, the founder and a former head of a nonprofit marine conservation organization Sea Shepherd, veteran environmental (anti-whaling) activist, was arrested by the Danish police in Nuuk, Greenland⁴.

This case demonstrated that the activity of eco-activists still have clear and present danger, remain harmful.

4.3. The Arctic Sunrise case

Heavy discussions are raised concerning the detention of the protesting environmentalists. The question at issue is whether the detention is admissible in such situations, for example, as Greenpeace activists’ protests at Russian offshore oil-drilling platform.

In 2013 twenty-eight Greenpeace activists and two journalists on a ship «Arctic Sunrise», flying the Dutch flag of the Netherlands, travelled to the Pechora Sea peacefully (within the exclusive economic zone of Russia)⁵, protested by climbing the Russian Prirazlomnaya oil drilling platform, located in the Russian exclusive economic zone (EEZ). The goal of the protests was to ban offshore oil drilling and industrial fishing in Arctic waters.

The crew members were detained and initially charged with piracy under Russian law. The charges had later been revised to hooliganism, and the proceedings against them discontinued under an amnesty.

In arbitration proceedings under the UNCLOS between the Government of the Netherlands and the Russian Federation, the latter refused to participate in those proceedings, however, the two states reached a confidential settlement agreement in Joint statement by the Russian Federation and the Kingdom of the Netherlands on cooperation in the Arctic zone of the Russian Federation and dispute settlement of 17 May 2019.

In 2023, the ECtHR issued its ruling in the Bryan and Others v. Russia case, also known as the Arctic Sunrise case that the Greenpeace’s actions were not illegal, as they were protected un-

¹ Scovazzi, T. & Treves, T. Piracy, present problems // Institute of International Law, report of the Eleventh Commission. – 2023. - Editions A. Pedone. - Pp. 156–238, at pp. 194.

² Guggisberg, S. The roles of nongovernmental actors in improving compliance with fisheries regulations // Review of European, Comparative & International Environmental Law. – 2019. – Vol. 28. Issue 3. – PP. 314-327. – P. 325.

³ Caprari, A.M. Lovable Pirates - The Legal Implications of the Battle between Environmentalists and Whalers in the Southern Ocean Note. Connecticut Law Review. – 2010. – Vol 81. - Pp. 1508-1514.

⁴ Anti-whaling campaigner Paul Watson arrested in Greenland. He faces possible extradition to Japan // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://apnews.com/article/greenland-anti-whaling-campaigner-paul-watson-japan-e8b736ac41ced122482ba446fdcba713> (дата обращения: 10.12.2024 г.).

⁵ Press Release: Violation of Greenpeace Arctic activists’ rights after protest at Russian offshore oil-drilling platform // The Registrar of the Court ECHR. 27.06.2023. – Vol. 196 (2023). Pp. 2.

der the freedom of speech. In judgment the ECtHR held, unanimously, that there had been a violation of Art. 5 § 1 (right to liberty and security) of the ECHR, and a violation of Art. 10 (freedom of expression)¹.

This case demonstrated that the detention of the protesting environmentalists remains a highly disputable issue. Although according to the national legislation of Russia their detention was a legal procedure, the international institutions found the violations of freedom of expression in this case.

4.4. Friedrich and Others v. Poland

An international campaign, launched by Greenpeace entitled the “European Energy Transition Project”, to encourage national economies to phase out coal in the light of the climate emergency included a series of protests. A protest held at sea by sixteen activists affiliated with Greenpeace and two journalists and media coverage thereof was interrupted by the Polish Border Guard Service in Gdańsk, the applicants and their vessels were immobilised, and two applicants were taken ashore and arrested.

In the case of Friedrich and Others v. Poland, the European Court of Human Rights (ECtHR) held that there have been violations of Art. 5 § 1, 5 § 2 and 10 of the Convention².

This case demonstrated that slogans, banners, blocking of a ship do not constitute a crime, the participants are not allowed to be deprived of liberty.

5. Specialized institution for prosecution of cases of eco-terrorism at sea

At present there is no established international tribunal with jurisdiction to try and punish ecoactivists at sea, so any prosecution would have to take place in local courts.

The SUA Convention was adopted in 1988 to specifically address unlawful acts against the safety at sea that are not covered by the UNCLOS piracy laws³. Under this convention and other multilateral conventions such cases are tried domestically without use of an international tribunal. The conventions require the flag state to establish jurisdiction over offenses aboard, or in respect of, vessels or aircraft at sea. Furthermore, the Protocol for the Suppression of Unlawful Acts Against the Safety of Fixed Platforms Located on the Continental Shelf (SUA Platforms 1988) and the Protocol of 2005 to the Protocol for the Suppression of Unlawful Acts Against the Safety of Fixed Platforms Located on the Continental Shelf (SUA Platforms 2005) require coastal states to establish jurisdiction over offenses aboard, or in respect of, fixed platforms at sea. Territorial-based jurisdiction or nationality-based jurisdiction principles may also be applied⁴.

The proposal is made that such cases could be considered either by the International Tribunal for the Law of the Sea (ITLOS) or by the International Court of Justice (ICJ)⁵.

Thus, disputes about the actions of environmental activists are usually brought before national courts, although there have been some attempts to transfer the consideration of these disputes to international forums.

Since these protests are international, eco-terrorists at sea are often considered as pirates or terrorists at sea, there is an obvious need for international body for such cases.

6. Conclusions

¹ Press Release: Violation of Greenpeace Arctic activists’ rights after protest at Russian offshore oil-drilling platform // The Registrar of the Court ECHR. 27.06.2023. – Vol. 196 (2023). Pp. 2-4.

² Case of Friedrich and others v. Poland (Applications nos. 25344/20 and 17 others) ECHR Judgment. – 20.09.2024.

³ Caprari, A.M. Lovable Pirates - The Legal Implications of the Battle between Environmentalists and Whalers in the Southern Ocean Note // Connecticut Law Review. – 2010. – № 81. – Pp. 1515-1516.

⁴ Honnibal, A.N. One Treaty to Apply Them All? Defining Maritime Terrorism by Cross-References and Reservations: The ASEAN Region Example. // International law studies. – 2023. – Vol. 100. – Pp. 62-109. – Pp. 70-71.

⁵ Roeschke, J.E. Eco-Terrorism and Piracy on the High Seas: Japanese Whaling and the Rights of Private Groups to Enforce International Conservation Law in Neutral Waters // Villanova Environmental Law Journal. – 2009. - № 20. - Pp. 99-137, at pp. 128.

The issue of eco-terrorism at sea became transnational, since such crimes are also committed at open sea as well as in foreign state's territory.

Existing international jurisprudence is very approximate, imprecise. The absence of specific regulation of eco-terrorism creates overlaps of rules relating to prohibition of crimes at sea and rules regulating protection of the environment¹.

БОРМОТОВА ЛАДМИЛА ВАЛЕРЬЕВНА

доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия Российской Федерации, г. Санкт-Петербург,
кандидат юридических наук, доцент
ogulada@rambler.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Для подробного исследования вопросов мониторинга мессенджеров и Интернет-пространства как оперативного средства борьбы с многими современными преступлениями, в том числе с коррупцией необходимо, в первую очередь, определить само понятие «мониторинг» с точки зрения его значения для оперативно-розыскной деятельности в процессе раскрытия, пресечения и расследования преступлений. На сегодняшний день практика применения термина «мониторинг» достаточно широка. Стоит отметить, что понятие «мониторинга» встречается не только в правовой науке, но и в философии, социологии, политологии и прочих гуманитарных науках. Однако, в контексте настоящего исследования необходимо опираться на определение рассматриваемой категории в контексте правовой парадигмы. Термин «мониторинг» употребляется не только в сфере уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений, но и в сфере государственного и муниципального управления, экологических, финансовых, налоговых и иных правоотношений².

При этом важно отметить, что понятие мониторинг как деятельность уполномоченного лица в Интернет-пространстве, будучи направленной на реализацию публичного интереса, неизбежно затрагивает частные права и свободу, вторгается в эту сферу. Потому его использование в юридической практике осложняется ввиду возможных нарушений, отсутствия проверяемого основания и законности условий проведения. Однако, достигнутый результат в виде предотвращенного террористического акта, пресечение деятельности организованной преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, а также коррупционных преступлений, - «перевешивает» возможные риски.

¹ Prananda, R.R.; Hananto, P.W.H., Ramadhan, M.D., Simanjuntak, G.T.; Ahamat, H. Legal consideration towards eco-terrorism as a new form of the environmental law crime and torts // Diponegoro Law Review. – 2023. - Volume 08, Number 02. - Pp. 287-300, at pp. 296.

² Ганеева, Ж. Г. Определение понятия «Мониторинг» в различных сферах его применения / Ж.Г. Ганеева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2005. – № 1. – С. 32; Қобилов, М. З. Фази интернетӣ ҳамчун воситаи муоширати байнифарҳангӣ дар тамаддуни иттилоотии асри XXI / М. З. Қобилов, Г. Қ. Карамшоева // Паёми Донишгоҳи Хоруғ. – 2023. – №. 4(28). – С. 126; Чунихина, Л.Н. Финансовый мониторинг как средство борьбы с преступностью / Л. Н. Чунихина // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2011. – № 4. – С. 57.

Сам термин «мониторинг» происходит от английского слова «наблюдение», и от латинского слова «предостережение». Согласно общепринятому смыслу, мониторинг представляет собой систематическое наблюдение за каким-либо процессом с целью его изучения, анализа и оценки. Соответственно, атрибутивная характеристика рассматриваемой категории является весьма размытой, что позволяет соотнести термин «мониторинг» с термином «наблюдение». Однако, по мнению некоторых авторов, стоит разграничивать указанные понятия, так как термин «мониторинг» включает в себя также «процесс исследования реальности, сбора и хранения информации, ее систематизации и дальнейшего использования в различных сферах деятельности»¹.

Стоит отметить, что в учебных пособиях по организации деятельности оперативно-розыскных органов мониторингу отводится роль «перспективного направления оперативного поиска в сетевом информационном пространстве, представляющем собой комплексную систему оперативно-розыскных мероприятий, которые обеспечивают наблюдение за состоянием криминальных процессов в сетевой социальной среде и базируются на применении средств и методов оперативно-розыскной деятельности»². В науке относительно развития информационных возможностей оперативной деятельности имеются также весьма интересные позиции. Так, О.В. Середой отмечается польза мониторинга информационных систем, учетов, уже существующих специализированных баз данных, а также ставится задача мониторинга государственных единых систем учета в области лесопромышленной деятельности для нужд оперативной работы. В качестве мониторингового технического инновационного средства ею предлагается использовать RFID или технология радиочастотной идентификации³. И хотя эта идея борьбы с незаконной вырубкой и экспертом древесины не нова⁴, тем не менее указанное подтверждает важность разработки мониторинговых средств борьбы с преступностью, направленных не только на пресечение, но и предупреждение преступности в той или иной сфере.

Оперативно-розыскной мониторинг направлен на аккумуляцию, переработку и детальное рассмотрение информации о явлениях преступного характера, в том числе может быть использован в сфере борьбы с коррупцией.

Внимание к мессенджерам и Интернет-пространству, как к средству коммуникации, возникает не только у добропорядочных граждан с целью бытового общения, но и у криминальных элементов с целью осуществления преступной деятельности. Развитие информационных технологий сформировало сложную иерархию криминальных посредников услуг и сервисов в сети. В сфере коррупционной деятельности, мессенджеры становятся востребованной площадкой для планирования взяточничества, определения предмета взятки, места и времени совершения преступления. Зачастую благодаря Интернет-пространству становится возможным передача предмета взятки без непосредственного взаимодействия между взяткодателем и взяткополучателем.

Так, в апреле 2024 г. экс-сотрудник МВД России Георгий Сатюков вместе с бывшим коллегой незаконно получили взятку от администратора криптобиржи в биткоинах на

¹ Кутузов, А.В. Оперативно-розыскной мониторинг сети Интернет как элемент противодействия преступлениям экстремисткой направленности / А.В. Кутузов // Вестник Костромского государственного университета. – 2020. – № 2. – С. 237.

² Горяинова, К.К., Овчинский, В.С. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / отв. ред К.К. Горяинова, В.С. Овчинский. – М.: ИНФРА-М, 2018. – С. 371.

³ Середой, О.В. Цифровые технологии как универсальное средство борьбы с преступностью: криминалистический аспект / О. В. Середой // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. – 2022. – № 46(46).

⁴ Дубровина, Д.С. Контрольные идентификационные знаки как способ борьбы с незаконным экспортом древесины / Д.С. Дубровина // БИТ. – 2018. – Том 3. – №1 (9). – С. 34; Петряев, В.Е., Герц, Э.Ф., Перепечина, Т.А. Мониторинг леса для борьбы с незаконной вырубкой с помощью RFID технологий / В.Е. Петряев, Э.Ф. Герц, Т.А. Перепечина // Научные исследования и разработки молодых ученых. – 2016. – № 9-1. – С. 146.

сумму 5 млрд. рублей. По версии следствия, криптовалюту перечисляли с марта 2019 г. по октябрь 2021 г. При этом, все взаимодействие между фигурантами дела происходило посредством мессенджеров¹. Они покинули Россию и были заочно арестованы.

По мнению А.Л. Осипенко, оперативно-розыскной мониторинг мессенджеров и Интернет-пространства позволяет обнаруживать признаки подготовки противоправных действий на ранних этапах и практически превращается в оперативно-предупредительное средство². Соответственно, оперативно-розыскной мониторинг играет важную роль превентивного и пресекающего характера. По мнению автора, мониторинг мессенджеров и Интернет-пространства как оперативно-розыскное средство борьбы с коррупцией реализуется через автоматизированный поиск, оперативно-розыскное изучение и наблюдение за местами сетевого общения и мессенджерами³.

Стоит отметить, что в последние годы в свете поиска новых форм и видов оперативно-розыскных мероприятий, не требующих санкционирования судом и позволяющих реализовать результаты по уголовному делу без особых проблем, выдвигается позиция, согласно которой оперативно-розыскной мониторинг сети Интернет и мессенджеров необходимо выделять в качестве самостоятельного этапа оперативно-розыскного мероприятия «получение компьютерной информации»⁴, либо в качестве самостоятельного вида оперативно-розыскного мероприятия с наименованием «оперативно-розыскной мониторинг открытых источников информации»⁵, либо в качестве оперативного метода ведения разведки в цифровом поле⁶.

Отметим, что оперативный мониторинг не употребляется в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД)⁷, что существенно затрудняет практическую деятельность оперативных сотрудников в сети Интернет, а самое главное делает невозможным реализацию результатов в рамках решения вопроса о возбуждении уголовного дела или собирании доказательств, как бы некоторым авторам не хотелось видеть обратное. Так, молодым исследователем под руководством научного руководителя – полковника полиции, кандидата юридических наук, – заявляется о возможности прямого использования результатов мониторинга открытых цифровых источников в качестве доказательства со ссылкой на ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)⁸. И даже подробно описывается путь такой легализации через применение правил осмотра в соответствии с положениями ст. ст. 176-177 УПК РФ⁹. При всей привлекательности указанного авторами маршрута, он незаконен, поскольку основан

¹ Экс-полицейского обвинили в получении рекордной взятки в 5 млрд. рублей // РБК / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/17/04/2024/661ee4729a7947e6b100b43f>

² Осипенко, А.Л. Новые технологии получения и анализа оперативно-розыскной информации: правовые проблемы и перспективы внедрения / А.Л. Осипенко // Вестник Воронежского института МВД России. – 2015. – № 2. – С. 15.

³ Осипенко, А.Л. Перспективы использования информационно-аналитических технологий в оперативно-розыскной деятельности / А.Л. Осипенко // Общество и право. – 2018. – № 4 (66). – С. 83.

⁴ Набалдян, Р.Г. Получение компьютерной информации как новая категория оперативно-розыскного законодательства / Р.Г. Набалдян // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 1. – С. 137.

⁵ Сукманов, А.О. Понятие и сущность оперативно-розыскного мониторинга открытых источников информации / А.О. Сукманов // Вестник Калининградского юридического института МВД России. – 2011. – № 1 (23). – С. 18.

⁶ Осипенко, А.Л. Новые технологии получения и анализа оперативно-розыскной информации: правовые проблемы и перспективы внедрения. – С. 15; Сарычев, М. М. Использование открытых источников в рамках ОРД / М. М. Сарычев // Научные исследования XXI века. – 2024. – № 2(28). – С. 152.

⁷ Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (с изм. от 29.12.2022г.) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (с изм. от 09.11.2024г.) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (часть I). – Ст. 4921

⁹ Сарычев, М. М. Указ. раб. – С. 153.

на действии, непоименованном в ФЗ об ОРД. Предложения о простом включении мониторинга в качестве самостоятельного оперативно-розыскного мероприятия в ст. 6 ФЗ об ОРД также не состоятельна. Кстати сказать, такая попытка была предпринята на уровне моделирования оперативно-розыскного законодательства на 27 пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств¹. Тогда в ст. 1 была предложена очень размытая и неконкретная основа мониторинга информационно-телекоммуникационных сетей и систем, включающая в себя получение сведений для решения задач ОРД, режим сбора с использованием специальных технических средств. Понятно, что из соображений безопасности и негласного порядка получения информации невозможно законодательно предусмотреть процедуру получения сведений из закрытых источников, но когда речь идет об открытых источниках, то следует, в первую очередь, определить терминологию и понятийный аппарат.

Исходя из очевидной необходимости определения термина «мониторинг мессенджеров и Интернет-пространства» как оперативно-розыскного мероприятия считаем уместным согласиться с предлагаемой А. В. Серовым и А. С. Дубининым дефиницией. Так, по мнению авторов, мониторинг коренным образом отличается от оперативно-розыскного мероприятия в виде получения компьютерной информации. По их мнению, это вообще не оперативное мероприятие с присущими ему основаниями и условиями проведения согласно ст. ст. 7 и 8 ФЗ об ОРД. Мониторинг есть систематическая деятельность, результат которой неизвестен, потому неподвластен законодательному закреплению².

Существующая неопределенность доктринальных и правовых определений мониторинга как оперативно-розыскного средства борьбы с коррупцией вызывает проблемы как в теоретической разработке, так и в практической деятельности оперативных подразделений.

На сегодняшний день среди приоритетных направлений выявления и пресечения преступлений коррупционной направленности необходимо выделить целевой мониторинг Интернет-пространства, мониторинг информации о субъектах и объектах коррупционной деятельности. При этом, все мероприятия должны носить не просто целенаправленный, но и непрерывный характер. Большая часть сотрудников не обладают специальными знаниями, необходимыми для работы с цифровыми и информационными ресурсами, а также программными средствами, обеспечивающими доступ к мессенджерам и социальным сетям проверяемых лиц.

Кроме того, мониторинг мессенджеров и Интернет-пространства может привести к нарушениям в области конституционных прав граждан на неприкосновенность личной жизни, тайну переписки и личной корреспонденции, к утечке персональных данных. Поэтому на повестке дня должен быть вопрос о законодательном оформлении действий сотрудников полиции по исследованию содержимого социальных сетей и ресурсов с частной информацией. Это вопрос безопасности не только граждан, но и самих сотрудников от необоснованного обвинения в злоупотреблении полномочиями. Проверка обоснованности действий подразумевает, в первую очередь, наличие регламентированного действия в положениях ст. 6 ФЗ об ОРД и наличие подозрения о совершении лицом тяжкого преступления, то есть основания проведения оперативно-розыскного мероприятия.

¹ Модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: принят постановлением № 27–6 на 27 пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 16 ноября 2006 г. // Бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. – 2007. – № 39. – Ч. 1.

² Серов, А.В., Дубинин, А.С. Получение компьютерной информации как самостоятельное оперативно-розыскное мероприятие / А.В. Серов, А.С. Дубинин // Вестник Воронежского института МВД России. – 2018. – № 3. – С. 171.

ГАПОНОВА ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВНА
заместитель начальника кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института
МВД России, кандидат юридических наук, доцент, майор полиции
valentina3886@mail.ru

СИЛИНА ЮЛИЯ ДМИТРИЕВНА
слушатель 5 курса ФПС иСЭ Восточно-Сибирского института МВД России,
младший лейтенант полиции

К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Свидетель, потерпевший, а также иные лица, ставшие участниками уголовного процесса, впервые столкнувшись с совершением в отношении них преступлений, или ставшие очевидцами совершения преступления, испытывают большую эмоциональную нагрузку от увиденного или пережитого. Нагрузка выражается в стрессе, тревожности, страхе, истерике и многих других явлениях человеческого поведения. Люди, совершающие преступления являются жестокими, поскольку посягают на здоровье совершенно беззащитных граждан.

В.В. Агафонцев отмечает, что если в отношении потерпевшего упустить такие факты, как оказание ему правовой, медицинской, психологической помощи, то и рассчитывать на активное желания участия лиц в уголовном процессе становится под вопросом. Так, совершенным преступлением причиняется вред физический, имущественный, а также моральный, под которым и понимается психологическая безопасность, которую совершенным преступлением нарушают.

Следует разобраться с понятием «психологической безопасности», авторы рекомендуют рассматривать его с разных аспектов. Так, Буханов Д.С. советует два подхода определения структуры психологии безопасности, во-первых, «психологическая безопасность» окружающей объективной реальности, во-вторых «психологическая безопасность» непосредственно личности в целом¹. Н.Е. Харламенкова рассматривает понятие «психологическая безопасность» как интегративную характеристику субъекта, отражающую степень удовлетворенности его базисной потребности в безопасности и определяемую по интенсивности переживания психологического благополучия, однако в нашем случае, психологическое неблагополучие, так оно было разрушено совершенным преступлением.

Таким образом, анализируя термин «психологическая безопасность», трактуемый разными авторами с разных сторон, следует сказать, что «психологическая безопасность» должна включать в себя в первую очередь личность субъекта, то есть лицо, непосредственно нуждающееся в этой безопасности, затем содержать в себе комплекс эмоционального состояния, характеризующего как благополучное. В целом человек проживая свою обычную жизнь, имеет определенные жизненные установки, которые в один момент разрушаются, посредством совершения субъектом преступления, что воспринимается организмом потерпевшего как опасность, которая может быть еще длящийся в соответствии со стороны давления криминального авторитета угрозами в отношении потерпевших или свидетелей.

¹ Бухаров, Д.С. Теоретический анализ подходов понятия «психологической безопасности», как фактора психологической безопасности личности в современной психологической литературе / Д.С. Бухаров // Научные труды магистрантов и аспирантов. - 2020. - № 17. - С. 73-76.

Для того, чтобы вернуть потерпевшего или свидетеля в благополучное эмоциональное состояние, после совершения в отношении него преступления необходима психологическая помощь.

Рассмотрим Федеральный закон от 20 августа 2004 года № 119 – ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее – закон №119-ФЗ) и Федеральный закон от 20 апреля 1995г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролируемых органов» (далее – Закон № 45-ФЗ). На основе их положений, проблеме психологической безопасности отнесены следующие статьи: ч.7 ст. 18, п. 7, ч. 1, ст. 23, п. 5, ч. 4 ст. 24 №119-ФЗ, а также ст. 15, 17 № 45-ФЗ. Однако, данные нормы не отражают весь комплекс и порядок оказания психологической помощи участникам уголовного судопроизводства.

Для того, чтобы оказывать психологическую помощь участникам уголовного процесса в рамках закона №119-ФЗ и закона № 45-ФЗ необходимо задействовать дополнительные финансовые ресурсы и личный состав. В нашем случае бюджетные средства ограничены, кроме того, специалистам в области психологии необходимо возлагать на себя дополнительную нагрузку, что является проблемой обеспечения психологической безопасности участников уголовного судопроизводства.

Для решение вышеупомянутой проблемы, рассмотрим порядок оказания психологической помощи в других государствах. Так в Новой Зеландии, Японии, США и Германии, с целью оказания психологической помощи формируются специальные списки психологов, деятельность которых заключается в работе с участниками судопроизводства, нуждающимися в психологической помощи. Тем самым решается вопрос дополнительной нагрузки психологов в работе. В Австралии создают целые учреждения, со штатным составом психологов. В Великобритании некоммерческие организации оказывают не только финансовую, юридическую помощь, но также и психологическую помощь на безвозмездной основе¹.

Таким образом, анализируя порядок и возможности бюджета, штата специалистов-психологов государства сами выбирают себе оптимальную модель оказания психологической помощи лицам, в отношении которых применяются меры безопасности.

Если рассмотреть вариант создания некоммерческого учреждения в нашем государстве, которое будет финансироваться за счет федерального и муниципального бюджета. То для его существования необходим штат психологов, имеющих квалифицированное образование. С одной стороны, это уменьшит уровень безработицы квалифицированных специалистов, с другой стороны, деятельность специалистов в области психологии основывается на опыте работы с определенной категорией людей, а именно людей, ставших свидетелями и очевидцами. Подготовка таких специалистов требует понимание уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Кроме того, необходимо учитывать такой факт, как возможность получения лицом психологической помощи, то есть осуществление данного процесса не должно быть обязательным, а будет основываться на желании самого участника уголовного процесса. Важным аспектом, обеспечения психологической безопасности являются конфиденциальность, благодаря чему, лица, нуждающиеся в помощи смогу уверенно, без переживания за раскрытие их персональных данных и иной информации, тем самым проработав свои психологические проблемы с психологом. Что касается самой формы организации психологической помощи, она может быть оказана в

¹ Терешко, С.Д. Некоторые аспекты оказания психологической помощи участникам уголовного процесса при применении к ним мер по обеспечению безопасности / С.Д. Терешко // Деятельность правоохранительных органов на современном этапе: наука, образование, практика: Материалы научно-практического семинара, Минск, 15 февраля 2019 года. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2019. – С. 131-135.

виде беседы, терапии, проведение отдельных сеансов с психологом или в процессе производства следственных действий.

Стоит отметить, что в главе 8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) в перечне иных участников уголовного судопроизводства не отмечен психолог, где могли быть закреплены его права и обязанности, порядок привлечения в производства следственных действий. Однако в рамках ст. 191, 280 УПК РФ следственные действия с участием несовершеннолетних производятся в присутствии педагога и (или) психолога.

Итак, подводя итоги, следует сказать, что оказание психологической помощи в рамках обеспечения мер безопасности в отношении защищаемых лиц, требует более детальной проработки вопроса законодательной базы в данной сфере, вместе с тем следует рассмотреть возможность создания специализированного учреждения, обеспечивающего оказание бесплатной психологической помощи нуждающимся лицам. Кроме того, необходимо закрепить механизм реализации данной помощи на безвозмездной основе в рамках доступной среды каждому участнику уголовного процесса, изъявившему такое желание. Решение проблемы обеспечения психологической безопасности в будущем позволит решить задачи, стоящие не только перед институтом мер по обеспечению безопасности, но также коснется задач уголовного процесса в целом.

ГАРИГА ОЛЬГА АНАТОЛЬЕВНА

доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук, доцент
ogariga@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Совершение коррупционных преступлений должностными лицами наносит существенный ущерб не только социально-экономической сфере жизнедеятельности государства, а равно и политической сфере, последствием которого является подрыв доверия к органам государственной власти.

В 2017 году в Российской Федерации по сравнению с предыдущими годами наметился существенный спад в совершении коррупционных преступлений, в частности, дачи и получении взяток. Но положительные тенденции вновь сменило постепенное увеличение количества данного вида преступлений¹. В последние годы наблюдается значительный рост в количественном выражении размера предмета взятки, похищенных сумм при совершении преступлений, сопряжённых с использованием служебного положения и т.д. Для нашего государства борьба с коррупцией и искоренение её последствий остаётся актуальнейшей проблемой, требующей пристального внимания правоохранительных органов.

Выявление и расследование коррупционных преступлений связано с необходимостью собирания информации как официальными способами при проведении следственных действий в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства РФ,

¹ Генеральная прокуратура Российской Федерации // Портал правовой статистики. Состояние преступности в России. Режим доступа: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 01.12.2024).

так и с собиранием информации негласными методами, используемыми в работе оперативных подразделений органов внутренних дел, деятельность которых регламентируется Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности»¹.

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу РФ (далее – УПК РФ) в соответствии со статьей 74 доказательствами признаются любые сведения, на основе которых устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, в том числе не только протоколы следственных и судебных действий, но и иные документы.

Ст. 89 УПК РФ устанавливает прямой запрет на использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств по уголовному делу. Несколько иную формулировку дает законодатель Республики Таджикистан. В соответствии со ст. 84 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан² результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть признаны доказательствами, если они получены с соблюдением требований УПК Республики Таджикистан. С одной стороны отсутствует возможность использовать непосредственно результаты оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств, но с другой стороны, на наш взгляд, данная формулировка статьи позволяет более гибко подходить к формированию доказательственной базы. И если соблюдены условия формирования доказательств, то у правоприменителя появляется возможность использовать данные результаты в процессе расследования.

Вместе с тем, при анализе правоприменительной практики видно, что выявление фактов коррупционных преступлений неизбежно связано с необходимостью взаимодействия следователя и оперативно-розыскных подразделений как органов внутренних дел РФ, так и органов Федеральной службы безопасности РФ. Взаимодействие обусловлено необходимостью проведения гласных, а чаще всего негласных оперативно-розыскных мероприятий, в ходе которых и собирается информация о совершении коррупционного преступления, которая доказательством не может быть признана в соответствии с УПК РФ. Возникает необходимость интеграции и трансформации оперативно-розыскной информации в доказательственную в рамках расследования преступления коррупционной направленности.

В теории уголовно-процессуального права и криминалистике сформировались различные позиции по вопросу интеграции результатов оперативно-розыскной деятельности в процесс доказывания и признания их доказательствами. Ряд учёных полагает, что данные, полученные оперативно-розыскным путём, не должны ни при каких условиях признаваться доказательствами. Высказывается и диаметрально противоположная точка зрения о необходимости пересмотра указанной позиции в пользу признания результатов ОРД доказательствами³. Некоторые учёные высказывают мнение о необходимости совершенствования процедуры вхождения результатов оперативно-розыскных мероприятий в уголовный процесс, а не упрощения этой процедуры⁴.

¹ Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03 декабря 2009 года (с изм. и доп. от 03.01.2024 г.) // Электронный ресурс – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304&pos=1468;-34#pos=1468;-34 (дата обращения: 02.12.2024 г.)

³ Назаров, М.В. О роли результатов оперативно-розыскной деятельности в современном уголовном процессе / М.В. Назаров // Вестник Балтийского федерального университета им. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. – 2022. – № 4. – С.16-23.

⁴ Кучин, О.С. Об актуальности использования результатов ОРД в доказывании / О.С. Кучин // Вестник ЮУрГУ: проблемы и вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики. Серия «Право». – № 25. – 2010. – С. 41-45; Гармаев, Ю.П., Макаров, А.П. Проблемы использования результатов ОРД по уголовным делам о взяточничестве в крымском регионе: анализ результатов анкетирования правоприменителей

В соответствии с действующим законодательством РФ оперативно-розыскные мероприятия проводятся как собственной инициативе оперативных подразделений, если есть сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного деяния, так и по поручению следователя как до возбуждения уголовного дела, так и после возбуждения уголовного дела. Согласно ч. 1 ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий. Выявление и расследование коррупционных преступлений осуществляется в таком же порядке, как и иных криминальных деяний. Для успешного получения ориентирующей и доказательственной информации при расследовании коррупционных преступлений достаточно часто сотрудниками правоохранительных органов практикуется проведение тактических операций, которые позволяют решать сложные тактические задачи по изобличению преступника, поиску и получению доказательств и т.д.

Наиболее эффективных и положительных результатов удаётся достичь при проведении на начальном этапе расследования преступления тактической операции по задержанию взяточдателя и взяточполучателя с поличным. Именно совместные действия следователей и оперативных сотрудников по формированию доказательственной информации, реализуемые в рамках тактической операции по задержанию с поличным, ведут к успешному расследованию данной категории преступлений.

Одним из основоположников теории тактической операции признан доктор юридических наук А.В. Дулов. В предложенном им определении тактической операции данная криминалистическая категория рассматривалась как совокупность следственных и оперативно-розыскных мероприятий, реализуемых для решения сложной задачи расследования, достижение которой невозможно другими способами¹. Научный вклад в теорию тактической операции внесли также и другие известные учёные-криминалисты, такие, как А.М. Михальчук², А.М. Шиканов³ и другие.

Востребованность проведения тактической операции при расследовании криминалистически сложного преступления, требующего нестандартного подхода при собирании доказательственной базы, подтвердили современные исследователи, в частности, Н.Ю. Пономаренко. 79,1 % опрошенных ею практических работников подтвердили необходимость проведения тактических операции для собирания в ряде случаев искомой информации⁴.

Тактическая операция и в большинстве случаев организуется, проводится и координируется следователем. Однако из этого правила есть исключения. Именно тактическая операция по задержанию взяточдателя и взяточполучателя при выявлении коррупционных преступлений организуется и проводится сотрудниками оперативно-розыскных подразделений. Указанная тактическая операция представляет собой комплекс оперативно-розыскных мероприятий, таких как наблюдение, прослушивание телефонных перегово-

/ Ю.П. Гармаев, А.П. Макаров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – № 2. – 2020 – С. 138-141; Выговтов. А.Е. Значение результатов оперативно-розыскной деятельности как средств доказывания в уголовном судопроизводстве / А.Е. Выговтов // Проблемы экономики и юридической практики. – Том XVI. – № 2. – 2020. – С.317-321.

¹ Дулов, А.В. Тактические операции при расследовании преступлений / А.В. Дулов. – Мн.: Изд-во БГУ, 1979. – С.44.

² Михальчук, А.Е. Тактические операции при производстве следственных действий / А.Е. Михальчук. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. – 1991. – 125 с.

³ Шиканов, В.И. Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений / В.И. Шиканов. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та. – 1983. – 200 с.

⁴ Пономаренко, Н.Ю. Тактические операции и оперативно-тактические комбинации как средства расследования преступлений: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н.Ю. Пономаренко. – Белгород, 2017. – С. 5.

ров, снятие информации с технических каналов связи и т.д., проводимых как гласно, так и негласно.

Но основной частью данной операции является в соответствии с п. 14 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативный эксперимент, который проводится для фиксации факта дачи и получения взятки, а также посредничества во взяточничестве. Оформление предмета взятки и других аспектов оперативно-розыскного мероприятия (передача технических средств, инструктаж участников ОРМ) осуществляется документально и в присутствии понятых. По сути, потенциальные доказательства, которые позже интегрируются следователем в доказательственную базу, формируются при проведении оперативного эксперимента. И впоследствии при анализе отечественной судебной практики в ряде случаев документы по результатам проведения оперативного эксперимента признаются в суде доказательствами и расцениваются как иные документы в соответствии со ст. 74 УПК РФ.

Можно высказать смелое предположение, что оперативный эксперимент постепенно приобретает на практике черты полноценного процессуального действия. Полагаем, что на современном этапе развития уголовно-процессуального законодательства и законодательства, регулирующего оперативно-розыскную деятельность, подобная перспективная трансформация оперативного эксперимента вполне возможна.

Таким образом, полагаем, что при выявлении и расследовании коррупционных преступлений отдельные оперативно-розыскные мероприятия, в частности, оперативный эксперимент, проводимые гласно в соответствии с Федеральным законом РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» необходимо признавать допустимыми доказательствами в целях формирования надлежащей доказательственной базы, которая будет выступать основой обвинения в совершении коррупционного преступления.

ГАФУРОВ МИРШАФӢ ҲОМИДОВИЧ
Донишгоҳи техникии Тоҷикистон ба номи академик М.С. Осимӣ,
номзади илмҳои техникиӣ, дотсент
mirugaf56@gmail.com

БАДАЛСОЗИИ ОБЪЕКТ БО ИСТИФОДА АЗ ЭЛЕМЕНТҲОИ ЗАБОН ДАР ПЕШГИРИИ КИБЕРҶИНОЯТҲО

ИЗМЕНЕНИЕ ОБЪЕКТА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕМЕНТОВ ЯЗЫКА
В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

Хангоми ба иҷро расонидани амали бадалкунии объекти додашудаи кушода дар забони ихтиёрӣ, пеш аз ҳама бо назардошти хусусиятҳои хосси забон, аз таҳлили морфологии он истифода карда, ҷумлаҳои додашударо ба элементҳо ҷудо мекунанд. Қайд кардан зарур аст, ки барои муайян кардани миқдори элементҳои забони ихтиёрӣ (калимаҳои сода (реша, асос) пешоянд, пасванд, инфикс ва ҳичо) бо истифодаи қоидаҳои тартиби муайянсозии онҳо модули барномаҳои компютерӣ сохта мешаванд, ки танҳо бо ин роҳ метавонем шумораи аниқ ё тахминии намудҳои элементҳоро муайян созем. Пас, тарзу усулҳои бадалсозии объекти кушодаи додашударо вобаста ба ҳар маҷмуи сохташудаи бадалсозии элементҳои он татбиқ мекунанд. Ҳамзамон дар ҷараёни бадалсозӣ (бадалкунӣ ва аксбадалкунӣ) аз варианти ихтиёрӣ калиди сохташудаи бадалсозӣ истифода мебаранд.

Тадбиқи усули пешниҳодшавандаро дар мисоли объекти забони тоҷикӣ амалӣ месозем.

Мусаллам аст, ки асоси матнро дар забони ихтиёрӣ калимаҳо (соддаю мураккаб), пайвандаку аломатҳои имлоӣ, аломатҳои гуногуни ба соҳаҳои илм мансуб буда ва аломатҳои махсус ташкил медиҳанд. Бо истифода аз таҳлили морфологӣ барои муайян кардани миқдори элементҳои алоҳида дар калимаҳои забони тоҷикӣ модули барномаҳои компютери ба тарзи худкор муайянкунандаи онҳо сохта шудаанд. Дар асоси ин модули маҷмӯи элементҳои забон муайян карда шудаанд. Дар қорҳои зиёда аз 70400 калимаҳои содда (реша, асос) ва зиёда аз 7000000 калимаҳо (соддаю мураккаб)¹, дар 19 пешоянд², дар 113 пасванд³, дар 4 инфикс (аффикс)⁴, дар зиёда аз 4500 ҳичо⁵, аз рӯи базаи додаҳои калимаҳои дар маҳзани компютерӣ будаи матни забони тоҷикӣ, ки андозаашон ба 1.159.344.883 баробар мебошад, муайян карда шудааст.

Бигзор аз матни объекти кушодаи додашудаи G , аввал маҷмӯи элементҳои дар раванди бадалсозӣ истифода шаванда, ки на камтар аз як маҷмуи дар боло зикр гардидаро дарбар мегирад интихоб мекунем. Бигузор он чунин бошад:

$$M = \{x_i, i = \overline{1, n1}; x_i \in G\}, \quad (1)$$

дар инҷо x_i – элементҳои мебошад, ки аз объекти додашудаи G буда, он ба яке аз маҷмӯҳои сохташуда ва $n1$ – миқдори элементҳои он мебошад.

Дуюм, маҷмуи сохташудаи M -ро ба инобат гирифта, яке аз варианти калиди пӯшидаи ихтиёрии бадалсозиро бо тарзи дар қори овардашуда месозем⁶, ки он намуди зиринро мегирад:

$$K = \{x_i \rightarrow x_j; i \neq j; x_i \neq x_j; i, j = \overline{1, n1}; x_k \in M, k = \overline{1, n1}\} \quad (2)$$

Инчунин, тарзҳои сохтани калиди ихтиёрӣ ба ду гурӯҳ ҷудо карда мешавад. Дар гурӯҳи якум вариантҳои дохил карда мешаванд, ки дар онҳо аққалан як элемент ба ҳамаш иваз карда мешавад. Дар гурӯҳи дуюм бошад, вариантҳои дохил карда мешаванд, ки дар онҳо элементҳои ихтиёрӣ ба ҳамаш иваз карда намешавад. Маҷмӯи ихтиёрии калидҳои бадалсозиро, ки аз вариантҳои гурӯҳи дуюм сохта мешаванд калиди беназир (уникалӣ) меноманд. Тарзи сохтан ва муайян кардани миқдори

¹ Солиев, О.М. Система автоматической проверки орфографии таджикского языка – TajSpell / О.М. Солиев, Х.А. Худойбердиев, Г.М. Довудов // Вестник Технологического университета Таджикистана. - 2021. - №3(46). – С.188-193; Усманов, З.Д. Формирование базы морфов таджикского языка: монография / З.Д. Усманов, Г.М. Довудов. - Душанбе: Дониш, 2014. - 109 с.

² Усманов, З.Д. О формировании базы префиксов таджикского литературного языка / З.Д. Усманов, Г.М. Довудов // Доклады АН Республики Таджикистан. – 2009. - Т. 52, - № 6. – С.431-436; Исмаилов, М.А. Основы автоматизированного морфологического анализа слов таджикского языка / М.А. Исмаилов // Институт математики АН Республики Таджикистан. - Душанбе. 1994. - 156 с.

³ Усманов, З.Д. О множестве постфиксов таджикского литературного языка / З.Д. Усманов, О.М. Солиев, Г.М. Довудов // Доклады АН Республики Таджикистан. – 2009. - Т. 53. - № 2. – С. 99-103.

⁴ Усманов, З.Д. Морфологический анализ словоформ таджикского языка: монография / З.Д. Усманов, Г.М. Довудов. - Душанбе: «Дониш», 2015. – 130 с.

⁵ Худойбердиев, Х.А. О распознавании автора текста на основе частотности слогов / Х.А. Худойбердиев, А.А. Косимов // Доклады Академии наук Республики Таджикистан. – 2019. - Т. 62. - № 11-12. - С. 641-645; Косимов, А.А. О распознавании автора текстового фрагмента на основе частотности слогов / А.А. Косимов // Политехнический вестник, Серия: интеллект, инновации, инвестиции. – 2021. - № 4(56). - С. 59-64.

⁶ Гафуров, М.Х. Шифрование текстового объекта при использовании языковых символов (на тадж. яз.) / М.Х. Гафуров // Политехнический вестник. Серия: Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. - №4 (52). – С. 31-35.

калидҳои гурӯҳи якум ва дуюм вобаста ба миқдори додасудаи элементҳои дар ҷарайёни бадалсозии истифодашаванда дар қорҳои оварда шудааст¹.

Акнун вобаста ба объекти додасудаи қушода тарзҳои бадалсозии объектро дар мисоли матни забони тоҷикӣ тадбиқ мекунем.

1. Тарзи сохтани калид бо истифода аз калимаҳои содда, аломатҳо ва символҳои объект.

1-А. Бигузур объекти қушодаи **G** дар намуди зерин (рубои аз Умари Хайём) дода шудааст:

**Асрори азалро на ту дониву на ман,
В-ин ҳарфи муаммо на ту хониву на ман.
Ҳаст аз паси парда гуфтугӯи ману ту,
Чун парда барафтад, на ту мониву на ман.**

Аввал аз объекти қушодаи додасуда **G** маҷмуи калимаҳои содда (реша, асос) $M(R1)$ -ро тибқи формулаи (1) месозем, ки ҳар як элементи он $x_i \in R1$ мебошад Яъне,

$$M(R1) = \left\{ \begin{array}{l} \text{асрор, азал, ту, дон, на, ман, ин, ҳарф, ҳаст, гуфт,} \\ \text{хон, муаммо, пас, гӯй, чун, парда, бар, афтад, мон} \end{array} \right\} \quad (1.1)$$

Аз маҷмуи сохташуда бармеоҷад, ки он аз 19 калимаҳои содда иборат буда, дар он **19! = 121 645 100 408 832 000** варианти сохтани калид ҷой дорад. Бо тарзи дар боло қайд гардида яке аз вариантҳои калиди ихтиёрии пӯшидаи беназири бадалсозиро бо истифода аз формулаи (2) месозем, ки он чунин намудро мегирад:

$$K1(R1) = \left\{ \begin{array}{l} \text{ман} \rightarrow \text{хон, асрор} \rightarrow \text{бар, ин} \rightarrow \text{афтад, ҳаст} \rightarrow \text{на,} \\ \text{чун} \rightarrow \text{дон, парда} \rightarrow \text{ин, бар} \rightarrow \text{ман, мон} \rightarrow \text{гуфт,} \\ \text{ҳарф} \rightarrow \text{ҳаст, на} \rightarrow \text{асрор, пас} \rightarrow \text{чун, гӯй} \rightarrow \text{мон,} \\ \text{хон} \rightarrow \text{азал, азал} \rightarrow \text{ту, дон} \rightarrow \text{гӯй, ту} \rightarrow \text{муаммо,} \\ \text{гуфт} \rightarrow \text{парда, муаммо} \rightarrow \text{пас, афтад} \rightarrow \text{нҳарф} \end{array} \right\} \quad (2.1)$$

Акнун бо истифода аз варианти маҷмуи элементҳо (1.1) ва варианти калиди бадалсозии (2.1) объекти додасудаи қушодаи **G** -ро бадалсозӣ мекунем, ки он $G1=S(G,K1)$ буда, намуди зеринро мегирад:

**бари туро асрор муаммо гӯйиву асрор хон,
в-афтад ҳасти пас асрор муаммо азаливу асрор хон.
на аз чуни ин пардаумони хону муаммо,
дон ин манҳарф, асрор муаммо гуфтиву асрор хон.**

Аз объекти бадалшудаи **G1** дида мешавад, ки символҳо ва элементҳои дар ҷарайёни бадалсозии объекти қушодаи **G** истифода нашуда, бетағйир дар мавқеъашон дар объекти бадалшудаи **G1** гузошта шуда, матни объект маъно надорад.

Барои ба иҷро расонидани амали аксбадалкунӣ, яъне овардани объекти бадалшуда ба объекти қушодаи аввала калиди бадалсозиро дастрас карда, ҳар як

¹ Гафуров, М.Х. Об одном способе разработки уникальных вариантов алфавита шифрования / М.Х. Гафуров, А.А. Косимов, А. Абдукарим // Политехнический вестник. Серия: Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2022. - №1 (57). – С. 47-50; Гафуров, М.Х. Модернизация метода Цезаря при шифровании объекта / М.Х. Гафуров // Актуальные проблемы и тенденции развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Уфа, 16-17 мая 2019 года. – Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2019. – С. 57-64; Гафуров, М.Х. Способ разработки уникального алфавита шифрования (на тадж. яз.) / М.Х. Гафуров, А.А. Косимов // Вестник ПИТТУ имени академика М.Осимии. - Ходжент. – 2022. - № 1(22). – С. 16-22.

элементи дар калид бударо баракс истифода карда, бо осонӣ объекти кушодаи авваларо ҳосил мекунамд.

Устувории объекти бадалшуда аз варианти калиди ихтиёрии пӯшидаи сохташуда вобаста буда, эҳтимолияти муайян кардани он ба $1/19! \approx 8.22 \times 10^{-18}$ мебошад.

1-Б. Акнун аз объекти додашудаи кушодаи **G** бо назардошти элементҳои дигари ғайрирешагӣ, мавқеи ҷои ҳолӣ $\bar{\quad}$ ва аломати абзатс \perp , ки дар раванди бадалсозии дар боло ба иҷро расонида истифода нашудаанд, маҷмӯи $M(R2)$ -ро месозем, ки он намуди зеринро дорад:

$$M(R2) = \{ \text{и, ро, иву, в, аз, у, ', \bar{\quad}, -, \perp \} \quad (1.2)$$

Пас $M(R2)$ -ро ба $M(R1)$ ҳамроҳ намуда, маҷмуи элементҳои бадалсозии $M(R1UR2)$ -ро ҳосил мекунем, ки он намуди зеринро дорад:

$$M(R1UR2) = \left\{ \begin{array}{l} \text{азал, ту, дон, на, ман, ҳаст, хон, пас, гӯй, \bar{\quad}, \\ \text{ҳарф, гуфт, асрор, чун, парда, бар, ро, ин,} \\ \text{муаммо, афтад, мон, и, иву, в, аз, у, ', \bar{\quad}, -, \perp} \end{array} \right\} \quad (1.3)$$

Акнун маҷмуи аз элементҳои калимаҳои решагӣ ва элементҳои дигари объекти кушодаи додашудаи сохташудаи бадалсозии $M(R1UR2)$ -ро истифода карда, варианти ихтиёрии калиди бадалсозии объекти кушодаи додашударо месозем, ки он аз 30 элементҳо сохта шуда, $30! = 2.6525285981219105863630848 \times 10^{32}$ варианти он ҷой дорад ва яке аз ин вариантҳо намуди зеринро дорад:

$$K2(R1UR2) = \left\{ \begin{array}{l} \text{ҳарф} \rightarrow \text{бар, асрор} \rightarrow \text{ҳаст, ҳаст} \rightarrow \text{афтад, чун} \rightarrow \text{асрор,} \\ \text{и} \rightarrow \text{'}, \text{парда} \rightarrow \text{ман, афтад} \rightarrow \text{ро, гуфт} \rightarrow \text{дон, пас} \rightarrow \text{в,} \\ \text{дон} \rightarrow \text{гӯй, мон} \rightarrow \text{гуфт, муаммо} \rightarrow \text{иву, иву} \rightarrow \text{пас,} \\ \text{' } \rightarrow \text{парда, ман} \rightarrow \text{аз, хон} \rightarrow \bar{\quad}, \text{азал} \rightarrow \text{и, у} \rightarrow \perp, \text{аз} \rightarrow \text{у,} \\ \text{в} \rightarrow \text{ҳарф, ро} \rightarrow \bar{\quad}, \text{бар} \rightarrow \text{ту, ' } \rightarrow \text{чун, на} \rightarrow \text{азал, \perp} \rightarrow \text{'}, \\ \text{ту} \rightarrow \text{мон, \bar{\quad}} \rightarrow \text{хон, ин} \rightarrow \text{на, гӯй} \rightarrow \text{ин, --} \rightarrow \text{муаммо} \end{array} \right\} \quad (2.2)$$

Акнун аз варианти маҷмӯи элементҳои бадалсозии (1.3) ва варианти калиди бадалсозии (2.2) истифода карда, объекти додашудаи кушодаи **G** -ро бадалсозӣ мекунем, ки он намуди зерини $G2=S(G,K2)$ -ро мегирад:

**ҳаст , хон и – хон азал хон мон хон гӯй пас хон азал хон аз парда . ҳарф муаммо
на хон бар , хон иву хон азал хон мон хон $\bar{\quad}$ пас хон азал хон аз чун . афтад хон у
хон в , хон ман хон дон \perp ин , хон аз \perp хон мон парда . асрор хон ман хон ту ро
парда хон азал хон мон хон гуфт пас хон азал хон аз чун**

Барои ба хатогӣ роҳ надодан ҳангоми ба элементҳо ҷудо кардани объекти бадалшуда, онро дар намуди элементҳои алоҳида тасвир кардан зарур мебошад, ки он чихати раванди аксбадалкунӣ, яъне овардани объекти бадалшуда ба объекти кушодаи аввала бо истифодаи калиди бадалсозӣ мувофиқи мақсад аст.

Дар ин тарзи бадалсозӣ, устувории объекти бадалшуда аз варианти калиди ихтиёрии пӯшидаи сохташуда вобаста буда, эҳтимолияти муайян кардани он ба $1/30! \approx 3.77 \times 10^{-33}$ мебошад.

2. Тарзи сохтани калид бо истифода аз ҳичо.

2-А. Объекти додашудаи **G**-ро тибқи талаботу қоидаи ба ҳиҷо тақсим кардани калимаҳо ба ҳиҷо чудо мекунем, ки он намуди зеринро мегирад:

**Ас-ро-ри а-зал-ро на ту до-ни-ву на ман,
В-ин ҳар-фи му-ам-мо на ту хо-ни-ву на ман.
Ҳаст аз па-си пар-да гуф-ту-гӯ-йи ма-ну ту,
Чун пар-да бар-аф-тад, на ту мо-ни-ву на ман.**

Акнун аз объекти ба ҳиҷоҳо чудо кардашуда, маҷмӯи ҳиҷоҳои бадалсозӣ $M(H1)$ -ро месозем, ки ӯар як элементи он $x_i \in H$ буда, он чунин намудро дорад:

$$M(H1) = \left\{ \begin{array}{l} \text{ас, ро, ри, а, зал, на, ту, до, ни, ву, ман, ин,} \\ \text{фи, ҳар, му, ам, мо, хо, ҳаст, аз, па, си, пар,} \\ \text{да, гуф, гӯ, йи, ма, ну, чун, бар, аф, тад} \end{array} \right\} \quad (1.4)$$

Маҷмӯи ҳиҷоҳои бадалсозии $M(H1)$ -ро истифода карда, бо тарзи дар боло овардашуда яке аз варианти ихтиёрии калиди бадалсозии пӯшидаи объекти кушодаи додашударо месозем, ки он аз 33 элементҳо (ҳиҷоҳо) иборат буда, дар он $33! \approx 8.7 \times 10^{36}$ варианти сохтани калид ҷой дорад. Он $K3(H1)$ буда ва беназир мебошад:

$$K3(H1) = \left\{ \begin{array}{l} \text{ас} \rightarrow \text{чун, ро} \rightarrow \text{гуф, ри} \rightarrow \text{пар, зал} \rightarrow \text{ҳар, пар} \rightarrow \text{ни, ву} \rightarrow \text{ҳаст,} \\ \text{а} \rightarrow \text{тад, ту} \rightarrow \text{аз, до} \rightarrow \text{ну, ни} \rightarrow \text{па, ман} \rightarrow \text{а, ин} \rightarrow \text{си, ну} \rightarrow \text{зал,} \\ \text{ӯар} \rightarrow \text{да, му} \rightarrow \text{хо, ам} \rightarrow \text{гӯ, мо} \rightarrow \text{на, хо} \rightarrow \text{ас, аз} \rightarrow \text{ри, па} \rightarrow \text{ту,} \\ \text{на} \rightarrow \text{аф, ҳаст} \rightarrow \text{до, гуф} \rightarrow \text{ам, бар} \rightarrow \text{ман, чун} \rightarrow \text{фи, тад} \rightarrow \text{бар,} \\ \text{си} \rightarrow \text{му, да} \rightarrow \text{ин, гӯ} \rightarrow \text{мо, йи} \rightarrow \text{ма, ма} \rightarrow \text{ву, аф} \rightarrow \text{йи, фи} \rightarrow \text{ро} \end{array} \right\} \quad (2.3)$$

Акнун объекти додашудаи кушодаи **G** –ро бо истифода аз варианти маҷмӯи ҳиҷоҳои бадалсозӣ (1.4) ва варианти ихтиёрии калиди бадалсозии (2.3) бадалсозӣ мекунем, ки он намуди зерини $G3=S(G,K3)$ -ро мегирад:

**чун гуф пар тад ҳар гуф аф аз ну па ҳаст аф а,
в-си да ро хо гӯ но аф аз ас па ҳаст аф а.
до ри ту му ни ин ам аз мо ма ву зал аз,
фи ни ин ман йи бар, аф аз на па ҳаст аф а.**

Аз объекти бадалшудаи **G3** дида мешавад, ки аломатҳои дар ҷарайёни бадалсозии объекти кушодаи **G** истифода нашуда (**в, ', , , -, ↓**), бетағйир дар мавқеъашон дар объекти бадалшудаи **G3** гузошта шудаанд ва матни объекти бадалшуда маъно надорад.

Барои ба хатогӣ роҳ надодан ҳангоми ба элементҳо (ҳиҷо) чудо кардани объекти бадалшуда, онро дар намуди элементҳои алоҳида тасвир мекунам, ки он дар раванди аксбадалкунӣ, яъне овардани объекти бадалшуда ба объекти кушодаи аввала бо истифодаи калиди бадалсозӣ мувофиқи мақсад аст.

Дар ин тарзи бадалсозӣ, устувори объекти бадалшуда аз варианти калиди ихтиёрии пӯшидаи сохташуда вобаста буда, эҳтимолияти муайян кардани он ба $1/33! \approx 1.15 \times 10^{-37}$ мебошад.

2-Б. Дар ҳолати бадалсозӣ кардани объекти додашудаи кушодаи **G** бо назардошти ҳамаи элементҳои дар он буда, яъне элементҳои (**в, ', , , -, ↓**), ки аз элементҳои объекти кушодаи **G** мебошанду дар раванди бадалсозии дар боло ба иҷро расонида истифода нашудаанд, маҷмӯи $M(H2)$ -ро месозем, ки он намуди зеринро дорад:

$$M(H2) = \{ в, ', \text{,}, \text{,}, -, \text{,} \} \quad (1.5)$$

Пас маҷмӯи ҳиҷоҳои бадалсозӣ (1.4)-ро бо маҷмӯи (1.5) ҳамроҳ карда маҷмӯи ҳамаи элементҳои бадалсозиро аз рӯи ҳиҷоҳо месозем, ки он намуди зеринро мегирад

$$M(H1UH2) = \left\{ \begin{array}{l} \text{ас, ро, ри, а, зал, на, ту, до, ни, ву, ман, ин, в, ',} \\ \text{фи, ҳар, му, ам, мо, хо, ҳаст, аз, па, си, пар, \text{,}, \text{,}} \\ \text{да, гуф, гӯ, йи, ма, ну, чун, бар, аф, тад, \text{,}, -} \end{array} \right\} \quad (1.6)$$

Аз элементҳои маҷмӯи сохташудаи бадалсозии $M(H1UH2)$ истифода карда, бо тарзи дар боло қайд гардида вариантҳои ихтиёрии калиди бадалсозии объекти кушодаи додасударо месозем, ки он бо истифодаи 39 элементҳо сохта шуда, дар он $39! \approx 2.04 \cdot 10^{46}$ вариант ҷой дорад. Яке аз он варианти ихтиёрии калиди бадалсозии ҷунин намудро дошта ва беназир мебошад:

$$K4(H1UH2) = \left\{ \begin{array}{l} \text{в} \rightarrow \text{на, ас} \rightarrow \text{ма, ри} \rightarrow \text{пар, а} \rightarrow \text{њар, -} \rightarrow \text{ро, пар} \rightarrow \text{а, па} \rightarrow \text{'}, \\ \text{ман} \rightarrow \text{ни, ву} \rightarrow \text{па, њар} \rightarrow \text{си, до} \rightarrow \text{,}, \text{ни} \rightarrow \text{ҳаст, бар} \rightarrow \text{тад,} \\ \text{ту} \rightarrow \text{аз, ам} \rightarrow \text{,}, \text{мо} \rightarrow \text{ну, хо} \rightarrow \text{в, аз} \rightarrow \text{-}, \text{ну} \rightarrow \text{хо, да} \rightarrow \text{фи,} \\ \text{му} \rightarrow \text{зал, гуф} \rightarrow \text{до, тад} \rightarrow \text{'}, \text{ҳаст} \rightarrow \text{ту, \text{,}} \rightarrow \text{бар, ро} \rightarrow \text{ман,} \\ \text{' } \rightarrow \text{ри, си} \rightarrow \text{ам, \text{,}} \rightarrow \text{мо, аф} \rightarrow \text{ву, чун} \rightarrow \text{ас, \text{,}} \rightarrow \text{аф, гӯ} \rightarrow \text{му,} \\ \text{фи} \rightarrow \text{йи, на} \rightarrow \text{гӯ, ин} \rightarrow \text{да, зал} \rightarrow \text{гуф, йи} \rightarrow \text{ин, ма} \rightarrow \text{чун} \end{array} \right\} \quad (2.4)$$

Акнун аз истифодаи варианти маҷмӯи ҳиҷоҳо (1.6) ва варианти ихтиёрии калиди бадалсозии (2.4) объекти додасудаи кушодаи G -ро, ки ба ҳиҷоҳо тақсим карда шудааст бадалсозӣ мекунем, ки он намуди зерини $G4=S(G,K4)$ -ро мегирад:

ма ман пар бар ҳар гуф ман бар гӯ бар аз бар \text{,} ҳаст па бар гӯ ни ри мо на ро да бар си йи бар зал \text{,} ну бар гӯ бар аз бар в ҳаст па бар гӯ бар ни аф мо ту бар – бар . ам бар а фи бар до аз му ин бар чун хо бар аз ри мо ас бар а фи бар тад ву , ри бар гӯ аз ну ҳаст па бар гӯ бар ни аф

Ҳамин тариқ, дар натиҷаи иштироки ҳамаи элементҳо (ҳиҷо ва аломатҳо)-и объекти кушодаи G дар ҷарайёни бадалсозӣ, объекти бадалшудаи $G4$ аз пайдарпаии символҳои аломатҳо иборат буда, ягон маъноро ифода намекунад. Аз ин лиҳоз, устувории он нисбат ба вариантҳои пешина баланд буда, танҳо дар ҳолати ба даст овардани варианти калиди ихтиёрии пӯшидаи бадалсозӣ имконияти ба объекти аввалаи кушода овардани он ҷой дорад.

Барои ба хатоғӣ роҳ надодан ҳангоми ба элементҳо (ҳиҷо ва элементҳои дигар) ҷудо кардани объекти бадалшуда, онро дар намуди элементҳои алоҳида тасвир мекунам, ки он дар раванди аксбадалкунӣ, яъне овардани объекти бадалшуда ба объекти кушодаи аввала бо истифодаи калиди бадалсозӣ мувофиқи мақсад аст.

Дар ин тарзи бадалсозӣ, устувории объекти бадалшуда аз варианти калиди ихтиёрии пӯшидаи сохташуда вобаста буда, эҳтимолияти муайян кардани он ба $1/39! \approx 4.9 \times 10^{-47}$ мебошад.

3. Истифодаи биграммаҳо ва триграммаҳо дар таҳияи калиди бадалсозии объект.

Аз таҳлили вариантҳои дар боло оварда бармеояд, ки ҳангоми ба иҷро расонидани аксбадалкунӣ чихати ҷудо кардани калимаҳои решағӣ, пешоянду пасоянд, аффиксу ҳиҷо ба монетаҳо дучор гардидан аз имконият дур набуда, дар натиҷа объекти аввалаи кушодаро ҳосил намекунем.

Барои бартараф кардани камбудии ҷойдошта, дар раванди бадалсозии объекти кушода ва овардани он ба объекти пӯшида аз биграммаҳо ва триграммаҳо дар таҳияи калиди бадалсозӣ истифода кардан мувофиқи мақсад мебошад. Дар ҳақиқат,

истифодаи онҳо аз чуфти символҳою аломатҳо ва ё сегонаи онҳо иборат буда, ҳангоми аксбадалкуни бо осонӣ объекти бадалшударо ба чуфт ё сегонаи элементҳо чудо мекунанд.

3-А. Бигузур объекти додашудаи **G** бо назардошти мавқеи ҷои ҳолӣ \cup , аломати абзатс \perp ва мавқеи ҷои ҳеч \emptyset , ки дар раванди бадалсозӣ истифода мешаванд ба биграммаҳо аз тарафи чап чудо карда шуда бошанд. Яъне,

Ас ро ри \cup а за лр \cup на \cup т \cup у до ни ву \cup н а \cup ма н, $\perp\emptyset$
В- ин \cup х ар фи \cup м уа мм \cup о \cup на \cup т \cup у хо ни ву \cup н а \cup ма н. $\perp\emptyset$
Ҳа ст \cup а з \cup па си \cup п ар да \cup г уф ту гӯ \cup йи \cup м ан \cup у ту, \perp
Чу н \cup па рд а \cup ба ра фт ад, \cup на \cup т \cup у мо ни ву \cup н а \cup ма н.

Акнун аз объекти ба биграммаҳо чудо кардашуда, маҷмӯи элементҳои (биграммаҳои) бадалсозӣ $M(B)$ -ро месозем, ки ҳар як элементи он $x_i \in B$ буда, он чунин намудро дорад:

$$M(B) = \left\{ \begin{array}{l} \text{ас, ро, ри, } \cup\text{а, за, лр, } \cup\text{на, } \cup\text{т, } \cup\text{у, до, ни, ву, } \cup\text{н, а, } \cup\text{ма, н, } \\ \perp\emptyset, \text{в}, \text{ин, } \cup\text{х, ар, фи, } \cup\text{м, уа, мм, мо, хо, н., } \cup\text{а, ст, з, па, си, } \\ \cup\text{п, да, } \cup\text{г, уф, ту, гӯ, йи, ан, } \cup\text{, } \cup\text{чу, н, рд, ба, ра, фт, ад, } \cup\text{ } \end{array} \right\} \quad (1.7)$$

Аз элементҳои маҷмӯи сохташудаи бадалсозии $M(B)$ истифода карда, бо тарзи дар боло қайд гардида вариантҳои ихтиёрии калиди бадалсозии объекти кушодаи додашударо месозем, ки он бо истифодаи 51 элементҳо сохта шуда, дар он $51! \approx 1.55 \cdot 10^{66}$ вариант ҷой дорад. Яке аз он варианти ихтиёрии калиди бадалсозии чунин намудро дошта ва беназир мебошад:

$$K5(B) = \left\{ \begin{array}{l} \text{ас} \rightarrow \text{хо, ро} \rightarrow \text{ин, ри} \rightarrow \text{ту, } \cup\text{а} \rightarrow \text{ар, за} \rightarrow \cup\text{а, лр} \rightarrow \cup\text{, о} \rightarrow \text{фи, на} \rightarrow \text{йи,} \\ \cup\text{т} \rightarrow \text{лр, } \cup\text{у} \rightarrow \text{за, до} \rightarrow \text{гӯ, ни} \rightarrow \cup\text{м, ву} \rightarrow \cup\text{, } \cup\text{н} \rightarrow \text{мм, а} \rightarrow \text{ро, ма} \rightarrow \cup\text{т,} \\ \text{н}' \rightarrow \text{до, } \perp\emptyset \rightarrow \text{ни, в} \rightarrow \text{ан, ин} \rightarrow \text{ма, } \cup\text{х} \rightarrow \text{ас, ар} \rightarrow \cup\text{х, фи} \rightarrow \cup\text{, } \cup\text{м} \rightarrow \text{ри,} \\ \text{уа} \rightarrow \text{ст, мм} \rightarrow \text{на, хо} \rightarrow \perp\emptyset, \text{н.} \rightarrow \text{мо, } \cup\text{а} \rightarrow \cup\text{п, ст} \rightarrow \text{н}', \text{з} \rightarrow \text{ву, па} \rightarrow \cup\text{г,} \\ \text{си} \rightarrow \text{з, } \cup\text{п} \rightarrow \text{ра, да} \rightarrow \text{си, } \cup\text{г} \rightarrow \text{фт, уф} \rightarrow \text{чу, ту} \rightarrow \text{ад, гӯ} \rightarrow \cup\text{н, йи} \rightarrow \text{н,} \\ \text{ан} \rightarrow \cup\text{а, } \cup\text{ } \rightarrow \text{рд, чу} \rightarrow \text{в}, \text{н} \rightarrow \text{уф, рд} \rightarrow \text{н., ба} \rightarrow \cup\text{ } \cup\text{, ра} \rightarrow \text{уа, фт} \rightarrow \text{па,} \\ \text{ад} \rightarrow \cup\text{, } \cup\text{ } \rightarrow \text{да, мо} \rightarrow \text{ба} \end{array} \right\} \quad (2.5)$$

Акнун аз варианти маҷмӯи сохташудаи (1.7) ва варианти ихтиёрии калиди бадалсозии (2.5) истифода карда, объекти додашудаи кушодаи **G**-ро, ки ба биграммаҳо тақсим карда шудааст бадалсозӣ мекунем, ки он намуди зерини $G5=S(G,K5)$ -ро мегирад:

Ҳоинтуар \cup ау \cup фийилрзагӯ \cup мо \cup ммро \cup тдонианмаас \cup ха \cup ригнафийилрза $\perp\emptyset$ \cup мо \cup мм
ро \cup тмони \cup пн,арву \cup гз \cup ра \cup хсифтчуад \cup нн \cup рихазаадрдв-уф \cup гн.ро, \cup уапа, \cup дайилрза
ба \cup мо \cup ммро \cup тмо

Барои ба иҷро расонидани амали аксбадалкунӣ, яъне овардани объекти бадалшудаи **G5** ба объекти кушодаи аввалаи **G**, калиди бадалсозии $K5(B)$ -ро дастрас карда, объекти бадалшудаи **G**-ро аз тарафи чап ба биграмаҳо тақсим карда, ҳар як элементи ҳосил гаштаро ба элементи бараксаш аз калид иваз мекунанд, ки дар натиҷа объекти аввалаи кушода ҳосил мегардад.

Дар ин тарзи бадалсозӣ, устувориҳои объекти бадалшуда аз варианти калиди ихтиёрии пӯшидаи сохташуда вобаста буда, эҳтимолияти муайян кардани он ба $1/51! \approx 6.45 \times 10^{-67}$ мебошад.

3-А. Бигузори объекти додшудаи **G** бо назардошти гуфтаҳои боло: мавқеи ҷои ҳолӣ — , аломати абзатс — ва мавқеи ҷои ҳеч \emptyset , ки дар раванди бадалсозӣ истифода мешаванд ба триграммаҳо аз тарафи чап ҷудо карда шуда бошанд. Яъне,

- Аср ори — аз алр — н — а — т — у — д — они — ву — на — ман — , — \emptyset
- В — и — н — х арф — и — м уам — мо — на — ту — хон иву — на — ма — н —
- Ҳас — т — а з — п аси — па — рда — ту — фту — гӯй — и — м ану — ту — , — \emptyset
- Чун — па — рда — ба — раф — тад — , — н — а — т — у — м — они — ву — на — ман — $\emptyset \emptyset$

Акнун аз объекти ба триграммаҳо ҷудо кардашуда, маҷмӯи элементҳои (триграммаҳои) бадалсозӣ $M(T)$ -ро месозем, ки ҳар як элементи он $x_i \in T$ буда, он чунин намудро дорад:

$$M(T) = \left\{ \begin{array}{l} \text{аср, ори, —аз, —н, алр, —т, —у, —д, они, хон, на, ман, ' —\emptyset, в — и, ту,} \\ \text{арф, и—м, уам, мо, н—х, ву, иву, —на, —ма, н. —, —\emptyset, ҳас, т—а, з—п, аси,} \\ \text{—па, рда, —ту, фту, гӯй, ану, —ту, чун, —ба, раф, тад, ' —н, у—м, . \emptyset \emptyset \end{array} \right\} \quad (1.8)$$

Аз элементҳои маҷмӯи сохташудаи бадалсозии $M(T)$ истифода карда, бо тарзи дар боло қайд гардида вариантҳои ихтиёрии калиди бадалсозии объекти кушодаи додшударо месозем, ки он бо истифодаи 51 элементҳо сохта шуда, дар он $42! \approx 1.41 \cdot 10^{51}$ вариант ҷой дорад. Яке аз он варианти ихтиёрии калиди бадалсозии чунин намудро дошта ва беназир мебошад:

$$K6(T) = \left\{ \begin{array}{l} \text{аср} \rightarrow \text{т—а, ори} \rightarrow \text{у—м, —аз} \rightarrow \text{рда, алр} \rightarrow \text{' —н, —н} \rightarrow \text{раф, —т} \rightarrow \text{ҳас,} \\ \text{они} \rightarrow \text{ту, ву} \rightarrow \text{фту, на} \rightarrow \text{чун, ман} \rightarrow \text{н. —, ' —\emptyset} \rightarrow \text{хон, в — и} \rightarrow \text{—аз,} \\ \text{арф} \rightarrow \text{и—м, и—м} \rightarrow \text{аси, уам} \rightarrow \text{ву, мо} \rightarrow \text{иву, ту} \rightarrow \text{они, хон} \rightarrow \text{—ту,} \\ \text{—на} \rightarrow \text{ори, —ма} \rightarrow \text{гӯй, н. —} \rightarrow \text{уам, ҳас} \rightarrow \text{' —\emptyset, т—а} \rightarrow \text{аср, з—п} \rightarrow \text{алр,} \\ \text{—па} \rightarrow \text{ану, рда} \rightarrow \text{мо, —ту} \rightarrow \text{арф, фту} \rightarrow \text{—на, гӯй} \rightarrow \text{—ба, ану} \rightarrow \text{—у,} \\ \text{чун} \rightarrow \text{—ма, —ба} \rightarrow \text{з—п, раф} \rightarrow \text{—ту, тад} \rightarrow \text{на, ' —н} \rightarrow \text{н—х, у—м} \rightarrow \text{—н,} \\ \text{. \emptyset \emptyset} \rightarrow \text{в — и, —у, —д} \rightarrow \text{тад, н—х} \rightarrow \text{ман, иву} \rightarrow \text{—па, аси} \rightarrow \text{. \emptyset \emptyset, —ту} \rightarrow \text{—т} \end{array} \right\} \quad (2.6)$$

Акнун аз варианти маҷмуи сохташудаи (1.8) ва варианти ихтиёрии калиди бадалсозии (2.6) истифода карда объекти додшудаи кушодаи **G**-ро, ки ба триграммаҳо тақсим карда шудааст бадалсозӣ мекунем, ки он намуди зерини $G6=S(G,K6)$ -ро мегирад:

- т—ау—мрда, —нараф—хастадту—фту—чунн.—хон—азмани—масиву—ивучунони—ту—паоригӯй
- уам,—засралр. $\emptyset \emptyset$ анумо—арф—на—баасиу—да—тхон—маанумо—з—п—туна—н—ххасо—нту—
- фту—чунн.—в—и

Барои ба иҷро расонидани амали аксбадалкунӣ, яъне овардани объекти бадалшудаи **G6** ба объекти кушодаи аввалаи **G**, калиди бадалсозии $K6(T)$ -ро дастрас карда, объекти бадалшудаи **G** -ро ба триграммаҳо аз тарафи чап тақсим карда, ҳар як элементи ҳосил гаштаре ба элементи бараксаш аз калид иваз мекунанд, ки дар натиҷа объекти аввалаи кушода ҳосил мегардад.

Дар ин тарзи бадалсозӣ, устувориҳои объекти бадалшуда аз варианти калиди ихтиёрии пӯшидаи сохташуда вобаста буда, эҳтимолияти муайян кардани он ба $1/42! \approx 7.12 \times 10^{-52}$ мебошад.

ГОЛОВАЧУК ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА
доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П.М. Давыдова
Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева,
кандидат юридических наук
e-mail: persival@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Одним из основополагающих начал уголовного судопроизводства в Российской Федерации (далее – РФ) является его публичный характер, что нашло свое закрепление в части 2 статьи 21 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ): в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные Кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в его совершении. Но действующий уголовно-процессуальный закон содержит и отступления от этого правила, одним из которых является производство по делам частного обвинения. И хотя на сегодняшний день круг преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения, ограничен всего тремя составами (ч. 1 ст. 115 УК РФ, ч. 1 ст. 116.1 УК РФ и ч. 1 ст. 128.1 УК РФ), тем не менее, данное производство востребовано в реальной жизни и предложения, направленные на его упразднение, не нашли поддержки у законодателя.

Аналогичный подход законодателя присутствует и в УПК Республики Таджикистан 2009 г. (далее – УПК РТ). В соответствии с ч. 1 ст. 24 УПК РТ дела о преступлениях, предусмотренных в статьях 112 (Умышленное причинение легкого вреда здоровью), 116 (Побои), ч. 1 и 2 ст. 156 (Нарушение авторских и смежных прав) Уголовного кодекса Республики Таджикистан (далее – УК РТ), признаются делами частного обвинения, возбуждаются по заявлению лица, пострадавшего от преступления, его законным представителем, и производство по ним подлежит прекращению в случае примирения его с обвиняемым.

Сравнительный анализ статей 318-321 УПК РФ и 353-355 УПК РТ позволяет сделать вывод о том, что правовое регулирование производства по делам частного обвинения в двух странах имеет много общего (процедура возбуждения уголовного дела и подготовительные действия судьи по поступившему к нему заявлению, а также требования, предъявляемые к форме и содержанию такого заявления¹), в том числе и ряд недостатков, которые, на наш взгляд, затрудняют правоприменительную деятельность. В тоже время есть и отличия, которые могут быть учтены при разработке законопроектов, направленных на совершенствование рассматриваемого производства в каждом из государств.

¹ Архипов, А.Л., Торхизода, О.Т. Генезис и развитие института частного обвинения в России, Таджикистане и ряде европейских стран (на примере Древней Греции, Древнего Рима, Англии, Германии, Франции) / А.Л. Архипов, О.Т. Тохтозода // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2022. - № 3 (14). - С. 82.

В соответствии с ч. 1 ст. 318 УПК РФ, уголовные дела о преступлениях, преследуемых в порядке частного обвинения, возбуждаются в отношении конкретного лица путем подачи заявления потерпевшим или его законным представителем мировому судье.

Поддаваемое заявление должно отвечать требованиям, изложенным в ч. 5 ст. 318 УПК РФ. Так, оно должно содержать:

- наименование суда, в который оно подается (данная формулировка является неверной, так как дела частного обвинения подсудны мировому судье, поэтому и адресовать заявление следует мировому судье соответствующего судебного участка);
- описание события преступления, места, времени и иных обстоятельств его совершения;
- просьбу, адресованную суду, о принятии уголовного дела к производству (но ведь на момент подачи заявления никакого уголовного дела еще не существует, а значит, возможна только просьба о принятии мировым судьей к производству заявления; сам законодатель в ч. 7 и 8 ст. 318 УПК РФ использует формулировку «принятие заявления к производству»);
- данные о потерпевшем и о документах, удостоверяющих его личность;
- данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности;
- список свидетелей, которых необходимо вызвать в суд;
- подпись лица, его подавшего.

При этом следует обратить внимание на некорректность использования в данном случае терминов «потерпевший» и «свидетель», так как согласно положениям УПК РФ (ч. 1 ст. 42 и ч. 1 ст. 56) эти процессуальные статусы приобретаются лицами только после возбуждения уголовного дела. Кроме того, в первом случае требуется вынесение процессуального решения – постановления о признании потерпевшим, а во втором – вызов лица в установленном законом порядке для дачи показаний. Поэтому представляется правильным именовать лицо, подвергшееся преступному посягательству и обратившееся с заявлением к мировому судье (либо в защиту чьих интересов подано заявление законным представителем), пострадавшим (одновременно дополнить содержание ст. 5 УПК РФ пунктом 25.1, в котором дать определение данного понятия). Именно по такому пути пошел законодатель в Республике Таджикистан. В ч. 1 ст. 354 УПК РТ сказано, что дело частного обвинения возбуждается пострадавшим или его законным представителем путем подачи в суд заявления о привлечении лица к уголовной ответственности.

Что же касается списка свидетелей, то речь должна идти о списке лиц, которые, по мнению заявителя, подлежат вызову в судебное заседание в качестве свидетелей.

Но, как мы видим, в перечне требований (это касается и ч. 5 ст. 318 УПК РФ, и ч. 3 ст. 354 УПК РТ) не содержится упоминания о квалификации содеянного. В тоже время уголовное дело может возбуждаться только при наличии признаков того или иного состава преступления. Следовательно, в документе, который фиксирует решение о возбуждении уголовного дела, должна быть дана квалификация деяния. При этом из содержания ст. 318 УПК РФ (ст. 354 УПК РТ) неясно, кто и когда квалифицирует содеянное по статье уголовного закона. На заявителя такая обязанность прямо не возложена, судья не может этого сделать в силу того, что не является органом уголовного преследования.

Путь решения обозначенной проблемы представляется очевидным: дополнить ч. 5 ст. 318 УПК РФ пунктом 2.1 следующего содержания: «статью (ее часть) УК РФ, по которой лицо привлекается к уголовной ответственности». Также пункт аналогичного содержания следует включить в текст ч. 3 ст. 354 УПК РТ.

Правоприменители и ученые-процессуалисты¹ отмечают проблему, обусловленную тем, что мировые судьи чисто физически не успевают начать рассмотрение дела частного обвинения в установленный законом срок (не позднее 14 суток с момента поступления к ним заявления), так как в случае неявки к мировому судье лица, привлекаемого к уголовной ответственности, заявление, документ о разъяснении ему прав подсудимого, а также порядка и условий примирения отправляются ему почтой. При этом сроки доставки почтовых отправок адресату даже в пределах одного муниципального образования могут быть весьма продолжительными. Кроме того, всегда есть риск того, что лицо проживает не по месту регистрации, что влечет неполучение им документов, а значит и последующую неявку в судебное заседание.

Нормы УПК РТ, регламентирующие сроки производства по делам частного обвинения, не отличаются от соответствующих норм УПК РФ. Но в ч. 7 ст. 355 УПК РТ отсутствует упоминание о действиях судьи в том случае, если лицо, в отношении которого подано заявление, не является по вызову для ознакомления с материалами дела и перечнем прав обвиняемого. Учитывая проблемы, возникающие на практике, считаем, что законодатель Республики Таджикистан мог бы дополнить ст. 355 ч. 7.1, где был бы зафиксирован порядок деятельности судьи в указанной ситуации.

Относительно сроков полагаем, что оптимальным был следующий вариант: не ранее 3 суток со дня вручения подсудимому копии заявления и других документов и не позднее 20 суток со дня поступления заявления к мировому судье.

Часть 3 ст. 321 УПК РФ (ч. 3 ст. 356 УПК РТ) предусматривает возможность соединения производства по делу частного обвинения с производством по встречному заявлению. При этом законодатель не определяет оснований признания заявления встречным. В теории уголовного процесса общепризнанной является точка зрения, что соединение производств возможно в том случае, если речь идет об одном преступном деянии, одних и тех же лицах либо о двух разных, но взаимосвязанных деяниях (преследуемых в порядке частного обвинения) с одними и теми же участниками².

Во избежание противоречий в правоприменительной практике данные положения необходимо закрепить на законодательном уровне.

Кроме того, на наш взгляд, существует еще одна проблема, связанная со встречными заявлениями. Законодатель в ч. 3 ст. 321 УПК РФ говорит о соединении встречных заявлений в одно производство. Аналогичный подход присутствует и в УПК РТ (ч. 3 ст. 356). Но с момента вынесения судьей постановления о принятии заявления к производству уже возбуждено уголовное дело. Поэтому, как нам кажется, речь должна идти о соединении производств по встречным заявлениям.

Получив встречное заявление, при наличии предусмотренных в законе оснований, мировой судья принимает его к производству (то есть с этого момента будет возбуждено еще одно уголовное дело), а затем выносит постановление о соединении двух имеющихся производств в одно.

Это лишь часть проблем, связанных с производством по делам частного обвинения. Обозначенные проблемы требуют своего решения, в том числе с взаимным использованием законодателями России и Республики Таджикистан положительного опыта друг друга, так как наши государства находятся в сходных экономических и политических условиях и имеют общее историческое прошлое. Ведь как справедливо отмечают А.В. Красильников и О.Т. Тохирзада, институт частного обвинения «в рамках действующих уголовно-процессуальных законов Республики Таджикистан и Российской Федерации в настоящее

¹ Леханова, Е.С., Трифонова, М.Ф. Актуальные проблемы правового регулирования производства по делам частного обвинения в российском уголовном судопроизводстве / Е.С. Леханова, М.Ф. Трифонова // Законность и правопорядок. - 2023. - №1(37). - С. 5-6.

² Катъкало, С.И., Лукашевич, В. З. Судопроизводство по делам частного обвинения. - Л.: ЛГУ, 1972. - С. 170.

время является эффективным средством реализации прав и защиты интересов лиц, потерпевших от преступлений»¹.

Гришин Андрей Владимирович
профессор кафедры уголовного права и криминологии Орловского юридического
института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук, доцент,
полковник полиции
E-mail: ronsove@bk.ru

НЕКОТОРЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОДЕРЖАНИЯ И ПОРЯДКА ПРОИЗВОДСТВА ВЫЕМКИ

В соответствии со ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) при проверке сообщения о совершенном противоправном деянии дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе, наряду с другими полномочиями, истребовать документы и предметы, а также, в дальнейшем и изымать их².

Среди перечисленных действий можно выделить истребование предметов и документов с последующим их изъятием. К таковым возможно отнести такие следственные действия, как обыск и выемку. Поэтому, одним из первых признаков выемки является то, что её осуществление возможно на стадии доследственной проверки о совершенном преступлении, то есть её производство возможно до возбуждения уголовного дела.

Вторым, и не менее важным признаком производства выемки является тот факт, что возможностью её проведения является вынесение процессуального документа, который будет являться основанием для её производства. Таким процессуальным документом является постановление о производстве выемки, которое может быть вынесено должностным лицом, а именно, дознавателем и следователем. В данном документе должно быть указано, кем, где, когда и во сколько составлено постановление (то есть, вводная часть), описательно-мотивировочная часть, где должно быть указано в связи с каким основанием необходимо производство выемки, какие именно предметы и документы должны быть изъяты, у кого и по какому адресу.

Третьим, и не менее важным является тот факт, что при производстве выемки заранее известен тот предмет или документ, которые подлежат изъятию, который по усмотрению лица, производящего предварительное следствие или дознание, имеют значение для дальнейшего движения уголовного дела. То есть, в отличие от такого следственного действия, как обыск, здесь производство поисковых работ нецелесообразно, так как обстоятельства нахождения того или иного предмета или документа именно в этом месте, и (или) именно у этого гражданина или юридического лица известно заранее. Данные обстоятельства могут быть выяснены в ходе личного восприятия следователя, либо дознавателя, в ходе производства того или иного оперативно-розыскного мероприятия, в ходе проведения других следственных действий и так далее.

¹ Красильников, А.В., Тохирзада, О.Т. Примирение потерпевшего с обвиняемым как приоритетная задача производства по делам частного обвинения (по законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации) / А.В. Красильников, О.Т. Тохирзада // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2022. - № 3(86). - С. 234.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.11.2024) / Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 144.

К четвертому признаку относится тот факт, что при производстве выемки изъятие предметов и документов производится в принудительном порядке. То есть, выемка производится в тех случаях, когда есть опасность сокрытия предметов или документов, имеющих значение для движения уголовного дела¹, а именно, когда виновное в совершении деяния лицо (его соучастники, свидетели и другие лица, могущие скрыть предметы или документы) располагает возможностью распорядиться предметами и (или) документами по своему усмотрению для дальнейшего их сокрытия или уничтожения. Именно из-за этого изъятие производится принудительно, когда лицо сознательно не желает добровольно выдать имеющиеся у него предметы и документы.

Таким образом, исходя из перечисленных признаков, возможно сформулировать и понятие выемки.

Выемка – это следственное действие, которое может быть произведено до возбуждения уголовного дела, то есть на стадии доследственной проверки, по предварительному вынесенному постановлению следователя или дознавателя, которое имеет своей целью принудительное изъятие предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, если уполномоченное лицо заведомо знает, у кого и где они находятся.

Исходя из указанной правовой дефиниции, представляется возможным назвать главную цель производства выемки – получение предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела.

Рассматривая участников данного следственного действия, необходимо произвести их классификацию. Участники выемки могут быть подразделены на обязательных и факультативных².

К обязательным участникам, согласно УПК РФ, законодатель относит должностное лицо, осуществляющее предварительное следствие или дознание (это может быть следователь или дознаватель) и лицо, у которого принудительно будут изыматься предметы и (или) документы. Обязательное участие второго из перечисленных лиц признается обязательным, так как именно у него будут изыматься предметы и (или) документы, поэтому является целесообразным и необходимым его присутствие при проведении выемки.

К факультативным участникам относятся, например, понятые, так как согласно ч.1.1 ст.170 УПК РФ в случаях, предусмотренных ст. 183 УПК понятые могут принимать участие в данном следственном действии по усмотрению следователя. Иначе говоря, если следователь решает не привлекать к участию в выемке понятых, то необходимо применение технических средств, которые смогут зафиксировать факт производства данного следственного действия, а именно, фото- и (или) видеофиксации. Представляется логичным вывод о том, что в случае невозможности применения указанных средств фиксации, следователем делается соответствующая отметка в протоколе. Также, к факультативным участникам могут относиться: потерпевший, свидетель, защитник, переводчик, специалист, сотрудники органов внутренних дел и другие лица, которые привлекаются к участию по инициативе следователя в зависимости от специфики и вида такого следственного действия, как выемка.

Главным основанием, по которому может быть произведена классификация видов выемки является вынесение судебного решения, только после получения которого возможно осуществление выемки.

¹ Андреев, В.Е. Гришин, А.В. Процессуально-правовое и организационно-тактическое значение современной выемки и ее правовых последствий / В.Е. Андреев, А.В. Гришин // Тенденции реформирования судебной системы, действующего уголовного, уголовно-процессуального и гражданско-процессуального законодательства. Сборник статей. Материалы регионального круглого стола и всероссийской заочной научно-практической конференции. Редколлегия: А.В. Гришин [и др.]. – Орёл: Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова. 2017. - С. 11-38.

² Белкин, Р.С. Курс криминалистики. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. - С. 333.

Судебный порядок получения разрешения на производство выемки закреплен законодательно.

Так, в соответствии со ст. 165 УПК РФ следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора, могут заявить ходатайства о производстве следственного действия с помощью соответствующего постановления. Постановление следователя или дознавателя подлежит обязательному рассмотрению районного судьи соответствующего уровня не позднее одних суток, то есть 24 часов с момента заявленного ходатайства. После рассмотрения заявленного ходатайства судья должен вынести постановление, которое будет либо удовлетворять поступившее постановление, либо не удовлетворять с соответствующими мотивами отказа в проведении данного следственного действия.

Назревает логичный вопрос: возможно ли производство выемки, по которой необходимо получение судебного разрешения, без вынесения такового? Да, возможно, так как законодатель предусмотрел и этот аспект. При возникновении случаев, не терпящих отлагательств, толкует законодатель, возможно вынесение постановления дознавателя или следователя без судебного разрешения. Таковыми случаями, например, могут быть признаны: срочность производства выемки и позднее время суток проведения данного следственного действия. В таком случае, лицо, которое произвело выемку без судебного решения, а таковыми являются следователь или дознаватель, необходимо в течение трех суток обязательно уведомить судью и прокурора о произведенном следственном действии. К данному уведомлению должны быть обязательно приложены как постановление уполномоченного лица, так и сам протокол производства выемки. В течение 24 часов с момента получения уведомления от дознавателя или следователя, судья проверяет законность производства данного следственного действия, в связи с чем выносит постановление о законности производства данного следственного действия, либо о незаконности такового. Если судья признает проведение выемки незаконным, то и постановление о ее производстве и протокол выемки признаются недопустимыми доказательствами, а следователь или дознаватель будут подлежать соответствующему виду ответственности.

Основываясь на ч. 3 ст.183 УПК РФ, необходимо обратить внимание на то, что видами выемки, осуществляемыми после вынесения судебного решения являются, в частности: выемка предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну; выемка предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях; выемка вещей, заложенных или сданных на хранение в ломбард с обязательным уведомлением в трехдневный срок заемщика или поклажедателя; выемка в любом жилище и адвокатском кабинете; выемка почтово-телеграфных отправок¹.

Все вышеперечисленные виды выемки объединяет важное сходство – это то, что при их производстве затрагиваются конституционные права и законные интересы граждан и юридических лиц, которые каким-либо образом могут быть ограничены или затронуты в ходе производства указанных видов такого следственного действия, как выемка.

Помимо видов выемки, осуществляемых по судебному решению, необходимо выделить и те, производство которых представляется возможным без судебного разрешения. К таковым, например, относятся: выемка предметов и документов; выемка у лиц, пользующихся дипломатической неприкосновенностью. Особенный вид выемки,

¹ Андреев, В.Е. Гришин, А.В. Процессуально-правовое и организационно-тактическое значение современной выемки и ее правовых последствий / В.Е. Андреев, А.В. Гришин // Тенденции реформирования судебной системы, действующего уголовного, уголовно-процессуального и гражданско-процессуального законодательства. Сборник статей. Материалы регионального круглого стола и всероссийской заочной научно-практической конференции. Редколлегия: А.В. Гришин [и др.]. – Орёл: Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова, 2017. - С. 11-38.

который осуществляется с согласия указанных лиц или по их просьбе, которые могут быть запрошены через Министерство иностранных дел Российской Федерации.

Таким образом, выемка представляет собой следственное действие, заключающееся в принудительном изъятии предметов и (или) документов уполномоченными на то лицами (следователем или дознавателем) с целью расследования, раскрытия и предотвращения преступления. Существуют обязательные и факультативные участники выемки. Законодатель предусматривает виды выемки, которые могут быть осуществлены по судебному решению или без такового, но с обязательным вынесением постановления следователя о производстве указанного следственного действия.

Говоря о порядке производства выемки, следует упомянуть тот факт, что в соответствии с ч. 2 ст. 183 УПК РФ, данное следственное действие производится в порядке, который установлен для обыска.

Многие процессуалисты считали, что выемка является разновидностью обыска¹. С целью достижения поставленного результата, а именно, получения вещественных доказательств по делу необходима тщательная подготовка к производству выемки².

Выемка не является частью обыска, в связи с чем следователем или дознавателем обязательно должны быть определены объекты, которые будут изыматься и их точное местоположение. Нередко возникают ситуации, когда выемка может плавно перейти в осуществление обыска. В таких ситуациях уполномоченные лица должны быть готовы к такому повороту событий, и, составляя план производства выемки, учесть это.

При производстве выемки также особенно важно определить состав необходимых участников. Как упоминалось ранее, существуют обязательные и факультативные участники. Состав необходимых лиц для производства следственного действия выбирается уполномоченным лицом самостоятельно с учетом вида и особенностей выемки. Так, при производстве выемки вещей, заложенных или сданных на хранение в ломбард, на мой взгляд, целесообразнее произвести с обязательным участием специалиста, с целью идентификации изымаемого предмета человеком, обладающим специальными познаниями в данной области. Также, необходимо учесть тот факт, что при производстве любого вида выемки у виновного в совершении преступления лица, следует обязательно привлечь сотрудников полиции с целью обеспечения контроля за подозреваемым, а также осуществления безопасности других участников следственного действия в непредсказуемых случаях.

Перед началом производства выемки лицу, у которого будут изыматься объекты, предъявляется постановление следователя или дознавателя о производстве данного следственного действия. В случаях, когда вид выемки требует судебного разрешения, то лицу предъявляется судебное решение о том, что производство следственного действия разрешено согласно постановлению суда.

Уполномоченное лицо предлагает добровольно выдать те объекты, которые подлежат изъятию. Это могут предметы, документы, ценности и иные предметы, могущие иметь значение для уголовного дела. В тех ситуациях, когда следователю или дознавателю лицо добровольно выдает предметы и (или) документы, подлежащие изъятию, то целесообразность производства выемки исчезает, поэтому уполномоченное лицо не вправе проводить следственное действие³.

¹ Марчук, И.В. и др. Тактика проведения обыска и выемки: бакалаврская работа по основной образовательной программе подготовки бакалавров направление подготовки по специальности: 030900 – Юриспруденция. – М., 2016. – С. 10.

² Там же. – С. 15.

³ Андреев, В.Е. Гришин, А.В. Процессуально-правовое и организационно-тактическое значение современной выемки и ее правовых последствий / В.Е. Андреев, А.В. Гришин // Тенденции реформирования судебной системы, действующего уголовного, уголовно-процессуального и гражданско-процессуального

В ходе выемки могут возникать случаи, когда объекты хранятся в закрытых помещениях, сейфах, ящиках с ключом, то есть в тех местах, к которым не может быть свободно осуществлен доступ. В таких случаях законодатель предусматривает возможность вскрытия таких помещений, но только если без этого нельзя обойтись. УПК РФ не допускает повреждение имущества граждан и юридических лиц в случаях, когда в этом нет необходимости. Имеются ввиду случаи, когда возникают казусы, когда объект, подлежащий изъятию, находится в сейфе, и следователь или дознаватель, не спрашивая у лица, у которого производится выемка, вскрывает его путем взлома или повреждения, не спросив даже ключ от него. Такая инициатива не нужна при производстве следственного действия, иначе не исключена процедура возмещения материального ущерба по отношению к лицу, у которого производилась выемка.

Участвующим лицам перед производством выемки разъясняется, что запрещено разглашение частных данных, которые стали им известны в связи с осуществлением следственного действия.

Следователь может дать указание о том, чтобы лица, участвующие в выемке, между собой не общались, а также не покидали место её производства.

В тех случаях, когда в выемке участвуют понятые, изъятые предметы и объекты обязательно предъявляются им с целью дополнительной фиксации законности производства данного следственного действия. Когда понятые не участвуют, в зависимости от того, какое техническое средство применяется, возможны две ситуации:

1) когда следственное действие фиксируется с помощью производства видеозаписи, в таком случае следователь или дознаватель показывают на камеру изъятые предмет или объект, называют его цвет, форму, характеристики и дефекты;

2) когда в ходе выемки осуществляется фотосъемка, тогда следователь или дознаватель самостоятельно или с помощью специалиста фиксируют подход к месту, где был обнаружен предмет, происходит съемка самого предмета, подлежащего изъятию, если их несколько, то каждый объект фотографируется в отдельности. Все предметы и (или) документы при необходимости должны быть упакованы соответствующим образом, опечатаны и заверены подписями участников следственного действия.

Главным средством фиксации осуществления производства следственного действия является протокол выемки, который содержит три части: вводную, описательную и заключительную. Обязательно указание в протоколе времени, места, обстоятельств изъятия объектов, имеющих значение для уголовного дела. Также, заполнение отметки о том, выданы ли предметы добровольно или изъят принудительно является обязательным, так как нет целесообразности проводить выемку в случае добровольной выдачи объектов.

В протоколе должны найти отражение все характеристики изымаемых предметов и (или) документов, вплоть до цвета, размера, формы, количества, веса и других индивидуальных особенностей, которые могли бы помочь идентифицировать изъятый объект. В тех случаях, когда лицо, у которого производилась выемка или другие участвующие лица попытались каким-либо образом воспрепятствовать осуществлению такого изъятия путем уничтожения объектов и предметов, то об этом также следователем или дознавателем должна быть сделана отметка в протоколе, а также должны быть указаны принятые уполномоченным лицом меры, которые пресекли данное противоправное деяние.

После окончания составления протокола выемки, его копия должна быть вручена лицу, у которого были изъятые вещественные доказательства, если же выемка проводилась на предприятии или в каком – либо учреждении, то копия протокола должна

быть вручена лицу, которое представляет интересы этой организации, то есть её представителю.

Нередко при производстве выемки используются тактические приемы, которые облегчают её осуществление.

Важной тактической особенностью в ходе производства выемки является то, что в случаях, когда заранее известно, где находится подлежащий изъятию объект, но по какой-то причине данного предмета в заранее известном месте не оказывается, либо у следователя или дознавателя имеются основания предполагать, что лицо намеренно скрывает данные предметы и (или) документы, то в таких случаях все участвующие лица должны быть готовы к производству неотложного обыска.

Зачастую предметами выемки становятся документы и, как показывает практика, при их изъятии необходимо участие специалиста, который смог бы оказать помощь путем отбора нужных документов, могущих иметь значение для уголовного дела.

Необходимо помнить, что в описательной части протокола обязательно должны фиксироваться последовательные действия следователя или дознавателя.

Таким образом, выемка является самостоятельным следственным действием, которое имеет свои особенности при её производстве, свои тактические приёмы, но в то же время, во многом сходна с таким следственным действием, как обыск. Ведь даже статья в УПК РФ, посвященная производству обыска, отсылает правоприменителя к порядку производства обыска, так как по своей сути это схожие следственные действия.

Подводя итог вышеизложенному, следует также сказать о том, что выемка является следственным действием, которое может быть осуществлено по предварительно вынесенному постановлению уполномоченным на то лицом (следователем или дознавателем) о её производстве, а в необходимых случаях и судебному решению.

Законодатель обращает внимание на то, что по общему порядку выемка должна быть произведена после стадии возбуждения уголовного дела, но ст. 144 УПК РФ предусматривает изъятие предметов и документов еще на стадии доследственной проверки, что позволяет говорить о теоретической возможности производства выемки до возбуждения дела.

Выемка сама по себе – это, в любом случае, принудительное изъятие у лица, обязательно участника уголовного дела, обладающего процессуальным статусом (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель и т.д.) тех объектов, которые необходимы для движения уголовного дела. В дальнейшем, принудительно изъятые предметы и (или) документы могут быть признаны вещественными доказательствами по уголовному делу, согласно вынесенному постановлению следователя или дознавателя о признании объекта вещественным доказательством.

Как упоминалось ранее, выемка тесно граничит с обыском, преследуют похожую цель, имеют сходные задачи, но в корне отличаются при процедуре их проведения. Порядок производства выемки также определяется с помощью общих положений УПК РФ, которые касаются обыска за некоторым их исключением.

Несмотря на сложившуюся практику, выемка может производиться не только в отношении документов, она может быть осуществлена и с целью изъятия других материальных следов преступления, которые виновное лицо или другие лица, имеющие отношение к совершенному противоправному деянию, не смогли вовремя уничтожить и скрыть от следствия.

Итак, следователь или дознаватель перед производством выемки обязательно должны собрать предварительную информацию о том, какой именно объект хранится у лица, у которого планируется произвести выемку, его индивидуальные характеристики, включая форму, цвет и дефекты, выдвинуть версии о том, где этот предмет может находиться в связи с его габаритами.

Но, несмотря на все изложенные факты, необходимо иметь ввиду, что только профессиональные качества, внезапность и быстрота лица, осуществляющего предварительное следствие или дознание по уголовному делу, в сложившейся следственной обстановке способны в полной мере обеспечить успешное производство такого следственного действия, как выемка.

ЗОКИРЗОДА ЗАФАР ХАЙРУЛЛО
муовини ректор оид ба корҳои таълимии Донишкадаи омӯзгории Тоҷикистон дар
ноҳияи Рашт, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент
zafar.khayrullozoda@mail.ru

ПРОБЛЕМАҲОИ ТАШКИЛИИ ҲУҚУҚИИ ИҶРОИ ҚОРҲОИ ИСЛОҲӢ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Дар низоми ҷазоҳои муқаррарнамудаи қонунгузори ҷиноятӣ кишвар яке аз ҷазоҳои асосие, ки бо ҷудо нигоҳ доштани маҳкумшуда аз ҷомеа вобаста намебошад ин қорҳои ислоҳӣ ба ҳисоб рафта, дар амалия бештар мавриди таъин қарор мегирад. Омӯзиши масъалаҳои назариявӣ амалии иҷроӣ ҷазоӣ мазкур дар тақмили қонунгузори кишвар ва дарёфти ҷораи ҳал барои баъзе аз мушкилоти мавҷуда дар ин самт мусоидат менамояд. Тибқи қонунгузори ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон қорҳои ислоҳӣ як намуди ҷазоӣ асосӣ ба ҳисоб рафта, аз маҷбуран ҷалб намудани маҳкумшуда ба қор дар ҷойи қори маҳкумшуда ё дар ҷойҳои дигаре, ки мақомоти иҷроқунандаи ҳукм муайян менамояд, вале дар ноҳияи истиқомати маҳкумшуда бо муҳлати дар ҳукм нишондодашуда бо нигоҳ доштани ғоидаи муайян аз музди меҳнати ӯ ба ғоидаи давлат иборат аст¹.

Бояд тазаққур дод, ки айни замон дар кишвари мо ислоҳоти низоми ҷазо ҷараён дорад, ки самтҳои афзалиятноки он пурзӯр намудани мубориза ба муқобили ҷиноятҳои вазнин ва махсусан вазнин ҳангоми сабук қардани ҷавобгарии ҷиноятӣ барои ҷиноятҳои начандон вазнин ва миёна мебошад. Сиёсати давомдор оид ба гуманизатсия, ташаққули муносибати сифатӣ ба дарки моҳияти ҷазоӣ ҷиноятӣ, сабук қардани сиёсати ҷазоӣ, пеш аз ҳама, дар афзоиши намудҳои ҷазоӣ, ки бо ҷудо нигоҳ доштан аз ҷомеа вобаста нестанд, васеъ намудани доираи асосҳои татбиқи онҳо, тақмили додани танзими иҷроӣ онҳо, зоҳир мегардад. Мавриди зикр аст, ки қорҳои ислоҳӣ таърихан дар қонунгузори кишвар муқаррар шуда буд. Дар ин хусус Т.Ш. Шарипов қайд мекунад, ки қорҳои ислоҳӣ ҳамчун намуди ҷазоӣ дар санадҳои ибтидоии қонунгузори давлати шуравӣ пешбинӣ шуда буданд.

Бо мурури замон номи он тағйир меёфт (қорҳои ҳатмӣ, маҷбури, қорҳои ислоҳӣ-меҳнатӣ, қорҳои ислоҳӣ), баъзе ҳуқуқмаҳдудкуниҳо пайдо мешуданд ё барҳам меҳурданд, аммо хусусиятҳои асосии ҷазоӣ мазкур бетағйир боқӣ монданд. Маҳкумшуда дар ҳонаи худ истиқомат менамояд, чун қоида дар ҷои қори пештарааш қор қарда, танҳо як қисми музди меҳнати ӯ, ки бо ҳукми суд муайян мегардад ба ғоидаи давлат нигоҳ дошта мешавад ва баъзе ҳуқуқмаҳдудкуниҳои дигар низ ҷой дорад².

¹ Тафсир ба Кодекси иҷроӣ ҷазоӣ ҷиноятӣ / З.А. Камолов, А.И. Сафарзода, Ш.Л. Холиқов, Т.Ш. Шарипов, Ф.И. Ғаниев, П.Н. Наврузова. – Душанбе, 2018. – С. 193.

² Шарипов, Т.Ш., Камолов, З.А., Диноршоев, А.М., Сафаров, А.И. Ҳуқуқи иҷроӣ ҷазоӣ ҷиноятӣ: китоби дарсӣ. – Душанбе, 2011. – С. 138.

Ба андешаи У.А. Азизода, чазо дар намуди корҳои ислоҳӣ дар давлатҳои қадими тоҷикон махсусан аз рӯи меъёрҳои динию ҳуқуқии Авесто васеъ истифода мешуд. Аз чумла, чазо дар намуди корҳои ислоҳӣ дар заминҳои давлатӣ ва ё дар заминҳои маъбад нисбат ба шахсе, ки дар ягон кирдори зиддиҳуқуқӣ гунаҳгор буд, татбиқ карда мешуд. Онҳо, инчунин, меҳнати ин гуна шахсонро дар заминҳои ҷамъиятӣ, тоза кардани заминҳо аз чизҳои нопок, бадани одаму ҳайвонот, барои оташи муқаддас ҳезум ҷамъоварӣ кардан, каналҳоро кофта ва ғайра истифода мебарданд. Асосан, чунин чазоҳо барои риоя накардани меъёрҳои динӣ ва экологӣ татбиқ мешуд¹. Ислоҳоте, ки дар ду даҳсолаи охир дар низоми ҷиноятӣ ва иҷрои чазои ҷиноятӣ анҷом дода шудааст, рушди чазоҳои алтернативаи маҳрум сохтан аз озодиро махсусан таъхирнопазир кардааст. Ин раванд на танҳо бо тавсеаи амалии татбиқи ин намудҳои чазои ҷиноятӣ, такмили механизми танзими ҳуқуқии онҳо, балки, инчунин, бо ҷустуҷӯи васеи таносуби оптималии фишороварии мазмуни ҳамаи чазоҳои ҷиноятӣ муқарраркардаи қонунгузори амалкунанда пешбинӣ шудааст, ки дар байни онҳо корҳои ислоҳӣ мавқеи муҳимро ишғол мекунад.

Корҳои ислоҳӣ ҳамчун намуди чазои асосии ҷиноятӣ, ки бо ҷудо нигоҳ доштани маҳкумшуда аз ҷомеа вобаста нест, дар ҳама давлатҳои аъзои Иттиҳоди Давлатҳои Мустақил (минбаъд - ИДМ), ба истиснои Ҷумҳурии Молдова, бар хилофи корҳои ҳатмӣ пешбинӣ шудааст, ки дар қонунгузори як қатор кишварҳо (Қазоқистон, Туркменистон ва Узбекистон) танзим нашудаанд ва ё дар намуди ҳам чазои асосӣ ва ҳам чазои иловагӣ (Белорус) дида мешавад.

Қонунгузор чораҳои ҷавобгариро барои шахсоне, ки ба корҳои ислоҳӣ маҳкум шудаанд, ба таври равшан танзим мекунад. Чунон ки П.Н. Красоткин қайд мекунад, ин тадбирҳо дар содир кардани ҷиноятҳои нав ба маҳкумшудагон ба таври самарабахш таъсир расонида, инчунин, проблемаҳои пешгирии кардани ҳуқуқвайронкуноии шахсӣ ва умумиро умуман ҳал карда метавонанд. Таҳдиди маҷбуркунӣ метавонад ҳамчун ангеа барои рафтори мусбат ва аз ҷиҳати иҷтимоӣ матлуб амал кунад². Бояд гуфт, ки бисёре аз муҳаққиқон оид ба моҳияти чазо дар намуди корҳои ислоҳӣ ба хулосае омадаанд, ки аз ҷиҳати мазмуни худ ин намуди чазо ҳоло ба ҷаримаи муҳлатнок (қисм-қисм пардохт кардан) табдил ёфтааст. Масалан, В.Д. Меншагин қори ислоҳиро ҷаримаи ниқобшуда, ки қисм-қисм ситонида мешавад, номидааст³. Ба андешаи И.Р. Тулиев, дар назари аввал ҷиҳати сазоии намуди чазои мавриди назар танҳо ба нигоҳ доштани пули аз даромад ба ҳисоби фоиз вобаста аст, ки дар муҳлатҳои муқаррарнамудаи қонун гузаронида мешавад. Маълум мешавад, ки ин ба «ҷарима ба қисмҳо пардохтшаванда» монанд аст. Аммо дар ҳақиқат доираи маҳдудиятҳои қонуние, ки нисбати маҳкумшудагон гузошта шудаанд, васеътар аст⁴. То андозае андешаи мазкур ҷолиби диққат аст. Зеро шахси ба чазои корҳои ислоҳӣ маҳкумшуда ҳар моҳа ба миқдори муайян ба давлат маблағ месупорад, ки ин мазмуни ҷаримаи қисм-қисмро ифода мекунад.

Иҷрои корҳои ислоҳӣ дар муассисаҳо бо тартиби муқаррарнамудаи суд ва нозироти ислоҳӣ амалӣ карда мешавад. Ба андешаи В.П. Марков, аз ҷониби қонунгузор муқаррар намудани маъмурияти корхона, муассиса, ташкилоте, ки дар он

¹ Азизов, У.А. Эволюция институтов преступления и наказания на территории исторического и современного Таджикистана: историко-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. Наук: 12.00.01 / У.А. Азизов. – Душанбе, 2015. – С. 105.

² Красоткин, П.Н. Применение мер воспитательного воздействия к осужденным, отбывающим наказания в виде обязательных работ и исправительных работ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / П.Н. Красоткин. – Рязань, 2014. – С. 14.

³ Меншагин, В.Д. О принудительных работах по месту работы / В.Д. Меншагин // Социалистическая законность. – 1988. – № 12. – С. 25.

⁴ Тулиев, И.Р. Наказание по уголовному праву Таджикистана (система, виды наказаний и их назначение): дисс. канд. юрид. наук: 12.00.08 / И.Р. Тулиев. – М., 2010. – С. 92.

шахсе, ки ба корҳои ислоҳӣ маҳкум карда шудааст, баъзе уҳдадориҳо ва ҳуқуқҳои иҷроии корҳои ислоҳӣ ба хусусиятҳои ҷазо дар намуди корҳои ислоҳӣ вобаста карда мешавад. Аз ин рӯ, чунин ҳисоб кардан бамаврид аст, ки иҷроии корҳои ислоҳӣ ҳам ба зиммаи нозироти ислоҳӣ ва ҳам ба зиммаи маъмурияти корхона, муассиса, ташкилот дар ҷои адои корҳои ислоҳӣ маҳкумшуда гузошта шудааст¹. Муаллиф дар идома илова менамояд, ки қонунгузор муайян намекунад, ки кадом маъмурияти ташкилоте, ки дар он маҳкумшуда қор мекунад, вазифаҳо гузошта шудаанд: дар ҷои қори асосӣ ё дар вақти ноқурраи қорӣ. Инро бо он шарҳ медиҳад, ки корҳои ислоҳӣ дар ҷои қори асосӣ адо карда мешаванд, аз ин рӯ, ба зиммаи маъмурияти ташкилот дар ҷои қори асосии маҳкумшуда масъулият гузошта мешавад. Ин метавонад на танҳо ташкилотҳои давлатӣ, балки намудҳои гуногуни ҷамъиятҳои саҳҳомӣ, ҷамъиятҳои дорои масъулияти маҳдуд ва ғайра бошанд². Мавриди тазаккур аст, ки барои баланд бардоштани самаранокии иҷроии корҳои ислоҳӣ, инчунин, таъсири тарбиявӣ ба маҳкумшуда ба зиммаи маъмурияти ташкилот дар якҷоягӣ бо нозироти корҳои ислоҳӣ бо маҳкумшуда, уҳдадории қумак расонидан дар бораи ҳаҷм ва тағйири музди меҳнати маҳкумшуда, дар бораи ҷораҳои ҳавасмандгардонӣ ва ҷазо нисбати маҳкумшуда, ҳамчунин, дар бораи ба маҳкумшуда хабар додани интиқол гирифтани маҳкумшуда ба мақомоти интизомии ҷиноятӣ вазифаи дигар ё аз қор озод кардани ӯ гузошта мешавад. Ин на танҳо ба қурратар омӯхтани шахсияти маҳкумшуда, балки ба ислоҳи ҳақиқии маҳкумшуда низ мусоидат мекунад.

Дар айни замон мазмуни сазои корҳои ислоҳӣ дар давлатҳои аъзои ИДМ, пеш аз ҳама, дар маҷмуи маҳдудиятҳои қонунии ҳуқуқҳои моддӣ ва меҳнатие ифода меёбад, ки ба шахси бо ҳукми суд маҳкумшуда муқаррар карда мешавад. Аз ҷумла, давомнокии адои корҳои ислоҳӣ; тартиби пардохти музди меҳнат; маҳдудиятҳо дар интиқоли ҷои қор; уҳдадориҳои қорӣ, ки ҷавобгариро барои саркашӣ аз он пешбинӣ мекунад; маҳдуд кардани ҳуқуқи рухсатии доимии музднок. Андозаи маҳдудиятҳои қонуние, ки нисбати маҳкумшуда муқаррар карда мешавад, аз хусусият ва дараҷаи ҳавфи ҷамъиятии ҷинояти содиршуда ва шахсияти ҷиноятқор вобаста мебошад.

Хусусияти ҷазо дар намуди корҳои ислоҳӣ, ба фикри мо, маҷмуи маҳдудиятҳои меҳнатӣ, моддӣ ва дигар маҳдудиятҳои озодӣ ва ҳуқуқҳои маҳкумшудагон мебошад, ки дар ҷараёни иштироки онҳо дар меҳнати ғоиданоки ҷамъиятӣ ба амал бароварда мешавад. Бо назардошти хусусиятҳои ҷазо дар намуди корҳои ислоҳӣ шахсоне, ки ба ин намуди ҷазо маҳкум шудаанд, ба онҳо ҳуқуқи истироҳат низ маҳдуд карда мешавад³.

Дар ин хусус А.В. Мусалева қайд намудааст, ки рухсатии ҳарсолаи пулакӣ ба шахсоне, ки ба ҷазо дар намуди корҳои ислоҳӣ маҳкум шудаанд, тибқи қонунгузорию иҷроии ҷазо дар рӯзҳои қорӣ ҳисоб карда мешавад, дар ҳоле ки дар қонунгузорию меҳнатӣ нишон медиҳанд, ки давомнокии рухсатии ҳарсолаи пулакӣ бо рӯзҳои тақвими ҳисоб карда мешавад⁴. Дигар муҳаққиқон чунин қайд кардаанд, ки дар давраи адои корҳои ислоҳӣ рухсатии ҳарсолаи пардохтшавандаи маҳкумшуда 18 рӯзи қориро ташкил медиҳад. Ин рухсатӣ аз ҷониби маъмурияти ташкилот дар мувофиқа бо нозироти иҷроии ҷазо дода мешавад.

¹ Марков, В.П. Механизм реализации основных уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в Российской Федерации: уголовно-правовой анализ: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / В.П. Марков. – СПб., 2007. – С. 302.

² Марков В.П. Асаризикршуда. – С. 304.

³ Дроздов, А.И., Усеев, Р.З., Марченко, Д.Э. Уголовно-исполнительное право: правовое регулирование исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества: учебное пособие. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2012. – С. 58.

⁴ Мусалева, А.В. Вопросы трудоустройства осужденных к исправительным работам / А.В. Мусалева // Вестник Кузбасского института. – 2019. – № 4 (41). – С. 80.

Дигар намудҳои рухсатӣ, ки қонунгузори мехнатӣ пешбинӣ кардааст, ба маҳкумшудагон тибқи асосҳои умумӣ дода мешавад¹. Тавре ки қаблан зикр гардид, тибқи қ. 6 м. 40 Кодекси иҷроӣ ҷазои ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд - КИЧҚ ҚТ) дар давраи адои қорҳои ислоҳӣ рухсатии ҳарсолаи пардохтшавандаи маҳкумшуда 18 рӯзи қориро ташкил медиҳад, дар ҳоле ки Кодекси мехнатии ҚТ давомнокии рухсатии ҳарсолаи пардохтшавандаро на камтар аз 28 рӯзи тақвимӣ муқаррар менамояд. Дар ин хусус олимони ватанӣ низ қайд мекунанд, ки дар давраи адои ҷазои қорҳои ислоҳӣ рухсатии пардохтшавандаи ҳарсола бо давомнокии танҳо 18 рӯзи қорӣ аз ҷониби маъмурияти қорхонае, ки маҳкумшуда қор мекунад, бо мувофиқаи нозироти қорҳои ислоҳӣ дода мешавад. Мутобиқи м. 85 Кодекси маданияи ҚТ бошад Минбаъд – КМ ҚТ), давомнокии ҳадди ақали рухсатии ҳарсола барои қормандон ва хизматчиён 24 рӯзи тақвимӣ муқаррар шудааст². Аз андешаҳои мазкур бармеояд, ки меъёрҳои қонунгузори иҷроӣ ҷазои ҷиноятӣ бо қонунгузори мехнатӣ оид ба масъалаи рухсатии мехнатӣ ба ҳамдигар муҳолифат менамоянд. Зеро санади ягонаи кодификатсионӣ дар самти муносибатҳои мехнатӣ ва рухсатии мехнатӣ ин КМ ҚТ маҳсуб меёбад. Бинобар ин, муқаррароти м. 40-и КИЧҚ ҚТ дар бораи ҳисоб кардани давомнокии рухсатии ҳарсолаи пардохтшавандаи маҳкумшуда ба муқаррароти қонунгузори мехнатӣ бояд мувофиқ карда шавад. Ба андешаи мо, дар қонунгузори мехнатӣ бояд меъёри иловагӣ оид ба ҳолатҳои истисноие, ки дигар қонунгузори кишвар муқаррар кардааст, илова карда шавад.

Тавре аз қонунгузори бармеояд ташкилотҳои асосии иҷроӣ ҷазои қорҳои ислоҳӣ нозироти қорҳои ислоҳӣ ба ҳисоб меравад. Нозироти қорҳои ислоҳӣ масъулияти худро оид ба иҷроӣ қорҳои ислоҳӣ дар ҳамкорӣ бо мақомоти маҳаллии ҳокимияти давлатӣ ба амал мебарорад. Дар ин хусус В.П. Марков дуруст қайд намудааст, ки нозироти қорҳои ислоҳӣ ҳамчун субъекти муҳим дар чараёни тарбия ҳам байни коллективи мехнатӣ ва ҳам ташкилоти ҷамъиятие амал мекунанд, ки ба ислоҳи маҳкумшуда ёрӣ мерасонанд³. Ба андешаи Н.А. Стручков, мақомоте, ки ба иҷроӣ қорҳои ислоҳӣ масъуланд, дар навбати аввал ҳамчун ташкилотҳои иҷроӣ ин ҷазо баромад мекунанд¹. Л.Г. Крахмалник ва В.А. Гусков чунин мешуморад, ки «Мақомоти қорҳои ислоҳиро иҷроқунанда коллективҳои мехнатқашро барои пеш бурдани қори сиёсӣ тарбиявӣ бо маҳкумшудагон ташкил намуда, дар он худ низ ғаёбона иштирок мекунанд»². Вазифаи асосии нозироти қорҳои ислоҳӣ тақмил додани заминаи қонунии иҷроӣ ҷазоҳое, ки бо ҷудо нигоҳ доштан аз ҷомеа вобаста нестанд, беҳтар таъмин намудани заминаҳои моддию техникаи нозирҳо, инчунин, мустаҳкам намудани заминаҳои кадрӣ онҳо мебошад.

Бояд тазақур дод, ки зимни муайян кардан ва татбиқи мамнуъият ва уҳдадориҳо ба маҳкумшуда бояд эътибор дод, ки ҳуқуқҳои конституционии ӯ аз меъёри муқаррарнамудаи қонунгузори бештар маҳдуд карда нашаванд. Зеро чунин мамнуъият ва уҳдадориҳо метавонад ба бахшҳои ҷудоғонаи ҳаёти шахсӣ ва оилавии маҳкумшуда таъсири манфӣ расонанд. Дар ин хусус В.Я. Богданов дуруст қайд мекунанд, ки дар ин ҷо ҷораҳои мулоҳизақорона дидан лозим аст, зеро иҷроӣ ин гуна вазифаҳо бо таҷовуз ба доираи озодиҳо ва ҳуқуқҳои шахси маҳкумшуда ва оилаи ӯ алоқаманд аст, аз ҷумла дахлнопазирии манзил, ҳуқуқи бо салоҳдиди худ истифода бурдани вақти ҳоли ва ғайра⁴. Уҳдадориҳо ва мамнуъиятҳо ба вазъи ҳуқуқии маҳкумшудагон ба таври назаррас таъсир мерасонанд, зеро онҳоро ҳангоми татбиқи

¹ Дроздов, А.И., Усеев, Р.З., Марченко, Д.Э. Асари зикршуда. – С. 58.

² Шарипов, Т.Ш., Камолов, З.А., Диноршоев, А.М., Сафаров, А.И. Асари зикршуда. – С. 138.

³ Марков, В.П. Механизм реализации основных уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в Российской Федерации: уголовно-правовой анализ: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / В.П. Марков. – СПб., 2007. – С. 305.

⁴ Богданов, В.Я. К вопросу о воспитательном значении исправительных работ. – Ульяновск, 1972. – С. 18.

хуқуқҳои пешбиниамудаи меъёрҳои конституционӣ маҳдуд мекунад. Аммо ба андешаи баъзе олимони қонунгузори ҷиноятӣ татбиқи мамнуъият ва уҳдадориҳои дахлдорро нишон надодааст. Аз ҷумла, Л.Л. Кругликов қайд менамояд, ки барои татбиқи мамнуъиятҳо ва уҳдадориҳо асосҳои ҳуқуқии ҷиноятӣ вучуд надоранд¹. Дар бораи зарурати инъикоси меъёрҳо дар қонунгузори иҷроии ҷазои ҷиноятӣ Р.Н. Гарнаев низ ишора кардааст². Зарурати инъикоси тамоми маҳдудиятҳои ҳуқуқие, ки ба мазмуни қорҳои ислоҳӣ дар қонунгузори ҷиноятӣ дохил мешаванд, инчунин, аз ҷониби А.В. Корнеева қайд карда шудааст, ки «Қонунгузори иҷроии ҷазо, ки шароит ва тартиби адои ҷазоро дар намуди қорҳои ислоҳӣ муқаррар менамояд, метавонад маҳдудиятҳои асосии ҳуқуқиро дубора тавлид кунад, ки ба мазмуни ин ҷазоҳо дохил мешаванд, вале дар ҳеч сурат онҳо мустақилона муқаррар карда намешаванд»³. Дар ин ҳусус олимони ватанӣ низ ибрози андеша намудаанд, ки қобили дастгирӣ мебошад. Аз ҷумла, ба андешаи З.А. Камолов ва Н.М. Нодиров, тамоми маҳдудиятҳои ҳуқуқие, ки ба мазмуни қорҳои ислоҳӣ дохил мешаванд, бояд дар қонунгузори ҷиноятӣ инъикос карда шаванд. Қонунгузори иҷроии ҷазои ҷиноятӣ, ки тартиб ва шартҳои адои қорҳои ислоҳиро муқаррар мекунад, метавонад маҳдудиятҳои асосии ҳуқуқиро, ки ба мазмуни ин ҷазо дохил шудаанд, такрор намояд, вале мустақилона муқаррар намекунад⁴.

Як гурӯҳ олимони ҷунин ақида доранд, ки пешбинӣ шудани ҳуқуқи гузоштани манъкуниву вазифа, ки ҳуқуқҳои маҳкумшудагонро ба таври қиддӣ ҳалалдор месозад, на дар Кодекси ҷиноятӣ, балки дар Кодекси иҷроии ҷазои ҷиноятӣ ва додани ин ҳуқуқ на бо суд, балки бо нозироти қорҳои ислоҳӣ нодуруст мебошад⁵. Олимони ватанӣ низ бо ҷунин ақида розӣ буда, ҷунин мешуморанд, ки бояд ба м. 52 Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КҶ ҚТ) тағйирот ворид шуда, гузоштани манъкуниву вазифаҳо нисбати маҳкумшудагон ба қорҳои ислоҳӣ ба зиммаи суд гузошта шавад. Муқаррароти мазкур дар қ. 5 м. 71 КҶ ё қ. 2 м. 76 КҶ ҚТ ҷой дорад⁶.

Шаклҳои назорати рафтори маҳкумшуда намудҳои гуногуни санҷишҳо буда метавонанд. Ҳангоми гузаронидани назорат аз усули ҳуҷчатӣ истифода бурдан мумкин аст, ки мазмуни он аз омӯзиши ҳуҷчатҳои гуногуни тавсифкунандаи рафтори маҳкумшуда, инчунин, усулҳои мушоҳида ва пурсиш иборат мебошад⁷. Ба он диққати махсус додан лозим аст, ки ин назорат то чӣ андоза ба амал бароварда мешавад. Ба фикри мо, дар ин ҷо, пеш аз ҳама, бояд муҳлат, масалан, аз 6 то 23 соат бошад. Агар қорҳои нозироти қорҳои ислоҳӣ соати 12-и шаб ба ҳонаи маҳкумшуда омада, ҳуқуқи назорат қардани рафтори ӯро баҳона кунад, барои онҳо ба мақсад мувофиқ нест. Маъмурияти ташкилоте, ки дар он маҳкумшуда қор мекунад, бар хилофи нозироти қорҳои ислоҳӣ ҳангоми назорат аз болои рафтори маҳкумшуда

¹ Кругликов, Л.Л. Сбой в конструировании санкций в уголовном законодательстве / Л.Л. Кругликов // Юридическая техника. – 2008. – № 2. – С. 111.

² Гарнаев, Р.Н. Правовые границы обязательных и исправительных работ в нормах уголовно-исполнительного законодательства России / Р.Н. Гарнаев // Казанский педагогический журнал. – 2015. – № 2. – С. 189.

³ Корнеева, А.В. Исправительные работы без лишения свободы как вид уголовного наказания: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.В. Корнеева. – М., 1986. – С. 102.

⁴ Камолов, З.А., Нодиров, Н.М. Проблемы определения содержания наказания в виде исправительных работ / З.А. Камолов, Н.М. Нодиров // Академический юридический журнал. 2018. – № 4 (28). – С. 87.

⁵ Дуёнов, В.А. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / В.А. Дуёнов. – Тольяти, 2000. – С. 218.

⁶ Масоили татбиқи ва иҷроии намудҳои алтернативаи ҷазои маҳрум сохтан аз озодӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон. – Душанбе, 2011. – С. 209.

⁷ Марков, В.П. Механизм реализации основных уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в Российской Федерации: уголовно-правовой анализ: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / В.П. Марков. – СПб., 2007. – С. 307.

дар ҷои қор, бо муҳлати рӯзи қорӣ маҳдуд карда мешавад. Маҳдуд кардани ин назорат дар ҷои истиқомати маҳкумшуда, масалан, танҳо дар ҷои истиқомат мувофиқи мақсад нест. Дар ин ҳолат маҳкумшуда сабӣ мекунад, ки берун аз ҷои истиқоматаш бештар вақт гузаронад, зеро медонад, ки рафтораш дар он ҷо назорат карда намешавад.

Зарур аст, ки ба таври меъёрӣ танзим карда шавад, ки дар вақти назорат кардани рафтори шахсони ба қорҳои ислоҳӣ маҳкумшуда нозироти қорҳои ислоҳӣ ҳуқуқ дорад ҳам нозирони маҳаллии милитсия ва ҳам қормандони дигар ҳадамот ва шӯъбаҳои мақомоти қорҳои дохилро ҷалб намояд. Шӯъбаҳои дахлдори мақомоти қорҳои дохилӣ вазираданд, ки дар татбиқи ин назорат иштирок намоянд¹. Ҳамзамон, дар қонунгузорӣ шакл ва усулҳои назорати рафтори маҳкумшудагонро, ки қорҳои ислоҳиро адо мекунанд, муқаррар нашудаанд. Мутобиқи м. 41-и КИЧҚ ҚТ, қормандони нозироти қорҳои ислоҳӣ вазираданд, ки рафтори маҳкумшудагонро назорат кунанд. Аммо, муҳлати татбиқи ин назоратро на қонунгузор ва на санадҳои меъёрии идоравӣ муқаррар накардаанд. Бинобар ин, мо зарур меҳисобем, ки дар Кодекси иҷроӣ қазои қиёятӣ масъалаи муҳлат, шаклу усулҳо ва субъектони ҳамкорикунондаи назорати маҳкумшудаи қорҳои ислоҳӣ аз ҷониби нозироти қорҳои ислоҳӣ муқаррар карда шавад.

Дар шароити кӯҳистони кишвари мо мушкилоти таъмини маҳкумшуда ба ҷои қор дар маҳалли истиқомат ва назорати ӯ хароҷот ва шумораи муайяни қормандонро талаб менамояд. Дар минтақаҳои кӯҳӣ ҳатто маҳалҳои мавҷуданд, ки ба он ҷойҳо рафту омад қордан душвор мебошад. Бинобар ин, чунин ҳолатҳо қорҳои нозироти қорҳои ислоҳиро басо душвор гардонидани, аз онҳо хароҷоти зиёдатӣ тақозо менамоянд. Бо ин назардошт, масъалаи кадрӣ нозироти қорҳои ислоҳӣ ва сарчашмаи хароҷоти нозирот дар раванди назорати маҳкумшуда дар маҳалли истиқоматӣ ва тартиб додани ҳуҷҷатҳои ӯ бояд дар сатҳи қонунгузорӣ муайян ва муқаррар карда шавад. Ба фикри мо, маблағгузорӣ барои нозироти қорҳои ислоҳӣ бояд танҳо аз ҳисоби буҷети давлат сурат гирад. Қормандони нозироти қорҳои ислоҳӣ набояд ба гирифтани нигоҳ доштани аз музди меҳнати шахсоне, ки ба қорҳои ислоҳӣ маҳкум шудаанд, бевосита манфиатдор бошанд. Мақсади асосии онҳо қатъиян мувофиқи қонун иҷро намудани ҳукми суд мебошад.

Бояд тазаққур дод, ки таносуби унсурҳои сазой ва тарбиявии қазои мавриди назар дар давлатҳои аъзои ИДМ гуногун буда, аз хусусиятҳои тамоми низомии қазоҳои қиёятӣ қонунгузорӣ миллӣ ва махсусан, таносуби дараҷаи фишороварии ҳар як намуди қазо вобаста мебошад, ки бо ҷудо нигоҳ доштани маҳкумшуда аз ҷомеа вобаста намебошад. А.Н. Смирнов дуруст қайд мекунад, ки дар низомии қазои тамоми давлатҳои аъзои ИДМ қорҳои ислоҳӣ ба гурӯҳи нисбатан вазнинии қазоҳо дохил мешавад². Таҳлили қонунгузории давлатҳои аъзои ИДМ нишон медиҳад, ки дар зинаи низомии қазо қорҳои ислоҳӣ дар Узбекистон пас аз қарима ва маҳрум қордан аз ҳуқуқи муайян дар ҷои сеюм (м. 43-и Кодекси қиёятӣ Ҷумҳурии Узбекистон), дар Беларус ва Тоҷикистон дар ҷои чорум (м. 109-и КҚ ҚБ, м. 47-и ҚТ), дар Озарбойҷон қорҳои ислоҳӣ дар ҷои панҷум (м. 42-и КҚ ҚО) ва дар ҷумҳуриҳои Арманистон ва Қирғизистон дар ҷои шашум (м. 49-и КҚ ҚА, м. 42-и Кодекси қиёятӣ Ҷумҳурии Қирғизистон) қарор дорад.

Ҳамин тавр, дар натиҷаи таҳқиқи масъалаҳои ташкилӣ-ҳуқуқии иҷроӣ қорҳои ислоҳӣ ба ҳуҷҷатҳои зерин омадан мумкин аст:

1. Бояд тазаққур дод, ки айни замон дар кишвари мо ислоҳоти низомии қазо қараён дорад, ки самтҳои афзалиятноки он пурзӯр намудани мубориза ба муқобили

¹ Марков, В.П. Асари зикршуда. – С. 308.

² Смирнов, А.Н. Уголовное наказание в виде исправительных работ: дис... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.Н. Смирнов. – Томск. 2007. – С. 51.

ҷиноятҳои вазнин ва махсусан вазнин ҳангоми сабук кардани ҷавобгарии ҷиноятӣ барои ҷиноятҳои начандон вазнин ва миёна мебошад. Сиёсати давомдор оид ба гуманизатсия, ташаккули муносибати сифатӣ ба дарки моҳияти ҷазои ҷиноятӣ, сабук кардани сиёсати ҷазо, пеш аз ҳама, дар афзоиши намудҳои ҷазохое, ки бо ҷудо нигоҳ доштани маҳкумшуда аз ҷомеа вобаста нестанд, васеъ намудани доираи асосҳои татбиқи онҳо, такмил додани танзими иҷроӣ онҳо, зоҳир мегардад. Ислоҳоте, ки дар ду даҳсолаи охир дар низоми ҷазои ҷиноятӣ ва иҷроӣ ҷазои ҷиноятӣ анҷом дода шудааст, рушди ҷазоҳои алтернативаи маҳрум сохтан аз озодиро махсусан таъхирнопазир кардааст. Ин раванд на танҳо бо тавсеаи амалии татбиқи ин намудҳои ҷазои ҷиноятӣ, такмили механизми танзими ҳуқуқии онҳо, балки, инчунин, бо ҷустуҷӯи васеи таносуби оптималии фишороварии мазмуни ҳамаи ҷазоҳои ҷиноятии муқарраркардаи қонунгузори амалкунанда пешбинӣ шудааст, ки дар байни онҳо корҳои ислоҳӣ мавқеи муҳимро ишғол мекунад.

2. Корҳои ислоҳӣ ҳамчун намуди ҷазои асосӣ, ки бо ҷудо нигоҳ доштани маҳкумшуда аз ҷомеа вобаста намебошанд, дар ҳама давлатҳои аъзои ИДМ, ба истиснои Ҷумҳурии Молдова, бар хилофи корҳои ҳатмӣ пешбинӣ шудааст, ки дар қонунгузори як қатор давлатҳо (Қазоқистон, Туркменистон ва Узбекистон) танзим карда нашудааст ва ё дар намуди ҳам ҷазои асосӣ ва ҳам ҷазои иловагӣ (Белорус) дида мешавад. Таносуби унсурҳои сазодихӣ ва тарбиявии ҷазои мавриди назар дар давлатҳои ИДМ гуногун буда, аз хусусиятҳои тамоми низоми ҷазохое, ки бо ҷудо нигоҳ доштани маҳкумшуда аз ҷомеа вобаста намебошанд, алоқамандӣ доранд.

3. Таҳқиқот нишон медиҳад, ки меъёрҳои қонунгузори иҷроӣ ҷазои ҷиноятӣ бо қонунгузори меҳнатӣ оид ба масъалаи рухсатии меҳнатӣ ба ҳамдигар муҳолифат менамоянд. Зеро санади ягонаи кодификатсионӣ дар самти муносибатҳои меҳнатӣ ва рухсатии меҳнатӣ ин Кодекси меҳнатӣ маҳсуб меёбад. Бинобар ин, муқаррароти м. 40-и КИЧҚ ҚТ дар бораи ҳисоб кардани давомнокии рухсатии ҳарсолаи пардохтшавандаи маҳкумшуда ба муқаррароти қонунгузори меҳнатӣ бояд мувофиқ карда шавад. Ба андешаи мо, дар қонунгузори меҳнатӣ бояд меъёри иловагӣ оид ба ҳолатҳои истисноие, ки дар қонунгузори ҚТ муқаррар кардааст, илова карда шавад.

4. Бояд тазаққур дод, ки иҷроӣ корҳои ислоҳӣ вобаста ба мазмуни сазоии худ барои маҳкумшуда як қатор мамнуъиятҳо ва уҳдадорихоро ба вучуд меоварад. Бинобар ин, ба маҳдудиятҳо ва уҳдадорихое, ки дар қонунгузори иҷроӣ пешбинӣ шудаанд, бояд таваҷҷуҳи махсус дода шавад. Дар м. 42 КИЧҚ ҚТ барои шахсе, ки ба корҳои ислоҳӣ маҳкум шудааст, бо мақсади пешгирии содир намудани ҷиноятҳои нав вазифаҳо ва маҳдудиятҳо муқаррар карда мешаванд. Рӯйхати мукаммали маҳдудиятҳо ва уҳдадорихо барои шахсони ба корҳои ислоҳӣ маҳкумшуда дар санадҳои дахлдор муқаррар карда мешаванд. Аз андешаҳои таҳлилшуда бармеояд, ки номгӯи мамнуъиятҳо ва уҳдадорихо нисбати маҳкумшуда ба корҳои ислоҳӣ дар қонунгузори иҷроӣ ҷазои ҷиноятӣ инъикос наёфтаанд. Ҳол он ки тамоми шароити иҷроӣ ҷазои мазкур маҳз дар асоси қонунгузори иҷроӣ ҷазои ҷиноятӣ амалӣ карда мешавад. Бо ин назардошт, ба андешаи мо низ дар Кодекси иҷроӣ ҷазои ҷиноятӣ дар доираи як модда бояд номгӯи мамнуъият ва уҳдадорихо асосии татбиқшаванда ба маҳкумшуда муқаррар карда шавад.

5. Дар қонунгузорӣ шакл ва усулҳои назорати рафтори маҳкумшудагон, ки корҳои ислоҳиро адо мекунанд, муқаррар нашудаанд. Мутобиқи м. 40-и КИЧҚ ҚТ кормандони нозироти корҳои ислоҳӣ вазифадоранд, ки рафтори маҳкумшудагонро назорат кунанд. Аммо, муҳлати татбиқи ин назоратро на қонунгузор ва на санадҳои меъёрии идоравӣ муқаррар накардаанд. Бинобар ин, мо зарур меҳисобем, ки дар Кодекси иҷроӣ ҷазои ҷиноятӣ масъалаи муҳлат, шаклу усулҳо ва субъектҳои ҳамкорикундаи назорати маҳкумшудаи корҳои ислоҳӣ аз ҷониби нозироти корҳои ислоҳӣ муқаррар карда шавад.

6. Аз таҳқиқот бармеояд, ки дар шароити кӯҳистони кишвари мо мушкилоти таъмини маҳкумшуда ба чойи қор дар маҳалли истиқомат ва назорати ӯ харочот ва шумораи муайяни кормандонро талаб менамояд. Дар минтақаҳои кӯҳӣ ҳатто маҳалҳои мавҷуданд, ки ба он чойҳо рафту омад қардан душвор мебошад. Бинобар ин, чунин ҳолатҳо қори нозироти қорҳои ислоҳиро басо душвор гардонид, аз онҳо харочоти зиёдатӣ тақозо менамоянд. Бо ин назардошт, масъалаи кадрӣ нозироти қорҳои ислоҳӣ ва сарчашмаи харочоти нозирот дар раванди назорати маҳкумшуда дар маҳалли истиқоматӣ ва тартиб додани ҳуҷҷатҳои ӯ бояд дар сатҳи қонунгузорӣ муайян ва муқаррар қарда шавад. Ба фикри мо, маблағгузорӣ барои нозироти қорҳои ислоҳӣ бояд танҳо аз ҳисоби бучети давлат сурат гирад. Кормандони нозироти қорҳои ислоҳӣ набояд ба гирифтани нигоҳ доштан аз музди меҳнати шахсоне, ки ба қорҳои ислоҳӣ маҳкум шудаанд, бевосита манфиатдор бошанд. Мақсади асосии онҳо қатъиян мувофиқи қонун иҷро намудани ҳукми суд мебошад.

7. Асоси моҳияти қорҳои ислоҳӣ ин ислоҳ ва тарбияи маҳкумшуда мебошад, новобаста аз он ки дар шакли иҷрои қорҳои меҳнатӣ, таълимӣ ё тарбиявӣ амалӣ қарда мешавад. Аммо, кормандони нозироти қорҳои ислоҳӣ бошанд, аксаран таҳсилоти олиӣ ҳуқуқӣ дошта, аз донишҳои педагогӣ психологӣ бархӯрдор нестанд. Бинобар ин, дар муносибат бо маҳкумшудаҳо нақши педагог ва раваншинос хеле қалон мебошад. Бо ин назардошт, беҳтар мебуд, ки дар нозироти қорҳои ислоҳӣ оид ба иҷрои қорҳои ислоҳӣ воҳиди қорӣ педагог-раваншинос ташкил қарда шавад.

КАРПОВ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного и уголовного права
Воронежского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент,
подполковник внутренней службы
andre_kar@mail.ru

ХОХЛОВА ОЛЬГА ИВАНОВНА

курсант 4-го курса юридического факультета Воронежского института ФСИН России,
рядовой внутренней службы
holga0613@gmail.com

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗИ УГОЛОВНОГО МАТЕРИАЛЬНОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ

В настоящее время уголовный процесс необходимо рассматривать в виде определенного универсального явления, которое характерно для любого государства и его правовой системы. Это вполне обосновано, поскольку национальные особенности не имеют определенного значения. Таким образом, надлежит признать, что уголовный процесс остается классическим элементом системы права в государстве, без которого нельзя представить, даже теоретически, возможности правового регулирования возникающих общественных отношений. При этом, обратим внимание на то, что наличие самого уголовного процесса в конкретной правовой системе государства совсем не означает, что он существует в неизменной форме, его универсальность не требует дополнительных характеристик свидетельства или доказательств. Поэтому, его генезис и развитие в историческом аспекте полностью подтверждает неограниченность в плане правового оформления, орга-

низации применения, рассмотрения общих подходов и понятий, юридического толкования и практики применения¹.

Особое место занимает, непосредственно, универсальность общего понятия уголовного процесса, поскольку она представляет достаточно сложный механизм ответной реакции государства на совершенное преступление виновным лицом, которое рассматривается уголовным законом в виде деяния, за которое неминуемо назначается уголовное наказание. Настоящие системообразующие правовые подходы находятся в исключительном балансе взаимодействия с основными положениями международных правовых актов, которые определяют стандарты в области защиты прав человека (Всеобщая Декларация прав человека 1948 г., Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделлы) 2015 г., Декларация ООН о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1975 г.).

Рассматривая правовой смысл наказания, можно представлять, что оно не всегда является своевременным следствием совершенного преступления, так как в каждом государстве можно обозначить преступления, которые в тот или иной момент остаются неизвестными правоохранительным органам и государственной власти. В общем понятии их следует относить к латентным преступлениям. При этом другая часть преступлений может относиться исключительно к числу нераскрытых.

Даже в том исключительном случае, когда сотрудникам правоохранительных органов становится известно об обстоятельствах совершенного преступления, когда имеются все достаточные основания полагать, кто его совершил, этих предположений, как отдельного элемента, влияющего на последующие законные действия государственных органов, недостаточно, поскольку они не обладают еще юридической силой и не могут повлечь за собой назначение уголовного наказания. Для его применения, во всех случаях, необходимо официально возбудить производство по уголовному делу, установить все обстоятельства произошедшего, изобличить виновное лицо, собрать и закрепить доказательства по делу, прямо указывающие на его виновность, подготовить материалы настоящего дела для передачи в суд в установленном порядке, произвести судебное разбирательство и разрешить его по существу в форме вынесения приговора, предоставив кругу лиц, несогласных с ним, возможность обжалования решения в вышестоящие судебные инстанции².

Поэтому, представленная деятельность, которая протекает в установленных процессуальных формах, способна при этом фактически определять и разграничивать момент установления самого преступления от момента принятия решения судом об отсутствии или наличии оснований для привлечения к уголовной ответственности. Такой правовой регулятор дает возможность государственным органам принимать законные решения в независимости от места и тяжести совершенного преступления, круга субъектов их совершивши.

Безусловно, без уголовного процесса совершенные преступления могут иметь свое представление только в латентной форме и иметь характеристики в виде социального феномена, поскольку они не получили официального подтверждения в лице государственных органов. В связи с этим, необходимо понимать, что регистрация любого возможного преступного посягательства неизбежно влечет за собой начало процессуальной деятельности, которая приводит к возбуждению уголовного дела и вынесению судебного решения в форме приговора.

¹ Уголовное право. Практический курс: учебное пособие / под общ. ред. А.Г. Сапрунова. – М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2018. – С. 211.

² Пальчикова, Н.В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела: учебное пособие для обучающихся образовательных организаций юридического профиля / Н. В. Пальчикова; ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2020. – С. 51.

Само определение «процесс» в своем первоначальном виде раскрывает динамику уголовно-процессуальной деятельности и определяет развитие движения уголовного дела при переходе из одной стадии в другую, каждая последующая из которых направлена на приближение окончательного разрешения ситуации в объеме материального уголовного права. Другими словами, латинский перевод термина «процесс» определяет правовое движение по следующей схеме: «от преступления к наказанию».

Нельзя оставить без внимания и другой термин, который употребляется в юридической литературе – уголовное судопроизводство. Его содержание всем знакомо и не вызывает осложнения в понимании. Оно находится в тесном взаимоотношении с научно-техническим прогрессом, который содействует уголовному процессу. До настоящего времени не было совместного понимания применительно к совокупно выраженной формуле: «наука – техника – право – специалист»¹. Необходимо отметить, что в ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ) понятие «уголовное судопроизводство» включает в себя не только досудебное, но и судебное производство по материалам уголовного дела, а также весь порядок уголовного процесса полностью.

По таким основаниям, отметим, что соотношение уголовного права и уголовного процесса определяется в области хрестоматийного разделения современного права на материальное и процессуальное. Ключевым образом выделяется противопоставление парных категорий друг другу в виде правовых дихотомий, раскрывающих содержание материального и процессуального права в виду того, что проводимая аналогия сравнима по своему смыслу с разделением как на публичное и частное право, как право в субъективном и объективном смысле².

Конечно, в условия разграничения уголовного процесса от материального уголовного права положены теоретические общие подходы, основывающиеся на специфичности предмета их регулирования. Отметим, что материальное уголовное право включает в себя нормы, определяющие сущность общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом под угрозой наказания. Это определяется понятием существования нормы о преступлении и неминуемом наказании за его совершение. В свою очередь, уголовно-процессуальное право аккумулирует в себе нормы, описывающие юридические процедуры разрешения ситуаций, которые возникают исходя из указанных уголовно-правовых запретов. Такое право регулирует порядок разрешения спора о преступлениях и наказаниях, отражает особенности расследования уголовных дел.

В то же время, не смотря на закрепленное правовое и современное доктринальное разделение уголовного процесса и уголовного права, между ними классически сохраняется серьезная взаимосвязь. При описании юридических институтов, она определяется как наиболее тесная, потому что данные институты максимально корреспондируют друг другу по возможностям правового применения, взаимодействия.

Отметим, что реализация институционального уголовного права находит свое применение исключительно в уголовно-процессуальной форме. В соответствии с нормами процессуального права, только суд, действующий в рамках уголовного судопроизводства, вправе рассматривать по существу вопросы материально-уголовного права, которые основываются на особенностях совершения преступного посягательства и установлении наказания за него. При этом, особенностью такого правового подхода является то, что в случае совершения общественно опасного посягательства государство возлагает на себя обязанность предоставить потерпевшей стороне и третьим лицам возможность отстоять свою

¹ Багмет, А.М. Уголовно-процессуальное право. Словарь терминов / А.М. Багмет, В.В. Бычков. – Электронные текстовые данные. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – С. 73 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/72437.html> (дата обращения: 06.11.2024 г.).

² Шаталов, А.С. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: академический курс по направлению «Юриспруденция» / А.С. Шаталов, А.А. Крымов. – М.: Проспект, 2018. – С. 602.

позицию и добиться всеми законными способами привлечения виновного к ответственности с назначением ему вида наказания, одновременно гарантируя представление последнему, признанному обвиняемым в рамках уголовного дела, достаточное число прав для своей защиты в рамках обвинения. В целях достижения правовых гарантий для потерпевшего, обвиняемого и общества в целом необходимо применять специальные процессуальные формы и механизмы, которые имеет в своем арсенале только уголовный процесс.

Важным является и то, что ни один из иных судебных процессов (арбитражный, гражданский), действующих в рамках законодательства, ни при каких обстоятельствах не имеет возможности для разрешения вопросов, входящих в область и сферу регулирования материального уголовного права. Поскольку ни один из указанных видов, за исключением уголовного, не имеет возможности для предоставления необходимых правовых гарантий участникам процесса. Данные гарантии и не должны быть предоставлены, поскольку сам механизм направлен на достижение иных целей. Нельзя не обратить внимание на очевидную взаимосвязь корреспондирующих друг друга уголовного и уголовно-процессуального права, поскольку уголовное право реализуется лишь в порядке уголовного судопроизводства, а уголовный процесс способен раскрывать свое применение только для осуществления материального уголовного права. Из этого следует, что в порядке уголовного судопроизводства нет возможности разрешать административные, гражданские и иные споры, за исключением уголовно-правовых.

В качестве примера необходимо отметить, что в объеме судебного процесса по уголовным делам нет возможности одновременно расторгнуть брак, признать лицо недееспособным и отменить принятое административное решение в отношении конкретного субъекта. Единственной прерогативой суда может выступать разрешение об обращении с гражданским иском, которое предъявляется в рамках рассмотрения конкретного уголовного дела. При этом, подобное исключение носит строго ограниченный характер и допускается лишь в том случае, если в объеме совершенного преступного деяния присутствуют признаки гражданского правонарушения.

КАРПОВА ОЛЕСЯ ВЛАДИМИРОВНА
доцент кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, полковник полиции
mir-lesya83@mail.ru

ИСЧИСЛЕНИЕ СРОКА ЗАДЕРЖАНИЯ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ КОДЕКСОВ ОТДЕЛЬНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Вопросы исчисления срока задержания на протяжении многих лет были и остаются предметом особого внимания ученых-процессуалистов. Обращаясь к положениям советского уголовно-процессуального законодательства, можно констатировать, что ст. 122 УПК РСФСР 1960 г. «Задержание подозреваемого в совершении преступления» определяла конституционный срок указанного ограничения в течение 48 часов, какой момент считать началом применения данной меры принуждения законодатель не указывал.

Оценивая действующее нормативное регулирование мер уголовно-процессуального принуждения, можно констатировать, что данный институт более детально регламентирован нормами уголовно-процессуального закона. Законодатель посвятил мерам процессуального принуждения отдельный раздел IV, выделил задержание в отдельную главу 12,

определив в ней основания и порядок задержания подозреваемого, личный обыск подозреваемого, основания его освобождения, порядок содержания под стражей подозреваемых, а также вопросы уведомления о задержании подозреваемого. Большое внимание законодателем уделено и срокам задержания, но до конца не разрешены вопросы исчисления срока задержания, какой момент считать началом его исчисления.

В юридической литературе обозначены основные подходы относительно исчисления сроков задержания. Самый либеральный из них определен моментом фактического задержания. Другие два подхода, чаще применяемые в следственной практике, связаны с моментом доставления лица в органы внутренних дел и с моментом составления протокола¹.

Задержание существенно ограничивает конституционное право лица на свободу передвижения, в связи с чем, порядок исчисления срока задержания должен учитывать права и законные интересы подозреваемого и обеспечивать ему необходимые процессуальные гарантии.

Итак, какие сроки процессуального задержания определены законодателем? Статья 92 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), устанавливающая порядок задержания подозреваемого, определяет, что после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю в срок не более 3 часов должен быть составлен соответствующий протокол. В ч. 1.1 ст. 92 УПК РФ законодатель устанавливает обязательное участие защитника при составлении протокола задержания, при условии его участия с момента фактического задержания. При этом в ст. 92 УПК РФ указано на связь момента доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю и срока составления протокола.

Обратимся к ст. 5 УПК РФ, определяющей основные понятия, используемые в Кодексе. Так, согласно пункту 11 указанной нормы задержание подозреваемого – это мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления. Аналогичный подход определен в ч. 3 ст. 92 УПК Республики Таджикистан, согласно которой начало срока задержания лица исчисляется с момента его фактического задержания.

Моментом фактического задержания законодатель в п. 15 ст. 5 УПК РФ определяет «момент производимого в порядке, установленном настоящим Кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления».

Возникает закономерный вопрос – что понимать под «порядком, установленным настоящим Кодексом»? Ст. 92 УПК РФ, определяющую порядок задержания подозреваемого? Исходя из данной нормы, начало исчисления следует связывать с моментом доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю. Такая позиция представляется логичной, но, полагаем, что она не в полной мере обеспечивает права и законные интересы задержанного лица.

Представляется необходимым разграничить следующие понятия: «процессуальное задержание», «полицейской задержание», «фактическое задержание», «доставление» и «захват». Можно ли говорить об их тождественности в уголовном судопроизводстве? Для анализа указанных категорий обратимся к нормам уголовно-процессуального законодательства отдельных зарубежных стран.

Так, в УПК Республики Казахстан законодатель разделяет доставление как меру процессуального принуждения, определяет её цель и сроки. Более того, согласно ч. 2 ст.

¹ См. подр.: Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: монография. - Омск, 2003. - С. 56-57; Политыко, О.Е. Проблемы теоретико-практической интерпретации срока задержания лица, подозреваемого в совершении преступления / О.Е. Политыко // Современная наука. - 2021. - № 2. - С. 10-12.

129 УПК Республики Казахстан при подтверждении причастности лица к уголовному правонарушению доставление может «перерасти» в «процессуальное задержание», при этом срок доставления включается в общий срок задержания.

Обратим внимание, что законодатель Республики Казахстан оперирует в законе терминами «процессуальное задержание» и «непроцессуальное задержание». Указанное разделение определено, исходя из субъектов, осуществляющих задержание. Так, «непроцессуальное задержание» включает в себя задержание лица, ограничение его свободы передвижения для передачи либо доставления в орган уголовного преследования или иной орган государственной власти, которое вправе произвести потерпевший, а также любой иной гражданин. При этом на законодательном уровне не закреплено – входит ли срок «непроцессуального задержания» в общий срок задержания?

Согласно ч. 5 ст. 128 УПК Республики Казахстан срок задержания лица, подозреваемого в совершении уголовного правонарушения, исчисляется с момента фактического задержания и не может превышать семьдесят два часа. Но, определяя, вопросы нормативной регламентации доставления и называя его мерой процессуального принуждения, законодатель ничего не говорит о фактическом задержании.

В соответствии с ч. 1 ст. 91 УПК Республики Таджикистан задержание лица состоит в доставлении его в орган уголовного преследования и в кратковременном содержании под стражей в специальных местах, определенных законом.

Другой подход прослеживается в уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызской Республики.

Пункт 22 ст. 5 УПК Кыргызской Республики определяет фактическое задержание как момент фактического лишения или ограничения свободы задержанного лица, включая свободу передвижения, принудительное удержание в определенном месте, принудительное доставление в органы дознания и следствия (захват, закрытие в помещении, принуждение пройти куда-либо или остаться на месте и так далее), а также какие-либо иные действия, существенно ограничивающие личную свободу человека, с указанием точного времени, когда указанные ограничения стали реальными, независимо от придания задержанному какого-либо процессуального статуса или выполнения иных формальных процедур.

Согласно ч. 1 ст. 96 УПК Кыргызской Республики, задержание подозреваемого в совершении преступления – это кратковременное фактическое лишение свободы передвижения лица. Усиливая данное положение, в ч. 1 ст. 97 законодатель определяет обязанность органов следствия объявить подозреваемому в момент фактического задержания, в чем он подозревается, а также другие права.

В постановлении о задержании в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 97 УПК Кыргызской Республики указываются дата и место его составления, должность, фамилия, имя лица, составившего постановление, сведения о личности подозреваемого, его физическом состоянии на момент задержания, основания и мотивы, место и время фактического задержания (с указанием часа и минут). Постановление о задержании согласно ч. 3 ст. 97 УПК Кыргызской Республики объявляется подозреваемому и подписывается следователем и задержанным с указанием точного времени фактического задержания подозреваемого.

Таким образом, законодатель Кыргызской Республики все сроки задержания связывает именно с моментом фактического задержания включая в данную категорию захват, закрытие в помещении, принуждение пройти куда-либо или остаться на месте. Важнейшей характеристикой фактического задержания являются реальные ограничения, применяемые к задержанному, независимо от придания ему какого-либо процессуального статуса или выполнения иных формальных процедур.

Создается впечатление, что российское законодательство следует по аналогичному пути развития.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, высказанной в постановлении № 11-П от 27 июня 2000 г. по делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 УПК РСФСР, вынесенном по результатам рассмотрения жалобы гражданина В.И. Маслова, «Конституция Российской Федерации не связывает предоставление помощи защитника с формальным признанием лица подозреваемым или обвиняемым... право на получение юридической помощи адвоката гарантируется каждому лицу независимо от его формального процессуального статуса, в том числе от признания задержанным и подозреваемым, если уполномоченными органами власти в отношении этого лица предприняты меры, которыми реально ограничиваются свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения, — удержание официальными властями, принудительный привод или доставление в органы дознания и следствия, содержание в изоляции без каких-либо контактов, а также какие-либо иные действия, существенно ограничивающие свободу и личную неприкосновенность».

Данная правовая позиция была высказана Конституционным Судом Российской Федерации во время действия УПК РСФСР 1960 года, возникает вопрос – реализована ли она в нормах действующего уголовно-процессуального закона?

О фактическом положении лица говорится в отдельных положениях закона. Так, в ч. 3 ст. 49 УПК РФ законодатель указывает не только на участие защитника в интересах подозреваемого и обвиняемого, но и лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ. Аналогичное положение закреплено в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, согласно которой «лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы...».

Уравнивая положение стороны защиты и стороны обвинения, Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума от 29.06.2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» указал, что «правовой статус лица как потерпевшего устанавливается, исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им».

Таким образом, представляется логичным не связывать исчисление сроков задержания с приданием задержанному какого-либо процессуального статуса. Срок задержания должен исчисляться с момента фактического ограничения лица свободы передвижения, с наличием реальных ограничений, как это определено в уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызской Республики. В данной позиции видится надлежащий механизм предоставления задержанному лицу процессуальных гарантий, связанных с его фактическим положением.

В этой части представляется целесообразным обратиться к правовой природе задержания. В российском законодательстве можно говорить не только о процессуальном, но и о «полицейском» задержании¹. Так, согласно ст. 14 Федерального закона «О полиции» полиция имеет право подвергнуть лицо задержанию на срок до 48 часов. Указанный срок исчисляется с момента фактического ограничения свободы передвижения лица. При этом законодатель не конкретизирует – что понимать под фактическим ограничением свободы.

Кодекс об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ) разделяет срок доставления и срок административного задержания. Согласно ч. 2 ст. 27.2 КоАП РФ доставление должно быть осуществлено в возможно короткий срок.

¹ Десятова, О.А. К вопросу о полицейском задержании / О.А. Десятова // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2021. - № 4. - С. 53-55.

Срок административного задержания в соответствии с ч. 1 ст. 27.5 КоАП РФ не должен превышать три часа, а в случаях, предусмотренных частями 2 и 3 указанной статьи лицо может быть подвергнуто названному ограничению на срок не более 48 часов. Срок административного задержания лица исчисляется с момента его доставления (ч. 4 ст. 27.5 КоАП РФ).

Период времени, затраченный на доставление лица, не входит в срок административного задержания в случае его применения. Данная позиция вызывает сомнения, поскольку доставляемое лицо с момента его фактического задержания в целях доставления ограничено в свободе передвижения. В связи с этим представляется правильным исчислять срок административного задержания с момента фактического лишения свободы, а срок, затраченный на доставление, должен входить в срок административного задержания в случае его применения.

Говоря о сроке задержания, в положениях российского уголовно-процессуального законодательства установлен конституционный срок – «до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов» (ч. 1 ст. 10 УПК РФ, ч. 2 ст. 22 Конституции РФ). Возможность продления срока задержания в отечественном уголовном судопроизводстве допускается только в одном случае. Такая ситуация может возникнуть при обращении органов расследования в суд с ходатайством об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Одним из решений суда по поступившему ходатайству является постановление о продлении срока задержания. Вынесение данного решения допускается при условии признания судом задержания законным и обоснованным на срок не более 72 часов с момента вынесения судебного решения по ходатайству одной из сторон для представления ею дополнительных доказательств обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. В постановлении о продлении срока задержания указываются дата и время, до которых продлевается срок задержания. Однако данную процедуру нельзя назвать классическим продлением срока задержания.

В УПК Республики Узбекистан нормативно закреплена процедура продления срока задержания. Так, согласно ч. 1 ст. 226 УПК Республики Узбекистан срок задержания составляет не более сорока восьми часов с момента фактического задержания лица (момент фактического ограничения его прав на свободное передвижение). Как и в уголовно-процессуальном законе Кыргызской Республики мы видим особое внимание законодателя Республики Узбекистан к фактическому ограничению свободы, когда эти ограничения стали реальными. Далее в названной норме УПК Республики Узбекистан законодатель определяет возможность продления срока задержания дополнительно на 48 часов по решению суда при представлении необходимых и достаточных обоснований со стороны дознавателя, следователя или прокурора.

Такая позиция представляется вполне обоснованной, в связи с чем считаем целесообразным в российском уголовно-процессуальном законодательстве рассмотреть возможность продления срока задержания на основании судебного решения дополнительно на 48 часов. Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Статья 6 УПК РФ наряду с защитой прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, назначением отечественного уголовного судопроизводства провозглашает защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Полагаем, что действующее нормативное регулирование исчисления срока задержания в российском уголовном судопроизводстве не обеспечивает надлежащую реализацию прав лица, в отношении которого применяется задержание в порядке, предусмотренном статьями 91, 92 УПК РФ.

2. Представляется возможным внести изменения в нормы УПК РФ, изложив п. 15 ст. 5 в следующей редакции: «момент фактического задержания – момент фактического лишения или ограничения свободы задержанного лица, включая свободу передвижения, принудительное удержание в определенном месте, принудительное доставление в органы внутренних дел (захват, закрытие в помещении, принуждение пройти куда-либо или остаться на месте), а также какие-либо иные действия, существенно ограничивающие личную свободу человека, с указанием точного времени, когда указанные ограничения стали реальными, независимо от придания задержанному какого-либо процессуального статуса».

3. Считаю целесообразным рассмотреть на законодательном уровне возможность продления срока задержания на основании судебного решения дополнительно на 48 часов.

Кульчарова Альбина Владимировна

преподаватель кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД
России, кандидат юридических наук, подполковник полиции
albi_cha@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ОПОЗНАНИЯ В СЛУЧАЯХ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ВИЗУАЛЬНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ ОПОЗНАВАЕМОМ ОПОЗНАЮЩЕГО

Предъявление для опознания – одно из главных следственных действий в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и Республики Таджикистан. Значение данного следственного действия обусловлено важностью и ценностью доказательственной информации, получаемой при его успешном проведении¹. В Российской Федерации оно проводится в строгом соответствии с требованиями статьи 193 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). В Республике Таджикистан порядок предъявления для опознания урегулирован нормами статей 205-206 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (далее – УПК РТ). По уголовно-процессуальному законодательству обеих республик данное следственное действие состоит в предъявлении опознающему объекта, который он видел при интересующих органы предварительного расследования, прокурора и суд обстоятельствах, в целях установления тождества, сходства или различия предъявленного объекта с ранее увиденным.

Объектами опознания могут быть человек, предмет, фотография живого лица или предмета, труп, которые опознающий ранее видел и может идентифицировать по каким-то приметам или особенностям, свойственным опознаваемому объекту.

Одной из разновидностей данного следственного действия является предъявление лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего. Оно проводится при необходимости обеспечения безопасности, опознающего в условиях, исключающих визуальное наблюдение. При этом в протоколе следственного действия могут не указываться данные о личности опознающего. В данном случае по УПК РФ опознающему присваивается псевдоним, что по УПК РТ прямо и непо-

¹ Маевский, С.С., Дударев В.А. Порядок предъявления для опознания по уголовно-процессуальному законодательству России и некоторых стран СНГ: сравнительный анализ / С.С. Маевский, В.А. Дударев // Международное уголовное право и международная юстиция. - 2021. - № 1. - С. 26-29.

средственно не указано¹. Сложность обеспечения выполнения следственного действия в указанных условиях является одной из первых проблем данного вида опознания, так как не у каждого должностного лица рабочее место оборудовано специальными помещениями, исключающими визуальное наблюдение опознаваемым опознающего.

Следующая актуальная проблема производства названного следственного действия связана с неукоснительным соблюдением установленного ч. 4 ст. 193 УПК РФ и ч. 1 ст. 206 УПК РТ требования – предъявлять опознаваемого в числе не менее трех лиц (статистов), имеющих с ним внешнее сходство. Выполнение данного условия обязательно, так как его соблюдение способствует получению объективных результатов при опознании лица и положительно скажется на качестве уголовного судопроизводства. Подбор статистов должен быть проведен в соответствии с требованием о сходстве предъявляемых для опознания лиц с опознаваемым по росту, телосложению, форме и чертам лица, цвету волос, причёске, возрасту, фасону и цвету одежды, другим особенностям внешнего вида. Очень важно, чтобы была соблюдена объективность в процессе опознания и участвующие в качестве статистов лица были внешне схожи по опознаваемым признакам с опознаваемым. Непременно следует учитывать наличие особых, отличительных примет у опознаваемого лица, что затрудняет поиск и подбор сходных с ним лиц (статистов).

Немаловажной представляется нам следующая проблема производства предъявления лица для опознания. Она заключается в расстановке участвующих в предъявлении для опознания лиц в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым. Законодатели обеих стран предписывают только местонахождение понятых, обязав их присутствовать в одном месте с опознающим. Но местонахождение защитника подозреваемого (обвиняемого) лица, в случае необходимости опознания его доверителя опознающим, до настоящего времени в УПК РФ и УПК РТ не обозначено, хотя Конституционный Суд РФ еще в 2008 году определился в данном вопросе, разъяснив, что защитник присутствует в том же месте, что и его подзащитный, обеспечивая право последнего на квалифицированную юридическую помощь, присутствие же его в помещении, в котором находится опознающий, снижает эффективность обеспечения безопасности опознающего².

Следующая проблема видится нам в поиске незаинтересованного в исходе следственного действия лица, которое осуществит приглашение опознающего лица в кабинет, где находится опознаваемый. Приглашение опознающего кем-либо из участников следственного действия может создать условия, при которых последний сможет подсказать опознающему какое место занял опознаваемый перед началом опознания среди предъявляемых лиц. Некоторые полагают, что вызвать в кабинет опознающего может понятой или иной незаинтересованный в исходе уголовного дела человек, мы считаем, что это вполне может сделать, не выходя из кабинета, должностное лицо, проводящее анализируемое следственное действие (например, по телефону).

Центральным моментом опознания является правильное проведение процедуры опознания. Рассмотрим кратко ключевые моменты. Первоначально опознающий должен ответить на вопрос должностного лица, проводящего опознание, «опознает ли он предъявляемое лицо» и в случае опознания назвать по каким именно признакам он его опознал и

¹ Дмитриева, А.А. Правовое регулирование процесса обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в нормах УПК Республики Таджикистан / А.А. Дмитриева // Международное уголовное право и международная юстиция. - 2015. - № 6. - С. 20-22.

² Определение Конституционного Суда РФ от 18.12.2008 № 1090-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Орлова Дмитрия Игоревича на нарушение его конституционных прав положением части 8 статьи 193 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_88734/?ysclid=m3fqz6iba0368898576 (дата обращения: 10.10.2024).

при каких обстоятельствах он видел этого человека. В процессе описания внешности человека, опознающий описывает основные отличительные признаки между предъявляемыми для опознания лицами (данные о росте, телосложении, особенностях лица и его отдельных частей, наличие особых примет, описание одежды). Если же опознающий не опознает опознаваемого, должностное лицо, производящее опознание, должно уточнить у опознающего «почему он никого не опознал?» и получить развернутый ответ о причине, которая может заключаться, например, в том, что среди представленных для опознания лиц нет человека, совершившего в отношении него противоправные действия или же опознающий сомневается в своем выборе.

По результатам опознания опознающему могут быть заданы уточняющие вопросы, в том числе, где и при каких обстоятельствах опознающий видел опознаваемое лицо. В случае опознания одного из представленных лиц, последний должен представиться, как правило, самостоятельно. А в случае его отказа сообщать свои личные данные, фамилию опознанного за него должно назвать должностное лицо, проводящее следственное действие.

Все сведения, касающиеся хода и результатов следственного действия, его участников, условий, времени, места производства и используемых технических средств подлежат занесению в протокол. В заключительной части протокола указываются заявления и замечания участников следственного действия по поводу его проведения. В случае поступления от кого-то из участников вопросов друг к другу, сами вопросы и ответы на них также вносятся в протокол. По окончании составления протокол оглашается или по желанию прочитывается всеми участниками следственного действия и подписывается опознающим, опознаваемым, понятыми, другими участниками и непосредственно самим должностным лицом, проводившим обозначенное следственное действие.

Таким образом, перечисленные проблемы производства опознания в случаях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего, носят как организационный, так и процессуальный характер, связанный с соблюдением установленного УПК РФ и УПК РТ порядка его проведения и мер государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства.

КУФЛЕВА ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВНА

доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: val_swatc@mail.ru

«СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ» КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ

«Свершение преступления» - одно из важнейших инструментальных понятий уголовного права, наполненное вместе с тем глубоким уголовно-политическим и теоретическим содержанием, демонстрируя имеющиеся (или отсутствующие) ограничения для признания того или иного лица именно совершившим преступление и отражая нормативные представления о границах внешней свободы человека.

Признавая преступлением лишь внешне объективированное деяние, отражающее помыслы, волю, намерения человека, законодатель, правоприменитель и исследователь права закономерно встают перед вопросом о вычленении этого деяния из общей массы поведенческих реакций человека, об определении его внешних границ в единой и неразрывной линии человеческой активности, о моменте перехода внутренних намерений во внешний акт деяния и его завершения.

Решение этого вопроса с необходимостью предполагает подключение категории «процесс» для познания и правовой оценки человеческого поведения. Совершение преступления как поведенческий процесс является предметом изучения не только психологии, но и многих наук криминального цикла, которые препарировать его с учетом собственных целевых установок и методологических принципов. Для решения уголовно-правовых проблем наиболее значимыми здесь представляются достижения криминологии и криминалистики. В каждой из этих отраслей знания разработано понятие механизма совершения преступления, призванного подчеркнуть именно процессный характер деятельности виновного лица.

В криминологии является общепризнанным положение о том, что понятие «поведение» шире, чем «действие», «бездействие» или «поступок», ибо охватывает и предшествующим им стадии активности, а также тезис о наличии определенной структуры преступного поведения, которая последовательно разворачивается в соответствии с логикой внутренних (психических) процессов и внешних (объективных) обстоятельств времени и места. Традиционно к основным элементам механизма преступления криминологи относят: условия нравственного формирования личности, мотивацию, конкретную жизненную ситуацию, решение о совершении преступления и сам процесс совершения преступления (поведенческий акт). При этом криминологи подчеркивают, что фактическое преступное поведение, то есть исполнение состава преступления исследуется не самой криминологической наукой, а уголовным правом в аспекте ответственности виновного лица за содеянное¹.

В теории уголовного права представления о механизме преступного поведения трансформируются в учение об этапах или стадиях развития преступления, к каковым относят возникновение умысла, обнаружение умысла, принятие решения о совершении преступления, приготовление к преступлению, покушение на преступление, оконченное преступление². Традиционно подчеркивается при этом, что первые три этапа не имеют уголовно-правового значения в силу общепризнанного принципа уголовного права «*cogitationis poenam nemo patitur*»³.

Таким образом, специалисты в области криминологии и уголовного права едины в понимании того, что в общем ряду последовательных действий, которые характеризуют преступное поведение, вычлениют некий его этап – «фактическое совершение», связывая его признаки с признаками состава преступления, и именуя его именно совершением или непосредственным совершением преступления.

Важно обратить внимание, что такой взгляд нашел прямое отражение в тексте уголовного закона. Согласно ч. 1 ст. 30 УК РФ приготовление рассматривается не как совершение преступления, а как «умышленное создание условий для совершения преступления». В соответствии с ч. 3 ст. 30 УК РФ покушение также не есть совершение преступления, но лишь «действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления». Только исполнение преступления, в соответствии с ч. 2 ст. 33 УК РФ, образует «непосредственное совершение преступления».

Буквальное толкование этих нормативных предписаний приводит к однозначному выводу о том, что, как минимум, приготовление к преступлению, и действия лиц, не являющихся исполнителями преступления, не охватываются понятиями «совершение преступления» и «непосредственное совершение преступления», расположены за его рамка-

¹ Кудрявцев В.Н. Генезис преступления: опыт криминологического моделирования. Учеб. пособ. М.: Форум – Инфра-М, 1998. С. 17, 122.

² Цепелев В.Ф. Проблемные вопросы стадий преступления и их значение для деятельности органов внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. М., 2017. С. 41–43.

³ Маликов С.В. Неоконченное преступление: проблемы теории и практики // Право и управление. 2023. № 2. С. 195.

ми.

Такой вывод нельзя рассматривать только как итог формально-логических, лингвистических упражнений. Он имеет и весьма значимое, принципиальное последствие. Дело в том, что согласно буквальному толкованию ст. 8 УК РФ, основанием уголовной ответственности является не деяние как таковое, а именно «совершение» деяния. Концепт «совершение» употреблен здесь не случайно. Если бы законодатель не придавал ему значения, он мог бы ограничиться в ст. 8 УК РФ упоминанием о том, что основанием ответственности является деяние. Но поскольку некоторые криминальные практики самим законом не признаются «совершением» преступления, вполне закономерно, что они не могут рассматриваться и в качестве основания ответственности, так как в отсутствие факта «совершения» установить в нем наличие состава преступления не представляется возможным.

В уголовно-правовой литературе этот вопрос, хотя и с другой аргументацией, и при других обстоятельствах, уже поднимался. Об отсутствии состава преступления в предварительной преступной деятельности и в действиях соучастников прямо писал Б.С. Никифоров¹. По мнению А.Н. Трайнина в покушении на преступление отсутствует один из элементов состава, а именно последствия, а в приготовлении отсутствуют все элементы состава (за исключением умысла и действия, не входящего в состав)². В наши дни эту мысль поддержала Т.Г. Жукова, которая полагает, что «при привлечении лица за совершение «неоконченного преступления» к уголовной ответственности правоприменитель нарушает ст. 8 УК РФ, закрепляющую, что единственным основанием привлечения лица к уголовной ответственности является совершения им деяния содержащего все признаки состава преступления, предусмотренные УК РФ»³. Аналогичные суждения высказывались и в части понимания оснований ответственности соучастников. И.П. Малахов, к примеру, писал, что в поведении соучастников нет состава преступления и им вменяется состав преступного действия исполнителя, поскольку они облегчают его деяния⁴. В условиях действующего закона В.В. Васюков указывает, что характер поведения соучастников проявляется в содействии совершению преступления, при отсутствии в их деянии состава преступления, предусмотренного статьей Особенной части УК РФ⁵.

Современная доктрина, как представляется, недооценивает (или игнорирует) имеющиеся особенности законодательного текста, когда вслед за Н.Д. Дурмановым признает наличие особых составов приготовления к преступлению и покушения на преступление⁶, а вслед за Ф.Г. Бурчаком констатирует наличие особых, самостоятельных составов преступлений в действиях каждого из соучастников⁷. Не оспаривая последних утверждений, по существу, полагаем необходимым заметить, что они будут полностью справедливы лишь в том случае, если в неоконченном преступлении и в действиях соучастников усматривать факт именно совершения преступления, а не каких-либо иных

¹ Никифоров Б.С. Об основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик // Важный этап в развитии советского права. Новое общесоюзное законодательство в области уголовного права, судостроительства и судопроизводства: Труды научной сессии ВИЮН. М.: ВИЮН, 1960. С. 32.

² Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М.: Юрид. издат. Минюста СССР, 1946. С. 145, 147, 149.

³ Жукова Т.Г. Уголовная ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005. С. 29.

⁴ Малахов И.П. Соучастие в воинских преступлениях в свете общего учения о соучастии по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1960. С. 14.

⁵ Васюков В.В. Виды соучастников в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008. С. 7.

⁶ Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М.: Гос. издат. юрид. лит., 1955. С. 31.

⁷ Бурчак Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. Киев: Наукова думка, 1969. С. 79–83.

действий, направленных к его совершению, способствующих ему и т.д. На это обстоятельство, рассуждая о приготовлении к преступлению, обратил внимание Ю.Е. Пудовочкин. Он пишет: «законодатель говорит о приготовлении к преступлению, тем самым выводя приготовление за границы преступления. Последнее вряд ли оправданно. Приготовление также представляет собой преступление, а потому лучше использовать термин «приготовление как преступление»¹. Отчетливо это требование воплощено в ст. 10 УК Республики Беларусь «Преступление как основание уголовной ответственности», согласно которой основанием уголовной ответственности является совершение виновно запрещенного настоящим Кодексом деяния в виде: 1) оконченного преступления; 2) приготовления к совершению преступления; 3) покушения на совершение преступления; 4) соучастия в совершении преступления².

Таким образом, главный теоретический вывод, следующий из изложенного, состоит в необходимости уточнения понятия преступного деяния как части процесса преступного поведения. В отличие от устоявшихся криминологических и уголовно-нормативных положений, совершение деяния не должно рассматриваться как финальный акт индивидуального преступного поведения, состоящий в непосредственном выполнении исполнителем действий, образующих, согласно закону, объективную сторону состава оконченного преступления. Совершение преступления – более широкое понятие, охватывающее собой те виды произвольной физической активности лица, которые могут и должны рассматриваться в качестве оснований для возложения на это лицо уголовной ответственности. Концепт «совершение» объемлет собой и действия, которые рассматриваются сегодня законом как «направленные к совершению», и действия, состоящие в «оказании содействия в совершении». Их выполнение не должно рассматриваться как находящееся за пределами «совершения», ибо они суть – особые этапы (или формы) самого совершения преступления.

Правильными в этом контексте представляются рассуждения О.В. Ермаковой о том, что общественная опасность деяния как показатель его вредности должна определяться и применительно к преступлению в целом, и к каждой стадии механизма общественно опасного деяния, и к конкретно совершаемым действиям либо бездействию. Отсюда – ее тезис о неразрывной связи общественно опасного поведения с конструкцией состава оконченного преступления, «возникающей по причине того, что законодатель варьирует юридический момент окончания преступления, передвигая его по оси механизма совершения деяния путем признания преступления оконченным на отдельно избранной стадии»³.

Этот тезис нуждается в уточнении и развитии. Полагаем, стоит дифференцированно подходить к оценке связи опасности конкретных действий по исполнению преступления с конструкцией состава, с одной стороны а с другой стороны, - к оценке общественной опасности стадий механизма общественно опасного деяния (или иначе – стадий развития индивидуального преступного поведения). Последняя значима не столько для выбора конструкции состава преступления, сколько для решения принципиального вопроса о том, какая из этих стадий, отвечая общим признакам внешне объективированного деяния, обладает общественной опасностью. Причем не просто опасностью, а как указал Конститу-

¹ Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении: избранные лекции. М.: Юрлитинформ, 2008. С. 108.

² Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9.07.1999 № 275-З. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (дата обращения: 14.01.2025).

³ Ермакова О.В. Концептуальные основы отражения общественно опасного деяния и механизма его совершения в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2023. С. 13–14.

ционный Суд РФ, «криминальной общественной опасностью»¹, то есть достаточной для применения к виновному лицу мер уголовной ответственности. Как показывает анализ закона, такая достаточная опасность обнаруживается не только на стадии непосредственного исполнения преступления, но и на более ранних этапах механизма индивидуального преступного поведения, связанных с планированием и подготовкой к совершению преступления.

Несмотря на состоявшиеся законодательные решения, в теоретическом плане вопрос о криминальной опасности обнаружения умысла, планирования и приготовления к совершению преступления, о возможности признания этих действий «совершением» преступления, оставляет широкое поле для дискуссии², в рамках которой некоторыми специалистами высказываются, с одной стороны, мысли о необходимости полной декриминализации приготовления к преступлению и установлению «точечных» норм в Особенной части УК РФ, предусматривающих ответственность за отдельные приготовительные действия как за оконченное преступление³; а с другой стороны, - тезис о «выведении» приготовления к преступлению их разряда видов неоконченного преступления (и преступления вообще) с конструированием в законе отдельной главы о наказуемости приготовления как самостоятельного вида криминальной практики, отличной от совершения преступления⁴. Если соотнести эти предложения с учением о механизме индивидуального преступного поведения, не сложно заметить, что в первом случае автор высказывается за криминализацию лишь последней стадии этого механизма (непосредственного совершения преступления), а во втором – о самостоятельной и раздельной криминализации двух различных по природе стадий – приготовления к преступлению и непосредственного совершения преступления.

Представляется, что каждое из этих решений сопряжено с некоторыми весьма существенными издержками. Первое грозит пробелами в криминализации объективно опасной приготовительной деятельности, второе – требует удвоения нормативных предписаний об основаниях уголовной ответственности. Ни с тем, ни с другим в полной мере согласиться невозможно.

Потому, считаем, что предложенная корректировка понимания термина «совершение», предполагающая включение в объем понятия и приготовления, и непосредственного исполнения, представляется более оправданной, выступая и как своего рода компромисс между рассмотренными подходами, и как теория, в большей степени соответствующая нормативным решениям.

И приготовление, и последующее исполнение преступления представляют собой единый процесс деятельности виновного лица, границы между стадиями которого устанавливаются законодателем на основе различий в оценке их общественной опасности. Единство же самого процесса «совершения» заставляет некоторых юристов искать для его

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гафитулиной Таисии Ивановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 1 Федерального закона от 3 июля 2016 года N 323-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: Определение Конституционного Суда РФ от 26.10.2017 № 2257-О. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision300640.pdf> (дата обращения: 14.01.2025).

² Обстоятельный обзор позиций по вопросу о том, является ли приготовление к преступлению преступлением либо нет, см., например: Бабий Н.А. Учение о стадиях преступления и неоконченных преступлениях. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 500–509. Обзор мнений о возможных подходах к оценке обнаружения умысла, см., например: Умалатова Д.М. К вопросу о месте обнаружения умысла в системе стадий совершения преступления // Государственная служба и кадры. 2023. № 2. С. 268–271.

³ См., например: Гринь М.В. Неоконченное преступление: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 86–90.

⁴ Килимбаев Р.В. О наказуемости приготовления к преступлениям // Евразийский юридический журнал. 2016. № 2 (93). С. 304–305.

обозначения адекватный уголовно-правовой термин, который позволил бы охватить собой и приготовление к преступлению, и собственно преступление, и исполнение, и соучастие. Как уже отмечалось, белорусский законодатель использует в этих целях понятие «виновное запрещенное кодексом деяние». Оригинальное решение было предложено В.В. Сверчковым, который пишет, что в качестве термина более широкого по отношению к термину «преступление», позволяющего охватить и поведенческие акты, заслуживающие уголовной ответственности, но не являющихся собственно преступлением, и само преступление, следует использовать термин «преступное посягательство». «Преступное посягательство представляет собой виновное общественно опасное поведение физического лица, выраженное в приготовлении к преступлению, покушении на преступление или осуществлении преступления. ответственность за которое предусмотрена Уголовным кодексом»¹.

Однако, поиск дополнительных терминов едва ли можно признать рациональным занятием. Имеющегося в законе понятия «преступление» вполне достаточно для обобщенной уголовно-правовой характеристики и приготовительных действия, и действий, связанных с непосредственным исполнением запрещенного законом деяния. Уголовное право в этом смысле имеет основания для автономного от криминологии понимания термина «совершение», руководствуясь собственными задачами по оценке общественной опасности выраженных вонне поступков человека.

Предложение понимание концепта «совершение» удачно коррелирует с криминалистическим представлением о механизме и способе совершения преступления. Одно из первых, сформулированных в криминалистической науке определений механизма совершения преступления гласило: «под механизмом преступления понимается процесс совершения преступления, в том числе его способ и все действия преступника, сопровождающиеся образованием следов материальных и не материальных, могущих быть использованными для раскрытия и расследования преступления»². Р.С. Белкин, В.Ф. Ермолович конкретизировали способ совершения преступления как систему действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, предопределенных условиями внешней среды и психофизическими свойствами личности³. Как видим, в криминалистике способы подготовки преступления принципиально не выводятся за границы способов исполнения преступления, а понятием механизма совершения преступления охватывается как стадия непосредственного исполнения деяния, так и предшествующие ей этапы, имеющие уголовно-правовое (не криминологическое!) значение.

Предложенный подход к толкованию концепта «совершение» оправдан не только в целях теоретического согласования криминологических, криминалистических и уголовно-правовых представлений о процессе совершения преступления. Он имеет и сугубо прикладное значение. В современных условиях адекватное понимание термина «совершение» наиболее ярко проявляет себя, в частности, при решении вопросов, связанных с конфискацией орудий и средств совершения преступления (п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ, п. «г» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ). Правильное понимание термина «совершение» позволяет решить и вопрос о круге предметов, используемых при «совершении».

Приведем в качестве иллюстрации одно из судебных решений, не оспаривая его по существу (оно обоснованно и законно), но обращая внимание на аргументацию.

Подсудимый был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного

¹ Сверчков В.В. Соотношение понятий «состав преступления», «преступление» и «преступное посягательство» // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17. С. 255–256.

² Криминалистика. Учебник / отв. ред. А.Н. Васильев. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. С. 7–8.

³ Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юристъ, 1997. С. 131–133; Ермолович В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. Минск: Амалфея, 2001. С. 38.

ст. 205⁶ УК РФ, и осужден за несообщение в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщение о преступлении, о лице, которое по достоверно известным ему сведениям совершило преступление террористического характера. Как следует из фактических обстоятельств, установленных в судебном заседании, подсудимый ознакомился в интернет-мессенджере «Telegram» с размещенной гражданкой Л. текстовой публикацией, и умышленно бездействуя не сообщил о совершенном этой гражданкой преступлении в органы власти. При постановлении приговора суд принял решение мобильный телефон оставить по принадлежности подсудимому по вступлению приговора в законную силу. В этой части приговор был обжалован прокурором, который настаивал на необходимости конфискации телефона в качестве орудия совершения преступления. Отказывая в удовлетворении апелляционного представления, суд апелляционной инстанции отметил, что по смыслу закона, под орудиями преступления понимаются предметы и вещи, с помощью которых было совершено преступление и непосредственно использованные в процессе совершения преступления в целях достижения преступного результата, при условии, что их использование имело непосредственное отношение к исполнению действий, образующих объективную сторону состава преступления. В рассматриваемой же ситуации мобильный телефон был использован осужденным как средство связи и для получения информации. Данные действия в объективную сторону инкриминируемого подсудимому преступного деяния не входят. А потому и признавать телефон орудием совершения преступления нет оснований¹.

Поддерживая итоговый вывод суда, заметим, что его аргументация не вполне обоснована и в случае придания ей универсального характера может повлечь за собой неправильное применение закона. Если ограничивать содержание понятия «совершение» только и исключительно действиями, образующими объективную сторону преступления, нормы закона о конфискации орудий и средств совершения преступления будут неприменимы к ситуациям приготовления к преступлению, а также к ситуациям использования каких-либо орудий или средств соучастниками преступления, которые объективной стороны состава преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ не выполняют.

В связи с этим надо обратить внимание на положение п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве»², согласно которому к орудиям, оборудованию или иным средствам совершения преступления следует относить предметы, которые не только использовались при совершении преступного деяния, но также и те, что были предназначены для достижения преступного результата. К ним, частности, Пленум относит различные электронные устройства, с использованием которых обвиняемый подыскал соучастников преступления, вступил с ними в сговор и обсуждал детали преступления, то есть выполнял действия, расположенные за пределами нормативных границ объективной стороны оконченного преступления, и относящиеся по своей природе к подготовительным действиям или деяниям соучастников преступления.

Широкое толкование понятия «совершение преступления» используется Пленумом Верховного Суда РФ и в ином постановлении, при обсуждении вопроса о возможности вменения подсудимым такого квалифицирующего признака, как «совершение преступления с использованием сети Интернет». Пленум, в частности, указывает: «преступление

¹ Апелляционное постановление Приморского краевого суда № 22-5836/2023 от 13.11.2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/cq0GAlrVhgQT/?regular-txt=®ular-case_doc=1-533%2F2023®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_=1715499635565 (дата обращения: 14.01.2025).

² О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 № 17 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 8.

квалифицируется как совершенное с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», независимо от стадии совершения преступления, если для выполнения хотя бы одного из умышленных действий, создающих условия для совершения соответствующего преступления или входящих в его объективную сторону, лицо использовало такие сети»; «по указанному признаку квалифицируется и совершенное в соучастии преступление, если связь между соучастниками в ходе подготовки и совершения преступления обеспечивалась с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» (например, при незаконном сбыте наркотических средств обеспечивалась связь между лицом, осуществляющим закладку наркотических средств в тайники, и лицом, передавшим ему в этих целях наркотические средства)»¹.

Настаивая на широком толковании термина «совершение», не следует игнорировать то, что в его рамках исполнение преступления занимает особое место, характеризуя действия исполнителя по выполнению объективной стороны состава оконченного преступления. Соответствующие уточнения приобретают особое значение при установлении признаков соисполнительства (когда подсудимые должны исполнять именно объективную сторону преступления, иметь сговор до момента начала исполнения²), при решении вопросов, связанных с оценкой способа именно исполнения преступления (например, применения насилия именно в процессе совершения действий, образующих объективную сторону преступления, но не после и не до этого момента³).

Правильное понимание термина «совершение», с одной стороны, охватывающего этапы приготовления и исполнения, действия исполнителя и иных соучастников, а с другой стороны, не исключающего специальной оценки собственно исполнительских действий по выполнению объективной стороны преступления, выступает, таким образом, условием правильного толкования и применения уголовного закона.

Лифанова Лилия Геннадьевна

профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент
laliy@mail.ru

НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ НОРМ О ТАЙНЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 3.

² Приговор Рыбинского городского суда Ярославской области № 1-432/2023 от 9.10.2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/PlelmlvXVTQC/?page=4®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=1-225%2F2023®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=&_=1715505088621®ular-judge= (дата обращения: 14.05.2024); Приговор Ульяновского областного суда № 2-6/2023 от 5.10.2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Vi3cVlWuEdm6/?regular-txt=®ular-case_doc=2-6%2F2023®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_=1715505253080 (дата обращения: 14.01.2025).

³ Приговор Заинского городского суда Республики Татарстан № 1-106/2023 от 25.10.2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/kMb9xvUxsNNI/?page=2®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=1-106%2F2023+®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=&_=1715505642933®ular-judge= (дата обращения: 14.01.2025).

Эффективность достижения целей уголовного судопроизводства обусловлена множеством факторов, среди которых важное место занимает соблюдение тайны предварительного расследования. Разглашение данных расследования может привести к утрате доказательств, нарушению интересов участников процесса и препятствовать принятию законного и обоснованного итогового решения по уголовному делу.

Уголовно-процессуальное законодательство России и Таджикистана соблюдение следственной тайны относят к общим условиям предварительного расследования (ст.161 УПК РФ, ст. 177 УПК РТ).

Подходы к пониманию сути конфиденциальности данных предварительного следствия разнятся. Отдельные авторы ограничивают следственную тайну предметом доказывания¹, другие полагают, что это всякая информация, находящаяся в распоряжении дознания и следствия².

Согласно позиции Конституционного Суда РФ, тайну предварительного расследования образуют сведения, охраняемые уголовно-процессуальным и уголовным законами, содержащиеся в материалах уголовного дела, разглашение которых создает реальную или потенциальную опасность причинения ущерба расследованию по уголовному делу, нарушения прав и законных интересов как участников уголовного судопроизводства, так и лиц, не являющихся его участниками³.

В юридической литературе неоднократно обсуждался вопрос о необходимости формирования исчерпывающего списка сведений, которые подпадают под понятие «следственная тайна»⁴. Критики этого подхода обоснованно отмечали, что искусственное ограничение объема информации, составляющей тайну предварительного расследования, приведет к избыточной терминологической нагрузке на нормы уголовного и уголовно-процессуального права, а также ограничит усмотрение следователя при отобрании подписки о неразглашении данных предварительного расследования⁵. Будучи сторонниками второй точки зрения, полагаем, что нормативное закрепление термина тайны предварительного следствия необходимо. Приведенное выше толкование рассматриваемого понятия, содержащееся в Определении Конституционного Суда, вполне может послужить основой анализируемого термина. Однако в него следует внести определенные уточнения.

В первую очередь, стоит обратить внимание на некорректность самой дефиниции – «тайна предварительного расследования», которая используется в нормах РФ⁶. Применительно к анализируемому смыслу законодатель Республики Таджикистан в ст. 177 УПК РТ применяет термин «предварительное следствие», а в ст.361 УК РТ – «дознание или предварительное следствие». Рассматриваемое понятие в ч. 5 ст. 60 УПК РТ подменяется термином «сведения следственных материалов».

¹ Игнатов, С.Д. Следственная тайна и ее пределы / С.Д. Игнатов // Правовая реформа и проблемы ее реализации: Тез. докл. и сообщ. регион. науч.-практ. конф., 14-15 сент. 1989 г. – Краснодар, 1989. – С. 257

² Преступления против правосудия / Горелик А.С., Лобанова Л.В. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. – С. 154.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 6 октября 2015 г. № 2444-О «По жалобе гражданина Дворяка Владимира Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53, статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 310 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. - (Дата обращения: 22.12.2024)

⁴ Петрухин, И.Л. Личные тайны (человек и власть). – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1998. – С. 205.

⁵ Маслов, А.Е. Следственная тайна как средство преодоления противодействия расследованию: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 // А.Е. Маслов. – Воронеж, 2001. – С. 100

⁶ См.: ст. 161 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ, а также ст. 310 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996, № 63-ФЗ.

В классическом понимании предварительное расследование – это самостоятельная стадия уголовного судопроизводства, которая следует за стадией возбуждения уголовного дела. Сказанное должно исключать запрет на разглашение следственной тайны до официального начала расследования. В то же время ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ дает право властному субъекту доследственного производства отбирать в порядке ст. 161 УПК РФ подписку о недопустимости разглашения сведений, ставших известными при проверке сообщения о преступлении. Это означает, что уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ может быть привлечено лицо даже в случае, если уголовное дело о преступлении, факт которого проверялся, не будет возбуждено.

Сказанное обнаруживает потребность в совершенствовании норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства в плане замены термина «тайна предварительного расследования» на «тайну досудебного производства».

Во-вторых, необходима ясность относительно круга лиц, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ. Закон обозначает их как «участников уголовного судопроизводства», исчерпывающий перечень которых содержится в тексте уголовно-процессуального кодекса РФ. Конкретизация обязанности о неразглашении следственной тайны содержится в п. 3 ч. 5 ст. 42 УПК, ч. 6 ст. 44 УПК, ч. 3 ст. 53 УПК и др. Одновременно закон не регламентирует процессуальные статусы заявителя, лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, статистов (например, при опознании), лица, у которого отбирается объяснение. Правоприменитель сталкивается с коллизией норм ст. 161 УПК РФ, ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, ст. 310 УК РФ. Перечисленные субъекты юридически не являются участниками уголовного судопроизводства, однако, бремя неразглашения сведений досудебного производства на них может быть возложено под угрозой уголовного наказания. В этой связи полагаем целесообразным внести коррективы в ст. 161 УПК РФ, заменив термин «участники уголовного судопроизводства» на «участников досудебного производства, в том числе с неопределенным процессуальным статусом». Также нормативно следует сделать исключения из перечня лиц, обязанных соблюдать тайну следствия. Согласно позиции Конституционного Суда РФ – это подозреваемый и обвиняемый¹. В свете анализируемых нами проблем, сюда же должно быть включено лицо, в отношении которого проводится доследственная проверка.

Дискуссионным остается вопрос об отнесении адвоката-защитника к потенциальным субъектам преступления, предусмотренного ст.310 УК РФ. С точки зрения законодателя – от адвоката может быть отобрана подписка о неразглашении данных предварительного расследования. С позиции реализации права на защиту и выполнении адвокатом своих функций – все достаточно сложно. Принятое адвокатом обязательство о соблюдении тайны следствия может явиться препятствием для сбора и представления доказательств по уголовному делу. Адвокат, по сути, лишается возможности проводить опросы лиц с их согласия, обращаться за помощью к специалистам (п.п. 2, 3 ст. 3 ФЗ от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»). Прежде чем совершить такие действия, адвокат должен заручиться разрешением от следователя. В тоже время адвокат не обязан осведомлять следователя об имеющихся у стороны защиты доказательствах, если

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2004 № 467-О «По жалобе гражданина Пятничука Петра Ефимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 46, 86 и 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2020 № 2065-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гарина Олега Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 26.10.2021 № 2144-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Брянцева Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 22.12.2024)

он планировал их оглашение в суде. Представляется, что защитник должен быть исключен из перечня лиц, обязанных хранить тайну предварительного следствия, так как такая обязанность не соотносится с принципом равноправия сторон в уголовном процессе.

Аналогичный парадокс обнаружен нами в УПК РТ: согласно ч. 8 ст. 53 УПК РТ «за разглашение данных дознания или предварительного расследования без разрешения органа, ведущего уголовное судопроизводство, защитник несет ответственность в соответствии со статьей 361 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, если он был предупрежден об этом органом уголовного преследования...». Повторимся, защитник должен быть свободен от необходимости соблюдать тайну следствия.

В-третьих, проблема нормативной регламентации ответственности за разглашение данных предварительного следствия нам видится в конструкции объективной стороны ст. 310 УК РФ. Диспозиция названной нормы не включает в себя общественно-опасные последствия, а, следовательно, состав преступления формальный¹. В тоже время Конституционный Суд Российской Федерации разъясняет, что при решении вопроса об ответственности за разглашение данных предварительного расследования органам уголовного преследования надлежит «...учитывать не только сам факт разглашения..., но и существо разглашенных данных, их соотношение с интересами предварительного расследования и (или) правами и законными интересами участников уголовного судопроизводства, которым причинен вред или которые находятся под угрозой причинения вреда...»².

В правовой литературе данная позиция Конституционного Суда РФ находит поддержку³. Мы также полагаем, что если разглашение данных предварительного расследования не повлекло за собой негативных последствий, то факт разглашения не должен признаваться преступным. В этой связи предлагаем изменить диспозицию ст. 310 УК РФ, сконструировав состав как материальный.

Рассмотренные отдельные проблемы нормативного регулирования недопустимости разглашения данных предварительного расследования с очевидностью свидетельствуют о необходимости внесения изменений в тексты статей 161 УПК РФ и 310 УК РФ с целью совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

¹ Аналогично сконструирована статья 361 Уголовного кодекса Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г., № 574 «Разглашение данных дознания или предварительного следствия».

² Определение Конституционного Суда РФ от 6 октября 2015 г. № 2444-О «По жалобе гражданина Дворяка Владимира Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53, статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 310 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 22.12.2024).

³ Власова, Н.А. Обеспечение тайны предварительного расследования / Н.А. Власова // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 3. – С. 150.

MEDIYEV RENAT AMANGELDYEVICH
Researcher at University of Illinois at Urbana-Champaign, Doctor (PhD),
Associate Professor
Медиев Ренат Амангельдиевич
научный сотрудник Иллинойского университета в Урбане-Шампейне,
доктор (PhD), доцент
rina_okp@mail.ru

МАМЫРБАЕВ АСЕТ ЖОЛМУРАТОВИЧ
Master student of the Academy of Law Enforcement Agencies under the General Prosecutor's
Office of the Republic of Kazakhstan
Мамырбаев Асет Жолмуратович
магистрант Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре
Республики Казахстан
zholmuratovich@mail.ru

UNIFORM STANDARDS FOR VIDEO RECORDING OF INTERROGATIONS: LEGAL AND PRACTICAL APPROACHES BASED ON THE EXPERIENCE OF THE US

ЕДИНЫЕ СТАНДАРТЫ ВИДЕОЗАПИСИ ДОПРОСА:
ПРАВОВЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ НА ОПЫТЕ США

In the light of modern legal reforms and technological progress in the criminal procedural legislation of the Republic of Kazakhstan (hereinafter - RK), in particular, the introduction of Article 42-1 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan (hereinafter - CPC RK)¹, which allows pre-trial investigation in electronic format, contributed to the acceleration of procedural actions of the investigator.

However, there is a need to further investigate the conduct of certain investigative actions in electronic format, as the information system Unified Register of Pre-Trial Investigation (hereinafter - URPI)², allows issuing individual instructions, reports and rulings within the framework of pre-trial investigation in electronic format, but individual investigative actions are conducted in a mode outside the electronic format, which calls into question the very idea of Article 42-1 of the CPC RK.

Thus, our scientific research will be devoted to the issue of digitalization of one of the key investigative actions - investigative interrogation. One of the best examples of video recording of investigative interrogations is the experience of the United States of America (hereinafter - the USA), where a unified model of video recording of interrogations is applied³.

In our opinion, the regulatory analysis of a unified model of video recording of interrogations in the United States will contribute to the development of national legislation of the RK,

¹ Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan: from July 4, 2014 № 231-V ZRC // [Electronic resource] - Mode of access: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (Access data: 11.11.2024).

² On Approval of the Rules for receiving and registering a statement, message or report on criminal offenses, as well as maintaining the Unified Register of pre-trial investigations: Order of the Prosecutor General of the Republic of Kazakhstan from September 19, 2014 № 89 // [Electronic resource] - Mode of access: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14W0009744> (Access data: 11.11.2024).

³ Final Act on the unified electronic recording of interrogations in places of detention, Final Act on the unified electronic recording of interrogations in places of detention [Electronic resource] // - access mode: <https://www.thejusticeproject.org/wp-content/uploads/2017/02/ULC-model-legislation-on-recording-interrogations.pdf> (Access data: 10.11.2024).

increasing transparency and accountability of law enforcement agencies, as well as protecting the rights of persons involved in the orbit of criminal proceedings in the RK.

The U.S. experience in this area is of particular interest, as this country has a rich practice of introduction and use of digital technologies in the legal sphere. The analysis of the American experience allows us to identify both positive aspects and possible problems and risks associated with the introduction of such systems as a unified model of video recording of investigative interrogation. This, in turn, can help in the development and adaptation of similar approaches of digitalization of investigative interrogation within the framework of Article 210 of the CPC RK. Also, this study, in our opinion, will help to understand how video recording of investigative interrogation can help to reduce cases of falsification by law enforcement agencies and improve the quality of evidence in criminal cases in Kazakhstan.

Thus, the study of legal and practical aspects of the unified model of video recording of investigative interrogation based on the experience of the United States is an important step towards improving the legal system and ensuring fairness and transparency in the criminal process of the RK.

The U.S. experience shows that videotaping the entire investigative interview process is a significant advantage for law enforcement officials, where its use improves the quality of evidence obtained in criminal cases and reduces the overall cost of additional investigation and litigation. At the same time, it is noted that videotaping of the investigative interview also contributes to systemic accuracy, fairness for both the defendant and the prosecution, as part of protecting constitutional rights and building public confidence in the justice system¹.

Note that U.S. Constitutional principles require the exclusion of coerced guilty pleas and self-incriminating testimony obtained without notice of Miranda rights. Since contradictory witness testimony and falsified records by the investigating authorities may lead judges and jurors to side with the version of events stated in the records of the person conducting the pre-trial investigation².

Thus, through a pilot project and then at the legislative level, some states such as Illinois, the District of Columbia, Maine, Maryland, Nebraska, New Mexico, North Carolina and Wisconsin have enacted laws requiring videotaping of the entire investigative interview process in criminal investigations. These measures were designed to address the above-mentioned issues and provide for recording from the beginning to the end of the interrogation of the suspect and defendant³.

Key aspects of videotaping investigative interviews in the U.S., include:

- facilitating the establishment of truth;
- enhancing efficiency;
- protecting constitutional values.

The following are the main ways in which videotaping of investigative interviews contributes to the above objectives:

1. Truth facilitation: videotaping provides an accurate and complete transcript of the investigative interview, which helps to avoid distortions, contributing to a more objective and fair hearing of criminal cases.

¹ Leo, R.A. Police Interrogation and American Justice / R.A. Leo. – Policy Harvard University Press, 2008. – 329 p. // [Electronic resource] – Access mode: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2243909 (Access data: 10.11.2024).

² Leo, R.A. Same there...

³ Thomas, P.S. The Consequences of Law Enforcement Officials' Failure to Record Custodial Interviews as Required by Law // [Electronic resource] / P.S. Thomas, W.V. Andrew // Journal of Criminal Law and Criminology. – 2008. – № 1 (99). – Pp. 215-234. – Access mode: <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/jclc/vol99/iss1/5> (Access data: 10.11.2024).

2. Increased efficiency: videotaping an investigative interview allows investigators and judicial authorities to analyze information quickly and accurately, which speeds up the investigation and trial process. It also reduces the likelihood of repeated interrogations and the associated time and resource costs.

3. Protection of constitutional values: video recording of the investigative interrogation guarantees the observance of the constitutional rights of suspects, preventing possible excesses and violations of the suspect's rights. This strengthens public confidence in law enforcement agencies and the judiciary, ensuring transparency and accountability of their actions.

Consider and disclose the positive methods of videotaping an investigative interview:

1. Videotaping of investigative interrogations contributes to the establishment of the truth:

– reduction of probable falsification of testimony: all distortions of facts are accompanied by video recording;

– synchronization of witness testimony: witness testimony is often inaccurate, while videotaping provides full, verbatim and synchronous recording of events, which greatly compensates for weak memories of witnesses;

– interrogation culture: videotaping interrogations allows supervisors to view, monitor and provide feedback on the interrogation techniques used by investigators, as tunnel vision regarding alternative suspects and the insistence on gathering all possible evidence to convict the original suspect (confirmation bias), are major causes of acquittals. These cognitive patterns are inherent in all people and can be exacerbated by stress, time constraints, and an institutional culture that encourages goal-seeking;

– evaluating the evidence obtained: judges and jurors can more easily assess the credibility of confessions and identify falsified confessions if they have access to videotaped interrogations. Video recordings allow them to capture subtleties in tone of voice, body language and testimonial technique that words alone cannot convey.

2. The effectiveness of investigative questioning is enhanced by:

– motions to dissent from sentencing: because sentences will rarely be challenged, the likelihood of frivolous appeals is reduced, and those that do occur can be dealt with more quickly;

– improvements in pre-trial investigations: the ability of the investigative team to review video footage can help draw attention to small details that might have gone unnoticed. This allows prosecuting authorities to more effectively assess the veracity of a suspect's testimony and, if necessary, consider alternative suspects;

– improving the effectiveness of prosecutorial oversight: for defendants, video recordings increase the ability of the procedural prosecutor to negotiate, which increases the likelihood of a procedural cooperation agreement;

– improving sentencing: for defendants who insist on retrial, videotaping increases the likelihood of a fair conviction and reduces the likelihood of a death sentence under U.S. law. Jury retrials are extremely costly. Videotaping not only saves money by protecting the innocent, but also helps respect defendants' constitutional rights.

3. Videotaping of investigative interrogations helps to ensure the constitutional rights of suspects and defendants:

– helps the supervisory authority, defense attorneys and independent public monitoring groups to identify and prevent cases of abuse of power or authority;

– can influence an investigator's choice of how to conduct it, regardless of ethnic or other biases;

– can build public confidence in the fairness and professionalism of the law enforcement system.

As noted in many writings of legal scholars in the United States cases of wrongful convictions attract the attention of the media, lawyers and public figures, where with the advent of modern technology that allows identification of identity through independent expertise, most investigative errors are identified through DNA forensics. However, the above evidence is not always available¹.

U.S. sociological studies have noted that similar, and possibly higher levels of investigative error, occur in low severity criminal cases where DNA evidence is not conducted.

U.S. sociological research on investigative errors has also found that one of the key factors contributing to the high number of wrongful convictions is the admissibility of false testimony and guilty pleas by suspects and defendants. As noted in the study, falsification of testimony and confessions of guilt, suspects and defendants can occur regardless of the integrity of the investigator conducting the investigative interview or his internal conviction of the guilt of the suspect and defendant. Tactically incorrectly formulated questions and psychological pressure during investigative interrogation can lead to confessions of innocent persons. In this way, falsified testimony is compiled and formulated so convincingly that the prosecuting party, jurors and judges often fail to recognize the truth. As a result of a wrongful conviction, not only can an innocent person end up in prison, but also a guilty criminal goes unpunished, possibly committing new crimes².

Thus, it should be noted that in the U.S. in the framework of improving the tactics of investigative interrogation more time is given to the training of U.S. police, where initially trained to conduct investigative interrogation with the use of audio and video recordings, to further reduce the risk of errors and increase the effectiveness of such a procedural action as investigative interrogation.

In conclusion, the analysis of a unified model of video recording of interrogations, based on the US experience, represents an important step towards increasing transparency and accountability in law enforcement agencies of the RK. The analysis shows that the NAP protects the rights of suspects, improves the quality of evidence and promotes fair justice. The implementation of such a model requires careful adherence to legal norms and standards, as well as consideration of technical and organizational aspects to ensure its effective application and compliance.

A positive moment in this issue can be noted that through legislative amendments and additions, there appeared a norm in part 3 of article 199 of the CPC RK, where it is regulated that “in case of full recording of the course and results of the investigative action with the help of sound and video recording means, the person conducting the investigative action has the right to limit himself to a brief statement of the obtained factual data and established circumstances relevant to the case”³.

This normative-legal innovation in the CPC RK, allowed to optimize the investigative interrogation in the direction of reducing the descriptive part with the possibility of additional analysis of the video recording of the initial investigative interrogation.

Thus, for further improvement and digitalization of investigative actions it is proposed to develop a national unified model of video recording of interrogations. This model will serve as a guide for the new generation of cyber-investigators, facilitating the transition from the classic paper record of interrogations to a digital format using video recording and synchronized shorthand.

¹ Leo, R.A. Same there...

² Leo, R.A. Same there...

³. Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan. Same there...

НАЗАРКУЛОВА ЧОЛПОН НАЗАРКУЛОВНА
доцент кафедры уголовного процесса Академии МВД
Кыргызской Республики имени генерал-майора милиции Э.А. Алиева,
кандидат юридических наук, подполковник милиции
nazarkulova.86@mail.ru

ТАБАЛДИЕВА КАРИНА КЕРИМБЕКОВНА
магистрант 3-курса Факультета заочного обучения и магистратуры
Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора милиции Э.А. Алиева,
старший лейтенант милиции
karinatabaldieva26@gmail.com

ПОЛНОМОЧИЯ СЛЕДСТВЕННОГО СУДЬИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В 2019 году в уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики, со вступлением в силу нового Уголовно-процессуального кодекса (далее - УПК КР), появился специальный субъект – следственный судья¹.

В пункте 58 статьи 5 УПК КР следственный судья определяется как судья, применяющий меры, ограничивающие права и свободы обвиняемого, осуществляющий судебный контроль за законностью действий (бездействия) и решений должностного лица органа дознания, следователя, руководителя следственной группы, прокурора².

Основной идеей создания новой процессуальной фигуры было более тщательный судебный контроль за соблюдением прав и свобод человека в досудебном производстве ввиду того, что «суд позволяет устранить субъективизм при принятии соответствующих процессуальных решений, поскольку не связан с ведомственными интересами, не несет ответственности за раскрытие преступлений, не отвечает ни за количественные, ни за качественные показатели досудебного производства»³. При этом, как справедливо отмечают А.К. Калыгулова и Т.С. Салыбекова, «следственный судья не может участвовать ни при производстве следствия, ни в рассмотрении уголовного дела по существу, т.е. при принятии решения о виновности или невиновности подсудимого»⁴. Однако здесь стоит отметить, что еще одним новшеством УПК КР было исключение субъекта «подсудимый».

Таким образом, значение введения данного субъекта в уголовное судопроизводство заключается в следующем:

1. обеспечение баланса между интересами государства и правами личности;
2. обеспечение судебной гарантии проведения отдельных процессуальных действий с соблюдением принципов законности;
3. снижение вероятности злоупотреблений со стороны органов досудебного производства.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 года № 20 (В соответствии с законом КР от 28 октября 2021 года № 126 утратил силу) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/> (дата обращения: 14.12.2024 г.).

² Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 129 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/> (дата обращения: 15.12.2024 г.).

³ Овчинников, Ю.Г. О попытке введения следственного судьи в ткань современного уголовно-процессуального законодательства: подведение итогов дискуссии / Ю.Г. Овчинников // Вестник Сибирского юридического института МВД России. - 2019. - № 2 (35). - С. 136.

⁴ Калыгулова, А.К., Салыбекова, Т.С. Следственный судья в уголовном процессе / А.К. Калыгулова, Т.С. Салыбекова // Вестник КНУ. – 2019. - № 4. - С. 109.

Для эффективного выполнения правообеспечительной функции, законодатель наделил следственного судью довольно широкими полномочиями, среди которых:

- 1) проверка законности и обоснованности задержания подозреваемого;
- 2) разрешение ходатайства следователя об избрании, продлении, отмене, изменении меры пресечения;
- 3) помещение обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для производства соответствующих экспертиз;
- 4) разрешение ходатайства следователя о применении иных мер принуждения;
- 5) разрешение ходатайства следователя о производстве процессуальных действий;
- 6) рассмотрение жалоб участников уголовного судопроизводства на решения, действия (бездействия) должностных лиц.

В ходе следствия помимо указанных действий следственный судья осуществляет:

- 1) депонирование показаний свидетеля или потерпевшего по ходатайству одной из сторон;
- 2) обращение в доход государства залога в случаях, если обвиняемый скрылся от органов следствия, суда или воспрепятствует объективному ведению следствия и разбирательству дела в суде;
- 3) применение меры по обеспечению безопасности в отношении свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства;
- 4) утверждение процессуального соглашения о признании вины.

Вместе с тем, законодатель запрещает следственному судье:

- 1) предрешать вопросы, которые в соответствии с УПК КР могут быть предметом судебного рассмотрения при разрешении дела по существу;
- 2) давать указания о направлении расследования и проведении следственных действий;
- 3) совершать действия и принимать решения вместо лиц, осуществляющих досудебное производство, прокурора.

Рассмотрим более подробно указанные основные полномочия следственного судьи.

Проверка законности и обоснованности задержания является важным процессуальным действием, направленным на защиту прав и свобод задержанного лица. Она осуществляется в рамках уголовного производства в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона. Проверка должна быть осуществлена в максимально короткие сроки, но до истечения 45 часов (21 часа в отношении детей) с момента фактического задержания лица.

Целью проверки является:

- установление соответствия задержания нормам закона;
- удостоверение наличия достаточных оснований для задержания;
- исключение произвольных действий со стороны правоохранительных органов.

Проверка законности и обоснованности задержания осуществляется следственным судьей с участием прокурора, следователя, адвоката, законного представителя по месту задержания подозреваемого в открытом судебном заседании в течение 2 часов с момента поступления материалов в суд. В ходе проверки следственный судья изучает материалы дела, предоставленные следователем, главным образом, постановление о задержании, допрос подозреваемого, доказательства, подтверждающие обоснованность подозрений. После чего заслушиваются доводы стороны обвинения и защиты. При этом следственный судья может задать уточняющие вопросы.

По окончании судебного заседания следственный судья принимает решение о признании задержания законным и обоснованным, если соблюдены все требования закона и задержание обосновано или незаконным и необоснованным, если установлено нарушение прав задержанного или отсутствуют достаточные основания для его задержания. В таком

случае лицо подлежит немедленному освобождению, а в отношении следователя следственный судья вправе вынести частное определение, которым обращает внимание прокурора на установленные по делу факты нарушения закона, требующие принятия мер. Решение следственного судьи может быть обжаловано заинтересованными сторонами в вышестоящую судебную инстанцию в течение 5 суток со дня его вынесения.

Разрешение ходатайства следователя об избрании, продлении, отмене или изменении меры пресечения – это процесс, в ходе которого следственный судья решает вопрос о виде и сроке меры пресечения, применяемого к обвиняемому на период досудебного производства для обеспечения нормального проведения расследования и исключения риска уклонения от органов следствия, совершения новых преступлений или давления на свидетелей. Необходимо отметить, что только следственный судья имеет право применять наиболее строгие меры пресечения как залог, домашний арест, заключение под стражу. При этом избрание указанных мер пресечения осуществляется при наличии достаточных доказательств вины обвиняемого.

Продление срока домашнего ареста и заключения под стражу допускается только при наличии необходимости в дальнейшем ограничении свободы, если следственные действия еще не завершены. Мера пресечения отменяется, если в ней отпадает дальнейшая необходимость. Изменение меры пресечения возможно как в сторону смягчения, так и ужесточения, если меняются обстоятельства дела. При избрании, продлении, изменении меры пресечения следственный судья учитывает характер преступления, обстоятельства совершения преступления, личность обвиняемого, а также вероятность того, что обвиняемый может скрыться или воспрепятствовать расследованию.

Разрешение ходатайства следователя о применении иных мер обеспечения уголовного судопроизводства. По ходатайству следователя, прокурора, а иногда и потерпевшего решение о временном отстранении обвиняемого от должности, наложении ареста на имущество, а также запрете на приближение принимает следственный судья.

Целью анализируемых мер обеспечения является:

1. организация надлежащего хода расследования уголовного дела;
2. способствование установлению истины;
3. защита прав и законных интересов участников процесса;
4. предупреждение возможного давления на участников судопроизводства или продолжения противоправной деятельности;
5. предотвращение уничтожения доказательств;
6. обеспечение исполнения приговора в части возмещения ущерба.

Разрешение ходатайства следователя о производстве процессуальных действий. При необходимости проведения определенных процессуальных действий, с согласия прокурора следователь возбуждает перед следственным судьей соответствующее ходатайство. Следственный судья рассматривает следующие ходатайства следователя:

1. о производстве эксгумации при отсутствии согласия близких родственников, супруга (супруги) покойного;
2. о проведении осмотра жилища и иных объектов, находящихся в собственности или ином праве проживающих в нем лиц, при отсутствии их согласия;
3. о производстве выемки или обыска;
4. о проведении отдельных специальных следственных действий.

Изучив представленные материалы об обосновании необходимости конкретного действия, следственный судья принимает решение об удовлетворении или об отказе в удовлетворении ходатайства следователя. При этом законодатель в случаях, не терпящих отлагательств, дает право следователю провести принудительный осмотр, обыск и выемку, а также начать проведение специальных следственных действий без решения следственного судьи.

Например, при наличии угрозы жизни, здоровью людей, угрозы уничтожения доказательств, если имеется реальное опасение, что разыскиваемое лицо может скрыться или при необходимости немедленного предотвращения преступления. Однако не позднее 24 часов после проведения указанных следственных действий или начала производства специальных следственных действий следователь обязан письменно уведомить об этом прокурора и следственного судью.

К уведомлению прилагается ходатайство о признании законным и обоснованным проведенного следственного действия либо начатого специального следственного действия. Изучив соответствующие материалы уголовного дела, следственный судья выносит решение о законности или незаконности проведенного следственного действия или начатого специального следственного действия. В случае если следственный судья признает процессуальное действие незаконным, полученные доказательства признаются недопустимыми, а информация, полученная в результате специального следственного действия, должна быть уничтожена под его контролем. В подобных случаях следственный судья выносит частное определение, которым обращает внимание прокурора на установленные по делу факты нарушения закона, требующие принятия мер.

Прокурор в месячный срок должен принять меры в отношении следователя и о результатах сообщить следственному судье. По этой причине «принято полагать, что предварительный судебный контроль имеет приоритет перед последующим судебным контролем»¹.

Таким образом, решение следственного судьи требуется для проведения процессуальных действий, которые существенно ограничивают права и свободы граждан на неприкосновенность жилища и иных объектов, находящихся в собственности или ином праве; неприкосновенность частной жизни; тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных, электронных и иных сообщений². Судебная санкция гарантирует, что процессуальные действия, ограничивающие конституционные права и свободы человека, будут проводиться только при наличии веских, достаточных оснований, предотвращая произвольные и необоснованные действия со стороны органа досудебного производства.

Помещение обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для производства экспертизы осуществляется по постановлению следственного судьи, выданному по ходатайству следователя или эксперта. Данный процесс связан с необходимостью оценки физического или психического состояния обвиняемого, а в отдельных случаях потерпевшего и свидетеля, если проведение экспертизы амбулаторно невозможно. Принудительная госпитализация главным образом направлена на обеспечение полноценного обследования. В юридической литературе указываются и другие цели анализируемой меры: медицинская, то есть излечение или улучшение состояния подэкспертного и правовая, то есть предотвращение совершения лицом новых опасных деяний. «Помещение лица в стационар производится только на срок, необходимый судебным экспертам для наблюдения и полного завершения всех исследований»³. При этом срок производства экспертизы не должен превышать 30 суток.

Рассмотрение жалоб участников уголовного судопроизводства на решения, действия (бездействия) должностных лиц. Следственный судья правомочен рассматривать

¹ Добровлянина, О. О целесообразности предварительного судебного контроля над производством следственных действий / О. Добровлянина // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2018. - № 3 (39). – С. 28.

² См.: Ст. 29, 30 Конституции Кыргызской Республики от 5 мая 2021 года // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/> (дата обращения: 14.12.2024 г.).

³ Мищенко, Е.В. Судебный контроль в досудебном производстве по делам о применении принудительных мер медицинского характера / Е.В. Мищенко // Вестник ОГУ. - 2009.- № 3. - С. 90-91.

любые жалобы граждан на действия, решения должностных лиц досудебного производства, за исключением постановлений о возбуждении уголовного дела, привлечении в качестве обвиняемого, утверждения прокурором обвинительного акта. Жалоба должна быть подана в письменной форме с указанием на суть нарушения, обоснованием доводов, а также изложением требований заявителя. Судебное заседание по жалобе проводится с участием прокурора, должностного лица, чьи действия обжалуются, а также заявителя. Жалоба должна быть рассмотрена не позднее 10 суток со дня поступления в суд.

При этом жалоба должна отвечать определенным критериям:

- территориальный признак, жалоба подается в тот суд, юрисдикция которого распространяется на орган, действия или решения сотрудника, которого обжалуются;
- персональный признак, жалоба может быть подана только субъектом уголовного процесса, а также лицом, чьи интересы были затронуты обжалуемым действием (бездействием) или решением.
- своевременность, жалоба, представленная по истечении срока на обжалование, не подлежит рассмотрению;
- первичность, повторная подача аналогичной жалобы не рассматривается.

Следственный судья по итогам рассмотрения жалобы удовлетворяет его, признав действие (бездействие), решение незаконным, необоснованным или оставляет без удовлетворения. Необходимо отметить, что постановление следственного судьи по жалобе также может быть обжаловано в апелляционном или кассационном порядке.

Значение процедуры обжалования состоит в следующем:

1. возможность восстановления нарушенных прав и свобод граждан;
2. установление баланса между необходимостью эффективного расследования и соблюдением прав личности;
3. укрепление доверия граждан к правоохранительной и судебной системам;
4. противодействие злоупотреблениям должностным положением сотрудниками органа дознания, следствия, прокуратуры.

Таким образом, следственный судья играет ключевую роль в системе уголовного судопроизводства, обеспечивая эффективный контроль за правоприменением на досудебной стадии процесса. Функции следственного судьи заключаются в обеспечении законности, соблюдении прав и свобод участников уголовного процесса, а также в осуществлении судебного контроля за действиями сотрудников органов досудебного производства.

Не принижая значение данного института, необходимо отметить и его отрицательные стороны связанные, прежде всего, с бюрократическими процедурами с которыми сталкивается следователь при получении решений судов. Кроме этого, для получения предварительного судебного решения требуется подготовка целого комплекса различных документов, что в условиях цейтнота создает «дополнительные правовые преграды для быстрого и эффективного производства расследования»¹. Отдельные исследователи и вообще, отмечая, что осуществление судебного контроля – это «декларативная гарантия прав», предлагают отказаться от данного института, заменив его прокурорским надзором². Также необходимо отметить, что существует прямо противоположное мнение «в грядущей перспективе должен быть поставлен вопрос не только расширения пределов судебного контроля в досудебном производстве, но и полного отказа от прокурорского надзора в данной сфере», данный тезис обосновывается нецелесообразностью дополнительного «за-слона» от нарушений, ошибок и злоупотреблений в лице прокурорского надзора, который

¹ Россинский, С.Б. Размышления об эффективности судебного контроля за производством следственных действий / С.Б. Россинский // Вестник Томского государственного университета. - 2017. - № 423. - С. 227.

² Добровлянина, Указ. раб. – С. 30.

усложняет и без того громоздкий уголовный процесс¹. Таким образом, указанные авторы, придерживаясь разных позиций, стремятся при этом устранить излишнюю нагрузку следователя, что, несомненно, положительно отразится на его самостоятельности и независимости, а также повысит оперативность расследования. Учитывая нынешнюю двойную проверку действий следователя (прокурорский надзор и судебный контроль), представляется разумным идея сокращения дублирования функций.

В рамках сравнительно-правового исследования отметим, что субъект «следственный судья» также содержится в УПК Республики Казахстан², Украины³, а в УПК Республики Таджикистан⁴ не предусмотрен. Осуществление судебного контроля в Республике Таджикистан возлагается на судью. При этом, как справедливо отмечает С.И. Молбасин, «следственный судья наделен более широким объемом контрольных полномочий по сравнению с судьей в Таджикистане»⁵.

Подводя итог вышесказанного, хотелось бы отметить, что, несмотря на имеющиеся недостатки, осуществляемый следственным судьей судебный контроль является важным процессуальным механизмом обеспечения прав и свобод личности в досудебном производстве.

Нуждин Андрей Александрович
заместитель начальника юридического факультета Академии права и управления
ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент
aanuzhdin@mail.ru

ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА – КРАТКИЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

В условиях складывающихся социально-экономических и политических реалий изучение законодательства различных стран приобретает особое значение. Важность сравнительного правоведения в системе государственного устройства не подвергается сомнению. Рассмотрение и анализ правовых систем и отдельных правовых норм иностранных государств позволяет не только определить вектор развития международных правоотношений, но и устранить те недостатки, которые пока еще остаются в национальном

¹ Ахмеджанов, Ф.Р. О мерах по расширению пределов судебного контроля в досудебном производстве / Ф.Р. Ахмеджанов // Вестник Института законодательства РК. - 2017. - № 2 (47). - С. 215-219.

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года, № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.12.2024 г.) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения: 14.12.2024 г.).

³ Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 года, № 4651-VI (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.11.2024 г.) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://continent-online.com/> (дата обращения: 14.12.2024 г.).

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года, № 564 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.01.2024 г.) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://continent-online.com/> (дата обращения: 14.12.2024 г.).

⁵ Молбасин, С.И. Полномочия следственного судьи в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан и контрольные функции в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан: сравнительный анализ / С.И. Молбасин // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2017. - № 4 (36). – С. 124.

законодательстве. Сравнительному правовому анализу может быть подвергнута как вся система нормативного регулирования, так и отдельные отрасли права, правовые акты.

Одним из важнейших направлений деятельности всех без исключения государств является борьба с преступностью. Некоторые страны достигли определенных успехов в организации деятельности по предупреждению преступлений, их опыт может быть востребован для применения в условиях российской действительности. Изучение зарубежной практики борьбы с преступностью может способствовать сравнению предупредительной деятельности, проводимой в России, с деятельностью, проводимой в других странах; определению наиболее эффективного механизма (средств, приемов и методов) организации предупредительной деятельности в зарубежных странах и его имплементации в российское законодательство.

Опыт законодательного и государственного реформирования стран, входивших ранее в одно государство и в итоге построивших схожую правовую систему, представляет значительный интерес как с точки зрения изучения и использования в собственной нормотворческой деятельности, так и с точки зрения организации международного сотрудничества¹. Определенный интерес вызывает организация деятельности по предупреждению преступлений в Республике Таджикистан. Представляется, что ими достигнуты определенные успехи в деле борьбы с преступностью². Однако мы рассмотрим не весь законодательный массив, регламентирующий указанную деятельность, а лишь ее уголовно-процессуальный аспект. Данное обстоятельство приобретает особую значимость из-за того, что уголовно-процессуальное законодательство непосредственным образом регулирует отношения между государством и обществом в сфере борьбы с преступностью, где могут быть существенно ограничены (а иногда и нарушены) права человека и гражданина.

Конституция Республики Таджикистан определяет ее суверенным демократическим правовым светским унитарным государством с президентской формой правления. Таджикистан, являясь социальным государством, создает условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 1)³. В сфере уголовного судопроизводства задачами деятельности выступают установление порядка производства по уголовным делам; защита интересов общества, государства и организаций, пострадавших в результате совершения преступления; своевременное и полное раскрытие преступлений; привлечение к уголовной ответственности лица, совершившего преступление; справедливое разрешение рассматриваемых вопросов в суде; соблюдение процессуальных норм при применении уголовного закона; гарантия защиты законных интересов участников уголовного судопроизводства и других лиц (ст. 2 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (далее – УПК РТ)). Так же в этой статье говорится, что уголовно-процессуальное законодательство направлено на укрепление законности и правопорядка, предупреждение преступлений, уважение закона, правам и свободам человека и гражданина, осуществление судебной справедливости⁴.

¹ Алимов, Б.Х. Нормативно-правовые акты и стратегия развития межгосударственных отношений Таджикистана и Российской Федерации / Б.Х. Алимов // В сборнике: Перекоп - ворота в Крым. Материалы III Международной научно-практической конференции [Электронный ресурс]. 2016. - С. 4-11.

² В Таджикистане снизилась преступность // SPUTNIK Таджикистан: [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://tj.sputniknews.ru/20231020/tajikistan-snizheniye-prestupnost-1060051398.html?ysclid=m3zkkxseac3894919969> (дата обращения: 27.11.2024).

³ Конституция Республики Таджикистан // Министерство иностранных дел Республики Таджикистан: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya?ysclid=m3zll1iehb7401490410> (дата обращения: 27.11.2024).

⁴ Верховный суд Республики Таджикистан: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sud.tj/upload/iblock/392/7t44zgajk0w98lo5b6mm7sctuktckvzh.pdf?ysclid=m3zllflkatd443096260> (дата обращения: 27.11.2024).

Конституция Российской Федерации определяет, что Россия является демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления (ст. 1), человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2). Уголовное судопроизводство России имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)).

Можно утверждать, что и в России, и в Таджикистане закон устанавливает высшей ценностью человека, его права и свободы. Уголовно-процессуальное законодательство обоих государств своим назначением определяет защиту прав потерпевших, а также защиту личности от необоснованного обвинения и осуждения. Подобное законодательное сходство не случайно и объясняется тем, что нормативно-правовое обеспечение обоих государств связано с их общей историей появления и развития. Основы уголовно-процессуального предупреждения преступлений также берут свое начало из законодательства советского периода, где каждая из республик СССР имела свой собственный Уголовно-процессуальный кодекс. Однако на общесоюзном уровне принимался и действовал закон, который устанавливал общие условия республиканских уголовно-процессуальных кодексов – Основы уголовного судопроизводства. Анализ уголовно-процессуального законодательства советского периода обеих стран (тогда республик) показывает, что они практически не имели различий. Оба законодательства устанавливали требование укрепления социалистической законности и правопорядка, предупреждения и искоренения преступлений, охраны общества, прав и свобод граждан. Таким образом, советское уголовно-процессуальное законодательство определяло аспекты предупредительного воздействия.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации не сохранило (в отличие от уголовно-процессуального закона Таджикистана) задачи (назначения) предупреждения преступлений. Тем не менее, в содержаниях обоих кодексов существуют схожие нормы, определяющие предупредительные полномочия органов предварительного расследования.

УПК РФ определяет, что «подлежат выявлению также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления» (ч. 2 ст. 73), а также указывает, что «установив в ходе досудебного производства по уголовному делу обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь вправе внести в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона» (ч. 2 ст. 158 УПК РФ). Необходимо отметить, что данное представление подлежит обязательному рассмотрению и уведомлению о принятых мерах не позднее одного месяца.

УПК РТ в своем содержании имеет схожие положения. Так, ч. 2 ст. 85 УПК РТ (Обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу) устанавливает «при производстве дознания, предварительного следствия и разбирательстве уголовного дела подлежат доказыванию: ... обстоятельства, способствующие осуществлению преступления». Что характерно, в уголовно-процессуальном законодательстве Таджикистана, данное направление деятельности включено в общий перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, а не выделено в отдельную часть статьи (как в УПК РФ).

В отличие от уголовно-процессуального законодательства России, УПК РТ имеет отдельную статью, регламентирующую порядок внесения представления по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступления и других нарушений закона. Так, ст. 178 УПК РТ (Представление по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступления и других нарушений закона) в ч. 1 определяет «установив при

производстве по делу обстоятельства, способствующие совершению преступления, следователь вправе внести в соответствующие организации, учреждения, независимо от организационно-правовых форм, или должностному лицу представление о принятии мер по устранению этих обстоятельств или других нарушений закона». Также в ч. 2 данной статьи указано, что «представления подлежат рассмотрению с обязательным уведомлением органов, направивших их, о принятых мерах в месячный срок».

Нормы, определяющие процессуальную деятельность по устранению выявленных обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, в уголовно-процессуальных законодательствах обеих стран практически идентичны. Конструкция данной нормы предметна, конкретна и понятна. Она определяет порядок внесения представления, устанавливает обязанность для его исполнения. Однако общим недостатком можно определить то обстоятельство, что внесение представления является правом должностного лица органа предварительного расследования, а не его обязанностью. По общему правилу правом можно «пренебречь», а за пренебрежение обязанностью, могут быть наложены санкционные меры.

Деятельность по выявлению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, в уголовно-процессуальном законодательстве Таджикистана также детально не регламентирована. Предупредительные полномочия реализуются в процессе расследования должностными лицами широкого круга органов и учреждений Республики Таджикистан. Их перечень указан в гл. 5 УПК РТ.

Средства выявления обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, в уголовно-процессуальных законодательствах обоих государств примерно схожи – это следственные и иные процессуальные действия¹.

Можно отметить, что законодательная регламентация деятельности по выявлению и устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений в Российской Федерации и Республике Таджикистан схожа в фундаментальных положениях. Тем не менее, существует ряд отличий в субъектах и средствах реализации указанных полномочий. Представляется, что анализ и использование положительного опыта иностранных государств, в том числе Таджикистана, будет способствовать позитивным изменениям национального уголовно-процессуального законодательства.

НУРКАЕВА МЕЛИЯ КАЮМОВНА
доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института
МВД России, кандидат юридических наук
melia180955@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ НЕКОТОРЫХ СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Допрос участников уголовного судопроизводства – самое распространенное следственное действие по всем уголовным делам, в том числе и в отношении несовершеннолетних. Сущность допроса заключается в получении от допрашиваемого лица сведений в

¹ Юлдошев, Р.Р. Деятельность суда по возбуждению уголовного дела в Таджикистане: история и современность / Р.Р. Юлдошев // Уголовная юстиция. - 2014. - № 1 (3). - С. 61-68.

устной (в том числе с сурдопереводом) или в письменной форме с обязательным внесением полученных сведений в протокол допроса в неизменном виде.

Производство допроса включает три группы правил Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ): правила о вызове на допрос, правила собственно производства допроса и правила об участии в допросе иных содействующих (не допрашиваемых) лиц.

Вызов несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого на допрос регламентирован ст. 424 УПК РФ, который, однако, посвящен вызову несовершеннолетнего для совершения любых процессуальных действий.

Итак, основным правилом вызова несовершеннолетнего является его вызов исключительно через законных представителей. Данное правило призвано обеспечить выполнение следующих задач.

Во-первых, ограничить количество и объем контактов несовершеннолетнего с правоохранительными органами и их должностными лицами (появление в месте жительства несовершеннолетнего, например полицейского, может негативно отразиться на его психике)¹.

Во-вторых, обязательное уведомление законных представителей содействует эффективной защите прав несовершеннолетнего, обеспечивает участие законных представителей в следственном действии, напоминает им о важности их роли в уголовном процессе. Следует отметить, что данные правила сконструированы с учетом норм Пекинских правил 1985 г.²

В-третьих, при надлежащем исполнении своих уголовно-процессуальных обязанностей по защите несовершеннолетнего, законный представитель обеспечивает явку несовершеннолетнего на допрос, поможет ему психологически подготовиться к следственному действию³.

Если несовершеннолетний содержится в специализированном учреждении для таких лиц, в том числе под стражей, то он вызывается через администрацию такого учреждения.

Следует отметить, что УПК РСФСР в ст. 395 устанавливал диспозитивное правило. Особый порядок вызова несовершеннолетнего на допрос применялся следователем по своему усмотрению, на основании обстоятельств дела. Иной порядок (т.е. общий порядок) вызова несовершеннолетнего на допрос подразумевал вручение повестки несовершеннолетнему лично при отсутствии в месте жительства законных представителей, возможность вызова через школу, места работы и т.д. Также норма позволяла не уведомлять законных представителей, если это требуется для интересов следствия и несовершеннолетнего⁴.

Норма ст. 424 УПК РФ объективно не применяется при задержании несовершеннолетнего. После задержания любое лицо, в том числе и несовершеннолетний, согласно ч. 2 ст. 46 УПК РФ должен быть допрошен в течении 24 часов с момента фактического задержания⁵.

С учетом особенностей физического и психического здоровья несовершеннолетнего, закон щадя его, установил 2-х часовой предел допроса без перерыва, а также 4-х часовой предел в течении дня (ч. 1 ст. 425 УПК РФ).

Заметим, что данные нормы не должны восприниматься следователем, дознавателем

¹ Воскобитова, Л.А. Некоторые особенности расследования при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: уяснение смыслов / Л.А. Воскобитова // Lex Russica. – 2010. – № 3. – С. 464.

² Воскобитова, Л.А. Указ. соч. – С. 464.

³ Там же. – С. 464.

⁴ Тетюев, С.В. Допрос несовершеннолетнего подозреваемого обвиняемого в уголовном процессе: сравнительный анализ УПК РСФСР 1960 г. и УПК РФ 2001 г. / С.В. Тетюев // Вопросы ювенальной юстиции. – 2007. – № 1. – С. 28.

⁵ Кузьмина, О.Л. Процессуальная форма судопроизводства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / О.Л. Кузьмина. – Калининград, 2005. – С. 141.

буквально. При неудовлетворительном состоянии физического и психического здоровья, следователь (дознаватель) по собственной инициативе, по ходатайству законного представителя, защитника или самого подозреваемого (обвиняемого), по рекомендации психолога вправе: либо сократить продолжительность допроса и объявить перерыв, либо прекратить производство допроса. Обстоятельства таких действий должны быть указаны в протоколе¹.

В литературе указывается, что допрос по общему правилу целесообразно ограничить и одним часом, а также можно дифференцировать продолжительность допроса для каждой возрастной группы².

УПК РСФСР не предусматривал ограничение времени допроса несовершеннолетних.

Согласно ч. 2 ст. 425 УПК РФ в допросе несовершеннолетнего обязательно участвует защитник. Конечно, лицо, согласно ст. 52 УПК РФ может отказаться от защиты, но такой отказ является необязательным для следователя. Судебная практика указывает, что несмотря на право несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого отказаться от защитника, необходимо обеспечить участие адвоката во всех случаях, особенно при производстве допроса. Менее сложные процессуальные действия могут быть произведены и без защитника, если от него отказался несовершеннолетний, но при обязательном участии законных представителей³.

УПК РФ устанавливает три основания участия в допросе несовершеннолетнего педагога (психолога): 1) если подозреваемый, обвиняемый не достиг 16 лет; 2) если лицо, достигшее 16 лет, имеет признаки отставания в развитии и психическое расстройство; 3) участие педагога (психолога) по инициативе следователя или ходатайству участников следственного действия.

Первые два основания являются обязательными для следователя. Однако, следователь должен удовлетворять ходатайство о приглашении педагога (психолога) во всех случаях.

УПК РСФСР в ст. 397 устанавливал диспозитивное правило участия педагога во всех случаях. Следователь самостоятельно решал вопрос о привлечении этого специалиста. К тому же, возможно было привлечение к допросу только педагога. Защитник мог ходатайствовать об участии педагога в допросе. Правила ст. 397 УПК РСФСР были направлены для обвиняемого, однако применялись и в отношении несовершеннолетнего подозреваемого⁴.

Следователь, согласно ст. 425 УПК РФ самостоятельно устанавливает, кто будет участвовать в допросе – педагог или психолог. Закон не содержит критериев отбора между этими специалистами. Хотя в доктрине подчеркивается, что для установления контакта несовершеннолетнего и следователя более компетентным является все же психолог⁵.

Некоторые авторы утверждают, что целесообразно участие в допросе несовершеннолетнего детского психиатра, имеющего более глубокие знания о психике человека, нежели педагог или психолог. Однако, в доктрине данная позиция пока не находит одобрения⁶.

¹ Кузьмина, О.Л. Указ. соч. – С. 141.

² Ветрова, Г.Н., Мельникова Э.Б. Российская модель ювенальной юстиции (теоретическая концепция) / Г.Н. Ветрова, Э.Б. Мельникова // Правозащитник. – 1996. – № 1. – С. 37-39.

³ Справка по результатам изучения практики рассмотрения судами в 2019 - 2020 гг. уголовных дел в отношении несовершеннолетних (подготовлена Пензенским областным судом 10.06.2021) // [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Тетюев, С.В. Указ. соч. – С. 28-29.

⁵ Загорский, Г.И., Орлова, Т.В. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних / Г.И. Загорский, Т.В. Орлова // Российский судья. – 2012. – № 10. – С. 10.

⁶ Гвоздева, И.С. Использование специальных психиатрических знаний по делам о преступлениях

Далее также укажем, что в доктрине высказываются сомнения насчет ограничения участия психолога или педагога возрастом или здоровьем несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого¹. Действительно, следует согласиться с таким утверждением. Ведь, например, для установления факта психического расстройства или отставания несовершеннолетнего должны собраны достаточные сведения. Однако, такие сведения объективно будут отсутствовать при первом допросе несовершеннолетнего, например, после задержания. Как нам кажется, именно при первом допросе и необходима помощь психолога, так как несовершеннолетний может быть в отчаянном состоянии, замкнуться в себе, разработать в себе ненависть к правоохранительной системе и т.д. К тому же, задержание – акт применения силы, после которого необходимо психологическое успокоение. В связи с этим, считаем, что следователь должен обеспечить участие педагога (психолога) в каждом случае допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. При невозможности такого обеспечения, указанное обстоятельство должно быть указано во вводной части протокола допроса и заверено подписями защитника и законных представителей несовершеннолетнего.

Педагог (психолог) вправе с разрешения следователя, дознавателя задавать вопросы допрашиваемому несовершеннолетнему. Допрашивающий вправе отвести вопросы педагога (психолога), с обязательным их занесением в протокол допроса².

Педагог (психолог) по окончании допроса знакомится с протоколом допроса вправе делать письменные замечания о правильности и полноте занесенных сведений.

В допросе несовершеннолетнего обязательно участвуют законные представители. Их не уведомление означает ограничение права несовершеннолетнего на защиту, а также ограничение права законных представителей на участие в уголовном судопроизводстве. Законные представители подлежат допуску к уголовному делу именно с момента первого допроса (не после допроса, а до его начала).

Допрос обвиняемого несовершеннолетнего отличается от допроса подозреваемого. После предъявления обвинения, начинается допрос. В начале допроса спрашивают, признает ли себя обвиняемый виновным в совершении преступления, и предлагают дать показания по поводу предъявленного обвинения. Иногда несовершеннолетний обвиняемый с обостренным чувством долга и дружбы перед соучастниками преступления, совершает самоговор.

В таких случаях, необходимо многократно задавать уточняющие, детализирующие и контрольные вопросы. Необходимо задавать вопросы о тех обстоятельствах преступления, о которых может знать исключительно действительно совершившее его лицо³.

Кратко рассмотрим вопросы о регламентации допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого по законодательству стран ближнего зарубежья (практически стран бывшего Советского Союза). Замечу, что по УПК Республики Таджикистан⁴ данное следственное действие урегулировано как по УПК России.

несовершеннолетних / И.С. Гвоздева // Вопросы ювенальной юстиции. – 2011. – № 6 (38). – С. 10-12.

¹ Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / О.Н. Ведерникова, С.А. Ворожцов, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев; рук. авт. кол. В.А. Давыдов. – М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2014. – С. 912.

² Загорский, Г.И. Указ. соч. – С. 10.

³ Справка по результатам изучения практики рассмотрения судами в 2019 - 2020 гг. уголовных дел в отношении несовершеннолетних (подготовлена Пензенским областным судом 10.06.2021) // [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г., № 564 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.01.2024 г.) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30594304 (дата обращения: 08.11.2024).

В конце 2012 г. вступил в силу новый УПК Украины, принятый в апреле 2012 г.¹ Ч. 2 ст. 226 УПК Украины устанавливает намного короткую продолжительность допроса для несовершеннолетних – не более одного часа без перерыва и не более двух часов в день. Данное положение относится ко всем несовершеннолетним лицам, участвующим в уголовном процессе².

Участие защитника в допросе несовершеннолетнего по УПК Украины обязательно. Что касается законных представителей несовершеннолетнего изобличаемого лица, то они могут участвовать в допросе по усмотрению следователя, если несовершеннолетнему не исполнилось 16 лет. После наступления 16 лет законные представители несовершеннолетнего в уголовный процесс не допускаются. Как и в России, на Украине участие психолога обязательно при допросе лица, не достигшего 16 лет. Также, согласно ч. ст. 491 УПК Украины, при наличии признаков психического расстройства или отставания в психическом развитии, в допросе несовершеннолетнего правонарушителя также обязательно участвует психолог³.

УПК Казахстана⁴ содержит как особенности, так и идентичные правила допроса несовершеннолетнего правонарушителя.

Допрос несовершеннолетнего правонарушителя осуществляется по общим правилам, за исключением обязательного участия защитника и законного представителя. Однако, вопрос об участии психолога решается в каждом конкретном случае с учетом состояния несовершеннолетнего, ходатайств участников допроса. Также, как и по УПК РФ, согласно ч. 2 ст. 535 УПК Казахстана допрос несовершеннолетнего правонарушителя проводится в пределах не более 2 часов без перерыва и не более 4 часов в течение дня. Однако, при наличии признаков явного утомления допрос должен быть прерван до истечения лимита времени допроса (ч. 2 ст. 535 УПК Казахстана).

Что касается УПК Беларуси⁵, то данный закон устанавливает идентичные с УПК РФ и УПК Казахстана правила о продолжительности допроса несовершеннолетнего правонарушителя.

Участие защитника в таком допросе обязательно (ч. 2 ст. 434 УПК Беларусь).

Прогрессивной на наш взгляд является норма в ч. 1 ст. 435 УПК Беларусь, устанавливающая обязательность участия педагога или психолога при допросе несовершеннолетнего правонарушителя. Как и по УПК РФ, педагог (психолог) вправе с разрешения следователя задавать вопросы допрашиваемому, а по окончании допроса знакомиться с протоколом и делать письменные замечания по поводу правильности и полноты внесенных сведений (ч. 2 ст. 435 УПК Беларусь).

Что касается законных представителей, то их участие в допросе обязательно. Как и по УПК РФ, они также допускаются с момента первого допроса несовершеннолетнего правонарушителя (ч. 2 ст. 436 УПК Беларусь). При неявке законного представителя на допрос, с согласия несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого допрос может быть произведен без его участия (ч. 5 ст. 436 УПК Беларусь).

¹ Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г., № 4651-VI (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.10.2024 г.) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31197178 (дата обращения: 08.11.2024).

² Тетюев, С.В. Допрос несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства в России и Украине / С.В. Тетюев // Вопросы ювенальной юстиции. – 2014. – № 4. – С. 14.

³ Там же. – С. 16-17.

⁴ Уголовный процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г., № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 05.09.2024 г.) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 08.11.2024).

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г., № 295-3 (с посл. изм. и доп. от 08.01.2024 г.) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30414958 (дата обращения: 08.11.2024).

Кратко рассмотрев вопросы допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, укажем следующие промежуточные выводы.

Во-первых, допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого имеет особенности в продолжительности следственного действия.

Во-вторых, имеется особенность в субъектах следственного действия, выражающаяся в обязательном участии защитника, законного представителя и в некоторых случаях педагога (психолога).

В-третьих, учитывая особенности личности несовершеннолетнего на всем протяжении развития его психики, считаем целесообразным участие педагога (психолога) во всех случаях производства допроса в порядке ст. 425 УПК РФ.

В-четвертых, краткий анализ уголовно-процессуальных законов некоторых государств бывшего СССР показывает, что законодатель этих государств комбинирует разными особенностями допроса несовершеннолетнего правонарушителя, не устанавливая существенных отличий друг от друга.

Обидов Дилшод Солидҷонович
доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета
Таджикского государственного университета права, бизнеса
и политики, кандидат юридических наук, доцент
ODS-1976@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ИСЛАМЕ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

С зарождением ислама в начале VII века в Аравии начался процесс становления права и государства нового типа. В этом направлении изначально важная роль принадлежала институту правосудия, который выделялся строгим следованием принципу справедливости¹. Более того, через правосудие шел процесс становления права, а затем государства. В эпоху раннего ислама правосудие выступало основной формой реализации права. Основатель ислама пророк Мухаммад еще до начала своей пророческой миссии был известным хакамом (третейским судьей)². Параллельно с зарождением ислама пророк вел активную деятельность по осуществлению правосудия по различным тяжбам. Вместе с тем, слитность была характерной чертой мировоззрения, нормативных источников и правосудной деятельности той эпохи. Эта слитность отражалась везде.

В правосудной деятельности эпохи раннего ислама слитность проявлялась в том, что судебный процесс по всем категориям тяжб осуществлялся в одинаковой форме. Не проводилось различия между тяжбами имущественного, брачно-семейного и уголовно-правового характера. Такая особенность долгое время остается главной характерной чертой института правосудия в исламе.

Институт уголовного судопроизводства начинает развиваться в исламе еще с его классической эпохи. Сам пророк Мухаммад, будучи главой города-государства в Медине еще с 623 г. выносил приговоры в отношении виновных в совершении преступлений. Среди его сподвижников также известные личности в области права и осуществления

¹ Холиков, А.Г. Исламское право (на тадж. яз.). – Душанбе: ЭР-граф, 2010. – С.128-133; Обидов, Д.С. Некоторые особенности судопроизводства арабов в доисламскую эпоху (историко-правовое исследование) / Д.С. Обидов // Вестник Таджикского национального университета. - 2015. - № 3/1 (158). - С.88-91.

² Ибн Хишам. Жизнеописание пророка Мухаммада / Пер. с араб. Н.А. Гайнуллин. – М., 2002. – С.191-193.

правосудия, в частности Али ибн Абу Талиб, Абдуллах ибн Масъуд, Саъд ибн Муаз и другие выполняя функции наместников в городах и провинциях одновременно разрешали тяжбы уголовного характера.

Следует, однако, заметить, что мусульманские судьи (казии) изначально не имели полномочия по осуществлению уголовного судопроизводства. Еще с эпохи раннего ислама эту функцию несли правители и наместники во главе с халифом¹. Даже бремя применения санкционных норм права несли они. Например, когда совершение преступления доказывалось при помощи признания (икрар) правитель (имам) должен был присутствовать в процессе применения наказания и сам должен был начать этот процесс.

В доисламскую эпоху применение наказания по совершенным преступлениям регулировалось при помощи местных обычаев и культов. А действующие третейские судьи – хакамы могли разрешать только брачно-семейные и имущественные распри.

С зарождением ислама происходит генезис права, который оказывает решающее влияние на возникновение государства. В таких условиях возникшие институты власти пока еще не были развиты. Поэтому здесь мы тоже можем видеть слитность всего со всем. Политические, административные, судебные, социальные функции сливались воедино в деятельности правителей и наместников. Правители и наместники одновременно выполняли административные и судебные функции.

В исламской правовой литературе высказывается мнение о том, что осуществление правосудия с самого начала являлось составной частью деятельности правителя². Однако, с усложнением и расширением его функций, ему пришлось оставить эти полномочия появившимся мусульманским судьям (казиям).

Вместе с тем, судьи (казии) еще долгое время вплоть до периода правления Омейядов были лишены полномочий в сфере разбирательства тяжб, связанных с совершением преступления. В эпоху Омейядов первым судьей, который назначил наказание по принципу возмездия за совершение преступления категории кисас был судья Египта Салм ибн Атр³.

До этого момента судьи (казии) были полномочны разрешать имущественные, брачно-семейные и наследственные дела.

Халиф Умар ибн Хаттаб был первым, кто, отделив суд от администрации, образовал должность судьи. Он также назначил судьям заработную плату (уджра)⁴. Вместе с тем, функции этих судей также не выходили за рамки тяжб имущественного, брачно-семейного, наследственного характера. Разрешение тяжб уголовно-правового характера оставалось прерогативой правителя и наместника. Почему так и не разрешили судьям в течение долгого времени осуществить уголовное судопроизводство остается неясным. Возможно, это было связано с наличием механизма правоприменения, который был налажен у наместников, а при судьях (казиях) пока еще не был сформирован такой механизм. Потребовалось несколько десятилетий, чтобы, наконец в период правления Омейядов судьи (казии) начали разрешать тяжбы уголовно-правового характера.

Институт уголовного судопроизводства в исламе таким образом начал свое становление и развитие с эпохи раннего ислама.

¹ Максуд, Р. Ислам / Пер. с англ. В. Новикова. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. – С. 40.

² Дуктур Мухаммад Рафъат Усмон. Ан-низом-ул казои фил фикхил исломи. 7 изд. – Египет: Ал-Азхар, 1425(х)/2005. – 403 с.

³ Мухаммад ал-Хузари. Ад-давлатул умаввия. 5-е изд. В 2-х томах. Т.2. – Бейрут-Лубнон: Дор-ул- маърифа, 1419(х)/1998. – 416 с.

⁴ Обидов, Д.С. Вклад праведного халифа Умара в развитие судебной власти в исламе / Д.С. Обидов // Вестник таджикского национального университета. – Душанбе, 2016. – №2/8 (215). – С. 259-265.

Суд и процесс по уголовным делам в исламе изначально основывался на принципы состязательности, гласности, устности, непрерывности.¹ Мусульманский наместник или судья (казий) должен строго следовать принципам своей профессиональной этики при разрешении подобного рода дел. В эпоху раннего ислама письменная фиксация процессуальных действий имела место, но крайне редко. Об этом свидетельствует практика деятельности второго праведного халифа Умара в сфере осуществления правосудия.²

Таким образом, из проведенного исследования можно сделать вывод о том, что институт уголовного судопроизводства в исламе как самостоятельное функциональное направление деятельности мусульманского судьи (казия) был развит позднее с эпохи правления династии Омейядов. При Омейядах эта функция зачем все же была передана казиям остается неизвестным. Возможно, здесь сыграли свою роль завоевания и расширения территории государства, которые еще более усложняли функции наместников в сфере административного управления. Эти обстоятельства требовали отделение суда от администрации.

С отделением суда от администрации основными субъектами осуществления правосудия в этом направлении становятся глава государства – халиф, наместники халифа и судьи (казии). При этом, халиф и его наместники при разрешении тяжб уголовно-правового характера могли выступить в качестве надзорной и кассационной инстанции.

Овсянников Юрий Васильевич
доцент кафедры уголовного процесса Сибирского юридического
института МВД России, кандидат юридических наук
79135519628@yandex.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОСНОВАНИЯ К ВОЗБУЖДЕНИЮ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО УПК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УПК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Проведение исследований в рамках сравнительного правоведения способствует наиболее полному и объективному познанию отечественного и зарубежного уголовно-процессуального законодательства: это позволяет погрузиться в теорию зарубежного законодательства и произвести оценку эффективности отечественного процессуального права.

Введение в уголовный процесс Республики Таджикистан и России новых институтов должно способствовать повышению эффективности защиты прав и свобод граждан, интересов общества³ и государства, что дает основания для их дальнейшего совершенствования.

Учитывая, запросы государства и общества на повышение эффективности уголовного судопроизводства требуется выработка новых подходов в части законодательного регулирования основания к возбуждению уголовного дела.

¹ Обидов, Д.С. Мусульманское право (краткий курс лекций). Учебно-методическое пособие. – Худжанд: Ношир, 2023. – С.72-80.

² Ас-Салляби Али Мухаммад. Умар ибн аль-Хаттаб. Второй праведный халиф / Пер. с араб., прим., комм. Е. Сорокоумовой. – М.: Умма, 2011. – С. 258-270.

³ Досудебное производство по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации и иных государств - членов СНГ / под ред. А.В. Гриненко. - М.: Юрлитинформ, 2019. - С. 14-16.

В соответствии с ч. 2 ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ) уголовное дело может быть возбуждено только в тех случаях, когда имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления. В ч. 2 ст. 21 УПК РФ законодатель, определяя обязанность правоохранительных органов по осуществлению уголовного преследования, употребляет схожее понятие «обнаружение признаков преступления».

В ч. 1 ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (далее - УПК РТ) основанием к возбуждению уголовного дела служат достаточные данные, свидетельствующие о наличии признаков состава преступления, предусмотренного особенной частью Уголовного кодекса Республики Таджикистан. В ч. 1 ст. 26 УПК РТ законодатель, определяя обязанность правоохранительных органов по осуществлению уголовного преследования, употребляет понятие «обнаружение преступления».

Эти словосочетания, как принято считать, отражают сущность основания к возбуждению уголовного дела в уголовно-процессуальном законодательстве России и Республики Таджикистан. Здесь можно наблюдать некоторое смешение понятий «признаки преступления» и «признаки состава преступления». Понятие «основания» не такое простое, как может показаться на первый взгляд. Мы привыкли к тому, что это понятие у нас чисто информационное, поскольку оно формулируется через термин «данные». Это мы видим в части первой ст. 140 УПК РТ. И в предшествующей «советской» статье было то же самое. Основание – это достаточные данные, указывающие на признаки преступления, либо, как формулируется в современной редакции УПК РТ, указывающие на признаки состава преступления¹. Анализ норм УПК РФ и УПК РТ позволяет увидеть особенности правового регулирования основания к возбуждению уголовного дела.

По УПК РФ понятие основания к возбуждению уголовного дела содержит три² неразрывно связанных элемента:

- 1) наличие признаков преступления;
- 2) наличие данных об этих признаках,
- 3) достаточность таких данных.

Каждый из этих элементов нуждается в пояснении. Что же такое «признаки преступления»? Содержание данной фразы в законе не раскрывается. Относительно рассматриваемого элемента основания возбуждения уголовного дела в теории уголовного процесса существуют несколько позиций, порой противоречащих друг другу. Сделаем попытку охарактеризовать спорные ситуации, которые обусловлены несогласованностью отдельных уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм либо недостатками в их толковании.

В юридической литературе термин «признаки преступления» используется в нескольких значениях. Г.А. Густов и В.Г. Танасевич считают, что признаки преступления – это «определенные факты реальной действительности, представляющие собой следы преступления, указывающие на возможность совершения конкретного преступления»³.

¹ Наимов, С.С. Особенности законодательного закрепления поводов и основания к возбуждению уголовного дела в УПК Республики Таджикистан / С.С. Наимов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2024. - № 2 (66). - С. 167–171.

² В юридической литературе, как правило, выделяют только два элемента этого понятия: наличие признаков преступления и достаточность данных об этом. См., напр.: Белозеров, Ю.Н. Законность и обоснованность возбуждения уголовных дел органами внутренних дел / Ю.Н. Белозеров, В.В. Рябоконт. - М., 1988. - С.13.). Мы считаем, что наличие данных о признаках преступления и достаточность этих данных можно рассматривать как самостоятельные категории.

³ Густов, Г.А. Признаки хищений социалистической собственности / Г.А. Густов, В.Г. Танасевич // Вопросы совершенствования предварительного следствия. - Л., 1971. - С. 89.

С.П. Митричев, говоря о методике расследования отдельных видов преступлений, подчеркивает, что «следует обращать внимание на типичные признаки, имеющие криминалистическое значение, на особенности данного вида преступлений, выражающиеся в способах совершения преступлений, характерных следах, оставляемых на месте преступления, преступных связях, профессиональных и преступных навыках преступника, то есть на все то, что является типичным, общим и включается в криминалистическую характеристику преступлений»¹. Такое понимание признаков преступления характерно для определения их значения, как криминалистического.

Л.И. Спиридонов, исследуя преступление как социальный факт, выделяет ряд социологических признаков преступления. Первым, по его мнению, являются общественные отношения, господствующие в данной социально-экономической формации. Второй – специфический способ посягательства на сложившийся социальный порядок. Этим признаком охватываются только такие действия, которые объективно нарушают или могут нарушить господствующие общественные связи. Третий – социологический признак преступления – раскрывает особенности субъекта общественно опасного деяния².

И.И. Карпец в книге «Уголовное право и этика» пишет о нравственных аспектах понятия преступления. Рассматривая преступление как деяние и противоправное, и аморальное, он дает понятие признаков преступления в единстве юридической и этической оценок этого явления³.

Итак, нами отмечены признаки преступления в криминалистическом, социологическом и этическом значениях. Но мы не будем пытаться рассматривать под этим углом точки зрения различных отраслей науки на признаки преступления, потому что это выходит за предмет нашего исследования. Остановимся более подробно на уголовно-правовом и уголовно-процессуальном аспектах этого понятия.

Анализируя признаки преступления в уголовно-правовом значении, необходимо отметить, что одним из центральных разделов уголовного права является учение о преступлении в целом, о его признаках в частности. Признаки преступления предусмотрены в статьях как Общей, так и Особенной частей уголовного законодательства. Причем значительная часть признаков преступления раскрывается в статьях Общей части. Как справедливо отмечает В.Д. Филимонов: «Это такие признаки, которые, если пользоваться математической терминологией, вынесены за скобки составов конкретных преступлений. Скобки могут быть раскрыты, и тогда составы, установленные в Особенной части, пополнятся признаками, раскрывающими содержание умысла или неосторожности, возраста уголовной ответственности, вменяемости и др.»⁴.

М.С. Строговичем понятие «признаки преступления» как один из элементов основания к возбуждению уголовного дела трактуется «как наличие данных о составе преступления»⁵. А.И. Марцев, рассматривая преступление как правовое явление, называет признаки преступления условиями. Он пишет: «Чтобы деяние как правовое явление можно было признать преступлением, оно должно обладать определенными признаками (существенными сторонами), закрепленными законом. Эти признаки могут быть названы условиями, при наличии которых деяние признается преступлением. Итак, деяние должно быть:

- 1) общественно опасным;
- 2) противоправным;
- 3) наказуемым;

¹ Митричев, С.П. Методика расследования отдельных видов преступлений. - М., 1973. - С. 13.

² Спиридонов, Л. И. Социология уголовного права / Л.И. Спиридонов. - М., 1986. - С. 50-51.

³ Карпец, И.И. Уголовное право и этика / И.И. Карпец. - М., 1985. - С. 78-108.

⁴ Филимонов, В. Д. Криминологические основы уголовного права / В.Д. Филимонов. Томск, 1981. С. 10-11.

⁵ Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. - М., 1970. - С. 15.

- 4) совершенным виновно;
- 5) вменяемым физическим лицом;
- 6) лицом, достигшим возраста уголовной ответственности;
- 7) причинять или создавать угрозу причинения существенного вреда личности, обществу, государству.

Отсутствие хотя бы одного условия исключает возможность признания за деянием преступления»¹.

Анализируя признаки преступления в уголовно-правовом значении, А.М. Ларин пришел к выводу, что их необходимо определять как такие черты, свойства события, по которым оно распознается как общественно опасное и противоправное².

Следовательно, в уголовно-правовом значении понятие «признаки преступления» содержит в себе совокупность признаков состава преступления и ряда условий. Причем эта совокупность на начальном моменте уголовно-процессуальной деятельности может быть различной, то есть она зависит от первичной информации, содержащейся в поводе к возбуждению уголовного дела.

В юридической литературе уголовно-процессуальное значение признаков преступления определяется следующим образом. А.Р. Михайленко под признаками преступления понимает отдельные черты происшествия, характерные для преступления или для его материальных последствий³. Аналогичное мнение высказывает и В.В. Шимановский, считая, что «под признаками преступления понимаются такие отдельные черты события, которые характерны для преступления в целом или для его материальных последствий, в частности, для его объективной стороны. Иначе говоря, под признаками преступления понимаются такие элементы события, которые указывают на общественную опасность последнего и хотя бы в общих чертах отражают ее характер и направленность»⁴.

Из анализа приведенных точек зрения следует вывод, что в уголовно-процессуальном значении понятием «признаки преступления» охватываются признаки деяния и наступившие последствия.

Между уголовно-правовым и уголовно-процессуальным значениями понятия «признаки преступления» существует взаимосвязь, аналогичная взаимосвязи между уголовным правом и уголовным процессом. Поэтому мы не можем согласиться с точкой зрения Л.М. Корнеевой, которая считает, что термин «признаки преступления» в ст. 108 УПК РСФСР имеет не уголовно-правовое, а уголовно-процессуальное значение⁵. «Связь между уголовным правом и уголовным процессом та же, – отмечает В.А. Рязановский, – какая существует между материей и формой одного и того же организма; отсюда уголовное право принято называть материальным, а уголовный процесс – формальным уголовным правом. Материальное и формальное право служат одной и той же государственной цели, именно восстановлению нарушенного наказуемым деянием правопорядка. Уголовное право есть право на наказание в статическом состоянии, процесс – право на наказание в динамическом состоянии»⁶.

Мы солидарны с мнением С.В. Бородина, который, говоря о взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального права, отмечает, что «При анализе понятия признаков пре-

¹ Марцев, А.И. Общие вопросы учения о преступлении: монография / А.И. Марцев. - Омск, 2000. - С. 23.

² Ларин, А. М. Структура института возбуждения уголовного дела / А.М. Ларин // Советское государство и право. - 1978. - № 5. - С. 78.

³ Михайленко, А.Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе / А.Р. Михайленко. - Саратов, 1975. - С. 59.

⁴ Шимановский, В.В. Законность и обоснованность возбуждения уголовного дела / В.В. Шимановский. - Л., 1987. - С. 13.

⁵ Корнеева, Л.М. Привлечение к уголовной ответственности по советскому праву: дис...докт. юрид. наук / Л.М. Корнеева. - М., 1970. - С. 37.

⁶ Рязановский, В.А. Единство процесса / В.А. Рязановский. - М., 1996. - С. 16.

ступления как необходимого элемента основания к возбуждению уголовного дела особенно наглядно проявляется неразрывная связь уголовного и уголовно-процессуального права. Установление признаков преступления предполагает наличие достаточных данных о совершении общественно опасного уголовно наказуемого деяния, предусмотренного определенной нормой уголовного закона»¹.

При решении вопроса о возбуждении уголовного дела особое внимание следует обращать на признаки, позволяющие отграничить уголовно наказуемое деяние от действий, порождающих административные, гражданско-правовые и иные отношения.

В теории уголовного права понятия «признаки преступления» и «состав преступления» являются самостоятельными, неравнозначными. Можно говорить о тесной взаимосвязи между ними, но ставить знак тождества между этими понятиями будет ошибочно. Законодатель не дает определение понятия состава преступления. «Это понятие было выработано теорией уголовного права, – пишет Н. П. Кузнецов, – путем абстрагирования от особенностей отдельных преступлений»². Такого же мнения придерживается и С.А. Тарарухин, который отмечает, что «состав преступления – юридическая абстракция, логически выведенная из типичных форм преступных проявлений определенного вида, обладающих своими собственными признаками, по которым мы судим о их наличии»³.

Давая определение состава преступления, М.П. Карпушин и В.И. Курляндский отметили, что это «совокупность признаков, с помощью которых закон определяет посягательство как преступление»⁴.

По определению А.И. Марцева, под составом преступления в теории уголовного права «принято понимать совокупность установленных уголовным законом объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние как преступление»⁵.

Законодатель недвусмысленно указывает, что основанием к возбуждению уголовного дела является наличие признаков преступления, а не элементов состава преступления. Поэтому в момент принятия решения о возбуждении уголовного дела не обязательно иметь исчерпывающие сведения о составе преступления (объекте, объективной стороне, субъекте и субъективной стороне). Полное и всестороннее установление виновных лиц, формы вины, мотива, способа и других обстоятельств совершения преступления – это задача последующих стадий уголовного процесса. На первоначальном этапе необходимо установить лишь признаки преступления и не более.

Однако практические работники нередко откладывают решение вопроса о возбуждении уголовного дела до установления лица, совершившего преступление.

В связи с рассмотрением такого элемента основания к возбуждению уголовного дела, как признаки преступления, считаем необходимым обратить внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, как отмечалось ранее, данная категория используется в науке в нескольких значениях и не имеет однозначного толкования.

Во-вторых, «признаки преступления» - термин уголовно-правовой. В теории уголовного процесса он исследуется только в связи с анализом основания к возбуждению уголовного дела и только потому, что законодатель всего лишь дважды использует его в УПК

¹ Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. В.П. Божьева. - М., 1998. - С. 233.

² Кузнецов, Н.П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела / Н.П. Кузнецов. Воронеж, 1983. С. 36.

³ Тарарухин, С. А. Понятие и значение квалификации преступлений: учебное пособие / С.А. Тарарухин. - Киев, 1990. - С. 38.

⁴ Карпушин, М.П. Уголовная ответственность и состав преступления / М.П. Карпушин, В.И. Курляндский. - М., 1974. - С.164.

⁵ Марцев, А.И. Указ. соч. - С. 109.

(ч. 2 ст. 140 и ч. 2 ст. 21). Причем во втором случае – не придавая ему самостоятельного правового значения.

В-третьих, содержание термина «признаки преступления» в формулировке основания возбуждения уголовного дела правоприменителем воспринимается недостаточно четко, нередко отождествляется с понятием «состав преступления», в связи с чем искажается замысел законодателя о том, что на момент возбуждения уголовного дела нет необходимости устанавливать субъекта и субъективную сторону.

Опыт преподавания уголовного процесса показывает, что восприятие обучаемыми этого термина в связи с изучением основания к возбуждению уголовного дела также вызывает затруднения. В свое время М.С. Строгович отмечал: «Если в том событии, факте, о котором стало известно органу дознания, следователю, прокурору или суду, нет признаков уголовно наказуемого деяния, т.е. нет состава преступления, то нет и оснований к возбуждению уголовного дела в отношении этого факта, события»¹.

Аналогичная точка зрения на понимание основания к возбуждению уголовного дела как наличия фактических данных, указывающих на состав преступления, содержится в работах других процессуалистов².

В-четвертых, уголовно-процессуальный закон содержит понятие «событие преступления», которое расшифровывается в п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ и п. 2 ст. 85 УПК РТ. В него входят время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления. Представляется, что деятельность на первоначальном этапе уголовного судопроизводства в сознании правоприменителя фактически направлена на установление не абстрактного для него понятия «признаки преступления», а на выявление времени, места, способа и других обстоятельств совершения преступления. То есть события преступления.

Подводя итог нашим рассуждениям, считаем необходимым отметить, что основания к возбуждению уголовного дела в законе России и Республики Таджикистан предпочтительнее сформулировать следующим образом: «Основанием к возбуждению уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на событие преступления».

ПЕРЕВЕРЗЕВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ

доцент кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, подполковник полиции
intercorpva@mvd.ru

ПЫТКА КАК НЕДОПУСТИМЫЙ И НЕЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Под пыткой в общем смысле понимается причинение человеку сильной боли, физических или нравственных страданий с целью получения от него каких-либо сведений. Пытка является одним из самых старых, «традиционных» способов получения информации при раскрытии и расследовании преступлений. Были времена, когда пытка считалась

¹ Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. Т.2. - С. 15-16.

² Голунский, С.А. Возбуждение уголовного дела / С.А. Голунский. - М., 1939. - С. 22; Карев, Д.С. Возбуждение и расследование уголовных дел / Д.С. Карев, Н.М. Савгирова. - М., 1967. - С. 8; Афанасьев, В.С., Сергеев, Л.А. Рассмотрение сообщений о преступлениях / В.С. Афанасьев, Л.А. Сергеев. - М., 1972. - С. 20.

разрешенным методом допроса подозреваемых в совершении преступлений. Существуют археологические данные о применении пыток, относящиеся к периоду раннего неолита.

В Европе наибольшее распространение пытки получили с 13 века вместе с укреплением феодальных государств и разгула религиозного мракобесия. Не будем перечислять здесь все возможные варианты средневековых пыток. Потому что для современного цивилизованного человека они выглядят чудовищно. Вспомним в качестве яркого показательного примера лишь средневековое «испытания водой», которое являлось не только пыткой, но и как бы «следственным экспериментом». Подозреваемому привязывали камень и бросали в глубокую воду. Результат оценивали так. Не выплыл - господь забрал невинную душу, значит - невиновен. Выплыл - господь отверг грешную душу, стало быть, виновен и подлежит казни. Неудивительно, что при таком подходе процент обжалованных решений был, скажем так, небольшим.

На рубеже 18-19 веков под влиянием просветительских идей, научно-технического прогресса и отхода от религиозной истерии, во многих европейских странах пытки формально запрещаются. 10 декабря 1948 г. Генеральная Ассамблея Организация Объединенных Наций принимает обязательную для исполнения всеми государствами Всеобщую декларацию прав человека, которая в статье 5 закрепляет, что «никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращению и наказанию». Конституция Российской Федерации в статье 21 содержит норму, в соответствии с которой «никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию». Статья 18 Конституции Республики Таджикистан содержит норму почти аналогичного содержания: «Никто не может быть подвергнут пыткам, жестокости и бесчеловечному обращению».

Иными словами, в настоящее время бесспорна недопустимость пыток в любых видах и формах, и с любыми целями.

Казалось бы, вопрос уже давно решен, окончательно и бесповоротно. И в отношении обычных преступлений, в обществе существует практически единое мнение о недопустимости пыток. Но после каких-либо, вызывающих большой общественный резонанс особенно жестоких преступлений, или преступлений со множеством жертв, дискуссия о допустимости пыток вновь вспыхивает в обществе. В качестве примера можно привести появившиеся в открытом доступе в сети «Интернет» после террористического акта в «Крокос Сити Холле» кадры, иллюстрирующие отрезание уха и пытку электрическим током задержанных предполагаемых террористов. Здесь мы не будем оценивать достоверность этих кадров, их источник и правильность реакции органов государства, в чью компетенцию входит принятие юридических решений по таким фактам. Отметим лишь реакцию общества на них. Весьма значительная его часть, в том числе многие сотрудники органов правопорядка, не только не осудила эти потенциально возможные пытки, но даже отнеслась к ним с одобрением.

Думается, что это можно объяснить тем, что в подобных случаях в обществе обостряется чувство страха, которое, в свою очередь, ожесточает и превращает людей в бессмысленную и безжалостную толпу. Иными словами, срабатывает неосознанный древний защитный механизм подобный тому, который заставлял древние народы (вспомним обычаи индейцев майя и ацтеков) совершать человеческие жертвоприношения в периоды явной или мнимой смертельной опасности. В таких случаях для толпы неважно, чья «пролилась кровь» – виновного или невинного. Чем выше будет уровень жестокости, тем больше у толпы будет чувство безопасности. Но допустимо ли государственным органам, тем более органам правопорядка поддаваться влиянию толпы. Очевидно, что нет! И причин для этого множество:

В первую очередь – формально-юридические. Пытки запрещены как международными, так и государственными нормами права без каких-либо условий и исключений, по-

этому не имеет смысла это обсуждать. Применяющий пытку переходит на противоположную сторону борьбы со злом и сам становится преступником.

Во вторую очередь – морально-этические. В этой связи нам не столько интересны страдания пытаемых, сколько моральный и психический облик сотрудника органа правопорядка, который применяет пытку. Тем острее этот вопрос встает, когда нам становится известно о пытках не только жестоких, но и извращенных, при которых пытающий получает наслаждение от своих действий, или пытках, связанных с насильственными действиями сексуального характера (наподобие истории в органах исполнения наказаний Саратовской области). Думается, что человек допустивший, или самостоятельно инициировавший такие действия не вполне психически полноценен, и уже по этой причине не может служить в органах правопорядка.

В третью очередь – рационально-практические. Опыт применения пыток показал их принципиальную неэффективность. Ведь главная задача работы с лицом, подозреваемым в совершении преступления – получение не признания, а правдивой информации. И в этом пытка неэффективна. Потому что под влиянием сильных физических или эмоциональных страданий, человек может признаться в чем угодно, лишь бы остановить эти страдания. Во время пытки человек уже не думает о том, к чему может привести это признание в дальнейшем. Вспомним в этом плане хотя бы средневековую «охоту на ведьм». Как вы думаете, какой процент женщин, признавшихся в ходе пыток в колдовстве и сожженных на кострах инквизиции, были ведьмами на самом деле? Таким образом, применение пытки противоречит основной задаче расследования – получению достоверной информации. Недостоверная информация может направить расследование по ложному пути, и даже стать причиной неправомерного приговора. Иными словами пытка не отвечает главной задаче расследования – установлению истины.

В четвертую очередь – индивидуально-защитительные. Даже реально совершивший преступление, но осужденный в результате применения пыток преступник, в душе будет винить в своей участи именно того, кто применял к нему незаконные методы. Он может затаить зло, и при появлении возможности, отомстить тому должностному лицу, кто его пытал. Если же права осужденного соблюдались в течение всего процесса расследования и рассмотрения дела в суде, то в свершившемся приговоре преступник будет винить только себя. Как за то, что оставил много улик при совершении преступления, так и за то, что своими неловкими действиями в ходе расследования позволил изобличить себя в его совершении. И желание мстить представителям органов правопорядка у него в этом случае вряд ли возникнет.

Таким образом, страны, идущие по пути прогресса, не должны допускать применения пыток в процессе расследования преступлений и всячески осуждать такие действия, если они допускаются в тех странах, которые задерживаются в своем развитии.

ПЕТРОВА ОЛЬГА ВАЛЕНТИНОВНА

доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Белорусского
государственного университета, кандидат юридических наук, доцент
machkova@bsu.by

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ТАДЖИКИСТАНА И БЕЛАРУСИ

Вопросы создания ювенальной юстиции или регулирования отдельных аспектов производства по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних представляют

самостоятельный правовой институт законодательства каждой страны. В том числе и уголовно-процессуальном праве выстраиваются определенные требования к процессуальной форме производства с участием несовершеннолетних. Традиционно на постсоветском пространстве регулирование осуществляется через правовую регламентацию особенностей производства по делам о преступлениях несовершеннолетних в уголовном процессе. Следует отметить, что в настоящее время как в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Таджикистан 2009 года (далее – УПК РТ), так и Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь 1999 года (далее – УПК Беларуси) правовое регулирование производства в отношении несовершеннолетних в уголовном процессе достаточно схоже, учитывая общие исторические корни постсоветской правовой системы.

Во-первых, оба закона выделяют самостоятельную главу, определяющую особенности производства по делам о преступлениях несовершеннолетних (преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет), хотя в некоторых государствах с выделенной системой ювенальной юстиции может быть предусмотрен самостоятельный закон. Кроме того, некоторые иные нормы предопределяют соответствующие особенности помимо указанных глав.

Как отмечается в Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинских правилах) от 29 ноября 1985 года (далее – Пекинские правила) система правосудия в отношении несовершеннолетних направлена в первую очередь на обеспечение благополучия несовершеннолетнего и того, чтобы любые меры воздействия на несовершеннолетних правонарушителей были всегда соизмеримы как с особенностями личности правонарушителя, так и с обстоятельствами правонарушения.

Реализации указанных целей и посвящены особенности правового регулирования производства в отношении несовершеннолетних в рассматриваемых государствах.

Следует отметить, что во многом схожи определения предмета доказывания по делам в отношении несовершеннолетних. Так, в ч. 2 ст. 89 УПК Беларуси по делам о преступлениях несовершеннолетних предусмотрен расширенный предмет доказывания: помимо обстоятельств, входящих в предмет доказывания, должны быть установлены: 1) возраст несовершеннолетнего (число, месяц, год рождения); 2) условия жизни и воспитания; 3) степень интеллектуального, волевого и психического развития; 4) наличие взрослых подстрекателей и иных соучастников. В ст. 425 УПК РТ определены возраст несовершеннолетнего (число, месяц, год рождения); условия жизни, обучения и воспитания, степень интеллектуального, волевого и психического развития, особенности характера и темперамента, потребности и интересы; влияние взрослых лиц и других несовершеннолетних.

Для производства по делам о преступлениях несовершеннолетних характерен принцип двойного представительства: в уголовном деле наряду с несовершеннолетним обвиняемым участвует законный представитель и защитник. Участие защитника по указанной категории уголовных дел является обязательным в уголовном процессе как Беларуси, так и Таджикистана.

Следует обратить внимание, что в обеих правовых системах допускается в качестве защитника участие близких родственников и законных представителей несовершеннолетнего (ст. 44 УПК Беларуси, ст. 49 УПК РТ). В Беларуси такая возможность, однако, возможна только в судебных стадиях уголовного процесса, при этом участие таких лиц в качестве защитников не подменяет обязательного участия профессионального защитника, на возможность чего в Таджикистане обращается внимание в литературе¹.

¹ Хакимзода, А.Х. Развитие института производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в современном уголовно-процессуальном законодательстве Республики Таджикистан / А.Х. Хакимзода // Государственная служба и кадры. – 2021. – № 5. – С. 298.

В Беларуси при наличии у несовершеннолетних подозреваемого или обвиняемого родителей или других законных представителей их участие в уголовном деле обязательно. Законный представитель допускается к участию в деле с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве подозреваемого или обвиняемого. Кодексы регулируют объем его прав (ст. 57 УПК Беларуси, ст. 431 УПК РТ), которых в Беларуси значительно больше. Также предусмотрено, что полномочия законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого в судебном разбирательстве прекращаются по достижении последним восемнадцати лет (ч. 5 ст. 56 УПК Беларуси). Однако если несовершеннолетний обвиняемый достиг восемнадцати лет во время судебного следствия или после постановления приговора, законный представитель вправе обжаловать приговор и принимать участие в апелляционном рассмотрении дела.

Не всегда законные представители могут должным образом защищать в рамках предоставленных им прав интересы несовершеннолетнего и выполнять возложенные на них обязанности. В Республике Беларусь законный представитель может быть отстранен по мотивированному решению органа, ведущего уголовный процесс, от участия в уголовном деле, если в ходе предварительного следствия или судебного разбирательства установлено, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого. В таком случае к участию в деле должен быть допущен другой законный представитель несовершеннолетнего (ч. 4 ст. 436 УПК Беларуси).

Следует обратить внимание, что такая возможность в таджикском законе также предусмотрена (ч. 4 ст. 431 УПК РТ).

В Беларуси неявка законного представителя несовершеннолетних подозреваемого или обвиняемого, надлежащим образом извещенного о месте и времени проведения следственных действий с участием несовершеннолетних, или о месте и времени рассмотрения уголовного дела и не заявившего ходатайства об его отложении, не препятствует проведению следственных действий (судебного разбирательства) при наличии письменного согласия на это несовершеннолетних подозреваемого или обвиняемого, а в суде – если суд не найдет необходимым их участие (ст. 436-437 УПК Беларуси). Аналогичный подход имеется и в Таджикистане.

При решении вопроса о задержании и применении меры пресечения в отношении несовершеннолетних, следует учитывать, что задержание, заключение под стражу и домашний арест в отношении несовершеннолетних должны рассматриваться как исключительная мера, на что ориентирует ст. 13 Пекинских правил.

При решении вопроса о применении меры пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемого или обвиняемого в каждом случае должна обсуждаться возможность применения такой меры, как отдача несовершеннолетнего под присмотр (ст. 123 УПК Беларуси, ст. 427 УПК РТ).

Следует отметить, что УПК РТ предусматривает своего рода более лояльные несовершеннолетнему условия применения мер пресечения.

Для Таджикистана допустимо только в случаях тяжкого и особо тяжкого преступления применение заключения под стражу в отношении несовершеннолетних (ст. 427 УПК РТ), а для Беларуси и в случаях совершения менее тяжкого преступления (ст. 432 УПК Беларуси).

В Беларуси при решении вопроса о даче санкции или вынесении постановления о заключении под стражу прокурор или его заместитель либо Председатель СК Республики Беларусь, Председатель КГБ Республики Беларусь или лица, исполняющие их обязанности, обязаны лично допросить несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого (ч. 3 ст. 126 УПК Беларуси). С учетом того, что решение вопроса о заключении под стражу в Таджикистане предусмотрено судом в судебном заседании, обвиняемый/подозреваемый в

любом случае участвуют в судебном заседании и могут выказывать аргументы в свою защиту (ст. 111 УПК РТ) и указанная гарантия фактически дополнительно не требуется.

Следует положительно отметить, что нормой ч. 3 ст. 427 УПК РТ предусмотрено, что срок содержания несовершеннолетнего под стражей в качестве меры пресечения на предварительном следствии может быть продлен на срок до шести месяцев. В Беларуси сокращенных предельных сроков содержания по стражей для несовершеннолетних не предусмотрено.

В обеих правовых системах о задержании, заключении под стражу или продлении срока содержания под стражей немедленно ставятся в известность родители или другие законные представители несовершеннолетнего.

Разумно, что допрос несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого (ст. 434 УПК Беларуси, ст. 429 УПК РТ) не может продолжаться без перерыва более двух часов, а в общей сложности – более четырех часов в день.

При допросе несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого участие педагога или психолога обязательно (ст. 435 УПК Беларуси). Последние также участвуют в рассмотрении уголовного дела в суде и могут по усмотрению органа, ведущего уголовный процесс, участвовать и в производстве иных следственных действий.

В уголовном процессе Таджикистана участие педагога/психолога в допросе лица старше шестнадцати лет обязательно в отношении лиц, достигших этого возраста, но признанных умственно отсталыми, а также допускается по усмотрению следователя, прокурора либо по ходатайству защитника (ст. 430 УПК РТ). Безусловно, что педагог или психолог не могут заменить специальной подготовки специалистов органов, ведущих уголовный процесс с участием несовершеннолетних.

Согласно ст. 430 УПК Беларуси уголовные дела о преступлениях несовершеннолетних подлежат рассмотрению специальными судами по делам несовершеннолетних либо судьями, имеющими специальную подготовку, коллегией в составе судьи и двух народных заседателей. В Таджикистане не прописана необходимость специальной подготовки судей, однако состав предполагается аналогичным.

Норма ст. 8 Пекинских правил предусматривает такое требование как конфиденциальность производства по делам несовершеннолетних¹.

По решению суда уголовное дело о преступлении, совершенном лицом в возрасте до шестнадцати лет, может быть рассмотрено в закрытом судебном заседании (ч. 2 ст. 23 УПК Беларуси, ч. 2 ст. 273 УПК РТ).

Следует отметить, что УПК Беларуси, как и УПК РТ не допускает сокращения процессуальных гарантий в отношении несовершеннолетних. Так по делам о преступлениях несовершеннолетних не может быть применен сокращенный порядок судебного следствия (ч. 2 ст. 326 УПК Беларуси), не допускает проведение ускоренного производства. Однако допускается заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетним (ст. 468-6 УПК Беларуси).

Отдельный аспект производства по делам несовершеннолетних – меры по снижению негативного влияния производства на несовершеннолетних. Так, в обоих процессах допускается и поощряется выделение дела в отношении несовершеннолетних в отдельное производство.

В соответствии со ст. 438 УПК Беларуси по ходатайству государственного обвинителя, защитника или законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого, а также по своей инициативе суд вправе с учетом мнений сторон своим определением удалить

¹ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1985 года // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml

несовершеннолетнего обвиняемого из зала судебного заседания на время исследования обстоятельств, которые могут оказать на него отрицательное воздействие. После возвращения несовершеннолетнего обвиняемого в зал судебного заседания суд сообщает ему содержание разбирательства, произошедшего в его отсутствие, и предоставляет несовершеннолетнему обвиняемому возможность задать вопросы лицам, допрошенным без его участия. Аналогичные меры содержит и таджикский закон (ст. 434 УПК РТ).

Следующий аспект – это вопрос обсуждения приговора и принятия мер уголовно-правового реагирования в отношении несовершеннолетних.

Согласно ст. 439 УПК Беларуси при постановлении приговора в отношении несовершеннолетнего обвиняемого наряду с вопросами, перечисленными в ст. 352 УПК Беларуси, суд должен разрешить дополнительные вопросы: о назначении наказания, не связанного с лишением свободы, а также об освобождении от наказания.

Если по уголовному делу о преступлении, не представляющем большой общественной опасности, или о совершенном впервые менее тяжком преступлении будет признано, что несовершеннолетний, совершивший его, может быть исправлен без применения мер уголовного наказания, суд вправе постановить обвинительный приговор и назначить ему принудительные меры воспитательного характера. Копия приговора направляется в орган, ведающий исполнением принудительных мер воспитательного характера.

Контроль за исполнением несовершеннолетним осужденным требований, предусмотренных назначенной ему принудительной мерой воспитательного характера, возлагается по постановлению судьи на орган, ведающий исполнением принудительных мер воспитательного характера. В случае злостного уклонения несовершеннолетнего осужденного в течение срока судимости от исполнения принудительной меры воспитательного характера судья по представлению органа, ведающего ее исполнением, отменяет принудительную меру воспитательного характера и заменяет ее на более строгую (ст. 440 УПК Беларуси).

Следует обратить внимание на тенденцию, что закон Таджикистана предусматривает широко возможность принудительных мер воспитательного воздействия как альтернативы уголовному преследованию на самых ранних стадиях, что можно приветствовать (ст. 432 УПК РТ). Для дальнейшего совершенствования противодействия подростковой преступности опыт применения принудительных мер как альтернативы уголовной ответственности может быть полезен для Беларуси.

Таким образом следует отметить общие тенденции в правовом регулировании производства по делам о преступлениях несовершеннолетних в Беларуси и Таджикистане, однако есть различия в некоторых тенденциях уголовной политики в отношении несовершеннолетних. Изучение опыта может быть полезным для дальнейшего совершенствования законодательства в обеих правовых системах.

ПОПОВА ИРИНА ПАВЛОВНА

доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент, председатель Усть-Илимского
городского суда Иркутской области в почетной отставке
irinabaikal@mail.ru;

КАРСАКОВ АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ

преподаватель кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД
России, старший лейтенант юстиции
azotjoker.1@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЮ ПРАВОМ НА ЗАЩИТУ

Право на защиту находится в числе приоритетных среди иных прав подозреваемых, обвиняемых и подсудимых. Нарушение права на защиту влечет за собой ярко выраженные негативные последствия, в том числе, недопустимость полученных доказательств, признание ничтожными результатов процессуальных действий, а принятых решений – незаконными, а также обязанность восстановления нарушенного права, как правило, с ответственностью правоприменителя за допущенные нарушения.

Вместе с тем одной из характерных тенденций современного уголовного судопроизводства выступает злоупотребление правами, что влечет, как нарушение прав и свобод участников уголовного процесса, так и выступает препятствием обеспечению разумного срока уголовного судопроизводства, и в целом – решению стоящих в ходе досудебного производства задач и достижению назначения уголовного судопроизводства.

Актуальность проблемы противодействия злоупотреблению правом на защиту заключается в том, что эффективное расследование возможно лишь при наличии достаточных процессуальных механизмов преодоления такому поведению участников уголовного судопроизводства. Для выработки алгоритмов действий со стороны должностных лиц требуется выявление не только сущности злоупотребления правом на защиту, но и определение условий правомерности поведения участников уголовного судопроизводства, границ воздействия на них в целях противодействия такому негативному явлению, его предупреждению, а также в целях обеспечения законности действий и решений властных участников уголовного процесса.

Реализация права личности на защиту осуществляется посредством законодательного закрепления и корректного применения процессуальных гарантий. Последние, в широком смысле, представляют собой правовые средства, обеспечивающие решение задач уголовного судопроизводства, защиту прав и законных интересов его участников, возможность производства процессуальных мероприятий и принятия процессуальных решений. Точнее сказать, это система правовых средств обеспечения успешного решения задач правосудия и охраны законных интересов всех участвующих в деле лиц, предполагающая строгое соблюдение установленных законом принципов уголовного судопроизводства, закрепление прав участников процесса и условий их реализации, точное исполнение обязанностей должностными лицами и органами, осуществляющими уголовно-процессуальную деятельность¹.

Злоупотребление правом является закономерным и ожидаемым результатом разви-

¹ Овчинников, Ю.Г. Понятие уголовно-процессуальных гарантий / Ю.Г. Овчинников // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. - 2011. - №19 (236). - С. 42

тия института права на защиту в уголовном процессе. Увеличение количества и качества прав подозреваемого, обвиняемого, защитника, в некоторых случаях приводит к искушению злоупотребить этими правами, т.е. использовать их не в законных (легитимных) интересах, а вопреки им (во вред правосудию) – для того, чтобы затянуть уголовный процесс, увести его к обсуждению иных, не связанных с существом уголовного дела вопросов и, в конечном итоге, по формальным основаниям избежать уголовной ответственности¹. Противодействие указанным негативным проявлениям права на защиту возможно только путём ограничения лица в конкретном субъективном праве.

Злоупотребление правом на защиту – это поведение участника уголовно-процессуального правоотношения, обладающего процессуальными правами (полномочиями), осуществляемое в процессе правомерной реализации этих прав, но в противоречии с их смыслом и назначением, причиняющее, либо способное причинить вред другим участникам процесса, обществу, государству либо влекущее за собой иные негативные последствия².

В целом, право на защиту в уголовном судопроизводстве проанализировано и разъяснено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 30 июня 2015 г. «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве»³. Рассматриваемое Постановление с учетом правовых позиций Конституционного Суда РФ распространяет действие права подозреваемого и обвиняемого на защиту, в том числе, и на лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. В связи с изложенным, поведение лиц, участвующих при проведении проверки сообщения о преступлении, несмотря на формальное отсутствие у них статуса подозреваемого или обвиняемого, подлежит рассмотрению с точки зрения злоупотреблений.

Соблюдение прав обвиняемого и подозреваемого, в том числе, наличие или отсутствие факта их разъяснения при производстве следственных действий, являются предметом особого внимания со стороны надзирающих органов и суда при проверке допустимости полученных доказательств.

К сожалению, при производстве следственных действий, защитниками-адвокатами по различным причинам также могут допускаться злоупотребления правом. Одним из основных процессуальных средств доказывания является допрос подозреваемого и обвиняемого. Следует понимать, что данные следственные действия являются не только инструментом следователя или дознавателя, но также отвечают интересам стороны защиты, ведь именно при их производстве представители стороны защиты по уголовным делам получают уникальную возможность активной защиты, состоящей в выражении субъективного мнения, относительно существа подозрения или обвинения, а также формирования и отражения в материалах уголовного дела собственной позиции.

С учетом требований п. 3 ч. 4 ст. 46 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ), согласно которому подозреваемый вправе иметь свидание с защитником наедине и конфиденциально до первого допроса, а также к ч. 3 ст. 187 УПК РФ, которая определила, что перерыв в допросе необходим для отдыха и приёма пищи, представляется, что все консультации должны быть проведены либо до допроса, либо, как закреплено в УПК РФ, в присутствии следователя и в краткой форме. Консультация

¹ Азаров, В.А., Нурбаев, Д.М. Способы противодействия злоупотреблению правом в уголовном процессе / В.А. Азаров, Д.М. Нурбаев // Вестник Том. гос. ун-та. - 2018. - № 431. - С. 170.

² Даровских, О.И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России: автореф... дис. кан. юрид. наук: 12.00.09 / О.И. Даровских. – Челябинск, 2013. - С. 8.

³ О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. - № 9.

должна быть не продолжительной, и не нарушать ход следственного действия, организация которого в рамках процессуальных полномочий следователя, самостоятельного организующего ход расследования в рамках своей компетенции.

Показания допрашиваемого лица записываются от первого лица и по возможности дословно (ч. 2 ст. 190 УПК РФ). Исходя из буквального толкования данной нормы, можно сделать вывод о том, что давать показания, в том числе, отвечать на вопросы должен только подозреваемый (обвиняемый), который и является допрашиваемым. Защитник не вправе в ходе следственного действия формулировать ответы, отвечать за подзащитного. Показания подозреваемого (обвиняемого) должны формироваться именно из известных ему сведений о фактах и в той форме, в которую он лично облекает свои показания. В случае, когда он либо его защитник не желает, чтобы эта информация была озвучена, им предоставлено право, предусмотренное ст. 51 Конституции РФ. Но при согласии дать показания подозреваемый должен до проведения допроса выяснить все интересующие аспекты с защитником для того, чтобы самостоятельно формулировать показания.

Защитник, как лицо, осуществляющее юридическую защиту прав и законных интересов доверителя согласно ч. 2 ст. 53 УПК РФ имеет право в присутствии следователя, дознавателя давать ему краткие консультации. Данное право обеспечивает подозреваемым и обвиняемым возможность безотлагательно получать разъяснения по интересующим его моментам, а также юридической сущности тех или иных следственных и процессуальных действий, содержания собственных прав. В то же время, защитники могут злоупотреблять данным правом при производстве допроса, фактически давая показания вместо доверителя, корректируя его ответы, либо запрещая ему отвечать на вопросы следователя. Складывается негативная ситуация, при которой адвокат не осуществляет защиту подозреваемого или обвиняемого, а заменяет его при производстве следственного действия, что недопустимо. Лицу, производящему допрос в этом случае, следует незамедлительно зафиксировать факт такого злоупотребления в протоколе, а также предупредить защитника о недопустимости такого поведения при допросе, акцентировав при этом внимание на том, что если его подзащитному требуется краткая консультация, они имеют право заявить об этом соответствующее ходатайство.

Такое поведение адвоката не должно оставаться без внимания. Следователь, дознаватель должны осознавать, что они являются должностным лицом, уполномоченным государством на осуществление процессуальной деятельности и именно они производят конкретное следственное действие. Игнорирование провоцирующего поведения защитника в рассмотренных случаях неизбежно влечёт за собой утрату ценных доказательств, ввиду изменения допрашиваемым собственных показаний, на фоне падения авторитета, допрашивающего его в глазах.

Действенным процессуальным инструментом профилактики подобных явлений признается возможность применения технических средств фиксации и изъятия следов преступления, предусмотренная ч. 6 ст. 164 УПК РФ. Применение средств аудио или видеофиксации хода допроса в значительной мере дисциплинирует адвоката, допрашиваемого и самого следователя, дознавателя. Предупреждение подозреваемого, обвиняемого и его защитника до начала производства следственного действия о применении технических средств способно нивелировать случаи необоснованного вмешательства защитника в ход производства допроса или очной ставки.

При производстве следственных действий с применением технических средств, или с привлечением понятых (в предусмотренных законом случаях или по усмотрению следователя), следует также дословно фиксировать в протоколе следственного действия реплики защитника, напрямую вмешивающегося в ход следственного действия и влияющие на его исход, и ход следственного действия отражать полно.

Фиксация указанных ранее нарушений может повлечь за собой конфликтную ситуа-

цию, в которой адвокат, может допустить иное злоупотребление – откажется от подписания протокола. В этом случае следует прибегнуть к закреплённому в ст. 167 УПК РФ инструменту – фиксации факта отказа от подписания протокола, с обеспечением возможности дачи объяснения причин такого отказа.

Помимо изложенного, подозреваемый, обвиняемый или их защитник, по окончании следственного действия имеют право вносить в протокол замечания, а также заявлять ходатайства. Это право безусловно и неотъемлемо. Лицо, осуществляющее следственное действие, в любом случае должно зафиксировать заявленные замечания и ходатайства дословно. Ни в коем случае не стоит пытаться избежать их заявления, либо склонить сторону защиты к отказу от их заявления. Замечания, в любом случае должны быть отражены, что никоим образом не влияет на результат следственного действия, в случае если была соблюдена процессуальная форма. Ходатайства же, какими бы они ни были, подлежат принятию и рассмотрению после его заявления, либо же, в случаях, когда это невозможно – в срок не позднее 3 суток со дня его заявления.

Попытка допрашиваемого лица изменить свои показания, зафиксированные следователем с его слов в протоколе допроса или очной ставке, когда допрашиваемое лицо или его защитник преследуют цель исключения из протокола озвученных допрашиваемым лицом сведений, имеющих значение для уголовного дела, не является злоупотреблением права на защиту. Расценивая такое поведение как способ защиты права, следует стремиться к наиболее полной фиксации сведений, сообщенных в ходе допроса, и соблюдению требований к порядку производства следственного действия. По окончании допроса протокол предъявляется допрашиваемому лицу для прочтения либо по его просьбе оглашается следователем, о чем в протоколе делается соответствующая запись. Ходатайство допрашиваемого о дополнении и об уточнении протокола подлежит обязательному удовлетворению. Факт ознакомления с показаниями и правильность их записи допрашиваемое лицо удостоверяет своей подписью в конце протокола. Допрашиваемое лицо подписывает также каждую страницу протокола (ч.ч. 6,8 ст. 190 УПК РФ).

Можно было бы рассуждать на предмет того, как такие замечания могут способствовать снижению доказательственного значения сведений, содержащихся в протоколе допроса, или вовсе повлечь исключение протокола из числа доказательств. Однако, при соблюдении процедуры допроса и правильности изложения его хода в протоколе, во всяком случае, оценка замечаний, сведений, изложенных в протоколе, будет дана следователем/судом наряду со всеми доказательствами, собранными по уголовному делу.

Отказ от подписи протокола следственного действия стороной защиты может быть заявлен в знак протеста против действий (бездействия) следователя, а также как способ отстаивания прав защищаемого адвокатом лица. Но при этом для защитника, наоборот, подразумевает для таких ситуаций активные действия с его стороны (заявление ходатайств об устранении недостатков, подача замечаний, принятие мер к внесению в протокол сведений о допущенных нарушениях и др.¹

Отказ от подписи протокола следственного действия подозреваемым (обвиняемым), равно как и иными участниками уголовного судопроизводства не умаляет законность состоявшегося следственного действия, а равно достоверность отраженных в нем сведений. Факт отказа может и должен быть зафиксирован следователем в присутствии двух понятых.

Защитник не вправе отказаться от подписания протокола следственного действия, учитывая как положения ст. 167 УПК РФ, так и положения Стандарта осуществления ад-

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гусева Антона Андреевича на нарушение его конституционных прав статьей 167 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2018 г. № 3388-О // [Электронный ресурс] - Режим доступа: СПС Консультант плюс.

вокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г.¹ Защитник должен знакомиться с протоколами процессуальных действий, проводимых с его участием, на всех стадиях уголовного процесса и при необходимости приносить на них замечания (п. 10 Стандарта). Напротив, в случае отказа подзащитного от подписания протокола следственного действия адвокат обязан выяснить мотивы такого отказа и принять необходимые меры, направленные на защиту прав и законных интересов подзащитного (п. 11 Стандарта).

Более того, ненадлежащее исполнение адвокатом принятых на себя обязанностей защитника по уголовному делу (в том числе, отказ участвовать в каком-либо процессуальном действии и, как следствие, отказ подписывать протокол этого следственного действия) может быть обжаловано его подзащитным в квалификационную комиссию адвокатской палаты субъекта Российской Федерации (подпункт 9 п. 3 п. 7 ст. 31, п. 1 и п. 7 ст. 33 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), что служит дополнительной гарантией прав лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления. Следователь может внести представление в адвокатскую палату, но в этом случае он должен обосновать свои доводы конкретными материалами. Отсюда следует вывод, что такое поведение адвоката должно быть максимально зафиксировано в материалах дела.

Должностные лица обязаны законно и обоснованно реагировать на случаи злоупотребления правом, ставящие под угрозу достижение назначения уголовного судопроизводства или же нарушающие принципы уголовного судопроизводства. В тоже время надлежит отличать злоупотребление правами от способов защиты, гарантированных участникам процесса.

РАҲМАТУЛОВ АБДУҶАББОР ЭРГАШЕВИЧ
дотсенти кафедраи ҳуқуқи судӣ ва назорати прокуратурии Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ,
бизнес ва сиёсати Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ
Abdujabbor-2603@mail.ru

ҚАЛАНДАРОВА МАҲБУБА ДАДОҶОНОВА
омӯзгори калони кафедраи ҳуқуқи судӣ ва назорати прокуратурии Донишгоҳи давлатии
ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон
abdullaeva.m.k@mail.ru

ТАЪМИНИ КАФОЛАТҲОИ ҲУҚУҚУ МАНФИАТҲОИ ИШТИРОКЧИЁНИ МУРОФИАИ СУДИИ ҶИНОЯТӢ ВА ШАҲСОНИ ДИГАР ҲАНГОМИ ИНТИХОБ ВА ТАТБИҚИ ҶОРАҲОИ ПЕШГИРӢ

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГАРАНТИЙ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА И ИНЫХ ЛИЦ ПРИ ИЗБРАНИИ И РЕАЛИЗАЦИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

Кодекси муурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон (2009)² ва ислоҳоти судӣ-ҳуқуқӣ (2007-2021), ки дар кишвар амалӣ гардид, асосҳои адолати судиро оид ба парвандаҳои ҷиноятӣ таҳким баҳшида ба рушди ҳифзи судии ҳуқуқу озодиҳои инсон

¹ Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве: принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20.04.2017 г. // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. - 2017. - № 2. - 2017.

² Кодекси муурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 03-юми декабри с. 2009, № 564 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон. 2009. № 12, мод. 815-816; Қонуни ҶТ аз 25.03.11, № 692; аз 02.08.17, №755; №1696, аз 04.07.2020, №1702.

ва шаҳрванд замина гузошт. Новобаста аз дигаркуниҳои куллӣ оид ба таъмини кафолатҳои ҳимояи ҳуқуқи манфиатҳои иштирокчиёни муурофиаи ҷиноятӣ, дар амалияи тафтишотию судӣ ва танзими муносибатҳои муурофиавии ҷиноятӣ масъалаҳои ҷойдоранд, ки таҳлили ҳуқуқӣ ва ҷустуҷуи роҳҳои ҳалли асосноки онҳоро талаб мекунад.

Аз ҷумла, дар адабиёт муҳаққиқон атрофи ҳалли яке аз масъалаҳои муҳимми муурофиаи ҷиноятӣ - таъмини кафолати ҳимояи ҳуқуқи манфиатҳои иштирокчиёни муурофиа ва шахсони дигар андешаҳои худро иброз кардаанд¹, ки аҳамият ва мубрамияти онро амалияи пешбурди парвандаҳои ҷиноятӣ тасдиқ мекунад.

Таҳлили меъёрҳои муурофиавии ҷиноятӣ ва андешаҳои олимони соҳа нишон медиҳад², ки ҳуқуқи манфиатҳои иштирокчиёни муурофиаи ҷиноятӣ ва шахсони дигар аз ҳама бештар ҳангоми интиҳоб ва татбиқи чораҳои пешгирӣ ба ҳимоя ниёз пайдо мекунад³.

Чораҳои пешгирӣ, ҳарчанд чораҳои маҷбурии муурофиавӣ эътироф шуда, аз ҷониби мақомоти таъкиби ҷиноятӣ татбиқ шаванд ҳам, лекин интиҳоб ва татбиқи баъзе аз онҳо (кафолати шахсӣ; супоридани хизматҳои ҳарбӣ таҳти назорати фармондеҳии қисми ҳарбӣ; таҳти назорат супоридани ноболиғ; гарав) на ба ташаббуси мақомоти пешбурди парвандаи ҷиноятӣ, балки ба ташаббуси кафилон (м.107 КМҚ ҚТ), шахси сазовори боварӣ, падару модар, парасторон, васиён, инчунин намояндагони муассисаҳои махсуси кӯдакон (м. 108 КМҚ ҚТ), гаравсупоранда (м. 109 КМҚ ҚТ), ки ба пешбурди парвандаи ҷиноятӣ бо хошироиди худ шомил мешаванд, вобаста мешавад.

Шахсони номбаршуда ихтиёран бо дархост ба мақомоти пешбурди парвандаи ҷиноятӣ мууроҷиат намуда, ба зиммаи худ уҳдадорӣ мегиранд, ки дар ҷарёни пешбурди парвандаи ҷиноятӣ рафтори дурусти гумонбаршаванда ва ё айбдоршавандаро, бо даъвати мақомоти пешбурди парвандаи ҷиноятӣ саривақт ҳозир шудани онҳоро таъмин мекунад ва назорат мебаранд, ки гумонбаршаванда ва ё айбдоршаванда ба тафтишот ҳалал нарасонанд, саркашӣ накунад, ҳуқуқвайронкунӣ ва ё ҷинояти дигар содир накунад. Ғайр аз ин, шахсони номбаршуда барои иҷро накардани уҳдадорӣҳои муурофиавӣ, ки бинобар интиҳоб ва татбиқи чораҳои пешгирӣ ба зимма мегиранд, мумкин аст ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашида шаванд, ки дар ин бора онҳо огоҳ карда мешаванд.

Лекин, ҳақду ҳудуди назорати шахси сазовори боварӣ, кафилон, падару модар, парасторон, васиён, инчунин намояндагони муассисаҳои махсуси кӯдакон, гаравсупоранда, нчунин роҳу воситаҳои қобили қабули таъмини рафтори гумонбашаванда ё айбдоршавандаро ҳангоми татбиқи чораҳои пешгирии ғайриҳабсӣ, қонуни муурофиавӣ муқаррар накардааст. Оё онҳо метавонанд дар доираи уҳдадорӣҳои муурофиавии худ ҳуқуқи озодии гумонбаршаванда ё айбдоршавандаро маҳдуд намоянд ё барои пешгирии ҳалалрасонӣ ба тафтишот ё содир кардани ҷинояти дигар, гумонбаршаванда ё айбдоршавандаро маҷбури дар ягон ҷойи дигар нигоҳдоранд?

¹ Раҳимзода, Р.Х. Ҳимояи давлатии иштирокчиёни пешбурди судии ҷиноятӣ / Р.Х. Раҳимзода. – Душанбе: Ирфон, 2014. – 52 с.; Қобилов Б.Қ. Татбиқи чораҳои пешгирӣ аз ҷониби суд тибқи қонунгузори муурофиавии ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон: автореф...дисс... н.и.х.: 12.00.09 / Б.Қ. Қобилов. – Душанбе, 2022. – 47с.

² Искандаров, З.Х., Абдуллоева, М.К. Кафолатҳои ҳуқуқии боздоштшуда зимни содир кардани ҷиноят / З.Х. Искандаров, М.К. Абдуллоева // Давлатшиносӣ ва ҳуқуқи инсон. – 2023. – №2 (30). – С. 198-208.

³ Искандаров, Ш.Ф., Исозода, П.А., Зиёвадинов, И.И. Асосҳои маҳдуднамоии ҳуқуқи озодиҳои инсон ва шаҳрванд дар муурофиаи ҷиноятӣ мутобиқи қонунгузори Ҷумҳурии Тоҷикистон // Қонунгузорӣ. – 2022. - №2 (46). – С. 35-41.

Воқеан, ҷой доштани ҷунин маҳдудиятҳо ва ба муфаттиш, прокурор ва ё суд бо шикоят муруҷиат накардани онҳоро муаллифони дигар низ қайд мекунанд¹.

Ҳамин тариқ, бинобар мавҷудияти норасоӣ, номукаммалии меъёрҳои қонунгузорӣ, дар пешбурди парвандаҳои ҷиноятӣ ҳолатҳои вайронкунии ҳадди асосноки татбиқи маҳдудиятҳои дахлнопазирии ҳуқуқи озодиҳои шахс ҳангоми татбиқи чораҳои пешгирии то ҳол ҷой доранд. Онҳо ҳарчанд ошкор шуда бошанд ҳам, бинобар пурра танзим нашудани муносибатҳои иштирокчиёни муурофиавӣ, то имруз бартараф нашудаанд.

Аз ҷумла, дар қонун дақиқ пешбинӣ нашудани ҳуқуқи уҳдадориҳои кафилон, шахсони сазовори боварӣ, падару модар, парасторон, васиён, инчунин намояндагони муассисаҳои махсуси кӯдакон, гаравсупоранда, ки бо хоҳиши худ ба пешгирии ва кушодани ҷиноят мусоидат мекунанд, на танҳо ба ғайриқонунӣ маҳдуд шудани ҳуқуқи манфиатҳои гумонбаршаванда ва айбдоршаванда, судшаванда, ки нисбати онҳо чораҳои пешгирии ғайриҳабсӣ татбиқ шудааст, балки ба эҷоди хавфу хатар ба ҳаёту тандурустии ҳарду тараф оварда мерасонад.

Дар раванди таҳқиқот, муайян карда шуд, ки дар амалия ҳолатҳое, ҷой доранд, ки ба шахсоне, ки нисбаташон чораҳои пешгирии ғайриҳабсӣ татбиқ шудааст, аз ҷониби ҳешовандони наздики онҳо, зери пардаи “пешгирии ва тарбия” (аз ҷумла, нисбати зан) зарари ҷисмонӣ маънавӣ расонида шудааст².

Аз ҷониби дигар, шахсони сазовори боварӣ, падару модар, парасторон, васиён, инчунин намояндагони муассисаҳои махсуси кӯдакон, гаравсупоранда дар бораи ҷавобгарии ҳуқуқӣ, аз ҷумла ҷиноятӣ, на барои зарари ҷисмонӣ ё маънавӣ расонидан нисбати гумонбаршаванда ё айбдоршаванда, балки агар уҳдадори муурофиавии худро иҷро накунанд, огоҳонида мешаванд. Дар ҳолати дигар, қонун кафолат надодааст, ки агар ба шахсони сазовори боварӣ, гаравсупоранда, инчунин аъзои оила ё ҳешовандони наздики онҳо бо куштор, зӯроварӣ, несту нобуд кардан ё осеб расонидан ба молу мулк ё дигар амали ғайриқонунӣ хавфнок барои иштирок дар муурофиаи ҷиноятӣ (татбиқи чораи пешгирии) таҳдид кунанд, ҷиҳати муҳофизати ҳаёт, саломатӣ, шаъну шараф, обрӯ ва молу мулки ин шахсон ягон чорае андешида шавад.

Падару модар, парасторон, васиён, инчунин намояндагони муассисаҳои махсуси кӯдакон тибқи қонун ҳамчун намояндагони қонунӣ пешбинӣ мешаванд (м. 6 КМҚ ҚТ) ва албатта Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи Ҳимояи давлатии иштирокчиёни муурофиаи судии ҷиноятӣ»³ дар қ. 2 м.2 “шахсони дигарро” ҳамчун “шахсони Ҳимояшаванда” пешбинӣ кардааст, лекин дар м. 6 КМҚ ҚТ шахсони дигар, ки ба пешгирии ва кушодани ҷиноят мусоидат мекунанд, номбар намешаванд.

Саволе ба миён меояд, ки онҳо иштирокчиёни муурофиаи ҷиноятӣ доништа мешаванд? Оё ҳуқуқи озодиҳои онҳоро, ки дар муурофиаи судии ҷиноятӣ иштирок ва ба пешгирии ва кушодани ҷиноят мусоидат мекунад, суд Ҳимоя намуда, ҷиҳати татбиқи онҳо шароит фароҳам оварда, барои қонун намудани талаботи қонунии онҳо чораҳо андешида метавонад?

Дар м.6 КМҚ ҚТ шахсони номбаршуда ҳамчун иштирокчиёни муурофиаи ҷиноятӣ номбар нашудаанд, лекин ин нуқтаи ниҳой нест. Риоя, иҷро ва Ҳимояи ҳуқуқи манфиатҳои онҳоро м.м.2, 23 КМҚ ҚТ ҳамчун “шахсони дигар, шахрвандон ва намояндагони шахси ҳуқуқӣ” ва м. 119 КМҚ ҚТ ҳамчун “шахсони дигар” дар

¹ Қобилов Б.Қ. Татбиқи чораҳои пешгирии аз ҷониби суд дар давраи тафтиши пешакӣ / Б.Қ. Қобилов // Осори Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон. - 2020. - №4(48). - С. 141-144.

² Маълумот аз амалияи суд ва адвокатҳои шахру ноҳияҳои вилояти Суғд (барои солҳои 2015-2023).

³ Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи Ҳимояи давлатии иштирокчиёни муурофиаи судии ҷиноятӣ» аз 29-уми декабри с. 2020, № 644 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон с. 2010, №12, қ. 1, мод. 806; с. 2012, №7, мод. 715.

шакли умумӣ пешбинӣ кардааст, ки ба танзими ҳуқуқӣ барои амалияи татбиқи ҳуқуқ ва таъмини ҳимояи судӣ кофӣ нестанд.

Бинобар ин, ба андешаи мо, шахсони сазовори боварӣ, падару модар, парасторон, васиён, инчунин намояндагони муассисаҳои махсуси кӯдакон, гаравсупоранда, ки воқеан дорои ҳуқуқу уҳдадорихои муурофиавӣ мебошанд ва дар муносибатҳои муурофиавии ҷиноятӣ иштирок мекунанд, бояд мақоми дақиқи иштирокчиёни муносибатҳои муурофиавиро дошта бошанд. Аз ин рӯ, кафолати ҳимояи ҳуқуқу манфиатҳои онҳо бояд аз ҷониби мақомоти пешбурди парвандаи ҷиноятӣ ва суд таъмин гардад.

Оид ба аҳаммияти ҳимояи судӣ И.Л. Петрухин чунин мешуморад, ки судя дар ҳолати баррасии шикоятӣ иштирокчиёни муурофиавии ҷиноятӣ аз амал ва қарорҳои мақомоти таъкиби ҷиноятӣ, фаъолиятро анҷом медиҳад, ки унсури таркибии адолати судӣ - назорати мустақили судӣ аз болои тафтишоти пешакӣ мебошад¹.

Тибқи Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон² ҳимояи судӣ ба ҳар кас кафолат дода шудааст, бинобар ин, барои мутобик кардани меъёрҳои муурофиавии ҷиноятӣ ба меъёрҳои конститусионӣ ва барои таъмини ҳимояи давлатӣ, аз ҷумла судии ҳамаи шахсоне, ки дар пешбурди парвандаи ҷиноятӣ иштирок мекунанд, пешниҳод мекунем:

1) дар м. 6 КМЧ ҚТ нишон дода шавад:

“Шахсони дигар, ки ба пешгирӣ ва кушодани ҷиноят мусоидат мекунанд – шахсони воқеӣ ва намояндаи шахси ҳуқуқӣ (м. 23КМЧ ҚТ), кафилон (м.106 КМЧ ҚТ), гаравдеҳ (м. 109 КМЧ ҚТ), шахсони сазовори эътимод (боварӣ) (м. 108 КМЧ ҚТ), аризадиханда (м. 141,145 КМЧ ҚТ), дигар шахсони воқиф аз ҳодиса (то оғози парвандаи ҷиноятӣ баёнот додаанд (қ. 3 м.453 КМЧ ҚТ), нафароне, ки барои шинохтан ҷалб мешаванд (м. 206 КМЧ ҚТ), дигар шахсоне, ки ҳуқуқу манфиатҳои молумулкии онҳо бо ҳукм халалдор шудааст (қ. 4 м.357, қ. 1 м.403 КМЧ ҚТ) эътироф мешаванд”.

2) Барои пешгирии ҳолатҳои таҳдид ба кафилон, шахсони сазовори боварӣ, падару модар, парасторон, васиён, инчунин намояндагони муассисаҳои махсуси кӯдакон, гаравсупоранда, инчунин аъзои оила ё ҳешовандони наздики онҳо бо куштор, ё зӯроварӣ, несту нобуд кардан ё осеб расонидан ба молу мулк ё дигар амали ғайриқонунии хавфнок барои иштироки онҳо дар муурофиавии ҷиноятӣ, инчунин барои таъмини муҳофизати ҳаёт, саломатӣ, шаъну шараф, обрӯ ва молу мулки ин шахсон, аз гумонбаршаванда, айбдоршаванда ё судшаванда, ки нисбати онҳо ҷораҳои пешгирии ғайриҳабси татбиқ мегардад, дар ин бора уҳдадории хаттӣ гирифта шавад.

3) Ба кафилон, шахсони сазовори боварӣ, падару модар, парасторон, васиён, инчунин намояндагони муассисаҳои махсуси кӯдакон, гаравсупоранда имконият дода шавад, ки ба мақомоти пешбурди парвандаи ҷиноятӣ, прокурор ва суд на танҳо нисбати амал (беамалӣ) ё қарорҳои ғайриқонуни ва беасоси мақомоти пешбурди парвандаи ҷиноятӣ, балки нисбати гумонбаршаванда, айбдоршаванда ё судшаванда ё шахсони дигар, ки кушиши вайрон кардани шартҳои ҷораи пешгирии татабиқшударо доранд, шикоят кунанд.

Пешниҳодҳо мумкин аст, ки дар баъзе ҳолатҳо баҳснок бошанд, лекин дақиқ аст, ки татбиқи онҳо аз нуқтаи назари бартарияти ҳуқуқу озодии инсон, на танҳо мутобикати меъёрҳои Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистонро «Дар бораи ҳимояи давлатии иштирокчиёни муурофиавии судии ҷиноятӣ» (ки дар қ. 2 м.2 “шахсони дигарро” ҳамчун

¹ Петрухин, И.Л. Прокурорский надзор и судебный контроль за следствием / И.Л. Петрухин // Российская юстиция. - 1998. - № 9. - С. 13.

² Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 6 ноябри соли 1994 бо тағйиру иловаҳо аз 26 сентябри соли 1999, 22 июни соли 2003 ва 22 майи соли 2016 (бо забонҳои тоҷикӣ ва русӣ). – Душанбе: Ганҷ, 2016. – 136 с.

“шахсони ҷимояшаванда” пешбинӣ кардааст) ба КМҶ ҚТ (қ. 2 м. 9 КМҶ ҚТ) ва Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон (м.м. 5,19) таъмин мекунад, балки мубрамият ва аҳаммияти назорати судиро дар ҷимояи ҳуқуқу озодиҳои конститутсионӣ ва дар таъмини кафолатҳои муурофиавии иштирокчиёни он ва шахсони дигар ногузир мегардонад.

САХАНОВА НЕЛЛИ ТАЛАПОВНА
начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики
Актюбинского юридического института МВД Республики Казахстан имени
М. Букенбаева, ассоциированный профессор (доцент), полковник полиции
nelli_uralsk@mail.ru

ДЛИМОВ АЛТЫНБЕК АЛЬМЕНОВИЧ
старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Актюбинского юридического института МВД Республики Казахстан
имени М. Букенбаева, подполковник полиции
delim_85@mail.ru

РОЛЬ ДОПРОСА В СТРУКТУРЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Совершенствование правового государства и развитие правоохранительной системы Республики Казахстан требуют повышения качества расследования уголовных дел, что включает профессиональное и компетентное проведение следственных действий. В рамках досудебного производства особое значение имеет допрос, являющийся ключевым способом сбора доказательственной информации. Для обеспечения полноты и объективности сведений необходимо осуществлять допрос различных категорий участников уголовного процесса, включая подозреваемых, потерпевших и свидетелей. Допрос занимает центральное место среди следственных действий, на него приходится более 80% рабочего времени следователя. В связи с этим повышение эффективности расследования напрямую зависит от совершенствования методики и практики проведения допросов.

С момента вступления в силу Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – УПК РК) и его применения в уголовном судопроизводстве прошло почти 10 лет, в течение которых в процессуальное законодательство были внесены значительные изменения и дополнения, которые были направлены на совершенствование правоприменительной практики. Одновременно сформировался обширный эмпирический материал, представляющий ценную основу для научных исследований и дальнейшего развития уголовно-процессуальной деятельности.

Практика показывает, что при расследовании преступлений допрос остается наиболее распространённым следственным действием. В республике ежегодно регистрируется более 160 тысяч уголовных правонарушений, по каждому из которых проводятся различные допросы, включая потерпевших, свидетелей и подозреваемых. Несмотря на развитие методов исследования вещественных доказательств с использованием научных технологий, показания допрашиваемых лиц продолжают выступать в качестве ключевого источника сведений о расследуемых правонарушениях, их участниках и обстоятельствах, способствовавших совершению преступлений.

Допрос – следственное действие, которое проводится уполномоченным лицом с соблюдением процессуальных норм и гарантий прав допрашиваемого, установленного уголовно-процессуальным законодательством.

С целью оптимизации уголовного процесса и внедрения эффективных правовых механизмов, направленных на повышение результативности применения уголовно-процессуального законодательства, в УПК КР была внесена новая норма. В частности, в главе 26 УПК РК предусмотрено введение института дистанционного допроса.

Статья 213 УПК КР, допрос потерпевшего или свидетеля может проводиться с применением научно-технических средств в режиме видеосвязи (коротко – дистанционный допрос). При этом указанные лица вызываются в суд, расположенный в районе, области, городе республиканского значения или столице, где они проживают или находятся. Во время дистанционного допроса участники процессуального действия в режиме настоящего времени имеют возможность непосредственно воспринимать показания допрашиваемого.

Переход на формат дистанционного допроса обеспечивает ряд существенных преимуществ, включая оптимизацию процессуального времени, сокращение материальных и временных издержек в рамках уголовного дела, а также снижение расходов, понесенных участниками уголовного судопроизводства.

До внесения изменений в УПК КР 2014 года значительное количество потерпевших и свидетелей, по различным уважительным или неуважительным причинам, не являлись на допрос в органы досудебного расследования. Это приводило к затягиванию сроков расследования уголовных дел, увеличению процессуальных издержек, связанных с обеспечением их явки, и повышало степень применения уголовно-правовых и процессуальных мер принуждения. В результате данные обстоятельства препятствовали эффективному выполнению задач уголовного процесса.

Законодатель решил данную проблему, внедрив в УПК КР институт дистанционного допроса потерпевших и свидетелей, осуществляемого с применением научно-технических средств в формате видеосвязи.

Согласно ст. 213 УПК КР, лицо вызывается в орган досудебного расследования, находящийся в районе или области, на территории которых оно проживает или временно пребывает. В ходе допроса участники процессуального действия имеют возможность в режиме прямой трансляции воспринимать показания допрашиваемого, что фиксируется в соответствующем протоколе¹.

При наличии необходимости допроса потерпевшего или свидетеля и оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 213 УПК РК, лицо, проводящее досудебное расследование направляет поручение о проведении соответствующего следственного действия с целью создания надлежащих условий для его реализации. В поручении указывается требование о предварительном непосредственном допросе указанного лица по вопросам, сформулированным следователем, с предоставлением возможности ознакомиться с его содержанием до начала дистанционного допроса. Такая процедура позволяет избежать необходимости дополнительного или повторного допроса в случае не выяснения ключевых обстоятельств в ходе дистанционного допроса. На основании результатов предварительного допроса следователь или дознаватель переходит к дистанционному допросу, который в данном случае выполняет функцию дополнительного.

Процедура дистанционного допроса подлежит обязательной видеозаписи в месте проведения допроса следователем или дознавателем, о чем сообщается перед его началом. Запись видео прилагается к протоколу дистанционного допроса в качестве приложения.

По завершении дистанционного допроса электронная версия протокола направляется по месту нахождения свидетеля или потерпевшего для ознакомления, внесения изменений, дополнений или подачи ходатайств. Удостоверение электронной копии протокола

¹ Нургазинов, Б.К., Исмагулов, К.Е. Некоторые вопросы совершенствования института дистанционного допроса в казахстанском уголовном процессе / Б.К. Нургазинов, К.Е. Исмагулов // Вестник Института законодательства РК. – 2018. - №1 (50). - С. 85-86.

осуществляется с использованием электронной подписи допрашиваемого, после чего подписанный протокол возвращается инициатору допроса и приобщается к материалам уголовного дела.

Первоначальный допрос свидетеля или потерпевшего, проведенный по месту их нахождения, направляется в орган расследования почтовым отправлением или доставляется нарочным для последующего приобщения к материалам уголовного дела. При этом допускается использование электронной версии протокола, удостоверенной электронной подписью допрашиваемого.

Для проведения дистанционного допроса свидетеля или потерпевшего необходимо использовать специально оборудованный кабинет органа расследования, обеспечивающий защиту информации и безопасность проводимого следственного действия¹.

Далее в УПК РК 2014 года была внедрена новая форма допроса потерпевшего и свидетеля – депонирование показаний, ст. 217 УПК Республики Казахстан, это допрос, который осуществляется следственным судьей. Законодатель предусмотрел процедуру, которая позволяет использовать участие следственного судьи в закреплении доказательств без значительных временных затрат со стороны следователя или дознавателя на дополнительные организационно-согласительные действия, выходящие за рамки их основных обязанностей. Участие суда в данном случае носит вспомогательный характер и не затрагивает вопросы определения виновности подозреваемого или обвиняемого.

Следственный судья, освобожденный от обязанности в дальнейшем рассматривать дело по существу, может более глубоко анализировать материалы дела. Это позволяет судье с большей тщательностью проверить обоснованность, допустимость и достоверность доказательств, взаимодействуя со сторонами процесса, включая возможность проведения перекрестного допроса. Выделение следственного судьи полномочиями по депонированию доказательств обеспечивает сторонам состязательного процесса ключевое право на своевременный и полный сбор и представление доказательств в суд. Решением этой проблемы будет защита данных прав с помощью предварительного контроля. Объяснение показаний сводит к минимуму основание для оспаривания последующих действий и решений в ходе основного суда.

При этом законодательный орган применяет Европейский суд с участием небольшого количества человек, который утверждает, что принцип справедливого судебного разбирательства требует придавать первостепенное значение обстоятельствам, имеющим непосредственное отношение к суду. В отличие от протоколов допросов, регистрируемых на стадии расследования преступлений, которые анализируются как инструмент сбора информации для обоснования своей позиции, судебные обвинения обеспечивают более высокий стандарт достоверности².

А.Н. Ахпанов и А.Л. Хан обоснованно пришли к выводу, что депонирование показаний следственным судьей в досудебном производстве способствует ускорению и упрощению уголовного судопроизводства, тщательно исследовав данную проблему в контексте уголовного процесса Республики Казахстан³. На высокую эффективность вышеуказанных процессуальных действий обратил внимание и Ч.Д. Кенжетаев подчёркивая их значимость при расследовании уголовных дел⁴.

¹ Ахпанов, А.Н., Хан, А.Л. Особенности допроса подозреваемого в казахстанском уголовном процессе // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39374115 (дата обращения: 21.08.2024 г.)

² Ахпанов, А.Н. Депонирование показаний потерпевшего и свидетеля в уголовном процессе Республики Казахстан / А.Н. Хан // Вестник Омского университета. Серия «Право». - 2015. - № 4 (45). - С. 174-175.

³ Там же.

⁴ Кенжетаев, Ч.Д. Особенности депонирования показаний в уголовном процессе Республики Казахстан / Ч.Д. Кенжетаев // Қазақстан Республикасы Заңнама институтының жаршысы. - 2016. - № 2 (43). - С. 44-45.

На основании изложенного и подводя итоги данной научной статьи об использовании вышеуказанных процессуальных действий, а именно допрос следственным судьей потерпевшего, свидетеля (депонирование показаний), а также применение научно-технического средства в режиме видеосвязи (дистанционный допрос) включающее предоставление возможности должностным лицам, осуществляющим предварительное расследование, которое способствует оптимизации сроков расследования, позволяет вести большее количество уголовных дел, повышает уровень безопасности участников процесса и обеспечивает более рациональное использование бюджетных средств совершенствуя правовое регулирование уголовно-процессуального законодательства.

СИДОРОВА ЕКАТЕРИНА ЗАКАРИЕВНА
заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии
Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент,
старший лейтенант полиции
ketrik6@mail.ru

О ЗНАЧИМОСТИ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

В настоящее время очень важно исследовать вопрос значимости реализации принципов уголовного судопроизводства. Учитывая непростую политическую ситуацию в мире, важно продолжать борьбу с преступностью. И в основе такой борьбы должны лежать, в том числе, принципы уголовно-процессуального права. Подобные принципы присутствуют в законодательстве разных стран, в том числе Российской Федерации и Республики Таджикистан. В качестве примера в настоящей работе обратим внимание на освещение содержания принципа законности при производстве по уголовному делу (статья 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹; далее – УПК РФ).

Несмотря на то, что в настоящее время количество совершаемых преступлений снижается², нужно понимать, что речь идет только о зарегистрированной преступности. В современных условиях очень важно продолжать борьбу с преступными проявлениями, и в основе такой борьбы должны лежать правовые принципы, в том числе, как мы говорили, принципы уголовно-процессуального права.

Причин совершаемых преступлений много, у каждого человека на этот счёт есть своё мнение, например, человек может быть просто недоволен своим социальным статусом или материальным положением, и другого выхода из этой ситуации, как совершение преступления, он не видит. Еще одним фактором преступности выступает склонность к совершению преступлений, что может быть вызвано психологическими проблемами человека. Именно поэтому сейчас и в мире, и в России совершается большое количество преступлений.

На наш взгляд, одним из важных условий сокращения преступности является усиление борьбы с ней. Но при этом должны строго и точно соблюдаться права человека. Од-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря. 2001 г., № 174-ФЗ (послед. ред.) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12125178/?ysclid=lzi2r0wkqj445894512> (дата обращения: 05.11.2024 г.).

² Состояние преступности: официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports?ysclid=lzi2m6mc7p173982992> (дата обращения: 05.11.2024).

ной из важнейших задач юридической науки является исследование и изучение принципов права, ведь именно они играют важную роль в соблюдении прав и свобод человека и гражданина. В научной литературе обоснованно подчеркивается значимость закрепления и соблюдения правовых принципов, поскольку именно они выступают тем фундаментом, на которых базируется правовая система¹. При этом исследователи подчеркивают, что о значимости правовых принципов говорит не только отечественный, но и многие зарубежные законодатели². Если мы говорим об уголовно-процессуальных принципах, то они закреплены в УПК РФ и являются гарантиями исполнения правосудия и соблюдение прав и свобод личности.

Актуальность нашей работы заключается в том, что принципы в уголовно-процессуальном праве, а вернее, их правильное применение влияет на преступность в целом, именно поэтому эта тема является, на наш взгляд, одной из ключевых в уголовно-процессуальном праве.

Как мы уже отмечали, в современный период соблюдение прав и законных интересов граждан является основополагающим аспектом в деятельности государства. В этой связи можно констатировать, что реализация уголовно-процессуальных прав граждан осуществляется в первую очередь посредством соблюдения уголовно-процессуальных принципов.

Принципы уголовно-процессуального права – это закрепленные в УПК РФ положения, определяющие содержание и основы уголовного процесса.

Но данное определение прямо не закреплено в законе, в связи с чем у каждого человека складывается своё собственное определение данного понятия данного термина. Представим некоторые определения понятия «принципы права», существующие в научной литературе.

1. Принципы права – это вытекающие из социально-экономической природы, общественного строя и закрепленные в праве идеологические, политические и нравственные начала (руководящие идеи), направляющие регулятивную и охранительную функцию права и определяющие характер, основания и объем применения государственного принуждения и иных мер воздействия, необходимых для обеспечения успешного развития господствующих общественных отношений³.

2. Принципы уголовного судопроизводства – это предписания законодательных, правоохранительных и международно-правовых актов по правам человека, Конституции РФ, а также требования, выраженные в уголовно-процессуальном законодательстве к поведению граждан в связи с задачами борьбы с преступностью и положениями, определяющими содержание всей или значительной совокупности правовых норм и интегрирующими их в единую систему уголовно-процессуального права⁴.

Из представленных определений следует, что авторы, определения которых мы проанализировали, в своих определениях в основном используют такие понятия, как: «общие принципы», «основополагающий элемент», «положения» и так далее.

Принципы уголовного судопроизводства (или уголовно-процессуальные принципы) являются результатом государственной судебной политики. Первоначально они были

¹ Сидорова, Е.З. Реализация принципа гуманизма в современном российском уголовном законодательстве / Е.З. Сидорова, П.А. Топильская // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2022. – № 1 (15). – С. 103.

² Сидорова, Е.З. О некоторых проблемах реализации принципа законности уголовного кодекса Республики Казахстан / Е.З. Сидорова, И.Н. Серебренников // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 2 (5). – С. 65.

³ Гриненко, А.В. Источники уголовно-процессуальных принципов / А.В. Гриненко // Журнал российского права. – 2001. – № 5(53). – С. 22.

⁴ Мисирханов, К.Б. Принципы уголовного судопроизводства / К.Б. Мисирханов // Аллея науки. – 2021. – Т. 1, № 4(55). – С. 774.

сформированы в виде идей, которые в процессе правотворчества постепенно закрепились в виде норм действующего законодательства. Они формируются на основе Конституции РФ, поскольку она имеет высшую юридическую силу, и никакие иные нормативно-правовые акты не могут ей противоречить, именно поэтому принципы уголовного судопроизводства, на наш взгляд, дополняют Конституцию России и являются помощником в соблюдении конституционных прав и обязанностей граждан.

Если, например, проанализировать такой принцип уголовного судопроизводства, как принцип законности (согласно ст. 7 УПК РФ данный принцип звучит как «законность при производстве по уголовному делу»), то можно сказать следующее.

Законность является основополагающим принципом для многих других нормативных правовых актов, но главное своё отражение она находит в Конституции Российской Федерации.

Законность, применительно к уголовному судопроизводству, означает требование осуществлять производство по уголовному делу в точном соответствии с предписаниями. А если, например, говорить о содержании принципа законности в уголовном праве, то принцип законности заключается в том, что при назначении наказания государство действует в соответствии с уголовным законом, т.е. лицо не может быть привлечено к ответственности за преступление, которого оно не совершало. Этот принцип является основополагающим в деятельности всего государства и, соответственно, правоохранительных органов, сейчас законность рассматривается как строгое и неукоснительное соблюдение прав, поскольку Россия в соответствии со ст. 1 Конституции РФ является правовым государством, а значит, государство обязано обеспечивать права и обязанности граждан, а также с помощью правоохранительных органов соблюдать правопорядок в стране.

Законность заключается в неукоснительном и точном соблюдении гражданами и правоохранительными органами уголовно-процессуального законодательства. По сути, принцип законности должен реализовываться при применении каждой статьи УПК РФ. Это говорит о том, что:

а) нормы уголовно-процессуального права должны определяться только в соответствии с текстом этой нормы и ничем иным;

б) лицо, совершившее преступление, должно знать о своих правах и обязанностях, при этом уполномоченными лицами должно неукоснительно обеспечиваться соблюдение законных прав и обязанностей виновного лица;

Тем самым, законностью можно назвать соблюдение всех нормативно-правовых актов гражданами, правоохранительными органами, лицами, между которыми возникли уголовно-процессуальные отношения. И несомненно, соблюдению принципов уголовного судопроизводства будет способствовать наличие специальных гарантий законности, таких как:

- контроль за соблюдением законности;
- реализация системы мер юридической ответственности, защиты и восстановления нарушенного процессуального права;
- применение мер по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства;
- применение мер по выявлению и предупреждению преступлений.

Итак, принцип законности в уголовном судопроизводстве означает, то, что правоприменитель не имеет полномочия дополнять или додумывать содержание нормы (в нашем случае уголовно-процессуальной), то есть он должен действовать строго с соблюдением законодательства и никак иначе.

В завершение подчеркнем, что закрепление и соблюдение правовых принципов, в том числе уголовно-процессуальных, имеет важное практикоориентированное значение,

поскольку именно они выступают тем фундаментом, на которых базируется правовая система страны.

Тоҳирзода Олимҷон Тоҳир
профессори кафедраи ташкили тактикаи фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯии факултети
№ 6 Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқ,
полковники милитсия
otohirzoda@yandex.ru

МУАММОҶОИ ИСТИФОДАБАРИИ ИМКОНИЯТҶОИ ЗЕҶНИ СУНЪӢ ДАР ВАҚТИ МУРОФИАИ ҶИНОЯТӢ

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В ХОДЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Дар заминаи босуръат тараққи ёфтани технологияҳои нави муосир ва пайдо шудани зеҳни сунъӣ ва ворид намудани имкониятҳои он дар самтҳои мухталиф, сарфи назар кардани таъсири он дар шароити имрӯза номумкин аст. Дар ҷаҳони муосир зеҳни сунъӣ тадриҷан қариб дар ҳамаи соҳаҳои муҳими сиёсӣ-ҷамъиятӣ, аз ҷумла дар яке соҳаи муҳимми давлатӣ аз қабилӣ муурофияи ҷиноятӣ ва низоми адолати судӣ мавқеи худро гузошта истодааст.

Зеҳни сунъӣ як раванди илми компютерӣ буда, ба ихтироъи система ва барномаҳои, ки имконияти иҷро кардани вазифаҳои, ки зеҳни инсонро тақозо менамояд, равона карда шудааст. Афзалияти зеҳни сунъӣ дар он аст, ки он имкон дорад, ки намунаҳои дарёфт қунад, ҳулоса барорад, аз рӯйи таҷриба ягон мавод ё падидаҳо аз худ қунад (омӯзад, ёд гирад) ва натиҷаҳои онро инъикос намояд. Дар самти муурофияи ҷиноятӣ истифодаи зеҳни сунъӣ метавонад, ки ба самаранокӣ ва адолати системаи судӣ, таъсири бештар дошта бошад. Яке аз сифатҳои асосии нақши зеҳни сунъӣ зимни муурофияи ҷиноятӣ дар он аст, ки тавассути имкониятҳои он автоматизатсияи раванди қарорҳои судӣ анҷом дода мешаванд.

Истифодаи зеҳни сунъӣ имкон дорад системаи махсусро таъсис диҳад, ки он ҳаҷми зиёди иттилоот ва омилҳои серзиеди гуногуни онро таҳлил қунад, тамоюли оморро муайян, қорқард ва пешгӯии натиҷаҳои ин ё он фаъолиятро ҷамъбаст намояд. Ҷунин имкониятҳо, метавонад, ки ба судья, шахсони мансабдори мақомоти ҳифзи ҳуқуқ ва дигар шахсони вақолатдор барои аз ҷониби онҳо бештар қабул намудани қарорҳои дуруст, ки дар асоси далелҳо ва таҳлилҳои бо ёрии зеҳни сунъӣ гузаронида шудааст, бидуни назари субъективӣ воқеъбинона мусоидат намояд.

Ба ақидаи П.М. Титов, қисман ба шакли рақамӣ (электронӣ) гузаштани муурофияи ҷиноятӣ, аз ҷумла вобаста ба пешбурди парвандаҳои айбдоркунии ҳусусӣ, имкон медиҳад, ки сатҳи ҷиноятҳои латентӣ коҳиш, суръати эътиноӣ мақомоти ҳифзи ҳуқуқ баланд ва бо воситаҳои муурофиявии ҷиноятӣ ҳаматарафа таъмин намудани ҷабрдидаҳо ҷиҳати барқарор кардани ҳуқуқ ва манфиатҳои дар натиҷаи ҷиноят вайроншуда, дар сатҳи баланд ба танзим дароварда шавад¹. Фикри мавсуфро дар ин ҷода мо наметавонем ҷонибдорӣ нақунем.

¹ Титов, П.М. Возможность перехода к электронному формату уголовного судопроизводства по делам частного обвинения / П.М. Титов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2022. – Т. 13. – № 1 (47). – С. 145.

Таъиноти дигари муҳимми зехни сунъӣ дар муурофиаи ҷиноятӣ, ин доштани қобилияти қорқард ва таҳлили ҳаҷми зиёди маълумот аст. Дар вақти муурофиаи ҷиноятӣ ҳаҷми зиёди иттилоот ҷамъоварӣ карда мешавад, аз ҷумла маводи санҷиши пешакӣ, тафтишотӣ, хулосаҳои қоршиносон, амалияи судӣ ва қарорҳои онҳо. Истифодаи зехни сунъӣ дар самти мазкур инчунин имкон медиҳад, ки таҳлили автоматикии маълумотҳо барои ҷудо (тақсим) намудани далелҳои муҳим, муайян кардани алоқаи онҳо ва сабабҳои пинҳон шудани онҳо, гузаронида шавад. Ин ба таври қофӣ вақти тафтиши парвандаи ҷиноятиро кам намуда, ҳамзамон имкон медиҳад, ки пурра ва ҳама тарафа ба моҳияти қор аҳамият дода шавад. Инчунин, зехни сунъӣ метавонад, ки ҳамчун воситаи самараноки муқовимат бар зидди киберҷиноятҳо баромад намояд.

Пӯшида нест, ки айни замон ҷиноятҳои муосир бештар бо истифодаи технологияҳои нав содир карда мешаванд ва аз ин лиҳоз зехни сунъӣ метавонад, ки ҳамчун иқтидори ёрирасон ба мақомоти тафтишотӣ ва судӣ барои гузаронидани таҳлил ва пешгирии киберҷиноятҳо саҳм гузошта, беҳатарӣ ва ҳимояи шаҳрвандонро таъмин намояд.

Дар ин раванд дуруст қайд шудааст, ки зехни сунъӣ дар шароити имрӯза натиҷаҳои муфид дода, дар ҳар як соҳаҳои гуногуни фаъолияти ҷамъиятӣ ва давлатӣ ворид шуда истодааст. Суд бошад ҳамчун мақомоти давлатӣ, барои самаранок фароҳам овардани роҳҳои осони мууроҷиати шаҳрвандон ҷиҳати ҳал кардани муноқишаи ҳуқуқии онҳо, водор аст, ки ҷораҳои заруриро роҳандозӣ намояд. Ҷунин ҳолат имкон медиҳад, ки баҳсу мунозираҳои зиёдатӣ, аз ҷумла муайян намудани тобеияти судӣ ва дигар масъалаҳои номуайяни муурофиавӣ аз байн равад¹. Маҳз барои ҳал кардани вазифаҳои мазкур, технологияи рақамӣ ё худ зехни сунъӣ босуръат ба пешбурди судӣ ворид шуда истодааст.

Қобили қайд аст, ки истифодаи имкониятҳои зехни сунъӣ дар меъёрҳои қонунгузори муурофиавӣ-ҷиноятӣи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз соли 2009 пешбинӣ карда нашудааст².

Дар навбати худ А.Н. Колоколов қайд мекунад, ки бо ворид шудани технологияи рақамӣ дар муҳокимаи судӣ, истифодаи имкониятҳои қотиби суд, ки ҷараёни судиро дар ҳуҷҷати қоғазӣ (протоколи ҷаласаи судӣ) сабт менамояд, аз байн меравад. Ҷунин вазъият дар муурофиаи ҷиноятӣи Канада ҷой дорад. Ҳамзамон, қотиби суд имконияти ҳарф ба ҳарф сабт намудани нишондоди иштирокчиёни муурофиаи ҷиноятиро дар муҳокимаи судӣ надорад, дар ҳолате, ки зехни сунъӣ баракс метавонад бо пуррагӣ сабт намояд³.

Ба ғайр аз ин, ҳангоми баррасии парвандаи ҷиноятӣ зарур аст, ки ақидаи пурсишшавандагон пешакӣ ба инобат гирифта шавад, чунки на ҳамаи онҳо метавонанд технологияи рақамиро сарфаҳм раванд ё истифода баранд. Эҳтимол баъзе аз пурсишшавандагон барои додани нишондод хоҳиши шахсан иштирок карданро дар суд доранд. Дар ин вазъият судяе, ки парвандаи ҷиноятиро баррасӣ менамояд, уҳдадор аст, ки ақидаи шахсро эҳтиром кунад ва дар назар дошта бошад, ки ҳар як шаҳрванд барои ҳимоя намудани манфиати худ ҳуқуқи интиҳоби воситаи мувофиқро дорад, аз ҷумла бо тартиби муқаррарӣ. Вагарна, дар марҳилаи навбатии

¹ Софийчук, Н.В., Колпакова, Л.А. К вопросу о доступе граждан к правосудию в условиях цифровизации уголовного судопроизводства / Н.В. Софийчук, Л.А. Колпакова // Lex russica. – 2020. – Т. 73. – № 11. – С. 73.

² Кодекси муурофиавии ҷиноятӣи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 3-уми декабри с. 2009, № 564 // Аҳбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон. – 2009. – № 12 (1409). – мод. 816.

³ Колоколов, Н.А. Государственная научно-техническая политика в сфере обеспечения судебной деятельности: компьютеризация, искусственный интеллект / Н.А. Колоколов // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности. Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. Академия управления МВД России. – М., 2023. – Ч. 1. – С. 90.

рушди муурофияи ҷиноятӣ нақши инсон барои қабул намудани қарори муурофиявӣ паст гардида, саҳми зехни сунъӣ баракс дар муқаррар намудани адолати судӣ баланд бардошта мешавад.

Дар баробари дастовардҳои зехни сунъӣ, истифодаи имконияти он дар муурофияи ҷиноятӣ баъзе муаммоҳои хусусияти этикӣ ва ҳуқуқӣ доштаро ба вучуд овардааст, ки он дар муҳити олимони ва амалияи ҳуқуқтатбиқкунӣ боиси баҳсу мунозира гардидааст. Мисол, дар ҳолати аз тарафи зехни сунъӣ роҳ додан ба камбудиву хатогиҳо, кӣ бояд ҷавобгариро ба уҳда гирад? Ҳуқуқ ва озодиҳои шахрвандон зимни истифодаи зехни сунъӣ дар муҳокимаи судӣ чи тавр таъмин карда мешавад? Дар умум истифодабарии зехни сунъӣ дар муурофияи ҷиноятӣ муаммоҳои зеринро дар бар мегирад, аз он ҷумла:

1. Носаҳеҳии (боғаразии) зехни сунъӣ – он метавонад, ки иттилооти хусусияти ғаразнок ё поймол намудани ҳуқуққоро дошта бошад. Дар чунин вазъият қабул шудани қарори ғайривоқеъбинона ва ноадолатона дар муҳокимаи судӣ аз эҳтимол дур нест. Дар ин замина таҳия намудани тартиби ягонаи коргузори ҷиҳати истисно кардани ҳолати истифодаи ғаразнокии зехни сунъӣ мувофиқи мақсад мебошад.

2. Масъулият барои хатогиҳои зехни сунъӣ ҳангоми истифодаи он дар муурофияи ҷиноятӣ, агар масъалаи муайян кардани масъулияти он ба вучуд ояд. Дар ин вазъият барои хатогиҳои зехни сунъӣ, ки боиси бо хатогиҳои ҷиддӣ баровардани қарори судя гардидааст, кӣ бояд ҷавобгар бошад? Барои бартараф кардани камбудиву норасогиҳои самти мазкур, лозим мешуморем, ки коркарди санадҳои меъёрии ҳуқуқии дахлдор ҷиҳати ба танзим даровардани он ба роҳ монда шавад.

3. Истифодаи зехни сунъӣ дар муҳокимаи судӣ коркарди ҳаҷми калони иттилооти шахсии иштирокчиёни муурофияи ҷиноятиро тақозо менамояд. Ин ҳолат метавонад ба вайрон кардани қоидаҳои пинҳонкорӣ ва сӯйистифодаи маълумоти шахсӣ таҳдид намояд. Дар ин ҷода зарур аст, ки чораҳои қатъии бехатарӣ барои ҳимояи маълумоти шахсии иштирокчиёни муурофияи судӣ аниқ ва ҳаматарафа муқаррар карда шавад.

4. Системаи зехни сунъӣ метавонад, ки нишони фишори ҳакерӣ гардад, ки ин ҳолат боиси зери хатар гузоштани натиҷаҳои муҳокимаи судӣ мешавад. Бинобар ин лозим аст, ки механизми ҳимояи маълумотҳои дар асоси зехни сунъӣ ба вучудода таҳия гардида, он эҳтимоли овардани фишорро пешгирӣ ва амнияти иттилоотиро таъмин намояд.

5. Ҳайати судяҳо, шахсони мансабдори мақомоти ҳифзи ҳуқуқ ва дигар ҳуқуқшиносон метавонанд, ки дар самти омӯзиш ва дарк намудани қору фаъолияти зехни сунъӣ дар муурофияи судӣ ба танқисӣ ва мушкилӣ дучор шаванд. Аз ин лиҳоз, таҳия намудани барномаҳои таълимӣ ва семинарӣ барои судяҳо ва ҳуқуқшиносони манфиатдор, ки имконияти шинос шудан бо хусусиятҳои зехни сунъӣ ва истифодабарии онро дар амалияи судӣ доранд, мувофиқи мақсад аст.

6. Зехни сунъӣ метавонад, ки ба вазъияти нав ё муайян кардани шаблонҳои номаълум мутобик нашавад. Ин метавонад, ки зимни ҳал кардани масъалаҳои душвори ҳуқуқӣ баъзе мушкилиҳоро ба миён орад, ки он таҳлил ва ташҳиси пурраро тақозо намояд. Лозим аст, ки имконияти зехни сунъӣ дар ин самт мунтазам тақвир ёфта, он қобилияти ба вазъияти нав мутобик шуданро пайдо намояд. Аз ин лиҳоз, дар илм ва коркардҳои ташкилӣ-методӣ зарур аст, ки низоми ҳуқуқии танзимкунанда пешбинӣ карда шавад.

Ҳамин тариқ, истифодаи зехни сунъӣ дар муҳокимаи судӣ имконият ва шароити васеъро ҷиҳати беҳтар намудани самаранокӣ ва адолати муурофияи судиро фароҳам меорад. Аммо, муаммоҳои хусусияти ахлоқӣ, пинҳонкорӣ ва бехатаридошта, инчунин норасоии ташҳиси таҳассусӣ мушкилии ба пуррагӣ ворид намудани зехни сунъиро ба вучуд меорад. Саволҳо ва муаммоҳои бо истифодаи зехни сунъӣ алоқамандбуда дар муурофияи судӣ то ҳол ҳамчун мубрами рӯз боқӣ мемонад ва

боиси нигаронии аксарияти коршиносон ва иштирокчиёни соҳаи ҳуқуқ гардидааст. Новобаста аз он, ки муҳокимаи судии ҷиноятӣ яке аз соҳаи тақдирсоз ба ҳисоб меравад, аммо баъзе муаммоҳое алоқаманд бо зехни сунъӣ мавҷуд мебошанд, ки истифодаи мақсадноки онро дар муурофияи судӣ маҳдуд менамояд. Эҳтимоли ба хатогиҳо роҳ додан ё тавсири нодурусти иттилоот аз рӯи хусусиятҳои алгоритми зехни сунъӣ ё норасоии маълумот метавонад, ки боиси қабули қарори ғайриқонунӣ ва ноадолатона гардад. Ҳол он, ки қарори қабулнамудаи суд бевосита ба тақдиру ҳаёт ва озодии инсон таъсири ҷиддӣ мерасонад.

Муаммои дигар, ин тарафи этикии истифодаи зехни сунъӣ дар системаи судӣ мебошад. Дар масъалаи риояи принципҳои қонуният ва адолат, хело муҳим аст, ки паҳлуҳои инсонӣ аз қабилӣ ҳамдардӣ, принципҳои ахлоқӣ ва гуманизм (инсондӯстӣ), инчунин маънидоди меъёрҳо аз ҷиҳати ҳарфи қонун неву, балки рӯҳи қонун ҳатман бояд ба инобат гирифта шавад. Мутаассифона, зехни сунъӣ аз ҷиҳати надоштани рӯҳи хос, чунин сифатҳоро доро нест ва ин вазъият метавонад, ки ба қабул шудани қарори нодуруст ва ноадолатона оварда расонад. Инчунин, истифодабарии зехни сунъӣ дар суд метавонад, ки муаммоҳои пинҳондории маълумотҳо ва мутаносибан вайрон кардани сирри ҳаёти хусусиро ба вучуд орад. Барои корбарии алгоритмҳои зехни сунъӣ ҳаҷми зиёди маълумот лозим аст, аз ҷумла маълумоти шахсии шаҳрвандон, ки он метавонад дуздида ё ин ки ғайриқонунӣ истифода бурда шавад.

Аммо, новобаста аз камбудиву норасоигҳои мавҷудбуда, фикр мекунем, ки дар сурати андешидани тадбирҳои иловагии ташкилӣ-ҳуқуқӣ, мумкин аст, ки имконияти зехни сунъӣ дар як сатҳи баланди касбӣ дар муурофияи ҷиноятӣ ва ҳалли вазифаҳои он, мақсаднок истифода бурда шавад. Натиҷаҳои дилхоҳро дар самти мазкур мумкин аст, ки бо роҳи таҳияи муқаррароти нави қонунҳо, механизми татбиқкунии зехни сунъӣ бо пешбинӣ намудани тартиб, шакл ва ҳуҷҷатгузории муурофиявии истифодаи зехни сунъӣ, омӯзиши шахсони мансабдори соҳаи адлияи ҷиноятӣ ва доир намудани чорабиниҳои дигар ба даст оварда шавад. Дар чунин ҳолат, муаммоҳои ҷойдошта паси сар шуда, кафолати истифодаи зехни сунъӣ дар муҳокимаи судӣ дуруст ба роҳ монда мешавад.

Бо назардошти ақидаҳои изҳоргардида, ба чунин хулоса омадан мумкин аст, ки истифодаи зехни сунъӣ айни замон дар муурофияи ҷиноятӣ аҳамияти хоса дорад, зеро он имкон дорад, ки барои ба даст овардани мақсади асосӣ, яъне таъмин намудани волоияти қонун ва беғаразии адолати судӣ мусоидат намояд. Бинобар ин, ҷиҳати ноил шудан ба натиҷаҳои назаррас зарур аст, ки механизми асосҳои ҳуқуқӣ ва танзимкунандаи истифодаи зехни сунъӣ дар қонунгузории марбута пешбинӣ карда шавад, чунки аз дуруст ва самаранок истифода бурдани он, кафолатҳои риояи ҳуқуқ ва озодиҳои шаҳрвандон вобастагии калон дорад.

УСМАНОВА ШАХНОЗА ФАРУХТДИНОВНА

старший преподаватель кафедры криминалистических экспертиз Академии МВД
Республики Узбекистан, кандидат медицинских наук, доцент
uziivacademy@gmail.com

НУРАЛИЕВ ДИЛШОД АБДУЛЛАЕВИЧ

старший преподаватель кафедры криминалистических экспертиз Академии МВД
Республики Узбекистан, кандидат медицинских наук uziivacademy@gmail.com
uziivacademy@gmail.com

РОХИМОВА ШИРИН ОЛЛАЗАРОВНА

старший преподаватель кафедры криминалистических экспертиз Академии МВД
Республики Узбекистан, доктор PhD, капитан
uziivacademy@gmail.com

СЕМЕЙНОЕ НАСИЛИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Как известно, насилие в семье представляет собой целенаправленное эмоциональное или силовое принуждение, либо действие одного человека над другим человеком, осуществляемое с определенной целью, вопреки согласию, воле и интересам пострадавшего. Основное отличие насилия в семье от других видов насилия заключается в том, что оно происходит между людьми, состоящими в близких или родственных отношениях. Это преднамеренное применение различных форм физического, сексуального, психологического и экономического насилия одним членом семьи в отношении другого, результатом которого являются телесные повреждения, эмоциональная травма, отклонения в развитии или различного рода ущерб.

Особенностью данного вида правонарушения является то, что жертвами домашнего насилия в подавляющем большинстве случаев являются женщины, и именно женщины, как правило, испытывают на себе более серьезные формы насилия. Для домашнего насилия характерна очень высокая латентность, так как его жертвы (будь то мужчины или женщины) очень часто не обращаются в правоохранительные органы. Домашнее насилие часто происходит из-за того, что обидчик считает, что насилие является правом, допустимым и оправданным, или же о насилии вряд ли будет сообщаться посторонним.

Насилие бывает следующих видов:

Физическое насилие – прямое или косвенное воздействие на жертву с целью причинения физического вреда, выражающееся в нанесении увечий, тяжелых телесных повреждений, побоях, пинках, шлепках, толчках, пощечинах, бросании объектов и тому подобных.

Сексуальное насилие – насильственные действия, при которых человека силой, угрозой или обманом принуждают вопреки его желанию к какой-либо форме сексуальных отношений.

Психологическое – нанесение вреда психологическому здоровью человека, проявляющееся в оскорблениях, запугивании, угрозах, шантаже, контроле и тому подобных.

Экономическое насилие – материальное давление, которое может проявляться в запрете работать или обучаться, лишении финансовой поддержки, полном контроле над расходами.

Медицинское насилие – халатность и несвоевременность, проявленные при выдаче лекарств, намеренная передозировка лекарственного препарата либо, наоборот, умышленный отказ больному в получении необходимого лекарства.

Пренебрежение – безответственность или неспособность обеспечить человеку необходимые для жизни условия: еда, питье, чистая одежда, безопасное и удобное жилье в помещении, средства личной гигиены, медицинское обслуживание и другое.

При физическом насилии признаками являются следы ударов, шрамы, порезы на руках, лице, ногах и других частях тела; переломы или ушибы; следы ожогов. Сексуальное насилие проявляется в виде сексуального прикосновения к человеку без его согласия; принуждение человека к раздеванию; принуждение человека вступать с ним в сексуальный контакт.

Психологическое насилие проявляется в криках и угрозах в сторону лица, в отношении которого оно применяется, использование матерных слов, его унижение, игнорирование его просьб и т.д.

Финансовая эксплуатация: заказ услуг, совершение пожертвований или ненужных расходов, неожиданные финансовые проблемы или пропажа денег, пропажа денег на банковском счету или наличных.

Все виды насилия тесно взаимосвязаны. Если в семье агрессор практикует физические виды насилия, безусловно, это причиняет не только физическую, но и душевную боль. Экономическое насилие строится зачастую на манипулировании и контроле. За сексуальным насилием обычно стоят физические травмы и нежелательные для здоровья последствия. Как правило, сложно представить ситуацию, где агрессор применяет только лишь один вид насилия, зачастую жертвы страдают от одновременного проявления различных его видов.

11 апреля 2023 года Президент Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёев подписал поправки в законодательство о защите прав и свобод женщин и детей, которые в том числе криминализировали домашнее насилие, а также ввели санкции за сексуальные домогательства. Так, с апреля 2023 года в Узбекистане, по новым статьям о семейно-бытовом насилии привлечены к административной и уголовной ответственности 9131 человека. По статье № 59–2 (Семейное (бытовое) насилие) Кодекса об административной ответственности привлечены к ответственности 8928 лиц, из которых 5229 были оштрафованы, 3699 привлечены к административному аресту. Данная статья влечёт наложение штрафа до 20 базовых расчётных величин или административный арест до 15 суток. Более того, она также, предусматривает меру ответственности в виде лишения свободы сроком до 12 лет. По статье 126–1 (Семейное (бытовое) насилие, совершенное повторно или с отягчающими обстоятельствами) Уголовного кодекса было осуждено 203 человека, из них 59 приговорены к лишению свободы, 144 получили наказания, не связанные с лишением свободы. В I квартале 2024 года более 4 тысяч узбекистанцев были осуждены за домашнее насилие.

Сегодня домашнее насилие является серьёзной проблемой, которая требует немедленного вмешательства со стороны правоохранительных органов, общественных организаций и гражданского общества не только в Узбекистане, но и во всем мире. Осуждение лиц, совершивших домашнее насилие, является важным шагом в борьбе с этим явлением. Сегодня это серьёзная социальная проблема, которая затрагивает множество семей.

На наш взгляд, одной из основных причин домашнего насилия в Узбекистане является недостаточная осведомлённость населения о правах и механизмах защиты своих прав и свобод. Традиционные культурные установки также могут способствовать тому, что жертвы домашнего насилия могут столкнуться с препятствиями при попытке обратиться за помощью.

Сегодня самым прогрессивным международным документом по проблемам домашнего насилия можно назвать Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 2011 года или Стамбульскую конвенцию, названную так, потому что она была принята в Стамбуле. Однако история борьбы против насилия началась гораздо

раньше. В последние годы правительство Узбекистана также активно предпринимает активные действия, направленные в области борьбы с этим явлением.

ШАРИФЗОДА РАҲМАТУЛЛО ФАЙЗУЛЛО
номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, Донишгоҳи миллии Тоҷикистон
n.suhrob-92@mail.ru

ТАҲЛИЛИ МУҚОИСАВӢ-ҲУҚУҚӢИ ҶИНОЯТИ ДАР ХАТАР МОНДАН МУТОБИҚИ ҚОНУНГУЗОРИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН ВА КИШВАРҲОИ АЪЗОИ ИДМ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОСТАВЛЕНИЯ В ОПАСНОСТИ
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН И СТРАН-УЧАСТНИКОВ СНГ

Таҳлили муқоисавии Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд - КҶ ҚТ) ва кодексҳои ҷиноятии дигар кишварҳои аъзои ИДМ нишон медиҳад, ки ҳангоми тавсифи қонунии ҷинояти дар хатар монандан онҳо ба якдигар монанди доранд, аммо ҳамзамон фарқиятҳо низ вуҷуд дорад. Дар мавриди фарқият бошад онҳо асосан ба дараҷаи нозуқиҳо мувофиқат мекунанд.

Нишонаҳои ин навъи ҷиноят дар кодекси ҷиноятии аъзои ИДМ дарҷ гардидааст. Ҳамзамон дар м. 134 қонунгузори ҷиноятии аъзои ИДМ гуфта шудааст, ки “дидаю доништа нарасонидани ёрӣ ба шахсе, ки дар вазъияти барои ҳаёт ё саломатиаш хавфнок қарор дорад ва аз сабаби хурдсолӣ, пиронсолӣ, беморӣ ё аз сабаби очизии худ имконияти андешидани чораҳои худмуҳофизатиро надорад, ҳангоме, ки шахси гунаҳгор метавонист ба ин шахс ёрӣ расонад ва вазифадор буд нисбати ӯ ғамхорӣ зоҳир намояд ё худаш ӯро дар ҳолати барои ҳаёт ё саломатиаш хатарнок гузоштааст”¹.

Ҳуқуқ “низомии муқаррароти меъёрии умумихатмие мебошад, ки адолат, озода, ҳуқуқи инсон ва арзишҳои дигари ҳуқуқиро иникос намуда, шаклҳои расмии ифода дорад ва муносибатҳои ҷамъиятиро бо мақсади таъмини муташаккилӣ, тартибот ва рушди ҷомеа танзим мекунад.”² Аз мафҳуми ҳуқуқ ва мафҳуми ҷиноят, ки дар моддаи 17-и КҶ Ҷумҳурии Тоҷикистон” ҷиноят кирдори (ҳаракат ё бе ҳаракатӣ) сидиршудаи гунаҳкорунаи барои ҷамъият хавфноке, ки ҳамин кодекс бо таҳдиди татбиқи ҷазо манъ кардааст, ҷиноят эътироф мешавад”³ оварда шудааст метавонгуфт, ки давлат аз руи мафҳумҳои зикршуда ва ба воситаи мақомотҳои дахлдор ҳуқуқи инсон ва муносибатҳои ҷамъиятиро ҳифз менамояд.

Ҳаёт ва саломатии инсон яке аз унсурҳои асосии ҳар як давлат ба шумор меравад, чунки ҷомеаи солимиро шаҳрвандони солим ташкил медиҳанд. Дар робита ба ин яке аз масалаҳои асосие, ки давлат дар мадди аввал мегузорад ин ҳифз ва нигоҳдории ҳаёт ва саломатии инсон мебошад. Маҳз ба ҳайси объекти ҷинояти дар хатар монандан ҳаёт ва саломатии инсон баромад мекунад. Қабл аз он, ки дар бораи объекти ҷинояти мазкур ҳарф занем бояд донем, ки ҳуди мафҳуми объекти муносибатҳои ҳуқуқӣ чист! Объекти муносибатҳои ҳуқуқӣ “ҳуқуқҳои соҳибҳуқуқ,

¹ Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств Санкт-Петербург от 17 февраля 1996 года.

² Стиволдиев, Р.Ш. Назарияи давлат ва ҳуқуқ: китоби дарсӣ. Душанбе: Имперал-Групп, 2014. С. 322.

³ Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон. – Душанбе: Матин, 2016. - С. 8.

манфиатҳои шахсиву умумидавлатӣ, неъматҳои моддиву маънавӣ, амали хизмат ва натиҷаҳои он мебошад, ки дар иртибот бо онҳо муносибатҳои ҳуқуқӣ ҷой дорад.¹”

Зикр кардан ба маврид аст, ки мафҳуми “объекти ҳуқуқ” ва “объекти муносибаҳои ҳуқуқӣ” аз якдигар фарқият доранд. Аз рӯи мафҳуми ҳуқуқ объекти ҳуқуро ҳаммаи муносибатҳои ҷамъияти ташкил мекунад, ки аз руи санадҳои ҳуқуқии амаликунанда ва ба воситаи мақомоти салоҳиятдори давлат зери танзими ҳуқуқӣ қарор мегирад. Дар чунин ҳолат объекти ҳуқуқиро предмети танзими ҳуқуқи шуморидан мумкин аст. Мафҳуми “объекти ҳуқуқ” нисбат ба мафҳуми “объекти муносибатҳои ҳуқуқӣ” васеътар аст. Агар ба сифати объекти ҳуқуқ ҳамаи муносибатҳои ҷамъиятии зери танзими ҳуқуқ ҷойгирифта дохил шавад, пас объекти муносибати ҳуқуқиро танҳо як қисми чунин муносибатҳо дар бар мегирад, ки ҳуқуқу уҳдадорихо нисбати онҳо равона гаштааст. Ба ҳайси объектҳои ҳифзи ҳуқуқӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон арзишҳои зерин: “ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд, амнияти ҷамъиятӣ ва саломатии аҳоли, муҳити зист, тартиботи ҷамъиятӣ ва ахлоқ, моликият, ҳимояи сохти конститусионӣ ва амнияти Ҷумҳурии Тоҷикистон, таъмини сулҳ ва амнияти башарият, тарбияи шаҳрвандон дар рӯҳияи риояи Конститутсия ва қонунҳои ҷумҳурӣ, инчунин пешгирии ҳуқуқвайронкуниҳо дохил мешаванд”². Қабл аз он, ки Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун давлати миллии истиқлолияти хешро ба даст овард, “дар раванди қабул ва тағйиротҳо дар зинаҳои қабули Конститутсияҳо дар ҳоли субъекти Иттиҳоди Шӯравӣ будан, оиди ҳифзи ҳуқуқи шаҳрванд ва таъмини беҳатарии он таваҷҷуҳи хоссае зоҳир намуда буд”³.

Аз гуфтаҳои боло бар меояд, ки ҳаёт ва саломатии инсон натавонанд дар қонунгузориҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон балки дар қонунгузориҳои дигар кишварҳо, хусусан дар қонунгузориҳои ҷиноятии ҳаммаи давлатҳои аъзои ИДМ, низ ба ҳайси объекти ҷинояти дар ҳатар монандан баромад мекунад.

Қонунгузориҳои ҷиноятии давлатҳои аъзои ИДМ объекти ҷиноятӣ дар ҳатар монанданро вобаста ба ҳаёт ва саломатии шахс муайян кардаанд. Чунин андешаи якҷояи қонунгузориҳои давлатҳои аъзои ИДМ дар якҷоягӣ бо ҳуқуқи ҷиноятӣ ва механизми мубориза бар зидди ҷиноятҳо дар доираи КМҶ давлатҳои аъзои ИДМ алоқаманди дорад. Бояд тазаққур дод, ки қисмати зиёди объекти ҷиноятҳое, ки дар қонунгузориҳои ҷиноятии давлатҳои аъзои ИДМ вучуддошта аз якдигар фарқият доранд. Аммо объекти ҷинояти дар ҳатар монандан дар ҳаммаи қонунгузориҳои давлатҳои аъзои ИДМ ҳаёт васаломатии шахсро ташкил мекунад, ки аз инҳо иборат аст:

- 1) м. 143 КҶ Ҷумҳурии Озарбойҷон – дар ҳатар монандан;
- 2) м. 128 КҶ Ҷумҳурии Арманистон – дар ҳатар монандан;
- 3) м. 144 КҶ Ҷумҳурии Қирғизистон (аз 28.10.2021 № 127) – дар ҳатар монандан;
- 4) м. 159 КҶ Ҷумҳурии Беларусия – дар ҳатар монандан ва м. 160 КҶ Ҷумҳурии Беларусия - ёри нарасонидан ба капитани киштие, ки дар мусибат қарор дорад;
- 5) м. 117 КҶ Ҷумҳурии Узбекистон – дар ҳатар монандан;
- 6) м. 127 КҶ Ҷумҳурии Тоҷикистон – дар ҳатар монандан;
- 7) м. 119 КҶ Ҷумҳурии Қазоқистон – дар ҳатар монандан;
- 8) м. 125 КҶ Ҷумҳурии Туркменистон – дар ҳатар монандан;
- 9) м. 163 КҶ Ҷумҳурии Молдавия – дар ҳатар монандан;

¹ Стиволдиев, Р.Ш. Назарияи давлат ва ҳуқуқ: китоби дарсӣ. Душанбе: Империл-Групп, 2014. С. 561.

² Шарифзода, Р.Ф. Пешгирии ҷиноятҳо ба муқобили ҳаёт ва саломатӣ дар оила, фишанги баландбардорандаи маърифати ҳуқуқии шаҳрвандон / Р.Ф. Шарифзода // Маводи конференсияи байналмилалӣ илмӣ-амалӣ “Самтҳои нави рушди илм дар соҳаи техника”. - Душанбе, 2024. - С. 825.

³ Шарифзода Р.Ф., Асари зикршуда. - С. 825.

10) м. 125КҚ Федератсияи Россия – дар хатар монанд.

Чуноне, ки зикр намудем таҳлили кодексҳои ҷиноятии давлатҳои аъзои ИДМ нишон медиҳад, ки дар ҳамаи кодексҳои ин давлатҳо объекти ҷинояти мазкур тағйир намеоёбад яъне ҳаёт ва саломатии инсон боқи мемонад.

Вобаста ба муайянкунии ҷинояти таҳлилшаванда дар байни қонунгузори давлатҳои аъзои ИДМ мувофиқати яхеларо вохурдан номумкин аст ва ҳар як давлат онро дар шакли ба худ хос муайян намудааст.

ШАУТАЕВА ГУЛЬНАРА ХАСАНОВНА

начальник кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по
предварительному следствию в ОВД Волгоградской академии
МВД Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции
shautaeva@list.ru

ПРИНЦИП НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

Определяющим критерием уровня развития общества служит степень цивилизованной свободы человека, одним из важнейших аспектов которой является право на личную неприкосновенность. Рост личности и защита её безопасности в современном обществе требуют уделять особое внимание правовому закреплению и обеспечению этих прав, что становится одной из ключевых задач юридической теории и практики.

Защита прав и свобод граждан, а также личная неприкосновенность как социальная ценность признаются на всех уровнях общества. Это отражено в принципах основных международных правовых документов, касающихся прав личности, и в законодательстве многих стран, включая Россию и Таджикистан. Конституции этих стран вдохновляют на признание человека, его прав и свобод как высшей ценности, гарантируя каждому право на личную неприкосновенность.

Нормативное обеспечение данного права не ограничивается лишь его конституционным закреплением, а подразумевает целый ряд правовых норм. Современные демократические государства прописывают отражают основные положения касательно защиты прав и свобод, в основных законах государства и отраслевом законодательстве, закрепляя гарантии прав и свобод личности. Эти нормы представляют конституционные принципы, уточняемые в отраслевом законодательстве. Как верно отмечается в научной литературе, они «представляет собой одну из важнейших правовых гарантий, обеспечивающих процессуальный режим участия человека (индивида) в современном уголовном судопроизводстве, и обеспечивают определенный баланс между публичными и частными интересами, между полномочиями государства и правами лиц, вовлеченных в орбиту уголовной юрисдикции»¹. В данном контексте речь идет о конституционных и уголовно-процессуальных нормах, действующих в России и Республике Таджикистан, касающихся принципа неприкосновенности личности. Он является одним из основополагающих принципов в уголовном судопроизводстве этих государств на сегодняшний день.

В данной работе мы в сравнительном аспекте анализируем, как закреплён принцип неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации

¹ Принципы российского уголовного судопроизводства: содержание и проблемы реализации / Под ред. Н.Г. Мановой. - М.: Юрлитинформ, 2019. - С. 137.

и Республики Таджикистан. Несмотря на общую цель защиты прав и свобод личности, выражение и формулировка данного принципа в законодательных актах этих двух стран имеют некоторые отличия.

В России Уголовно-процессуальный кодекс (далее - УПК РФ) закрепляет основные принципы уголовного судопроизводства в главе 2, которая прямо обозначена как «Принципы уголовного судопроизводства». В этой главе излагаются основополагающие идеи, защищающие права и интересы участников процесса, включая принцип неприкосновенности личности.

В Таджикистане аналогичная глава в Уголовно-процессуальном кодексе (далее - УПК РТ) носит название «Законодательные принципы уголовного процесса». Хотя название отличается от российского, содержание главы также фокусируется на защите основных прав участников уголовного процесса и включает в себя нормы-принципы, схожие с российским законодательством.

Таким образом, несмотря на различие в названиях, оба государства придерживаются схожих основополагающих принципов, направленных на охрану прав и свобод личности в уголовном процессе. Подобные сходства свидетельствуют о стремлении к унификации подходов в международной практике защиты прав человека в уголовном судопроизводстве, несмотря на различия в терминологии и акцентах в законодательных актах разных стран.

Аналогичным в УПК РФ и УПК РТ является и то, что в названиях статей, входящих в гл. 2 УПК, не используется слово «принцип». Представляется, что отсутствие прямого использования слова «принцип» в названиях статей может быть связано с целью избежать дублирования и придания большего акцента на содержание и реализацию норм, отражающих конституционные гарантии.

Такой подход позволяет законодателям более гибко подходить к интерпретации принципов в процессе их практического применения, что может быть важным в условиях различных правоприменительных контекстов. Конкретизация норм Конституции в национальных УПК очень полезна для обеспечения прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве, подчеркивая значимость таких фундаментальных принципов, как неприкосновенность личности.

Тем не менее, тот факт, что элементы дублирования иногда встречаются, можно рассматривать как способ усиления значимости конституционных норм, поскольку это сплачивает текст Конституции и уголовно-процессуального законодательства, делая правоприменительную практику более последовательной и предсказуемой. Это позволяет обеспечивать защиту прав и свобод личности при реализации уголовно-процессуальной в соответствии с высшими юридическими стандартами.

Конституция Российской Федерации и Республики Таджикистан содержат положения, гарантирующие право на свободу и личную неприкосновенность. Эти положения направлены на обеспечение законности при ограничении свободы человека, например, в случае ареста или задержания.

В ч.1 ст.22 Конституции Российской Федерации устанавливается, что каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Часть 2 той же статьи уточняет, что арест, заключение под стражу предусматриваются только на основе судебного решения. Также лицо не может быть задержано более чем на 48 часов без такого решения.

Конституция Республики Таджикистан в ст. 18 гарантирует государственную защиту права на личную неприкосновенность, а ч. 2 ст. 19 указывает, что никто не может быть задержан или арестован без законных оснований, а также подчеркивает право на помощь адвоката с момента задержания. Эти положения подчеркивают важность судебного контроля при применении мер, ограничивающих свободу, а также права на защиту и квали-

фицированную юридическую помощь с момента задержания, что отражает основополагающие принципы правового государства и верховенства закона.

Действительно, принципы права, даже если они прямо не упоминаются в текстах, имеют фундаментальное значение для правового регулирования и использования в законодательной практике. Конституции, как Основные Законы, формируют каркас всего правового поля государства, и в них заложены устои, которые направляют законотворческую и правоприменительную деятельность.

Принцип неприкосновенности личности, закрепленный в Конституциях Российской Федерации и Республики Таджикистан, демонстрирует, как одна и та же базовая идея может быть по-разному сформулирована и дополнена другими установками, отражающими особенности правового регулирования в той или иной стране. Это подчеркивает значимость не только формулировки принципа, но и контекста, в котором он применяется и гарантируется.

Защита от пыток, жестокого обращения и запрещение принудительных экспериментов однозначно расширяют содержание принципа неприкосновенности личности, придавая ему более комплексный и защищающий характер. Это пример того, как конкретные положения и гарантии укрепляют принципы, декларируемые в конституционных актах, и иллюстрируют, насколько широким может быть понимание и интерпретация одного и того же принципа в разных правовых системах.

Да, действительно, в Конституции Российской Федерации содержатся нормы, касающиеся охраны достоинства личности, включая запрет на проведение медицинских, научных и иных опытов без согласия человека. Эти нормы рассматриваются в контексте защиты достоинства личности, а не только её физической неприкосновенности.

При сравнении российских и таджикских законодательных подходов к принципу неприкосновенности личности можно заметить, что они имеют различия, как на уровне конституционного регулирования, так и в кодифицированных актах, таких как Уголовно-процессуальные кодексы (УПК). Ст. 10 УПК РФ и ст. 11 УПК РТ, хотя и носят одинаковое название, могут демонстрировать различные акценты и методы правовой защиты личности. Такие различия могут проявляться в подходах к обеспечению неприкосновенности личности, мерах, направленных на предотвращение нарушений, и процедурах защиты прав личности в уголовном процессе.

Разнообразие в правовых системах может быть обусловлено различиями в правовых традициях, историческом развитии законодательства и текущих социальных и политических условиях в каждой из стран.

На наш взгляд ст. 10 УПК РФ имеет несколько ключевых аргументов, которые подчеркивают значимость сохранения текущего названия с точки зрения принципов права и законодательной техники:

Принципы «против» прав: Глава 2 УПК РФ действительно сосредотачивается на принципах уголовного судопроизводства, а не просто на правах участников процесса. Принципы являются основополагающими идеями, которые обуславливают дальнейшую регламентацию действий и процедур в уголовном судопроизводстве.

Распределение тематики: уже существующие статьи, такие как ст. 11 УПК РФ, касаются защиты прав и свобод, включая право на свободу и неприкосновенность. Излишняя детализация одного из многих прав в отдельной статье может привести к несоразмерному акценту и перегруженности последней.

Отраслевое законодательство: Развитие и конкретизация конституционных норм в отраслевом законодательстве – это ключевая задача для обеспечения их практического применения. Просто повторение конституционных принципов без адаптации к специфике уголовного судопроизводства может лишить законодательство нужной гибкости и точности.

Согласованность структуры: Изменение названия ст. 10 может нарушить логическую и стилистическую последовательность названий в рассматриваемой главе, что не способствует ясности и целостности УПК.

Изменения международного контекста: после конституционной реформы 2020 года и выхода России из Совета Европы, некоторые международные правовые акты действительно потеряли прежнюю актуальность в контексте российского законодательства. Это не означает полного отказа от международных стандартов, но подчеркивает необходимость пересмотра их значимости.

Статья 10 УПК РФ и ст. 11 УПК РТ касаются принципа неприкосновенности личности, но регулируются с разной степенью детализации. Действительно, ст. 10 УПК РФ более кратко излагает соответствующие положения, что может означать более узкую интерпретацию ограничений при соблюдении этого принципа, в то время как ст. 11 УПК РТ более детальна, что может указывать на желание законодателя более тщательно регламентировать вопросы ограничения личной свободы и неприкосновенности.

При этом название обеих статей не охватывает всех участников процесса, сосредоточившись на тех, кто может быть подвергнут ограничениям, например задержан или заключен под стражу. Как отмечает С.С. Безруков, это свидетельствует о том, что «ведется речь не обо всех участниках процесса, а лишь о тех, кто может быть задержан по подозрению в совершении преступления или заключен под стражу, помещен в медицинский или психиатрический стационар»¹.

Независимо от того, как эти вопросы урегулированы в различных статьях, следует учитывать, что, например, положения ст. 22 Конституции Российской Федерации, имеют прямое действие и обеспечивают базовые гарантии неприкосновенности личности. Это значит, что ограничения возможны только в строгом соответствии с законом и на основе конституционных гарантий, что является общепризнанным принципом правового государства.

В УПК РФ принцип неприкосновенности личности включает несколько ключевых аспектов, направленных на защиту прав и свобод граждан в процессе уголовного судопроизводства:

1. Запрет незаконного задержания: Лицо не может быть задержано по подозрению в совершении преступления или заключено под стражу без законных оснований, предусмотренных УПК РФ. Срок задержания до вынесения судебного решения ограничивается 48 часами, за исключением условий военного положения, когда этот срок может быть увеличен до 30 суток для лиц, подозреваемых в совершении тяжких или особо тяжких преступлений.

2. Немедленное освобождение при отсутствии оснований для задержания: Компетентные органы (суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель) обязаны немедленно освободить лицо, которое было незаконно задержано или содержалось под стражей свыше установленных сроков. Это обязательство распространяется также на случаи помещения лица в медицинскую организацию без законных оснований.

3. Безопасные условия содержания: Условия содержания задержанных лиц по подозрению в совершении преступления должны быть таковы, чтобы не угрожать их жизни и здоровью. Это предполагает соблюдение норм и стандартов человеческого обращения, а также обеспечение необходимых условий для физического и психического благополучия задержанных. Эти положения отражают баланс между необходимостью

¹ Безруков, С.С. Конституционные права и свободы человека и гражданина в системе принципов уголовного процесса / С.С. Безруков // Вестник Томского государственного университета. - 2015. - № 1(15). - С. 31.

обеспечения правопорядка и защитой прав граждан от произвола и необоснованных ограничений их свободы.

В научной литературе обсуждается вопрос о достаточности и обоснованности 48-часового срока задержания, который не имеет прямого аналога в международной практике и не был детально аргументирован при принятии Конституции Российской Федерации.

В УПК РТ составляющими принципа неприкосновенности личности являются:

1. Задержание и арест: Никто не может быть задержан или взят под стражу без законных оснований. Арест и принудительное содержание допускаются только по решению суда или судьи. Этот принцип закреплен в обоих кодексах, однако есть различие по количеству времени, на которое лицо может содержаться до вынесения судебного постановления: в УПК РТ этот срок сразу составляет до 72 часов, что значительно дольше, чем в УПК РФ.

2. Освобождение незаконно задержанных лиц: Аналогичное положение УПК РФ, уполномоченные органы обязаны незамедлительно освобождать лиц, незаконно задержанных или лишенных свободы.

3. Защита от насилия и унижающего обращения: Никто из участников уголовного процесса не может подвергаться насилию или жестокому обращению. Это правило согласуется с положениями УПК РФ.

4. Право на обжалование: УПК РТ дополнительно подчеркивает право лица, подвергнутого аресту, на обжалование, что важным образом гарантирует права арестованных.

Подводя итог необходимо отметить, что выделение более широкой трактовки принципа неприкосновенности личности в таджикском законодательстве указывает на более обширные гарантии для субъектов уголовного судопроизводства. Это может свидетельствовать о стремлении обеспечить более надежную защиту личных прав в конкретном правовом контексте, предлагая дополнительные механизмы защиты и четкость в их реализации.

ШУКЮРОВ ШАХИН ТЕЙЮБ ОГЛЫ
доцент кафедры «Административной деятельности ОВД» Академии Полиции МВД
Азербайджанской Республики, доктор философии по праву, доцент, полковник полиции
shahin1967@mail.ru

ШУКЮРЛИ МУРАД ШАХИН ОГЛЫ
секретарь судебного заседания Хазарского районного суда города Баку
Азербайджанской Республики
murad_shukurlu@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ С ДРУГИМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ

«Судебная власть есть особый вид государственной деятельности, ее основная функция - осуществление правосудия. Судебная власть призвана обеспечивать справедливое и законное разрешение судебных дел с целью защиты человека и гражданина, населения, иных субъектов правоотношений, нуждающихся в судебной охране их интересов. Без прочной судебной власти ни один человек не сможет чувствовать себя в безопасности, ни один человек не сможет быть уверенным в том, что его права будут защищены, ни один

человек не сможет реализовать потенциал своей личности, если он не уверен в том, что его действия, согласованные с законом, не смогут быть причиной для наказания»¹.

А.С. Веселовская утверждает, что «В России термин «судебная власть» впервые появился в период правления Александра II, проводившего судебную реформу, в ходе которой удалось создать относительно самостоятельную и независимую от большинства административных органов внесловную судебную систему. Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. предусматривало, что судебная власть принадлежит мировым судьям, съездам мировых судей, окружным судам, Судебным Палатам и Правительственному Сенату как верховному кассационному суду»².

В свою очередь В.И. Ерыгина указала о том, что «Независимость судебной власти является одним из самых передовых достижений судебной реформы 1864 г. и продолжает быть актуальным для современного периода реформирования российского государства. От степени реализации этого принципа зависит и объективность рассмотрения дел в суде, и равенство всех перед законом, справедливость принятых решений. Поэтому так важно обеспечение выполнимости принципа судебной независимости и надлежащий контроль за его соблюдением. Под независимостью судей понимается «гарантированная возможность принимать ответственные решения при осуществлении правосудия на основании предписаний закона, по внутреннему убеждению,» без давления, вмешательства, иного воздействия извне. Взаимодействие законодательной и судебной ветвей власти осуществляется в правотворческой сфере»³.

Известный историограф советского правосудия М.В. Кожевников, выражая господствовавшие в то время взгляды, писал, что суд есть орган охраны господствующего в данном обществе класса, орган укрепления, существующего государственного и политического строя. Только в 1990 г. в Декларации о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной социалистической Республики появилось положение о разделении властей, и был провозглашен важнейший принцип правового государства - принцип выделения независимой судебной власти⁴.

В основе любого правового взаимодействия, в том числе правоприменительного, лежит принцип, согласно которому участники взаимодействуют в соответствии со своими правами и обязанностями. Это определяет содержание правовых отношений. Если рассматривать правоприменительное взаимодействие как систему, то можно выделить два уровня: внутренний и внешний. Важность внутреннего взаимодействия в правоприменительном органе заключается в том, что оно является ключевым элементом его работы. Оно необходимо для организации как внутренних, так и внешних функциональных процессов в органе.

Иными словами, именно суды – это те органы, которые могут и должны определять, насколько действия участников общественных отношений соответствуют закону. А это в свою очередь включает в себя назначение наказаний за преступления, принудительное изъятие имущества и другие правовые последствия. Суды играют ключевую роль в правоприменительной деятельности. Их особенность как государственных органов, которые могут на основе правовых норм и индивидуальных предписаний реализовывать общественные отношения, заключается в том, что они могут оценивать не только поведение участников общественных отношений, но и сами законы. В действительности, и исполни-

¹ Савина, Т.А., Проблемы взаимодействия судебной власти со средствами массовой информации / Т.А. Савина // Актуальные проблемы экономики и права. – 2008. - № 3. – С. 167.

² Веселовская, А.С. Генезис взаимодействия судебной власти с законодательной и исполнительной / А.С. Веселовская // Молодой ученый. - 2021. - № 28(370). - С.81-84.

³ Ерыгина, В.И. Основные направления взаимодействия парламента и органов судебной власти / Научные труды Российской академии юридических наук. – 2015. - № 15. – С. 126-132.

⁴ Веселовская, А.С. Указ. раб. – С. 83.

тельная, и судебная ветви власти действуют исключительно в соответствии с правовыми нормами, которые устанавливаются законодателями. Однако эти нормы разрабатываются не изолированно, а в тесном взаимодействии с проектами и инициативами, которые исходят преимущественно от органов исполнительной власти, в первую очередь, от правительства. Судебная практика также играет важную роль в формировании правовой базы. Она помогает выявлять пробелы в законодательстве и определять необходимость принятия новых законов.

Уникальность состава участников правоприменительного взаимодействия между судами и правоохранительными органами, проявляющаяся в государственно-властном влиянии на других, прежде всего, определяется способами осуществления самой государственной силы. Это приводит к сложному и многогранному взаимодействию. В области правоохранительных органов чаще всего наблюдается трехстороннее взаимодействие, где суд выполняет роль посредника между двумя конфликтующими сторонами. Властное принуждение, реализуемое в правоприменительной деятельности суда, является следствием решения, принятого третьей стороной на основе сравнения позиций государственного органа и противостоящего ему участника взаимодействия.

И здесь, по мнению А.Р. Китовой, одним из важных компонентов рассматриваемого взаимодействия является обеспечение правильного сочетания полномочий, методов и средств участников для достижения эффективности взаимосвязанной деятельности, в данном случае - эффективности уголовного правосудия. Как известно, главным условием любого взаимодействия является четкое разделение функций субъектов взаимных действий, самостоятельность в выборе решений, недопущение вмешательства в компетенцию другого субъекта¹.

Проведенный анализ сущности и места взаимодействия судов в сфере правоприменения позволяет сделать следующие выводы:

1) *Выделение правового взаимодействия.* В дополнение к педагогическому, управленческому и коммуникативному взаимодействию, целесообразно выделить правовое взаимодействие, основное содержание которого составляют правовые связи и отношения его участников.

2) *Структура правового взаимодействия.* Правовое взаимодействие в основном складывается из законотворческого и правоприменительного взаимодействия.

3) *Специфика правоприменительного взаимодействия.* Правоприменительное взаимодействие характеризуется особым субъектным составом участников, наделенных государственно-властными полномочиями, а также наличием заранее определенных правовых статусов и ролей (функций).

4) *Основа правоприменительного взаимодействия.* Основой возникновения и содержания правоприменительного взаимодействия являются правоприменительные отношения. Они представляют собой совокупность материально-правовых и процессуально-правовых отношений.

5) *Компоненты правоприменительного взаимодействия в правоохранительной сфере.* Правоприменительное взаимодействие в сфере правоохранения включает в себя следующие компоненты:

- взаимодействие правоприменителя с правонарушителем и другими участниками (в том числе иными правоприменителями);
- непосредственное взаимодействие между правоприменителями (органами и должностными лицами);
- взаимодействие внутри того или иного правоприменительного органа.

¹ Каитова, А.Р. Вопросы взаимодействия суда с другими правоохранительными органами / А.Р. Каитова // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2011. - № 3. – С. 23.

При этом, необходимо отметить, что формирование профессионального судебного корпуса является одним из ключевых условий для повышения эффективности судебной системы и обеспечения её независимости. Прозрачные, публичные и понятные процедуры назначения судей играют важную роль в гарантировании независимости и эффективности судебной власти. Орган, который отвечает за отбор и продвижение судей, должен быть независим от правительства и административных структур. Передача полномочий по подбору кандидатов на судебские должности судебному сообществу соответствует современным стандартам и ожиданиям гражданского общества, что, в свою очередь, способствует росту доверия к будущим судьям.

Каждое государство имеет свою уникальную судебную систему, обычно закреплённую в конституции, хотя не все страны следуют этому пути. Однако независимо от структуры судебной системы, важно, чтобы одни суды занимались рассмотрением дел по существу, действуя в качестве судов первой инстанции, тогда как другие служат для пересмотра решений этих судов и функционируют как суды второй инстанции. Кроме того, в каждом государстве имеется Верховный Суд, обладающий особыми полномочиями. Его задача заключается в проверке того, не нарушаются ли границы, в которых действуют законодательная и исполнительная власти, при этом он не имеет права подменять функции парламента.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что суд является одним из ключевых элементов системы правоохранительных органов. Его задачи схожи с задачами других правоохранительных органов, но суд занимает особое место среди них. Деятельность суда направлена на укрепление законности и правопорядка. Это отличает его от других государственных органов. Суд является самостоятельной ветвью государственной власти, что определяет его особый статус среди других правоохранительных органов.

Янин Сергей Александрович

профессор кафедры организации следственной работы УНК по ПС в ОВД
Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент
s.yanin1@yandex.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПРОВЕРКА ФАКТОВ ПРОТИВОПРАВНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ни для кого не является секретом важность культурного наследия предков для любого государства. Оно является базисом, на котором зиждется национальная идентичность этноса, и преступные посягательства на него, таким образом, несут особенную угрозу национальной безопасности страны.

Именно поэтому быстрое и грамотно выстроенное расследование подобных преступлений должно стать одним из приоритетов в деятельности правоохранительных органов. В Российской Федерации борьба с указанными преступлениями, начиная с момента проверочных мероприятий, и заканчивая предварительным расследованием, отнесена к компетенции органов внутренних дел. Подобная деятельность не отличается простотой и шаблонностью ввиду специфики предмета преступного посягательства – культурных ценностей и объектов культурного наследия. Это обуславливает сложность борьбы с преступлениями в отношении культурного наследия.

Их расследование начинается, по общему правилу, с процессуальной проверки заявленных фактов посягательств. Для ее начала необходим указанный в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) повод – источник информации, из которого становится известным факт посягательства. В качестве таковых статьей 140 УПК РФ заявлены «заявление о преступлении; явка с повинной; сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников; постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании». По фактам преступлений, предусмотренных ст. 198-199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), указаны также «материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела».

По результатам процессуальной проверки следователем, органом дознания устанавливаются основания – фактические данные, свидетельствующие о наличии признаков преступления в совершенном деянии. Именно в этом и состоит цель проверки – максимально полно исследовать фактические обстоятельства произошедшего события, процессуально, в установленной форме, закрепить их и принять в итоге обоснованное решение по проверяемому событию согласно ст. 145 УПК РФ.

Для достижения заявленной цели проверка призвана решить ряд задач – неких промежуточных этапов, которые необходимо реализовать для достижения заявленной цели.

Профессор В.П. Лавров раскрывает содержание таких этапов:

«1. анализ сведений, изложенных в принятом и зарегистрированном сообщении, в целях выявления наличия в его содержании и прилагаемых к нему документах и предметах признаков, достаточных для возбуждения уголовного дела;

2. сбор (при необходимости) дополнительной информации о таких признаках с использованием средств и методов, предусмотренных ст. 144 УПК РФ;

3. анализ всех полученных в процессе приема, регистрации и проверки сообщения сведений с оценкой их совокупности, завершающегося принятием решения о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела либо о передаче сообщения по подследственности в соответствии со ст.151 УПК РФ, а при наличии в сообщении признаков, необходимых для возбуждения уголовного дела частного обвинения – в суд в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ»¹.

В рамках процессуальной проверки преступных посягательств на культурное наследие все обозначенные этапы присутствуют ввиду многообразия видов преступлений рассматриваемой категории. Так, к ним относятся:

- хищение культурных ценностей (ст. 164 УК РФ);
- преступления в отношении археологического наследия (незаконные поиск, изъятие, непередача государству археологических предметов – ст. 243.2 и 243.3 УК РФ);
- преступления в отношении объектов культурного наследия – памятников истории и культуры народов Российской Федерации (уничтожение или повреждение перечисленных объектов, нарушение требований их сохранения или использования – ст. 243 и 243.1 УК РФ);
- невозвращение в Российскую Федерацию культурных ценностей (ст. 190 УК РФ);
- контрабанда культурных ценностей (ст. 226.1 УК РФ).

Разница в механизмах совершения перечисленных преступлений очевидна, она обуславливает и специфичность процессуальной проверки по ним. Вместе с тем, проверка

¹ Лавров, В.П. Проблемы предварительной проверки сообщений о преступлениях в современных российских условиях / В.П. Лавров // Труды Академии управления МВД России. - 2017. - № 4 (44). - С. 113.

подчинена необходимости установления перечисленных в ст. 73 УПК РФ обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу. Конечно, все обстоятельства установить ввиду крайней ограниченности срока проверки и невозможностью задействования полного комплекса процессуальных возможностей следователя не представляется возможным, это задача дальнейшего расследования, но, вместе с тем, независимо от вида конкретного преступного посягательства на описываемые объекты, имеются и принципиально одинаковые обстоятельства, которые необходимо установить в рамках такой проверки.

К таковым мы относим, во-первых, «характер и размер вреда, причиненного преступлением; во-вторых, противоправность предпринятых в отношении культурных ценностей действий, увязанных с местом и способом их совершения»¹.

С указанными обстоятельствами зачастую и связаны основные проблемы процессуальной проверки.

Так, характер и размер вреда указаны нами в контексте необходимости достоверного установления факта принадлежности предметов преступного посягательства к культурным ценностям либо объектам культурного наследия. В последнем случае задача для органа дознания и следователя упрощается, так как существует Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации², и наличие в нем объекта посягательства легко проверить. Что же касается наличия у предмета преступления статуса культурной ценности, то зачастую этот факт на стадии процессуальной проверки удастся установить только в двух случаях: если этот предмет уже внесен в государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации; если предмет обнаружен и изъят в рамках неотложных процессуальных и иных мероприятий, и по нему проведено соответствующее искусствоведческое исследование. В остальных случаях, когда достоверная информация о нем отсутствует, квалифицировать содеянное как преступление в отношении культурных ценностей по перечисленным выше статьям УК РФ не представляется возможным.

Такая ситуация влечет за собой трату сил и средств органов внутренних дел на отработку значительного числа версий в ходе проверки и последующего расследования, несвоевременную постановку на учет похищенного антиквариата, проблемы в оперативном информировании Интерпола о факте преступного завладения ценностями.

Установление правомерности либо противоправности предпринятых действий в отношении культурных ценностей – вторая проблема процессуальной проверки.

В данном случае речь идет скорее не о самом факте, а о скорости его установления. Так, в случае производства незаконных раскопок необходимо установить отсутствие у фигурантов разрешения Министерства культуры РФ на проведение соответствующих действий; при хищении ценностей – отсутствие самовольного распоряжения ими со стороны третьих лиц без признаков хищения; при контрабандной перевозке через государственную границу – фиктивность сопроводительной документации, включая заключение эксперта по культурным ценностям. На все перечисленное, в зависимости от конкретных обстоятельств, необходимо время, которое может поспособствовать сокрытию иных следов преступления.

Решением перечисленных проблем, по нашему мнению, видится необходимость разворачивания широкой кампании по каталогизации культурных ценностей, имеющейся на

¹ Янин, С.А. Особенности проведения предварительной проверки и возбуждения уголовного дела о преступлениях, связанных с незаконным завладением культурными ценностями / С.А. Янин // Вестник Волгоградской академии МВД России. - 2023. - № 4 (67). - С. 113-113.

² Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002, № 73-ФЗ.

руках у населения, на безвозмездной основе и с минимальными временными издержками, с предусмотрением поощрения таких собственников в какой-либо форме.

Что же касается сокращения времени на совершение перечисленных выше проверочных действий, то оно могло бы быть достигнуто посредством незамедлительного направления запросов сотрудником органа дознания, следователем в электронном виде в соответствующие учреждения либо подразделения Министерства культуры РФ с обя-занием последних предоставить требуемую информацию в возможно короткий срок, не превышающий 1 суток.

Представляется, что предлагаемые нами решения позволят повысить скорость и эф-фективность проверки, что, в свою очередь, положительно повлияет на результативность последующего расследования фактов противоправных посягательств на объекты культур-ного наследия либо культурные ценности.

ТАҲҚИҚОТҲОИ ИЛМИИ ПРОФЕССОРОНУ ОМЎЗГОРОН НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА

БОНДАРЬ МАРИЯ МИХАЙЛОВНА

старший преподаватель кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по
предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии

МВД России, подполковник полиции

e-mail: bondar02082014@yandex.ru

ПОДОЗРЕНИЕ КАК ЭТАП УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

На расширенном заседании коллегии МВД России 20 марта 2023 года Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что крайне важной задачей остаётся борьба с преступностью, а отдача от этой работы должна год от года повышаться, результаты такой деятельности должны постоянно расти¹. Уголовное преследование лиц, совершивших преступление, является важной задачей государства, понимание данной функции, и ее содержания – должно быть однозначным, понятным для единообразного правоприменения.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (далее - УПК РСФСР) 1960 г.² не содержал упоминания такого термина, как уголовное преследование. После того, как Российская Федерация (далее – РФ) в 2001 г. ратифицировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод³, в данный нормативно-правовой акт были внесены изменения, после чего часть 1 статьи 47 стала содержать термин «уголовное преследование», в контексте применяемых в ходе уголовного судопроизводства мер процессуального принуждения к лицу, подозреваемому (обвиняемому) в совершении преступления, обозначая действия правоприменителей в уголовном процессе, затрагивающих его права и свободы. В тот же период другой нормативно-правовой акт содержал рассматриваемый термин. Например, в федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» 1992 г.⁴, в решениях Конституционного Суда РФ.

При этом в Основном законе государства - действующей Конституции РФ термин «уголовное преследование» был нормативно закреплен в 2020 г.⁵, как одна из функций прокуратуры РФ.

В УПК РФ законодатель попытался дать легальное определение уголовного преследования в пункте 55 статьи 5, которое представляется не совсем удачной. В действующем УПК РФ по замыслу авторов закона понятие «уголовное преследование» должно воспри-

¹ Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России 20 марта 2023 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://special.kremlin.ru/catalog/keywords/115/events/70744> (дата обращения: 21.10.2024).

² Утвержден Законом РСФСР от 27.10.1960 «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» (вместе с Кодексом) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Поправки, внесенные Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, вступили в силу 4 июля 2020 года (Указ Президента РФ от 03.07.2020 № 445) // СПС «КонсультантПлюс».

ниматься как функция обвинения и включает в себя процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в ходе досудебного производства, и процессуальную деятельность по поддержанию обвинения в ходе судебного производства по уголовному делу. При этом «изобличение подозреваемого, обвиняемого» необходимо понимать как процедуру доказывания виновности, обвинение уликами, доказательствами обвинительного свойства¹.

Законодательная регламентация уголовного преследования, под которым понимается процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления» говорит о том, что уголовное преследование до придания лицу процессуального статуса подозреваемого (обвиняемого) исключено. То есть уголовное преследование может носить только персонализированный характер. При этом не допускается возможности осуществления уголовного преследования в отношении лица, которое совершило преступление, однако органам расследования его данные не известны. Например, исключается возможность осуществления уголовного преследования на стадии возбуждения уголовного дела. Видится, что в УПК РФ не учтены правовые позиции КС РФ, в котором суд указал сущность уголовного преследования, отметив, что в уголовном судопроизводстве всегда необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование, которое может фактически выражаться не только в постановлении о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, но и проведение в отношении него следственных действий и иными мерами, которые предпринимаются в целях его изобличения или свидетельствуют о наличии подозрений против него².

Видится верной формулировка понятия «уголовное преследование», которое дано в УПК Республики Таджикистан, которое представляет собой процессуальную деятельность, осуществляемую прокурором, следователем, дознавателем в целях установления деяния, запрещенного уголовным законом, и совершившего его лица, привлечения последнего в качестве обвиняемого, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания или других принудительных мер³.

Указанный анализ дает возможность говорить о том, что уголовно-процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях достижения назначения уголовного процесса состоит из нескольких этапов. Процессуалист Р.В. Мазюк⁴ предпринял попытку разделить уголовное преследование на этапы: первый - подозрение, заключающееся в причастности лица к совершению преступления, и второй – обвинение, то есть доказывание виновности лица в совершении данного преступления. Видится, что данная концепция более четко отражает содержание уголовного преследования, как деятельности стороны обвинения.

При этом необходимо констатировать, что «обвинение», как уголовно-процессуальная деятельность, достаточно четко и детально регламентировано УПК РФ. В

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2004. - С. 26- 27.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30320.pdf> (дата обращения: 21.10.2024).

³ Абзац 25 ст. 6 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.01.2024 г.) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30594304 (дата обращения: 21.10.2024).

⁴ Мазюк, Р.В. Уголовное преследование в российском уголовном судопроизводстве: атореф... диссер. канд. юрид. наук: 12.00.09 / Р.В. Мазюк. - Иркутск. 2007. - С. 17-18.

отличие от «подозрения», правовая регламентация которого видится недостаточной, что порождает различные трактовки, а значит и правоприменительную практику.

Например, исходя из положений действующего УПК РФ, началом уголовного преследования представляется необходимым считать момент вынесения правоприменителем процессуального акта, наделяющего лицо уголовно-процессуальным статусом подозреваемого.

Необходимо отметить, что сам термин «подозрение» определяется, как предположение, основанное на сомнениях в правильности, законности чьих-нибудь поступков, в правдивости чьих-нибудь слов¹.

Можно сделать вывод то том, что уголовное преследование включает в себя этап подозрения, как предположения органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, о причастности лица к совершению расследуемого преступления с имеющимися сомнениями в правильности данного предположения.

При этом обязательным требованием к данному этапу уголовного преследования должны быть мотивированность и обоснованность. В то же время при установлении мотивов и оснований подозревать конкретное лицо в совершении преступления, ему незамедлительно должно быть объявлено о таком подозрении.

Изложенное дает возможность говорить о подозрении, как важном, первоначальном этапе в осуществлении уголовного преследования, который может существенно затрагивать права и законные интересы личности, вовлекаемой в уголовное судопроизводство. Представляется целесообразным проработать вопрос о нормативном закреплении понятия подозрение, которое, видится, должно включать в себя предположение органов уголовного преследования о возможной причастности лица к совершению преступления, выраженное в соответствующем правовом акте.

Бурҳонов Саидориф Саидмуҳаммадович
омӯзгори калони кафедраи ҳуқуқшиносии Донишкадаи иқтисод ва савдои
Донишгоҳи давлатии тичорати Тоҷикистон
burhonovsaidorif@mail.ru

МАҲҲУМ ВА НАМУДҲОИ ҶИНОЯТҲО ДАР СОҲАИ ИҚТИСОДИЁТ

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИКИ

Ҷиноятҳо дар соҳаи ғаёлияти иқтисодӣ - ин маҷмуи ҷиноятҳои дар боби 27 ва дигар бобҳои Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КҶ ҚТ) пешбинигардида мебошад. ки ба манфиатҳои давлат, ҷомеа ва шахсони алоҳида Ҳангоми ба амал баровардаи ғаёлияти иқтисодӣ таҷовуз мекунад.

Дар асоси қисми 1-уми моддаи 17 КҶ ҚТ²: кирдори (ҳаракат ё беҳаракати) содиршудаи ба ҷамъият ҳавфноке, ки КҶ ҚТ бо таҳдиди татбиқи ҷазо манъ кардааст,

¹Толковый словарь Ожегова С.И. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/166426> (дата обращения: 21.10.2024).

²Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 21.05.1998, № 575 // Аҳбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон - № 9. м. 68. - № 22. - м. 306; 1999. - № 12. - м. 316; 2001. - № 4. - м. 149, 167; 2002. - № 11. - м. 675, 750; 2003. - № 8; м. 456, 468; 2004. - № 5. - м. 346. - № 7. - м. 452, 453; 2005. - № 3. - м.126. - № 7. - м. 399; № 12. - м. 640; 2007. - № 7. - м. 665; 2008. - № 1. - м. 3; 2008. - № 6. - м. 389. - м. 444. - м. 447; 2008. - № 10. - м. 803; 2008. - № 12, қ.1. - м. 986; 2008. - № 12, қ.2. - м. 992; 2009. - № 3. - м.80. - № 7-8. - м. 501;

ҷиноят эътироф мешавад. Инчунин мувофиқи қ. 2 м. 17 КҶ ҚТ: кирдори (ҳаракат ё беҳаракатӣ), ки зоҳиран аломатҳои яке аз кирдорҳои дар қисми махсуси КҶ ҚТ пешбинигардидаро дошта бошад ҳам, вале бо сабаби камаҳамияти барои ҷамъият ҳавфнок нестанд, ҷиноят ҳисобида намешавад.

Сабабҳо ва шароитҳои содиршавии ҷиноятҳо дар соҳаи иқтисодиёт бо омилҳои ҷинояткоронаи иҷтимоӣ-иқтисодӣ, сиёсӣ, иҷтимоӣ-психологӣ ва дигар омилҳои ба тамоми ҷинояткорӣ хосбуда муайян карда мешавад. Бинобар ҳамин сабабҳо ва шароитҳои содиршавии ҷиноятҳо бо омилҳои, ки ба паёмадҳои манфии ислоҳот мансубият доранд, алоқаманд мебошанд, ба монанди: бухрони умумичаҳони иқтисодӣ-молиявӣ ва таъсири он бапешравии ҳамаи соҳаҳои иқтисодиёти Тоҷикистон; мавҷудияти «бозори пинҳонӣ» дар иқтисодиёт; тичорати ҷиноятӣ; инкишоф наёфтани шаклҳои батанзимдарории ҳуқуқии муносибатҳои бозоргонӣ; паст гардидани шуури ҳуқуқии аҳоли ва монанди инҳо.

Баъди пош хурдани Иттиҳоди Шуравӣ, иқтисодиёти нақшавӣ низ барҳам хӯрд ва ба ҷои он тарзи нав-иқтисодиёти бозоргонӣ, ки асоси онро моликияти хусусӣ ташкил медиҳад, ба вучуд омад. Дар ин замина хусусигардонии моликияти давлатию ҷамъиятӣ дар тамоми қаламрави собиқ Иттиҳоди Шуравӣ оғоз гардид.

Азбаски ҷиноят будани кирдор бо қонуни ҷиноятӣ муқаррар мешавад: муайян кардани мафҳуми ҷиноят аҳаммияти ҳалқунанда дорад. Ҷиноят - ҳодисаи манфӣ аст. Одамоне, чомеа ва давлат дар он манфиатдор нестанд ва шуда ҳам наметавонанд. Агар ҳуди ҷиноят ҳодисаи манфӣ бошад, пас манъи ҷиноят аз тарафи КҶ ҚТ баръакс ба ғоидаи ҷамъият аст. Аз ин лиҳоз, КҶ ҚТ аломатҳои ҷиноятро муайян мекунад. Дар б. 1 м. 17 КҶ ҚТ аломатҳои зерини ҷиноят муқаррар шудаанд:

- 1) барои ҷамъият ҳавфнок будани кирдор (ҳаракат ё беҳаракатӣ);
- 2) рафтори зиддиҳуқуқӣ, яъне манъи он бо КҶ ҚТ;
- 3) гунаҳкорӣ;
- 4) сазовори ҷазо будани ҷунин кирдор.

Агар яке аз ин аломатҳо набошанд, пас кирдори шахс ҷиноят ҳисобида намешавад.

Мавриди зикр аст, ки чун мо дар бораи ҷиноят сухан мекунем донишмандони категорияҳои он бароямон зарур аст. КҶ ҚТ вобаста ба ҳавфнок буданаш ба ҷамъият дараҷаҳои зерини ҷиноятро муайян намудасст:

- ҷиноятҳои начандон вазнин;
- ҷиноятҳои дараҷаи миёна;
- ҷиноятҳои вазнин;
- ҷиноятҳои махсусан вазнин.

Кирдорҳои қасдан содиршавандае, ки ҷазои ҳадди аксари барои онҳо дар КҶ ҚТ пешбинигардида аз ду соли маҳрум сохтан аз озодӣ зиёд нест ва кирдорҳои аз беэҳтиётӣ содиршавандае, ки ҷазои ҳадди аксари барои онҳо дар кодекси мазкур пешбинигардида аз панҷ соли маҳрум сохтан аз озодӣ зиёд нест, ҷиноятҳои начандон вазнин эътироф мешаванд.

Кирдорҳои қасдан содиршавандае, ки ҷазои ҳадди аксари барои онҳо дар КҶ ҚТ пешбинигардида аз панҷ соли маҳрум сохтан аз озодӣ зиёд нест ва кирдорҳои аз беэҳтиётӣ содиршавандае: ки ҷазои ҳадди аксар барои онҳо аз панҷ соли маҳрум сохтан аз озодӣ зиёд мебошад, ҷиноятҳои дараҷаи миёна эътироф мешаванд.

Кирдорҳои қасдан содиршудае, ки ҷазои ҳадди аксари барои онҳо дар ин ҷиноятӣ пешбинигардида аз дувоздаҳ соли маҳрум сохтан аз озодӣ зиёд нест, ҷиноятҳои вазнин эътироф мешаванд.

Кирдорҳои қасдан содиршавандае, ки ҳазои ҳадди аксар барои онҳо дар ҚҶ ҚТ зиёда аз дувоздаҳ соли маҳрум сохтан аз озодӣ ё ҳазои қатл пешбинӣ гардидааст, ҷиноятҳои махсусан вазнин эътироф мешаванд.

Инчунин бояд тазаққур дод, ки ҷиноят аз чор унсури асосӣ иборат мебошад:

- объекти ҷиноят;
- субъекти ҷиноят;
- тарафи объективӣ;
- тарафи субъективӣ.

Бояд қайд намуд, ки дар ҳолати набудани яке аз ин унсурҳо кирдори содиршуда ҷиноят ҳисобида намешавад.

Бавучудой ва инкишофи муносибатҳои нави иқтисодӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон боиси аз нав коркарди низоми қонунгузори он гардид. Дар соҳаи соҳибкорӣ, кирдори аз ин пеш ба қонунгузори ҷиноятӣ маълум набуда, ба монанди соҳибкории ғайриқонунӣ, ба расмият дароварда мешуд. Қонунигардонидани маблағҳои пулӣ ё амволи дигари ғайриқонунии ба даст овардашуда, кирдори инҳисорӣ (монополистӣ) ва маҳдуд кардани рақобат, муфлисшавии сохта ва ғайра ҳамчун кирдорҳои ҷиноятӣ шуморида шудаанд.

Давлат фаъолияти озоди иқтисодӣ ва соҳибкориро дар тамоми ҳудуди Ҷумҳурии Тоҷикистон кафолат медиҳад (м. 12 Конститутсияи ҚТ)¹, ки мувофиқи он ҳар як фард бояд дар асоси муқаррароти қонунҳои ҷумҳурӣ амалӣ гашта ба манфиатҳои халқ, давлат ва ҷамъият зид набошад. Давлат барои пешрафти иқтисодӣ манфиатдор мебошад ва аз ин сабаб ба фаъолияти озоди иқтисодӣ иҷозат дода, барои инкишофи он шароит фароҳам овардааст. Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон ҷавобгариро барои 38 намуди ҷиноятҳои муқаррар намудааст, ки онҳо дар соҳаи фаъолияти иқтисодӣ содир мешаванд².

Хавфнокии ҷамъиятии ҷиноят дар соҳаи фаъолияти иқтисодӣ дар он ифода меёбад, ки дар натиҷаи чунин таҷовузҳо ба манфиатҳои иқтисодии давлат ва дигар субъектҳои, ки бо фаъолияти иқтисодӣ алоқа доранд, мумкин аст зарари чиддӣ расонида шавад. Меъёрҳои ҳуқуқи ҷиноятӣ, ки ҷавобгариро барои ҷиноятҳои мазкур пешбинӣ намуданд, маҷмӯи муносибатҳои ҷамъиятиро ҳимоя мекунанд, ки дар соҳаи фаъолияти иқтисодӣ ба вучуд меоянд.

Объекти хелии ин ҷиноятҳои гурӯҳи муносибатҳои ҷамъиятии якҷинсаи бо ҳам алоқаманде ташкил менамоянд, ки онҳо дар рафти фаъолияти мӯътадили иқтисодӣ дар истехсолот, тақсимот, ивазкунии ва истеъмолати сарватҳои моддӣ пайдо мешаванд. Ба сифати объекти бевосита дар ин ҳолат муносибатҳои ҷамъиятии мушаххасе баромад менамоянд, ки онҳо дар рафти фаъолияти иқтисодӣ ба вучуд омада, ҳамчун танзимдиҳандаи мушаххаси ин муносибатҳо хизмат менамоянд. Таркиби баъзе аз ин ҷиноятҳо дорои объекти бевоситаи иловагӣ буда, дар натиҷаи онҳо дар рафти фаъолияти иқтисодӣ зарар ба манфиатҳои моддӣ шаҳрвандон расонида мешаванд. Масалан, фиреби истеъмолкунандагон (м. 294 ҚҶ ҚТ), гирифтани пора (м. 279 ҚҶ ҚТ).

¹ Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 6-уми ноябри соли 1994 бо тағйири иловаҳо аз 26-уми сентябри соли 1999, 22-юми июни соли 2003 ва 22-юми майи соли 2016 (бо забонҳои тоҷикӣ ва русӣ). – Душанбе: Ганҷ, 2016. – С. 10.

² Ғоибов, Р. Ҳуқуқи ҷиноятӣ. Қисми махсус: дастури таълимӣ. – Хучанд: Ношир, 2009.- С. 231.

ДАВЛАТЗОДА ХУСНИДДИН МИРЗОМУРОД
старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии
факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, майор милиции
n.suhrob-92@mail.ru

СУНАТУЛЛОЗОДА УМЕДЖОН СУНАТУЛЛО
старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии
факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, подполковник милиции
n.suhrob-92@mail.ru

ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

В статье 21 Конституции Республики Таджикистан указано, что государство гарантирует потерпевшему судебную защиту и компенсацию нанесенного ему ущерба¹. Требование о защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, сформулированное в ст. 2 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (далее – УПК РТ), включает в себя устранение преступных последствий, в том числе путем восстановления нарушенных гражданских прав потерпевших от преступлений лиц. В этой связи, одним из важнейших факторов, определяющих эффективность восстановления нарушенных прав, является своевременность их защиты.

В уголовном судопроизводстве обязанность государства обеспечить надлежащую защиту гражданских прав лиц, потерпевших от преступлений, реализуется посредством разрешения исков о возмещении имущественного ущерба или компенсации морального вреда. Эти конституционные гарантии обеспечиваются следственными и судебными органами. Также в ст. 126 УПК РТ предусматривается рассмотрение гражданского иска при решении вопроса о доказанности преступления и виновности лица в совершении преступления. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве является формой защиты прав и интересов личности, поскольку таким способом в уголовном судопроизводстве устанавливаются спорные гражданско-правовые отношения, возникающие в связи с нарушениями имущественных прав и законных интересов граждан.

Сейчас уже не вызывает сомнения тот факт, что гражданский иск не противоречит разрешению уголовного дела по существу, а разрешение гражданского иска в уголовном процессе является более приоритетным, чем в гражданском процессе². При этом подсудность и подведомственность гражданского иска определяются подсудностью уголовного дела. В этой связи лицо, признанное гражданским истцом по уголовному делу, освобождается от необходимости дважды участвовать в судебных разбирательствах: сначала по уголовному делу, затем по гражданскому делу.

Уголовно-процессуальное законодательство предъявляет упрощенные требования к оформлению гражданского иска в уголовном деле. Исковое заявление не обязательно должно быть письменным. Устное заявление лица о возмещении имущественного и (или) морального вреда, причиненного преступлением, заносится в протокол, письменное заявление приобщается к материалам уголовного дела. Допускается произвольная форма искового заявления, а отсутствие в нем сведений о лице, несущем гражданско-правовую от-

¹ Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.05.2016 г.) // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://online.zakon.kz/Document> (дата обращения: 01.03.2023).

² Владыкина, Т. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве / Т. Владыкина // Уголовное право. - 2013. - № 1. - С. 86-92; Оськина, И., Лупу, А. Гражданский иск в уголовном процессе / И. Оськина, А. Лупу // эж-Юрист. - 2014. - № 11. - С. 4-5.

ветственность за вред, причиненный преступлением, о цене и основаниях иска не является критичным.

Согласно ст. 116 УПК РТ, мерой обеспечения гражданского иска по уголовному делу является наложение ареста на имущество обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за его преступные действия, или иных лиц, у которых находится имущество, приобретенное преступным путем.

Гражданский иск, вытекающий из уголовного дела, если он не был предъявлен или не был разрешен при производстве уголовного дела, предъявляется для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства по общим правилам подсудности, т.е. по месту жительства или месту нахождения ответчика (ст. 30, ч. 3 ст. 33 ГПК РТ).

В большинстве случаев место совершения преступления, определяющее в силу ст. 256 УПК РТ подсудность уголовного дела, и место жительства (нахождения) лица, несущего ответственность за вред, причиненный преступлением, не совпадают. Поэтому иск в порядке гражданского судопроизводства предъявляется совсем в другой суд, нередко расположенный в иной территории Республики Таджикистан. Исходя из правил ст. 134 и 135 ГПК РТ, при рассмотрении гражданского дела суд предложит истцу в обоснование иска приложить заверенные надлежащим образом копии вынесенных по уголовному делу судебных решений с отметкой о вступлении их в законную силу. Для этого лицо, потерпевшее от преступления, должно получить данные документы в суде, рассмотревшем уголовное дело, и привезти или выслать их в суд, рассматривающий гражданское дело.

Место жительства ответчика может не совпадать с местом его фактического пребывания в случае осуждения к реальному лишению свободы. Тогда судья будет истребовать в суде, вынесшем приговор, сведения об исполнении приговора и о месте отбывания осужденным наказания по приговору суда. После подтверждения сведений о пребывании ответчика в том или ином исправительном учреждении туда будет направлено исковое заявление с пакетом документов, что также займет немало времени.

Кроме того, суд, принимая в порядке гражданского судопроизводства решение по иску, вытекающему из уголовного дела, не вправе входить в обсуждение вины ответчика. Он может разрешать вопрос лишь о размере возмещения, а также приводить имеющиеся в гражданском деле доказательства, обосновывающие размер присужденной суммы (например, учет имущественного положения ответчика).

Таким образом, гражданский иск в уголовном деле не осложняет уголовный процесс. Преимущества гражданского иска очевидны с точки зрения процессуальной экономии и полноты исследования доказательств.

В настоящее время основные теоретические аспекты проблематики гражданского иска в уголовном деле достаточно хорошо проработаны в науке. По данному вопросу сложилось два противоположных мнения.

Одни авторы утверждают, что согласно принципу диспозитивности, характерному для гражданского процесса, предъявление иска в уголовном деле является не обязанностью, а правом лица, чьи интересы нарушены преступлением. Тем самым гражданский иск в уголовном процессе носит производный характер и полностью зависит от волеизъявления потерпевшего¹.

Другие исследователи полагают, что потерпевший, которому в результате совершенного преступления причинен ущерб, обязательно должен быть признан гражданским истцом².

¹ Божьев, В.П. Гражданский иск в уголовном деле как предмет уголовно-процессуальных отношений / В.П. Божьев // Российский следователь. - 2011. - № 16. - С. 16-19.

² Рохлин, В.И., Казанцев, В.Г. Потерпевший в уголовном процессе / В.И. Рохлин, В.Г. Казанцев // Адвокат. - 2011. - № 5. - С. 11-15; Хромова, Н.М. Особенности возмещения вреда в судебной деятельности / Н.М. Хромова // Журнал российского права. - 2013. - № 11. - С. 58-66.; Савкина, М.А.

Думается, что с учетом диспозитивных начал в уголовном процессе за потерпевшим следует оставить право отказаться от подачи гражданского иска в рамках производства по уголовному делу и предъявить иск в порядке гражданского судопроизводства по установленным законом правилам подведомственности гражданских дел.

Среди ученых и практических работников также ведется дискуссия о целесообразности расширения оснований гражданского иска в уголовном деле; допустимости появления в уголовном деле гражданского истца, когда размер ущерба еще точно не определен, а лицо, совершившее преступление, не установлено; разрешении гражданского иска при рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства; компетенции судов по устранению недостатков предварительного расследования в части гражданских исков при рассмотрении уголовных дел¹.

Данные вопросы в большей степени носят оценочный характер, и отсутствие их однозначного понимания среди юристов существенно не влияет на решение поставленных перед государством задач по обеспечению судебной защиты прав потерпевших от преступлений лиц.

Одной из причин, затрудняющих реализацию института гражданско-правовой ответственности за совершенное преступление одновременно с процедурой осуждения виновного, остается недоверие граждан к способности правосудия справедливо и эффективно защитить их права.

Сложилась своего рода тупиковая ситуация. С одной стороны, вопрос о быстром и полном восстановлении нарушенных прав потерпевшего не является новеллой в уголовном процессе и законодательно регламентирован. С другой стороны, как правильно отмечает Ю.К. Якимович, абсолютное число потерпевших от преступлений лиц не только не желают заявлять гражданский иск, но и вообще не хотят принимать участие в уголовном судопроизводстве².

Представляется, что, несмотря на позицию потерпевших, государство, как один из субъектов уголовного процесса, обязано принимать меры к своевременному возмещению вреда, причиненного им в результате совершения преступления. В связи с этим предъявление гражданского иска следует рассматривать как право потерпевшего, корреспондирующее с обязанностью органов уголовного преследования и суда, закрепленной в ст. 12 УПК РТ, по разъяснению такого права и обеспечению реальной возможности его осуществления.

Реализация потерпевшим права предъявить гражданский иск в уголовном деле напрямую зависит от того, насколько полным будет механизм реализации данного права и насколько будут созданы условия для его реализации.

Не вызывает сомнений тот факт, что оптимальные условия для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска должны быть созданы сразу после возбуждения уголовного дела, т.е. на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Поэтому именно лица, осуществляющие уголовное преследование, обязаны провести процессуальные действия, направленные на возмещение причиненного ущерба: принять все предусмотренные законом меры по установлению гражданских ответчиков и розыску имущества, подлежащего взысканию, наложить арест на имущество и др.

Ответственность государства перед потерпевшими от преступления и механизм компенсации ущерба / М.А. Савкина // Российская юстиция. - 2014. - № 5. - С. 48-50.

¹ Неретин, Н. К вопросу о предъявлении гражданского иска в уголовном судопроизводстве / Н. Неретин // Российский судья. - 2012. - № 1. - С. 37-39; Мирошниченко, М., Васюшкин, В. Обращение транспортных прокуроров в суды с исками о возмещении вреда, причиненного коррупционными преступлениями / М. Мирошниченко, В. Васюшкин // Законность. - 2012. - № 11. - С. 33-35.

² Якимович, Ю.К. Участие потерпевшего в уголовном преследовании / Ю.К. Якимович // Уголовное судопроизводство. - 2014. - № 4. - С. 17-20.

Гражданский иск в уголовном деле базируется на цивилистике и должен рассматриваться через призму гражданского и гражданско-процессуального права. К сожалению, несбалансированность публичных правовых начал и частных правовых начал в уголовно-процессуальной деятельности, несовершенство механизма возмещения вреда, некоторая некомпетентность лиц, осуществляющих уголовное преследование, в вопросах гражданско-правового профиля дезориентируют их и не позволяют принимать действенные меры по восстановлению нарушенных гражданских прав потерпевших. Об этом свидетельствует и анализ статистической отчетности деятельности судов в Республике Таджикистан в 2017-2022. Согласно данному анализу, заметно уменьшилось общее число гражданских исков, предъявленных в уголовном судопроизводстве, а также исков, рассмотренных вместе с уголовными делами.

В указанный период гражданские иски разрешены судами только в среднем по 15% уголовных дел. Почти третью часть уголовных дел традиционно составили корыстные преступления, совершение которых обусловлено различными видами хищений чужого имущества, а значит, повлекло причинение вреда потерпевшим.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что гражданские иски по уголовным делам при наличии к тому оснований зачастую не предъявляются.

Исключительная важность названных проблем требует их дополнительного разъяснения. Из пункта 6 ч. 2 ст. 85 УПК РТ следует, что при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию характер и размер вреда, причиненного преступлением. Следовательно, ключевым при решении вопроса о признании гражданина или юридического лица потерпевшим от преступления и, соответственно, гражданским истцом выступает понятие «вред».

В уголовно-процессуальном праве определение понятию «вред» не дано, что вызывает некоторые трудности при решении вопроса о признании лица гражданским истцом.

В связи с этим вполне оправданно обратиться к цивилистике, так как, во-первых, само понятие «вред» сформировано цивилистикой, во-вторых, как уже отмечалось, уголовное судопроизводство, разрешая гражданский иск в уголовном деле, опирается во многом на подходы, сложившиеся в сфере гражданских правоотношений.

В гражданском праве понятие «вред» отождествляется с понятиями «ущерб» и «убытки», которые определяются как наступление неблагоприятных последствий имущественного и неимущественного характера. Понятие «убытки» раскрыто в ч. 2 ст. 15 ГК РТ и включает в себя реальный ущерб и упущенную выгоду.

Тем самым отождествлять понятия «вред», «ущерб» и «убытки» не совсем правильно. Понятие «убытки» является более широким.

В уголовном процессе разрешается конфликт между личностью и государством по поводу вмененного преступления (публичный интерес) и между подсудимым и потерпевшим в отношении требований последнего о возмещении причиненного вреда (частный интерес). Поэтому определение понятия «вред», сформулированное в цивилистике, представляется приемлемым для уголовно-процессуальных отношений.

Вред, причиненный в результате преступления, подразделяется применительно к гражданам на физический, имущественный и моральный, к юридическим лицам – на имущественный вред и вред деловой репутации.

Общепринято под физическим вредом понимать вред, причиненный жизни и здоровью. Имущественный вред обусловлен лишением имущества, материальных благ и выражается в денежной сумме. Моральный вред определен в ст. 171 ГК РТ как физические и нравственные страдания, причиненные гражданину действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на другие принадлежащие гражданину нематериальные блага.

Разрешение гражданских исков в уголовном деле основано на установлении таких юридических фактов, как наличие преступления, причинение преступлением вреда, наличие причинной связи между преступлением и наступившим вредом.

Иски о возмещении имущественного вреда разрешаются исходя из размера ущерба, причиненного в результате совершенного преступления, который устанавливается в ходе предварительного расследования и проверяется при рассмотрении дела судом. Разрешение исков о компенсации морального вреда поставлено в зависимость от характера причиненных страданий, требований разумности и справедливости.

Таким образом, под гражданским иском в уголовном процессе следует понимать процессуальное средство судебной защиты имущественных прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений. Правом предъявления гражданского иска в уголовном деле наделяются граждане или юридические лица при наличии оснований полагать, что в результате совершенного преступления им причинен имущественный вред, а также граждане в случае причинения им нравственных и (или) физических страданий.

Возмещение морального вреда, причиненного имущественными преступлениями, возможно только в случаях, прямо предусмотренных законом. Если по уголовному делу нарушены имущественные права истца и не установлены нарушения его неимущественных прав, а законодательство не предусматривает возможности компенсации морального вреда, основания для предъявления иска о компенсации морального вреда у потерпевшего отсутствуют.

К примеру, компенсация морального вреда, причиненного преступлением, допускается при нарушении личных неимущественных прав человека, что характерно для последствий преступлений против личности.

Исходя из положений ст. 44 УПК РТ гражданскими истцами в уголовном деле могут быть физические и юридические лица, чаще всего – потерпевшие или их представители, а также прокурор в интересах государства. Гражданский иск может быть подан лицами, не являющимися потерпевшими по рассматриваемому уголовному делу, но которым в результате совершенного преступления причинен вред, указанный в гражданском иске. Иными словами, это лицо, признается гражданским истцом.

Органы предварительного расследования нередко ошибочно полагают возможным наложить арест на имущество близких родственников обвиняемого (подозреваемого), на имущество иных лиц, якобы нажитое преступным путем, на имущество, не подлежащее аресту, либо на имущество, стоимость которого многократно превышает размер причиненного преступлением ущерба, что недопустимо¹.

Неисполнение требований закона в данной части порождает многочисленные жалобы обвиняемых, их защитников, гражданских ответчиков, подаваемые в суды в порядке ст. 124 УПК РТ, многие из которых признаются обоснованными и подлежащими удовлетворению.

Во избежание этого следует помнить, что согласно ст. 12 Конституции Республики Таджикистан, право частной собственности охраняется законом. Наложение ареста на имущество не должно быть произвольным и может применяться только для обеспечения возможной конфискации имущества, имущественных взысканий в виде процессуальных издержек или штрафа в качестве меры уголовного наказания, т.е. для реализации публично-правовых целей либо в целях защиты субъективных прав потерпевших от преступления. Поэтому органам предварительного следствия необходимо четко доказать, что имущество было нажито преступным путем обвиняемым (подозреваемым), которое было пе-

¹ Сушина, Т.Е. Гражданский иск в уголовном деле: от теории к практике / Т.Е. Сушина // Журнал российского права. - 2016. - № 3. – С. 144.

редано последним близким родственникам и после этого произвести процессуальные действия по наложению ареста на указанное имущество.

Требуется некоторого разъяснения вопроса о том, возможно ли сохранение в уголовном процессе характерной для гражданского судопроизводства «презумпции» вины ответчика, причинившего вред.

В гражданском процессе «презумпция» вины причинителя вреда предполагает, что доказательства отсутствия его вины должен представить сам ответчик. Факт причинения вреда, его размеры, причинную связь между деянием ответчика и вредными последствиями доказывает истец.

В уголовном судопроизводстве доказывание гражданского иска производится по правилам уголовного процесса и с учетом требований принципа презумпции невиновности. Поэтому решение вопроса о гражданско-правовой ответственности также должно опираться на положения ст. 15 УПК РТ, т.е. «презумпция» вины ответчика в данном случае теряет смысл и все неустранимые сомнения должны толковаться в его пользу.

Бесспорно, что разъяснение права на заявление гражданского иска, признание гражданским истцом, привлечение в качестве гражданского ответчика, принятие мер по обеспечению иска, ознакомление гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей с материалами уголовного дела – дополнительная работа для органов предварительного расследования. Поэтому следователи во избежание излишних забот предлагают потерпевшему заявить иск в суде.

Гражданский истец в уголовно-процессуальных отношениях возникает с момента предъявления им иска о возмещении причиненного преступлением ущерба. Предъявлять или отказаться от предъявления гражданского иска является прерогативой потерпевшего, физического или юридического лица, как владельца данного права. Движение «гражданского дела внутри дела уголовного» полностью зависит от воли обладателя соответствующих гражданских прав потерпевшего. За ним всегда остается возможность выбора: использовать институт гражданского иска в уголовном процессе или в пределах сроков исковой давности обратиться с иском в порядке гражданского судопроизводства, действуя вне рамок уголовного дела.

Однако результаты направленных в суды уголовных дел указывают, что зачастую лица, в отношении которых установлен факт причинения вреда, не признаются потерпевшими либо их иски остаются без соответствующего рассмотрения. Об этом указывает проведенный нами анализ уголовных и гражданских дел, вытекающих из уголовных дел, рассмотренных в районных судах г. Душанбе Республики Таджикистан. Данный анализ позволил выявить следующую закономерность. Из изученных нами 170 уголовных и гражданских дел по 78 уголовным делам, что составляет около 46%, потерпевшие предпочли предъявить гражданский иск и рассмотреть его в процессе рассмотрения уголовного дела. По 51 уголовным делам – 30%, гражданские иски не были рассмотрены совместно с рассмотрением уголовного дела, иски остались без рассмотрения, а гражданским истцам было разъяснено право на предъявление иска в порядке гражданского судопроизводства. По остальным 41 изученным делам, что составляет 24%, гражданский иск не предъявлялся в процессе уголовного судопроизводства, он был самостоятельно предъявлен в порядке гражданского судопроизводства после рассмотрения уголовного дела и вынесения по нему приговора.

Предусмотрев возможность предъявления гражданского иска в уголовном деле, законодатель, исходя из связи причиненного вреда с преступным деянием, преследовал цель наиболее эффективно защитить субъективные гражданские права потерпевших и обеспе-

чить их скорейший доступ к правосудию. На практике реализация данной цели пока не отличается высокой результативностью и не соответствует общественным ожиданиям¹.

Все это свидетельствует о том, что, несмотря на всю социально-правовую значимость института гражданского иска в уголовном судопроизводстве, обозначенную нами ранее, он имеет ряд проблемных аспектов в реализации. При этом, как отмечают исследователи, данные недостатки существуют достаточно давно и законодателю пора обратить на них внимание. Это позволит, прежде всего, повысить степень защиты прав лиц, потерпевших от преступлений, и увеличить эффективность реализации рассматриваемого института.

В этой связи необходимо рассматривать возможность применения при разрешении вопросов, связанных с реализацией института гражданских исков в уголовном судопроизводстве, норм ГК РТ и ГПК РТ в части, не урегулированной статьями УПК РТ. Это кажется логичным, поскольку указанный институт, как никакой иной, близок к сфере цивилистики. Чтобы проиллюстрировать свою позицию, рассмотрим пример с применением статьи 1099 ГК РТ при рассмотрении вопроса об уменьшении вины гражданского ответчика. Фактически они закрепляют необходимость выполнения тех действий, которые прямо не закреплены в УПК РТ, поскольку в нем нет положений об уменьшении ответственности в рамках гражданского иска.

В целях разрешения данной ситуации считаем возможным дополнить ст. 1 УПК РТ частью 4 следующего содержания: «В тех случаях, когда вопросы, связанные с предъявлением, обеспечением и разрешением гражданского иска в уголовном судопроизводстве, не регламентированы настоящим Кодексом, следует обращаться к нормам гражданского и гражданско-процессуального законодательства Республики Таджикистан».

Еще одна проблема в рассматриваемой сфере связана с неоднозначностью взглядов ученых на возможность предъявления регрессных гражданских исков в уголовном судопроизводстве. Речь идет о моментах, когда третьей стороне ввиду различных причин приходится возмещать вред, причиненный гражданским ответчиком истцу. Это могут быть медицинские организации, страховые организации, работодатели, на которых возлагается обязанность возмещения вреда. Современное законодательство не дает никакого разъяснения по этому поводу, а у ученых нет единого мнения. Е.Ф. Хегай считает, что разрешение регрессных исков в рамках уголовного судопроизводства возможно в связи с той же аналогией права, поскольку гражданско-процессуальное законодательство освещает указанный институт и порядок его реализации². В связи с этим возможно применение вышеуказанных норм, поскольку они имеют прямое отношение к преступлению, по поводу которого возбуждено уголовное дело.

В свою очередь, Н.С. Пономарева не считает такую позицию обоснованной. Изучив разъяснения Верховного суда Российской Федерации и Конституционного суда Российской Федерации, автор приходит к выводу, что главным требованием для предъявляемого гражданского иска является его прямая причинно-следственная связь с самим преступлением³. Регрессные требования, как утверждает исследователь, теряют такой признак, поскольку фактически третье лицо не имеет никакого отношения к самому преступлению и вреду, которое им причинено. Как уже было установлено, институт гражданского иска в уголовном судопроизводстве создан именно для защиты прав лиц, которым был причинен вред непосредственно преступлением. Мы считаем, что целесообразно согласиться с мнением Н.С. Пономаревой. Существующий институт гражданского иска в уголовном судопроизводстве

¹ Сушина, Т.Е. Указ. раб. – С. 146.

² Хегай, Е.Ф. Гражданский иск в уголовном процессе: проблемы исполнения / Е.Ф. Хегай // Молодой ученый. - 2016. - № 12 (116). – С. 650.

³ Уголовно-процессуальное право: учебное пособие / Н. С. Пономарева и др. - Воронеж: ВИ МВД России, 2016. – С. 110.

производстве крайне широк и разнообразен. Однако не следует забывать о его прямом назначении. Он функционирует и связан с преступлениями и его последствиями в виде причинения вреда потерпевшему. Регрессные права, а также иные смежные уходят далеко от области регулирования уголовно-процессуального законодательства, а потому не следует смешивать ее с гражданско-процессуальными аспектами.

Таким образом, институт гражданского иска в уголовном процессе остаётся весьма дискуссионным как в теории уголовного судопроизводства, так и в правоприменительной практике. Полагаем, что предлагаемая нами регламентация в нормах УПК РТ возможности применения аналогии гражданского и гражданско-процессуального законодательства Республики Таджикистан уполномоченными государственными органами и должностными лицами при возникновении такой необходимости, во многом снимет ряд «острых» правоприменительных проблем. В то же время, по нашему мнению, не следует смешивать сферы уголовно-процессуального и гражданско-процессуального законодательства за пределами регулирования института гражданского иска по уголовным делам.

ДАВЛАТЗОДА ХУСНИДДИН МИРЗОМУРОД

омӯзгори калони кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ криминология ва психологияи
факултети № 2 Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, майори милитсия
sino-84@mail.ru

НЕКРУЗИ ХИКМАТАЛӢ

омӯзгори кафедраи муурофиаи ҷиноятӣ факултети № 2
Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, лейтенанти калони милитсия
n.suhrob-92@mail.ru

МАРҲИЛАҲОИ ТАЪРИХИИ РУШДИ КОДЕКСИ МУРОФИАВИИ ҶИНОЯТИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН (ТАҲЛИЛИ МУХТАСАР)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН (КРАТКИЙ АНАЛИЗ)

Донишони таърих ва сарчашмаҳои асосии қонунгузорию муурофиавии ҷиноятӣ барои пурмазмун ва ҳамаҷониба аз худ кардани институтҳои алоҳидаи ин соҳаи ҳуқуқ кӯмаки беандоза мерасонад. Зеро дар оянда ҳангоми омӯзиши институтҳои муҳимми муурофиавӣ пеш аз ҳама ба сарчашмаҳои ҳуқуқӣ така карда, мутахассис ҳулосаи зарурӣ мебарорад. Аз ин рӯ, мо зарур мешуморем, ки дар таҳқиқи худ ба таҷаккулиҳои ва инкишофи қонунгузорию муурофиавии ҷиноятӣ дар даврони шӯравӣ ва замони соҳибистиклолӣ диққати бештар дода, ҳар як давраи таърихии онро, дар алоҳидагӣ ба таври мухтасар баррасӣ намоем.

Бояд қайд намуд, ки аввалин Кодекси муурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Шуравии Сотсиалистии Тоҷикистон (минбаъд – КМҶ ҚШСТ) дар асоси қарори Президиуми Кумитаи Иҷроияи Марказии Ҷумҳурии 15-уми августи соли 1935 қабул гардида, 25-уми августи соли 1935 мавриди амал қарор гирифт. Ин қарор амали Кодекси муурофиавии ҷиноятӣ ҚШС Ўзбекистонро, ки ҳамзамон дар қаламрави ҚШС Тоҷикистон амал мекард, бекор кард. КМҶ ҚШС Тоҷикистон, ки соли 1935 қабул шуда буд, 14 боб ва 154 моддаро дар бар мегирифт. Ба ақидаи А.А. Мухитдинов, бо вучуди ҳаҷми нисбатан кам доштани, кодекси мазкур аз бисёр ҷиҳатҳо муқарраротро аз санадҳои шабеҳи дигар ҷумҳуриҳои иттифоқӣ шуравӣ, аз ҷумла Кодекси мууро-

фиавии ҷиноятӣ ҶШС Ёзбекистон гирифтааст¹. Баъдан матни пурраи КМЧ ҶШС Тоҷикистон, ки соли 1935 қабул гардида буд, пас аз гузаштан аз шубъаи таҳририяти Комиссариати Халқии Адлияи ҶШС Тоҷикистон ба таври оммавӣ нашр гардид².

Соли 1956 Президиуми Шурои Олии ҶШС Тоҷикистон ба хулосае омад, ки ра-вандҳои мурааттабсозӣ ва кодификатсияи қонунгузории миллиро ҳарчи зудтар тағйир додан лозим аст. Дар доираи татбиқи ин вазифа диққати аввалиндарача ба омӯзиш ва таҳлили санадҳои меъёрии ҳуқуқии амалкунанда ё санадҳои меъёрии ҳуқуқие, ки қисман эътибори ҳуқуқии худро аз даст дода буданд, бо ворид намудани тағйиру иловаҳои дахлдор равона карда шуд. Дар робита ба ин раёсати Шурои Олӣ, комиссияи дахлдорро бо роҳбарии муовини раиси Шурои Олии ҷумҳурӣ таъсис дод. Комиссияи мазкурро, ки асосан кормандони дастгоҳи Вазорати адлия, инчунин мутахассисон ва олимони соҳаи ҳуқуқшиносӣ ташкил медоданд, ки ба зиммаи онҳо масъалаҳо оид ба оморасозии лоиҳаи КМЧ ҶШС Тоҷикистон вогузор гардида буд.

Дар асоси натиҷаи фаъолияти комиссияи болозикр дар аввали соли 1958 таҳрири нави КМЧ ҶШС Тоҷикистон бо дарназардошти Кодекси ҷумҳуриҳои шуравӣ нашр гардид. Лоиҳаи ин Кодекс аз 8 фасл, 32 боб ва 416 модда иборат буд. Дар ин лоиҳа, аввалин шуда тағйирот ба шартҳои умумии тафтишоти пешакӣ ворид карда шуд.

Бо назардошти мушкилоти ҷойдошта дар қонунгузории муурофиавии ҷиноятӣ, инчунин қабули асосҳои қонунгузории ҷумҳуриҳои иттифоқӣ, аз 10-ум то 12-уми декабри соли 1959 дар шаҳри Тошканд конференсияи илмӣ ҷумҳуриявӣ оид ба кодификатсияи қонунгузории ҷумҳуриҳои Осиеи Миёна ва Қазоқистон баргузор гардид, ки дар он натавон мутахассисони илмӣ ва амалии ҷумҳуриҳои иттифоқӣ, балки олимони барҷастаи Москва, Киев, Боку, Ереван, Тошканд ва дигар шаҳрҳои Иттиҳоди Шуравӣ, инчунин намоёндагони як қатор вазоратҳои ҷумҳуриҳои бародарӣ иштирок доштанд³.

Дар конференсияи мазкур камбудҳои КМЧ ҶШС Тоҷикистонро низ мавриди баррасӣ қарор доданд. Аз ҷумла, дар суҳанронӣ дуруст қайд шуда буд, ки дар КМЧ ҶШС Тоҷикистон чунин принципҳои асосии конституционӣ, аз қабили баррасии коллегиялии парвандаҳо дар судҳо бо иштироки машваратчиҳои халқӣ, мустақилияти судяҳо ҳангоми ба амал барории адолати судӣ ва тобеияти онҳо, баробарии шаҳрвандон дар назди қонун ва суд, иштироки ҳимоятгар дар муурофиаи ҷиноятӣ ва дигар масъалаҳои муҳим, инъикос нагардидаанд.

Бисёре аз иштирокчиёни конференсия қайд карданд, ки ҳалли масъалаҳои дар доираи конференсия баррасӣ шуда, вобаста ба асосҳои қонунгузории муурофиавии ҷиноятӣ, мустақилона ба салоҳияти ҳуди Ҷумҳуриҳои Иттифоқӣ вогузор карда шавад.

Гуфтаҳои болозикр боиси омода гардидани лоиҳаи дигари КМЧ ҶШС Тоҷикистон гардиданд. Дар шакли ниҳой ин лоиҳа дар ҳаҷми 7 фасл 34 боб ва 414 модда омода гардид. Моҳи июни соли 1959 намунаи бо тағйиру иловаҳо воридгардида дар шаҳри Москва дар маҷлиси машваратӣ дар шубъаи ҳуқуқии Президиуми Шурои Олии ҶШС бо иштироки олимони муурофиавӣ мавриди муҳокимаи муфассал қарор гирифт⁴.

Намунаи сеюми лоиҳаи КМЧ ҶШС Тоҷикистон аввали соли 1961 омода гардида, 8 фасл 33 боб ва 419 моддаро дар бар мегирифт.

¹ Мухитдинов, А.А. Таърихи мухтасари қабулшавии кодекси дуҷуми ҷиноиву муурофиавии РСС Тоҷикистон / А.А. Мухитдинов // Вестник РТСУ. - 2018. - № 2/62. - С. 40-47.

² Кодекси муурофиавии ҷиноятӣ ҶШС Тоҷикистон. - Сталинабад: Полиграф комбинат, 1935. - С. 5-31.

³ Межреспубликанская научная конференция по вопросам кодификации законодательства Узбекской ССР, Казахской ССР, Кыргызской ССР, Таджикской ССР, Туркменской ССР: Тез. Докладов. - Ташкент: изд-во Академии наук УзССР, 1959. - С. 5-45.

⁴ Мухитдинов, А.А. Асари зикршуда. - С. 40-47.

Намунаи чоруми лоиҳаи КМҶ ҚШС Тоҷикистон дар ҷаласаи Комиссияи Президиуми Шурои Олии ҚШС Тоҷикистон дар асоси лоиҳаи академик С.А. Раҳматов баррасӣ ва тасдиқ карда шуд. Иҷлосияи панҷуми Шурои Олии ҚШС Тоҷикистон 17 августи соли 1961 яқдилона қонунро дар бораи тасдиқи КМҶ ҚШС Тоҷикистон қабул кард, ки ин қонун 1-уми ноябри соли 1961 дар қаламрави ҷумҳури мавриди амал қарор гирифт.

Дар Фармони минбаъдаи Шурои Олии ҚШС Тоҷикистон аз 13-уми ноябри соли 1961 “Дар бораи ба амал баровардани Кодекси муурофиавии ҷиноятии ҚШС Тоҷикистон” 1-уми декабри соли 1961 муайян карда шуд. Аз рӯи сохтори умумӣ КМҶ ҚШС Тоҷикистон дар соли 1961 аз 9 фасл, 34 боб ва 412 модда иборат буд¹.

Амалияи истифодаи Кодекси муурофиавии ҷиноятии ҚШС Тоҷикистон дар солҳои минбаъда баъзе камбудихоро дар меъёрҳои алоҳидаи Кодекси мазкур ошкор кард, ки дар робита ба он 10-уми июни соли 1963 моддаи 178, ки “Асосҳо барои пешбурди азназаргузаронӣ”-ро дар бар мегирифт бо муқаррароти зарурӣ мукамал гардонида шуд: «Азназаргузаронии ҷои ҳодиса дар ҳолатҳои тағйирнопазир, метавонад пеш аз оғози парвандаи ҷиноятӣ анҷом дода шавад. Дар ин ҳолат ҳангоми ҷой доштани асосҳои кофӣ баъд аз азназаргузаронии ҷои ҳодиса парвандаи ҷиноятӣ фавран оғоз карда шавад».

Тағйироти дигаре, ки дар ташаккул ва тақомулёбии қонунгузори муурофиавии ҷиноятии ҚШС Тоҷикистон боис гардидааст ин пеш аз ҳама дар асоси қарори Шурои Вазирони ҚШС Тоҷикистон қабул гардидани «Дастурамали тартиби пардохт ба шохидон, ҷабрдидагон, коршиносон, тарҷумон ва хароҷоти ба суд даъватшудагон» мебошад, ки 13 апрели соли 1964 қувваи қонунӣ пайдо намуд.

Баъдтар дар асоси фармони Шурои Олии ҚШС Тоҷикистон аз 19 январи соли 1968 дар қонунгузори муурофиавии ҷиноятии ҚШС Тоҷикистон меъёри нав бо номи “Сардори шуъбаи тафтишотӣ» дар моддаи 45 бо иловаи 1 ворид гардид. 20-уми июни соли 1968 дар КМҶ ҚШС Тоҷикистон як қатор меъёрҳои нав ҷой дода шуд, ки барои баланд бардоштани самаранокии истифодаи воситаҳои техникӣ ва ҷорӣ кардани онҳо ба равандҳои тафтишот, инчунин баррасии судии парвандаҳои ҷиноятӣ аҳамияти бевоситаро касб намуд. Чи тавре, ки А.А. Муҳитдинов қайд мекунад “бори аввал дар КМҶ ҚШС Тоҷикистон чунин навоариҳои техникӣ, ба монанди сабти овоз, видео, аксбардорӣ, диапозитивҳо, фонограммаҳо, далелҳои моддӣ (м. 97, 97(1), 138 КМҶ ҚТ ва ғайра)” дохил карда шуданд².

8-уми сентябри соли 1975 Шурои Вазирони ҚШС Тоҷикистон бо қарори худ дастурамал “Дар бораи тартиби супоридан ва нигоҳ доштани молумулки мусодирашуда дар ҷараёни даъвои граждани оид ба парвандаҳои ҷиноятӣ”-ро қабул кард³.

28-уми марти соли 1990 қисми 2 моддаи 127 КМҶ ҚШС Тоҷикистон дар таҳрири зерин тасдиқ карда шуд: “Мӯҳлати тафтишоти пешакӣ, ки қисми дуҷуми моддаи мазкур муқаррар кардааст, метавонад аз ҷониби прокурорҳои ноҳиявӣ, шаҳрӣ, прокурорҳои ҳарбии гарнизонҳо ё муовинони онҳо ба муддати се моҳ тамдид карда шавад. Тамдиди минбаъдаи мӯҳлати тафтишоти пешакӣ дар ҳолатҳои истисноӣ аз ҷониби прокурори ҷумҳуриҳо, сарпрокурори ҳарбии ИҚШС ё муовинони онҳо имконпазир аст; ва қисми панҷуми ин модда чунин шакл гирифт:” Мӯҳлати шиносоии айбдоршаванда ва ҳимоятгари ӯ бо маводи парвандаи ҷиноятӣ барои ҳисоб кардани мӯҳлати тафтишот ба назар гирифта намешавад”.

¹ УПК Таджикской ССР / Ответственный за выпуск заместитель председателя юридической комиссии при Совете Министров Таджикской ССР В.В. Тищенко. - Душанбе: Ирфон, 1966. - С. 275.

² Муҳитдинов, А.А. Асари зикршуда. - С. 40-47.

³ Собрание действующего законодательства Таджикской ССР. Раздел 4. - Душанбе, 1981. - С. 360-362

28-уми августи соли 1990 моддаи 59 бо иловаи 2 КМЧ ҚШС Тоҷикистон бо мазмуни зерин пурра карда шуд: «Дар сурати мавҷуд будани маълумоти кофӣ, ки ба ҷабрдида, шохид ё дигар шахсони дар парванда иштироккунанда, инчунин аъзои оила ё хешовандони наздики онҳо таҳдиди воқеи мавуд аст, мақомоти таҳқиқ, муфаттиш, прокурор ва суд барои таъмини амнияти иштирокчиёни муурофия ва шахсони дигар вазифадоранд тадбирҳо андешиданд».

Ҳамин тариқ қонунгузории муурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон марҳилаҳои муҳимми инкишофро сипарӣ намуда, аз солҳои 30-уми асри гузашта марҳилаи кодификатсияи қонунгузории муурофиавии ҷиноятӣ оғоз гардид. Тавре, ки дар боло зикр кардем нахуст дар ҳайати ҷумҳурии шуравӣ КМЧ ҚШС Тоҷикистон аз 15 августи соли 1935 қабул гардида, 25-уми августи соли 1935 мавриди амал қарор гирифт, ки он фарогири 14 боб ва 154 модда буд. Марҳилаи дуҷуми кодификатсияи қонунгузории муурофиавии ҷиноятӣ солҳои 60-умро дар мегирад, ки он аз 9 фасл, 34 боб ва 412 модда иборат буд.

Баъдан дар даврони соҳибистиклолии мамлакат Кодекси нави муурофиавии ҷиноятӣ (минбаъд - КМЧ ҚТ) дар заминаи меъёру принципҳои асосии пешбиниамудаи Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон қабул гардид, ки он пеш аз ҳама инсон ҳуқуқ ва озодиҳои ӯро арзиши олии эътироф намуда, дахлнопазирӣ ва ҳифзи судии онҳоро кафолат медиҳад.

КМЧ ҚТ 3-уми декабри соли 2009 қабул шуда, аз 1-уми апрели соли 2010 мавриди амал қарор гирифт. Сохтори КМЧ ҚТ аз 4 қисм, 12 фасл, 52 боб ва 525 модда иборат аст. Қабули КМЧ ҚТ қадами навбатӣ дар самти ислоҳоти қонунгузории соҳа ва ташаккули ҳуқуқи муурофиавии ҷиноятӣ буда, тағйироти дахлдорро, ба монанди танзим ва тақмили падидаҳои нави ҳуқуқӣ, мукамал намудани техникаи ҳуқуқӣ, ҳосатан риояи талаботи забонӣ ва услубӣ ба вучуд овардааст. Дар гули 15 сол ба КМЧ ҚТ дар асоси 30 номгӯи қонунҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон тағйиру иловаҳо ворид карда шуданд, ки тақрибан 209 меъёри КМЧ-ро ба навгониҳо ва дастовардҳои калидӣ ноил гардониданд.

КАБИРЗОДА ГАВҲАРОЙ ҚОСИМӢ
омӯзгори калони кафедраи ҳуқуқи судӣ ва назорати прокуратурии факултети
ҳуқуқшиносии Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон
gavkharoy.barotova.84@mail.ru

ХУСУСИЯТҲОИ БАРАСИИ ПАРВАНДАҲОИ АЙБДОРКУНИИ ХУСУСӢ ДАР СУД

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ

Айбдоркунии хусусӣ яке аз қадимтарин шакли айбдоркунӣ ба ҳисоб рафта, ҳатари ками ҷамъиятиаш бо тасмимоти ҷабрдида бо мақсади ба ҷавобгариҳои ҷиноятӣ кашидани айбдоршаванда ба роҳ монда шудааст. Таърих ба мо гувоҳ аст, ки чанд аср пеш, хангоми оғози муурофияи айбдоркунӣ, парвандаҳои ҷиноятӣ танҳо парвандаҳои айбдоркунии хусусӣ ҳисобида мешуданд. Ин аз он шаҳодат медиҳад, ки парвандаҳо танҳо бо аризаи худи ҷабрдида аз ҷониби суд оғоз карда мешуданд.

Дар ҷараёни ташаккули муурофияи ҷиноятӣ мафҳуми айбдоркунии хусусӣ таф-сирҳои зиёдеро аз сар гузаронидааст. Масалан, М.С. Строгович изҳор дошт, ки «айбдоркунии хусусӣ ин шакли таъқиби ҷиноятӣ мебошад, ки танҳо бо шикояти ҷабрдида оғоз карда мешавад, аз ҷониби худи ӯ амалӣ карда мешавад ва дар ҳама

марҳилаи муурофия дар сурати оштии ҷабрдида бо айбдоршаванда қатъ карда мешавад».

В.З. Лукашевич қайд карда буд, ки «айбдоркунии хусусӣ танҳо тартиби махсуси муурофиавии баррасии парвандаҳои категорияи муайяноро ташкил медиҳад ва оғоз кардани онҳо ба чузъ аз шикоятӣ ҷабрдида имконнопазир аст». К.Ф. Гутсенко бошад парвандаҳои айбдоркунии хусусиро танҳо он парвандаҳое мефаҳмид, ки дар онҳо ҷабрдида ҳуқуқи пешниҳод намудани айбдоркуниро дорад.

Истилоҳи «айбдоркунии хусусӣ» ба ғайр аз намуди айбдоркуни дар ҷанбаи муурофиавӣ метавонад ҳамчун намуди айбдоркуни ва ҳамчун шакли муурофияи ҷиноятӣ (таъқиб) баррасӣ карда шавад¹.

Падидаи айбдоркунии хусусӣ дар ҷараёни ислоҳоти соли 1864 ба вучуд омадааст ва имрӯз шакли муҳимтарини ҳимояи манфиати хусусӣ дар муурофияи ҷиноятӣ мебошад. Дар давраи шуравӣ сиёсати ҷиноятии давлат ба тақвияти принципҳои оммавӣ дар муурофияи судӣ оид ба парвандаҳои ҷиноятӣ равона карда шуда буд. Аммо дар ҳамаи марҳилаҳои рушди давлати Шуравӣ категорияи парвандаҳои ҷиноятӣ мавҷуд буданд, ки дар тартиби хусусӣ баррасӣ мешуданд. Аввалин кодекси муурофиавии ҷиноятии РСФСР ҳуди мафҳуми айбдоркунии хусусиро мустақкам карда, категорияи ин парвандаҳо ва хусусиятҳои баррасии онҳоро муайян кард.

Дар байни олимони пешниҳод карда шудааст, ки теъдоди ҷиноятҳо оид ба парвандаҳои айбдоркунии хусусӣ амалӣ гардида истода, васеъ карда шаванд, вале то имрӯз тағйироти ҷиддӣ вучуд надорад. Мавҷудияти ҷунин намуди парвандаҳои ҷиноятӣ пеш аз ҳама бо хатари нисбатан ками ҷамъиятии ҷиноятҳои алоҳида шарҳ дода мешавад.

Парвандаҳои айбдоркунии хусусӣ парвандаҳое мебошанд, ки бо ташаббуси ҷабрдида, намояндаи қонунии онҳо оғоз карда мешаванд ва дар сурати оштии ҷабрдида бо айбдоршаванда бояд қатъ карда шаванд. Мавҷудияти ҷунин намуди парвандаҳои ҷиноятӣ пеш аз ҳама бо хатари нисбатан ками ҷамъиятии ҷиноятҳои алоҳида шарҳ дода мешавад. Ҳангоми муайян кардани дараҷаи хатари ҷамъиятии ин ҷиноятҳо бояд ба назар гирифта шавад: муносибати субъективии ҷабрдида ба онҳо; хусусияти вазъи содир кардани ҷиноят; мавҷудияти муносибатҳои махсус байни айбдоршаванда ва ҷабрдида².

Чи тавре ки олими тоҷик З.Х. Искандаров қайд мекунанд, ҳимояи ҳуқуқи конститусионии инсон ва шаҳрванд аз мақомоти қонунбарор ва ҳокимияти давлатӣ вабаста буда, ҳуқуқ ва озодиҳояш дар Конститутсия асоснок карда шудааст³.

Парвандаҳои ҷиноятӣ бо аризаҳо бо тартиби айбдоркунии хусусӣ аз ҷониби судҳои салоҳияташон умумӣ баррасӣ карда мешаванд. Ин категорияи парвандаҳо бо тартиби умумӣ, бо баъзе истисноҳо баррасӣ карда мешавад. Парвандаҳои ҷиноятии айбдоркунии хусусӣ нисбати шахси мушаххас бо роҳи пешниҳоди ариза ба суд аз ҷониби ҷабрдида ё намояндаи қонунии ӯ оғоз карда мешаванд. Ҳуқуқи баррасӣ намудани ариза оид ба парвандаи айбдоркунии хусусӣ танҳо ба судҳои шахрӣ ва ноҳиявӣ ки ин парванда ба судҳои худудӣ мансуб аст, дода шудааст.

Таҳлилҳои амалия нишон медиҳанд, ки имрӯз дар амал вазъияте ба вучуд омадааст, ки аксарияти шикоятҳо оид ба парвандаҳои айбдоркунии хусусӣ ба мақомоти тафтишот ворид мешаванд, дар асоси гузаронидани санҷишҳо он, тибқи м. 145 Кодекси муурофиавии ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд - КМҶ Ҷумҳурии Тоҷикистон) оғоз кардани парвандаи ҷиноятӣ рад карда мешавад.

¹ Алексеев, С.С. Общая теория права. – М., Проспект, 2014. – 345 с.

² Местникова, С.А. Проблемы организации деятельности мировых судей / С.А. Местникова // Российская юстиция. – 2013. – № 5. – С. 41-44.

³ Искандаров, З.Х. Конституционно-правовые основы защиты прав человека и гражданина в уголовном процессе Республики Таджикистан. – Душанбе: «Эҷод», 2008. – С. 14.

Барои оғоз намудани муурофияи ҷиноятӣ дар ин ҳолат судя бояд қарори рад намудан аз оғози парвандаро, ки мақомоти тафтишот бароварда буд бекор намояд. Қонуни муурофиявии ҷиноятӣ бевосита нишон медиҳад, ки ҷабрдидаи парвандаҳои айбдоркунии хусусӣ масъалаи оғоз кардани таъкиби ҷиноятӣ оид ба парвандаҳои айбдоркунии хусусиро на дар назди мақомоти тафтишот, балки дар назди суд мегузорад.

Илова бар ин, дар лаҳзаи ворид шудани мавод ба суд, тарафҳо метавонанд ошӣ шаванд. Дар ҳолати ба суд мурочиат намудани ҷабрдида, судя метавонад аз мақомоти тафтишот маводро барои баррасӣ талаб намояд. Вале ҷӣ гуна аризае, ки барои мақомоти тафтишотӣ ворид гардидааст, метавонад ба талаботҳои м. 354 КМҚ ҚТ барои раво кардан ба суд пешниҳодшуда баробар карда шавад¹.

Хусусияти баррасии ин категорияи парвандаҳо муҳлати кӯтоҳшуда мебошад, ки дар давоми он суд бояд тафтиши судиро анҷом диҳад. Мувофиқи қ. 4 м. 355 КМҚ ҚТ ин муҳлат ҳафт рӯзро ташкил медиҳад, қ. 2 м. 356 КМҚ ҚТ барои гузаронидани муҳокимаи судӣ бояд дар муҳлати на дертар аз чордаҳ шабонарӯз аз лаҳзаи ба суд расидани ариза сар карда шавад, пешбинӣ гардидааст. Ин муҳлат аз рӯзи ворид шудани ариза ба суд ҳисоб карда мешавад. Субъектони пешбурди айбдоркунии хусусӣ, тибқи талаботи қонуни муурофиявии ҷиноятӣ, ин шахсе, ки аризаро пешниҳод кардааст, айбдоркунандаи хусусӣ ва шахсе, ки нисбати ӯ ариза пешниҳод шудааст, айбдоршаванда мебошад. Вале бояд қайд кард, ки нисбати шахсе, ки ариза ба суд пешниҳод гардидааст, на ба сифати айбдоршаванда балки ба сифати судшаванда баромад менамояд. Таклиф менамоем, ки то муқаррар кардани ҳолати қор шахс аввал бояд ба сифати гумони содир кардани ҷиноят баромад намояд.

Дар ҷараёни тафтиши судӣ оид ба айбдоркунии хусусӣ ҳуқуқҳои пешбининамудаи м.м. 42 ва 43 КМҚ ҚТ шарҳ дода мешаванд. Ба шахсе, ки нисбати ӯ ариза дода шудааст, суд инчунин ҳуқуқҳои пешбининамудаи м. 47 КМҚ ҚТ шарҳ медиҳад, нусхаи аризаи пешниҳодшударо супорида, муайян мекунад, ки оё шохидоне ҳастанд, ки бояд ба суд даъват карда шаванд. Қонун пешбинӣ мекунад, ки дар сурати ба суд ҳозир нашудани шахсе, ки нисбати ӯ ариза пешниҳод шудааст, нусхаи ариза бо шарҳи ҳуқуқи судшаванда, инчунин шартҳо ва тартиби оштии тарафҳо ба судшаванда (тавассути почта) фиристода мешавад.

Аз лаҳзаи қабули ариза ба муурофия, суд ҳуқуқ дорад дар ҷамъоварии далелҳо ба тарафҳо оид ба дархости онҳо, ки онҳо мустақилона ҷамъоварӣ намуда наметавонанд, кӯмак расонад. Кӯмак ба суд ба тарафҳо дар ҷамъоварии далелҳо ҳилофи принсипи мубоҳисавӣ ва бароварии тарафҳо амалӣ карда мешавад².

Дар сурати пешниҳоди аризаи муқобил, ҳар як аризадиҳанда дар як вақт дар ду муқаррароти муурофиявӣ - айбдоркунандаи хусусӣ ва айбдоршаванда дар суд баромад мекунад. Ҳангоми омода кардани баррасии ариза, бо дархости тарафҳо, судя ҳуқуқ дорад ба онҳо дар ҷамъоварии ҷунин далелҳо, ки онҳо мустақилона ба даст оварда наметавонанд, кӯмак расонад (масалан, баъзе маълумотномаҳои расмӣ, ки танҳо бо дархости суд дода мешаванд).

Дар сурати аз онҳо гирифтани аризаҳо дар бораи қатъи парвандаи асосӣ пас аз оштии тарафҳо, парвандаи ҷиноятӣ бо қарори суд қатъ карда мешавад. Дар мавриди ошӣ нашудани тарафҳо, судя ба баррасии парванда шуруъ мекунад.

Айбдоркуниро доир ба ин парвандаҳо дар маҷлиси судӣ айбдоркунандаи хусусӣ дастгирӣ мекунад. Тафтиши судӣ аз баёноти айбдоркунандаи хусусӣ ё намояндаи ӯ оғоз мегардад. Ҳангоми баррасии парвандаи айбдоркунии хусусӣ аризаи муқобил, далелҳои ӯ пас аз пешниҳоди далелҳои аризаи асосӣ бо ҳамон тартиб оварда мешавад.

¹ Апостолова, Н. Н. Судопроизводство у мирового судьи / Н.Н. Апостолова // Юрист. - 2010. - № 2. - С. 20.

² Дорошков, В.В. Руководство для мировых судей. Дела частного обвинения. - М., Норма, 2010. - 272 с.

ванд. Пас аз эълони аризаи айбдоркунии хусусӣ, судя ба масъалаи тартиби таҳқиқи далелҳоро дар парванда ҳал мекунад.

Айбдоркунандаи хусусӣ дар суд ҳуқуқ дорад далелҳо пешниҳод кунад, дар таҳқиқи далелҳо иштирок кунад, ба суд дар бораи моҳияти айбдоркунӣ, дар бораи истифодаи эҳтимолии қонуни ҷиноятӣ ва таъин кардани ҷазо ба судшаванда, инчунин дар бораи ҳамаи масъалаҳои дигаре, ки дар ҷараёни тафтиши судӣ ба миён меоянд, изҳор намояд. Вай метавонад ваколатҳои номбаршударо ҳам шахсан ва ҳам тавассути ҳимоятгар ва намояндаи худ амалӣ намояд.

Ҳамчунин, айбдоркунандаи хусусӣ дар суд метавонад айбдоркуниро тағйир диҳад, агар ин вазъи айбдоршавандаро бадтар накунад ва ҳуқуқи айбдоршавандаро барои ҳимоя вайрон накунад, инчунин ҳуқуқ дорад, ки айбдоркуниро рад кунад. Агар дар ҷараёни муурофиаи судӣ оид ба парвандаи ҷиноятӣ айбдоркунии хусусӣ, дар амали шахсе, ки нисбати ӯ ариза дода шудааст, аломатҳои ҷиноят муқаррар карда шаванд, ки дар қисми махсуси КҶ ҚТ пешбинӣ гардааст, пас суд бояд, маводи мавҷударо ба сардори воҳиди таҳқиқ ё тафтишот барои ҳалли масъалаи оғоз намудани парвандаи ҷиноятӣ бо тартиби айбдоркунии оммавӣ ё хусусӣ-оммавӣ мефиристад, ки дар ин бора айбдоркунандаи хусусӣ ва айбдоршаванда огоҳ карда мешаванд.

Оид ба ҳукми суд аз ҷониби иштирокчиёни муурофиа бо роҳи пешниҳоди шикоятӣ кассатсионӣ дар давоми даҳ рӯзи эълони ҳукм шикоят кардан мумкин аст. Шикоятӣ кассатсионӣ тавассути суде, ки ҳукм баровардааст пешниҳод карда мешавад ва бояд дар суди марҳилаи болоӣ баррасӣ карда шавад.

Таърифи возеҳи пешбурди парвандаи ҷиноятӣ айбдоркунии хусусӣ, имкон медиҳад, ки масъалаи пурра ва ҳимояи самаранок барқарор намудани ҳуқуқҳои зарардидагони ҷиноят, ба даст овардани мақоми дахлдори муурофиавии айбдоркунии хусусӣ, ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашидани айбдоршаванда бо назардошти риояи муҳлатҳои одилонаи муурофиаи ҷиноятӣ ба роҳ монда мешавад.

Дар маҷмӯъ, қайд кардан ба маврид аст, ки иродаи ҷабрида ҳангоми иҷрои ин парвандаҳо на танҳо барои оғози муурофиаи судӣ, балки барои идомаи он низ аҳамияти халқунанда дорад.

Мақсади асосии тартиби махсуси баррасии парвандаҳои айбдоркунии хусусӣ васеъ кардани принципҳои хусусӣ дар муурофиаи судӣ бо ҷалби айбдоркунандагони хусусӣ барои ҳимояи манфиатҳои худ ва содда кардани муурофиаи судӣ бо риояи ҳади аксар ҳуқуқи инсон ба ҳисоб меравад.

КАТРЫЧ АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

преподаватель кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института
МВД России, капитан полиции
Anastasija.Katrych@yandex.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОРЯДКА ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Обыск является одним из важнейших и информативных процессуальных действий, проводимых в рамках уголовного процесса, как в Российской Федерации, так и в Республике Таджикистан. Обыск относится к числу следственных действий, при котором вопрос ограничения конституционных прав стоит достаточно остро. Этот процесс регулируется законодательством обеих стран с целью обеспечения законности и соблюдения прав граждан. Для того

что провести полноценный сравнительный анализ законодательства Республики Таджикистан и Российской Федерации по необходимо рассмотреть несколько ключевых аспектов: правовые основы, порядок проведения обыска, права и обязанности участников, а также механизмы контроля за законностью данного процессуального действия.

Анализируя процессуальные основания производства обыска по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан, наблюдаем схожие черты, так основанием производства обыска является наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо помещении или ином месте, или у какого-либо лица могут находиться орудия преступления, предметы, документы и ценности, могущие иметь значение для дела, или же обыск проводится с целью обнаружения разыскиваемых лиц и трупов. Отличие состоит только в форме изложения в уголовно-процессуальном кодексе. Так в Уголовно-правовом кодексе Республики Таджикистан (далее - УПК РТ) основания вынесены в отдельную статью 190 «Основание для производства обыска», нежели в Уголовно-правовом кодексе Российской Федерации (далее - УПК РФ), где и основание и порядок производства регламентированы, только одной статьей 182.

Рассмотрим производство обыска в жилище, случаях нетерпящих отлагательства. По законодательству Российской Федерации, производство обыска в жилище возможно без санкции суда, когда есть основания полагать, что предметы или документы, имеющие значение для уголовного дела, могут быть уничтожены, по постановлению следователя/дознателя с обязательным уведомлением суда в течение 3 суток с момента начала производства обыска. В соответствии с ч. 3 ст. 192 УПК РТ обыск производится только с санкции прокурора, в исключительных случаях, когда имеется реальное опасение, что разыскиваемый и подлежащий изъятию объект может быть из-за промедления с его обнаружением утрачен, поврежден или использован в преступных целях, либо разыскиваемое лицо может скрыться, обыск может быть произведен без санкции суда, судьи с последующим направлением в течение 24 часов письменного сообщения о произведенном обыске суду. Не так давно УПК РФ предусматривал аналогичный срок уведомления судью, как и УПК РТ, однако ФЗ № 375-ФЗ от 06.07.2016 были внесены изменения и срок уведомления увеличился, предоставив преимущество правоприменителю. При обыске в случаях нетерпящих отлагательства следователь/дознатель/прокурор по уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан сообщение суду о произведенном обыске не обязывает их направлять копии постановления о произведенном следственном действии и копии протокола данного следственного действия. Соответственно судья, получив сообщение следователя о неотложно произведенном обыске, ничего не предпринимает, так как законом его полномочия в таких случаях конкретно не регламентированы; не даёт оценку законности или незаконности произведенного неотложного обыска¹. Возникает вполне логичный вопрос: зачем в таком случае о произведенном обыске уведомлять судью? Ведь одна из функций суда при предварительном расследовании – это обеспечение законности прав и свобод граждан, защита от незаконных и необоснованных уголовно-процессуальных мер. При сложившейся ситуации это можно расценивать как процессуальную самостоятельность должностных лиц или же пробел, в связи с которым, может быть нарушено конституционное право граждан? Противоположно обстоят дела с законодательством Российской Федерации, где в ч. 5 ст. 165 УПК РФ имеется прямое указание о направлении соответствующих документов с целью проверки законности принятого решения.

Процессуальный порядок производства обыска Российской Федерации и Республики Таджикистан имеет одинаковую природу, однако есть минимальные различия. К одному

¹ Нозиров, Н.А. Санкционирование (разрешение) судом производства некоторых следственных действий / Н.А. Нозиров // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2012. - №1 (17). – С. 56-62.

из таких различий относится лица, уполномоченные на производство обыска. По УПК РФ к лицам, наделенным правом проводить данное следственное действие, относится исключительно следователь или дознаватель, а по УПК РТ такими полномочиями помимо следователя и дознавателя надел и прокурор. Такое различие обусловлено процессуальным положением прокурора. Так как по законодательству Республики Таджикистан прокурор помимо надзорной функции, наделен полноценным правом на осуществление уголовного преследования, в отличие от законодательства Российской Федерации, где прокурор – это исключительно надзорный орган. При таком положении возможно возрастание доли субъективизма при осуществлении надзорных функций прокурором при производстве проверки деятельности дознавателей и следователей.

Возникают вопросы при интерпретации ч. 9 ст. 192 УПК РТ «при нахождении разыскиваемых предметов и документов дознаватель, следователь производят их выемку принудительно». По своей сути ст. 192 УПК РТ является универсальной как для обыска, так и для выемки, и регламентирует порядок их производства, однако формулировка ч. 9 ст. 192 УПК РТ не однозначна. Если же говорить о том, что в ходе обыска были обнаружены разыскиваемые предметы (документы), то возможна принудительная выемка. При таком понимании данного положения получается, что в рамках одного следственного действия (обыска) производится другое (выемка). Если рассмотреть ситуацию, при которой положение ч. 9 ст. 192 УПК РТ относится к выемке то получается, что такое истолкование полностью противоречит сущности выемки, закрепленной в ст. 191 УПК РТ. Дефиниция ст. 191 УПК РТ, как и ст. 183 УПК РФ не предусматривает никаких поисковых действий во время производства выемки, указывая на то, что выемка производится только в том случае, когда есть сведения о том, где и у кого они находятся предмет или документ, имеющий значение для уголовного дела. По моему мнению, такую двойственность можно избежать путем изложения ч. 9 ст. 192 УПК РТ в такой формулировке «при обнаружении в ходе обыска разыскиваемых предметов и документов дознаватель, следователь производят их изъятие принудительно».

Считаем необходимым осветить вопрос личного обыска, как исключительного вида обыска. Основные положения, предусматривающие порядок производства данного следственного действия в соответствии с законодательством Российской Федерации так и Республики Таджикистан идентичны. Однако есть небольшое различие, которое устанавливает «масштаб» личного обыска тем, что ч. 1 ст. 193 УПК РТ определено данное положение «...находящихся на его теле, в одежде и имеющихся при нем вещах». Дефиниция ч. 1 ст. 193 УПК РТ может служить образцом и поводом к пересмотру положения ч. 1 ст. 184 УПК РФ, так как, на наш взгляд, такая формулировка конкретна и не предвосхищает вопросов о том, что же все-таки включает в себя личный обыск.

Несмотря на то, что процессуальные порядки обыска в России и Таджикистане во многом схожи, специфические нюансы, связанные с местным законодательством и практикой его применения, могут вызывать различия в проведении обыска. Оба государства придают большое значение соблюдению прав граждан во время проведения обыска, что отражается в их процессуальных кодексах.

Куричков Дмитрий Олегович
старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Сибирского юридического института МВД России, адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры Нижегородской академии МВД России, майор полиции
kurichkov_do@mail.ru

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ФАКТИЧЕСКОГО И ЮРИДИЧЕСКОГО СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Криминальная обстановка в современной России за последние три года, предшествовавших 2024 году, в целом сохранялась стабильной и в официальной статистике даже отмечалось снижение количества зарегистрированных преступлений. Более половины из всех зарегистрированных преступлений в 2023 году составили хищения (кражи – 583,3 тыс., мошенничества – 433,7 тыс., грабежи – 22,2 тыс., разбои – 3,4 тыс.), увеличилось количество мошенничеств в сфере компьютерной информации (с 334 до 417)¹. Количество возбужденных уголовных дел, в том числе по признакам названных выше преступлений против собственности, в общем массиве выявленных преступных посягательств и в масштабах страны остаётся внушительным. Также продолжает уменьшаться общее количество выявленных лиц, совершивших преступления, включая ранее судимых или совершавших аналогичные преступления, но при этом позитивная динамика в виде прироста количества расследованных преступлений против собственности, совершаемых группой лиц.

В силу действующего законодательства основанием уголовной ответственности является наличие фактического и юридического состава преступления, согласно ст. 8 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Первичным является именно фактический состав преступления, то есть совершение общественно опасного деяния, в котором могут быть установлены все признаки состава юридического, либо только часть из них, в последнем случае правоприменитель сталкивается с ситуацией одновременного отсутствия оснований уголовной ответственности и для возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации – далее УПК РФ²).

Можно ли утверждать о целесообразности установления всех признаков состава преступления на этапе возбуждения уголовного дела? Полагаем, как минимум, к этому нужно стремиться.

Для ответа на данный вопрос, проанализирована судебная практика и научные работы ученых в области материального и процессуального права.

Итак, подавляющее большинство изученных приговоров, постановлений и определений судов разной инстанции, позволяют заключить, что при принятии решения о возбуждении уголовного дела необходимо соблюдение, как уголовного, так и процессуального законодательства, однако не в равной степени. Первое не требуется доказывать полностью, ведь уголовное дело может быть возбуждено и по факту, а не при наличии установленного заподозренного лица и, соответственно, его вины. Исходя из буквального толкования нормы об основаниях для возбуждения уголовного дела важно отграничить преступление от неправомерного или малозначительного деяния, а также устранить вероятность правомерного причинения вреда законным интересам (именуемых обстоятельства,

¹ Преступность и правонарушения (2019 и 2023): статистический сборник. – М., 2024.

² См.: ч. 2 ст. 140 УПК РФ – Основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

исключающие преступность деяния), и прийти к выводу об отсутствии оснований для отказа в возбуждении дела.

Обратимся к обзору, проведённому Верховным Судом Российской Федерации (далее – ВС РФ). Так, рассмотрев кассационное представление заместителя генерального прокурора Российской Федерации, судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ отменила постановление суда и последующие судебные решения, согласно которым признано незаконным и необоснованным возбуждение уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228.1 УК РФ, в отношении неустановленного лица. Мотивировала свое решение судебная коллегия тем, что в силу ч. 2 ст. 140 УПК РФ и иных положений уголовно-процессуального закона, отсутствует требование об обязательности выяснения уже на стадии возбуждения уголовного дела всех обстоятельств происшедшего события, содержащего признаки преступления. А аргументы нижестоящих судебных органов, что в описательно-мотивировочной части постановления о возбуждении уголовного дела нужно указывать обстоятельства события инкриминируемого деяния, не были приняты во внимание ВС РФ¹.

По справедливому замечанию В.В. Миронова, уголовно-процессуальный закон в действующей редакции, в части регламентации оснований возбуждения дела не в полной мере согласуется с уголовно-правовой нормой об основаниях уголовной ответственности, что не лучшим образом сказывается как на количестве, так и на качестве расследованных уголовных дел в целом, и о преступлениях против собственности. Поэтому «законодательная регламентация понятия основания для возбуждения уголовного дела нуждается в совершенствовании..., учитывающем наличие системных связей с уголовным правом в части соотношения с определением основания уголовной ответственности»².

Ранее нами уже подчеркивалась значимость такого элемента состава преступления, как субъективная сторона и отмечалось, что признаки субъективной стороны занимают ключевое место в установлении всех признаков состава преступления и, как следствие, оснований уголовной ответственности, способствуют правильной квалификации и разграничению деяний³.

Обязательными признаками состава, характеризующими субъективную сторону преступлений против собственности, являются вина, как правило умышленная (исключение составляет ст. 168 УК РФ) и отдельные юридические составы, закрепленные в гл. 21 УК РФ дополнены специальными признаками, такими как корыстная цель, она же цель хищения или хулиганские побуждения. Причем как отмечает подавляющее большинство специалистов, в числе которых М.А. Любавина, В.В. Хилюта и другие, хищения, например, нельзя совершить с косвенным умыслом, а только с прямым и специальным⁴. По данному

¹ Определение № 11-УДП16-45: обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2017) – утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 12.07.2017. // Справочная правовая система КонсультантПлюс.

² Миронов, В.В. К вопросу о понятии основания для возбуждения уголовного дела / В.В. Миронов // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. - Т. 13. - № 6. – С. 168-172.

³ Агафонов, А.В., Куричков, Д.О. Особенности восприятия содержания субъективной стороны преступления / А.В. Агафонов, Д.О. Куричков // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. серия: экономика и право. – 2023. – №09. – С. 91-97.

⁴ Преступления против собственности: учебное пособие в таблицах / [Д. А. Безбородов, Я. И. Гилинский, А. В. Зарубин, Р. М. Кравченко, Д. Ю. Краев, М. А. Любавина, А. Н. Попов, П. В. Федышина] ; под общ. ред. А. Н. Попова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. - С. 13; Хилюта, В.В. Корыстная цель в хищении: существуют ли пределы расширительного толкования? / В.В. Хилюта // Lex Russica. - 2020. - №4 (161) // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/korystnaya-tsel-v-hischenii-suschestvuyut-li-predely-rasshiritel'nogo-tolkovaniya> (дата обращения: 22.11.2024).

вопросу есть и некоторое число оппонентов, среди них можно назвать В.В. Векленко, Р.Р. Мусину¹.

На момент возбуждения уголовного дела не всегда бывает установлено лицо, подлежащее уголовной ответственности. На то есть объективные и субъективные причины. И тогда, стало быть, гипотетической закономерностью является важность полной и всесторонней проверки события, о котором стало известно правоохранительным органам, например, о делящемся мошенничестве по количеству потерпевших, которым был причинен имущественный ущерб аналогичным способом или же продолжаемых кражах из одного и того же объекта. Вероятно, при подтверждении и после проверки информации, полученной от заявителя о деяниях такого рода, решение о возбуждении уголовного дела неминует.

Как же в такой ситуации быть с субъективной стороной преступления и доказать вину? Ответ очевиден, на этапе возбуждения дела она не будет иметь столь важного решающего значения, ведь требуется запустить весь процессуальный механизм для установления виновного, а это возможно уже после вынесения соответствующего постановления. Н.А. Власова и А.Г. Мусейбов, корреспондируя к нормам уголовного права в своей работе, посвященной проблемам возбуждения уголовного дела, выразили интересную и точную мысль, которую следует разделить, что в процессуальном законе есть «императивное требование, чтобы в постановлении о прекращении уголовного дела указывались обстоятельства, послужившие поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, а также пункт, часть, статья УК РФ, предусматривающие преступление, по признакам которого было возбуждено уголовное дело»², которое выступает барьером на пути незаконному и даже недопустимому возбуждению уголовных дел, при «отсутствии признаков преступления конкретного вида», тем самым, указывая и на «возможное наступление ответственности за необоснованное и незаконное»³ решение следователя или дознавателя.

Уголовная ответственность реализуется в полном объеме при вынесении от имени Российской Федерации и вступлении в силу обвинительного приговора суда с назначением наказания виновному. Отсюда и на основе вышесказанного следует сделать вывод – основания уголовной ответственности не тождественны основаниям возбуждения уголовного дела, а наличие всех признаков состава в совершенном деянии не совпадают с наличием достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

Обратная же ситуация возникает при таких обстоятельствах, когда лицо задержано по горячим следам, изобличено к моменту возбуждения уголовного дела, было установлено как заподозренное в ходе проверки сообщения о преступлении. К сожалению, судебносудебная практика знает немало подобного рода прецедентов, когда возбужденные уголовные дела прекращаются за отсутствием состава преступления, в том числе на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Так, например уголовное дело, возбужденное по признакам преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ было прекращено за отсутствием состава преступления. После допроса подозреваемого, одного из фигурантов по делу, который пояснил, что преследовал хулиганские побуждения и совместно со своими знакомыми, увидев строительный материал (утеплитель), лежащий рядом с детской площадкой, решили проучить начальника строительного участка и без цели хищения забрали, начав переносить его за дом, где и были задержаны сотрудниками по-

¹ Векленко, В.В. Квалификация хищений монография. – Омск: Омская академия МВД России, 2001. - С. 169; Мусина, Р.Р. К вопросу о развитии уголовной ответственности за преступления против собственности в законодательстве России / Р.Р. Мусина // *Oeconomia et Jus.* - 2019. - № 1. - С. 64-72.

² Власова, Н.А., Мусейбов, А.Г. Правовая регламентация возбуждения уголовного дела: состояние, проблемы и перспективы / Н.А. Власова, А.Г. Мусейбов // Научный портал МВД России. - 2021. - №1 (53). - С. 68-69.

³ Там же. - С. 69.

лиции¹, а следствие стало обладать более детальной информацией. Он иллюстрирует, что необходимо было уже на стадии проверки, принять все необходимые меры и установить не только объективные, но и субъективные признаки кражи, - вину и корыстную цель.

Ещё одним случаем прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям, будет пример из судебной практики. Гр. ФИО1 обвинялась органами предварительного следствия в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, за тайное хищение чужого имущества, связанного с незаконным потреблением природного газа, в целях отопления арендуемого у ФИО5 по устному соглашению помещения, оборудованного под пекарню. Однако судом было установлено, что ФИО1 осуществляла деятельность в течение 13 дней и использовала газ в целях выпечки пирогов (чуду). Три дня она выпекала пироги бесплатно для строителей мечети в селе Н. Казанище. Объем и стоимость похищенного газа составили 559 куб.м. - 3523,88 руб. При таких обстоятельствах, суд пришёл к однозначному выводу о том, что действия ФИО1 по факту хищения газа из газопровода, хотя и содержат формально признаки запрещенного уголовным законом деяния, но в силу их малозначительности (реально наступивших вредных последствий - отсутствие существенного вреда, способа совершения деяния, *мотива и цели*, поведения после совершения деяния, связанного с добровольным возмещением ущерба), не представляют общественной опасности. Уголовное дело было прекращено в силу малозначительности и на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, за отсутствием состава преступления².

Таким образом, все признаки конкретного состава, закрепленного в Особенной части УК РФ, важны не только как основание уголовной ответственности, но и для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица. Обязательным признаком субъективной стороны любого преступления является вина, однако для преступлений против собственности большое значение приобретают также мотивы и цели субъекта преступления.

МИРЗОХОЧАЕВ ИЛҲОМ ҲИКМАТОВИЧ
омӯзгори калони кафедраи фанҳои ҳуқуқи Мактаби олии КДАМ ҚТ,
унвонҷӯи кафедраи криминалистика ва ғаёлияти экспертизаи судии факултети
ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон
shahzodmirzokhojaev5@mail.ru

МАҲУМ ВА АҲАММИЯТИ ИНСТИТУТИ ПРЕЮДИТСИЯ ДАР НИЗОМИ ҲУҚУҚ

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА ПРЕЮДИЦИИ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Преюдитсия дар соҳаҳои гуногуни ҳуқуқи Ҷумҳурии Тоҷикистон мавриди истифода қарор мегирад. Таҳияи мафҳуми умумие, ки моҳият ва хусусиятҳои ҳуқуқи преюдитсияро инъикос мекунад, барои дарки дурусти он ва дар маҷмӯъ татбиқи амалии он дар низоми қонунгузори дохилӣ, ягонагии мафҳумҳои ҳуқуқиро ҳамчун асоси ғаёлияти низоми ҳуқуқи ватанӣ, таъмин менамояд.

¹ Электронный ресурс – Режим доступа: <https://pravorub.ru/articles/96670.html?ysclid=m3xc4z5f9g39173419> (дата обращения: 24.11.2024).

² Постановление Буйнакского районного суда Республики Дагестан № 1-61/2017 от 5 июня 2017 г. по делу № 1-61/2017. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/RKpFZWeJ0cxL/?ysclid=m3xcgf0p5i912244467#case_item (дата обращения: 24.11.2024).

Мафҳуми маъмули падидаи преюдитсия дар қонунгузории Тоҷикистон ҳанӯз таҳия нашудааст. То ҳол мазмуни мафҳуми «преюдитсия», моҳият ва хусусиятҳои ҳуқуқии он мавриди баҳс қарор гирифта, ин категорияи ҳуқуқӣ фаҳмиши яхела надорад ва мавзӯи баҳсу мунозираи илмӣ мебошад.

Қоидаи ҳуқуқии преюдитсия дар назарияи ҳуқуқ кам омӯхта шудааст ва таърифи аз ҷониби умум қабулшуда надорад. Сарфи назар аз он, ки преюдитсия воқеан ҳам дар ҳуқуқи моддӣ ва ҳам дар муурофияи судӣ татбиқ мешавад, ин қоида аксар вақт дар адабиёти ҳуқуқӣ танҳо бо қоидаи исботкунӣ алоқа дошта, дар соҳаҳои ҳуқуқи муурофиавӣ татбиқ мешавад, ки дар эътирофи эътимоднокии ҳодисаи юридикӣ қаблан бо санади судӣ муқарраршуда, асос ёфтааст¹.

Дар баробари эътирофи дурустии далелҳои ҳуқуқии бо санади эътибори қонунӣ пайдокардаи суд, ки дар рафти баррасии парвандаи юридикӣ бароварда шудааст, барои соҳаҳои ҳуқуқи моддӣ низ аҳамияти муҳим дошта метавонад, ки дар сохтори меъёрҳои ҳуқуқӣ инъикос ёфта, дар он истинод ба оқибатҳои ҳуқуқии қарорҳои судӣ, дарҷ гардидааст.

Қонунгузор дар меъёрҳои ҳуқуқи моддӣ аҳамияти ҳуқуқии оқибатҳои санади эътибори қонунӣ пайдокардаи судро муқаррар намуда, ба ин васила эътимоднокии ҳолатҳои ҳуқуқии дар онҳо муқарраршударо эътироф менамояд, ки онро метавон шакли татбиқи шартӣ ҳуқуқии преюдитсия ҳисобид.

Дар қонунгузории ҷорӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон мафҳуми «преюдитсия» танҳо дар як меъёри махсуси ҳуқуқие дода шудааст, ки бо моддаи 89 Кодекси муурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд - КМҶ ҚТ) ба танзим дароварда шудааст. Тибқи ин меъёри ҳуқуқӣ ҳукми эътибори қонунӣ пайдокарда оид ба парвандаи ҷиноятӣ барои суд, судя, прокурор, муфаттиш ва таҳқиқбаранда ҳангоми пешбурди парвандаи ҷиноятӣ нисбат ба ҳолатҳои муқарраршуда ва ҳам баҳодиҳии ҳуқуқии онҳо ҳатмӣ мебошад.

Ҳалномаи эътибори қонунӣ пайдокардаи суд оид ба парвандаҳои маданӣ, оилавӣ, иқтисодӣ ва қарори суд оид ба парвандаҳои ҳуқуқвайронкунии маъмурӣ барои суд, судя, прокурор, муфаттиш, таҳқиқбаранда ҳангоми пешбурди парвандаи ҷиноятӣ танҳо оид ба масъалаи ҷой доштани ҳуди ҳодиса ё кирдор ҳатмӣ буда, набояд пешаки гунаҳгорӣ ё бегуноҳии судшавандаро ҳал намояд.

Мафҳуми дар боло зикргардидаи преюдитсия дар муурофияи ҷиноятӣ ба мо имкон медиҳад, ки хусусиятҳои зерини ҳуқуқии онро муайян кунем:

- преюдитсия - қоидаи исботи ҳолатҳои муайяни барои парвандаи ҷиноятӣ алоқамандбуда мебошад;
- ҳолатҳое, ки бо қарори эътибори қонуни пайдокардаи суд муқаррар карда шудаанд, исботи такрориро талаб намекунанд ва аз ҷониби иштирокчиёни муурофия эътироф карда мешаванд;
- дар ҳолати мавҷудияти истисноҳои муқаррарнамудаи қонун, танҳо қарорҳои судӣ хусусиятҳои преюдитсионӣ доранд;
- қарори суд ба шахсе, ки қаблан дар парвандаи ҷиноятӣ баррасишаванда иштирок накардааст, барои муайян намудани гунаҳгории ӯ, эътибори преюдитсионӣ надорад.

¹ Березин А.С. Преюдиции в отечественном уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.С. Березин. - Нижний Новгород, 2006. - С. 63-64; Левченко, О.В. Общеизвестные, преюдициально установленные и законом презюмируемые факты и особенности их использования в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / О.В. Левченко. - Казань, 1994. - С. 8; Гореликова, А.Г. Преюдиция в уголовном процессе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.Г. Гореликова. - М., 2010. - С. 10; Чащина, И.В. Преюдиции в уголовном процессе России и зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. / И.В. Чащина. - М., 2011. - С. 35.

Ҳамин тавр, танзими қонунгузорӣ дар муурофиаи ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон эътирофи воқеияти ҳолатҳои ҳуқуқии бо ҳукмҳои суд муқарраршударо бо назардошти талаботҳои барои онҳо пешбинишуда, муайян мекунад.

Дар асоси муқаррароти КМЧ ҚТ метавон хулоса кард, ки преюдиция ҳамчун истилоҳи муурофиавӣ баромад намуда, мавҷудияти ҳолатҳои аз исботкунии такрорӣ озодкунандаро, ки пештар бо ҳукми суд тасдиқ шудаанд, муайян мекунад. Чунин хусусияти "эҳтимоли"-и преюдиция, бе дастгирии лозимаи қонунгузорӣ низ мавҷудияти воқеии онро нишон медиҳад¹. Дар Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон, Кодекси ҳуқуқвайронкунии маъмурии Ҷумҳурии Тоҷикистон, Кодекси маданияи Ҷумҳурии Тоҷикистон ва дар дигар манбаҳои соҳаҳои моддӣ ҳуқуқ, меъёрҳои махсуси муайянкунандаи мазмуни мафҳуми "преюдиция" мавҷуд нестанд.

Мафҳуми "преюдиция", ки дар низоми ҳуқуқии дохилӣ истифода мешавад, аз ҳуқуқи римӣ гирифта шудааст ва решаи этимологии он истилоҳи латинӣ "praejudicium" аст, ки аз ду вожаи якҷоя: "praecedo" (пеш рафтани, пешомада) ва "praeiudico" (пешакӣ суд кардан) иборат аст².

Аз рӯи натиҷаҳои тадқиқотҳои илмӣ Е. Худяков ва Л. Кофанов муқаррар карда шудааст, ки мафҳуми «praeiudico» дар ҳуқуқи римӣ ҳамчун қарори пештараи суд оид ба моҳияти қор, ки қарори судро аз руи муурофиаи асосӣ муайян мекунад, фаҳмида мешавад³.

Дар низоми ҳуқуқии Тоҷикистон низ институти преюдиция мuddати нисбатан тӯлонӣ вучуд дорад, вале дар фарқият аз олимони рус, аз замони ҳамчун категорияи ҳуқуқии мустақил муайян гаштанаш, таваҷҷуҳи ҷомеаи илмӣ ҷумҳуриро ба худ ҷалб накардааст, ки ба табиати мураккаби ҳуқуқии институти мазкур вобастагӣ дорад.

Зарурати додани танзими ҳуқуқӣ ба преюдиция аз баҳсҳои сершумори илмӣ ва ақидаҳои мухталиф оид ба моҳияти он ба миён омадааст, ки тавзеҳот ва тафсири ҳуқуқиро барои фаҳмиши умумӣ ва татбиқнамоӣ, тақозо мекунад.

Ба ақидаи О.В. Левченко, азбаски преюдиция қоидаи исботкунист, ки дар ҷараёни баррасии парвандаҳои ҳуқуқӣ ва қабули қарор аз руи онҳо амалӣ мешавад, табиист, ки муайянкунӣ ва қонунан мусатҳкамкунии мафҳуми мазкур ба миён омадааст⁴.

Дар асоси далели монанд, ба андешаи Н.В. Азаренок, П. Скобликов, С.П. Шерба, И.В. Чашина ва баъзе олимони дигар аз сабаби мавҷуд будани хусусиятҳои назарраси исботкунӣ дар навъҳои гуногуни муурофиаи судӣ, истифодаи преюдиция ҳамчун институти ҳуқуқии байнисоҳавӣ ба мақсад мувофиқ нест. Дар ин масъала ҳамфикри онҳо шуда наметавонем⁵.

Тарафдорони преюдицияи интихобӣ нисбати қарорҳои судӣ барои тасдиқи мавқеи худ далелҳои гуногун пешниҳод мекунанд. Ҳамин тариқ, ба ақидаи А.И.

¹ Попов, С.В. К вопросу о системном подходе к исследованию правовой преюдиции / С.В. Попов // Юридическая техника. - 2007. - № 1. - С. 209.

² Дворецкий, И.Х. Латино-русский словарь. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательство «Русский язык», 1976. - С. 796.

³ Худяков, Е.А. Эффективность применения норм с административной преюдицией. - М.: МВШМ МВД СССР, 1981. - С. 9; Кофанов, Л.Л. К вопросу о категориях римского права в Дигестах Юстиниана и современной интерпретации Д.О. Тузовым // [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

⁴ Левченко, О.В. Уголовно-процессуальное доказывание (сущность, средства доказывания, предмет и пределы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / О.В. Левченко. - Ижевск, 2001. - С. 12.

⁵ Азаренок, Н. В. Обусловленность преюдиции в российском уголовном процессе / Н.В. Азаренок // Российское право. - 2013. - № 8. - С. 109-113; Скобликов, П.А. Преюдиция актов арбитражных судов в уголовном процессе: новое прочтение / П.А. Скобликов // Российское право. - 2009. - № 2. - С. 69-82; Шерба, С.П., Чашина, И.В. Преюдиция в уголовном процессе России и зарубежных стран. - М.: «Юрлитинформ», 2013. - С. 96-104.

Казаков, агар қарори ниҳоии суд бо он асоснок карда шуда бошад, ки яке аз тарафҳо барои асосноккунии даъво ё эътирози худ маълумотҳои кофиро пешниҳод карда натавонист, хулосаҳои дар он овардашуда набояд хусусияти преюдитсионӣ дошта бошанд¹.

Далели дар боло овардашударо нисбат ба қонунгузори Ҷумҳурии Тоҷикистон боварибахш ҳисоб кардан мумкин нест, зеро дар ин ҳолат ҳукми суд, ки аз номи Ҷумҳурии Тоҷикистон қабул шуда, бо тартиби муқарраргардида эътибори қонунӣ пайдо кардааст, зеро шубҳа гузошта мешавад, ки ин ҳилофи принсипи қонуният буда, барои ба вучуд омадани ихтилофи санадҳои судӣ, ки барои фаъолияти мӯътадили низоми ягонаи ҳуқуқии ватанӣ қобили қабул нест, замина фароҳам меорад.

Ақидаҳои зикршуда моро ба хулосае меорад, ки қоидаи преюдитсия эътирофи дурустии ҳолатҳои ҳуқуқии аз ҷониби суд муқарраргардида ва дар ҳукми эътибори қонунӣ пайдокардаи судӣ зикргардида, сарфи назар аз мансубияти соҳавӣ, ҳайати суд, ҳайати иштирокчиёни муҳофиза, шакли баррасии парвандаи ҳуқуқӣ ва дигар ҳолатҳо, дар назар дорад.

Дар баробари ин мехостем ба чунин ҳолат диққат диҳем, ки А.В. Карданетс преюдитсияро танҳо бо қарорҳои суд алоқаманд намекунад ва имкон медиҳад, ки онро дар асоси қарорҳои эътибори қонунӣ пайдокардаи “мақомотҳои дигари ҳифзи ҳуқуқ”: муфаттиш, таҳқиқбаранда, прокурор ва ғайра татбиқ намоянд. Мавқеи монандро М.Д. Силагадзе тарафдорӣ намуда, қайд мекунад, ки преюдитсия бо субъектҳо танҳо дар қарорҳои суд маҳдуд намешавад².

Алоҳида, мехостем фикри Н.Колоколовро, ки хусусияти байнисоҳавӣ будани преюдитсияро нишон дода, қонунгузоро даъват мекунад, ки онро байнисоҳавӣ танзим кунад³, дастгирӣ намоем.

Дар асоси мавқеъҳои илмӣ баррасишуда, ки мафҳуми преюдитсияро дар ҳуқуқ ошкор мекунанд, мо ақидаҳои асосии илмиро оид ба моҳияти преюдитсия ҳамчун категорияи ҳуқуқӣ ҷудо мекунем:

– преюдитсия - ҳолати ҳуқуқие, ки бо қарори эътибори қонуни пайдокардаи суд муқаррар гардида, аз ҷониби суди дигар такроран муайян нагашта, бояд ҳамчун ҳолати холисона муқарраршуда ҳисобида шавад;

– преюдитсия - қарори суд ё санади маъмурии эътибори қонуни пайдо карда, ки аз ҷониби мақомоти салоҳиятдор бо тартиби муқаррарнамудаи қонун бароварда шуда мебошад, ки ҳолати ҳуқуқиро муайян намуда, минбаъд барои ҳамаи субъектҳои ҳуқуқатбиқкунанда ҳатмӣ мебошад;

- преюдитсия ҳамчун қоидаи исбот мебошад;

- преюдитсия уҳдадории мақомоти ваколатдор барои ҳамчун асос гирифтани қарори қаблӣ мебошад.

Гуфтаҳои боло ба хулосае меоранд, ки преюдитсия қоидаи ҳуқуқӣ буда, эътирофи дурустии далелҳои ҳуқуқии дар қарорҳои суд муқарраргардида, ки дар натиҷаи баррасии парвандаҳои ҳуқуқӣ ба миён омадаанд ва натиҷаи баррасии парвандаҳои минбаъдаи судиро пешакӣ муайян мекунанд, дар назар дорад, ки ба сифати ҳолатҳои муайянкунандаи ҷавобгарии ҳуқуқӣ ё ҳамчун далел дар парвандаҳои ҳуқуқӣ баромад мекунад.

¹ Казаков, А.И. К вопросу о межотраслевой преюдиции как способе обеспечения непротиворечивости судебных актов / А.И. Казаков // Уголовное право. - 2015. - № 6. - С. 100.

² Силагадзе, М.Д. Доказывание в советском юридическом процессе, его предмет и пределы: автореф. дис...канд. юрид. наук: 12.00.09 / М.Д. Силагадзе. - Казань, 1986. - С. 209.

³ Колоколов, Н.А. Новые правила преюдиции: как изменяется практика / Н.А. Колоколов // Уголовный процесс. - 2010. - № 3. - С. 9.

Таърифи дар боло зикршуда ба мо имкон медиҳад, ки хусусиятҳои зерини онро муайян кунем:

- преюдиция дар соҳаҳои ҳуқуқи моддӣ ва муурофиавӣ истифода мешавад, ки дар ҳолати яқум ҳамчун усули техникаи ҳуқуқи барои муқаррар кардан ё вазнин кардани ҷавобгарии ҳуқуқӣ истифода мешавад ва дар ҳолати дуҷум ҳамчун қоидаи исбот амал мекунад;
- танҳо далелҳои ҳуқуқии муқаррарнамудаи суд, ки дар қарори судӣ аз руи моҳияти парвандаи ҳуқуқии баррасишаванда эътибори қонуни пайдо кардаанд, дорои аҳамияти преюдиционӣ;
- ҳолати ҳуқуқии бо қарори суд муқарраргардида барои ҳамаи субъектҳои ҳуқуқатбиқкунанда аз лаҳзаи эътибори қонуни пайдо кардани қарори суд ва то бекор кардани он боэътимод ҳисоб карда мешавад.

Наҷмиддинов Ҳусейн Қиёмиддинович
омӯзгори кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ криминалогия ва психологияи Академияи ВКД
Ҷумҳурии Тоҷикистон, лейтенанти калони милитсия
sino-84@mail.ru

ТАБИАТИ ҲУҚУҚИИ ҶИНОЯТИИ ҚАЛЛОБӢ ВА ФАРҚИЯТИ ОН АЗ ДИГАР ҶИНОЯТҲОИ БА ОН МОНАНД

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА МОШЕННИЧЕСТВА
И ЕГО ОТЛИЧИЕ ОТ ДРУГИХ СХОЖИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Қаллобӣ яке аз ҷиноятҳои маъмултарин ба муқобили моликият дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ба ҳисоб меравад. Қаллобӣ ҳамчун ҷиноят дар фасли XI (Ҷиноятҳо дар соҳаи иқтисодиёт), боби 26 (Ҷиноятҳо ба муқобили моликият) ва моддаи 247 Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КҶ ҚТ) пешбинӣ шуда, аз чор қисм иборат мебошад.

Объекти намунии ҷинояти қаллобӣ муносибатҳо дар соҳаи иқтисодиёт буда, объекти ҳелӣ ва бевоситаи он моликият, яъне муносибатҳои молумулкӣ баромад менамоянд. Ба андешаи М.Ҷ. Раҳмонзода, аз рӯи мантиқи қонунгузорӣ объекти ҳелии ҷиноятҳои иқтисодӣ, ки дар фасли XI КҶ ҚТ муқаррар карда шудааст, ин иқтисодиёт мебошад¹. Олимони дигар низ ибраз медоранд, ки объекти ҳелии ҷиноятҳои иқтисодиро бо дарназардошти фасли XI КҶ ҚТ чун муносибатҳои ҷамъиятӣ дар соҳаи иқтисодиёт муқаррар кардан мумкин аст, ки онҳо ба истехсолот, мубодилот, тақсимот ва истеъмоли неъматҳои моддию ғайримоддӣ равона карда шудаанд².

Экономика (иқтисодиёт) иборати қадимии ҷунонӣ буда аз ду қисм: «хона, хоҷагӣ» ва «қоида, қонун», ки ба маънои асли «қоидаи пешбурди хоҷагидорӣ» дар назар дошта шудааст³. Вобаста ба тағйирёбии замон маънои он низ тағйир ёфтааст. Агар дар Ҷунони қадим иқтисодиёт ба маънои хоҷагидорӣ хона фаҳмида мешуд, дар замони муосир бошад он ба маънои низоми муносибатҳои ҷамъиятии марбут ба истехсолот, тақсимот,

¹ Раҳмонзода, М.Ҷ. Ҷавобгарии ҷиноятӣ барои фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ мувофиқи қонунгузори Ҷумҳурии Тоҷикистон: дис. ... номз. илм. ҳуқуқ: 12.00.08 / М.Ҷ. Раҳмонзода. – Душанбе, 2020. – С. 65.

² Сафаров, А.И., Саидов, Ш.Н. Қудратов, Н.А. Ҷиноятҳо дар соҳаи фаъолияти иқтисодӣ. – Душанбе, 2015. – С. 6.

³ Райзберг, Б.А. Лозовский, Л.Ш. Стародубцева, Б.Б. Современный экономический словарь. – М.: ИНФРА – М, 2007. – С. 495.

мубодилаи арзишҳо, ки ба таъмини шарту шароити ҳаёти ҷамъият ва аъзоёни он равона мегардад, фаҳмида мешавад.

Дар илм се нуктаи назар оид ба таърифи мазмуни моликият ҳамчун объекти кирдори ҷиноятӣ мавҷуд аст:

- моликият ҳамчун муносибатҳои иқтисодӣ;
- моликият ҳамчун категорияи ҳуқуқӣ (ҳуқуқи молумулкӣ ба маънои объективӣ ва субъективӣ);
- моликият ҳамчун муносибатҳои иқтисодӣ ва ҳуқуқи молумулкӣ¹.

Чуноне дар боло зикр гардид, объекти ҷинояти мазкурро муносибатҳои молу мулкӣ ташкил медиҳанд. Таҳти мафҳуми муносибатҳои молу мулкӣ ҳама гуна ҳуқуқҳои соҳибмулк аз қабиле ҳуқуқи соҳибӣ кардан, ихтиёрдорӣ намудан ва нигоҳдории молу молу мулк фаҳмида мешавад. Ҳангоми содир намудани ҷинояти мазкур ҳуқуқҳои соҳибмулк ба таври ғайриқонунӣ ба шахси гунаҳгор гузашта, муносибатҳои байни соҳибмулк ва молу мулк қатъ мегарданд.

Дар назарияи ҳуқуқи ҷиноятӣ, як қатор олимони танҳо яке аз хусусиятҳои асосии муносибатҳои моликиятиро муайян мекунанд. Г.Н. Борзенков ва Л.Д. Гаухман танҳо ба муносибатҳои иқтисодии моликият ҳамчун объекти мушаххаси вайронкунии моликият ишора мекунанд. Дар навбати худ, В.В. Малтсев ба ҳуқуқи соҳибӣ, истифода ва ихтиёрдорӣ арзишҳои ба молик мансуббударо афзалият медиҳад².

Предмети қалобӣ молу мулк ва ҳуқуқ ба молу мулк (ҳуччатҳое, ки ҳуқуқ ба молу мулкро муайян мекунанд) мебошад.

Таҳти мафҳуми молу мулк маҷмӯи неъматҳои моддӣ ки дар онҳо меҳнати инсон сарф шудааст ва онҳо дорои арзиш мебошанд фаҳмида мешавад.

Таҳти мафҳуми ҳуқуқ ба молу мулк бошад, ваколатҳои соҳибӣ намудан, истифода бурдан ва ихтиёрдорӣ намудани молу мулк фаҳмида мешавад, ки дар ҳуччатҳои муайян мустаҳкам мегарданд.

Ба андешаи С.Ҳ. Ҳусейнзода ва Ш.Т. Аҳёзода, ҳамчун предмети тасарруф молу мулк бояд дорои чунин аломатҳо бошад:

а) Аломати моддӣ. Аломати мазкур маънои онро дорад, ки дар зери мафҳуми молу мулк танҳо ашёҳои олами моддӣ фаҳмида мешавад (моликияти зеҳнӣ ё қувваи барқ ҳамчун предмети тасарруф баромад намекунад).

б) Аломати иқтисодӣ. Ин аломат маънои онро дорад, ки предмети тасарруф танҳо он ашё ё предметҳое баромад карда метавонанд, ки дар онҳо меҳнати инсон сарф шудааст ва дорои арзиши иқтисодӣ ва нархи муайян мебошанд.

Он ашёҳое, ки бо меҳнати инсон аз ҳолати табиӣ берун оварда шудаанд, ба ҳайси предмети тасарруф эътироф мешаванд. Масъалан, буридани дарахт барои истифодаи он дар сохтмон ё истифодаи он ҳамчун ҳезум, шикори ҳайвонот ё парандагон, сайди ҳайвоноти обӣ ва ғ.

в) Аломати ҳуқуқӣ. Маънои онро дорад, ки молу мулке, ки шахси гунаҳгор тасарруф менамояд, бояд дар муносибат ба ӯ баръало молу мулки бегона бошад. Ин чунин маъно дорад, ки шахси гунаҳгор соҳибмулк нест ё молу мулк ҳамчун моликияти муштарак маҳсуб намеёбанд, ҳамчунин чунин молу мулк ба сифати предмети баҳси маданӣ бо як шахси дигар маҳсуб намеёбанд³.

¹ Безверхов, А.Г. Собственность и имущественные отношения / А.Г. Безверхов // Законодательство. – 2002. – №12. – С. 50.

² Курс уголовного права. Особенная часть: учебник для вузов: В 5 т. / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – М.: Зерцало, 2002. – Т. 3. – С. 388; Гаухман, Л.Д., Максимов, С.В. Ответственность за преступления против собственности. – М.: ЮрИнфоР, 2002. – С. 18.

³ Хусейнзода, С.Ҳ., Аҳёзода, Ш.Т. Ҷиноятҳо ба муқобили моликият: воситаи таълимӣ. – Душанбе: «Шоҳин», 2023. – С. 15.

Тарафи объективии қаллобӣ дар ҳаракатҳои ғаёл дар шакли тасарруфи молу мулки ғайр ё ба даст овардани ҳуқуқ ба молу мулки ғайр бо роҳи фиреб ё сӯиистифодаи боварӣ ифода меёбад

Чунончи, тибқи он таҳти мафҳуми фиреб ин қасдан вайрон нишон додани ҳолати ҳақиқии ашё, қасдан фиреб додани шахс (чабрдида), барқасдона гумроҳ кардани ӯ, дар хусуси воқеаҳои муайян, ҳолатҳо, ҳодисаҳо бо мақсади ӯро барои бо иродаи худ, лекин бо маълумоти дурӯғ ё қасдан нагуфтани ҳақиқат, бо роҳи қалбақӣ ба қаллоб додани молу мулк талқин кардан, фаҳмида мешавад¹.

Аз рӯйи ақидаи олимони ватанӣ фиреб ба ду намуд тақсимбандӣ карда шудааст: а) фиреби ғаёл; б) фиреби ғайриғаёл;

Дар ҳолати аввал (фиреби ғаёл) бо воситаи таҳрифи ҳақиқат: расонидани маълумоти бардуруғ нисбати ҳолатҳо ё вазъиятҳо, пешниҳод кардани ҳуҷҷатҳои қалбақӣ ва дигар кирдорҳо чабрдида дидаю доништа гумроҳ карда мешавад, ки дар ӯ тасаввуроти нодуруст доир ба қонунӣ ва зарурати додани молу мулк ба вучуд меорад. Аз ин ҷиҳат, агар хусусияти барқасдонаи таҳриф намудани ҳақиқат муайян карда нашавад ё маълумоте, ки худи шахс хабар додаст, дуруғ набоянд, дар чунин маврид таркиби қаллобӣ вучуд надорад.

Фиреби ғайриғаёл – ин нагуфтани воқеаҳои аҳамияти ҳуқуқӣ дошта мешавад, ки бояд гунаҳгор онҳоро хабар меод ва дар натиҷаи он шахсе, ки молу мулки худро додааст, нисбат ба қонунӣ ва ҳатмӣ будани додани молу мулк гумроҳ мешавад².

Дар адабиёти ҳуқуқи ҷиноятӣ фиреб аз рӯйи назарияи ҳуқуқи ҷиноятӣ вобаста ба критерияҳои гуногун ба чунин гурӯҳ тасниф шудааст:

- 1) фиреб дар муносибат ба шахсият;
- 2) фиреб дар муносибат бо предметҳои мухталиф;
- 3) фиреб дар хусуси ҳодиса ва ҳаракат³.

Дигар олимони, аз ҷумла Н.А. Лопашенко фиребро ба якчанд гурӯҳ тасниф намудааст:

- 1) фиреб дар хусуси нияти воқеӣ;
- 2) фиреб дар предмети ҷиноят: хусусият, сифат ва шумораи он;
- 3) фиреб дар ягон намуд, ҳолат ё ҳодиса;
- 4) фиреб дар шахсияти гунаҳгор;
- 5) фиреб дар бозӣ;
- 6) «фиреби лӯлигӣ» яъне бо сӯиистифодаи фолбинӣ;
- 7) фиреб дар табобат ва шифобахшӣ⁴.

Барои камтар чен кардан, кам баркашидан, кам додани бақияи пул, гумроҳ кардани истеъмолкунандагон дар мавриди хосияти истеъмолкунӣ ё сифати маҳсулот (хизматрасонӣ) ё дигар навъи фиреб додани истеъмолкунандагон дар корхонаҳо сарфи назар аз шакли моликият ҷавобгарии ҷиноятӣ ба м. 247 КҶ (қаллобӣ) ба вучуд наомада, ба м. 294 КҶ (фиреби истеъмоқкунандагон) ба миён меояд. Фиреби истеъмоқкунандагон аз ҷониби шахсоне, ки ба фуруши молу маҳсулот ё хизматрасонӣ ба аҳоли машғуланд, содир шуда, дар ҳолате ҷавобгарии ҷиноятиро ба миён меорад, ки ба шахрвандон ба миқдори назаррас зарар расонида бошад.

¹ Қарори Пленуми Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи таҷрибаи судӣ оид ба парвандаҳои марбут ба дуздӣ, қаллобӣ, ғоратгарӣ ва роҳзанӣ» аз 25 июни с. 2004. б.3 // Маҷмӯаи қарорҳои Пленуми Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон (солҳои 2002-2019). – Душанбе, 2019. – С. 35-43.

² Тафсир ба Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон / Зери таҳрири Ҳ.Ҳ. Шарипов. – Душанбе: «ГЛОБУС», 2006. – С. 536.

³ Безверхов, А.Г. Имущественные преступления: монография / А.Г. Безверхов. – Самара: Самарский университет, 2002. – С. 251.

⁴ Лопашенко, Н.А. Посвяательства на собственность: монография / Н.А. Лопашенко. – М.: Норма, Инфра – М., 2012. – С. 144.

Дигар тарзи содир намудани қаллобӣ ин сӯиистифодаи боварӣ ба шумор меравад, ки ҷинояткор бо ҷабрдида муносибатҳои муайяни маданияро дар асоси боварии тарафҳо ба миён оварда, ҳангоми аз шахрвандон гирифтани пул бо шартҳои иҷро кардани уҳдадориҳо, ки баъдан иҷро намекунад, истифода мебарад.

Ҳар ду тарзи содирнамоии қаллобӣ, яъне сӯиистифодаи боварӣ ва фиреб бо ҳамдигар алоқамандии зич доранд. Гунаҳгор муносибатҳои махсуси боваршавандаро байни ӯ ва соҳибмулк ё дигар шахсе, ки молу мулкро қонунӣ ихтиёрдорӣ мекунад, истифода мебарад, то ки фиреб нисбатан бовариноктар бошад, ё ин ки ба фиреб барои он рӯй меоварад, ки боварии ҷабрдида ба даст орад.

Аз рӯйи сохтор (конструксия) таркиби қаллобӣ моддӣ буда, ҷинояти мазкур дар ҳолате тамомшуда ҳисобида мешавад, ки агар молу мулк гирифта шуда бошад ва гунаҳгор барои аз рӯйи салоҳдиди худ истифода бурдан ё ихтиёрдорӣ намудани он (масалан, молу мулки тасарруфшударо ба манфиати худ ё ба манфиати дигарон истифода кунад, ё аз рӯйи ғараз бо дигар тарз онро ихтиёрдорӣ намояд) имконияти воқеӣ дошта бошад¹.

Тарафи субъективии ҷинояти номбурдаро қасди бевоситаро дар бар мегирад, яъне, гунаҳгор дарк менамояд, ки бо роҳи фиреб ва ё сӯиистифодаи боварӣ молу мулки ғайрро ё ҳуқуқи соҳиб шудани онро ба худ гирифта истодааст, онро пешбинӣ менамояд, ки дар натиҷаи чунин кирдори ӯ ба ҷабрдида ва ё дорандаи ҳуқуқи он зарари молу мулкӣ мерасонад ва хоҳони фарорасии оқибат мебошад.

Субъекти ҷиноят, шахси мукаллафи ба синни 16 расида ба ҳисоб меравад.

Қаллобӣ бо дигар шаклҳои тасарруф монандӣ дошта, дар баробари ин бо хусусиятҳои тарзи содиршавии ба худ хос яъне фиреб ва сӯиистифодаи боварӣ аз онҳо фарқ мекунад. Аз ҷумла, тарзи содир намудани ҷинояти номбурда бо ҷиноятҳои дуздӣ ва ғоратгарӣ шабоҳат дорад, чунки ҳарчанд ҳангоми содир намудани дуздӣ ва ғоратгарӣ низ гунаҳгор метавонад фиребро барои амалишавии нияташ истифода барад (масалан, бо роҳи фиреб ворид шудан ба хона, анбор ва ғ.). Хусусияти хоси дуздӣ ва ғоратгарӣ маҳз дар ҳамин зоҳир мегардад, ки молу мулк ҳама вақт бар хилофи иродаи соҳибмулк рабуда мешаванд. Чун дар дуздӣ молу мулк ба таври пинҳонӣ ё умуман бе иштироки ҷабрдида тасарруф мешавад. Дар ғоратгарӣ бошад молу мулк ошкоро тасарруф шуда, нисбати атрофиён беэтиборӣ карда шуда, молу мулк рабуда мешавад. Ба таври дигар, ҳангоми дуздӣ ва ғоратгарӣ молу мулк бархилофи иродаи ҷабрдида ба таври ниҳонӣ ё ошкоро тасарруф мешавад, дар мавриди қаллобӣ бошад, соҳибмулк ё шахсе, ки молу мулкро ихтиёрдорӣ мекунад, молу мулкро ихтиёрон ба шахси гунаҳгор медиҳад. Фиреб ва истифодаи зӯрварӣ дар дуздӣ ва ғоратгарӣ на ҳамчун тарзи бевосита тасарруф намудани молу мулк истифода мешаванд, балки ҳамчун воситаи дастрас будан ё шудан ба молу мулк ё чойи нигоҳдории онҳо истифода мешавад².

Ҷинояти қаллобӣ дар фарқият аз расонидани зарари молу мулкӣ бо роҳи фиреб ё сӯиистифодаи боварӣ (м. 253 КҶ), дар он ифода меёбад, ки дар ин ҷинояти дувумӣ аломати «гирифтани молумулк» вучуд надорад, яъне, молумулк миқдоран аз фонди нақди ҷабрдида хорич карда намешавад, он аз ихтиёри соҳибмулк ҷудо карда гирифта намешавад. Дар ин ҳолат гунаҳгор зарари молумулкиро ба ҷабрдида бо роҳи надодани лозимият, бо роҳи дастрас накардани молумулке, ки бояд ба фонди нақдии ҷабрдида дохил шавад, мерасонад, ки инро дар ҳуқуқи ҷиноятӣ ғоидаи аздастрафта меноманд.

¹ Қарори Пленуми Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи таҷрибаи судӣ оид ба парвандаҳои марбут ба дуздӣ, қаллобӣ, ғоратгарӣ ва роҳзанӣ» аз 25 июни с. 2004. б.8 // Маҷмуаи қарорҳои Пленуми Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон (солҳои 2002-2019). – Душанбе, 2019. – С. 36-37.

² Лунин, Н.Н. Мошенничество по уголовному законодательству России: уголовно-правовая характеристика и квалификация: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Н.М. Лунин. – М., 2006. – С. 134.

Аммо роҳи содиршавии ҳардуи ҷиноятҳо – қаллобӣ ва расонидани зарари молу мулкӣ бо роҳи фиреб ё сӯиистифодаи боварӣ, яхеланд – фиреб ё сӯиистифодаи боварӣ ва ин ҳолат монандии моҳияти онҳоро ифода мекунад.

Зарар ба соҳибмулк ва ё дорандаи молумулк мумкин аст бо роҳҳои гуногуни фиреб ё сӯиистифодаи боварӣ расонида шавад, чунончи бо роҳи фиреб ё сӯиистифодаи боварӣ дар амалия, асосан дар шакли расонидани зарари молу мулкӣ бо роҳи истифодаи молу мулки ғайр, ки аз тарафи ҷабрдида ба ҷинояткор супорида шудааст, истифодаи ин молумулк бо ниятҳои шахсӣ, воমেҳӯранд. Мисол, бо роҳи саркашӣ намудан аз супоридани андоз ва дигар пардохтҳои гуногун (ғайр аз пардохти андозҳое, ки барои онҳо пешниҳоди декларатсия хатмӣ мебошад ва ҷавобгарӣ барои он дар м. 293 КҶ пешбинӣ шудааст), ғайриқонунӣ ба мақсади шахсӣ истифода бурдани молумулке, ки ба коргар бовар карда дода шудааст (мисол, ба манфиати шахсӣ истифода бурдани воситаи нақлиёти корхона, дар поезду самолётҳо бе чипта, лекин бо гирифтани мукофоти ғайриқонунӣ, кашонидани мусофирон ва ё борҳо ва ғ.)¹.

Тавре, ки дар боло зикр кардем, қаллобӣ як шакли тасарруф ба ҳисоб меравад, аз ин рӯ, ба он ҳама аломатҳои тасарруф мансуб аст. Хусусияти ҷиноятӣ мазкур дар он зоҳир мегардад, ки қаллоб бо сӯиистифодаи имконияти хиради инсон оид ба фаъолияти воқеӣ, инкишофи воқеаҳо, робитаи сабабӣ байни ҳодисаҳо тасаввуроти ботил пайдо менамояд. Қаллобӣ бо дигар шаклҳои тасарруф монандӣ дошта, дар баробари ин бо хусусиятҳои тарзи содиршавии ба худ хос яъне фиреб ва сӯиистифодаи боварӣ аз онҳо фарқ мекунад. Аз ҷумла, тарзи содир намудани ҷинояти номбурда бо ҷиноятҳои дуздӣ ва ғоратгарӣ шабоҳат дорад, чунки ҳарчанд ҳангоми содир намудани дуздӣ ва ғоратгарӣ низ гунаҳгор метавонад фиребро барои амалишавии нияташ истифода барад

СУЛАЙМОНЗОДА РУСТАМИ НЕЪМАТУЛО
омӯзгори калони кафедраи муурофиаи ҷиноятӣи факултети № 2
Акадмияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, капитани милитсия
n.suhrob-92@mail.ru

ТАРТИБИ МУРОФИАВИИ ПУРСИШИ ШОҲИД ДАР ПЕШБУРДИ ПАРВАНДАИ ҶИНОЯТӢ

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Дар моддаи 2 Кодекси муурофиавии ҷиноятӣи Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КМҶ ҚТ) вазифаҳои қонунгузори муурофиавии ҷиноятӣ пешбинӣ шудаанд, аз ҷумла, ҳимояи ҳуқуқи озодиҳои инсон ва шаҳрванд, ҳимояи манфиати ҷамъият, давлат ва ташкилотҳо, ки аз ҷиноят зарар дидаанд, сари вақт ва пурра ошкор намудани ҷиноят, ба ҷавобгариҳои ҷиноятӣ кашидани шахси ҷиноят содиркарда, ҳалли одилонаи масъалаҳои баррасишаванда дар суд ва ғайра. Иҷрои ин вазифаҳои муурофиаи судии ҷиноятӣ бе ҷамъовариҳои далелҳои кофӣ бо парвандаи ҷиноятӣ, ки яке аз сарчашмаҳои асосии он нишондодҳои шоҳид мебошад, ғайриимкон аст.

Мафҳуми далелҳо дар м. 72 КМҶ ҚТ дода шудааст. Мувофиқи он, далелҳо оид ба парвандаи ҷиноятӣ маълумоти воқеие ба шумор мераванд, ки дар асоси онҳо суд, прокурор, муфаттиш, таҳқиқбаранда бо тартиби муайяннамудаи КМҶ ҚТ мавҷуд

¹ Саидзода, А.М. Ҷавобгариҳои ҷиноятӣ барои расонидани зарари молу мулкӣ бо роҳи фиреб ё сӯиистифодаи боварӣ: дис. ... н.и.х.: 12.00.08 / А.М. Саидзода. – Душанбе. 2024. – С. 100.

будан ё набудани кирдори барои ҷамъият хавфнок, исбот гардидан ё нагардидани ҳолатро оид ба парвандаи ҷиноятӣ ва ҳолати дигари барои ҳалли дурусти парванда аҳамиятдоштаро муқаррар мекунад. Дар ташаккули таълимот оид ба далелҳо ва исботкунӣ нақши назаррасро бисёре аз олимони рус А.С. Александров, В.Д. Арсенев, В.С. Балакшин, В.А. Банин, Р.С. Белкин, А.И. Винберг, Г.Ф. Горский, М.М. Гродзинский, Н.А. Громов, А.А. Н.П. Кузнесов, С.В. Курилев, О.В. Левченко, Р.Д. Рахунов, В.А. Серов, Л.Т. Улянова ва дигарон доранд.

Бояд қайд кард, ки қабули КМЧ ҚТ қадами навбатӣ дар самти ислоҳоти қонунгузории соҳа ва ташаккули ҳуқуқи муурофиавии ҷиноятӣ буда, тағйироти дахлдорро, ба монанди танзим ва тақмили падидаҳои нави ҳуқуқӣ, муқаммал намудани техникаи ҳуқуқӣ, ҳосатан риояи талаботи забонӣ ва услубӣ ба вуҷуд овардааст. Яке аз нағзониҳои муҳими Кодекси муурофиавии ҷиноятӣ амалкунандаи Ҷумҳурии Тоҷикистон (дар муқоиса бо КМЧ ҚШСТ 1935, КМЧ ҚШСТ 1961) ин далелҳо ва исботкунӣ ба ҳисоб меравад. Бори якум масъалаи далелҳо (боби 9) аз исбот (боби 10) дар алоҳидагӣ танзим ёфтааст.

Дар боби далелҳо масъалаи мафҳуми далел (м. 72), нишондоди шохид, ҷабрдида, гумонбаршуда, айбдоршаванда (м. 73-76), ҳулоса ва нишондоди коршинос (м. 77), оид ба далелҳои шайъӣ (м. 78-80), протоколи амали тафтишӣ ва маҷлиси суд (м. 81), ҳуҷҷатҳои дигар (м. 82), ба парванда ҳамроҳ кардан, нигоҳ доштан ва пас гардонидани ҳуҷҷат (м. 83), истифодаи натиҷаҳои фаъолияти оперативии ҷустуҷӯӣ (м. 84), ва дар боби исбот масъалаи ҳолатҳое, ки оид ба парвандаи ҷиноятӣ бояд исбот карда шаванд (м. 85), ҷамъ овардани далел (м. 86), тафтиши далелҳо (м. 87), баҳодиҳии далелҳо (м. 88), далелҳои ғайри қобили қабул (м. 88(1)), преюдиция (м. 89) ва ҳолатҳое, ки доир ба парвандаи ҷиноятнисбат ба ноболиғон бояд муқаррар карда шаванд (м. 90).

Дар м. 6 КМЧ Ҷумҳурии Тоҷикистон мафҳуми иштирокчиёни дигари муурофиавии ҷиноятӣ мавҷуд мебошад, ки ба он қонунгузор чунин иштирокчиёни муурофиавии судии ҷиноятӣ, чун коршинос (эксперт), мутахассис, шахси холис, тарҷумон, инчунин шохидро шомил донистааст¹. Яъне, шохид низ ба ин гурӯҳи субъектон дохил шуда, нишондодҳои ӯ барои мустаҳкам кардани таҳкурсии далелии парвандаи ҷиноятӣ ва таъмини адолати судӣ мусоидат менамояд. Дар қатори дигар далелҳо нишондодҳои шохид дар ҷараёни ошкор намудани ҳақиқат ва исботкунӣ нақши муҳим доранд.

КМЧҚТ чунин мафҳуми шохидро муайян кардааст: Ба сифати шохид барои додани нишондод шахсе даъват карда мешавад, ки ба ӯ ягон ҳолати барои парвандаи ҷиноятӣ аҳамиятдошта маълум аст².

М. Сафиева дар асоси таҳлили меъёрҳои қонунгузории муурофиавии ҷиноятӣ муайян кардааст, ки шохид дорои хусусиятҳои ҳуқуқии зерин мебошад:

1) Шохид шахси воқеӣ аст. Нисбат ба шахсияти шохид, мансубияти ӯ, синну сол ва ҷинсият ягон маҳдудият пешбинӣ нашудааст, ба истиснои шахсоне, ки дар қисми дуҷуми моддаи 56-и КМЧ Ҷумҳурии Тоҷикистон пешбинӣ шудааст.

2) Шохид дорои маълумоте мебошад, ки барои таҳқиқу тафтиш ва ҳалли дурусти парвандаи ҷиноятӣ аҳамият дорад. Аҳамиятнокии маълумотҳои шохид дар асоси санҷиш ва баҳогузории нишондодҳои ӯ муайян карда мешавад.

3) Шохид шахси аз ҷониби мақомоти (шахсони) ваколатдор даъватшуда мебошад. Асосан ин мақомоти таъкиби ҷиноятӣ ва суд мебошад, аммо аз меъёрҳои қонунгузории муурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон маълум мешавад, ки ҳимоятгар низ ҳуқуқ дорад шохидонро ёфта, барои пурсиш намудани онҳо вобаста ба ҳолатҳои қор аз суд дархост намояд.

¹ Кодекси муурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 03-уми декабри с. 2009, № 564 // Махзани муттамаркази иттилооти ҳуқуқии “Адлия”. Намунаи 7.0.

² Ҳамон ҷо.

4) Шоҳид ба натиҷаи кор манфиати қонунӣ надорад. Яъне, шахсе, ки барои пурсиш ба сифати шоҳид даъват карда мешавад, на ба тарафи айбдоркунӣ ва на ба тарафи ҷимоя робита ва манфиат надорад.

5) Иштироки шоҳид дар муурофияи ҷиноятӣ характери лаҳзаина дорад, яъне иштироки ӯ дар муурофияи ҷиноятӣ мунтазам нест, онҳо аксаран бо даъвати шахсоне, ки парвандаи ҷиноятӣ дар пешбурди онҳо мебошад, ҳозир шуда, оид ба ҳолатҳои кор нишондод медиҳанд¹.

Тибқи муқаррароти м. 73 КМЧ ҚТ барои исбот намудани ҳамаи ҳолатҳои марбут ба парвандаи ҷиноятӣ, аз ҷумла дар хусуси шахсияти гумонбаршуда, айбдоршаванда, судшаванда, ҷабрдида ва муносибатҳои байни онҳо бояд аз шоҳид пурсида шавад. Агар шоҳид сарчашмаи ин маълумотро нишон дода натавонад, маълумоти додаи ӯ далел шуда наметавонад².

Яке аз уҳдадорҳои асосии шоҳид додани нишондод мебошад. Мо фикр мекунем, ки мафҳуме, ки қонунгузор ба шоҳид додааст, мукамал намебошад. Чунон ки зикр гардид, мувофиқи мафҳуми додаи қонунгузори муурофиявии ҷиноятӣ ба сифати шоҳид барои додани нишондод шахсе даъват карда мешавад, ки ба ӯ ягон ҳолати барои парвандаи ҷиноятӣ аҳамиятдошта маълум аст³. Ё ба ифодаи дигар, шоҳид он иштирокчии муурофияи ҷиноятӣ мебошад, ки дар хусуси ягон ҳолати барои парванда аҳамиятдошта маълумот дорад. Ин мафҳуми қонунгузори аз он сабаб ноқис мебошад, ки на ҳамеша муфаттиш медонад, ки шахси барои пурсиш ба сифати шоҳид даъваткардаи ӯ дар хусуси ҳолатҳои парванда ягон маълумот дорад, ё не.

Мисол, дар яке аз ҳучраҳои биноҳои баландошӯна одамкушӣ содир мешавад ва муфаттиш тамоми соқинони биноро ба пурсиш даъват карда, онҳоро ба сифати шоҳид бозпурсӣ менамояд, вале аз эҳтимол дур нест, ки аксарияти онҳо на танҳо оид ба куштор маълумот надошта бошанд, балки ҳатто ҷабрдидаро нашиносанд. Вале, новобаста аз он ки шахси даъватшуда дар хусуси ягон ҳолати барои парванда аҳамиятдошта маълумот дорад ё не, муфаттиш ӯро ба сифати шоҳид пурсиш менамояд. Тартиби пурсиши як қатор иштирокчиёни муурофияи суди ҷиноятӣ (муфаттиш, айбдоршаванда, эксперт ва дигарон) ба сифати шоҳид такмилро тақозо мекунад. Инчунин омӯзиши ҷидди ро масъалаи ҷимояи давлатии шоҳидоне, ки ба муурофияи суди ҷиноятӣ мусоидат мекунад, талаб менамояд.

Мутобиқи м. 198 КМЧ ҚТ шоҳид, ҷабрдида, ҳамчунин гумонбаршуда, айбдоршавандае, ки дар озодӣ мебошанд, барои пурсиш тавассути даъватнома даъват карда шуда, дар он ба ҳайси кӣ, ба назди кӣ, ба кадом суроға, вақти ҳозир шудан, оқибатҳои бе сабабҳои узрнок ҳозир нашудан қайд карда мешавад⁴.

Мувофиқи м. 56 КМЧ ҚТ шоҳид ҳангоми қасдан аз рӯи даъват ҳозир нашудан маҷбуран оварда мешавад. Дар асоси талаботи моддаи зикршудаи кодекси мазкур нисбат ба иштирокчии муҳокимашавандаи муурофияи суди ҷиноятӣ танҳо як намуди чораи маҷбуркунии муурофиявӣ – маҷбуран овардан татбиқ мешавад.

Асосҳо ва тартиби маҷбуран овардан дар м. 115 КМЧ ҚТ пешбинӣ шудааст. Мувофиқи он, дар сурати бе сабабҳои узрнок ба даъват ҳозир нашудани гумонбаршуда, айбдоршаванда, судшаванда, инчунин шоҳид ва ҷабрдида бо қарори асосноки таҳқиқбаранда, муфаттиш, прокурор ё судя ва ё бо таъиноти суд онҳо аз ҷониби мақомоти корҳои дохилӣ маҷбуран оварда мешаванд.

Барои иҷро накардани ин уҳдадории муурофиявӣ ба ғайр аз маҷбуран овардан нисбати иштирокчиёни муурофияи судии ҷиноятӣ, аз ҷумла шоҳид мумкин аст бо

¹ Сафиева, М. Шоҳид ва нақши он дар муурофияи ҷиноятӣ / М. Сафиева // Минбари ҳуқуқшинос. - 2015. - № 3-4 (18-19). - С. 49.

² Кодекси муурофиявии ҷиноятӣи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 03-уми декабри с. 2009, № 564 // Махзани муттамаркази иттилооти ҳуқуқии “Адлия”. Намунаи 7.0.

³ Ҳамон ҷо.

⁴ Ҳамон ҷо.

тартиби муқаррарнамудаи м.м. 117-118 КМҚ ҚТ ҷарима таъин карда шавад¹. Тибқи моддаи мазкур агар уҳдадорҳои муурофиавӣ иҷро нашуда, дар маҷлиси суд тартиботриоя нашуда бошад, қарори ҷарима таъин кардани суд, судяе, ки парвандаро баррасӣ мекунад, дар ҳамаи маҷлиси суд қабул карда, дар ин бора таъинот (қарор) бароварда мешавад.

Агар ҳуқуқвайронкуниҳои дар м. 117 КМҚ ҚТ пешбинишуда дар давраи тосудии пешбурди муурофиаи судии ҷиноятӣ содир шуда бошанд, таҳқиқбаранда, муфаттиш ё прокурор дар ин хусус протокол тартиб дода, онро ба суд ирсол мекунад. Протокол аз ҷониби судя дар давоми панҷ шабонарӯз бо даъвати шахси протоколро тартибдода ва шахсе, ки дар бораи ӯ протокол тартиб дода шудааст, баррасӣ карда мешавад. Ҳозир нашудани ҳуқуқвайронкунанда барои баррасии он монета шуда наметавонад.

Дар адабиёти ҳуқуқӣ пешниҳод карда мешавад, ки бар души шохиди бе сабаби узрнок ҳозир нашуда, тамоми хароҷотҳои муурофиаи судиро, ки дар натиҷаи кашолакорӣ ба вучуд омадаанд, гузошта шавад². Дар таҷрибаи давлатҳои хориҷӣ чунин чораи муурофиавӣ истифода мешавад.

Шахсоне, ки ба пурсиш ба ҳайси шохид ё ҷабрдида даъват шудаанд, дар бораи ҷавобгари ҷиноятӣ барои рад кардан ё саркашӣ намудан аз додани нишондод, ҳамчунин барои дидаю доништа додани нишондоди бардурӯғ огоҳ карда мешаванд (м. 351-352 КҚ ҚТ).

Пурсиши шохид ва ҷабрдида мувофиқи қоидаҳои пешбиниамудаи м. 199 КМҚ ҚТ сураат мегирад. Бо салоҳдиди муфаттиш ҳангоми пурсиши шохид ё ҷабрдидаи то шонздаҳсола калонтар омӯзгор даъват карда мешавад. Ҳангоми пурсиши шохид ё ҷабрдидаи ноқилғ намояндагони қонунии онҳо ҳуқуқи иштирок карданро доранд. Шохид ва ҷабрдидаи то шонздаҳсола доир ба ҷавобгарӣ барои надодани нишондод ва дидаю доништа додани нишондоди бардурӯғ огоҳ карда намешаванд. Ҳангоми ба чунин шохидон ва ҷабрдидагон фаҳмонидани ҳуқуқ ва уҳдадорҳои муурофиавии онҳо таъкид карда мешавад, ки танҳо ҳақиқатро гуфтан зарур аст.

Ҳамчунин мутобиқи қисми қоруми м. 56 КМҚ ҚТ шохид яке аз уҳдадорҳои шохид ҳангоми пурсишин бе иҷозати пурсишкунанда фош накардани маълумоти оид ба ҳолатҳои парванда мебошад.

Дар баъзан ҳолатҳои зарурӣ шахси мансабдоре, ки пешбурди парвандаи ҷиноятиро ба дӯш дорад метавонад шохидро дар бораи фош насохтани маълумоте, ки ба ӯ дар натиҷаи тафтишоти пешакӣ маълум шудааст огоҳонад.

Дар ҳолатҳои зарурӣ муфаттиш, шохид, ҷабрдида, даъвогари граждани, ҷавобгари граждани, қоршинос, мутахассис, тарҷумон, шахсони холис ва шахсони дигари ҳангоми пешбурди амали тафтишӣ иштирокдоштаро дар бораи норавоии фош кардани маълумоти тафтиши пешакӣ бе иҷозати ӯ огоҳ месозад. Аз шахсони зикршуда дар хусуси огоҳ карда шуданашон оид ба ҷавобгари пешбиникардаи м. 361 Кодекси ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон забонхат гирифта мешавад.

Бо вучуди ин, чораҳои мазкур дар фаъолияти муурофавӣ тақрибан истифода намешавад.

Мутаасифона то ҳол байни олимони фикри ягона бобати фош накардани сирри тафтишоти пешакӣ мавҷуд нест.

Баъзе олимони ба он ақидаанд, ки предмети сирри тафтишотиро маълумотҳое, ки барои ҳалли дурусти парванда аҳамият доранд ва фош намудани онҳо баҳри аз даст додани далелҳо, саркаши кардани ҷинояткор аз ҷавобгарӣ мегардад ташкил медиҳад.

¹ Ҳамаи ҷо.

² Смыслов, В.И. Свидетель в советском уголовном процессе. - М.1973. - С. 60.

ХАМРОЗОДА МОХРУХСОР ЗАРИФ
старший преподаватель кафедры уголовного процесса факультета № 2 Академии МВД
Республики Таджикистан, майор милиции
n.suhrob-92@mail.ru

ПОНЯТИЕ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ КОДЕКСАХ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Совершенствование законодательства Республики Таджикистан в области понятие потерпевшего немыслимо без проведения сравнительно-правовых исследований в данной области в государствах – участниках Содружество Независимых Государств.

В декабре 2009 года в Республике Таджикистан (далее – УПК РТ) был принят новый Уголовно-процессуальный кодекс, в статье 42 которого потерпевшим признается лицо, независимо от его возраста, психического и физического состояния, которому преступлением причинен физический, материальный, моральный вред, а также лицо, права и интересы которого поставлены под непосредственную угрозу покушением на преступление¹.

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации².

Согласно ст. 87 УПК Азербайджанской Республики потерпевший – это физическое лицо, в отношении которого имеется достаточно оснований полагать прямое причинение ему морального, физического или материального ущерба деянием, предусмотренным уголовным законом³.

УПК Республики Беларусь под потерпевшим признает физическое лицо, которому предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием причинен физический, имущественный или моральный вред и в отношении которого орган, ведущий уголовный процесс, вынес постановление (определение) о признании его потерпевшим⁴.

В соответствии со ст. 71 УПК Республики Казахстан потерпевшим признается лицо, в отношении которого есть основание полагать, что ему непосредственно уголовным правонарушением причинен моральный, физический или имущественный вред⁵.

УПК Республики Кыргызстан закрепляет, что потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, моральный вред и (или) материаль-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года, № 564 // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://ncz.tj> (дата обращения: 11.11.2024).

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года, № 174-ФЗ // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.11.2024).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 года № 907-IQ // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 14.11.2024).

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-3 // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://pravo.by> (дата обращения: 16.11.2024).

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus> (дата обращения: 17.11.2024).

ный ущерб. Потерпевшим может быть признано юридическое лицо, которому преступлением причинен имущественный вред¹.

УПК Туркменистана под потерпевшим признаётся лицо, которому преступлением безосновательно и незаконно причинён моральный, а также физический или имущественный вред².

УПК Республики Узбекистан при наличии доказательств, дающих основание полагать, что преступлением, а равно общественно-опасным деянием невменяемого причинен моральный, физический или имущественный вред лицу, лицо признается потерпевшим³.

По УПК Республики Молдова потерпевшим является физическое или юридическое лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или материальный ущерб, признанное в этом качестве в установленном законом порядке с согласия пострадавшего. Несовершеннолетний, которому преступлением причинен ущерб, признается потерпевшим и без его согласия⁴.

Однако УПК Республики Армения не уточняет понятие потерпевшего⁵.

Согласно ст. 55 УПК Украины потерпевшим в уголовном производстве может быть физическое лицо, которому уголовным преступлением причинен моральный, физического или имущественного вреда, юридическое лицо, которому уголовным преступлением причинен имущественный вред, а также администратор по выпуску облигаций, который в соответствии с положениями Закона Украины «О рынках капитала и организованных товарных рынках» действует в интересах держателей облигаций, которым уголовным преступлением причинен имущественный ущерб⁶.

Таким образом, мы наблюдаем определенное единство мнений законодателей государств – участников СНГ в определении потерпевшего.

Вполне рабочей является модель дефиниции потерпевший, закрепленная в УПК Республики Таджикистан. Некоторые различия в определениях стран – участников СНГ являются несущественными, однако на ряд из них следует обратить внимание, хотя бы в научных целях.

Так, УПК Республики Казахстан «потерпевшим признается лицо, в отношении которого есть основание полагать, что ему непосредственно уголовным правонарушением...» далее по тексту. Уголовное правонарушение важный аспект, но стоит ли его закреплять в определении «потерпевший». На наш взгляд, нет.

УПК Туркменистана определил понятие потерпевшего весьма кратко и лаконично, но в понятии не указан на наш взгляд немаловажный «материальный ущерб». А УПК Республики Армения вообще не уточняет, что же входит в понятие потерпевшего.

Таким образом, проведение сравнительно-правовых исследований в рассматриваемой области может дать определенный нормативный и фактический материал для продолжения научных исследований.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 129 // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://base.spinform.ru> (дата обращения: 18.11.2024).

² Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана от 18 апреля 2009 года № 28-IV // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://turkmenistan.gov.tm/ru> (дата обращения: 20.11.2024).

³ Уголовно – процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2013-ХП // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://lex.uz> (дата обращения: 23.11.2024).

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 года, № 122-ХV // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.legis.md> (дата обращения: 25.11.2024).

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 30 июня 2021 // [Электронный ресурс] - Режим доступа <https://base.spinform.ru> (дата обращения: 27.11.2024).

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 года, № 4651-VI // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://continent-online.com> (дата обращения: 30.11.2024).

ХОҶАЕВА НАРГИС БАЛАҶОНОВНА
омӯзгори калони кафедраи ҳуқуқи судӣ ва назорати прокуратури факултети
ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон
somon_010@mail.ru

ТАНЗИМИ ҲУҚУҚИИ САРЧАШМАҲОИ ЭЛЕКТРОНИИ ИТТИЛООТ ДАР КОДЕКСИ МУРОФИАВИИ ҶИНОЯТИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ В
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Кодекси муурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КМҶ ҚТ) самти фаъолияти худро бо мақсади Ҳимояи ҳуқуқ ва манфиатҳои шахрвандон ба роҳ мондааст ва новобаста аз он, ки шахс айбдоршаванда, шохид ё ҷабрида бошад. Қонунгузори муурофиавии ҷиноятӣ бо мақсади Ҳимояи ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шахрванд, манфиати давлат, ҷамъият, ташкилоту корхонаҳои давлатию ғайридавлатӣ ва шахрвандон, ки аз ҷиноят зарар дидаанд, сари вақт ошкор ва тафтиш намудани ҷиноятҳо, ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашидани шахсони ҷиноят содиркарда, риоя намудани меъёрҳои муурофиавӣ хангоми татбиқи қонуни ҷиноятӣ, кафолати Ҳимояи манфиати қонунии иштирокчиёни муурофиавии судии ҷиноятӣ ва дигар шахсон тартиби муайянеро муқаррар намудааст, ки иҷро ва риоя намудани онҳо барои мақомоти судӣ, прокуратура, тафтиши пешакӣ ва таҳқиқ, инчунин барои иштирокчиёни муурофиавии ҷиноятӣ ҳатмӣ мебошанд¹.

Дар КМҶ ҚТ мафҳуми “Далелҳои электронӣ” ё “Сарчашмаҳои электронии иттилоот” дода нашудааст. Дар амалияи тафтишотии парвандаҳои ҷиноятӣ дар ҷумҳурӣ, агар таҳқиқбаранда, муфаттиш, прокурор ва суд бо намуде аз “Далелҳои электронӣ” ё “Сарчашмаҳои электронии иттилоот” рӯ ба рӯ шаванд, онҳоро ҳамчун далелҳои шайъӣ ё ҳуҷҷатҳои дигар ба парвандаи ҷиноятӣ баҳогузори менамоянд. Сабаби чунин баҳогузори нодуруст дар амалияи тафтишӣ пеш аз ҳама дар он мебошад, ки мафҳуми намудҳои алоҳидаи далелҳои электронӣ дар қонунгузори муурофиавии ҷиноятӣ дода нашудааст. Дар ин сурат мусаллам аст, ки агар “Далелҳои электронӣ” мутобиқан бо амалияи тафтиши ҳамчун далели шайъӣ ё ҳуҷҷатҳои дигар баҳогузори шаванд, пас ба онҳо низ тамоми муқаррароте, ки дар КМҶ ҚТ нисбат ба далелҳои шайъӣ ва ҳуҷҷатҳои дигар пешбинӣ шудааст, паҳн мегардад.

Ягона мафҳуме, ки дар КМҶ ҚТ оид ба сарчашмаҳои электронии иттилоот омадааст, ин муқаррароти қ. 2 м. 82 КМҶ ҚТ мебошад, ки ба таври зайл пешбинӣ шудааст: “Ҳуҷҷат метавонад маълумотро дар бар гирад, ки хаттӣ ё ба таври дигар сабт шудааст. Ба ҳуҷҷат маводи аккосӣ ва навори кино, сабти аудиою видео дохил мешаванд, ки аз сарчашмаҳои электронии иттилоот ва манбаъҳои дигар гирифта шудаанд ё ба тартиби пешбини намудани моддаи 86 кодекси мазкур пешниҳод ва ҳамчун далели парванда эътироф гардидаанд”².

Ба сифати “Далелҳои электронӣ” далелҳои зерине, ки дар КМҶ ҚТ пешбинӣ шудаанд баромад карда метавонанд:

- далелҳои шайъӣ;
- ҳуҷҷатҳои дигар;
- сабтҳои пинҳонӣ;

¹ Ниг: Дастурнамал оид ба назорати исботкунӣ, ҷамъоварӣ, баҳодихии далелҳо, банду басти кирдори айбдоршавандагон. Прокуратураи генералии Ҷумҳурии Тоҷикистон 30 ноябри соли 2011.

² Ниг: Кодекси муурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 3 декабри соли 2009, таҳти № 564.

- гуфтугӯҳои телефони гӯшкардашуда ва сабтгардида;
- мушоҳидаҳои электронӣ видео ва магнитофонӣ¹.

Дар ин бора олими ватанӣ Н.Б. Ҳоҷаева чунин ибрази ақида намудаанд, ки «Сабтҳои пинҳонӣ ҳамчун далели алоҳида дар КМҶ ҚТ пешбинӣ шудааст ва ба мисли дигар далелҳо дар алоҳидагӣ шарҳ дода нашудааст. Проблемаи амалия дар он аст, ки дар сатҳи қонунгузорӣ ин навъи далелро эътироф мекунанд, аммо дар амалия истифода бурдани он нофаҳмиро ба миён меорад чунки КМҶ ҚТ мафҳуми онро пешбинӣ намекунад.

Дар КМҶ Федератсияи Россия сабтҳои пинҳонӣ, ки амали ҷинояти содиршударо дар худ бевосита дарҷ намудаанд, ба сифати далелҳои шайъӣ баромад менамоянд. Агар сабти пинҳонӣ маълумотро дар бораи ягон ҳуҷҷат дар худ дарҷ карда бошад он гоҳ ҳаҷун (ҳуҷҷатҳои дигар) ба парванда роҳ ҷой дода мешавад.

Гуфтугӯи телефони гӯшкардашуда ва сабтгардида, мушоҳидаҳои электронӣ, видео ва магнитофонӣ ин гуфтугӯи телефони гӯшкардашуда ва сабтгардида ин намуди далел бештар бо роҳи фаъолияти оперативӣ ҷустуҷӯӣ ба даст оварда мешавад ва проблемаи дар амалия истифода кардани ин намуди далел ба мисли сабтҳои пинҳонӣ ҷой дорад. Ҳангоми ба даст овардани чунин далелҳо дар бисёр ҳолатҳо зарурати гузаронидани экспертизаи садошиносӣ ба миён меояд, чунки шахси таввасути телефон сӯҳбат намуда ноаён аст ва ҳангоме, ки чунин сабтҳо аз ҷониби шахсони амаликунандаи фаъолияти оперативӣ-устуҷӯӣ ба даст оварда шуда бошанд, бояд асосҳои дастрас намудани он, розигии прокурор ва иҷозати суд (судя) ҷой дошта бошад.

Мушоҳидаи электронӣ видеоӣ ва магнитофонӣ бошад ин қадами дурусти қонунгузории муурофиавии ҷиноятӣ мебошад, чунки ҷиноятҳо вобаста ба ахбороти компютерӣ (ва дигар таҷҳизотҳои коркунанда бо чунин ахборот) зиёд шуда истодаанд. Аммо аз сабаби он, ки дар и Кодекси муурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон мафҳумҳои сабтҳои пинҳонӣ, гуфтугӯҳои телефони гӯшкардашуда ва сабтгардида ва мушоҳидаҳои электронӣ, видео ва магнитофонӣ дода нашудааст дар амалия тафтишӣ ва судӣ ин намуди далелҳоро ҳамчун далелҳои шайъӣ ва ё ҳуҷҷатҳои дигар баҳо медиханд, ҳол он, ки бисёре аз олимони илми муурофиавии ҷиноятӣ дар он ақидаанд, ки далелҳои электронӣ бояд ҳамчун далили мустақил дар қонунгузорӣ пешбинӣ гарданд².

Хусусияти фарқкунандаи далелҳои электронӣ дар он зоҳир мегардад, ки чунин намуди далелҳо дар сарчашмаҳои электронии иттилоот мавҷуд буда, на ҳама вақт шахси ваколатдори пешбарандаи парвандаи ҷиноятӣ метавонад бевосита ба онҳо дастрасӣ пайдо намояд.

Моддаи 196 КМҶ ҚТ «Гӯш ва сабт кардани гуфтугӯ» номгузорӣ карда шудааст ва он амали нави тафтишӣ ба ҳисоб меравад. Мазмуни моддаи мазкур аз мазмуни қ. 2 м. 72, ки гуфтугӯи телефони гӯшкардашударо ҳамчун намуди алоҳидаи далел пешбинӣ кардааст, васеътар аст. Ҳамчунин дар м. 81 КМҶ ҚТ, ки ба масъалаи протоколи амали тафтишӣ ва судӣ бахшида шудааст, протоколи гузаронидани амали тафтишии гӯш кардани гуфтугӯи телефонӣ ҳамчун намуди далел алоҳида эътироф карда шудааст.

Аз ин рӯ, ба назари мо зарурияти боз як амали мустақили тафтиширо ҳамчун намуди алоҳидаи далел мустақам кардан дар КМҶ ҚТ ҷой надорад.

Таклиф менамоем, ки банди «гуфтугӯи телефони гӯшкардашуда ва сабтгардида» аз матни м. 72 кодекси хориҷ карда шавад, зеро дар моддаи 196-и кодекс ба назари мо ҳалли ин масъала ба таври дахлдор ва васеъу мушаххас роҳи худро

¹ Ниг: Ҳамон ҷо.

² Ворожбит, С.П. Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / С.П. Ворожбит. - Санкт-Петербург, 2011. - С. 8-11.

ёфтааст. Мазмуни «гӯш ва сабт кардани гуфтугӯ» аз мазмуни «гуфтугӯи телефони гӯшкардашуда ва сабтгардида» васеътар аст»¹.

Ба сифати намудҳои сарчашмаҳои электронии иттилоот инҳо баромад карда метавонанд: воситаҳои компютерӣ, телефони мобилӣ, шабакаҳои интернетӣ, барномаҳои иттилоотӣ паёмкӣ, дигар барномаҳои электронии ирсолӣ иттилоот, флеш-картаҳо, касетаҳои дискӣ лентагӣ ва ғайра.

Ба сифати яке аз сарчашмаҳои ғаёбли электронии иттилоот - ин сабтҳои видеоҳое баромад мекунад, ки аз камераҳои бехатарии муассиса, ташкилот, корхона, ҷойҳои ҷамъиятӣ ва кучаву хиёбонҳо гирифта шудаанд. Дар бисёр мавридҳо далелҳои зикргардида метавонанд раванди содирнамоии ҷиноят, ҷеҳраи ҷинояткор, шарикони ҷиноят ва ё дигар ҳолатҳое ки барои ҳалли дурусти парвандаи ҷиноятӣ аҳамият доранд дар худ сабт намоянд. Инчунин сабтҳои зикргардида метавонанд ба сифати алиби гумонбаршуда, айбдоршаванда ва ё судшаванда баромад намоянд.

Маълумоте, ки аз сарчашмаҳои зикргардидаи иттилоот ба даст оварда мешавад бояд дар муурофияи ҷиноятӣ ба сифати далелҳои шайъӣ, ҳуҷжатҳои дигар, сабтҳои пинҳонӣ, гуфтугӯҳои телефони гушкардашуда ва сабтгардида ва мушоҳидаҳои электронӣ, видео ва магнитофонӣ баҳогузори карда шуда, ба парвандаи ҷиноятӣ ҳамроҳ карда шаванд.

Аммо дар КМҶ ҚТ тартиби гирифтани ҷамъоварӣ ва ба парванда ҳамроҳ намудани иттилооте, ки аз сарчашмаҳои электронии иттилоот гирифта шудаанд пешбинӣ нагардидааст. Ҳоло он, ки иттилооти электронӣ дорои шакли зоҳирӣ, намуд ва дигар нишонаҳои ба худ хос мебошанд, ки аз дигар далелҳои дар олами моддӣ мавҷуд буда, фарқ мекунад. Дастрасӣ ба иттилооти электронӣ дар фарқи аз дигар навъи иттилоот бидуни воситаҳои махсуси техники ғайриимкон мебошад. Бинобар ин дар КМҶ ҚТ зарурати танзими ҳуқуқи алоҳидаи далелҳое, ки аз сарчашмаҳои электронии иттилоот гирифта шудаанд мавҷуд мебошад.

Дар фарқи аз КМҶ ҚТ, КМҶ Россия тартиби алоҳидаи гирифтани нигоҳ доштан ва ба парванда ҳамроҳ намудани иттилоотро, ки аз сарчашмаҳои электронии иттилоот гирифта шудаанд пешбинӣ намудааст.

Чунончи дар б. 1 қ. 2 м. 82 КМҶ ФР омадааст, ки пас аз гузаронидани амалҳои тафтиши муурофиявӣ, ки сарчашмаҳои электронии иттилоот гирифта шудаанд, агар молики қонунашон онҳоро талаб намояд ва баргардонидани онҳо барои парвандаи ҷинояти зарар надоста бошад, онҳо бояд бо розиги ва дар ҳузури соҳиби қонунашон нусагирӣ карда шуда, ба соҳибонашон баргардонида шаванд.

Агар КМҶ ҚТ ва КМҶ ФР-ро дар самти далелҳои электронӣ ва сарчашмаҳои электронии иттилоот таҳлили муқоисавӣ-ҳуқуқӣ намоем, бевосита мушоҳида менамоем, ки КМҶ ҚТ ниёз ба мукамалгардонӣ дар ин самтро дорад. Чунки дар КМҶ ФР тартиби гирифтани, нигоҳдорӣ намудани ва ба соҳибони қонунашон баргардонидани сарчашмаҳои электронии иттилоот муқаррароти алоҳида пешбинӣ шудааст. Инчунин дар КМҶ ФР бо қадом роҳҳо ҷамъоварӣ намудани ва дар ҳузури ки нусабардорӣ намудани иттилооте, ки сарчашмаҳои электроии иттилоот гирифташудаанд низ ба таври алоҳида пешбинӣ шудааст.

Аммо дар КМҶ ҚТ дар ин масъалаҳо ягон муқаррароте мавҷуд намебошад ва зарурӣ ба миён меояд, ки ҳангоми ҷамъоварӣ намудани, санҷидани ва ба парванда ҳамроҳ намудани иттилооти электронӣ, ки аз сарчашмаҳои электронии иттилоот гирифта шудаанд ба муқаррароти умумӣ, ки тартиби ҷамъоварӣ ва ба парванда ҳамроҳ намудани далелҳоро пешбинӣ менамояд муроҷиат намоем.

¹ Хочаева, Н.Б. Сарчашмаҳои далел мувофиқи қонунгузори муурофиявии ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Федератсияи Россия / Н.Б. Хочаева // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. – 2015. - № 3/1 (158). - С. 92-101.

Бояд қайд намуд, ки муқарроте, ки нисбат ба далелҳо дар м. 86 КМЧ ҚТ пешбинӣ шудааст ба талаботи далелҳои электронӣ ҷавобгӯ буда наметавонад, зеро далелҳои электронӣ дорои хусусиятҳои ба худ хос мебошанд, ки онҳоро аз дигар намуди далелҳо фарқ мекунанд. Пеш аз ҳама онҳо дорои шакл ва сохти ғайри моддие мебошанд, ки наметавон ба онҳо ба мисли далелҳои дигар дастрасӣ пайдо намуд.

Ба ақидаи мо муқаррароте, ки нисбат ба далелҳои шайъӣ ва ҳуҷҷатҳои дигар дар КМЧ ҚТ пешбинӣ шудаанд наметавонанд талаботи и иттилотро, ки аз сарчашмаҳои электронии иттилоот гирифта шудаанд қонеъ намоянд. Чунки сарчашмаҳои электронии иттилоот дар шаклҳои гуногун мавҷуд буда, иттилооте, ки дар дохили онҳо мавҷуд аст дар шакли ғайримоддӣ мавҷуд мебошад ва бе истифода аз воситаҳои махсуси техники ба онҳо дастрасӣ пайдо намудан ғайриимкон аст. Яъне дар фарқият аз далелҳои дигар онҳоро наметавон бевосита бо узвҳои ҳиссиёти дарк намуд. Барои дарк намудани онҳо воситаҳои махсуси техники пешбинӣ шудаанд. Баръакси далелҳои электронӣ дигар намудҳои далелҳо хусусияти кушода дошта барои ба онҳо дастрасӣ пайдо намудан ягон хел воситаи махсуси кумақрасон лозим нест ва шахси пешбарандаи муурофияи наметавонад бевосита онҳоро тавассути узвҳои ҳиссиёти дарк намояд.

Дар замони муосир, ки рушди илму техника босуръат идома дорад ва сарчашмаҳои электронии иттилоот низ инкишоф ёфта, намудҳои нави сарчашмаҳои электронии иттилоот ба вуҷуд омада истодаанд ва зарурати онро бавуҷуд овардаанд, ки дар ин масъала дар КМЧ ҚТ диққати махсус дода шавад.

Проблемаи дигаре, ки дар КМЧ ҚТ танзими худро наёфтааст ин ҷамъоварии далелҳои электронӣ тавассути амалҳои тафтишӣ мебошад. Раванди ҷамъоварӣ, тафтиш ва баҳодиҳии далелҳои электронӣ дар муурофияи ҷиноятӣ захираи зиёдеро талаб менамояд. Бинобар ин, интихоби дурусти амали тафтишӣ наметавонад барои расидан ба натиҷаҳои дилхоҳ кумақи беандоза расонад.

Яке аз амалҳои тафтишиё, ки дар рафти он сарчашмаҳои электронии иттилоот муайян карда мешаванд ин азназаргузаронии тафтишӣ мебошад. Маҳз тавассути намудҳои ҷудоғонаи азназаргузаронӣ таҳқиқбаранда, муфаттиш ва прокурор наметавонанд сарчашмаҳои электронии иттилоотро муайян намуда, барои гирифтани ва бо парванда ҳамроҳ намудани он чораандешӣ намоянд.

Дар ин самт низ қонунгузори муурофиявии ҷиноятӣи Ҷумҳурии Тоҷикистон ниёз ба мукамалгардонӣ дорад:

1. Бояд дар м. 6 дар мафҳумҳои асосии КМЧ ҚТ мафҳуми сарчашмаҳои электронии иттилоот дода шавад ба тариқи зайл: “Сарчашмаҳои электронии иттилоот гуфта, чунин сарчашмаҳоеро меноманд, ки дорои хотираи муайяни нигоҳдорӣ буда, дар онҳо иттилооти электронии барои парвандаи ҷиноятӣ аҳамият дошта нигоҳдорӣ карда мешавад ва дорои хусусияти интиқоли ба дигар сарчашмаҳои электронии иттилоот мебошанд”.

2. Дар м. 78 КМЧ ҚТ мафҳуми сабтҳои пинҳонӣ, гуфтугуҳои телефони гушкардашуда ва сабтгардида, мушоҳидаҳои электронӣ, видео ва магнитофонӣ дода шавад то ин ки таҳқиқбаранда, муфаттиш, прокурор, суд, судья тавонанд ҳангоми бо чунин намуди далелҳо рӯ ба рӯ гардидан ба онҳо дуруст баҳогузорӣ намоянд.

3. Дар қ. 3 м. 78 КМЧ ҚТ тартиби гирифтани, ба парванда ҳамроҳ намудани ва ба соҳиби қонуниаш баргардонидани сарчашмаи электронии иттилоот ба тариқи зайл пешбинӣ карда шавад: сарчашмаҳои электронии иттилооте, ки дар ҷараёни тафтиши пешакии парвандаи ҷиноятӣ мусодира шудаанд, вале ҳамчун далели шайъӣ эътироф карда нашудаанд, бояд ба ашхосе, ки аз онҳо мусодира карда шудаанд, баргардонидани шаванд.

4. Дар қ. 4 м. 79 КМЧ ҚТ бояд тартиби нусхабардорӣ намудани иттилооти аз сарчашмаҳои электронии иттилоот гирифташуда ба тариқи зайл дода шавад: Пас аз иҷрои амалҳои ғайри тафтишотӣ, агар имконнопазирии баргардонидани

сарчашмаҳои электронии иттилоот дар чараёни тафтишот ба соҳиби қонунии онҳо мавҷуд набошад маълумоте, ки дар ин воситаҳо мавҷуданд, бо дархости соҳиби қонунии сарчашмаҳои электронии иттилооти мусодирашуда нусхабардорӣ карда шуда, худи сарчаша ба соҳиби қонуниаш баргардонида мешавад. Нусхабардорию чунин иттилоот ба дигар сарчашмаҳои электронии иттилоот, бо иштироки соҳиби қонунии сарчашмаҳои электронии иттилооти ҳабсшуда ё намояндагони онҳо ва мутахассис дар ҳузури шахсони ҳолис дар воҳиди мақомоти тафтишоти пешакӣ ё дар суд гузаронида мешавад.

Ҳангоми нусхабардорию иттилоот бояд шароите муқаррар карда шавад, ки имконияти гум шудан ё тағир ёфтани онро истисно кунад. Нусхабардорию маълумот манъ аст, агар он тавонад ба тафтиши ҷиноят ҳалал расонад. Пас аз нусхабардорӣ сарчашмаҳои электронии иттилооте, ки дорои маълумоти нусхабардоришуда мебошанд, ба соҳиби қонунии васоити электронии гирифташуда ё намояндагони онҳо дода мешаванд. Дар бораи нусхабардорию иттилоот ва ба соҳиби қонуниашон баргардонидани сарчашмаҳои электронии иттилооти мусодирашуда мутобқи талаботи моддаи 172-и кодекси мазкур протокол тартиб дода мешавад.

5. Дар қ. 7 м. 172 КМҶ ҚТ бояд муқаррароти зерин илова карда шавад: Ба протокол негативҳои акс, сурат, диапозитив, кассета, сабти овоз ва видео, нақшаю тарҳ ва схема, қолаб, изу пай, ки ҳангоми пешбурди амали тафтишӣ анҷом дода шудааст, инчунин сарчашмаҳои электронии иттилооте, ки ҳангоми интиқол аз дигар сарчашмаҳои электронии иттилоот ба даст оварда шудаанд ё нусхабардорӣ карда шудаанд, замима мегарданд.

6. Дар қ. 1 м. 182 КМҶ ҚТ азназаргузаронию сарчашмаҳои электронии иттилоот ҳамчун намуди мустақали азназаргузаронӣ пешбинӣ гардад.

Проблемаҳои далелҳо ва навҳои онҳо аз ҷумла, далелҳое, ки дар сарчашмаҳои электронии иттилоот мавҷуд мебошанд дер боз аст, ки диққати олимону муҳаққиқони илми муҳофизати ҷиноятиро ба худ ҷалб намудаанд. Айни замон рушди илму техника ва технологияи иттилоотию коммуникатсионӣ инчунин содирнамоии ҷиноятҳо бо истифода аз технологияи иттилоотӣ зарурати онро ба вуҷуд овардааст, ки як қатор олимону муҳаққиқони ватанию хориҷӣ дар ин самт таҳқиқотҳои илмӣ анҷом диҳанд.

ХУСАИНОВА ШАҲНУРА МАННОНОВНА
омӯзгори калони кафедраи ҳуқуқшиносии Донишкадаи иқтисод ва савдои
Донишгоҳи давлатии тичорати Тоҷикистон
khsainova81@mail.ru

АҲАММИЯТИ КАФОЛАТИ КОНСТИТУТСИОНИИ ТАЪМИНИ ДАҲЛНОПАЗИРӢ ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

ЗНАЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ГАРАНТИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

«**Х**аёт, кадр, номус ва дигар ҳуқуқҳои фитрии инсон дахлнопазиранд»
омадааст дар қисми 2 моддаи 5 Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон¹.

¹ Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон бо тағироту иловаҳои солҳои 1999, 2003 ва 2016 // [Манбаи электронӣ] - Речаи воридшавӣ: <http://www.mmk.tj> Сомонаи расмӣ Маркази миллии конунгузорию назди Президенти ҚТ.

Дахлнопазирии инсон се чанбаъ дорад: рӯҳӣ, моддӣ ва маънавӣ. Дар моддаи мазкур аз назари умум ҳар се дахлнопазирии ҳуқуқи инсон, ҳам рӯҳӣ, ҳам моддӣ ва ҳам маънавиро мушоҳида кардан мумкин аст. Зеро бо дахлнопазир эълон намудани ҳаёти инсон муҳимтарин арзиши инсонӣ - ҳастӣ, зиндагӣ ва умри инсон ҳимоя карда мешавад. Ҳаёти инсон бузургтарин неъмат аст, ки бидуни вай дигар арзишҳо ва ченакҳо қимати худро гум мекунад. Бо дахлнопазирии қадр, номус мо муҳимтарин қисмати зоҳирёбии инсон, ҷаҳони маънавӣ, ахлоқӣ ва фарҳангии ӯ ҳимоя карда мешаванд. Зери истилоҳи «дигар ҳуқуқҳои фитрии инсон» тамоми дигар ҳуқуқҳои фитрӣ, ки барои мавҷудияти инсон ҳамчун махлуқи бошуури иҷтимоӣ, сиёсӣ ва ҳуқуқӣ шарт ва заруранд, дар мадди эътибор гирифта мешаванд. Дар ин ҷо дахлнопазирии ҳаёти шахсӣ, дахлнопазирии шахсӣ, дахлнопазирии ҳаёти рӯҳӣ - озодии вичдон ва амсоли инҳо дар назар дошта шудаанд. Ҳамин тавр Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон бо муқаддас эълон намудани муҳимтарин рукнҳои зиндагии инсон, инсонро ҳамчун маҳаки асосии зиндагии созандаю эҷодкунанда муаррифӣ намуда, дахлнопазирии ҳуқуқҳои фитрии онро муқаррар менамояд.

Номус ва қадри инсон аз муҳимтарин паҳлӯҳои ахлоқӣ ва маънавии инсон аст, ки тавассути онҳо мавҷудияти биологӣ ва иҷтимоии инсон сифати маънавӣ ва фарҳангӣ гирифта, инсон ҳамчун махлуқи бошуур ҷаҳони фарҳангӣ ва рӯҳиро касб менамояд. Номуси инсон дар муносибатҳои байниҳамдигарии инсон бо инсонҳои дигар, давлат ва субъектҳои дигари ҳуқуқӣ ҳамчун чанбаи дахлнопазир ва эҳтиромшаванда зоҳир мегардад. Ба ҳайси чунин сифатҳои муайянкунандаи номус - шаъну шараф, қадр қимат ва манзалати инсон эътироф мешаванд. Чунончи инсонро таҳқир намудан, ӯро нисбат ба дигарон паст задан манъ аст. Қадр ин андоза ва ченаки эҳтироми инсон аст. Ҳар инсон вобаста ба нақшу манзалаташ ченаки андоза дорад, ки дар муносибат бо ӯ атрофиён онро риоя мекунад. Ин андозабандии ахлоқии ҷомеа аст. Аммо Конституция ба сифати чунин андоза меъёри умумро муқаррар мекунад. Қадр қимати ҳар кас бояд дар доираи қонун ҳифз карда шавад. Ченаки он муқаррароти ҳам қонун ва ҳам ахлоқи умум аст.

Тибқи этикаи касбии журналистон, одоби муошират ва дигар меъёрҳои наонавиштаи муносибатҳо амалҳои мавҷуданд, ки истифода ва иҷрои онҳо дар муносибати якдигар ва ё дар ҳолатҳои муайян номумкин аст. Масалан, аз инсон баъзе аз муаммоҳои руҳодаро ва ё эҳтимолият-доштаро ақалан барои аниқ намудани ҳолати қор пурсидан мумкин аст. Вале тавассути васоити ахбор доир ба воқеияти он ҳодиса далели ниҳой надошта, изҳори назар намуда, шахсеро дар он муттаҳам кардан, на ба қонун дуруст меояду на ба ахлоқи инсонӣ. Ва ё қонунҳо дар ҳолатҳои муайян маҳрамияти ҳаёти шахсӣ ва ҳаёти оилавино муқаррар мекунад. Огоҳ шудан аз баъзе маҳрамиятҳои оилаи касе ҳаргиз маънии онро надорад, ки онро тавассути васоити ахбор метавон паҳн намуд. Ё ин ки табиб, ки аз сирри оилавӣ огоҳ мегардад, ҳуқуқ надорад онро ифшо намояд. Зеро ошкор шудани он мумкин аст ба қадр қимат ва манзалати мард ва ё зан зарар расонад.

Аз ин хотир, Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон номус ва қадри инсонро дахлнопазир эълон доштааст. Ҳифзи қадр ва номуси инсон аз як тараф, масъулияти шаҳрвандон ва ташкилотҳои онҳо дар муносибатҳои уфуқии хеш буда, тавассути соҳаҳои ҷудоғонаи ҳуқуқ таъмин карда мешавад ва аз тарафи дигар, ҳуқуқҳои инсон дар муносибатҳои амудӣ аз ҷониби давлат ва мақомоти давлатӣ таъмин карда мешаванд.

Ба сифати номус дар муносибат бо занону духтарон дахлнопазирии ҷисмонии онҳо низ шомил мешавад. Чунончӣ, дар ҳаққи духтарон ё занон суханҳои бад гуфтан ва ё онҳоро дар кирдорҳои зишт гунаҳкор намудан вобаста ба хусусияти равонии ҷомеаи мо ба дахлнопазирии ҳаёти шахсӣ, номус ва қадр қимати онҳо вобаста аст. Ҳамчунин ба ҷо овардани одоби риояи номус ва қадр қимати инсон дар ҷои қор шарт ва зарур аст. Қадр қимат ва шарафи шахс низ омилҳои муҳими зухуроти иҷти-

моию ҳуқукии инсон буда, аз тарафи Конститутсия ҳамаҷониба дифоъ мешавад. Дар рӯзномаю маҷалла, дар ҷойҳои ҷамъиятӣ ва дар танҳои низ ба номус, қадр ва шарафи шахс даҳлат қардан манъ аст. Зеро даҳлнопазирии шахс зери ҳимояи давлат ва Конститутсия қарор дорад.

«Ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрвандро давлат эътироф, риоя ва ҳифз менамояд» омадааст дар қ. 3 м. 5 Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон. Бояд тазаққур дод, ки ҳуқуқу озодии инсон ҷаҳорҷӯбаи зарурат ва қонунии зиндагии инсон аст. Ҳуқуқи инсон ин андозаи амали инкорпазирии ҳуқуқи одам аст, ки бидуни он инсон ҳамчун махлуқи бошуур зиндагӣ қарда наметавонад. Ҳуқуқи инсонро аз паҳлӯҳои мухталиф баҳо медиҳанд. Ҷунонҷӣ, онро чун ҳолати табиӣ ва объективи зиндагии инсонҳо, ё алоқа ва таносуби бо адолати байниҳамдигарии одамон ва инсон бо давлат, ё ин ки чун қисми ҷудонашавандаи табиати инсон арзёбӣ мекунад. Аз назари ҳуқуқӣ, ҳуқуқи инсон маҷмӯи имкониятҳои дар доираи қонун муқарраршудаи амал аст, ки вазъи ҳуқуқи шахсро дар ҷома муқаррар мекунад.

Дар фарқият аз озодӣ ҳуқуқи инсон нисбатан мушаххастар буда, дар он уҳдадорӣ субъекти дигар, аз ҷумла давлат дар муқобили ҳуқуқи инсон муқаррар мегардад. Бидуни он зиндагии мутамаддини инсон номумкин аст. Озодӣ ифодаи ҳуқуқи мухторияти фард аст, ки истифода бурдан аз он ба иродаи инсон вобаста аст. Дар муқобили озодии инсон уҳдадориҳо мушаххас нестанд, дигарон танҳо масъуланд ба иҷрои он монё нашаванд. Ҷунонҷи, қасе ҳуқуқ надорад ба ҳаракати озоди инсон дар қаламрави кишвар монё шавад.

Аммо дар робита бо ҳуқуқи инсон давлат уҳдадор аст вазифаҳои мушаххасро риоя намояд, масалан, дар аснои муруҷиати шаҳрвандон, ё амалӣ намудани ҳуқуқ ба меҳнат ва амсоли инҳо. Маҳдудқонии беасоси озодиро қонун манъ мекунад. Ҳуқуқу озодихоро давлат эътироф мекунад. Яъне, онҳоро ҳамчун заминаи мавҷудияти инсон дар сарчашмаҳои расмии ҳуқуқ эътироф мекунад, риоя ва иҷрои онҳоро бо қафолатҳо таъмин менамояд.

Давлат дар муносибат бо одамон ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрвандро риоя мекунад ва аз дигар субъектҳои риояи онҳоро талаб мекунад. Давлат барои риояи дурусти ҳуқуқу озодиҳо шароит фароҳам меоварад. Давлат ҳуқуқу озодихоро қафолат дода, дар ҳолати вайроншавии онҳо субъектҳо ба ҷавобгарӣ мекашад. Тавассути мақомоти судӣ ва дигар мақомоти ҳифзи ҳуқуқ механизми ҳимояи ҳуқуқу озодихоро муқаррар мекунад. Ҳимояи ҳуқуқу озодиҳои инсон дар Тоҷикистон ҳам воситаҳои дохилӣ ва ҳам байналмилалиро доро аст.

«Даҳлнопазирии шахсро давлат қафолат медиҳад. Ба ҳеҷ қас шиканҷа, ҷазо ва муносибати ғайриинсонӣ раво дида намешавад» омадааст дар м. 18 Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон¹. Ба Конститутсия дохил қардани ин меъёр оид ба манъи шиканҷа, ҷазо ва муносибати ғайриинсонӣ нисбат ба инсон тартиби нави муқаррар намудани меъёр дар ҳуқуқи конститутсионӣ ба ҳисоб меравад ва дар навбати худ қонунгузор ин муқаррароти бунёдиро ҳамчун унсурҳои муҳими принсипи инсондӯстӣ дар ҳуқуқи ҷиноятӣ низ баррасӣ намудааст: «Ҷазо ё ҷораҳои дигари дорои хусусияти ҳуқуқи ҷиноӣ, ки нисбати шахси ҷиноят содирнамуда истифода мешавад, мақсади озори ҷисмонӣ, таҳқири шаъну эътибори инсонро надорад»² (қ. 2 м. 9 Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон).

Таҳти мафҳуми «шиканҷа» ҳама гуна амале фаҳмида мешавад, ки ба воситаи онҳо ба ягон шахс қасдан ё бо дигар сабаби ба таъйиз асосёфта дарду азоби саҳти ҷисмонӣ ва маънавӣ расонида мешавад.

¹ Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон бо тағироту иловаҳои солҳои 1999, 2003 ва 2016. <http://www.mmk.tj> сомонаи расмии Маркази миллии қонунгузори назди Президенти ҶТ.

² Тафсири Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон / зери таҳрири Х.Ҳ. Шарипов. – Душанбе: «Глобус», 2006. - С. 85.

Шиканча ҳамчун муносибати бераҳмонаи шиддатноки барқасдона ва пастзанандаи эътибор бояд пурра аз ғаъолияти шахси мансабдоре, ки аз рӯи парвандаи қиноятӣ қор мебарад, хориҷ бояд гардад.

Ҳама ҳаракатҳои бо шиканча алоқамандбударо дар қонунгузори қиноятӣ ҳамчун қиноят эътироф мекунад. Қунончи мувофиқи моддаи 354 Кодекси қиноятӣ бо роҳи таҳдид ё қирдорҳои дигари ғайриқонунӣ гумонбаршуда, айбдоршаванда, судшаванда, қабрида ё шохидро маҷбур намудан ба додани нишондод, инчунин, қоршиносро барои пешниҳоди хулоса маҷбур қардан аз қониби шахсе, ки таҳқиқи ибтидоӣ, тафтишоти пешакӣ меғузаронад ё адолати судиро татбиқ менамояд, бо маҳрум сохтан аз озодӣ ба мӯҳлати аз ду то панҷ сол, бо маҳрум қардан аз ҳуқуқи ишғоли мансабҳои муайян ё машғул шудан ба ғаъолияти муайян ба мӯҳлати то се сол қазо дода мешавад.

Ғайриқонунӣ дастгир ё ҳабс намудан (м. 358 ҚҚ ҚТ) низ ҳамчун яке аз навҳои шиканча эътироф мешавад. Амалияи то мувофиқи судӣ дар ҳабс нигоҳ доштани шахсони дар муассисаҳои эксперт-тизаҳои судӣ-психиатрии гирифтори бемории рӯҳӣ эътирофшуда низ бояд ҳамчун намуди шиканча баррасӣ шавад.

Яке аз қафолатҳои давлатии дахлнопазирии шахс манъ будани мавриди озмоиши маҷбурии тиббӣ ва илмӣ қарор додани инсон мебошад. Мувофиқан ба ин меъри қонститусионӣ дар қ. 4 м. 13 Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи ёрии равонпизишкӣ» муқаррар шудааст, ки шахсони муқабалони бемории рӯҳиро бо усули қарроҳӣ ё воситаҳои дигаре, ки оқибатҳои рағнашаванда қоранд, тақобат қардан мумкин нест¹. Ғайр аз ин, мавриди озмоиши усулу воситаҳои нави тиббӣ қарор додани қунин шахсон манъ аст.

ЧЕРЕМНЫХ ВАЛЕРИЙ ЮРЬЕВИЧ

старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин и криминалистики
Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России, старший лейтенант полиции
cheremnykhvy@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ МОТИВИРОВАНИИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Одним из важнейших аспектов деятельности суда при осуществлении правосудия является обоснование избрания норм права, подлежащих применению в конкретном деле, а также анализ доказательственной базы и аргументов сторон, составляющих основу для принятия судебного решения. В юридической науке этот аспект традиционно рассматривается как «мотивированность судебного решения». Должным образом мотивированное решение является индикатором того, что совокупность аргументы сторон учтена в полном объеме, а общество, в свою очередь, имеет возможность отследить ход осуществления правосудия.

Еще одним аргументом в пользу особенной важности мотивированности судебных решений, по мнению Т.А. Ильяшевич, является возможность участников процесса и общества к пониманию, а также оценке причин принятия конкретного решения по уголов-

¹ Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи ёрии равонпизишкӣ» аз 2-юми декабри соли 2002, № 90 // [Маенбаи электронӣ] - Речаи қоридшавӣ: <http://www.mmk.tj> Сомонаи расмии Маркази миллии қонунгузори назди Президенти ҚТ.

ному делу. Мотивированность судебного решения, как объяснение механизма принятия решений, также обеспечивает соблюдение принципов гласности и открытости правосудия, способствует принятию справедливых судебных решений и является составляющей права на защиту.

Именно мотивированность судебных решений в контексте объяснения оценки доказательств, квалификации действий, определения вида и размера наказания, а также мотивов опровержения доказательств сторон, является необходимым условием для обеспечения доступности и качества правосудия¹.

Мотивирование судебных решений по своей сути является формой внешнего выражения убеждения судьи как результата оценки им доказательств по правилам, предусмотренным процессуальным законодательством.

Так, оценка доказательств - это умственная деятельность следователя, прокурора, судьи, суда, при участии других участников уголовного производства, которая сводится к тому, что эти субъекты процесса по своему внутреннему убеждению, которое основывается на всестороннем, полном и беспристрастном исследовании всех обстоятельств уголовного производства, руководствуясь законом, оценивают каждое доказательство с точки зрения достаточности, допустимости, достоверности, относимости, а совокупность собранных доказательств - с точки зрения достаточности и взаимосвязи для принятия соответствующего процессуального решения.

Проблемным аспектом в данном контексте является применение судом специальных знаний, а также формирование индивидуальных когнитивных суждений на их основе. Для качественного реагирования на указанную проблематику, существует необходимость поиска инновационных подходов, которые могут уменьшить влияние судейского субъективизма и повысить объективность судебных решений, одним из которых - является применение технологий искусственного интеллекта, что и является основой проводимого исследования.

Проблематика, связанная с анализом влияния искусственного интеллекта на процессы судопроизводства, а также на аспекты уголовного законодательства и его правового регулирования, исследовалась Дж. Сартором и Л. К. Брантингом в их работе «Судебные приложения искусственного интеллекта». Авторы изучали вопросы применения искусственного интеллекта в процессе принятия судебных решений, где высокоразвитые юридические знания сочетаются с когнитивной и эмоциональной компетентностью².

Г. Галлеви в работе «Когда роботы убивают: искусственный интеллект в соответствии с уголовным законодательством» акцентирует внимание на оценке ответственности роботов, машин или программного обеспечения за безопасность, которые имеют разную степень автономности, его теория охватывает аспекты ответственности производителя, программиста, пользователя и всех других вовлеченных субъектов³.

Применение технологий и инструментов искусственного интеллекта также было предметом исследований К. Бренан-Маркеса и С. Хендерсона⁴, Р. Дж. Аллена⁵.

Проблемы имплементации технологий и алгоритмов искусственного интеллекта также изучены в трудах отечественных исследователей - Л.В. Головки¹, А.В. Макутчева², М.А. Малина³ и др.

¹ Ильяшевич, Т.А. Уголовный процесс. Судебное производство. Модули 4-6: учебно-методическое пособие / Т.А. Ильяшевич, В.Б. Вехов. - М.: Издательство МГТУ им. Баумана, 2020. - 64 с.

² Sartor G., Branting K. (2018). Judicial Applications of Artificial Intelligence. Springer Science +Business Media B. - V., 222 p.

³ Hallevy G. (2023). When robots kill: artificial intelligence under criminal. Northeastern University Press. - 272 p.

⁴ Brennan-Marquez, K., Henderson, S. E. (2018). Artificial Intelligence and Role-Reversible Judgment. Journal of Criminal Law and Criminology. - 109 p.

⁵ Allen, R. (2021). Artificial intelligence and the evidentiary process: The challenges of formalism and computation. Artificial Intelligence and Law. - 9 (2/3). - 99-114 p.

Однако, недостаточно изученными являются такие вопросы, как этические и социокультурные особенности внедрения искусственного интеллекта в уголовное правосудие, анализ практических аспектов внедрения искусственного интеллекта в системы правосудия иностранных государств, вопросы безопасности и защиты данных, что и обуславливает актуальность исследований в данном направлении.

Целью нашего исследования является анализ возможностей и вызовов применения искусственного интеллекта в уголовном процессе, в частности - мотивировании судебных решений.

Поставленная цель обусловила необходимость решения следующих задач:

- исследование существующих систем искусственного интеллекта, используемых в судопроизводстве разных стран и определение их потенциала для повышения качества судебных решений;
- определение «полезных» инструментов и преимуществ использования искусственного интеллекта при оценке доказательств и мотивировании судебных решений, а также анализ возможностей программного обеспечения для прогнозирования рисков и разработки эффективных стратегий реагирования на них в уголовном правосудии;
- анализ вызовов и рисков, связанных с применением технологий искусственного интеллекта, таких как защита персональных данных и прозрачность алгоритмов;
- рассмотрение потенциально эффективных правовых механизмов для координации и регулирования процесса использования искусственного интеллекта во время мотивирования судебных решений с учетом этических аспектов.

Так, «искусственный интеллект» – это способность машин или компьютерных систем воспроизводить интеллект, сравнимый с когнитивными способностями человека. Эта широкая область охватывает целый ряд подотраслей, каждая из которых исследует различные аспекты искусственного интеллекта (далее - ИИ). Системы ИИ тщательно разрабатываются и модернизируются с целью восприятия окружающей среды, анализа на основе всей доступной информации и, в конечном итоге, - выполнения действий для достижения конкретных целей⁴.

Так, в судебной системе Великобритании используется система «Harm Assessment Risk Tool» (далее – HART), которая построена на симбиозе передовых методов анализа, а также прогностического моделирования. Основная функция представленного программного комплекса состоит в оказании помощи судьям, а также комиссиям по условно-досрочному освобождению в принятии «взвешенных», а также обоснованных судебных решений путем «объективирования» процесса принятия решений, при значительном уменьшении человеческих суждений.

Кроме того, «Harm Assessment Risk Tool» подвергает «критическому» анализу крайне объемные массивы данных путем применения метода «прогностического моделирования»⁵.

¹ Головкин, Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? / Л.В. Головкин // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 1. – С. 15-25.

² Макутчев, А. В. Современные возможности и пределы внедрения искусственного интеллекта в систему правосудия / А.В. Макутчев // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 8. – С. 47-58.

³ Малина, М.А. Цифровизация российского уголовного процесса: искусственный интеллект для следователя или вместо следователя / М.А. Малина // Российский следователь. – 2021. – № 2. – С. 29-32.

⁴ Сибилькова, А.В. Искусственный интеллект на службе у следователя / А.В. Сибилькова // Российский следователь. – 2019. - № 9(3). – С. 68-70.

⁵ Шейфер, С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма. – 2020. – С. 23.

В Бразилии ряд судебных инстанций используют алгоритмы как полностью автономные системы ИИ, так и «бета-версии» - Верховный федеральный трибунал Бразилии активно применяет ПО, при рассмотрении апелляций, а также в рамках правовых прецедентов.

Верховный суд Индии также активно использует «Портал Верховного суда» («SUPACE»), который увеличивает эффективность работы судов, а также помогает судьям в доступе к необходимой информации.

Таким образом, интеграция технологий искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство имеет огромный потенциал для повышения эффективности, результативности и справедливости системы уголовного правосудия.

Исключая «субъективное начало» в принятии того или иного решения по уголовному делу, алгоритмы ИИ способствуют качественному и беспристрастному решению.

В связи с изложенным перспективой дальнейших научных исследований в данном направлении видится изучение этической стороны использования ИИ в уголовном процессе, а также его правовое регулирование.

ШАРИФЗОДА БАРЗУ РАХМУЛЛО
преподаватель кафедры уголовного процесса факультета № 2 Академии МВД Республики
Таджикистан, старший лейтенант милиции
Barzu.sharifzoda@mail.ru

ШАРИФЗОДА ПАРВИНИ РАХМУЛЛО
начальник кафедры предупреждения террористических преступлений и обеспечения
общественной безопасности факультета № 6 Академии МВД Республики Таджикистан,
кандидат юридических наук, подполковник милиции
Sharifzoda.parvin@mail.ru

ПОНЯТИЕ «СЛЕДОВАТЕЛЬ» В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

Совершенствование законодательства Республики Таджикистан в области понятия «следователь» немислимо без проведения сравнительно-правовых исследований в данной области на примере государств-участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ).

Так, в статье 6 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (далее – УПК РТ), принятом в новой редакции в декабре 2009 года, следователем признается государственное должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу в пределах компетенции, установленной УПК¹.

В УПК Российской Федерации закреплено, чтоследователь является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять предварительное следствие по уголовному делу².

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года, № 564 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2009 г., №12, ст.815, ст.816; Законы Республики Таджикистан от 24.12.2022, № 1926, от 24.12.2022, № 1927, от 03.01.2024, № 2017.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.11.2024).

Согласно ст. 87 УПК Азербайджанской Республики, следователем является лицо, которое в пределах своих полномочий ведет предварительное следствие по уголовному делу в порядке, предусмотренном УПК республики¹.

В УПК Республики Беларусь закреплено положение о том, что следователем является должностное лицо Следственного комитета Республики Беларусь, органов государственной безопасности, осуществляющее в пределах своей компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, предварительное следствие².

Исходя из положений ст. 60 УПК Республики Казахстан следователем признаётся должностное лицо, уполномоченное осуществлять досудебное расследование по уголовному делу в пределах своей компетенции: следователь органов внутренних дел, следователь органов национальной безопасности, следователь антикоррупционной службы и следователь службы экономических расследований, а также прокурор в случаях, предусмотренных УПК³.

УПК Кыргызской Республики под следователем подразумевает должностное лицо, уполномоченное в пределах компетенции, предусмотренной УПК, осуществлять следствие по уголовному делу⁴.

УПК Туркменистана под следователем признаёт должностное лицо, уполномоченное в пределах своей компетенции производить предварительное следствие по уголовному делу и осуществлять иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом⁵.

В ст.35 УПК Республики Узбекистан закреплено, что предварительное следствие по уголовным делам производят следователи прокуратуры, органов внутренних дел и службы государственной безопасности⁶.

УПК Республики Молдова не уточняет понятие следователя⁷.

УПК Республики Армения года под следователем признает должностное лицо, работающее в системе прокуратуры или внутренних дел и национальной безопасности, осуществляющее в пределах своей компетенции предварительное следствие по уголовному делу⁸.

Согласно ст. 55 УПК Украины следователь - это должностное лицо органа Национальной полиции, органа безопасности, органа Государственного бюро расследований, органа Бюро экономической безопасности Украины, Главного подразделения детективов, подразделения детективов, отдела детективов, подразделения внутреннего контроля Национального антикоррупционного бюро Украины, уполномоченное в пределах компетенции, предусмотренной этим Кодексом, осуществлять досудебное расследование уголовных правонарушений⁹.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 года № 907-IQ // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 14.11.2024).

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-3 // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://pravo.by> (дата обращения: 16.11.2024).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus> (дата обращения: 17.11.2024).

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 129 // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://base.spininform.ru> (дата обращения: 18.11.2024).

⁵ Уголовно – процессуальный кодекс Туркменистана от 18 апреля 2009 года № 28-IV // URL: <https://turkmenistan.gov.tm/ru> (дата обращения: 20.11.2024).

⁶ Уголовно – процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2013-XII // URL: <https://lex.uz> (дата обращения: 23.11.2024).

⁷ Уголовно – процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 года № 122-XV // URL: <https://www.legis.md> (дата обращения: 25.11.2024).

⁸ Уголовно – процессуальный кодекс Республики Армения от 30 июня 2021 // URL: <https://base.spininform.ru> (дата обращения: 27.11.2024).

⁹ Уголовно – процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 года № 4651-VI // URL: <https://continent-online.com> (дата обращения: 30.11.2024).

Таким образом, мы наблюдаем определенное единство мнений законодателей государств-участников СНГ в определении следователя.

И дефиниция следователь, закрепленная в УПК Республики Таджикистан является вполне рабочей. Некоторые различия в определениях стран-участников СНГ являются несущественными, однако на ряд из них следует обратить внимание.

Так, УПК Азербайджанской Республики не признает следователя в качестве должностного лица, а в УПК Республики Казахстан прокурор признается следователем в случаях, предусмотренных УПК.

В УПК Республики Узбекистан четкого определения этому понятию нет, однако понятие следователя в УПК Республики Молдова вообще не уточняется.

Таким образом, проведение сравнительно-правовых исследований в рассматриваемой области может дать определенный нормативный и фактический материал для продолжения научных исследований в этом направлении.

**ТАҲҚИҚОТҲОИ ИЛМИИ АДЪЮНКТОН,
АСПИРАНТОН ВА МАГИСТРАНТОН
НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АДЪЮНКТОВ, АСПИРАНТОВ И МАГИСТРАНТОВ**

АБДУЛЛОБЕКЗОДА ТЕМУРМАЛИК АБДУЛЛОБЕК
старший инспектор по международным связям ОНИРИО Академии МВД
Республики Таджикистан, капитан милиции
temurmalik.abdullobekzoda@bk.ru

**ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ПО ДЕЛУ,
В ТОМ ЧИСЛЕ ЕЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ**

Современный этап развития российского и таджикского общества характеризуется ускоренными темпами информатизации многих сфер жизни. В большинстве стран мира создаются и используются новые информационные системы, технологии и устройства, которые позволяют автоматизировать процессы обработки информации, улучшить качество и скорость работы, повысить эффективность деятельности различных субъектов. Информационные технологии становятся главными стратегическими ресурсами человеческого общества. Их активное развитие, включая сервисы по предоставлению онлайн-услуг, электронных платежей, интернет-торговли, оказывает существенное влияние на темпы роста валового внутреннего продукта государства.

Одновременно с обществом развивается и преступность, которая адаптируется к изменяющемуся миру, вырабатывая новые способы совершения преступлений. Все чаще преступные деяния совершаются, к примеру, в сети Интернет. Распространенность подобных деяний обусловлена тем, что в виртуальном мире скорость операций увеличивается по сравнению с реальной жизнью, преступник и жертва могут находиться на удалении друг от друга и отследить виновных лиц гораздо сложнее ввиду сохранения их анонимности, поэтому, зачастую, им удается избежать уголовной ответственности.

Развитие нового типа общества, в котором во главе угла стоят информационные технологии, обуславливают необходимость адаптации уголовного процесса к существующим условиям. Реализовать цели уголовного законодательства невозможно без привлечения виновных лиц к установленной законом ответственности. Вместе с тем, чтобы установить вину конкретного субъекта в совершении преступления, необходимо собрать достаточное количество доказательств.

Кроме того, современные деловые отношения между различными субъектами нередко строятся на основе электронного документооборота. Он упрощает процесс обмена данными, сокращает сроки и расходы на пересылку документов, особенно в тех случаях, когда контрагенты находятся на удаленном расстоянии друг от друга. Все это приводит к тому, что часть информации, имеющей доказательственное значение по уголовному делу, может храниться в электронном виде на определенных носителях.

В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос использования электронной информации в уголовном процессе в качестве доказательства по делу, в том числе ее правовое регулирование. Однако исследование данного вопроса невозможно без уяснения термина «электронная информация». Под таковой следует понимать сведения (сообщения, данные), представленные в виде, пригодном для восприятия человеком посредством их

обработки компьютером или другим электронным устройством. Это может быть электронный документ, изображение, аудио- или видеозапись.

Собирать электронные сведения в рамках производства следственных действий можно с помощью электронных устройств, которые помогут установить обстоятельства происшедшего. Для этого необходимо при производстве предварительного следствия по уголовному делу изъять устройство, являющееся носителем информации: персональный компьютер, ноутбук или их части (например, жесткий диск), мобильный телефон и пр. Однако использовать данные, содержащиеся на указанных носителях, в качестве доказательств по уголовному делу достаточно сложно. Для этого требуются определенные знания и опыт. В первую очередь, необходимо убедиться в подлинности и точности информации путем производства судебной экспертизы или с помощью специалистов в области информационных технологий.

Кроме того, сама специфика формы и порядка сбора электронной информации требуют особого правового регулирования использования такой информации в уголовном процессе. В каждой стране в этом аспекте законодательство развивается по-разному.

Так, в соответствии со ст. 72 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан электронные файлы, аудио- и видеозаписи могут являться доказательствами по уголовному делу. Вместе с тем никаких особых требований к изъятию, хранению и представлению суду такой информации в названном законе не установлено. В этом вопросе актуально рассмотреть опыт Российской Федерации в урегулировании отдельных аспектов обращения с цифровыми носителями данных.

В ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации напрямую электронная информация не указана в перечне допустимых доказательств. Однако в ст. 164.1 УПК Российской Федерации урегулирован порядок изъятия электронных носителей информации. Исходя из смысла ч. 4 ст. 81 УПК Российской Федерации, такие носители являются предметами и могут быть признаны вещественными доказательствами по делу.

Термин «электронные носители информации» упоминается в нормах уголовно-процессуального закона более 35 раз, но при этом его дефиниция законодательно не закреплена. Как отмечает А.И. Зазулин, на таких носителях может находиться цифровая информация разных типов, а потому официальное закрепление указанного термина необходимо для обеспечения единого механизма изъятия и копирования электронной информации¹.

Д.В. Бахтеев и Е.В. Смахтин отождествляют понятие электронных носителей информации с электронными (цифровыми) доказательствами². С их мнением согласиться сложно по следующим основаниям. В ст. 72 УПК Таджикистана и ст. 74 УПК Российской Федерации говорится о том, что доказательствами являются сведения, связанные с уголовным делом и позволяющие сделать вывод о совершении преступного деяния конкретным лицом. Следовательно, электронные (цифровые) доказательства – это сами данные, хранящиеся на электронных носителях, а именно электронные письма и текстовые сообщения, фотографии, видео- и аудиозаписи, электронные документы, программное обеспечение и иные электронные файлы, с помощью которых можно подтвердить или опровергнуть факты, имеющие значение для уголовного дела, а также установить личность подозреваемого (обвиняемого) и иные обстоятельства, подлежащие доказыванию.

¹ См.: Зазулин, А. И. Обоснованность использования термина «электронный носитель информации» в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. – 2016. – № 4 (11). – С. 57.

² См.: Бахтеев, Д. В., Смахтин, Е. В. Криминалистические особенности производства процессуальных действий с цифровыми следами // Российский юридический журнал. – 2019. – № 6. – С. 63.

Как справедливо отмечает А.А. Количенко, электронные носители информации «являются средством собирания, хранения и воспроизведения электронных доказательств в уголовном процессе»¹.

На основе изложенного можно сделать вывод о том, что значимая для уголовного дела электронная информация и носитель, на котором эта информация содержится, выступают в качестве двух самостоятельных категорий. Если такие носители являются предметами и выступают в уголовном процессе как вещественные доказательства, то электронные сведения, по своей сути, не относятся ни к одному из видов доказательств, перечисленных в УПК Таджикистана и УПК Российской Федерации. Особо следует подчеркнуть, что не всегда электронные файлы можно расценить как электронный документ.

Согласно ст. 1 Федерального закона Российской Федерации от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» документами признаются материальные носители, на которых информация представлена в виде текста, изображения или звукозаписи. Аналогичное определение содержится в ст. 1 Закона Республики Таджикистан от 26 декабря 2011 г. № 792 «Об обязательном экземпляре документов»². В том смысле, в котором таджикский и российский законодатели предложили понимать документ, компьютерная программа или программное обеспечение не являются документами. Они представляет собой набор инструкций и алгоритмов, которые компьютер использует для выполнения определенных задач.

А.А. Балашова в своем диссертационном исследовании указывает на то, что по результатам изучения материалов уголовных дел выявлена следующая закономерность: в 93% случаев лица, производящие предварительное расследование, признавали электронную информацию вещественным доказательством, а в 7% случаев – иным документом³.

Вопрос о том, к какой категории доказательств относится электронная информация, важен с точки зрения ее правового регулирования. В связи с чем целесообразно остановиться на нем более подробно, начиная с рассмотрения свойств вещественных доказательств.

Так, в советский период развития науки уголовного права учеными высказывались идеи о том, что предмет, признаваемый вещественным доказательством, ценен для уголовного дела не сам по себе, а только в силу наличия у него определенных качеств, имеющих связь с доказательственными фактами. Отсутствие таких качеств означает отсутствие и доказательственной ценности самого предмета. Таким образом, фактически доказательствами являются свойства (состояния) предмета, но их выражение в определенной форме (в виде материального носителя) позволяет признавать их вещественными доказательствами⁴.

С такой точки зрения электронная информация как «свойство» своего носителя в совокупности с ним должна признаваться вещественным доказательством. Именно на этой логике основаны положения УПК Российской Федерации. Иначе обстоит дело с нормами УПК Таджикистана, где электронные материалы, включая видео- и аудиозаписи, перечислены наряду с вещественными доказательствами. Следовательно, цифровая информация в

¹ См.: Количенко, А. А. Электронные носители информации как источник получения электронных доказательств в уголовном процессе // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2022. – № 1 (47). – С. 116.

² Закон Республики Таджикистан от 26 декабря 2011 г. № 792 «Об обязательном экземпляре документов» [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «Правовой портал Министерства юстиции Республики Таджикистан» (дата обращения: 20.08.2023 г.).

³ См.: Балашова, А. А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2020. – С. 77.

⁴ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе / Р.С. Белкин, А.И. Винберг и др.; отв. ред. Н.В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юридическая литература, 1973. – С. 109.

уголовном процессе Таджикистана расценивается как самостоятельная категория доказательств, не являющаяся вещественными доказательствами.

К.Ю. Яковлева, изучая аналогичные вопросы, в своем исследовании отмечает, что сущность вещественного доказательства не в наличии какого-либо описания, а в материальном отображении обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, во внешнем виде, свойствах или месте нахождения конкретного предмета¹.

Специфика электронного носителя информации в том, что с помощью органов чувств без использования каких-либо технических средств человек не может непосредственно воспринять хранящиеся на нем сведения. Кроме того, информация, находящаяся на таком носителе, может не являться исходной (например, если она скопирована с другого электронного носителя), что ставит вопрос о соответствии данных на носителе с первичными данными, а значит и позволяет усомниться в возможности его признания вещественным доказательством.

Опираясь на мнение К.Ю. Яковлева, можно отметить, что в качестве одного из важнейших свойств вещественного доказательства является его достоверность. Изымая различные предметы в рамках расследования уголовного дела, следователь (дознатель) с определенной степенью уверенности предполагает, что сведения, которые отображаются на этом предмете, являются подлинными, не были изменены или подделаны. В последующем с помощью судебных экспертиз следователь устанавливает взаимосвязи этих сведений с событиями происшедшего. Например, обнаружив на месте преступления стакан с отпечатками пальцев рук, следы крови или иных биологических жидкостей, не возникают сомнения в их подлинности, но устанавливается механизм появления этих следов на месте происшествия, а также взаимосвязи лиц, оставивших их, с событием преступления. При этом важен не только сам след, но и его связь с носителем. Такой же отпечаток пальца, оставленный тем же лицом в другом месте, не будет иметь значения для дела.

Электронная информация не является уникальной, она может копироваться и изменяться много раз, даже если все это время она хранится на одном и том же материальном носителе. Связь электронной информации с ее внешним выражением весьма условна, поскольку изменение носителя не будет влиять на доказательственную ценность самой информации. Более того, ее характеристики не сопоставимы ни с какими материальными объектами.

Опираясь на подобные рассуждения, Д.В. Овсянников приходит к выводу о том, что электронные файлы с точки зрения признания их доказательствами в российском уголовном процессе должны относиться к категории иных документов². Однако ранее в настоящем исследовании уже упоминалось о том, что не всегда электронная информация приобретает вид электронного документа.

В науке уголовного процесса высказываются следующие идеи относительно того, к какой категории доказательств следует относить электронные данные. Если они представлены в виде электронного документа, то подпадают под определение «иные документы» как по УПК Российской Федерации, так и по УПК Таджикистана. Если очевидна связь электронной информации и ее материальным носителем, то в обоих странах она должна признаваться вещественным доказательством по делу. В том случае, если при утере материального носителя информация может быть восстановлена без ущерба для ее доказатель-

¹ См.: Яковлева, К. Ю. Соотношение электронной информации с некоторыми видами доказательств в уголовном процессе // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 2 (180). – С. 154.

² См.: Овсянников, Д. В. Копирование электронной информации как средство уголовно-процессуального доказывания: дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2015. – С. 110.

ственной ценности, то она вещественным доказательством не является¹. Продолжая эту мысль, можно заметить, что в России нет других категорий доказательств, кроме «вещественных» и «иных документов», к которым можно было бы отнести электронную информацию. В свою очередь, в Таджикистане вариативность электронной информации шире, помимо обозначенных двух категорий, электронная информация может относиться к электронным наблюдениям.

Подводя краткий итог изложенному, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, и в России, и в Таджикистане не урегулирован надлежащим образом вопрос использования электронной информации в качестве доказательства по уголовному делу.

Во-вторых, в обеих странах существует необходимость выделения в качестве самостоятельной такой категории, как «электронные доказательства», поскольку значение этого термина шире, чем вещественные доказательства и электронные документы в их совокупности.

В-третьих, в связи с тем, что язык специалистов в области информационных технологий значительно отличается от юридического языка, в УПК Российской Федерации и УПК Таджикистана целесообразно сформулировать определение электронных доказательств, где под ними можно понимать имеющие значение для уголовного дела данные, файлы, программы, программные средства, которые созданы, сохранены, переданы или использованы с помощью электронных устройств (компьютеры, планшеты, смартфоны, средства видео- и аудиозаписи и пр.) и не могут существовать в отрыве от электронных носителей информации.

В-четвертых, УПК Таджикистана требует внесения значительных корректив относительно сбора электронных доказательств, их хранения и дальнейшего использования в уголовном деле. В настоящее время можно констатировать, что таджикский законодатель хотя и предпринял попытку учесть существование таких доказательств, расширив общий перечень, содержащийся в ст. 72 УПК Таджикистана, но никак не отразил специфику работы следователя с ними, поскольку не регулирует этот вопрос никакими другими нормами уголовно-процессуального закона.

АЛИЗОДА АКМАЛДЖОН АЛИ
адъюнкт адъюнктуры Нижегородской академии МВД России
alizoda.akamljon@mail.ru

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ США

История развития и становления государственности в США непосредственно обусловлена совокупностью социально-экономических факторов, коренившихся в системе складывающихся капиталистических отношений. Указанные процессы породили новые негативные социальные явления, к их числу следует отнести преступность, которая напрямую связана с возникающими дисфункциями рыночных отношений. В условиях капиталистического образа жизни преступность превратилась в одну из значимых социаль-

¹ См.: Использование информации, содержащейся на электронных носителях, в уголовно-процессуальном доказывании: учебное пособие / А.А. Балашова, В.Ф. Васюков, Ю.В. Гаврилин и др.; под ред. Ю.В. Гаврилина, А.В. Победкина. – М.: Академия управления МВД России, 2021. – С. 37.

ных проблем, привела к серьезным последствиям нарушения установленного порядка, сложившегося в государстве и закрепленных нормативных правовых предписаний. Характер и масштабность преступности в США, изменение ее количественных и качественных показателей стали серьезно беспокоить правящие круги. В данном случае для целей настоящей работы представляется наиболее эффективным проведение исследования под углом зрения уголовной ответственности юридических лиц. Объясняется это тем, что в США в условиях современных сверхмонополий, сращивания их с государственными структурами, превращения индивидуальной капиталистической собственности в корпоративную собственность в процессе конкурентной борьбы, возросли возможности активизации преступной деятельности юридических лиц¹.

Формирование уголовно-правовой системы США происходило на основании английской системы общего права, оказавшей влияние на институт ответственности юридических лиц. Последний получил свое закрепление в уголовном законодательстве в XIX – XX вв. в период появления капиталистических предприятий, расширения масштабов производства, появлением различных объединений (картелей, корпораций, синдикатов), монополизации рынка, концентрации капитала и производства. В этих условиях возникла потребность законодательной регламентации складывающихся экономических отношений, то есть обусловили принятие антitrustовского законодательства. Указанное законодательство призвано было служить регулятором экономических отношений, охранять демократические институты потребителя, лиц, работающих по найму, обладателей авторских прав и товарных знаков и т.д.² Примером этому могут служить принятые законы, направленные на эффективное противодействие преступлениям, совершаемым юридическими лицами: Закон по торговле между Штатами 1887 года³, Закон Шермана 1890 года⁴, Закон Клейтона 1914 года⁵, Закон о федеральной торговой комиссии⁶, Закон Робинсона-Паттермана⁷.

За совершение противоправных деяний юридические лица (корпорации, тресты и др.) подвергались наказанию в виде денежных штрафов. Вина за совершенное деяние устанавливалась за злоупотребление властью в сфере экономической деятельностью и признавалась противоречащей закону либо заключенным договорам. В дальнейшем в уголовно-правовых актах, законодатель предусматривал ответственность общественных объединений (организаций) с наложением денежных штрафов.

Так, Закон Шермана 1890 года относил в разряд преступлений любые заключенные объединениями договора, ограничивающие свободу торговли между Штатами или иностранными государствами, ведущие к ее монополизации. В этом случае виновные подлежали наказанию на сумму штрафа свыше пятидесяти тысяч долларов⁸. Следует отметить, что согласно позиции Верховного Суда США при толковании Закона Шермана, он должен применяться исходя из правил «разумности», так как закон запрещает не всякое, а только «неразумное» ограничение свободы торговли.

В начале XX века американский законодатель принял ряд законов, направленных на привлечение к уголовной ответственности юридических лиц – корпораций, за нарушение требования законодательства об охране окружающей среды, нарушения правил поставки

¹ США: преступность и политика / отв. ред. Б.С. Никифоров. - М.: «Мысль», 1972. - 338 с.

² Социология преступности (современные буржуазные теории). - М., 1966. - С. 46-47.

³ Interstate commerce act. February 4, 1887. Ch. 104, pt. 1. § 11, 24, 24 stat.

⁴ The Sherman Act. 26 stat. 20-10 (1890). 15 U.S.C., § 1-7.

⁵ The Clayton act, 38 stat. 730-40 (1914). U.S.C. § 12-27.

⁶ The F.T.C. act, 38 stat. 717 (1914). U.S.C., § 41-58.

⁷ The Robinson-Pateman act, 49 stat. 1526-28 (1936). U.S.C., § 13-21.

⁸ The Sherman Act. 26 stat. 20-10 (1890). 15 U.S.C., § 1-7.

товаров, продуктов, без соблюдения санитарно-гигиенических правил, представляющих опасность для жизни и здоровья граждан и т.п.

Однако следует иметь в виду, что положения данного нормативного акта в большей своей части носят рекомендательный характер и служат основой для разработки юридических регламентов и привлечения к ответственности в различных Штатах.

Так, уголовное законодательство штата Нью-Йорк в § 20 устанавливается уголовная ответственность корпораций: корпорация признается виновной в совершении посягательства, если поведение, представляющее собой посягательство состоит из фелонии (преступления), описанный в § 71.27.21 Закона об окружающей среде. Уголовный закон штата Огайо в § 2901.23 предусматривает уголовную ответственность организации, под которой понимается корпорация, созданная с целью получения прибыли, либо без таковой; товарищество с ограниченной ответственностью, совместно рискованные предприятия или некорпоративная ассоциация, то есть учреждение, организованное в качестве представительного органа или самим представительным органом для выполнения правительственной программы, профсоюзы и т.п.

Так, согласно § 2929.31 Штата Огайо, наказание в виде штрафа, определение его размеров, налагаемых на организацию, определяется в зависимости от совершенной фелонии (преступления) различных классов, а также мисдиминоров. Наложение уголовного наказания в виде штрафа на юридическое лицо за различные противоправные деяния не исключает возможности применения к нему гражданской ответственности. Неуплата наложенного штрафа юридическим лицом (корпорацией) в установленный срок, влечет за собой наложение ареста на его имущество. Возложение уголовным законодательством ответственности на корпорацию не исключает ответственность физических лиц за совершение того же деяния.

В штате Техас, как и в целом в США, субъектами преступлений, кроме физических лиц, признаются корпорации и ассоциации. Такой подход позволяет осуществлять дифференциацию уголовной ответственности за многие преступления. Например, в УК Штата Техас субъектам корпоративной уголовной ответственности посвящена подглава «В» Корпорации и ассоциации. В статье 7.21 дается не только перечень субъектов ответственности: представитель; «представитель высшего управленческого звена», представитель корпорации или ассоциации, но и раскрываются характерные признаки, позволяющие определить в каких границах они выполняют интересы корпораций или ассоциаций. В частности, в статье 7.22 определяются пределы уголовной ответственности корпораций или ассоциаций за совершение посягательств исходя из их служебных полномочий. В данном случае корпорации или ассоциации несут ответственность за фелонию только в том случае, если их деятельность была санкционирована: большинством совета управления, в интересах корпорации; представителями высшего управляемого органа, действующих в интересах корпорации.

Следует отметить, что в статье 7.23 УК Техаса предусмотрена ответственность физического лица, если оно действовало от имени и в интересах корпорации, если бы эта обязанность возлагалась законом непосредственно на них.

Проведенное исследование показало, что большинство Штатов США (Нью-Йорк, Пенсильвания, Огайо, Техас и т.д.), исходя из выработанных рекомендаций примерного УК США включили институт уголовной ответственности юридических лиц¹.

Законодательной основой, послужившей правовым ориентиром установления уголовной ответственности юридических лиц, явился Примерный Уголовный кодекс США.

¹ Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные органы / под ред. О.А. Жуткова. - М., 1993. - С. 654-656.

Уголовное законодательство Соединенных Штатов Америки не отличается единством, не имеет структурированной кодифицированной системы. По мнению Шварца и Брауна, уголовное законодательство находится в «хаотичном состоянии», а по заключению Зиглера «фактически непригодно для использования и, несомненно, несправедливым»¹. В общепринятом понимании Федеральное уголовное законодательство в США отсутствует, в связи с этим в практической деятельности используются многочисленные уголовные законы штатов, подзаконные нормативные правовые акты, нормы международного права, права индийских племен², содержащие устаревшие или архаичные положения.

Ответственность юридических лиц (корпораций) урегулирована как в федеральном уголовном законодательстве, так и в уголовных законах штатов, которые действуют самостоятельно, не дублируя друг друга. По общему правилу привлечение к уголовной ответственности юридических лиц не исключает уголовной ответственности непосредственных исполнителей.

Привлечение к уголовной ответственности юридических лиц возможно при наличии следующих условий: корпорация не исполняет возложенные на нее законом обязанности совершать разрешенные действия; корпорация нарушает закрепленные в законе положения, действует вопреки регламентированных правовыми предписаниями целей; противоправное деяние санкционировано советом директоров корпорации или управляющим, действующим в ее интересах; преступное деяние совершается агентом корпорации в пределах своих должностных или служебных полномочий в ее интересах.

Попытки привести уголовное законодательство, отвечающего современным требованиям, не привели к положительному результату, оказались безуспешными³.

Учитывая распространенность совершаемых экономических преступлений, их общественную опасность, расследованием противоправных деяний свыше одного миллиарда долларов занимается Федеральное бюро расследования (далее – ФБР). В процессе своей деятельности ФБР уделяет особое внимание выявлению, предупреждению, пресечению деяний, совершаемых против международных финансовых инструментов, в частности, корпоративному мошенничеству. Его опасность заключается в том, что в процессе совершения деяния путем обмана создаются условия для незаконного получения преимущества в сфере обращения ценных бумаг, страховании, ипотечной деятельности, отмывании преступных доходов, нарушения законодательства о банкротстве, в банковской сфере, получении незаконных преимуществ в сфере бизнеса, инсайдерской деятельности⁴.

Указанные сферы корпоративного мошенничества не ограничиваются названным выше перечнем. К нему также относятся налоговые деликты, подделка финансовой документации, воспрепятствование осуществлению правосудия, совершению любых действий, препятствующих предоставлению запросов комиссии по ценным бумагам США (SEC), других правоохранительных контролирующих органов⁵.

¹ Уголовное право зарубежных государств. Общая часть / под ред. И.Д. Козочкина. - М., 2001. - С. 110.

² Бойко, С.Я. Мошенничество в уголовном законодательстве с англо-саксонскими языками // Общество и право. - 2017. - № 2 (60). - С. 51.

³ Никифоров, В.С., Решетников, В.М. Современное американское уголовное право. - М., 1990. - С. 18.

⁴ Чупрова, А.Ю. Содержание понятия «экономическая преступность» в российском и зарубежном законодательстве / А.Ю. Чупрова // Уголовное законодательство в XXI веке, современное состояние, проблемы трактовки и применения его положений с учетом задач дальнейшего укрепления экономического правопорядка: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Нижний Новгород. 1 марта 2012 года / под ре. П.Н. Панченко, А.В. Козлова. - Н. Новгород. 2012. - С. 123.

⁵ Бойко, С.Я. Мошенничество в уголовном законодательстве с англо-саксонскими языками / С.Я. Бойко // Общество и право. - 2017. - № 2 (60). - С. 52.

В уголовном законодательстве США отсутствует перечень деяний, за совершение которых корпорации могут привлекаться к ответственности. За совершение преступления корпорация привлекается к ответственности в виде штрафа или конфискации имущества.

Особенностью системы наказаний следует признать такой вид наказания как пробация. Пробация – относится к одной из разновидностей видов условного осуждения и применяется к лицам, совершившим преступление не представляющим большой общественной опасности. Осужденное к пробации лицо обязано соблюдать установленные судом ограничения в поведении. Надзор за осужденным в пробации осуществляет сотрудник специальной службы пробации. В случае нарушения лицом установленных ограничительных требований суд имеет право отменить или изменить режим пробации или заменить ее тюремным заключением.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что хоть институт уголовной ответственности юридических лиц уже закреплен в законодательстве США, его признание продолжает оставаться предметом обсуждения. Этот вид ответственности играет ключевую роль в дифференциации наказания за различные преступления и служит средством борьбы с профессиональной («беловоротничковой») преступностью.

В законодательстве США используется система наказаний юридических лиц, включая штраф, конфискацию имущества и пробацию.

АНВАРЗОДА САМАНДАР АНВАР
унвонҷӯи кафедраи муҳофизати ҷиноятии факултети № 2
Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон
e-mail: samandar0040@gmail.com

АҲАММИЯТИ НАТИҶАҶОИ ҶОРАБИНИҶОИ ОПЕРАТИВИЙ-ҶУСТУҶӮЙ ДАР МУҲОФИАИ ҶИНОЯТӢ

ЗНАЧЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Дар шароити имрӯза бо дарназардошти зарурати ҳарчи бештар ва самараноктар ҳимоя ва ҳифз кардани ҳуқуқ, озодӣ ва манфиатҳои қонунии инсон ва шаҳрванд, таҷрибаи истифодаи имконияту воситаҳои падидаи фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ дар рафти тафтиши ҷиноятҳо, афзуда истодааст. Аз назари мо, зарурати инкишоф додани падидаи илмӣ ва амалии истифодаи натиҷаҳои фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ ҳамчун далел бо парвандаҳои ҷиноятӣ то рафт мубрам мегардад.

Ҷараёни исботкунӣ дар раванди тафтишоти ҷиноятҳо нуқтаи марказии ҳама гуна парвандаи ҷиноятӣ мебошад. То кадом андоза тафтишоти пешакӣ бо парвандаҳои ҷиноятӣ сифатнок ва пурра гузаронида шуда бошад, дараҷаи эътимоднокии далелҳои ҷамъовардашуда низ зиёд буда, боварӣ ба ошкор гардидани ҷиноят ҳамон миқдор зиёд мегардад¹. Арзёбии имконият ва зарурияти истифодаи натиҷаҳои фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯиро ҳангоми исботкунӣ бо парвандаҳои ҷиноятӣ хеле душвор аст, зеро аксар вақт танҳо тавассути онҳо гунаҳкорро ошкор ва ба ҷавобгарии ҷиноятии муқаррарнамудаи қонун кашидан мумкин аст.

¹ Раҳимзода Р.Ҳ. Оперативно-розыскная политика по выявлению и раскрытию экономических преступлений в Республике Таджикистан: конкретные проблемы локального нормативно-правового регулирования // Мир политики и социологии. СПб. 2016. №1. С. 179., Авзалов А.Х. Проблемаҳои мубрами назорати прокурорӣ ва назоратбарии судӣ аз болои тафтишоти пешакӣ. // Пайёми ДМТ. 2020. №10-2. С.278.

Мутобиқи моддаи 11 Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ» (минбаъд – Қонун “Дар бораи ФОҶ”) ҷоиз аст, ки натиҷаҳои фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ ба сифати асос барои оғоз кардани парвандаи ҷиноятӣ истифода шаванд, ба мақомоти таҳқиқ, муфаттиш, прокурор ё суде (судяе), ки парвандаи ҷиноятӣ дар пешбурди ӯ қарор дорад, пешниҳод гарданд, ҳамчунин барои исботи марбут ба парвандаҳои ҷиноятӣ тибқи қонунгузори муурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон истифода шаванд¹.

Аз нуқтаи назари мо, яке аз сабабҳои, ки дар раванди тадбиқи ҳуқуқ пурра истифода нагардидани натиҷаҳои фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯиро ҳангоми исботкунӣ маҳдуд мекунад ин талаботи амалкунандаи моддаи 84 Кодекси муурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КМҶ ҚТ) мебошад. Чунон, чи ҳангоми исботкунӣ бо парвандаҳои ҷиноятӣ шарҳи маҳдуд, яъне тариқи муурофиавии тартиби истифодаи натиҷаҳои фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ пешбини шудааст, ки дар аксар мавридҳо саривақт ва самаранок ошкор кардани ҷиноят ва ба ҷавобгариҳои ҷиноятӣ кашидани шахси айбдор мушкил мегардад.

Тибқи муқаррароти Қонун «Дар бораи ФОҶ» воҳидҳои оперативии мақомоти ҳифзи ҳуқуқ дар маҷмуъ ҳуқуқдоранд, ки ба парвандаи ҷиноятӣ маводи гуногуни натиҷаи ҷараёниҳои оперативӣ-ҷустуҷӯӣ гузаронидашударо пешниҳод намоянд, аммо м. 84-и КМҶ ҚТ истифодаи онҳоро дар раванди исботкунӣ душвор менамояд. Ба андешаи як қатор муҳаққиқон натиҷаҳои фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ, аслан, ба талаботи қонунгузори муурофиавии ҷиноятӣ оид ба далелҳои мувофиқат карда наметавонанд, зеро онҳо дар аввал дар дигари самти фаъолияти ҳуқуқӣ ба вучуд омада, бо қоидаҳои шакли муурофиавӣ-ҷиноятӣ вобаста намебошанд ва бинобар тафриқаи низомҳои ҳуқуқии фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ ва муурофиавии ҷиноятӣ натиҷаҳои фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ, аз рӯи таъриф ба натиҷаҳои охири мувофиқат карда наметавонанд². Муҳаққиқони дигар ҳатто амалан мувофиқ набудани ин қоидаи қонунгузори муурофиавиро барои истифода дар раванди исбот қайд менамоянд³. Ин нуқсонҳои ҳуқуқӣ баҳсхоро вобаста ба имконоти истифодаи иттилооте, ки дар натиҷаи фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ ба даст оварда шудааст, барои истифода дар муурофиаи ҷиноятӣ ба миён овардааст.

Вобаста эътирофи натиҷаҳои фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ ҳамчун далел то имруз ду нуқтаи назар мавҷуд мебошанд.

Аввалан. Як қатор муҳаққиқони барқарор намудани низомҳои ҳуқуқии муурофиаи ҷиноятӣ, ки дар замини Шӯравӣ амал мекард ва дар қ. 2 м. 29-уми Асосҳои муурофиаи ҷиноятӣ СССР ва республикаҳои иттифоқӣ аз 12 июни соли 1990 пушбинӣ гардида буд ҷонибдорӣ менамоянд, ки тибқи он истифодаи натиҷаҳои фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ ба сифати далели бевосита ва бавосита дар парвандаҳои ҷиноятӣ бо шартҳои санҷиши мувофиқати онҳо ба қонунгузори муурофиавӣ аз ҷониби мақомоти тафтишоти пешакӣ ё суд муқаррар гардида буд. Тавре С.В. Зуев қайд менамояд, ба сифати далел истифода намудани натиҷаҳои фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ қомилан дуруст аст, ҳарчанде, ки зарурати ворид

¹ Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ» аз 25 март 2011с. // АМО РТ. – 2011. – №3. – М. 155; – 2014. – №7, қ. 1. – Ст. 387.

² Россинский С. Б. Проблема использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности требует окончательного разрешения // Lex russica (Русский закон). 2018. № 10 (143). С. 72. Земскова А. В. Актуальные вопросы применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Новый Уголовно-процессуальный закон: теория и практика применения: материалы межведомств. «круглого стола» / под ред. О. А. Галустьяна, О. И. Цоколовой. М.: МосУ МВД России, 2003. С. 50–51;

³ Петуховский А.А. Проблемы доказывания в уголовном процессе (совершенствование законодательства и правоприменительной практики). М.: Академия управления МВД России, 2009. С. 97.

намудани баъзе тағйирот ба қонунгузории амалқунандаро баҳри ба таври мушаххас танзим кардани ин масъала ҷой дорад¹. Муҳаққиқи дигар В.М. Бозров бевосита пешниҳод менамояд, ки натиҷаҳои фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ ба рӯйхати далелҳои пешбининамудаи қонунгузории муурофиавии ҷиноятӣ дохил карда шаванд². Истифодаи натиҷаҳои фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ дар муурофиаи ҷиноятӣ аз ҷониби дигар муҳаққиқон низ қайд мегардад³.

Дуюм. Муҳаққиқоне, ки нуқтаи назари муҳолифро ҷонибдорӣ менамоянд, яъне иттилоотеро, ки тавассути усулҳои оперативӣ-ҷустуҷӯӣ ба даст оварда мешавад, ҳамчун далел «дар шакли холис» эътироф намеқунанд. Чунин иттилоот ба андешаи онҳо бояд танҳо ҳамчун “манбаи муайяни иттилоотӣ” эътироф карда шавад, ки дар асоси он мақомоти тафтишоти пешакӣ ва суд минбаъд бо тартиби муқаррарнамудаи қонуни муурофиавии ҷиноятӣ, далелҳои асосиро ба расмӣ медароранд ё ба даст меоранд⁴. Мавриди зикр аст, ки иттилооти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ ба таърифи меъёрии далел мувофиқат накарда, тибқи қонунгузории муурофиавии ҷиноятӣ далел эътироф намегардад ва ҳилофи моддаи 84 КМҶ ҚТ мебошад⁵.

Ба андешаи муҳаққиқон натиҷаҳои фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯиро ҳеҷ гоҳ ба далел табдил додан мумкин нест. Дар баробари ба ақидаи онҳо андешаи ин муҳаққиқон вазифаи асосии онҳо ҳамчун асос, заминаи ташаккули далелҳои муурофиавӣ мебошад⁶. Як қатор норасоии муурофиавии ба сифати далел эътироф намудани натиҷаҳои фаъолияти оперативӣ-тафтишотиро қайд намуда, ғайриқобили қабул набудани эътирофи натиҷаҳои ФОҶ дар муурофиаи ҷиноятӣ дар адабиёти илмӣ бештар қайд мегардад⁷.

Ҳамзамон бояд қайд намуд, ки натиҷаҳои фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ иқтидори бузурги иттилоотӣ доранд ва истифодаи онҳо дар исботи парвандаи ҷиноятӣ ба мақсад мувофиқ мебошад. Тавре таҳлили амалияи судӣ нишон медиҳад натиҷаҳои баъзе ҷорабиниҳои оперативӣ-ҷустуҷӯӣ дар бештари ҳолатҳо ягона манбаи иттилоотии мебошанд, ки ба ошкорсозӣ ва исботкунии ҳолатҳои омодагӣ, содир кардан ё пинҳон кардани ҷиноят, аз он ҷумла ба даст овардани далелҳои ба

¹ Зуев С.В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств // Уголовное право. 2007. № 3. С. 97.

² Бозров В.М. Результатам оперативно-розыскной деятельности – статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. 2004. № 4. С. 48;

³ Раҳимзода Р.Ҳ. Ба сифати далелҳо мубаддал гардонидани натиҷаҳои фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ: проблемаҳои ҷойдошта / Р.Ҳ. Раҳимзода // Қонуният. Маҷаллаи илмию амалӣ ва назариявии Прокуратураи генералии Ҷумҳурии Тоҷикистон. Нашри махсус. -2014. -№ 5. -С. 127., Маҳмудов И.Т. Истифодаи натиҷаҳои фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ дар фаъолияти исботкунӣ бо парвандаҳои ҷиноятӣ / И.Т. Маҳмудов // Қонуният. Нашри махсус. -2014. -№ 5- С. 127., Хочаева Н.Б. Проблемаҳои истифодаи натиҷаҳои фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ дар исботкунӣ / Н.Б. Хочаева // Паёми ДМТ (маҷаллаи илмӣ) Қисми 2 №3/8 (150). - Душанбе: Сино, 2014. -С. 319.

⁴ Абдуллоев П.С. Далелҳо ва исбот дар муурофиаи ҷиноятӣ. Китоби дарсӣ / П.С. Абдуллоев. “ Душанбе: ЭР-граф, 2019.- С.186

⁵ Кодекси муурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон. Қонуни ҚТ №564 аз 3.12.2009.

⁶ Астафьев Ю В. Оперативно-розыскной и доказательственный аспект уголовно-процессуального познания // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства: материалы междунар. науч.-практ. конф. Иркутск: БГУЭП, 2014. С. 24.

⁷ Доказывание в уголовном процессе. учебник для бакалавриата и магистратуры / В.А. Лазарева – М.: Юрайт, 2014. С. 40; Изотова Н.В. Использование оперативнорозыскной информации в обеспечении доказывания в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. канд. юрид. наук. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2003. С. 8; Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М.: ИНФРА-М, 2006. С. 554; Волосюк П.В. Проблемы использования результатов оперативнорозыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука. 2013. № 1. С. 39; Победкин А.В. Тайное проникновение оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 107 и др.

истилоҳ калидӣ имкон медиҳанд, ки бе онҳо қабули ҳукми қонунӣ ва асосноки судӣ ғайриимкон мегардад. Масалан, ба аризадиҳанда “В” пулҳое, ки бо таркиби махсуси кимиёвӣ навиштаҷоти “пора” инъикосшуда дода шуда, дар баданаш пинҳони таҷҳизоти сайёрии сабти овоз назб шуда буд. Баъдан аз аризадиҳанда “В” хоҳиш карда шуд, ки бо шахси мансабдор дар ҷои муқарраршуда – дар автомашинаи шахсии ӯ вохӯрад ва маблағи зикршударо ба ӯ диҳад. Пас аз чанд дақиқаи вохӯрӣ автомашина дар постгоҳи доимии БДА боздошт ва февран аз санҷиши оперативӣ гузаронида шуд. Пулҳо аз ҷайби паҳлӯи дар тарафи чапи курсии ронанда ҷойгиршуда ёфт шудааст. Дар ин бораи маводи оперативӣ тартиб дода шуд. Минбаъд маводи ин ҷорабиниҳои оперативӣ-ҷустуҷӯӣ барои ворид намудан ба парвандаи ҷиноятӣ пешниҳод гардида, бо мақсади ба ҷавобгариҳои ҷиноятӣ кашидани шахси порагиранда истифода гардиданд.

Мушкилии дигар дар он аст, ки КМЧ ҚТ дар айни замон механизмҳои ҳуқуқиеро пешбинӣ наменамояд, ки имкон диҳанд натиҷаҳои фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ ба раванди ҷиноятӣ ворид карда шаванд, аз ҷумла шакли муурофиавии далелҳоро. Тавре маълум аст, шакли муурофиавӣ ин тартиби муқаррарнамудаи қонунгузориҳои муурофиавӣ, тартиби (маҷмӯи қоидаҳо) пешбурди парвандаи ҷиноятӣ дар маҷмӯъ ва татбиқи амалҳои алоҳидаи муурофиавии ҷиноятӣ (анҷоми ҳаракатҳои муурофиавӣ, қабули қарорҳои муурофиавӣ) мебошад¹. Бинобар ин, натиҷаи фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ барои парвандаи ҷиноятӣ танҳо дар сурати ба шакли муурофиавӣ мувофиқат кардан аҳамиятнок мегарданд, ки тибқи тартиби муқаррарнамудаи КМЧ ҚТ анҷом дода шуда, ба талаботи муурофиавӣ ҷавобгӯ бошанд. Ҳамзамон зоҳиран «дар рӯи коғаз» натиҷаҳои ФОҶ ба модда 84-и КМЧ ҚТ муҳолиф нестанд ва метавонанд ҳамчун воситаи исботкунӣ дар муурофиаи ҷиноятӣ истифода шаванд.

Мавриди зикр аст, ки натиҷаҳои як қатор ҷорабиниҳои оперативӣ-ҷустуҷӯӣ, ки бо дарки бевоситаи ҳолатҳои воқеияти объективӣ алоқаманданд, ҳамчун воситаи исботкунии муурофиавӣ аҳамияти ҳуқуқии мустақил доранд. Иттилооте, ки дар рафти фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ ба даст оварда мешавад набояд ҳамчун як навъ заминаи иттилоотӣ барои ташаккули далелҳо ҳисоб карда шавад, балки чунин иттилоот бояд ҳамчун як намуди мустақили далел, тибқи қарори дахлдори мақомоти давлатӣ (мақомоти тафтишоти пешакӣ ё суд), ки ба парвандаи ҷиноятӣ дохил шудани онҳоро муайян мекунад, ба онҳо заминаи ҳуқуқӣ медиҳад ва имконияти истифодаи пурраи онҳоро барои асоснок кардани ҳукм диҳанд. Чунки, натиҷаҳои ФОҶ дар аксар мавридҳо барои таъмини нишондод, далелҳои шайъи, ҳуҷҷатҳо ва дигар намудҳои далелҳо, хизмати калон мекунанд.

Истифодаи чунин натиҷаҳои фаъолити оперативӣ-ҷустуҷӯӣ ҳамчун воситаи исботкунӣ ба ҳеҷ ваҷҳ нисбат ба ҳама иттилоот ва маводи дар рафти фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ ба даст овардашуда рабт додан мумкин нест. Чунин иттилоот бояд як қатор шартҳои муурофиавии пешбининамудаи КМЧ ҚТ дар бар гирад, аз ҷумла:

1. Ба сифати воситаи исботкунии ҳолатҳои парвандаи ҷиноятӣ танҳо натиҷаҳои баъзе ҷорабиниҳои оперативӣ-ҷустуҷӯӣ, ки ба чунин талабот мувофиқат мекунанд, эътироф карда мешаванд:

а) қонунӣ будани гирифтани онҳо;

¹ Медведева М.О. Уголовно-процессуальная форма информационных технологий: современное состояние и основные направления развития: дис. канд. юрид. наук. М.: МосУ МВД России имени В. Я. Кикотя, 2018. С. 45; Чухраев Д.А. Соотношение формы, принципов и гарантий уголовного судопроизводства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4 (70), № 2. С. 155 и др.

- б) дарки бевоситаи онҳо аз ҷониби кормандони оперативӣ;
- в) такрорнашаванда будан, яъне имконнопазирии такроран ба даст овардани онҳо аз ҷониби мақомоти тафтишоти пешакӣ ё суд;
- г) санҷиши эҳтимолии мувофиқат, қобили қабул, эътимоднокӣ ва ҷоизии онҳо тавассути воситаҳои муҳофизати ҷиноятӣ.

2. Истифодаи натиҷаҳои фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ ҳамчун воситаи исботкунии муҳофизати ҷиноятӣ танҳо дар якҷоягӣ бо дигар далелҳои ба онҳо мувофиқ, яъне танҳо дар сурате роҳ дода мешавад, ки итилооти дар онҳо мавҷудбуда бо митилооти дигар, ки ҷониби мақомоти таҳқиқ, тафтиши пешакӣ ё суд мувофиқи тартиби муқаррар намудаи қонунгузори муҳофизати ҷиноятӣ, тасдиқ карда шаванд.

Ҳамин тавр ба андешаи мо таҳия намудани як қатор пешниҳодҳо оид ба ворид намудани тағйироту иловаҳо ба КМЧ ҚТ зарур аст, аз ҷумла:

1. Дар моддаи 72-и Кодекси муҳофизати ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон қисми сеюм бо мазмуни зайл, илова карда шавад: «Натиҷаҳои фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯии ба даст овардашуда ба шарте далел эътироф карда мешаванд, ки бо риояи муқаррароти Кодекси мазкур ҷамъоварӣ шуда бошанд».

2. Моддаи 84-и Кодекси муҳофизати ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон ба мазмуни зерин, таҳрир карда шавад:

«1. Ҳангоми исботкунии натиҷаҳои фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ, ки мутобиқи қонунгузорӣ дар бораи фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ анҷом дода шудаанд, метавонанд бо шартҳои тафтиш ва баҳодихии мувофиқат, бо назардошти қобили қабул ва эътимоднокии онҳо, бо тартиби муқаррарнамудаи Кодекси мазкур ба сифати далел истифода шаванд.

2. Натиҷаи фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ ба сифати далел танҳо дар он ҳолат бояд эътироф карда шавад, ки агар иттилооти дар он мавҷудбуда тавассути амалҳои тафтишӣ, судӣ ё дигар амалҳои муҳофизати пешбиниамудаи Кодекси мазкур ба даст овардан имконнопазир бошад».

ДЕНИСОВ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

аспирант факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Московской академии Следственного комитета

Российской Федерации имени А.Я. Сухарева

e-mail: comp58@mail.ru

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

В научной и учебной литературе традиционной классификацией следственных* и иных процессуальных документов, составляемых на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, является их разделение на две большие группы: протоколы и решения. Протоколы удостоверяют факт производства, содержание и результаты следственных и иных процессуальных действий. Решения – это правоприменительные акты, которые со-

* В данной статье под понятием «следственные документы» понимаются процессуальные документы, составляемые следователем и иными участниками уголовного судопроизводства, осуществляющими расследование преступлений (дознатель и др.).

держат ответы на правовые вопросы, возникающие при производстве по делу, и реализующие властные предписания компетентных государственных органов и должностных лиц об определенных правовых действиях¹.

Вместе с тем, исследователями не уделяется должного внимания классификации следственных документов с точки зрения их правовой регламентации, что, по нашему мнению, требует научных исследований, результаты которых могут иметь важное научное и прикладное значение. Указанное предопределило актуальность раскрываемой в настоящей работе проблемы.

Так, согласно ч.ч. 1 и 3 ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (далее – УПК РТ)², к законодательству Республики Таджикистан, определяющему порядок производства по уголовным делам, относятся УПК РТ, основанный на Конституции Республики Таджикистан, а также международные правовые акты, признанные Таджикистаном.

Указанное свидетельствует о том, что составляемые следователем процессуальные документы регламентируются лишь перечисленными выше источниками уголовно-процессуального права.

Вместе с тем, в юридической литературе отмечается, что источником уголовно-процессуального права является уголовно-процессуальный закон, который следует рассматривать в широком смысле слова как уголовно-процессуальное законодательство. Так, Н.С. Манова отмечает, что «Термин «уголовно-процессуальный закон» не должен пониматься так, как будто речь идет об одном каком-либо законе – нормативно-правовом акте. Под понятием «уголовно процессуальный закон» подразумеваются Основной закон – Конституция, международные договоры, ратифицированные Республикой Таджикистан, УПК, а также другие законы, содержащие уголовно-процессуальные нормы»³.

При этом, системный анализ УПК РТ показывает, что понятие «уголовно-процессуальный закон» не имеет законодательного определения и лишь упоминается в тексте и наименованиях статей УПК РТ (например, в ч. 3 ст. 3, ст. 4).

В связи с чем, составляемые следователем процессуальные документы могут регламентироваться не только УПК РТ и международными правовыми актами, но и иными нормативными правовыми актами.

Таким образом, по нашему мнению, можно предложить новое основание классификации составляемых следователем процессуальных документов – в зависимости от степени их регламентации уголовно-процессуальным законом. По указанному основанию все следственные документы можно разделить на следующие группы:

1) Документы, предусмотренные только УПК РТ и неурегулированные другими нормативными правовыми актами, определяющими порядок уголовного судопроизводства.

В данном случае считаем нецелесообразным приводить конкретные примеры следственных документов указанной разновидности, поскольку, объективно не представляется возможным рассмотреть весь массив других (кроме УПК РТ) нормативных правовых актов, определяющих порядок уголовного судопроизводства, с точки зрения регламентации ими конкретных процессуальных документов, составляемых следователем.

¹ Уголовное судопроизводство Республики Таджикистан: учебник / под ред. Н.С. Мановой, Ю.В. Францифорова, Р.Р. Юлдошева. – Душанбе: «ТАДЖПРИНТ», 2017. – С. 39-40.

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03.12.2009, № 564 // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304&pos=6;-106#pos=6;-106&sel_link=1005520644 (дата обращения: 29.10.2024).

³ Уголовное судопроизводство Республики Таджикистан: учебник / под ред. Н.С. Мановой, Ю.В. Францифорова, Р.Р. Юлдошева. – Душанбе: «ТАДЖПРИНТ», 2017. – С. 49-52.

2) Документы, одновременно указанные как в УПК РТ, так и в других нормативных правовых актах, определяющих порядок уголовного судопроизводства, например:

– постановление об освобождении подозреваемого (обвиняемого) – ч. 1 ст. 99 УПК РТ и ст. 49 и ч. 1 ст. 50 Закона Республики Таджикистан от 28.06.2011 № 720 «О порядке и условиях содержания под стражей подозреваемых, обвиняемых и подсудимых»¹;

– постановление о выплате судебных издержек – ч. 3 ст. 138 УПК РТ и п. 8 ст. 31 Закона Республики Таджикистан от 18.03.2015 № 1182 «Об адвокатуре и адвокатской деятельности»²;

3) Документы, не регламентированные УПК РТ и предусмотренные только другими нормативными правовыми актами, определяющими порядок уголовного судопроизводства, например, постановление о переводе подозреваемого (обвиняемого), содержащегося в следственном изоляторе, в изолятор временного содержания – ч. 2 ст. 13 Закона Республики Таджикистан «О порядке и условиях содержания под стражей подозреваемых, обвиняемых и подсудимых».

Предложенная нами классификация процессуальных документов следователя имеет большое теоретическое и практическое значение. Разделение таких документов в зависимости от степени их регламентации уголовно-процессуальным законом в совокупности с другими классификациями позволяет наиболее полно и всесторонне исследовать их понятие, сущность, признаки, особенности составления, их место в системе процессуальных документов. Кроме того, знание следователями нормативных правовых актов, регламентирующих конкретные виды следственных документов, напрямую взаимосвязано с законностью составления таких документов, обуславливает их обоснованность и мотивированность, существенно повышает качество подготавливаемых процессуальных документов.

В заключении отметим, что вопросы классификации следственных документов в зависимости от степени их регламентации уголовно-процессуальным законом являются многогранными и требуют дальнейшего рассмотрения и детального изучения.

ДЖАЛИЛОВ ФАРИДУН МУЗАФАРОВИЧ
адъюнкт адъюнктуры Нижегородской академии МВД России
jalilov.f.m@bk.ru

ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРИЗНАНИЕМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, НЕДОПУСТИМЫХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В теории доказательств центральное место занимает проблема использования недопустимых доказательств, которая неоднократно привлекала внимание ученых. Законодатель подчеркивает высокую значимость соблюдения правил допустимости доказательств в уголовном процессе, поскольку это необходимо для защиты законных интересов

¹ Закон Республики Таджикистан «О порядке и условиях содержания под стражей подозреваемых, обвиняемых и подсудимых» от 28 июня 2011 г., № 720 // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31039096&ysclid=m2ubtdtufa276275294 (дата обращения: 29.10.2024).

² Закон Республики Таджикистан «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» от 18 марта 2015 г., № 1182 // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=36807366&ysclid=m2ubvfw7oi128524030 (дата обращения: 29.10.2024).

участников процесса и гарантии их прав. Это подтверждается ч. 3 ст. 9 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (далее – УПК РТ) и ст. 88(1) УПК РТ¹.

Несмотря на существующие нормы, практика показывает, что нарушения процессуальных норм при собирании доказательств, допускаемые профессиональными участниками судебных разбирательств, становятся все более распространенными. Это указывает на актуальность данной проблемы. К тому же, сами судьи не разработали единого подхода к оценке и проверке допустимости доказательств, полученных с возможными нарушениями установленных правил.

По мнению доктора юридических наук В.В. Терехина, любое нарушение процессуальных норм должно лишать доказательства статуса допустимых. Эта позиция часто используется защитниками, которые стремятся не только к выявлению реальных нарушений в процедуре собирания доказательств, но и к нахождению формальных несоответствий. Их аргументация сводится к тому, что соответствие процедур получения доказательств всем требованиям УПК Российской Федерации является основополагающим фактором для признания доказательства допустимым².

Согласно ст. 88(1) УПК РТ, доказательства, полученные с нарушениями требований УПК РТ, являются недопустимыми¹. Однако законодательство не конкретизирует признаки рассматриваемых нарушений, отсутствуют ссылки на конкретные правовые нормы, определяющие, какие доказательства признаются юридически недействительными по данному критерию. Неоднозначность формулировки не позволяет однозначно трактовать изучаемое правило, и более того, допускает его применение на практике в рамках закона.

Согласно УПК РТ, доказательства по уголовному делу должны быть получены законным путем. Хотя термин «допустимость» прямо не определен в УПК РТ, его значение можно вывести из ч. 1 ст. 88(1) УПК РТ. Допустимыми считаются только те доказательства, которые получены в строгом соответствии с действующим законодательством.

На практике доказательства признаются недопустимыми по следующим основаниям: из материалов уголовного дела № 2-37/98, рассмотренного Ростовским областным судом, постановлением прокурора был исключен протокол обыска, проведенного 19 марта 1997 года заместителем начальника ОУР Азовского ОВД как недопустимое доказательство. Основанием для признания доказательства недопустимым послужило производство данного следственного действия неуполномоченным лицом, так как в материалах уголовного дела отсутствовало соответствующее поручение со стороны следователя, производившего предварительное расследование³.

Например, ч. 6 ст. 172 УПК РТ определяет, что «каждая страница протокола подписывается следователем, допрошенным лицом, переводчиком, специалистом, понятым и другими лицами, участвовавшими в производстве следственного действия». Допустим, следователь составил протокол на 5 страницах. На второй странице протокола отсутствует подпись следователя. В данном случае есть нарушение УПК РТ. Однако, по нашему мнению, не любое нарушение требований УПК в ходе получения доказательства делает его недопустимым, а только существенное нарушение уголовно-процессуального закона⁴.

Часть 2 ст. 88(1) УПК РТ предусматривает, что недопустимость доказательств, а также ограничение их использования в уголовном процессе устанавливаются дознавате-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года, № 564 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.01.2024 г.)

² Терехин, В.В. Допустимость уголовно-процессуальных доказательств: сущность, содержание, происхождение / В.В. Терехин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 20. – С. 117-121.

³ Золотых, В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. - Ростов н/Д, 1999.

⁴ Абдуллоев, П.С. Международно-правовая помощь при собирании и проверке доказательств по уголовным делам: УПК Республики Таджикистан: дис...канд. юрид. наук: 12.00.09 / П.С. Абдуллоев. – М., 2014. – С. 33.

лем, следователем, прокурором, судом, судьей по их собственной инициативе или по ходатайству сторон¹.

А.А. Васяев отмечает, что «Предположим, адвокат нашел неприемлемые доказательства правоохранительных органов. В пределах юридических полномочий, предоставленных адвокатом, защита может обратиться только к следователю, чтобы исключить такие доказательства. Судьба такого ходатайства известна – следователь откажется удовлетворить его, поскольку вряд ли он уничтожит обвинение, сделанное своими руками»².

Здесь необходимо уточнить: сторона защиты может не подавать запрос такого рода во всех случаях, а только иметь ксерокопию протокола следственного действия, по ходу которого, по его мнению, были возможные нарушения (например, протокол обыска в квартире подозреваемого). Остальные варианты менее вероятны, пока обвиняемый не ознакомится с материалами уголовного дела и не направит в суд. К сожалению, эта ситуация не изменится без пересмотра модели досудебного уголовного судопроизводства³.

При оценке заключения судебно-медицинской экспертизы как доказательства в уголовном процессе важно учитывать ключевые факторы: относимости, допустимости и достоверности. Допустимость заключения определяется соблюдением всех процессуальных норм, включая правильное назначение и проведение экспертизы, наличие у эксперта соответствующей квалификации, соблюдение требований к оформлению исследуемых материалов и самого заключения.

Также, считая доказательства недопустимыми, стоит рассмотреть проблему правового регулирования действий прокурора. С юридической точки зрения этот процесс не создан, порядок принятия процессуального решения к рассмотрению не уточняется. Это упущение не позволяет однозначно представить механизм, с помощью которого прокурор осуществляет свое право объявлять доказательства недопустимыми. Это касается и момента передачи следователем уголовного дела прокурору и утверждения обвинительного заключения, акта, постановления, с передачей дела в суд, так и возможности исключения прокурором доказательства в ходе расследования⁴.

Проведя анализ правовых норм, регулирующих признание доказательств недопустимыми в уголовном процессе, можно сделать следующие выводы:

- при решении вопроса о допустимости доказательств следует исходить из степени нарушения требований закона, допущенных при проведении конкретного следственного действия;
- существующее законодательство, регулирующее недопустимость доказательств, нуждается в совершенствовании. Одним из возможных путей достижения этой цели является внесение соответствующих поправок к ст. 88(1) УПК РТ, в которых будут изложены правила, позволяющие признать недопустимые доказательства допустимыми.

Думается, что высказанные предложения позволят решить существующие сегодня в науке и практической деятельности проблемы, связанные с доказательством по уголовным делам, и усовершенствовать процесс расследования уголовных дел.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года, № 564 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.01.2024 г.).

² Васяев, А.А. Признание доказательств недопустимыми в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе: монография / А.А. Васяев. – М., 2010. – С. 43.

³ Россинский, С.Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу: автореф... дис. д-ра юрид. наук: 12.00.09 / С.Б. Россинский. – М., 2016. – С. 14.

⁴ Березина, Е.С. Проблемные вопросы исключения недопустимых доказательств в досудебном производстве / Е.С. Березина // Российский следователь. – 2013. – №5. – С. 8.

ДЖУРАЕВА МАДИНА СОДИКДЖОНОВНА

Магистр 1 года обучения программы подготовки «Судебная власть и прокурорская деятельность», очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикского (Славянского) университета
shm_avofirahs12@mail.ru

ИНСТИТУТ ИНЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Уголовно процессуальный кодекс Республики Таджикистан (далее – УПК РТ) был принят в 2009 году и в этой связи хочется отметить, что уголовное судопроизводство является ключевым элементом правовой системы каждой страны. Оно направлено на защиту прав и свобод граждан, восстановление справедливости и наказание виновных. В рамках уголовного процесса функционирует широкий круг участников, каждый из которых имеет свои права и обязанности. В данной статье проводится сравнение института иных участников уголовного судопроизводства в Республике Таджикистан и Российской Федерации. Особое внимание уделяется их правам, обязанностям и роли в процессе доказывания.

К основным субъектам уголовного судопроизводства относятся органы и должностные лица, обеспечивающие рассмотрение уголовных дел. В Российской Федерации к ним относятся: суды, органы прокуратуры, следователи и дознаватели. В Республике Таджикистан аналогичный круг субъектов выполняет соответствующие функции. При этом суд является центральным звеном уголовного судопроизводства. Его задачи включают рассмотрение уголовных дел по существу, вынесение справедливого приговора и контроль за соблюдением законности. Судья является ключевой фигурой уголовного судопроизводства, обеспечивающей законность и справедливость процесса. Основные задачи судьи в уголовном судопроизводстве:

- рассмотрение уголовных дел по существу;
- вынесение процессуальных решений на стадии подготовки дела;
- контроль за соблюдением прав участников процесса;
- вынесение приговора или постановления.

В Республике Таджикистан и Российской Федерации судьи обладают независимостью и руководствуются только законом, что гарантирует объективность их решений.

Следует отметить роль органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве, органы прокуратуры выполняют функцию надзора за законностью на всех стадиях уголовного судопроизводства¹. Основные полномочия прокуроров включают:

- поддержание государственного обвинения в суде;
- надзор за законностью действий следователей и дознавателей;
- утверждение обвинительных заключений и постановлений;
- внесение представлений о пересмотре судебных решений.

В обоих государствах прокуроры играют важную роль в обеспечении соблюдения прав граждан и поддержания общественного порядка.

Роль следователя является центральной на стадии предварительного расследования. Его функции включают:

- возбуждение уголовного дела;

¹ Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: КНОРУС, 2008. - 704 с.

- проведение следственных действий (допросы, осмотры, обыски и т. д.);
- сбор доказательств и представление их в суде;
- составление обвинительного заключения.

Следователь действует под надзором прокурора, что обеспечивает соблюдение законности в ходе расследования.

В свою очередь дознаватель занимается расследованием уголовных дел, требующих упрощенного порядка. Основные функции дознавателя:

- проведение неотложных следственных действий;
- сбор доказательств на начальной стадии расследования;
- подготовка материалов дела для передачи следователю или прокурору.

Дознаватели часто работают с делами, где срок расследования ограничен, что требует оперативности в их действиях.

Судьи, прокуроры, следователи и дознаватели играют взаимодополняющие роли, обеспечивая последовательность и законность уголовного судопроизводства. Их эффективное взаимодействие направлено на установление истины, защиту прав граждан и восстановление справедливости.

Однако иные участники уголовного судопроизводства включают лиц, которые не являются основными субъектами, но принимают участие в процессе с целью защиты своих прав или выполнения возложенных на них обязанностей. В число таких участников входят потерпевшие, свидетели, эксперты, переводчики и представители сторон. Эти лица служат источниками доказательств или привлекаются для оказания технической, иной помощи либо удостоверения хода и результатов следственных действий. Такие лица не являются сторонами процесса. Например, лицо становится свидетелем по решению дознавателя, следователя, прокурора или суда при вызове его для дачи показаний. С момента получения повестки лицо принимает на себя обязанности свидетеля и получает соответствующие права. Свидетелями могут быть любые лица, за исключением указанных в ч. 3 ст. 56 УПК РФ. Свидетель имеет ряд прав, таких как:

- отказ от дачи показаний против себя, супруга и близких родственников;
- соблюдение ограничений по времени допроса (не более четырех часов без перерыва, максимум восемь часов в день, ст. 187 УПК РФ);
- использование записей и документов во время допроса, запрос о звукозаписи (ст. 189 УПК РФ);
- ознакомление с протоколом допроса и внесение в него замечаний (ст. 166 УПК РФ);
- возмещение расходов, связанных с явкой на допрос (ст. 131 УПК РФ);
- присутствие адвоката.¹

Иным участником уголовного судопроизводства является эксперт - лицо, назначенное для проведения судебной экспертизы и подготовки заключения. Экспертом может быть любой специалист с необходимыми знаниями, не заинтересованный в исходе дела. Эксперт также имеет ряд прав, кратко их можно изложить как:

- доступ к материалам дела, относящимся к экспертизе;
- запрос дополнительных материалов;
- участие в процессуальных действиях и задавание вопросов;
- подготовка заключения, отказ от ответа на вопросы, не относящиеся к специальным знаниям;
- право на подачу жалоб.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001, № 174-ФЗ (ред. от 09.11.2024) // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://base.garant.ru/12125178/> (дата обращения: 25.11.2024).

Специалист - лицо с особыми знаниями, привлекаемое для помощи в процессуальных действиях, таких как изъятие предметов, использование технических средств, подготовка вопросов эксперту. В отличие от эксперта, специалист не проводит исследований. К правам специалиста относятся:

- отказ от участия при отсутствии необходимых знаний;
- возможность задавать вопросы с разрешения следователя;
- ознакомление с протоколом действий и внесение в него замечаний;
- право на подачу жалоб.

Переводчик - лицо, свободно владеющее необходимым языком, привлекаемое для обеспечения перевода в случаях, предусмотренных законом. Следует отметить права переводчика:

- уточнение перевода через вопросы участникам процесса;
- ознакомление с протоколами и внесение замечаний о точности перевода;
- подача жалоб.

Понятой, к нему относится - лицо, не заинтересованное в исходе дела, привлекаемое для подтверждения факта проведения, содержания и результатов следственного действия. Права понятого:

- участие в следственном действии и внесение замечаний в протокол;
- ознакомление с протоколом;
- подача жалоб.

В Российской Федерации и Республике Таджикистан права и обязанности этих участников регулируются уголовно-процессуальными кодексами. Например, потерпевший вправе предоставлять доказательства, заявлять ходатайства и участвовать в судебных прениях.

Стороны в уголовном судопроизводстве разделяются на обвинение и защиту. К стороне обвинения относятся прокурор, следователь, дознаватель и потерпевший. Сторону защиты представляют обвиняемый, подозреваемый и их защитники.

В Республике Таджикистан и Российской Федерации стороны обладают равными правами в представлении доказательств, участии в допросах, заявлении отводов и ходатайств. Защита также имеет право на помощь адвоката и доступ к материалам дела.

Проанализировав положения главы 7 УПК РТ возможно уточнить ключевые аспекты участия других участников уголовного судопроизводства¹.

Свидетель, положения ст. 56 УПК РТ уточняют статус и полномочия свидетелей: вызов свидетеля осуществляется для дачи показаний об известных ему обстоятельствах, имеющих значение для дела. Лица с психическими или физическими ограничениями, адвокаты (в случаях, связанных с профессиональной тайной), близкие родственники и судьи (вопросы обсуждения в совещательной комнате) не могут быть допрошены как свидетели.

Права свидетеля в УПК РТ охватывают:

- использование родного языка и бесплатного переводчика;
- возможность заявлять ходатайства и обжаловать действия должностных лиц;
- запись своих показаний в протоколе лично.

Сравнение: В исходном материале акцент сделан на правах свидетеля (например, право отказа от дачи показаний против себя), что соответствует УПК РТ, но не полностью отражает ответственность за отказ от явки или за ложные показания. УПК РТ подробно регулирует это, включая санкции за умышленное неисполнение обязанностей.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03.12.2009, № 564 (ред. от 19.07.2022 №1900) // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://track.unodc.org/uploads/documents/BRI-legal-resources/Tajikistan/20_-.pdf (дата обращения: 23.11.2024).

Ст. 57 УПК РТ определяет специалиста как лицо с необходимыми знаниями и опытом, привлекаемое для содействия в обнаружении доказательств. Права специалиста:

- отказ от участия, если отсутствуют необходимые знания;
- заявление замечаний по протоколу следственных действий;
- задавание вопросов участникам процесса (с разрешения).

Сравнение: В обоих источниках права специалистов отражены идентично.

Ст. 58 УПК РТ регулирует привлечение экспертов для использования их специальных знаний. Основные права:

- доступ к материалам дела, относящимся к экспертизе;
- отказ от заключения при недостаточности данных;
- участие в следственных действиях с разрешением задавать вопросы.

Сравнение: УПК РТ детализирует ограничения деятельности экспертов (например, запрет самостоятельного сбора материалов).

Ст. 59 УПК РТ уточняет, что переводчик привлекается, если участники процесса не владеют языком судопроизводства. Права переводчика:

- внесение замечаний о правильности перевода в протокол;
- обжалование действий должностных лиц.

Сравнение: Перечисленные права и обязанности совпадают. УПК РТ дополняет деталями, например, обязанностью удостоверить верность перевода своей подписью.

Ст. 60 УПК РТ указывает, что понятые удостоверяют факт, содержание и результаты процессуальных действий. Права:

- участие в следственном действии, внесение замечаний в протокол;
- обжалование действий следователя или прокурора.

Сравнение: Исходный текст и УПК РТ совпадают в описании основных функций понятых. УПК РТ уточняет, что к процессу должно привлекаться не менее двух понятых.

Следует отметить долю участия для доказывания, поскольку, доказывание в уголовном процессе – это деятельность, направленная на установление фактических обстоятельств дела. Основная нагрузка в процессе доказывания лежит на стороне обвинения, которая должна представить достаточные доказательства виновности лица. Иные участники процесса, такие как эксперты и свидетели, вносят значительный вклад в процесс доказывания. Например, экспертные заключения могут сыграть ключевую роль в подтверждении или опровержении фактов, представленных сторонами.

Таким образом, сравнительный анализ института иных участников уголовного судопроизводства в Республике Таджикистан и Российской Федерации показывает наличие как схожих, так и уникальных черт в их правовых системах. Общим для обеих стран является стремление обеспечить справедливость и равноправие сторон в процессе, а также защиту прав участников. Эффективность функционирования уголовного судопроизводства во многом зависит от роли каждого участника и их взаимодействия. Права и обязанности иных участников являются важным компонентом, способствующим установлению истины и принятию справедливых решений.

ЖУРАВЛЕВ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ
помощник прокурора Предгорного района Ставропольского края,
аспирант Северо-Кавказского федерального университета
crainooff@gmail.com

ВОЗМЕЩЕНИЕ ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ УЩЕРБА ДОЛЖНО НАЧИНАТЬСЯ НА ЭТАПЕ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ

Восстановление социальной справедливости в рамках уголовно-процессуальных отношений представляет собой, прежде всего, процесс компенсации ущерба, причиненного преступными действиями. Государство обеспечивает каждому пострадавшему от незаконных деяний гарантию возмещения понесенных убытков. Ключевая функция определения объема причиненного вреда и принятия мер для его компенсации возлагается на субъектов, ответственных за проведение предварительного следствия по уголовным делам.

Полное и своевременное возмещение вреда, причиненного преступлением, невозможно без правильной организации работы на этапе следственной проверки.

Сведения о совершенных или готовящихся преступлениях в органы полиции, как правило, поступают из заявлений и сообщений граждан, организаций, учреждений, предприятий, должностных лиц либо в результате непосредственного обнаружения признаков уголовно наказуемых деяний. Порядок приема и регистрации сообщений о преступлениях регламентирован ведомственным приказом¹.

Сообщения и заявления о преступлениях независимо от места, времени их совершения, а также полноты изложенных сведений и формы подачи принимаются всеми территориальными органами Министерства внутренних дел Российской Федерации (МВД России). Ответственный сотрудник дежурной части соответствующего подразделения полиции осуществляет прием информации о совершенных или готовящихся преступлениях круглосуточно.

Для обработки заявлений, поступающих через официальные сайты органов внутренних дел («электронные заявления»), используется специализированное программное обеспечение, которое требует обязательного заполнения заявителем реквизитов, необходимых для рассмотрения заявлений о преступлениях. После поступления электронные заявления распечатываются на бумажном носителе, и дальнейшая работа с ними проводится в соответствии с установленным порядком, регламентированным нормативными правовыми актами.

Заявления о преступлениях, содержащиеся в письменных обращениях заявителей, направленных посредством операторов почтовой связи с доставкой письменной корреспонденции в здание территориального органа МВД России, официальных сайтов, факсимильной связи, федеральной фельдъегерской связи и специальной связи, почтового ящика, полученных в ходе личного приема, принимаются подразделением делопроизводства и режима территориального органа МВД России, регистрируются в установленном порядке и направляются руководителем (начальником) территориального органа МВД России в дежурную часть для незамедлительной регистрации в Книге учета заявлений и сообщений о преступлениях.

¹ Приказ МВД России «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» от 29.08.2014, № 736 (ред. от 09.10.2019) // Доступ из справочно-правовой системы Консультант Плюс.

При получении информации о событии, имеющем признаки преступления, отдельные вопросы организации раскрытия и расследования решаются, помимо следователя, иными должностными лицами органов внутренних дел.

В частности, в круг задач, разрешаемых оперативным дежурным дежурной части органа внутренних дел, входит следующее:

– осуществление комплекса мероприятий, направленных на предотвращение дальнейшего развития криминальных действий, включая задержание причастных лиц, локализацию потенциальных маршрутов отступления и блокирование мест возможного укрытия преступников. Дополнительно обеспечивается идентификация свидетелей и организация охраны места происшествия;

– организация срочного выезда на место инцидента дежурной следственно-оперативной группы (СОГ). Состав группы формируется с учетом специфики совершенного правонарушения. Обеспечивается оснащение участников группы средствами коммуникации, криминалистическим оборудованием и транспортными средствами для доставки на место происшествия и возвращения;

– в зависимости от обстоятельств, инициируется участие в осмотре места происшествия профильных специалистов (например, судебного медика, специалиста по взрывным устройствам и т.д.). Также могут быть привлечены дополнительные силы и средства для проведения осмотра и оперативного раскрытия преступления;

– поддержание постоянной связи с дежурной СОГ для непрерывного мониторинга текущей ситуации и оперативного реагирования на изменения путем принятия дополнительных организационных решений относительно деятельности на месте происшествия. Инициативно либо по запросу руководителя СОГ осуществляется сбор необходимой информации из баз данных и ее передача группе;

– при наличии необходимости производится уведомление иных органов внутренних дел о произошедшем правонарушении, украденных объектах, приметах подозреваемых лиц и прочих значимых деталях, которые могут способствовать быстрому раскрытию преступления.

Важная роль в раскрытии преступлений принадлежит сотрудникам оперативного подразделения. Их полномочия регламентированы ФЗ «О полиции», ФЗ «Об Оперативно-розыскной деятельности», ведомственными нормативно-правовыми актами. В числе задач, стоящих перед оперативными сотрудниками при получении информации о событии, имеющем признаки преступления, можно выделить следующие: установление, обнаружение и задержание лиц, подозреваемых в совершении преступлений; обнаружение изобличающих их сведений; установление свидетелей и очевидцев произошедшего события; проверка изъятых вещей и объектов по криминалистическим учетам; проверка мест возможного сбыта похищенного.

В рамках выполнения поставленных задач сотрудники оперативно-розыскного подразделения уполномочены осуществлять сбор и анализ данных путем проведения опросов пострадавших и других лиц, способных предоставить информацию, имеющую значимость для расследования преступлений. В их компетенцию входит идентификация признаков подозреваемых и реконструкция механизма совершения противоправного деяния, а также проверка наличия систем видеонаблюдения и устройств фиксации видеоизображений на месте происшествия и вдоль предполагаемого маршрута передвижения преступника (преступников), жертв и очевидцев.

Дополнительно может осуществляться процедура анализа «биллингов» мобильных телефонов в зоне инцидента с целью извлечения сведений о телефонных номерах, активных в момент совершения преступления, через ближайшую базовую станцию оператора мобильной связи.

Результаты проведенной работы подлежат незамедлительному докладу руководителю оперативной группы. Информация о выполненных действиях должна быть передана начальнику соответствующего оперативно-розыскного подразделения.

Процесс проверки полученной информации относительно совершенного либо планируемого правонарушения обычно завершается вынесением решения о возбуждении уголовного дела или отказе в его возбуждении. Возможна также передача материалов по подследственности. Решение принимается следователем (дознавателем) на основании итоговых данных проверочных мероприятий.

При поступлении заявлений или сообщений о преступлениях непосредственно к следователю (в процессе дежурства, осуществления оперативно-розыскных мероприятий и пр.) требуется незамедлительная регистрация данного обращения в дежурной части. Последующий алгоритм действий следователя (комплекс следственно-процессуальных мер) определяется исходя из специфики конкретной ситуации и обстоятельств инцидента.

Информация о преступлении может стать известна сотруднику оперативного подразделения или следователю вследствие явки с повинной. В таких ситуациях оформляется соответствующий протокол, содержащий детальное изложение представленного заявления. Факт наличия у заявителя письменного сообщения о совершенном деянии не отменяет необходимость составления протокола. Явка с повинной представляет собой добровольное уведомление лица о совершенном им противоправном действии. Она выступает основанием для возбуждения уголовного производства лишь при условии, что правоохранительные органы до этого момента не располагали сведениями о данном преступлении. Следовательно, первостепенная задача сотрудника, принимающего явку с повинной, заключается в установлении факта отсутствия регистрации преступления, а также отсутствии проводимых проверок или предварительного расследования по данному инциденту. При наличии возбужденного уголовного дела по результатам явки с повинной соответствующее должностное лицо обязано быть проинформировано о текущем положении дел.

Значительный объем уголовных производств иницируется на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. Обнаружение признаков совершенного или готовящегося правонарушения входит в круг непосредственных обязанностей сотрудников оперативных служб. В таком случае оперативный сотрудник обязан доложить о выявленных признаках руководству органа внутренних дел (полиции). Руководитель органа дознания принимает решение относительно направления предоставленной документации (рапорта, объяснений и иных документов) в следственную службу либо проведения предварительной проверки в рамках оперативно-розыскной деятельности на стадии, предшествующей возбуждению уголовного дела.

В случае установления признаков преступления в процессе проверки, проводимой органом дознания, материалы проверочной процедуры, согласно требованиям Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и соответствующим ведомственным актам, передаются в следственный орган для принятия решения о возбуждении уголовного дела. После чего указанные материалы подлежат изучению руководителем следственного подразделения и следователем, ответственным за возбуждение уголовного дела и начало его расследования.

Знание нормативных требований и практических рекомендаций по организации работы на этапе проверки информации о совершенном или готовящемся преступлении, и умелое применение их в правоприменительной деятельности, является залогом успеха всего расследования в целом, и возмещения причиненного ущерба в частности.

ЗВЕРЕВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
адъюнкт очной формы обучения адъюнктуры Восточно-Сибирского института
МВД России, лейтенант полиции
v.anna.z@yandex.ru

ЗНАЧЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЭТАПЕ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Первостепенной задачей любого демократического государства является соблюдение прав и свобод человека и гражданина. Особое место в данном контексте отводится органам внутренних дел, которые в пределах установленных законом полномочий осуществляют защиту и восстановление прав и законных интересов лиц, пострадавших от противоправных деяний.

В соответствии со ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ), должностные лица органов внутренних дел обязаны принять, проверить любое поступившее сообщение о преступлении и не позднее 3 суток со дня его поступления вынести соответствующее процессуальное решение. И в этот момент возникает логичный вопрос, какими способами возможно осуществить сбор необходимой информации для установления всех обстоятельств произошедшего?

Прежде чем приступить к рассмотрению способов проверки сообщения о преступлении, следует сказать о том, что в современном уголовно-процессуальном законодательстве не содержится определение термина «проверка сообщения о преступлении». Все это вызывает острые дискуссии в научных кругах не только относительно наименования обозначенного этапа, но и его содержания. Не вдаваясь в детальный анализ правовой природы вышеуказанного понятия, согласимся с мнением В.П. Яшина, что сущность процессуальной проверки состоит в деятельности по сбору доказательственной информации, по поступившему сообщению, и заявлению о преступлении с целью дальнейшего принятия одного из процессуальных решений по первоначальному материалу¹.

Очевидно, что от качества проведенной проверки зависит исход всего дела. Весьма убедительной представляется точка зрения В.А. Лазаревой, которая пишет, что «если сведения, полученные до возбуждения уголовного дела, рассматриваются в качестве надлежащего основания для принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела, они не могут утрачивать своего значения после принятия этого решения»².

В этой связи законодатель предоставляет должностным лицам органов внутренних дел достаточно обширный набор «инструментов» для проведения проверки и называет в качестве таковых следственные и процессуальные действия, а именно – получение объяснений, образцов для сравнительного исследования, истребование документов и предметов, их изъятие в установленном порядке, назначение судебной экспертизы, участие в ее производстве и получение заключения эксперта в разумный срок, производство осмотра места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требование о производстве документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлечение к участию в этих действиях специалистов, дачу органу дознания обязательного для исполнения письменного поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий (ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

¹ Яшин, В.Н. Предварительная проверка первичных материалов о преступлении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.Н. Яшин. – М., 1999. – С. 10.

² Лазарева, В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для бакалавров и магистратуры. 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2014. – С. 194.

В условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий и цифровизации почти всех сфер жизни общества значительная часть сведений, имеющих значение для принятия процессуального решения, может быть получена лишь в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). Более того, как показывает следственная и судебная практика, в некоторых случаях результаты проведенных оперативно-розыскных мероприятий выступают чуть ли не единственным источником, подтверждающим факт подготовки, совершения или сокрытия преступного деяния. Такое положение обусловлено, прежде всего, тем, что определенные сведения могут быть уничтожены или подвергнуты трансформации к моменту возбуждения уголовного дела. А.Е. Вытовтов приводит наглядный пример, подтверждающий необходимость незамедлительного восприятия и фиксации обстоятельств, имеющих значение для дальнейшего расследования уголовного дела. Так, сотрудниками подразделения УЭБиПК ГУ МВД России по Иркутской области в ходе проверки сообщения о преступлении – незаконной банковской деятельности (ст. 172 УК РФ) – была получена информация о возможном уничтожении некоторых документов и печатей фиктивных юридических лиц, специально созданных для реализации противозаконных действий. В этой связи руководителем указанного подразделения было принято решение о проведении в данном офисе, где, предположительно, находились указанные объекты, гласного оперативно-розыскного мероприятия – обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств. Благодаря неотложным действиям, были обнаружены и изъяты первичные бухгалтерские документы, печатные формы, черновые записи, после чего с соблюдением установленных законом требований они были переданы следователю для дальнейшего расследования уголовного дела¹.

Однако ученые придерживаются различных взглядов относительно роли таких материалов в уголовно-процессуальном доказывании. Например, авторы научной работы «Актуальные вопросы теории судебных доказательств» А.И. Винберг, Г.И. Кочаров, Г.М. Миньковский, считают, что результаты ОРД выступают неким составным элементом на определенных этапах доказывания, связанных с обнаружением доказательств². Иную позицию по этому вопросу высказывает Н.А. Якубович, отмечая, что данные, полученные в результате ОРД, играют, в первую очередь, обеспечивающую роль и, кроме того, могут как предшествовать доказыванию, так и протекать параллельно с ним³. Стоит обратить внимание и на точку зрения Ю.В. Астафьева, который подчеркивает, что оперативно-розыскные сведения направлены на формирование доказательств, но все же как обеспечивающий элемент⁴.

Весьма интересно и представление В. А. Азарова о значении результатов ОРД. В своем исследовании автор пишет, что «при расследовании уголовных дел о наиболее опасных преступлениях игнорирование следователем информационного потенциала оперативно-розыскных мероприятий и отсутствие плодотворного взаимодействия с опера-

¹ Вытовтов, А.Е. Результаты оперативно-розыскной деятельности как средства доказывания в уголовном судопроизводстве (по материалам уголовных дел экономической направленности): дисс... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.Е. Вытовтов. – Омск, 2020. – С. 72.

² Винберг, А.И. Актуальные вопросы теории судебных доказательств / А.И. Винберг // Социалистическая законность. – 1963. – № 3. – С. 24.

³ Якубович, Н.А. Понятие и содержание процесса доказывания / Н.А. Якубович // Теория доказательств в советском уголовном процессе. – М.: Юр. лит., 1973. – С. 298.

⁴ Астафьев, Ю.В. Методологические основы соотношения оперативно-розыскной и доказательственной информации в расследовании преступлений / Ю.В. Астафьев // Вестник ВГУ. – 2007. – № 1. – С. 284.

тивными подразделениями правоохранительных органов не сможет возыметь позитивного эффекта и привести к ожидаемому результату»¹.

Как видно из анализа теоретических источников и опыта практических работников, результаты оперативно-розыскной деятельности играют далеко не последнюю роль, особенно на этапе проверки сообщения о преступлении. Использование гласных и негласных форм деятельности оперативных подразделений предоставляет возможность своевременно получать информацию о противоправном деянии, лицах, причастных к его совершению, следах, оставленных на месте происшествия, а также об обстоятельствах, имеющих значение для принятия законного и обоснованного решения.

Вместе с тем, противоречивый характер уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства нередко приводит к определенным сложностям, которые, в свою очередь, не позволяют полноценно использовать данные ресурсы при принятии процессуальных решений, в том числе и на этапе проверки сообщения о преступлении. Особенности получения оперативно значимых сведений, процесс их представления субъектам доказывания, а также вопросы, связанные с проверкой и оценкой результатов ОРД, обуславливают необходимость в дальнейшей проработке и совершенствовании законодательства в сфере использования результатов ОРД при принятии процессуальных решений.

ИНОЯТЗОДА АФРҶЗА ИСЛОМ
ассистенти кафедраи ҳуқуқи судӣ ва назорати прокуратурии факултети ҳуқуқшиносии
Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон
inoyatova.afruza@mail.ru

ТАҲЛИЛИ НАЗАРИЯВИИ ШАРТҲОИ БЕ ИШТИРОКИ СУДШАВАНДА БАРРАСИ ШУДАНИ ПАРВАНДАИ ҶИНОЯТӢ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УСЛОВИЙ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
БЕЗ УЧАСТИЯ ПОДСУДИМОГО

Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон дар паёми худ ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон қайд намуданд, ки “Таъмини волоияти қонун ҳамчун меҳвари фаъолияти мақомоти ҳокимияти судӣ ва ҳифзи ҳуқуқ ба ҳисоб меравад”². Зеро риоя ва иҷрои талаботи қонун, таъмини кафолатҳои пешбинӣ намудаи қонунгузорӣ вазифаи мақомоти пешбурди парвандаи ҷиноятӣ ҳангоми татбиқи қонунгузорӣ мебошад.

Дар даврони Истиқлолият баҳри такмили қонунгузори миллии кишвар давра ба давра барномаҳои ислоҳоти судию ҳуқуқӣ қабул ва амалӣ гардид³, ки ба баланд бардоштани нақши суд дар ҳифзи ҳуқуқу озодиҳо ва манфиатҳои қонунии шаҳрвандон ва таъмини кафолати судӣ равона гардида, ба таҳрири нави Кодекси

¹ Азаров, В.А. Что мешает эффективному использованию результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании? // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти д-ра юрид. наук, проф. Полины Абрамовны Лупинской. – М.: Элит, 2011. – С. 199.

² Паёми Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ - Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи самтҳои асосии сиёсати дохилӣ ва хориҷии ҷумҳурӣ». 28-уми декабри с. 2023 // [Манбаи электронӣ]: - Речаи воридшавӣ: <http://www.president.tj/node/18876> (санаи мурочиат: 28.12.2023).

³ Барномаи ислоҳоти судӣ-ҳуқуқӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 23 июни соли 2007, № 271.

муурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КМЧ ҚТ) мусоидат кард. КМЧ ҚТ соли 2009 бо дарназардошти моҳияти башардӯстонаи меъёрҳои конститусионӣ қабул гардид, сатҳу сифати пешбурди парвандаҳои ҷиноятиро дигаргун кард.

Қоидаҳои нави қонунгузори муурофиавии ҷиноятӣ ҷиҳати тақмили, риоя ва таъмини ҳимояи ҳуқуқҳои инсон ва шаҳрванд ҳангоми пешбурди парвандаи ҷиноятӣ заминаи мусоиди ҳуқуқӣ фароҳам овард.

Дар КМЧ ҚТ моҳияти башардӯстонаи меъёрҳои конститусионӣ идомаёфта дар партави муқаррароти он, ҳуқуқ ба ҳимоя ва ҳуқуқ ба дастрас будани адолати судӣ ва як қатор кафолатҳои муурофиавӣ пешбинӣ гардида бошад ҳам, лекин атрофи масъалаи таъмини кафолати ба ҳимояи судӣ ҳуқуқ доштани айбдоршаванда ва судшаванда то ҳол баҳсҳои назариявӣ идома дорад.

Қобили қайд аст, ки ҳалли масъалаҳои муурофиавӣ, татбиқи дурусти меъёри ҳуқуқӣ ҳангоми пешбурди парвандаҳои ҷиноятӣ бояд аз рӯйи принципҳои конститусионии дастрас будани адолати судӣ, мувоҳида ва баробарии тарафҳо бо иштироки фаъоли тарафҳо роҳандозӣ шавад¹. Лекин амалишавии онҳо, хусусан қоидаҳои дар ғоибии иштирокчиёни муурофиавии ҷиноятӣ, хусусан дар ғоибии айбдоршаванда ва судшаванда баррасӣ шудани масъалаҳои муурофиавӣ, тартиби ҳалли масъалаҳои муурофиавӣ бе иштироки айбдоршаванда ва судшаванда, ки бевосита ба ҳуқуқи манфиатҳои онҳо дахл доранд, таҷдиди назарро талаб мекунад.

Баррасии парвандаи ҷиноятӣ бе иштироки судшаванда дар маҷлиси суд, қоидаи истисноӣ аст, ифодаи амалишавии маҷмуи меъёрҳои ҳуқуқӣ мебошад, ки дар доираи шартҳои умумии муҳокимаи судӣ моҳиятан баррасӣ шудани парвандаи ҷиноятиро ҳангоми ҳозир нашудани судшаванда ба муҳокимаи судӣ танзим мекунад.

Дар муҳокимаи судӣ ҳузур надоштани судшаванда шартӣ ҳолати истисноии баргузори муурофиавӣ, ногузирии он дар ғоибии судшаванда мебошад. Аз ин рӯ, муҳаққиқ А.А.Қазақов менависад, ки муҳокимаи парвандаи ҷиноятӣ дар сурати вафот кардани судшаванда, аз толори суд берун карда шудани судшаванда барои вайрон кардани тартиби маҷлиси суд шакли алоҳидаи пешбурди судии парвандаи ҷиноятӣ набуда, балки як шакли истисноии муҳокимаи парвандаи ҷиноятӣ дар ғоибии судшаванда аст². Муаллифони дигар, аз ҷумла А.С. Тукиев қайд мекунад, ки шартӣ асосии баргузори муурофиавӣ дар ғоибии судшаванда мавҷудияти маҷмуи далелҳои боэътимоди раднашаванда дар бораи тамоми ҳолатҳои содир шудани ҷиноят ва мавзуи исбот донисташуда, инчунин воқеияти саркашӣ кардан ва саривақт ҳозир нашудани судшаванда мебошанд. Ғайр аз ин, ӯ қайд мекунад, ки воқеияти ҳозир нашудан ё ғоибии судшаванда бояд хоҳиш ва ё ташаббуси худӣ судшаванда бошад, ки сари вақт дар бораи вақт ва санаи баргузори маҷлиси суд хабардор шудааст³.

КМЧ ҚТ муурофиавии ғоибонаро пешбинӣ намекунад, лекин имконияти баррасии парвандаи ҷиноятӣ бе иштироки судшавандаро танҳо дар ҳолатҳои алоҳидаи истисноӣ пешбинӣ намуда, ҳамчун истисно дар доираи шартҳои умумии маҷлиси судӣ оид ба моҳиятан баррасӣ шудани парвандаи ҷиноятӣ муқаррар менамояд.

Дар қонунгузори давлатҳои ИДМ мафҳуми “муурофиавии ғоибона” пешбинӣ шудааст, лекин мазмун ва қоидаҳои татбиқшавии он баррасии парвандаи ҷиноятиро

¹ Кахоров, Н.М. Состязательность в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан: правовой аспект. – Худжанд: Хуросон, 2019. – С. 13-14.

² Қазақов, А.А. Заочное судебное разбирательство уголовных дел: автореф. канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.А. Қазақов. - Екатеринбург, 2009. - С. 14.

³ Тукиев, А.С. Нормы заочного судопроизводства в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан / А.С. Тукиев // Материалы научно-практической конференции (12 апреля 2006 г.) Международные юридические чтения. Материалы научно-практической конференции (12 апреля 2006 г.). Ч. 4. - Омск: Изд-во Омск. юрид. ин-та. 2006. - С. 110-117.

дар ғоибии судшаванда муқаррар мекунад.¹ Дар қонунгузории муурофиавии ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Федератсияи Россия (қ.4 м.280 КМҚ ҚТ, қ.7 м.247 КМҚ ФР) қоидаи дигар - “ҳукм ва таъиноте, ки ғоибона қабул шудааст” нишон дода шудааст, ки байни мутахассисон то ҳол мавзӯи баҳс қарор гирифтааст². Ба андешаи мо, дар матни қ. 5 м.280 КМҚ ҚТ ифода шудани “ҳукм ва таъиноте, ки ғоибона қабул шудааст” ғоибона чараён гирифтани муҳокимаи парвандаи ҷиноятиро дар назар надорад, лекин бо назардошти ҳолатҳои истисноии дар ҳамин меъёр нишондодашуда имконияти моҳиятан баррасӣ шудани парвандаи ҷиноятиро бе иштироки судшаванда пешбинӣ кардааст. Ин ҳолат, яқум ҳангоми саркашӣ намудани судшавандаи таҳти ҳабс қарордошта аз ҳозир шудан ба маҷлиси суд суд, судя ҳуқуқ доранд парвандаро дар ғоибии ӯ ва бо иштироки ҳатмии ҳимоятгар баррасӣ намоянд; дуҷум ин дар ҳолатҳои истисноӣ суд метавонад парвандаро оид ба ҷиноятҳои вазнин ва махсусан вазнин бе иштироки судшавандае, ки берун аз ҳудуди Ҷумҳурии Тоҷикистон қарор дошта, аз ҳозиршавӣ ба муҳокимаи судӣ саркашӣ мекунад, баррасӣ намояд, агар ин шахс дар ҳудуди давлати хориҷӣ бо ҳамин ҷиноят ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашида нашуда бошад.

Таҳлили ҳамин шартӣ муҳокимаи судӣ нишон медиҳад, ки дар шакли танзими ҳуқуқӣ ҳолати аввал салоҳияти судро, ки “ҳуқуқ дорад парвандаро дар ғоибии ӯ ва бо иштироки ҳатмии ҳимоятгар баррасӣ намоянд” ифода кардааст. Дар муқоиса қ. 6 м.47 КМ Қ ҚТ пешбинӣ кардааст, ки судшаванда ҳуқуқ дорад дар муҳокимаи судии суди марҳилаи яқум иштирок намояд, яъне судшаванда уҳдадор нашудааст, ки ҳатман дар муҳокимаи судии парвандаи ҷиноятӣ иштирок намояд. Дар ҳамин меъёр муқаррар нашудааст, ки судшаванда бо даъвати суд, судя ба маҷлиси суд оид ба моҳиятан баррасӣ шудани парвандаи ҷиноятӣ ё ҳалли масъалаҳои дигари муурофиавӣ ҳатман бояд ҳозир шавад.

Ҳарчанд м. 280 КМҚ ҚТ ба иштироки судшаванда дар баррасии парвандаи ҷиноятӣ баҳшида шуда бошад, ҳам меъёрҳои он бештар ба салоҳияти суд дахл доранд. Танҳо дар қисми 5 ҳамин модда пешбинӣ мешавад, ки бо дархости маҳкумшуда ё ҳимоятгари ӯ муҳокимаи судӣ дар сурати аз байн рафтани ҳолати истисноӣ бо тартиби умумӣ гузаронида мешавад. Саволе ба миён меояд, ки судшавандаи берун аз ҳудуди Ҷумҳурии Тоҷикистон қарор дошта, ба муҳокимаи судӣ бинобар сабабҳои узрнок, ки бартараф шудани онҳо аз имконият ва иродаи ӯ вобаста нест ҳозир нашудааст, оё саркашӣ доништа мешавад? Оё судшаванда имконият дорад, ки бо дархост ба суд муҷриат намояд, ки баррасии парванда бо иштироки ҳимоятгар баргузор шавад?

Ба андешаи мо чунин имкониятро м.м. 2, 12, 277 КМҚ ҚТ кафолат додааст, инчунин қонун муқаррар кардааст, ки мавзӯи дархости тарафҳо ҳама масъалаҳои муурофиавиро, ки ҳангоми муҳокимаи судии парванда ба миён меоянд, фаро гирифтааст. Ғайр аз ин, тибқи м. 12 КМҚ ҚТ суд, судя вазифадор шудаанд ҳуқуқу озодиҳои шахсро, ки дар муурофияи судии ҷиноятӣ иштирок мекунанд, ҳимоя намуда, ҷиҳати татбиқи онҳо шароит фароҳам оваранд, барои қонун намудани талаботи қонунии иштирокчиёни муурофияи судӣ сари вақт чораҳо андешанд.

Шартӣ асосии бе иштироки судшаванда баррасӣ ёфтани парвандаи ҷиноятӣ ин тартиб ва талаботи муқарраркардаи қонун мебошад, ки барои таъмини адолат ва қонуният, мубоҳиса ва баробарии тарафҳо, ҳаққонӣ ва беғаразона чараён гирифтани муҳокимаи судӣ, ҳамаҷониба, пурра ва ҳолисона исбот шудани тамоми ҳолатҳои парванда ва ҳалли масъалаи гунаҳгорӣ ва ё бегуноҳӣ дар содир кардани ҷиноят

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (в ред. от 14.03.2020) // "Официальном интернет-портале правовой информации" www.pravo.gov.ru.

² Бендерская, Е.Г. Рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого: дис...канд. юр.наук: 12.00.09 / Е.Г. Бендерская. – М., 2010. - С. 34.

шароити зарурӣ фароҳам меорад. Новобаста аз он, ки танҳо дар ҳолатҳои истисноӣ зарурати бе иштироки судшаванда баррасӣ ёфтани парвандаи ҷиноятӣ ҷиноятҳои хавфнок ва махсусан хавфнокро қонун ҳамчун воситаи таъмин карда шудани иҷрои вазифаҳои муурофиавии ҷиноятӣ муқаррар кардааст, ин шартӣ муҳокимаи судӣ ба ҳадафи муурофияи ҷиноятӣ оиди баамалбароии адолати судӣ ва кафолатҳои конститсионии ҳимояи ҳуқуқи озодиҳои инсон ва шаҳрванд муҳолиф нест. Аз ҷониби дигар, иштирок дар муҳокимаи судӣ ҳуқуқи судшаванда мебошад, на уҳдадорӣ у (м. 47 КМЧ ҚТ).

Таҳлили назария ва амалияи судӣ нишон дод, ки шартҳои баргузори муурофия бе иштироки судшавандаро ҳангоми мавҷудияти ҳолатҳои зерин дастгирӣ кардан мумкин аст:

- 1) дар ҳузури ҳимоятгар ба тариқи хаттӣ аз ҳозиршавӣ ба маҷлиси суд саркашӣ кардани судшавандае, ки таҳти ҳабс қарор дорад;
- 2) дар ҳузури ҳимоятгар ба тариқи хаттӣ дархост кардани судшавандае, ки нисбати ӯ ҷораи пешгирии ғайриҳабсӣ татбиқ шудааст;
- 3) имкониятҳои расмӣ баргардонидани судшавандае, ки берун аз ҳудуди Тоҷикистон қарор дорад, қаблан татбиқ шуда бошанд;
- 4) агар парвандаи ҷиноятӣ оид ба ҷиноятҳои вазнин ва махсусан вазнин бошад;
- 5) агар судшаванда дар ҳудуди давлати хориҷӣ бо ҳамин ҷиноят ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашида нашуда бошад;
- 6) дар ҳузури хатмии ҳимоятгар баррасӣ ёфтани парвандаи ҷиноятӣ;
- 7) судшаванда дар ҳудуди давлати хориҷӣ қарор дошта, аз ҳозиршавӣ ба маҷлиси суд саркашӣ кунад;
- 8) агар прокурор дархост оид ба гузаронидани муурофияи судӣ дар ғоибии судшаванда ирсол карда бошад.

МЫРЗАГУЛОВ НУРГИСА МУХТАРОВИЧ

докторант 1-го курса PhD докторантуры ФПО Алматинской академии МВД Республики
Казахстан им. М. Есбулатова, магистр национальной безопасности и военного дела,
подполковник полиции
nurgisamyrgyzalov@gmail.com

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СЛЕДСТВЕННО-ОПЕРАТИВНОЙ ПРАКТИКИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ ОРУЖИЯ

Построение правового государства выдвигает на первый план создание эффективного механизма противодействия современной видам преступности. Быстрое и полное раскрытие, расследование уголовных деяний, изобличение и привлечение к ответственности виновных лиц, а также устранение причин и условий, способствовавших совершению преступлений, обеспечат должную реализацию принципов законности, восстановления социальной справедливости и неотвратимости уголовного наказания.

Изменения, произошедшие в национальном законодательстве, имеют ярко выраженный социально-правовой и демократический характер. Неотъемлемой частью текущих правовых реформ стал процесс разработки и принятия норм, обеспечивающих реальность прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Достижение мировых стандартов в сфере уголовного и уголовно-процессуального законодательства обеспечит Ка-

захстану достойное место среди цивилизованных стран с демократической системой правосудия. Однако, демократизация национального законодательства не должна идти в ущерб интересам государства и общества. Нередко, режим законности и правопорядка требует применения эффективных мер усиления ответственности за совершение тяжких и особо тяжких преступлений.

Актуальность проблем противодействия незаконному обороту оружия обусловлена, прежде всего, тем, что даже при относительно небольших количественных показателях данный вид преступности, представляет собой серьезную угрозу общественной безопасности. Ярким подтверждением этому служат трагические события в г. Алматы (июль 2016 года, январь 2022 года), г. Актобе (май 2011 года, июнь 2016 года), г. Атырау (октябрь 2011 года, сентябрь 2012 года), г. Талдыкорган (январь 2022 года) и г. Тараз (ноябрь 2011 года, январь 2022 года).

Незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств имеет особую специфику в сравнении с другими видами уголовных правонарушений, обусловленную специальным назначением оружия, ограничением круга лиц, имеющего к нему доступ, особым порядком хранения, изготовления, купли-продажи и практического применения. Вследствие этих специфических обстоятельств, нередко, при исследовании именно способа незаконного завладения оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами поступает наибольший объем информации, которая на первоначальном этапе расследования позволяет ориентироваться, в сущности, исследуемого факта, отметить наиболее оптимальные версии произошедшего события.

Для незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и т.д. характерно совершение их в составе преступной группы, что вызвано особенностями их незаконного хранения, транспортировки и сбыта. При этом, организаторы и активные участники нелегального «бизнеса» предпринимают ряд подготовительных и действующих мер:

- поиск рынка купли-продажи нелегального оружия;
- поиск соучастников, в т.ч. из числа должностных и иных лиц, имеющих легальный доступ к предмету купли-продажи;
- создание схронов и тайников для хранения нелегального оружия;
- разработка маршрута транспортировки нелегального оружия;
- обеспечение охраны и сопровождения транзита нелегального оружия;
- поиск технических специалистов, привлекаемых к изготовлению, ремонту и иным видам работ с нелегальным оружием;
- обеспечение материально-технической базы нелегального «бизнеса» (мастерские, лаборатории, цех и т.п.).

Именно на этапе выявления, раскрытия и расследования фактов незаконного оборота оружия (ст. ст. 286-291 УК Республики Казахстан) становится наиболее важным установить причины и условия, способствовавшие совершению данному виду уголовных деяний.

Как показывают материалы следственно-оперативной практики УП-ДП, основными детерминантами незаконного оборота оружия являются:

1) малоэффективность профилактических мер по пресечению каналов поставки и схем купли-продажи нелегального огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и др.;

2) коррупционная составляющая по вопросам документального оформления разрешений (лицензий) на совершение действий с гражданским и служебным оружием (формализм процедур, подделка документов и т.д.);

3) отсутствие либо недостаточная укрепленность Государственной границы Республики Казахстан со странами СНГ (в первую очередь с Россией и Кыргызстаном);

4) низкий уровень трудовой и служебной дисциплины на объектах, вовлеченных в легальный оборот огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, а также халатное отношение к исполнению своих обязанностей со стороны должностных лиц, ответственных за сохранность вверенного имущества;

5) слабый уровень контроля либо его отсутствие за транспортировкой и перевозкой оптовых партий огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств;

6) нарушение правил хранения огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в воинских частях и территориальных подразделениях специальных государственных и правоохранительных органов;

7) хищение огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств со складов воинских частей, баз хранения и арсеналов;

8) социально-психологические аспекты, заключающиеся в наличии различных неформальных движений и протестных настроений, проявлении у отдельных граждан отрицательных нравственно-психологических качеств, установки личности антиобщественного характера;

9) отсутствие должного взаимодействия между специальными государственными и правоохранительными органами по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и др.

Отдельной темой для дискуссий является проблема введения нормативных и технических предписаний на ревизию всего арсенала нарезного оружия, находящегося в Казахстане, как с советского периода, так с момента приобретения независимости, причем данный арсенал должен в обязательном порядке пройти процедуру постановки на учет в МВД Республики Казахстан (пулегильзотека).

Анализируя полицейскую и судебную практики, к задачам превентивного характера следует отнести:

- мониторинг легального и криминального рынка купли-продажи оружия;
- ликвидация криминального рынка купли-продажи оружия;
- перекрытие каналов поступления огнестрельного оружия в нелегальный оборот;
- обнаружение и изъятие огнестрельного оружия из незаконного оборота.

Особое профилактическое значение имеет деятельность следователя по выявлению детерминантов, способствующих незаконному обороту оружия. Именно в ходе собирания, исследования и оценки доказательств по уголовному делу следователь может воссоздать полную картину о характере событий, способах и обстановке совершения преступления, личности подозреваемого и т.д.

Немаловажен взгляд на проблематику профилактики незаконного оборота оружия с позиции деятельности криминальной полиции и иных оперативно-розыскных подразделений МВД. Необходимо сконцентрировать все усилия на получении оперативно-розыскной информации об объектах, на которых осуществляется изготовление, ремонт и хранение огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и т.д., о лицах, намеревающихся незаконно завладеть ими.

Работники криминальной полиции должны уделять особое внимание¹:

¹ Формы и методы предупреждения органами внутренних дел преступлений и административных правонарушений, связанных с незаконным оборотом оружия // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://bstudy.net/934109/pravo/formy_metody_preduprezhdeniya_organami_vnutrennih_prestupleniy_administrativnyh_pravonarusheniy_svyazann (дата посещения: 01.12.2024 года).

- состоянию защищенности объекта, оборудованию его средствами охранной сигнализации и состоянию этих средств;
- соблюдению режима функционирования объекта и правил обращения с огнестрельным оружием;
- получению информации о сотрудниках объекта, работниках охраны, лицах, посещающих объект, и об их связях;
- усилению оперативных позиций в сборочных цехах оружейных заводов, среди обслуживающего персонала;
- укреплению контрольно-пропускного режима техническими средствами;
- улучшению картотечного учета главных комплектующих деталей;
- комиссионному уничтожению бракованных основных узлов и комплектующих;
- сдачи в администрацию обнаруженных бесхозных деталей за определенное вознаграждение;
- отпуску готовой продукции с уведомлением компетентных органов.

Оценка состояния оперативно-розыскной профилактической работы в сфере контроля над оборотом оружия показывает, что основным направлением в работе по предупреждению преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, является подготовка и осуществление правоохранительными органами комплексного оперативного поиска. Он должен включать в себя постоянный сбор, систематизацию и обобщению информации. Цель – это выявление криминальных структур и отдельных лиц, занимающихся незаконным оборотом оружия, их деятельность¹.

Аналитическая работа преследует также цель выявления недостатков в системе государственного контроля над оборотом оружия, нарушений правил учета, ненадлежащей сохранности и небрежного использования. Указанные недостатки, чаще всего, и служат причиной хищений².

Итогом анализа является четкая картина состояния и порядка осуществления оборота оружия на обслуживаемой территории. Получив общее представление о состоянии и структуре преступлений, связанных с незаконным оборотом огнестрельного оружия, следует переходить к более углубленному изучению криминогенной обстановки, собирая сведения о незаконном обороте огнестрельного оружия.

Поэтому потребуются изучение большого объема информации, содержащейся в оперативных сводках, розыскных ориентировках, книгах учета информации, корреспонденции из информационных центров и органов статистики МВД, материалов оперативно-розыскной деятельности (в т.ч. и сообщения негласного аппарата) и т.д.

Изучая указанные документы, следует обратить внимание на:

- конкретные факты уголовных и административных правонарушений;
- обстоятельства, повлекшие совершение уголовных и административных правонарушений;
- действия лиц, свидетельствующие об их возможной причастности к преступлениям, связанным с незаконным оборотом оружия.

Наиболее ценной считается информация, содержащая:

- сведения о готовящихся или совершенных уголовных правонарушениях с применением огнестрельного оружия;

¹ Организация деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений // под ред. В.Д. Малкова и А.Ф. Токарева. - М.: Академия управления МВД РФ, 2000. - С. 179-180

² Евтушенко, А.В., Степанченков, М.С. Отдельные аспекты организационной работы по раскрытию преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ / А.В. Евтушенко, М.С. Степанченков // Вопросы раскрытия и расследования преступлений в современной юридической науке: материалы научно-практической конференции. – М., 2000. - С. 266.

- сведения об угрозах применения огнестрельного оружия;
- сведения о готовящихся взрывах, массовых беспорядках, протестных акциях и т.п.;
- сведения о процессах, происходящих в уголовно-преступной среде, грозящих конфликтом интересов.

Круг лиц, представляющих оперативный интерес для работников криминальной полиции, представляют:

- лидеры и члены преступных групп, осуществляющих противоправную деятельность в какой-либо сфере;
- лица, ранее судимые за преступления, совершенные с применением оружия, однако не изъятое в ходе следствия;
- лица, пытавшихся проникнуть на объект, связанный с оборотом оружия и боеприпасов;
- граждане, скомпрометировавшие себя поиском нелегального оружия.

Организация профилактической работы предполагает осведомленность о круге интересов уголовных элементов:

- предприятия и организации, где производится, хранится, ремонтируется и применяется оружие;
- крупные инкассируемые объекты (расчетно-кассовые отделения банков, торговоразвлекательные центры, почта, пункты обмена валюты);
- маршруты передвижения инкассаторских машин, транзита ценных грузов, предметов и веществ;
- военные склады, базы хранения, хранилища ценностей и т.п.

Далее, следует анализ состояния государственного и ведомственного контроля над оборотом оружия, в частности, порядок учета, сохранности и использования имущества, основные недостатки в системе контроля и меры по их исправлению.

Задачей органов внутренних дел должно явиться повышение оперативной осведомленности о негативных процессах, происходящих в преступной среде, группировках и лицах, занимающихся нелегальным оборотом оружия, имеющих коррумпированные связи на предприятиях-изготовителях, организация должной профилактики этих преступлений и другие вопросы, касающиеся его сохранности¹.

Наблюдается обострение ситуации с пресечением деятельности преступных групп, создаваемых, как правило, для совершения насильственных и корыстно-насильственных преступлений, причем в данных группах присутствует элемент их вооруженности.

Если говорить о вооруженности преступных групп, то наиболее доступным источником оружия становится гражданское оружие, находящееся во владении отдельных граждан, что требует необходимости защиты информации о лицах, имеющих в собственности огнестрельное оружие. Однако, в национальном законодательстве не предусмотрены меры по охране персональных сведений о лицах, имеющих огнестрельное оружие в личном пользовании.

Так, на каждое лицо, имеющее в пользовании гражданское оружие, заводится личное дело на владельца гражданского оружия, которому присваивается регистрационный номер согласно книге учета владельцев гражданского оружия (п. 67). В соответствии с установленными процедурами, личные дела владельцев нарезного огнестрельного оружия ведутся в управлениях административной полиции ДП, а на владельцев огнестрельного гладкоствольного, газового и электрического оружия - в ОП-УП (п. 68), причем личные дела владельцев гражданского оружия хранятся в служебном кабинете сотрудни-

¹ Абызов, Р.М., Власов, В.П., Лебедев, С.Я. Предупреждение незаконного оборота оружия: монография. - Барнаул: БЮИ МВД РФ, 2002. - С. 118

ка подразделения по контролю за оборотом гражданского и служебного оружия (п. 70)¹. В связи с этим, нами предлагается рассмотреть вопрос о внесении изменений и дополнений в ЗРК № 339 «О государственном контроле за оборотом отдельных видов оружия» от 30.12.1998 года по защите персональных сведений о владельцах гражданского оружия.

В ходе анализа деятельности подразделений по контролю за оборотом гражданского и служебного оружия УП-ДП выявлены отдельные проблемные аспекты, требующие соответствующего разрешения.

Так, одним из факторов, способствующих росту незаконного оборота оружия, является слабая профилактическая и контрольная деятельность служб по контролю за оборотом гражданского и служебного оружия, которыми своевременно не выявляются нарушения, связанные с ненадлежащим хранением гражданского и служебного оружия.

В соответствии с ч. 2 ст. 30 ЗРК № 339 «О государственном контроле за оборотом отдельных видов оружия» должностные лица органов, уполномоченных осуществлять государственный контроль за оборотом гражданского и служебного оружия, имеют право производить осмотр оружия в местах его разработки, хранения, производства, ремонта, экспонирования, торговли, коллекционирования, использования и уничтожения².

В свою очередь, проверка владельцев гражданского оружия по месту жительства проводится не реже 1-го раза в год, за исключением проверок, проводимых органами внутренних дел в период проведения оперативно-профилактических мероприятий (п. 77)³.

Поэтому по каждому из фактов хищения оружия необходимо произвести проверочные мероприятия для выяснения степени ответственности работников службы по контролю за оборотом гражданского и служебного оружия. При выявлении фактов небрежного хранения владельцами оружия (отсутствие либо неисправное состояние сейфа, открытый доступ и т.д.), наряду с ответственностью владельцев, предлагается рассмотреть вопрос об ответственности сотрудников службы по контролю за оборотом гражданского и служебного оружия за непринятие мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению уголовного правонарушения (не разъяснение владельцам условий хранения оружия, отсутствие регулярных проверок, непринятие своевременных профилактических мер по устранению недостатков по хранению оружия и т.д.).

С целью осуществления эффективного контроля за незаконным оборотом оружия следует рассмотреть идею о создании единой базы данных специальных государственных и правоохранительных органов, включающей сведения:

- об огнестрельном оружии, находящемся в розыске (с указанием обстоятельств утери либо кражи, его характеристик и т.д.);
- об изъятном огнестрельном оружии (с указанием обстоятельств изъятия, причастности к совершенным преступлениям и т.д.);
- о лицах, фигурировавших по уголовным делам, связанных с незаконным оборотом оружия («продавцы», «покупатели», держатели схрона, участники транзита оружия и т.д.).

¹ Приказ МВД Республики Казахстан «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений органов внутренних дел по контролю в сфере оборота гражданского и служебного оружия» от 29.03.2016 года, № 313.

² Закон Республики Казахстан «О государственном контроле за оборотом отдельных видов оружия» от 30.12.1998 года, № 339 // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z980000339_ (дата посещения: 01.12.2024 года).

³ Приказ МВД Республики Казахстан «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений органов внутренних дел по контролю в сфере оборота гражданского и служебного оружия» от 29.03.2016 года, № 313.

Наличие подобной базы данных позволит осуществлять оперативный контроль, как за нелегальным транзитом огнестрельного оружия, так и за лицами, занимающимися его незаконным оборотом, причастными к подобному рода деяниям. Это значительно облегчило бы решение оперативно-служебных задач по установлению и устранения источников поступления огнестрельного оружия в незаконный оборот.

НАИМОВ Сиявуш Саидхалимович
адъюнкт адъюнктуры Нижегородской академии МВД России
siyovush_naimov@mail.ru

О ПОДХОДАХ К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ИНСТИТУТА ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В УПК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан (далее - УПК РТ) отметил свое 15-летие¹. Эти годы показали, что уголовно-процессуальное законодательство республики находится в стадии активного развития и поиска передовых юридических технологий. Юридическая наука последовательно предпринимает шаги по решению амбициозной задачи: сделать УПК РТ эффективным орудием в борьбе с преступностью и одновременно идеальным средством защиты прав граждан, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства.

Важнейшим шагом в данном направлении является углубленный и целенаправленный научный поиск. Необходимо осмыслить лучшие достижения теории, передовые находки законодательства и оригинальные решения правоприменительной практики. С этой целью необходимо тщательно изучить не только собственный интеллектуальный базис, но и богатый юридический опыт зарубежных государств, в первую очередь теоретико-правовые достижения стран, входящих в одну правовую семью и имеющих фрагменты общей многолетней юридической истории. Для решения задачи совершенствования УПК РТ в равной степени интересны правовые концепции уголовного судопроизводства всех государств, без их иерархического деления по признаку правового доминирования. Именно разнообразие делает национальные научные модели источником для размышления о подходах к совершенствованию УПК РТ.

В настоящее время сложилось очень своеобразное исследовательское поле, предоставляющее широкие возможности для понимания сущности многих уголовно-процессуальных институтов. В государствах, образовавшихся на постсоветском пространстве, в последние десятилетия произошли серьезные законодательные преобразования. Везде приняты новые уголовно-процессуальные кодексы, причем в некоторых странах данное обновление уже было многократным (например, УПК Республики Казахстан).

Важно отметить, что концептуальные пути развития национального уголовного процесса выбраны разные. Причем, в рамках отдельных уголовно-процессуальных институтов заявляют о себе противоположные концепции. Особенно рельефно это проявляется в части юридического оформления института возбуждения уголовного дела. Здесь мы наблюдаем результаты многолетней прикладной апробации разных концептуальных схем, в частности, налицо попытка нормативного закрепления концепции отказа от стадии воз-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03 декабря 2009 г., № 564 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2009 г., № 12, ст. 815, ст. 816; Законы Республики Таджикистан от 24.12.2022, № 1926, от 24.12.2022, № 1927, от 03.01.2024, № 2017.

буждения уголовного дела (УПК Республики Казахстан, УПК Украины). Подобный подход вызвал неоднозначные оценки¹.

В УПК России внедрена другая интересная схема, продвигающая такую концептуальную новинку, как «свободный повод» для возбуждения уголовного дела. Само понятие «свободный повод» было введено в научный оборот двадцать лет назад теоретическими усилиями профессора М.П. Полякова (он предложил этот термин) и его ученика Д.Р. Дмитриева, который подготовил диссертацию «Свободный повод» для возбуждения уголовного дела². Мнения относительно свободного повода также разделились³.

Законодатель Республики Таджикистан тоже отметил оригинальным подходом к традиционным понятиям института возбуждения уголовного дела, решив наполнить понятия поводов и оснований несвойственным для них ранее смыслом⁴. Это заметили процессуалисты Таджикистана и отметили недопустимость таких перестановок. Р. Р. Юлдошев и А.Л. Арипов указали, что в статье 140 УПК РТ произошла подмена понятий «поводы» и «основание» для возбуждения уголовного дела... Основание не может подменить или заменить поводы для возбуждения уголовного дела, а то и наоборот»⁵.

В целях исправления отмеченных недостатков указанными учеными было предложено внести «изменения в название главы 17 и уточнив при этом редакцию ст. 140 УПК РТ, изложив ее в редакции ст. 103 ранее действовавшего УПК Республики Таджикистан (в ред. 1961 г.), а также дополнив ее новой частью. Точное определение перечня поводов и единственного основания возбуждения уголовного дела в тексте закона может поставить точку в размывании границ расширительного толкования норм-положений ст. 140 УПК Республики Таджикистан»⁶.

Законодатель РТ принял эти пожелания юридической науки, но с некоторыми особенностями. В скорректированной статье УПК РТ было раскрыто понятие основания, но в самой структуре статьи раскрытие понятия основания размещено ранее перечня поводов. Это не совсем привычно для сложившейся законодательной техники. Заголовок главы 17 УПК РТ оставлен без изменений. Он так и звучит в своей первоначальной редакции – «Повод и основания для возбуждения уголовного дела».

Указанные изменения, естественно, не снимают вопрос о поиске концептуальных путей совершенствования стадии возбуждения уголовного дела. Для этого необходимо четко определиться в четком видении перспектив, и в первую очередь в позиции, насколько сама стадия возбуждения уголовного дела уместна для уголовного процесса РТ.

Наличие сторонников отказа от данной стадии и практических примеров реализации этого подхода в национальных УПК ряда стран побуждают нас сделать ряд научных заявлений относительно вопроса о целесообразности отказа от стадии возбуждения уголовного дела. Начнем с того, что мы категорически против отказа от этой стадии в уголовном

¹ См, например: Александров, А.С., Грачев, С.А. Проект нового порядка открытия уголовного расследования по сообщению о преступлении / А.С. Александров, С.А. Грачев // Уголовный процесс – 2015. – С. 14-15;

² Дмитриев, И.Р. «Свободный повод» для возбуждения уголовного дела: автореф. дис... канд юрид. наук: 12.00.09 / И.Р. Дмитриев. – Н. Новгород, 2005. – 180 с.

³ Марфицин, П.Г. Рапорт об обнаружении признаков преступления: уголовно-процессуальный и оперативно-разыскной аспекты / П.Г. Морцифин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 1(25). – С. 118-121.

⁴ Подробнее см.: Наимов, С.С. Особенности законодательного закрепления поводов и основания к возбуждению уголовного дела в УПК Республики Таджикистан / С. С. Наимов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2024. – № 2(66). – С. 167-171.

⁵ Юлдошев, Р.Р., Арипов, А.Л. Правовое регулирование полномочий суда по возбуждению уголовного дела: проблемы и перспективы: монография. 2-е изд., испр. и перераб. – Душанбе, 2017. – С. 20.

⁶ Юлдошев, Р. Р., Арипов, А. Л. Указ. работа. – С. 23.

процессе Таджикистана. Кроме аргументов, которые уже были заявлены представителями нашей научной школы¹, в обоснование нашей позиции добавим ряд соображений.

Начнем с констатации, что отказ от стадии возбуждения уголовного дела невозможен в принципе. Во всяком случае, в уголовном процессе, опирающемся на поисковую технологию. Важно понять, что данный отказ, который может выражаться в отступлении от соответствующей терминологии и привычного раздела в структуре УПК, не означает ликвидацию самого акта возбуждения уголовного дела, ибо без этого юридического акта не может появиться само уголовное дело. Поэтому в моделях, декларирующих отказ от стадии возбуждения уголовного дела, по сути, речь идет лишь о незначительной трансформации процессуальной формы начального этапа уголовного судопроизводства. Стадия возбуждения уголовного дела может быть сведена к «микростадии» начала расследования, но полностью исключена быть не может.

Суть концепции, выделяющей стадию возбуждения уголовного дела в отдельный самостоятельный этап, заключается в том, чтобы дать в руки правоохранителей средство раннего распознавания случаев, не требующих уголовно-процессуального вмешательства, и, таким образом, решать важнейшую правоохранительную задачу, экономя государственные силы и средства.

Концепция пользы стадии возбуждения уголовного дела опирается на практически обоснованную установку, что решение задачи по раннему распознаванию признаков преступления может быть достигнута без традиционных уголовно-процессуальных средств, в первую очередь без производства следственных действий. В этом подходе проявляется своеобразная гуманная отсрочка применения процессуального принуждения до однозначного прояснения вопроса о том, что преступление имело место. Легко заметить, что в стадии возбуждения уголовного дела применяются познавательные средства, не опирающиеся на меры процессуального принуждения. Первоначальное подозрение формируется непроцессуальными средствами. Следственные действия в этой стадии (в рамках строгой концепции) – это всегда исключение. На этом постулате твердо стояло советское уголовно-процессуальное законодательство, допускающее в порядке исключения лишь одно следственное действие – осмотр места происшествия. Этот постулат четко соблюдает и современный УПК РТ, позволяющий производство указанного следственного действия лишь в безотлагательных случаях. Полагаем, что подобный подход более других отвечает сути уголовного судопроизводства и его правозащитной сущности.

Подчеркнем еще раз, что сам акт возбуждения уголовного дела, знаменующий начало расследования, это акт, который дает старт принуждению. А принуждение, это уже элемент наказания. Поэтому стартовое начало для действий, содержащих принуждение, должно быть обосновано. Задача стадии возбуждения уголовного дела (в ее первоначальном «советском» замысле) – благородная, опирающаяся на старинный принцип «не навреди». И такими же благородными должны быть средства ее достижения.

Нам могут возразить, что задача эта родилась давно, в обществе с преобладающими традиционными видами преступлений, информация о которых легко помещалась в проверенные веками поводы в виде заявления и явки с повинной, дополняемые непосредственным обнаружением признаков преступления органами, ведущими уголовный процесс. Теперь же, во времена научно-технического прогресса, появились такие преступные деяния, распознать наличие признаков которых под силу лишь специалистам. А это требует не только знаний, но и времени. Для определения признаков преступления потребовались экспертизы. Соответственно велись дискуссии о допущении этого следственного действия

¹ Кузьменко, Е.С. Несколько доводов в защиту стадии возбуждения уголовного дела / Е.С. Кузьменко // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 3(31). – С. 99-102.

на этапе возбуждения уголовного дела, а потом и о разрешении других следственных действий.

В самих этих предложениях авторы не видели ничего предосудительного. Хотя, по нашему мнению, должны были задуматься, поскольку в глубоком осмыслении нуждается сама идея допустимости следственных действий до возбуждения уголовного дела. Причем, речь идет не о сугубо юридической допустимости (как законодательного дозволения), а о допустимости сущностной (концептуальной). Ведь, что собой представляют следственные действия? Это действия, которые производятся в рамках возбужденного уголовного дела, в рамках предварительного следствия. Именно уголовное дело дает им статус следственных действий, при помощи которых субъект расследования реализует данную ему следственную власть.

Подчеркнем, что следственными эти действия делают не его методологические (эвристические) основания, а главным образом юридические нюансы. Именно эти формальности и обеспечивают последующее доказательственное значение полученных результатов. Исходя из этой формально-юридической трактовки, производство следственных действий до возбуждения уголовного дела невозможно в принципе, поскольку само это следственное действие становится таковым только после возбуждения уголовного дела в рамках предварительного расследования. И в этом смысле осмотр места происшествия, проводимый до возбуждения уголовного дела, считается полноценным следственным действием в порядке исключения.

Важно понять, что «следственные действия» – это не универсальная категория, а категория сугубо контекстуальная, актуализируемая в рамках конкретного уголовного дела. Но эти мелочи наука уголовного процесса определять и выделять не захотела, полагая, что вопрос о следственных действиях, допустимых до возбуждения уголовного дела, это всего лишь вопрос воли законодателя.

Нам же представляется, что здесь есть о чем задуматься теории уголовного процесса. И в первую очередь это вопрос оснований. Для начала зададимся вопросом: что является основанием для производства следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела? Если в ходе предварительного расследования этим общим основанием является первоначальный минимально достаточный уровень подозрения, причем подозрения либо персонального, либо безликого (при возбуждении дела по факту), то в стадии возбуждения уголовного дела, такое уровень подозрения появляется лишь в итоге проверочных действий. Получается, что, дозволяя производить следственные действия до возбуждения уголовного дела, законодатель допускает необоснованное принуждение.

Может показаться, что основанием для производства следственных действий до возбуждения уголовного дела является формальный момент – прямое дозволение закона. Это как бы отстроченная уголовно-процессуальная форма. В случае возбуждения уголовного дела – осмотр места происшествия превращается в полноценное следственное действие, а его результаты, соответственно, в доказательства. Но эти нюансы превращений уголовно-процессуальной формы допускаются в порядке исключения. Таков главный постулат. Только возбуждение уголовного дела дает законный «зеленый свет» для и принуждения и закономерно для производства следственных действий. Государство многое разрешает органам, ведущим процесс, но исключительно в рамках возбужденного производства по уголовному делу.

Но, как выяснилось, данный постулат вполне можно игнорировать, поставив во главу угла формальное начало и волю законодателя. Интересен в этой связи подход, примененный в УПК РФ. Российский законодатель допустил весьма широкий круг следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела. Никто особо не критиковал это новшество. Тем более, почва для него была подготовлена наукой заранее. Правда, научное сообщество предлагало допускать следственные действия, не связанные с принуждением.

Но законодатель пошел дальше и закрепил за органами, полномочными возбуждать дело, право – «назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование» (ст. 144 УПК РФ). Примечательно, что данные следственные действия были просто помещены в перечень допустимых проверочных действий без всяких оговорок не только об их исключительности, но и о том, что это именно следственные действия.

Пристально всматриваясь в это нововведение с независимой позиции нашего национального законодательства, мы пришли к неожиданному, но весьма близкому к истине выводу. По сути, этим дозволением широкого круга следственных действий российский законодатель произвел фактический отказ от стадии возбуждения уголовного дела, сделал отречение от концептуальной основы этой стадии, предписывающей минимум процессуальной формы и допускающий познавательные действия без уголовно-процессуального принуждения. А в предложенных УПК РФ проверочных действиях принцип отказа от принуждения нарушен. Взять, например, такое разрешенное следственное действие, как освидетельствование. Очевидно, что это крайне принудительное действие, применение которого даже в рамках возбужденного уголовного дела порой затруднительно.

На наш взгляд, посредством дозволения следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела происходит подмена этой стадии стадией предварительного расследования. Юридически закон говорит о возбуждении уголовного дела, а фактически разрешает проводить предварительное расследование до принятия решения о начале расследования.

То же самое касается и средств реализации права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела. Принцип традиционно был такой – в стадии возбуждения уголовного дела нет ни обвинения, ни принуждения, следовательно, защищаться пока еще не от чего. Теперь подход иной. Идея форм проявления минимального подозрения чрезмерно расширена. Поэтому в стадии возбуждения уголовного дела, по мнению законодателя, должен быть предоставлен максимум процессуальных гарантий. Но это же расширение в концептуальном смысле представляет собой тоже самое, что и широкий допуск следственных действий, – то есть фактический отказ от стадии возбуждения уголовного дела и подмена ее предварительным расследованием. От стадии возбуждения уголовного дела при подобном подходе юридически остается только имя. А по факту уже начато «формально не начатое», то есть с юридической точки зрения не вполне обоснованное предварительное расследование.

Все сказанное говорит о том, что стадия возбуждения уголовного дела должна освобождаться как от правоохранительных, так и правозащитных юридических перегрузок. Она должна быть легкой и компактной. Именно к этому и должен стремиться институт возбуждения уголовного дела в УПК РТ.

Это стадия нужна и целесообразна в качестве средства, усиливающего обоснованность начала расследования. Подобно тому, как в российском уголовном процессе происходит двухэтапное предъявление обвинения (сначала в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, затем в обвинительном заключении), в рамках стадии возбуждения уголовного дела происходит двухэтапное формирование начального подозрения. Первое подозрение актуализируется в момент поступления повода и формирования основания, второе – в момент принятия решения о возбуждении уголовного дела, либо об отказе в нем. На первом этапе решается вопрос о необходимости предварительной проверки, на втором о законности начала расследования.

Концепция, предлагающая юридически закрепить отказ от стадии возбуждения уголовного дела, практически реализует лишь отказ от этапа предварительной проверки. Этот этап перемещается в зону предварительного расследования. А самый первый этап остается

ся за пределами расследования. Однако и он не сводится к одномоментному акту, а предусматривает все-таки предшествующую решению о возбуждении дела «микростадию». Это хорошо видно на примере УПК тех стран, которые реализуют концепцию формального отказа от стадии возбуждения уголовного дела.

Стадия возбуждения уголовного дела хороша для ранней констатации явного отсутствия признаков преступления. Здесь четко реализуется принцип процессуальной экономии и не создаются ненужные правоотношения. Позволяет ли это делать система, опирающаяся на концепцию отказа от стадии возбуждения уголовного дела? Или же ее преимущества в том, чтобы дело возбуждалось по малейшему поводу и мизерному основанию? С этим нужно тщательно разбираться. Но это уже предмет нового исследования.

В заключении мы хотим отметить, что мнение о том, что проблемы стадии возбуждения уголовного дела давно исчерпали себя, является глубоко ошибочным. Даже на примере вопроса об основаниях допуска следственных действий до возбуждения уголовного дела мы показали, насколько глубокие и важные методологические вопросы до сих пор остаются без рассмотрения. А без концептуального решения этих вопросов невозможно построить эффективную теоретико-прикладную систему практического совершенствования института возбуждения уголовного дела в УПК РТ.

СЛЮСАРЕНКО ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА

следователь следственной части Главного следственного управления ГУ МВД России по
Ставропольскому краю, адъюнкт Академии управления МВД России
askkate27@yandex.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА О ПРИОСТАНОВЛЕНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Институт приостановления и возобновления предварительного следствия в уголовно-процессуальном законодательстве России и Таджикистана сконструирован практически тождественным образом (глава 28 УПК РФ и глава 26 УПК РТ). Основания, условия и процедура приостановления уголовного дела нормативно регламентирована достаточно полно, тем не менее, теоретические аспекты и практика применения указанных норм не свободны от спорных моментов.

Так, в правовой доктрине активно обсуждаются вопросы, касающиеся дефиниции и содержательных аспектов института приостановления предварительного расследования. И.Ю. Кулеева предлагает под приостановлением предварительного следствия понимать временное прекращение следственных действий, принимаемое на основании процессуального решения следователя¹. А.В. Гриненко – «временный (без точного установления его протяженности) перерыв в течении процессуальной деятельности, в ходе которого не текут процессуальные сроки и не развиваются уголовно-процессуальные отношения»².

С.Б. Россинский идентифицирует приостановление предварительного следствия как временное прекращение досудебных уголовно-процессуальных взаимоотношений, вы-

¹ Кулеева, И.Ю. Понятие и значение приостановления предварительного следствия / И.Ю.Кулеева // Современное право. – 2007. – № 11-1. – С. 65.

² Гриненко, А.В. Приостановление предварительного расследования: законодательные и правоприменительные проблемы / А.В. Гриненко // Вестник Московского государственного областного университета. – 2018. – № 1. – С. 141.

званное объективными факторами, которые препятствуют проведению следственных действий и других процессуальных процедур с участием субъекта, подлежащего уголовной ответственности¹.

Представленные концепции временной остановки предварительного следствия интерпретируются как временное прекращение производства по уголовному делу. Однако следует отметить, что такая трактовка представляется недостаточно корректной, поскольку она не предоставляет правоприменительным органам четких критериев для разграничения фактической паузы в процессе от юридически оформленной приостановки процессуальной активности. Иными словами, когда следователь не осуществляет следственные действия и иные процессуальные мероприятия в рамках уголовного дела, ни одно из предложенных определений не позволяет однозначно определить, представляет ли данная пауза собой приостановление предварительного расследования или происходит в контексте незавершенного производства по делу.

Различие между фактическим и юридическим «вынужденными перерывами», согласно используемой авторами терминологии, обладает значительным процессуальным значением, так как установление факта приостановления предварительного расследования влечет за собой изменение процессуального статуса участников уголовного судопроизводства.

Помимо этого, ссылка на наличие предусмотренных законом оснований для приостановления расследования не предоставляет правоприменителю методологию, которая позволила бы провести различие между фактическим и юридическим «вынужденные перерывы» в осуществлении процессуальных действий. Одинаковые обстоятельства, которые мешают субъекту расследования продолжить работу над уголовным делом, могут служить основанием как для фактического прерывания следственной деятельности, так и для юридического.

Согласно положениям уголовно-процессуального законодательства, юридическая процедура приостановления уголовного дела в соответствии с п.п. 1 и 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (ч. 4 ст. 230 УПК РТ) возможна исключительно после завершения установленного срока предварительного следствия. Тем не менее, фактический временной перерыв в проведении следственных и процессуальных действий может возникнуть значительно ранее указанного срока.

Законодатели обеих стран предписывает следователю осуществить весь комплекс возможных следственных мероприятий, которые могут быть проведены без участия подозреваемого или обвиняемого, а также предпринять меры для установления личности преступника или розыска скрывающегося субъекта (ч. 5 ст. 208 УПК РФ, ч. 5 ст. 230 УПК РТ)). Несмотря на это, выполнение указанных задач может занять от одной недели до одного месяца, тогда как принятие процессуального решения о приостановлении производства невозможно до окончания двухмесячного периода.

В этой связи более корректным представляется определение В.Б. Быкова и В.Д. Ломовского, которые под приостановлением предварительного следствия понимают «...установленную уголовно-процессуальным законом особую, исключительную процессуальную форму..., которая состоит в вынесении постановления о приостановлении производства по делу, а также в последующем принятии мер к раскрытию преступления, розыску скрывшегося от следствия обвиняемого, возобновлению уголовного дела и его окончанию в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом»². Авторы обоснованно связывают момент приостановления расследования с вынесением следователем

¹ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / под ред.: Лупинская П.А. – М.: Юристъ, 2009. – С. 504.

² Быков, В.М. Приостановление производства по уголовному делу / В.М.Быков, В.Д.Ломовской. – М.: Юридическая литература, 1978. – С. 7

постановления, что приближает анализируемый термин в последней формулировке к положениям уголовно-процессуального закона.

Следует отметить, что буквальное понимание ранее представленных определений может создать впечатление о наступлении абсолютного и безусловного «вынужденного перерыва» в случае приостановления расследования. Однако такое восприятие противоречит нормам УПК РФ и УПК РТ.

В период приостановления предварительного расследования по уголовному делу не допускаются лишь следственные действия (ч. 3 ст. 209 УПК РФ, ч. 3 ст. 231 УПК РТ), которые традиционно понимаются как процессуальные мероприятия, направленные на сбор и проверку доказательств. Тем не менее, полный перерыв в процессуальной деятельности (а также в уголовно-процессуальных отношениях) не происходит.

По приостановленному уголовному делу допускается проведение розыска подозреваемого или обвиняемого (ч. 1 ст. 210 УПК РФ, ч. 1 ст. 232 УПК РТ), их задержания (ч. 3 ст. 210 УПК РФ), применение мер пресечения (ч. 3 ст. 232 УПК РТ), принятия мер для установления личности, подлежащей привлечению в качестве подозреваемого или обвиняемого (п. 1 ч. 2 ст. 209 УПК РФ, ч. 2 ст. 231 УПК РТ), либо для определения местонахождения подозреваемого или обвиняемого (п. 2 ч. 2 ст. 209 УПК РФ, ч. 2 ст. 231 УПК РТ). Также возможно применение мер безопасности в рамках государственной защиты (ч. 8 ст. 208 УПК РФ) и наложение ареста на имущество как мера процессуального принуждения (ч.ч. 6, 7 ст. 208 УПК РФ).

Соответственно, представляется обоснованным мнение М.Г. Решняк, согласно которому при приостановлении предварительного следствия деятельность следователя не прекращается, а претерпевает изменения¹.

Приостановление уголовного дела представляет собой специфический режим функционирования уголовно-процессуальных правоотношений, который никоим образом не следует отождествлять с невозможностью осуществления процессуальной (или любой другой) деятельности в рамках данного дела. Несмотря на распространенность случаев, при которых после вынесения постановления о приостановлении предварительного расследования деятельность по уголовному делу фактически прекращается, подобное состояние дел не может быть оправдано нормами уголовно-процессуального законодательства.

Исследование проблемы юридической природы приостановления и возобновления производства по уголовному делу требует комплексного подхода с точки зрения рассмотрения данного явления как отдельного правового института. В рамках теоретических изысканий в области уголовного процесса существует мнение, согласно которому приостановление и возобновление не представляют собой единое целое, но являются двумя независимыми элементами². Поддерживая эту точку зрения, О.Н. Скоморохов подчеркивает, что процессы приостановления и возобновления не всегда находятся в прямой зависимости друг от друга, они могут функционировать автономно³.

М.С. Егорова акцентирует внимание на различие институтов приостановления и возобновления уголовного судопроизводства. Она отмечает, что они находятся в логической взаимосвязи, где возобновление выступает как гарантия успешного завершения дела. Однако их реализация не является неизбежной и обязательной частью уголовного процес-

¹ Решняк, М.Г. Деятельность следователя и органа дознания по розыску и установлению местопребывания обвиняемого: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / М.Г. Решняк. – М., 1998. – С. 25-25.

² Гуцев, В.Е. Процессуальные вопросы приостановления производства по уголовному делу на предварительном следствии и в суде: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.Е. Гуцев. – М., 1971. – С. 3; Дорошков, В. Приостановление производства по уголовным делам / В. Дорошков // Российская юстиция. – 2000. – № 1. – С. 40-42.

³ Скоморохов, О.Н. Возобновление уголовных дел – как самостоятельный институт уголовного судопроизводства / О.Н. Скоморохов // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. – С. 359.

са. По мнению данного автора, институт приостановления применяется лишь в строго определенных законом ситуациях, предусмотренных статьей 208 УПК РФ. В свою очередь, нормы института возобновления вступают в силу после устранения препятствий, вызвавших приостановление. Помимо этого, юридические последствия применения этих двух правовых механизмов существенно различаются¹.

По нашему мнению, приведенные позиции несостоятельны. Разность принимаемых решений в случае приостановления и возобновления производства по уголовному делу не является основанием для «расчленения» комплексного процессуального действия.

Следует помнить, что правовой институт представляет собой комплекс юридических норм, регулирующих однородные правовые отношения². В рассматриваемом контексте данное сходство проявляется в определенной группе субъектов, уполномоченных принимать решения о приостановлении и возобновлении производства по делу; во взаимосвязях обстоятельств, необходимых для принятия указанных решений; а также в содержании самих правоотношений. Ранее отмечалось, что решение о приостановлении расследования принимается в условиях наличия определённых препятствий, исключающих возможность проведения следственных действий на конкретном этапе, тогда как возобновление является юридическим следствием устранения данных препятствий. Процедуры приостановления и возобновления производства по уголовному делу связаны между собой своей процессуальной функцией: достижение целей уголовного судопроизводства становится возможным исключительно при условии тесной связи механизма приостановления с механизмом возобновления.

Также следует учитывать, что в процессе приостановления и последующего возобновления уголовного дела права и обязанности всех вовлеченных сторон подвергаются аналогичному воздействию. Возобновление производства представляет собой логическую последовательность действий, непосредственно связанную с приостановлением, направленную на восстановление возможностей для реализации прав всеми участниками данного юридического процесса.

Для аргументации тезиса о концептуальном единстве институтов приостановления и возобновления производства по уголовным делам необходимо обратиться к терминологическому определению, представленному в главе 28 УПК РФ и главе 26 УПК РТ «Приостановление и возобновление предварительного следствия». Это указывает на то, что законодатель рассматривает данные процессуальные действия как неотъемлемую часть единого комплекса правовых норм.

В научной литературе наблюдается определенная тенденция к упрощению терминологии, используемой для обозначения исследуемого процессуального института. Зачастую применяется исключительно понятие «приостановление», хотя подразумеваются также действия, связанные с последующим возобновлением расследования³. По мнению И.М. Кунова, такая терминологическая практика оказывает влияние на научное понимание данного института и формирует представления о его сути, иногда с определенными искажениями⁴.

¹ Егорова, М.С. Институт приостановления производства по уголовному делу и обеспечение прав и законных интересов участников уголовного процесса при реализации его норм: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / М.С. Егорова. – Волгоград, 2004. – С. 24-25.

² Кунов, И.М. Процессуальные полномочия прокурора по обеспечению законности приостановления уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / И.М. Кунов. – Краснодар, 2019. – С. 32.

³ Сергеев, К.А. Приостановление предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / К.А. Сергеев. – Екатеринбург, 2002. – 25 с.; Солодовник, В.В. Возникновение и развитие института приостановления предварительного следствия в российском законодательстве / В.В. Солодовник // Вестник Белгородского юрид. института МВД России. – 2010. – № 1. – С. 82-87.

⁴ Кунов, И.М. Указ. раб. – С. 33.

Анализируемый феномен свидетельствует о том, что приостановление и возобновление производства являются элементами единого комплексного процессуального института, характеризующегося системной логической взаимосвязью. Этот институт имеет сложный характер, поскольку правоотношения, регулируемые им, возникают при наличии установленных законом препятствий, которые делают невозможным проведение расследования на конкретном этапе, и продолжают существовать после устранения этих препятствий посредством принятия решения о возобновлении следственных действий.

Возобновление производства по уголовному делу ориентировано на защиту прав и законных интересов субъектов уголовного процесса, прежде всего потерпевших. Полноценное расследование и дальнейшее судебное разбирательство с вынесением справедливого и обоснованного решения служат гарантией восстановления нарушенных прав данных лиц, включая право на компенсацию причиненного вреда.

Ранее было отмечено, что при приостановлении уголовного дела прекращение следственной деятельности недопустимо. Процессуальные действия следователя должны оставаться активными и ориентированными на преодоление барьеров, препятствующих дальнейшему полноценному расследованию.

Соответственно, структурные компоненты исследуемого института приостановления и возобновления предварительного следствия включают:

- установление оснований для приостановления производства по уголовному делу;
- принятие процессуального решения о приостановлении производства;
- оформление соответствующего постановления;
- принятие решения о возобновлении расследования.

Таким образом, сущность приостановления в уголовном процессе необходимо рассматривать как нормативно регулируемую, обеспечивающую правовую защиту, комплексную, структурированную, внутренне целостную уголовно-процессуальную деятельность уполномоченных субъектов уголовного процесса, которая возникает вследствие обнаружения обстоятельств, затрудняющих продолжение расследования, и продолжается до их устранения.

Урфонзода Донишманд Садоншо
муаллими калони кафедраи ҳуқуқи маъмури ва фаъолияти маъмурии факултети №2
Академия ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон майори милитсия
sadonshev.donisch@yandex.ru

НАҚШИ ПРИНЦИПИ ЭҲТИМОЛИЯТИ БЕГУНОҲӢ ДАР ВАҚТИ БАРОВАРДАНИ ҲУКМ

РОЛЬ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ ПРИ ВЫНЕСЕНИИ ПРИГОВОРА

Чихеле ки дар Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон дарҷ гардидааст, ҳеч кас то эътибори қонунӣ пайдо кардани ҳукми суд дар содир кардани ҷиноят гунаҳгор дониста намешавад¹. Вазифаи самаранок мубориза бурдан бар зидди ҷинояткорӣ бе

¹ Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 6 ноябри соли 1994 дар раъйпурсии умумӣ қабул карда шуда 26 сентябри соли 1999, 22 июни соли 2003 ва 22 майи соли 2016 бо тариқи раъйпурсии умумӣ ба он тағйир иловаҳо ворид гардида.

риояи манфиатҳои қонунии инсон дар муурофияи ҷиноятӣ ғайриимкон аст, ки ба яке аз онҳо принципи эҳтимолияти бегуноҳӣ дохил мешавад.

Принципи эҳтимолияти бегуноҳӣ асосгузори принципҳои демократии муурофияи ҷиноятӣ ба ҳисоб рафта, ба судшаванда ҳуқуқ ба ҳимояро таъмин намуда, аз ҳама шакли айбдоркунии беасос ҳафозат менамояд.

Айбдоркунии шахси бегуноҳ ба ғайр аз оне, ки зарари ҷисмониву руҳӣ ба судшаванда мерасонад, боз ба он оварда мерасонад, ки ҷинояткори ҳақиқӣ бечазо мемонад ва фаъолияти ҷинояткоронаи худро идома медиҳад.

Принципи эҳтимолияти бегуноҳӣ танзимгари муҳими рафти муурофияи ҷиноятӣ ба ҳисоб рафта, муаянкунандаи вазифа ва ўҳдадориҳои айбдоршаванда ва мақомоти таъқиби ҷиноятӣ баромад намуда, муқобили ҳамагуна фаъолияти ҷиноятӣ аст. Бояд зикр намоем, ки принципи эҳтимолияти бегуноҳӣ андешаи объективии иштирокчиёни муурофияи ҷиноятӣ оиди гунаҳгорӣ ва бегуноҳии судшаванда аст, на мавқеи субъективонаи онҳо. Чихеле, ки К.Н. Голиков қайд менамояд: “судшавандаро то он даме, ки гунаҳгор будани ў ҳақиқатан исбот нашавад, қонун бегуноҳ мешуморад”¹.

Қонун муайян мекунад, ки мақомоти таъқиби ҷиноятӣ ва суд дар ҳолати шахсро дар содри намудани ҷиноят эҳтимолан гунаҳгор ҳисобидан чигуна амал кунанд ва дар ҳолати далелҳои ҷамъовардашудаи онҳо тасдиқи худро намеёбанд ва гуноҳи судшаванда исбот намешавад чӣ чора андешанд.

Дар амалияи муурофияи ҷиноятӣ ҳолатҳое чой доранд, ки суд ҳукми айбдоркунани худро бо вайрон кардани принципи эҳтимолияти бегуноҳӣ содир мекунад². Яъне, суде, ки ҳукми айбдоркунӣ мебарорад далелҳои шубҳанокро вобаста ба гунаҳгории судшаванда дақиқан ҳал намекунад³. Вобаста ба ин қ.4 м.15 Кодекси муурофиявии ҷиноятӣи Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КМҚ ҚТ) муқаррар кардааст, ки агар чунин ҳолатҳо дар парвандаи ҷиноятӣ мавҷуд бошад, суд бояд ҳукми сафедкунӣ қабул намояд. Мутобиқи м.6 Конвенсия “Дар бораи ҳимояи ҳуқуқ ва озодиҳои асосии одам”: ҳукм он вақт қонунӣ будан метавонад, ки дар натиҷаи муурофияи объективона ва одилона бароварда шавад⁴. Ин масъала дар қарори Пленуми Суди Олии Федератсияи Руссия “Дар бораи ҳукми судӣ” дар банди 1 айнан қайд шудааст⁵.

Ҳукм дар қ.29 м.6 КМҚ ҚТ чунин муайян шудааст: Ҳукм - қарори суди марҳилаи якум дар бораи гунаҳгор ё бегуноҳ будани судшаванда бароварда мешавад. Аммо дар КМҚ ҚТ муҳтавои ҳукм пурра оварда нашудааст. Дар боби 36 аз моддаҳои 332-352 Кодекси мазкур вобаста ба баровардани ҳукм тартиби муайяне муқаррар гардидааст, аммо қонунӣ будани ҳукм натавонанд бо риояи Кодекси муурофиявии ҷиноятӣ амалӣ мешавад, балки дар вақти баровардани ҳукм бандубасти дуруст ва баҳо ҳуқуқӣ додан ба кирдор тибқи талаботҳои Кодекси ҷиноятӣи ҚТ нақши ҳалкунанда дорад. Ғайр аз ин дар ҳукм талаботи Конституцияи ҚТ, меъёрҳои

¹ Голиков К.Н. Презумпция невиновности в уголовном судопроизводстве // Российское правосудие. 2018. № 1 (141). С. 91-98.

² Постановление пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 n 55 «О судебном приговоре».

³ Урфонзода Д.С. Постановление пленума Верховного суда РФ от 29.11.2016 n 55 «О судебном приговоре»: президиум презумпции невиновности. Развитие юридической науки в современных условиях: теория и практика: материалы VI международной научно-практической конференции (Душанбе, 31 октября 2018 г.). - Душанбе: РТСУ, 2018. - С. 215-219.

⁴ Конвенция о защите прав человека и основных свобод, также Европейская конвенция по правам человека (ЕКПЧ) – международное соглашение между странами – участниками Совета Европы (на момент 1950-х), разработанное и подписанное в 1950 году и вступившее в силу 3 сентября 1953 года.

⁵ Постановление пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 ”О судебном приговоре”.

байналмилалие, ки Тоҷикистон онҳоро эътироф кардааст, қонунҳои соҳавии дигари Тоҷикистон ва санадҳои меъёрии ҳуқуқие, ки ба КМҚ ҚТ муҳолифат намекунад, қарорҳои Суди Конституционӣ ва Суди Олии ҚТ ба инобат гирифта мешаванд.

Яке аз бандҳои принсипи эҳтимолияти бегуноҳӣ ҳаминаро талаб мекунад, ки “ҳукми айбдоркунии суд дар асоси тахмин бароварда намешавад”. Дар ин баробар дар вақти баровардани ҳукм бояд вазъи содиршавии ҷиноят, шакли ҷиноят, ҳолатҳои сабуқкунанда ва вазнинкунанда агар вазъияти судшавандаро сабуқ кунанд ба ғоидаи ӯ ҳал карда мешаванд¹. Хусусияти амаликунии принсипи эҳтимолияти бегуноҳӣ дар баровардани ҳукм ба он асос меёбад, ки гуноҳи судшаванда бояд бо тартиби муқаррарнамудаи қонун исбот карда шавад, инчунин дар ин баробар риояи ҳуқуқ ба ҳимоя ва дигар кафолатҳои муурофиавии судшаванда ҳатман таъмин карда шаванд. Ҳукм ин ҳуҷҷати муурофиавии ниҳоиест, ки гунагор будан ё набудани шахси ба ҷавобгарии ҷиноятӣ ҷалбгардидаро дақиқан муайян мекунад. Аз ин рӯ дар ҳукм бояд ҳолатҳои шикоятӣ судшаванда ё ҳимоятгари ӯ вобаста ба истифодаи усулҳои қайриқонунии ҷамъоварии далелҳо дар марҳилаи то судӣ ба инобат гирифта шавад, агар шикоятҳо вобаста ба ҳолати номбурда шубҳаҳои рафънашавандаро ба вуҷуд оранд ё тасдиқи худро ёбанд, тибқи талаботи принсипи эҳтимолияти бегуноҳӣ бояд ҳукми сафедкунӣ содир шавад. Дар баъзан мавридҳо вобаста ба ҳолати зикршуда парвандаи ҷиноятӣ ба тафтишоти иловагӣ бар гардонида мешавад, ки ин ҳолат ҳуқуқ ба эҳтимолити бегуноҳиро вайрон мекунад.

Ҳукм аз ҷониби суд воқеъбинона ва одилона баррасӣ кардани вазъиятро талаб мекунад, дар ҳукм бояд далелҳои ба инобат гирифта шаванд, ки гунаҳгорӣ ё бегуноҳии судшавандаро дақиқан тасдиқ мекунад. Чихеле, ки муҳаққиқони рус Е.А. Иванченко, В.Ю. Гулакова қайд менамоянд: “Як вайронкунии принсипи эҳтимолияти бегуноҳӣ дар ҳукм ин аст, ки ба далелҳои, ки гунагории судшавандаро наметавонанд дақиқан баҳо диҳанд безътиной зоҳир гардида, ҳукми айбдоркунии бароварда мешавад”², ки ин ҳолат одилона будани ҳукми айбдоркуниро зери суол мемонад. Принсипи эҳтимолияти бегуноҳӣ аз суд талаб мекунад, ки дар асоси маҷмӯи далелҳои пешниҳодгардида ва ҳаматарафа санчидашуда вобаста ба эътиқоди ботинии худ баҳо диҳад³. Эътиқод ботинии суд бояд бо далелҳои асосӣ ёбад, на бо тахминҳо ва эҳсосот. Агар суд ба гуноҳи судшаванда шубҳаи рафънашавандаи дошта бошад, вазифадор аст ҳукми сафедкунӣ содир намояд.

Дар охир ҳаминаро бояд қайд намоем, ки принсипи эҳтимолияти бегуноҳӣ натавонанд эълонии расмӣ, балки принсипи асосии адолат аст, ки бояд тамоми амалҳои судро ҳангоми баровардани ҳукм муайян кунад. Риояи эҳтимолияти бегуноҳӣ шартӣ ҳатмии қонуният, асоснокӣ ва адолати ҳукми судӣ аст.

¹ Урфонзода Д.С. Постановление пленума верховного суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре»: президиум презумпции невиновности. Развитие юридической науки в современных условиях: теория и практика: материалы VI международной научно-практической конференции (Душанбе, 31 октября 2018 г.). - Душанбе: РТСУ, 2018. - С. 215-219.

² Иванченко Е.А. Гулакова В.Ю. Соблюдение принципа презумпции невиновности в деятельности суда // Юридические науки. Базис. 2018. № 1(3). С.50-52.

³ Гриненко А.В. Постатейный научно-практический комментарий к УПК Российской Федерации 2-е издание, перераб. и доп. – М.: Проспект, 2019. С.75.

ШАРИФЗОДА ХУШБАХТ ШАРИФ
соискатель кафедры уголовного процесса факультета № 2 Академии МВД
Республики Таджикистан, начальник отделения УБОП МВД
Республики Таджикистан, майор милиции
khushbakht_2909@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ ДОСУДЕБНОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Вопросы обеспечения безопасности участников досудебного уголовного процесса заключается в многоплановости существования проблематики обеспечения жизненных ценностей и благи личности в современном национальном уголовном судопроизводстве, в важности социально-политического и правового значения данного института, в затрагивании теоретических и практических основ обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, в выявлении недостатков обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, в внесении предложений и рекомендаций теоретического и практического характера, направленных на всемерное обеспечение прав и законных интересов личности, в совершенствовании национального уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан в этой области.

По законодательству Республики Таджикистан, права и законные интересы человека и гражданина относятся к категории высшей ценности, что напрямую вытекает из норм Конституции страны¹. На этом основании, в условиях резких перемен и социально-правовых реформ в области уголовного судопроизводства, особое значение приобретает вопрос теоретического и практического анализа совершенствования механизмов обеспечения безопасности лиц, которые являются участниками уголовного судопроизводства.

В соответствии со ст. 2 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан, одной из основных задач современного уголовного судопроизводства, является именно обеспечение безопасности всех его участников не только при судебном разбирательстве, но и в досудебной стадии, на началах совершения преступления, возбуждения уголовного дела или, при проведении предварительного следствия. Реализация этих предложений на наш взгляд – это необходимый шаг в направлении дальнейшей демократизации уголовного судопроизводства, развития его основных начал, являющихся прочным средством обеспечения жизненных благ и ценностей всех участников уголовно-процессуальной деятельности.

Институт государственного обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства – это комплексное понятие, исследование которой требует особого подхода, и было бы несправедливым ограничивать рассмотрение такой проблематики лишь на уровне государственной политики. Обезопасить лицо, которое участвует в уголовном судопроизводстве задача не только уполномоченных государственных органов, а теоретическо-правовое исследование или осмысление данного института может сыграть фундаментальное значение в ее практической реализации.

Формирование правовой основы государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного процесса является одним из проблемных вопросов совре-

¹ Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г., с изменениями и дополнениями от 26 сентября 1999 г., 22 июня 2003 г. и 22 мая 2016 гг.

менного уголовного судопроизводства, с которым и в настоящем этапе своего развития столкнулась Республика Таджикистан.

В Таджикистане институт государственной защиты участников уголовного судопроизводства проходит этапы становления и развития. Однако, можно с уверенностью утверждать, что нормативная правовая база в целом уже сформирована и постепенно совершенствуется законодателем.

Закон Республики Таджикистан «О государственной защите участников уголовного судопроизводства»¹, в свою очередь заложил основы системы государственной защиты участников уголовного судопроизводства. В рамках реализации данного закона Правительством Таджикистана был принят ряд постановлений² и других документов, а правоохранительными органами были приняты ведомственные нормативные правовые акты по непосредственной реализации положений законодательства о государственной защите (в основном для служебного использования).

Таким образом, государственную защиту участников уголовного судопроизводства можно определить как комплексный межотраслевой институт, урегулированный различными нормативными правовыми актами, Республики Таджикистан.

В целях совершенствования данного института в Республике Таджикистан были приняты отдельные нормативные правовые акты, которые имеют большое значение для определения правового статуса государственного обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. Однако, частые изменения национального уголовно-процессуального законодательства повлекли за собой существенные проблемы, касающиеся регулирования государственного обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, что такой подход исследования свидетельствует об актуальности темы исследования и ее значимости для науки таджикского уголовно-процессуального права, для законотворческой, правоприменительной деятельности государственных правоохранительных органов Республики Таджикистан.

Оптимизация данного института в свою очередь предполагает совершенствование и обмен опытом, заимствование и использование передового опыта в данной области. В рамках данного обоснования³, представители Академии МВД Республики Таджикистан

¹ О государственной защите участников уголовного судопроизводства: закон Республики Таджикистан от 29 декабря 2010 г. за № 644 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2010. – № 12. – Ст. 806.

² О Государственной программе обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства на 2013-2016 гг.: постановление Правительства Республики Таджикистан от 02.11.2012 г., № 604; О порядке защиты сведений об осуществлении государственной защиты участников уголовного судопроизводства: постановление Правительства Республики Таджикистан от 01.03.2012 г., № 101 (в ред. Постановления Правительства Республики Таджикистан от 02.03.2013 г., № 112); О порядке оказания содействия лицам, подлежащим государственной защите, в изменении постоянного или временного места работы (службы) или учебы: постановление Правительства Республики Таджикистан от 02.05.2013 г., № 213; Об утверждении порядка и размеров выплаты единовременных пособий участникам уголовного судопроизводства, в отношении которых применяются меры социальной поддержки: постановление Правительства Республики Таджикистан от 30.06.2012 г., № 339 (в ред. Постановления Правительства Республики Таджикистан от 02.03.2013 г., № 112); Об утверждении видов специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности, выдаваемых защищаемому лицу и порядок их выдачи: постановление Правительства Республики Таджикистан от 02.11.2011 г., № 538 (в ред. Постановления Правительства Республики Таджикистан от 02.03.2013 г., № 112).

³ Данная проблема в совсем ином ракурсе была проанализирована и опубликована в работе: Юлдошев Р.Р. О совершенствовании Закона Республики Таджикистан «О государственной защите участников уголовного судопроизводства» // Материалы Республиканской научно-практической конференции «Государственная защита участников уголовного процесса как один из важных аспектов обеспечения прав человека» (14 марта 2014 г.), 2014. – С. 99-103; Юлдошев Р.Р. Уголовно-процессуальные аспекты оптимизации Закона Республики Таджикистан «О государственной защите участников уголовного судопроизводства» и создание специального бюро по государственной защите лиц на территории государств-участников СНГ // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2014. – № 4 (24). – С. 47-53; Юлдошев Р.Р., Одилов, М.А. Теория и

попытались осветить некоторые проблемы правоприменительной практики и предложить свои рекомендации по ее совершенствованию.

Прошло уже свыше десяти лет с момента принятия закона о государственной защите, которое положительно характеризуется¹ и вместе с тем, в ряде научных работ подвергается весьма серьезной научной критике².

В рамках детального изучения и обобщения передового опыта в сфере обеспечения государственной защиты участников уголовного судопроизводства по инициативе Министра внутренних дел Республики Таджикистан, генерал-полковника милиции Р.Х. Рахимзода 14 марта 2014 г. была организована и проведена специальная конференция³.

В настоящее время, в рамках научной специальности 12.00.09 – Уголовно-процессуальное право со стороны российских ученых подготовлено немало докторских⁴ и кандидатских диссертаций⁵.

практика обеспечения безопасности лиц, подлежащих государственной защите в Республике Таджикистан // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 68-й годовщине со дня принятия Всеобщей декларации прав человека, г. Уфа, 8 декабря 2016 года : в 5 ч. Ч. I / под общ. ред. Р.В. Нигматуллина. – Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2017. – С. 19-30.

¹ Рахимов Р.Х. Государственная защита участников уголовного судопроизводства. – Душанбе: «Ирфон», 2013. – 88 с.; Рахимов Р.Х. Государственная защита участников уголовного судопроизводства. – Душанбе: «Ирфон», 2014. – 100 с.

² Рахимов М.С. Государственная защита участников уголовного судопроизводства // Правовая жизнь. – 2013. – № 2 (02). – С. 68-82; Он же. Государственная защита участников уголовного судопроизводства: история и сегодня / Материалы республиканской научно-практической конференции «Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан: достижения и перспективы развития» (24 октября 2012 г.); Он же. Некоторые проблемы государственной защиты участников уголовного судопроизводства : материалы республиканской научно-практической конференции «Декларация ООН по десятилетию (2013-2022) международного сближения культур (16-19 апреля 2013 г.) // Актуальные вопросы судебного права, прокурорской деятельности и пресечение преступности в Республике Таджикистан (материалы научно-теоретических конференций): под ред. Махмудова И.Т. – Душанбе: «Образование и культура», 2013. – С. 122-149; 224-237; Он же. Предпосылки становления государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Республике Таджикистан / Судебные реформы в Таджикистане: проблемы и пути решения (материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 40-летию кафедры судебного права и прокурорского надзора Таджикского национального университета (26 декабря 2013 г.) // под ред. Махмудова И.Т. – Душанбе: «Сино», 2014. – С. 80-292; Он же. Рахимзода М. С. Государственная защита участников уголовного процесса : состояние правового регулирования, практика и перспективы его развития : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Рахимзода Муъмин Сайфулло. – Душанбе, 2020. – 245 с.; Он же. Государственная защита участников уголовного процесса Республики Таджикистан : монография / под ред. д.ю.н., проф. З.Х. Искандаров. – Душанбе: «ЭР-граф», 2021. – 336 с.

³ Ҳимояи давлатии иштирокчиёни муҳофизати ҷиноятии чун яке аз ҷанбаҳои ҳимояи ҳуқуқи инсон: маводи конференсияи илмӣ-амалии ҷумҳуриявӣ (ш. Душанбе, 14 март соли 2014). – Душанбе: ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, 2014. – 176 с.

⁴ Зайцев О.А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации: дис. ... д.ю.н. – М., 1999. – 446 с.; Брусницын Л.В. Теоретико-правовые основы и мировой опыт обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: дис. ... д.ю.н. – М., 2002. – 520 с.; Епихин А.Ю. Концепция обеспечения безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д.ю.н. – Н. Новгород, 2004. – 42 с.; Дмитриева А.А. Теоретическая модель безопасного участия личности в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д.ю.н. – М., 2017. – 474 с. и др.

⁵ Марченко С.Л. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1994; Тихонов А.К. Уголовно-процессуальные меры обеспечения чести, достоинства и личной безопасности потерпевших и свидетелей: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1995; Вавилова Л.В. Организационно-правовые проблемы защиты жертв преступлений (по материалам зарубежной практики): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1995; Брусницын Л.В. Правовое обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1997; Войников В.В. Тактика обеспечения безопасности в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002; Евстратенко Е.В. Защита свидетелей и потерпевших в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004; Мальцева Н. В. Правовое регулирование обеспечения безопасности потерпевших и свидетелей из числа осужденных к лишению

Как нам представляется, оптимизация законодательства о государственной защите, как в тексте закона, так и в правоприменительной практике, нуждается в точечном прогнозировании и принятии конкретных мер реагирования.

Вышеприведенные положения свидетельствуют о необходимости продолжения научных исследований по решению проблемы обеспечения безопасности участников уголовного досудебного производства. Представляется также актуальным и своевременным определение теоретических и практических основ осуществления государственного обеспечения безопасности участников досудебного уголовного производства, в разработке правовых конструкций и средств, которые позволяют усовершенствовать практическую реализацию данного института.

ШАТОВ НИКИТА АЛЕКСАНДРОВИЧ
адъюнкт адъюнктуры Уральского юридического института МВД России,
лейтенант полиции
nikshatov2013@yandex.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОРЯДКА ИЗБРАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В РОССИИ И РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Право на свободу и личную неприкосновенность является одним из важнейших прав человека, охраняемое как национальным, так и международным законодательством в абсолютном большинстве стран мира. Ограничение данного права в соответствии с положениями Конституции РФ допускается только на основании федерального закона с целью охраны публичных интересов государства и прав других лиц¹. Одними из средств ограничения права на свободу человека являются предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством меры пресечения, самой строгой из которых является заключение под стражу.

Как отмечает В.А. Михайлов, «суть системы принуждения заключается в том, что она направлена на противостояние свободе воли человека, а ее главной целью является помещение индивида под стражу²». Заключение под стражу представляет собой фактическое ограничение свободы лица, заключающееся в помещении его в специализированное помещение с целью недопущения оказания им противодействия органам, осуществляющим предварительное расследование и правосудие по уголовным делам. Поскольку ограничения, которые претерпевает лицо, заключенное под стражу, носят столь строгий характер, необходимо, чтобы порядок её избрания и применения был максимально подробно регламентирован с целью недопущения незаконного и необоснованного ограничения прав

свободы: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006; Авдеев М.А. Теоретические и правовые основы обеспечения личной и имущественной безопасности участников уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009; Ширитов А.Б. Государственная защита участников уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011; Ланшаков Д.С. Уголовное преследование по делам о разглашении сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ульяновск, 2021.

¹ Конституция Российской Федерации: с изменениями, одобренными общероссийским 11 голосованием 1 июля 2020 года: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. – М.: Эксмо, 2021. – 89 с.

² Михайлов, В.А. Отдельные положения о мерах пресечения в уголовном процессе Республики Таджикистан / В.А. Михайлов // Публичное и частное право. - 2017. - № 2 (34). - С. 53.

и свобод обвиняемого (подозреваемого) и однородности судебной практики на всей территории государства.

Мера пресечения в виде заключения под стражу представлена в законодательстве многих стран, однако особый интерес представляют нормы Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (далее – УПК РТ).

Актуальность данной работы определяется тем, что правовые нормы, регламентирующие особенности избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу несовершенны в законодательстве обеих стран. В связи с этим предполагается, что сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуального законодательства позволит выявить разного рода правовые проблемы и на этой основе составить пути их решения, в частности путём взаимного заимствования правовых норм уголовно-процессуальных законов России и Таджикистана.

Порядок избрания и применения данной меры пресечения в Российской Федерации и Республике Таджикистан имеет большое количество как общих черт, так и различий. Так, в обоих государствах заключение под стражу избирается решением суда, однако в УПК РТ круг субъектов, имеющих право ходатайствовать об этом, дополняется прокурором¹, в отличие от положений части 3 статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), где указывается, что таким полномочием обладают только следователь и дознаватель². Такое полномочие прокурора, безусловно, заслуживает внимание, однако представляется, что в уголовно-процессуальном законодательстве России оно не возымело бы должного эффекта, поскольку на стадии предварительного расследования уголовное дело находится в производстве следователя (дознавателя), которые и должны ходатайствовать об избрании данной меры пресечения в целях выполнения задач уголовного судопроизводства и недопущения оказания разного рода противодействия со стороны уголовно-преследуемых лиц. Прокурор в этом случае принимает участие в избрании меры пресечения, обеспечивая законность, обоснованность и мотивированность её избрания непосредственно в судебном заседании. Он может как поддержать ходатайство следователя (дознавателя), так и выступить с предложением избрать более мягкую меру пресечения или не применять вовсе. Полагаем, что такой формат участия прокурора в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в УПК РФ является оптимальным и совершенствования не требует.

Также хочется отметить, что УПК РФ в случае ходатайства следователя перед судом об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу предусматривает необходимость получения согласия на это от руководителя следственного органа, в то время как в УПК РТ требуется разрешение прокурора. В Постановлении Пленума Верховного Суда РТ указано при этом, что внесение суду ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу без согласия прокурора запрещается, поскольку обратное влечет непринятие ходатайства судом. Такой подход в российском уголовно-процессуальном законе не реализован³.

Видится, что правовая конструкция, существующая в УПК РФ призвана обеспечить процессуальную самостоятельность следователя от прокурора, что безусловно является положительным опытом, заимствование которого в таджикское уголовно-процессуальное

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03.12.2009, № 564 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.01.2024 г.) // Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2009, № 8. – Ст. 1588.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.10.2024).

³ Юнусов, М.Д. К вопросу о процессуальных гарантиях подозреваемому (обвиняемому) по делам экономической направленности при применении к ним меры пресечения в виде заключения под стражу / М.Д. Юнусов // Закон и право. – 2024. – № 6. – С. 276.

законодательство способствовало бы более объективному и беспристрастному осуществлению предварительного следствия.

Говоря о различиях, хочется отметить, что нормы УПК РФ и УПК РТ предусматривают различные условия, необходимые для заключения лица под стражу. Так, в УПК РФ данная мера пресечения может избраться в отношении обвиняемых (подозреваемых), в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет. В свою очередь, в УПК РТ допускает возможность заключить под стражу лицо, совершившее преступление, за которое предусмотрено наказание на срок свыше 2 лет.

Необходимо отдельно остановиться на сравнительно-правовом анализе правовых норм, регулирующих заключение под стражу несовершеннолетних в Российской Федерации и Республике Таджикистан. Так, УПК РФ предусматривает возможность применения данной меры пресечения к несовершеннолетним обвиняемым (подозреваемым) за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, а также в исключительных случаях за совершение преступлений средней тяжести¹. В это же время в УПК РТ позволяет заключать несовершеннолетних под стражу исключительно за совершение тяжких и особо тяжких преступлений.

Также в соответствии с ч. 3 ст. 427 УПК РТ, срок содержания под стражей несовершеннолетнего в качестве меры пресечения на предварительном следствии в порядке, установленном ст. 112 кодекса, может быть продлен до шести месяцев. В то же время российское уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает каких-либо особенностей в отношении условий содержания под стражей несовершеннолетних. К этой категории лиц применяются общие правила о продлении срока содержания под стражей. В этой связи Ю.Ё. Рузиев справедливо отмечает, что порядок заключения под стражу несовершеннолетних не согласуется с положениями Конвенции о правах ребенка, согласно которым арест ребенка осуществляется в соответствии с законом лишь в качестве крайней меры и в течение как можно более короткого соответствующего периода времени². Исходя из этого видится возможность использования положительного опыта Таджикистана в рамках оптимизации порядка избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних.

Таким образом, действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации и Республики Таджикистан в области порядка избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу преимущественно имеет общую концепцию и большое количество общих черт, однако, несмотря на это в нём имеются разного рода различия, некоторые из которых целесообразно было бы взаимно внедрить в уголовно-процессуальные законы этих стран с целью оптимизации данной меры пресечения.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.10.2024).

² Рузиев, Ю.Ё. Основания и порядок применения меры пресечения в виде заключения под стражу в Таджикистане и России (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ю.Ё. Рузиев; – М., 2019. – 202 с.

МАҶМУАИ МАВОДДИ КОНФЕРЕНСИЯИ ИЛМӢ-АМАЛИИ
БАЙНАЛМИЛАЛИИ «15-СОЛАГИИ КОДЕКСИ МУРОФИАВИИ ҶИНОЯТИИ
ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН: ВАЗӢЯТ ВА ДУРНАМО»
(ш. Душанбе, 03 декабри с. 2024)

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«15-ЛЕТИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ»
(г. Душанбе, 03 декабря 2024 г.)

734012, г. Душанбе, улица М. Мастонгулова, 3
Академия МВД Республики Таджикистан
Тел.: + (992 37) 226 28 01
Факс: + (992 37) 226 60 43

Отправлено в печать 20.02.2025 г. подписано в печать 27.02.2025
Размер 60x84, 1/16, 6,1 п.л
Гарнитура «Times New Roman», «Times New Roman Tj»
Количество экз. 200, Заказ №

Отпечатано в Типографии МВД Республики Таджикистан
734018, г. Душанбе, улица Борбад, 5

